

33-2
Т 81

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Библиотека Ученых "Левый"
Левый. Ком. Унив. инт. 1923 г.
Инвентарь, № 643/1

Госиздат
1933 г.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКИХ КРИЗИСОВ
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ

4-е ИЗДАНИЕ

1686

С 18-ю диаграммами в тексте

Киевский
БИБЛИОТЕКА
№ 1686
1923 г.
ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
ПЕТРОГРАД — 1923 — МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

История кризисов.

	Стр.
Предисловие к третьему изданию	7
Из предисловия ко второму изданию	10
Глава I.	13
Состояние английского народного хозяйства в начале XIX века.—Суконная промышленность.—Преобладание мелкого самостоятельного производства.—Слабая дифференциация обрабатывающей промышленности и земледелия.—Хлопчатобумажная промышленность.—Развитие крупного фабричного производства.—Влияние войны с Францией на английское хозяйство.	
Глава II.	23
Победа крупного производства.—Изменение торговой системы.—Преобразование законов о бедных.—Фабричное законодательство.—Обеднение массы английского населения.—Падение заработной платы.—Борьба фабрики с домашней промышленностью.—Результаты промышленной революции.	
Глава III.—Кризисы второй четверти XIX века.	33
Общая характеристика колебаний английской промышленности.—Кризис 1825 г.—Открытие южно-американского рынка.—Спекуляции с южно-американскими ценностями.—Учредительская мания.—Постройка новых хлопчатобумажных фабрик.—Отлив английского капитала в Южную Америку.—Причины кризиса.—Кризис 1836 г.—Хорошие урожаи.—Отлив капитала в Соединенные Штаты.—Спекуляции с государственными землями.—Биржевой кризис 1835 г.—Характер спекулятивной горячки 1836 г.—Циркуляр президента Джексона.—Различие отлива золота за границу и внутрь страны.—Сравнение кризисов 1836 и 1825 г.г.—Денежный кризис 1839 г.—Влияние американских спекуляций.—Отсутствие отлива золота внутрь страны.—Промышленный застой начала 40-х годов.—Кризис 1847 г.—Хорошие урожаи.—Постройка железных дорог.—Биржевой кризис 1845 г.—Неурожаи 1846 и 47 г.г.—Сокращение вывоза.—Почему английский капитал не уходил за границу.—Изменение дисконтной политики Английского Банка.—Колебания цены хлеба.—Приостановка действия банковского акта 1844 г.—Отличие кризиса 1847 г. от предшествовавших кризисов.	
Глава IV.	80
Влияние свободной торговли, постройка железных дорог и открытие золота в Калифорнии и Австралии на состояние английского народного хозяйства.	
Глава V.—Кризисы 50-х и 60-х годов.	90
Характер колебаний английской промышленности за это время.—Кризис 1857 г.—Мировое распространение его.—Отлив европейского капитала в Соединенные Штаты.—Спекуляции с государственными землями и железными дорогами.—Скопление в нью-йоркской таможне непроданных товаров.—Падение хлебных цен и банкротства.—Роль английского капитала в американских спекуляциях.—Кризис в Англии.—Одновременный отлив золота внутрь страны и за границу.—Приостановка акта Роберта Пия.—Угнетенное состояние желе-	

Тар. 5.000 экз.

Петрооблит. № 3899.

Военная Типография Шт. Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

зодделательной промышленности.—Денежный кризис 1864 г.—Отлив металла на восток.—Дисконтная политика Английского Банка.—Кредитный кризис 1866 г.—Влияние «хлопкового голода» на общее состояние английской промышленности.—Акционерные компании.—Грюндерство.—Крушение фирмы Overend and Co.—Паника.—Третья приостановка акта Роберта Пила.—Сравнение кризиса 1866 г. с другими.—Почему промышленные кризисы происходят осенью.—Промышленный застой конца 60-х годов.

а VI. 118

Падение промышленного первенства Англии.—Замедление роста английской промышленности и торговли.—Падение товарных цен.—Усиление конкуренции на мировом рынке.—Протекционизм.—Конкуренция Германии.—Изменение распределения народного производства.—Падение посреднической торговли Англии.

а VII.—Периодические колебания промышленности в последние десятилетия XIX века. 124

Характеристика этих колебаний.—Изменение их сравнительно с прежним временем.—Отсутствие резких скачков.—Кризис 1873 г.—Венский биржевой крах.—Американский кризис.—Спекуляция на лондонской фондовой бирже.—Англия избежала кризиса.—Промышленный застой 80-х годов.—Падение товарных цен.—Чем оно было вызвано.—Изменение условий транспорта.—Английское земледелие.—Усиление конкуренции во всем мире.—Акционерные компании.—Крах Бэринга и застой 90-х годов.—Аргентинские спекуляции.—Необычайное развитие этой страны.—Грюндерство.—Крушение Бэринга.—Англия опять избежала кризиса.—Застой промышленности 1892—94 г.г.—Промышленные кризисы в Австралии и Америке.—Почему в Англии кризисы прежнего типа прекратились.

а VIII.—Периодические колебания английской промышленности в новейшее время. 142

Общий характер колебаний английской промышленности в новейшее время.—Промышленный цикл остается, но прежние промышленные кризисы прекратились.—Депрессия 1901—04 г.г.—Ее слабость сравнительно с германским промышленным кризисом.—Депрессия 1908—09 г.г.—Ее слабость сравнительно с американским промышленным кризисом.

ЧАСТЬ II.

Теория кризисов.

Теория рынка.

а I.—Круговорот общественного капитала 153

Товарная, денежная и производственная формы капитала.—Проблема рынка.

а II.—Теория рынка классической школы 157

Сэ.—Невозможность общего перепроизводства.—Полемика с Мальтусом.—Рикардо.—Учение о накоплении капитала.—Д. С. Милль.—Слабые стороны теории Сэ и его школы.

а III.—Теория рынка Мальтуса-Сисмонди и школы Маркса 165

Мальтус.—Его полемика с Сэ.—Чомерс.—Моффат.—Сисмонди.—Возникновение избыточного продукта.—Внешний рынок, как место помещения избыточного продукта.—Взгляды Энгельса на проблему рынка.—Маркс.—Его школа.—Ревизионисты.—Экономисты других направлений.—Теория рынков русских родников.

Глава IV.—Разрешение проблемы рынка 182

Постановка проблемы в экономической таблице Кенэ.—Схемы Маркса.—Воспроизведение общественного капитала в одних и тех же размерах.—Воспроизведение общественного капитала в возрастающих размерах.—Фетишизм капиталистического хозяйства.—Парадоксы капитализма.—Эластическая повязка капитализма.—Фактическое обоснование теории рынка.

Глава V.—Теории кризисов 207

Теории производства.—Сэ, Рикардо, Вильсон, Бэдждот, Джевонс, Энгельс, Каутский.—Теория обмена.—Лавеле, Жюглар, Милль.—Теория распределения.—Сисмонди, Дюринг, Геркнер, Ролбертус, Милль, Джордж.

Глава VI.—Причины периодичности кризисов 239

Характер этой периодичности.—Ошибочное мнение Джевонса.—Закономерность колебаний цен железа.—Периодическое создание основного капитала.—Железнодорожное строительство.—Спекуляция с недвижимостями.—Непрерывность накопления свободного денежного капитала.—Различия накопления денежного и производительного капитала.—Связь кризисов с низким дисконтным процентом.—Невозможность непрерывного расширения производства.—Биржевые кризисы.—Внешняя торговля.—Влияние ее на английские кризисы.

ЧАСТЬ III.

Социальное значение кризисов.

Глава I.—Влияние промышленного цикла на народную жизнь 259

I. Периодические колебания английской народной жизни во второй четверти XIX в.—Общая характеристика экономического положения массы английского населения за это время.—Причины обеднения народной массы.—Ручные ткачи.—Периодические колебания народной жизни.—Влияние нового закона о бедных.—Непостоянство заработка.—Меры, проектированные комиссией 1830 г.—II. Колебания народной жизни в 50-е и 60-е годы.—Хлопковый голод.—Иоркширская стачка 1858 г.—Значение промышленных колебаний для предпринимателей и рабочих.—III. Колебания в последние десятилетия прошлого века.—Изменение характера этих колебаний.—Постоянство заработной платы.—Значение рабочих союзов.—IV. Колебания в новейшее время.—Исчезновение связи между промышленным циклом и колебаниями народной жизни.

Глава II.—Чартизм 303

Движение безработных во время промышленного зстоя 20-х годов.—Разрушение ткацких машин в 1826 г. в Блэкбурне и других городах.—Безработица 1829 г.—Чартизм.—Связь чартизма с безработицей.—Новый закон о бедных.—Агитация против этого закона.—Возникновение агитации в пользу «народной хартии».—Внутреннее противоречие политической программы чартизма и его социальных причин.—Представители политического направления в чартизме.—Представители социального течения.—Отсутствие положительной программы социальных реформ.—Чартистские митинги.—Первая национальная петиция чартистов.—Безработица и нужда населения в начале 40-х годов.—Вторая национальная петиция.—Речь Дизраэли в парламенте.—Упадок чартизма при оживлении торговли.—«Аграрный план» О'Коннора.—Чем вызывалось стремление «назад на землю».—Романтически-утопический характер этого стремления.—Последняя вспышка чартизма во время безработицы 1848 г.

Глава III.—Хлопковый голод	340
Влияние хлопкового голода на фабрикантов и рабочих.—Безработица.—Борьба рабочих с обязательным трудом.—Парламентские дебаты.—Позиция Брайта.—Равнодушные фабриканты к страданиям рабочих.—Защита Кобденом интересов фабрикантов.—Меры, принятые правительством и имущими классами для облегчения нужды.—Речь Гладстона.—Волнения рабочих в Стэльбридже и других городах.—Движение в пользу эмиграции.—Упорное сопротивление фабрикантов этому движению.—Общественные работы.—Результаты хлопкового голода.	
Глава IV.—Новейшие движения безработных	360
Безработица 70-х годов.—Стачки хлопчатобумажных рабочих в 1878 г.—Упадок тред-юнионизма.—Изменение воззрений английских рабочих в 80-е годы.—Безработица 80-х годов.—Агитация „Социал-демократической Федерации“.—Беспорядки 8 февраля 1886 г.—Чрезвычайное усиление влияния „Федерации“.—Митинги безработных на Трафальгурской площади.—„Кровавое воскресенье“.—Новое направление английского рабочего движения.—Безработица 90-х годов.—Митинги безработных.—Общественные работы.—Стачки.—Перепись безработных в Вест-Гаме.	

Глава V.—Заключение	377
Безработица, как необходимый спутник капитализма.—Колебания процента безработных членов рабочих союзов в разных отраслях труда.—Безработица в производствах по обработке металлов.—Сезонные и циклические колебания.—Почему циклические колебания всего сильнее в производстве средств производства.—Исчезает ли безработица по мере развития капитализма?—Рабочий резерв капитализма по исследованиям Бутса.—Безработица стариков.—Неспособность капитализма использовать все производительные силы общества.	

Предисловие к третьему изданию.

Первое издание этой книги вышло в 1894 г.—девятнадцать лет тому назад. Времени, как видит читатель, прошло немало. Тем не менее интерес к книге не исчез: совсем недавно вышел французский перевод ее и готовится английский перевод. Немецкое издание книги, появившееся еще в 1900 г., продолжает вызывать споры. В недавно вышедшей книге Розы Люксембург „Die Akkumulation des Kapitals“ моя теория рынков и кризисов подверглась резким полемическим нападкам. Вышедшая год тому назад книга А. А. Исаева „Кризисы в народном хозяйстве“ посвящена преимущественно опровержению моих взглядов; с другой стороны, ряд западно-европейских ученых целиком или с большими или меньшими ограничениями принял мои выводы. Автор наиболее обширного новейшего труда, посвященного промышленным кризисам, проф. Жан Лескюр называет мою книгу „самым оригинальным и самым значительным произведением во всей экономической литературе настоящего времени“ и причисляет к моим последователям в Германии таких известных экономистов, как профессора Шпитгоф, Поле, Эйленбург, Шмоллер (см. Жан Лескюр. „Общие и периодические промышленные кризисы“). Перевод с французского Н. Сувилова, 1908 г. Стр. 2 и 3). Исходя из моей теории кризисов, д-р Эмиль Брезигар в интересной книге „Die Vorboten einer Wirtschaftskrise in Deutschland“ (1913) сделал попытку установить признаки приближения кризисов.

Итак, книга моя все еще продолжает жить—встречает сторонников и противников, вызывает споры и, значит, действует. Со времени ее первого выхода в свет не только появилось много печатных заметок, статей и иных работ, так или иначе связанных с нею, но, что еще важнее, накопилось немало новых фактов, прошло два новых промышленных цикла, повторилось два мировых периодических кризиса. Новые факты, еще более, чем новые мнения, являются лучшей пробой силы научной теории.

И вот, после этого многолетнего перекрестного испытания моей теории фактами и отзывами сведущих людей, я могу по чистой совести заявить, что моя уверенность в правильности моих соображений не только не поколебалась, а значительно окрепла. Более, чем когда-либо, убежден я в закономерности и периодичности промышленных кризисов. Мне попрежнему кажется непонятным, каким образом может отвергаться моя теория рынков, которую я считаю единственно возможным выводом из всеми признаваемых бесспорных положений. Мои противники указывают на ее парадоксальность и упрекают меня в предвзятом пристрастии к парадоксам. Я совершенно не чувствую за собой этого греха; если же моя теория оказалась парадоксальной, то это, в моих глазах, лишь естественный результат иррациональности самой жизни, которая нашла себе отражение в теории.

Политическая экономия страдает избытком не парадоксов, а банальностей, общих мест. Вот почему упрек в парадоксальности я принимаю как высшую похвалу, хотя бы этот упрек принимал далеко не галантную форму обвинения меня в нелепостях. Всем этим подчеркивается необычность моих соображений. Значит, они во всяком случае не банальны.

Гораздо больше значения я придаю испытанию моей теории не мнениями людей, а фактами. В своей книге „Русская фабрика“, вышедшей в начале 1898 г., я указал, что мы приближаемся к промышленному кризису (см. стр. 325 первого издания),—и кризис действительно произошел в очень острой форме в конце 1899 г. В немецком издании „Промышленных кризисов“, вышедшем в 1900 г., я высказал мнение, что Германия приближается к промышленному кризису; кризис последовал в 1901 г., что обратило на себя большое внимание немецкой печати. Точно также мною был предвиден американский кризис 1907 г. (см. мои „Лекции по политической экономии“, стр. 346).

Более двух лет тому назад в газете „Речь“ мне пришлось выразить убеждение, что переживаемый ныне капиталистическим миром промышленный подъем закончится кризисом, которого нужно ожидать между 1914—1916 г.г. Но, конечно, в вопросах такого рода точное предвидение недостижимо. „Возможно,—писал я,—и более раннее, и более позднее наступление кризиса; крупная война может его значительно ускорить, незначительная война или неурожай могут замедлить темп промышленного подъема и, таким образом, отдалить время наступления кризиса“ (Ежегодник „Речи“ на 1913 г. Стр. 89). Балканские войны оказали глубокое влияние на европейский денежный рынок; в виду этого в мае 1913 г. я высказал в „Речи“ мнение, что можно ожидать более раннего наступления кризиса, а именно: в октябре—ноябре 1913 г. Близкое будущее покажет, был ли я прав.

Но если бы 1913 г. прошел и без кризиса (что, конечно, возможно), а кризис произошел бы в 1914 или 1915 г.г., все же я считал бы мое предвидение оправдавшимся, а мою теорию получившей новое фактическое подтверждение. Ибо кризисы—не астрономические явления, и периодичность кризисов не следует понимать в математическом смысле. Промышленный цикл, теорию и объяснение которого я даю в этой книге, коренится в экономических условиях господствующей системы хозяйства—капитализма—и, представляя собой явление социального порядка, может сокращаться и растягиваться в известных пределах. Наличие этих пределов позволяет говорить о периодичности кризисов.

Развиваемая в этой книге теория кризисов объясняет, какие факторы благоприятствуют увеличению и сокращению продолжительности промышленного цикла, а также вскрывает и движущие силы самого цикла. Поэтому не трудно, исходя из названной теории, формулировать признаки приближения промышленного кризиса, как это сделал, напр., Брезигар. Таким образом, теория приобретает большое практическое значение: она дает возможность предвидения в чрезвычайно важной хозяйственной области.

На Западе уже имеются особые общественные учреждения, занятые обработкой статистического материала с целью подобных прогнозов. Так, в Париже в 1912 г. учрежден, по инициативе правительства, „постоянный комитет для предвидения промышленных кризисов“. Кое-что в том же роде имеется и в других странах.

Насколько я могу судить по имеющимся в литературе данным, все подобные учреждения, равно как и частные попытки такого же рода, исходят из теоретических воззрений, весьма близких к развиваемым в этой книге.

Вообще, многое из того, что я с таким трудом устанавливал в первом издании этой книги, стало теперь общим достоянием экономической мысли. Кто, напр., теперь не знает, что цены железа, а отнюдь не цены хлеба, являются самым важным показателем фазисов промышленного цикла. Об этом говорит чуть ли не любой биржевой отчет, в этом убеждены теперь все люди практики, соприкасающиеся с биржей. Но когда я выступил с этим тезисом 19 лет тому назад, то тезис этот не только не был общеизвестным, но был встречен, как парадокс. Установил же я его чисто индуктивным путем, изучая движение цен железа в Англии за много десятилетий.

Третье издание этой книги значительно расширено сравнительно со вторым. С одной стороны, я дополнил его описанием новых фактов—достаточно сказать, что со времени второго издания произошло два мировых кризиса: 1901 и 1907—8 г.г. С другой стороны, я расширил и переработал теоретическую часть книги, оставив, впрочем, основы ее нетронутыми, так как не видел никаких поводов к их изменению.

С.-Пете рбург.
6 октября 1913 г.

Из предисловия ко второму изданию.

Книга эта посвящена исследованию самого загадочного и непонятного явления хозяйственного строя нашего времени,—явления, до сих пор еще остающегося необъясненным в науке—периодических промышленных кризисов. Какая сила управляет этой поразительной сменой оживления и застоя торговли, расширения и сокращения производства? Почему промышленный подъем, с такой же неизменностью, с какой ночь идет за днем и отлив следует за приливом, постоянно приводит к промышленному упадку, за которым наступает новый подъем? На какой почве возникает ритмическая пульсация колоссального организма капитализма,—пульсация, напоминающая, по своей правильности, явления не социального, но биологического или неорганического порядка?

В промышленных кризисах вскрываются глубочайшие противоречия капиталистического хозяйства. Капиталистический мир подчинен своим особым законом, стихийная сила которых обнаруживается во время кризисов; отсюда и вытекает непонятность кризисов. Современный человек чувствует свою беспомощность перед действием сил, которые созданы им самим, но контроль над которыми им утрачен.

В настоящей книге читатель найдет попытку объяснения периодического наступления промышленных кризисов. В основание этого объяснения я положил теорию рынков, общий очерк которой я дал в 1894 году в первом издании предлагаемой вниманию читателя работы.

С.-Петербург.
10 января 1900 г.

ЧАСТЬ I.

История кризисов.

ГЛАВА I.

Состояние английского народного хозяйства в начале XIX века.—Суконная промышленность.—Преобладание мелкого самостоятельного производства.—Слабая дифференциация обрабатывающей промышленности и земледелия.—Хлопчатобумажная промышленность.—Развитие крупного фабричного производства.—Влияние войны с Францией на английское хозяйство.

Первая половина XIX века была одной из самых замечательных эпох в истории английского народного хозяйства. Англия начала этого века так же мало похожа на Англию 50-х годов XIX столетия, как Франция дореволюционная не похожа на современную Францию. Правда, в Англии не было политических переворотов, и форма ее правления по внешности осталась такой же, какой она была в течение столетий. Прошедшие изменения касались преимущественно экономических отношений, и потому они не были так очевидны и не обращали на себя такого внимания современников, как, напр., события французской революции. Развитие новых хозяйственных форм совершается без бурных потрясений и внезапных переворотов, медленно и постепенно, но, тем не менее, в нем заключается одна из основных причин всех преобразований социального строя, ибо, говоря словами Маркса, «экономическая структура общества есть действительный фундамент, на котором возвышается правовое и политическое здание»¹⁾.

О характере английской промышленности в начале XIX века можно составить ясное представление по чрезвычайно интересному и богатому содержанием парламентскому отчету 1806 г. Отчет этот (Report and Minutes of Evidence on the state of the Woolen Manufacture of England) дает превосходную картину положения одной из самых важных и старинных отраслей английской промышленности — суконного производства, вскоре после того, как изобретения Уатта, Гаргривса, Аркрайта и Кромптона положили начало развитию крупного фабричного производства. Поводом для назначения парламентской комиссии были беспорядки в Вильтшире и Сомерсетшире в 1802 г., вызванные попыткой крупных предпринимателей ввести некоторые новые машины. Эта попытка встретила сильное сопротивление со стороны рабочих, которые ссылались на старинный закон, запрещающий употребление этих машин; в конце концов победа осталась за рабочими, и они добились того, что машины не были введены²⁾. Тогда крупные предприниматели обратились в парламент с петицией об отмене всех устаревших законов, стеснявших развитие фабричной промышленности; рабочие и мелкие мастера подали, с своей стороны, петиции о сохранении этих законов, и парламент назначил для исследования дела комиссию, которая представила обстоятельный отчет о положении шерстяной промышленности в Англии.

¹⁾ К. Маркс. Das Kapital. Hamburg. 1883. Стр. 52, примечание.

²⁾ См. Report on the Woolen Manufacture, стр. 3.

Суконное производство принадлежало к числу отраслей промышленности, которые были подчинены закону Елизаветы об ученичестве (1562). Согласно этому закону, только лица, прошедшие 7-летний курс учения, имели право самостоятельно заниматься ремеслом; в ученики могли приниматься только дети достаточных родителей, и притом на трех учеников хозяин непременно должен был давать работу одному подмастерью; на всякого ученика, превосходившего это число, должен был содержаться лишней подмастерье. Рабочий день был установлен летом—в 12 часов, зимой—от солнечного восхода до заката. Рабочие нанимались не менее, как на год, а заработная плата устанавливалась ежегодно мировыми судьями и городскими властями.

С течением времени многие постановления этого закона перестали соблюдаться на практике. Так, в суконной промышленности заработная плата в последний раз была установлена мировыми судьями в 1720 г. ¹⁾, но другие статьи закона прочно вошли в жизнь и, в качестве обычного права, регулировали отношения между рабочими и предпринимателями вплоть до начала XIX века.

По словам комиссии 1806 года, организация суконного производства была очень различна в различных местностях Англии. Сукно производилось: во-первых, крупными предпринимателями, по большей части богатыми торговцами (*opulent masters clothiers*, по терминологии отчета), которые изготовляли сукно в своих собственных мастерских или раздавали шерсть мелким производителям для обработки на дому; во-вторых—фабрикантами на суконных фабриках, снабженных вновь изобретенными машинами, и, в-третьих—мелкими самостоятельными производителями (*masters manufacturers*).

Последняя форма предприятий, которую комиссия называет домашней системой (*domestic system*), преобладала в Йоркшире. В этой местности суконное производство находилось в руках множества мелких мастеров, по большей части обладавших очень небольшим капиталом. Они покупали шерсть у розничных торговцев, красили ее в своих собственных домах и изготовляли из нее грубое сукно. В работе принимала участие вся семья хозяина и, кроме того, обыкновенно нанималось несколько человек рабочих со стороны ²⁾.

По словам суконного мастера Джемса Эллиса, в окрестностях Лидса было около 3.500 таких мелких самостоятельных мастеров, большинство которых прошло семилетний курс учения. Как современные русские кустари, они жили по большей части в деревне и имели свою собственную землю, или снимали в аренду небольшие земельные участки, от 3 до 12 или 15 акров. Некоторые из них, одновременно с изготовлением сукна, занимались также и земледелием, но большинство не обрабатывало земли, а обращало ее в сенокос или пастбище для домашнего скота ³⁾.

Продажа изготовленного сукна производилась на особых суконных биржах, которых в Лидсе было три; такие же биржи были и в других городах Йоркшира—в Бредфорде, Галифаксе, Гуддерсфильде и пр. На этих биржах мастера имели постоянные места для продажи своих товаров, при чем никто не имел права занимать более двух мест.

¹⁾ Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. Leipzig. 1871. Часть I, стр. 93.

²⁾ Report, стр. 3.

³⁾ Report. Minutes of Evidence. Показание James'a Ellis'a, стр. 14, и Graham'a стр. 447.

Сукно продавалось в необделанном виде крупным торговцам, которые уже сами заканчивали выделку его в особо-устроенных мастерских; только после этого сукно отправлялось для продажи потребителям внутрь страны или за границу ¹⁾.

Таков был обычный порядок продажи. Но иногда сукно выделывалось мастерами по особым заказам торговцев, и в таком случае не поступало на биржу ²⁾.

До 1796 г. суконных бирж в Лидсе было всего две, и на них имели право продавать только мастера, отбывшие узаконенный срок учения. В этом году одно частное лицо устроило новую суконную биржу, доступ на которую был совершенно свободен для всех. Это побудило старые биржи допустить к продаже и тех мастеров, которые не прошли полного курса учения ³⁾.

Введение машин не повело к немедленному разрушению мелкого производства. Многие отдельные процессы, на которые распадается выделка сукна, стали производиться машинами в так называемых „общественных мастерских“ (*Public Mills*), куда все имели доступ за известную плату. По словам отчета, почти около каждой промышленной деревни было устроено несколько таких мастерских; мелкие мастера относили туда свои изделия и могли, по желанию, или сами совершать над ними все нужные операции, или поручать выполнение их хозяину мастерской ⁴⁾.

Особым преимуществом мелкой промышленности отчет признает достигаемые ею равномерность производства и постоянство заработка рабочих. „При господстве домашней системы, внезапные закрытия внешних рынков, крушения крупных фирм или другие тяжелые потрясения, которым особенно подвержена в современном ее развитии наша внешняя торговля, не лишают заработка множества рабочих, как это часто бывает, когда несчастье обрушивается на капитал одного лица. При домашней системе потеря распределяется на значительную поверхность; она касается всей совокупности производителей, и, хотя каждый мелкий мастер терпит убытки, разоряются немногие, или даже никто. Сверх того, мелкие мастера в подобных случаях не рассчитывают своих постоянных рабочих, но продолжают давать им работу в надежде на лучшие времена“ ⁵⁾.

Действительно, описанная организация производства устраняла резкие колебания заработной платы. В Йоркшире до половины рабочих нанимались на год и работали в доме хозяина; остальные получали поштучную заработную плату и работали у себя на дому ⁶⁾. Заработная плата отличалась большой устойчивостью и была одна и та же, как в периоды промышленного оживления, так и в периоды промышленного застоя ⁷⁾.

¹⁾ Report, 9.

²⁾ Report. Minutes of Evidence. Показание Waterhous'a, стр. 93.

³⁾ Report. Minutes of Evidence. Показание J. Ellis'a, стр. 10, и показания Waterhous'a, стр. 84.

⁴⁾ Report, стр. 9.

⁵⁾ Report, 10.

⁶⁾ Report. Minutes of Evidence. Показание Ellis'a, стр. 15.

⁷⁾ Вот, например, показание суконного мастера Cookson'a: „Я даю одну и ту же заработную плату, как во время процветания, так и во время застоя торговли; совсем иначе поступают фабриканты—они не могут давать одинаковой платы в разное время“. Report. Minutes of Evidence, стр. 77.

Мастера старались постоянно давать занятие своим рабочим и поддерживали производство в одном размере, даже когда спрос на их изделия сокращался. Об этом единогласно свидетельствуют все мастера и рабочие, опрошенные комиссией¹⁾. Рабочие нередко служили у одних и тех же хозяев по несколько десятков лет; многие из них впоследствии делались самостоятельными мастерами. Отношения между хозяевами и рабочими имели, в большей или меньшей степени, патриархальный характер. По словам мастера Купа, „мастера и рабочие были до такой степени связаны между собой чувством любви и симпатии, что обе стороны делали все возможное, чтобы оставаться вместе“²⁾.

Это мнение может показаться наивным самообольщением хозяина; но, когда мы вспомним, как стойко боролись рабочие за сохранение описанного хозяйственного строя, тогда мы убедимся, что в словах Купа о взаимной симпатии, связывавшей хозяев и рабочих, была значительная доля правды.

На севере Англии суконное производство находилось почти исключительно в руках мелких производителей. Ко времени составления отчета комиссии в окрестностях Лидса было устроено всего несколько суконных фабрик, возбудивших, впрочем, большую тревогу среди мелких мастеров; по расчетам комиссии, количество сукна, выделяемого на этих фабриках в 1805 г., не достигало 10% всего сукна, изготовляемого в Йоркшире³⁾. Ремесленное производство казалось еще настолько прочным, что комиссия выражает удивление по поводу опасений йоркширских мастеров и высказывает твердую уверенность, что „домашняя система производства“ будет расти и развиваться одновременно с фабричной; по мнению комиссии, „обе системы не только не

¹⁾ Вот, например, показания некоторых мастеров: показание мастера Сооре'a.— В. Имеете ли вы обыкновение равномерно вести производство и доставлять товар на суконную биржу независимо от того, как изменяется спрос, или же вы нанимаете рабочих и отпускаете их, смотря по тому, увеличивается или сокращается спрос?—О. В Пелси (Pudsey) почти неслыханная вещь рассчитать рабочего; я почти не знаю таких случаев.—В. Вы подразумеваете, рассчитать рабочего по недостатку работы?—О. Да.—В. Если рабочих рассчитывают, то вследствие их дурного поведения или чего-либо подобного?—О. Да.—В. Вы одинаково работаете, продано или не продано сукно на бирже?—О. Да. Зимой и летом, хороша ли торговля или дурна, мы все идем прямо вперед (Report. Minutes of Evidence, 33). Показание мастера Cookson'a: „Мастера держат рабочих до тех пор, пока они могут достать шерсть и выделывать сукно; до тех пор, пока они имеют кредит... Я иногда отправлял сукно на биржу и не мог его продать в течение 6 месяцев.—В. В течение всего этого времени вы продолжали производство?—О. Да, в течение всего этого времени“ (Ibidem, 71). То же самое показывали и рабочие. Вот показания рабочего Child'e'a.—В. Как поступают мелкие мастера, имеющие 4 или 5 станков?—О. Они держат рабочих до последней возможности... до тех пор, пока у них есть деньги для покупки шерсти.—В. Дает ли фабрика постоянное занятие рабочим?—О. Не дает.—В. Предлагают ли фабриканты повышенную плату, когда усиливается спрос?—О. Да.—В. Распускают ли они рабочих, когда спрос удовлетворен?—О. Они это делают; иногда они отпускают сразу очень многих“ (Ibidem 104).—В. Прядильные станки, принадлежащие богатым предпринимателям, стоят ли чаще без работы, чем станки мелких мастеров?—О. Гораздо чаще.—В. Каким образом фабрика может вредить мастерам?—О. Отвлекая от последних рабочие руки, когда фабрика начинает работать день и ночь. Фабрика м-ра Готта работала 4 суток непрерывно. (115). Показания рабочего Atkinson'a: В. Что побудило вас идти на фабрику после того, как вы работали дома?—О. М-р Ли, в Галифаксе, предлагал большую плату; он давал большую плату, чем кто-либо в окрестности.—В. Долго ли продолжали вам давать на фабрике такую высокую плату?—О. Нет; через 6 месяцев плата была внезапно понижена на 1/3. (Ibidem, 116).

²⁾ Report. Minutes of Evidence. Показание Сооре'a, стр. 43.

³⁾ Report.

конкурируют, но даже помогают друг другу, так как каждая из них восполняет недостатки другой и содействует ее процветанию¹⁾.

В западных графствах Англии суконное производство находилось в руках крупных предпринимателей — „opulent masters clothiers“, как их называли в то время. Они закупали шерсть за границей, непосредственно от иностранных производителей, или внутри страны от оптовых торговцев, и раздавали эту шерсть для обработки многочисленным рабочим, которые работали частью в своих собственных домах, частью специально для этого приспособленных помещениях, принадлежавших предпринимателю. Каждая отдельная операция поручалась особой группе рабочих. Благодаря такому разделению труда, на западе Англии выделывались самые тонкие сорта сукна, пользовавшиеся известностью во всем свете²⁾. В Йоркшире мастер был собственником сырого материала и продукта, но на западе Англии мастер выделывал сукно из чужой шерсти, и потому продукт принадлежал не ему.

„Домашняя система“ Йоркшира была кустарной промышленностью, но своеобразной формы. Можно различать две формы кустарной промышленности, одна из которых (зависимая форма) является в полном смысле слова капиталистической промышленностью, а другая (свободная форма) не может быть признана таковой, при чем, однако, под влиянием естественной эволюции вторая стремится превратиться в первую. Если кустарь продает свои изделия хотя и торговцу, но не одному и тому же, а разным, по своему выбору, то он не может быть приравнен к наемным рабочим в капиталистическом предприятии, ибо, как бы ни было плохо его экономическое положение, он все же не имеет определенного хозяина.

Правда, в силу своей экономической слабости, кустарь чрезвычайно легко попадает в зависимость от торгового или промышленного капитала. Для сохранения экономической самостоятельности кустаря нужны совершенно особые условия, которые противодействовали бы этой естественной тенденции кустарного производства. В особенности важна в этом отношении организация сбыта. Йоркширские суконщики начала XIX века пользовались известной самостоятельностью лишь потому, что они обладали такой организацией сбыта.

Система „opulent masters clothiers“ представляла собой уже вполне развитую домашнюю промышленность, в которой производители находились в полной зависимости от крупных предпринимателей, хотя и продолжали работать у себя на дому.

Наконец, третью форму промышленных предприятий представляли собой суконные фабрики, более многочисленные на западе Англии, чем в Йоркшире. На фабриках работали не только взрослые мужчины, но и женщины и дети, при чем постановление закона об ученичестве совершенно игнорировались фабрикантами.

Развитие фабричного производства не замедлило вызвать оппозицию со стороны рабочих. Рабочие, опрошенные комиссией 1806 г., выражали свое горячее сочувствие системе мелкого производства. По их словам, главное неудобство работы на фабриках заключается в непостоянстве заработка. Когда спрос на товары усиливается, фабриканты поднимают заработную плату и отвлекают рабочих от мелких

1686

мастеров; когда же в торговле наступает застой, фабриканты сокращают производство, распускают рабочих и понижают заработную плату. Рабочий не может заранее предвидеть всех этих перемен и потому находится в полной зависимости от фабриканта. Хотя плата, даваемая фабрикантом, временами превышала плату мелких мастеров, тем не менее рабочие охотнее работали у мелких мастеров, которые стояли с ними на равной ноге и заботились об их интересах, чем у фабрикантов, руководствовавшихся в своих отношениях к рабочим только соображениями наибольшей выгоды. Самая обстановка фабричного труда, с его механической точностью и пунктуальностью, необходимостью проводить большую часть дня вне дома, была чрезвычайно антипатична для рабочих ¹⁾.

Оппозиция рабочих и мелких мастеров фабричной промышленности выражалась подачей парламенту петиций о сохранении старинных законов, регулировавших суконную промышленность в течение столетий. Интересы рабочих и мастеров во многих отношениях были сходны — и те, и другие видели своего главного врага в крупной промышленности. И те, и другие имели обеспеченный заработок при прежней системе производства и не могли надеяться устоять собственными силами в борьбе с крупными предпринимателями и машинами. Рабочим грозило ухудшение их материального положения, а мастера опасались потерять свою самостоятельность и перейти в положение наемных рабочих. Номинально законы об ученичестве в это время сохраняли еще свою силу, и потому рабочие пытались искать защиты своих прав у суда. Несколько фабрикантов были признаны судом виновными в нарушении закона. Борьба была перенесена на парламентскую почву, и победили, естественно, фабриканты, которые отстаивали свободу экономического развития, в то время, как мелкие мастера стремились сохранить порядок вещей, находившийся в явном противоречии с изменившимися условиями производства и обмена. В 1803 г. действие законов об ученичестве по отношению к шерстяной промышленности было приостановлено на год; в течение последующих лет это приостановление ежегодно возобновлялось, вплоть до 1809 г., когда последовала окончательная отмена этих законов для шерстяной промышленности. В 1814 г. законы об ученичестве были отменены и для других отраслей промышленности.

Разложение старинной организации хозяйства было выгодно только для крупных капиталистов. Рабочие не могли приостановить естественного хода экономической эволюции, но они не подчинились пассивно новому порядку вещей, а стали стремиться к созданию собственными силами новой организации труда. Так как причина слабости рабочих заключалась в их раз'единенности, то вполне понятно, что усилия рабочих прежде всего направились на образование тесных и сплоченных

¹⁾ Вот, например, показание рабочего W. Child'a: В. Почему вы не хотите на фабрику?—О. Мне не нравятся фабричные порядки.—В. Какие порядки?—О. Необходимость приходить на работу всегда в один и тот же час и одну и ту же минуту, и дурное обращение с рабочими; все это мне вовсе не по душе. Report. Minutes of Evidence, стр. 103. Показание рабочего Illingworth'a: В. Если бы, благодаря распространению фабрик, рабочие должны были бы работать на фабриках вместо того, чтобы работать дома, как теперь, было ли бы это выгодно или невыгодно для рабочих?—О. Разумеется, мы по многим причинам предпочитаем работать дома: дома мы можем начинать работу рано или поздно, по своему усмотрению, семейные люди могут пользоваться помощью семьи, и т. д. Ibidem, стр. 115.

союзов, задачей которых являлась взаимная помощь членов в разнообразных случаях жизни.

В начале XIX в. в Йоркшире образовался очень влиятельный рабочий союз—так называемая „Институция“, задачей которого было восстановление законов об ученичестве и вместе с тем оказание помощи больным рабочим и семействам умерших. Этот союз охватывал собою рабочих многих городов и был признан комиссией 1806 г. опасным и вредным сообществом как в политическом, так и в экономическом отношениях, так как „наименьшее несчастье, которое можно от него ожидать (несчастье, само по себе достаточное для гибели не только одной какой-нибудь отрасли промышленности, но и всего торгового величия страны), заключается в прогрессивном возрастании рабочей платы“ ¹⁾.

В хлопчатобумажном производстве развитие крупной промышленности началось гораздо раньше. В окрестностях Манчестера уже в начале XVIII века производители бумазеи находились в полной зависимости от скупщиков ²⁾. В течение XVIII века домашнее производство в этой отрасли промышленности успело совершенно вытеснить ремесленное, но крупные мануфактуры развивались медленно, и в большинстве случаев бумажные ткани и пряжа продолжали выделяться рабочими у себя на дому. Интересное описание характера обрабатывающей промышленности в конце XVIII века дает Вильям Радклифф, выдающийся фабрикант и изобретатель этого времени, бывший сам в молодости фабричным рабочим: „В 1770 г.,—пишет он,—земля в нашем участке арендовалась 50 или 60 фермерами, из которых только 6 или 7 занимались исключительно земледелием; остальные получали доходы также от разных вспомогательных занятий, напр., прядения и ткачества, льна и хлопка. Всем этим деревенские рабочие занимались круглый год, за исключением немногих недель жатвы. Плата за коттедж, с помещением для ткацкого станка и небольшим садом, была в то время от 1½ до 2 гиней в год. Отец семейства зарабатывал от 8 шил. до половины гиней, а его сыновья от 6 до 8 шил. в неделю каждый. В этих маленьких фермах и коттеджах главная надежда возлагалась на ручную прялку. И если принять во внимание, что требуется от 6 до 8 рук для того, чтобы изготовить пряжу для одного ткача, то будет ясно, какой незаменимый источник заработка ручная прялка представляла каждому лицу в возрасте от 7 до 80 лет, владевшему зрением и руками... Таким образом сотни мелких фермеров и деревенских рабочих поддерживали свое существование разнообразными занятиями, подобно тому, как это делали их предки с незапамятных времен“ ³⁾.

Система домашней промышленности лишила производителя прежней самостоятельности, но она не вторгалась в его личную жизнь и позволяла ему работать в привычной обстановке. Поэтому развитие домашней промышленности совершилось гораздо легче и не вызвало такого ожесточенного сопротивления населения, каким сопровождалось развитие фабричной промышленности. Из описания Радклиффа видно, как мало была дифференцирована земледельческая и обрабатывающая промышленность, деревня и город, в Англии конца XVIII века. Но и в

¹⁾ Report, 17. Об „Институции“—Report, 15—18, и Brentano, 102—105.

²⁾ Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, стр. 562.

³⁾ E. Baines. History of the Cotton Manufacture in Great Britain. London, 1835, стр. 337. Cooke Taylor. The Modern Factory System. London, 1891, стр. 60.

начале XIX столетия, по словам мастера Эллиса, в Гармлее, деревне в окрестностях Лидса, „не было ни одного фермера, который зарабатывал бы деньги только земледелием, без всякого вспомогательного промысла в городе“¹⁾. При этом обыкновенно одно какое-либо занятие выигрывало на счет остальных; в тех случаях, когда сельское хозяйство было второстепенным занятием, обработка земли производилась крайне плохо, и деревенские ткачи и прядильщики упорно держались рутинных приемов земледелия²⁾.

Первая фабрика для изготовления бумажной пряжи была устроена задолго до взятия Аркрайтом патента на его знаменитую прядильную машину. Как это доказано Бэнсом³⁾, Аркрайт заимствовал свое изобретение у Уайетта (Wyatt), который в 1741 г. устроил в Бирмингеме первую бумагопрядильную фабрику. Фабрика Уайетта не имела успеха и через несколько лет закрылась. Она не обратила на себя внимания публики, хотя Уайетт не думал делать из своего изобретения секрета, и в 1769 г. Аркрайт мог свободно взять патент на усовершенствованную машину Уайетта, как на свое собственное изобретение. Машина эта, по своей тяжеловесности, не могла приводиться в движение руками и была пригодна только для крупного производства. В 1768 г. Аркрайт устроил в Ноттингеме бумагопрядильную фабрику, которая в скором времени стала давать ему громадные барыши. Через 20 лет в Великобритании насчитывалось уже 143 бумагопрядильных фабрик⁴⁾. С этого времени начинается развитие фабричного производства, которое должно было преобразовать народное хозяйство всего мира.

Таким образом, уже в конце XVIII века машинное изготовление пряжи вытесняет ручное. Победа машины в этой отрасли производства была поразительно быстра. По словам Радклиффа, в 1788 г. ручные прялки были уже не в употреблении. Основа выделывалась на фабриках, а уток обыкновенно изготовлялся рабочим у себя на дому, при помощи небольшой машины Гаргривса „Дженни“, приводившейся в движение руками⁵⁾. С половины 90-х годов XVIII столетия уток тоже начинает выделываться крупными фабриками, благодаря изобретению Кромптоном новой прядильной машины, которая представляла собой комбинацию машин Аркрайта и Гаргривса и могла приводиться в движение водой или паром.

Описанные изобретения совершенно преобразовали технику прядения, но другая отрасль хлопчатобумажной промышленности, ткачество, осталась ими незатронутой. Вследствие чисто технических условий, механический ткацкий станок не представляет собою такого совершенного орудия, как прядильная машина; достигаемое им увеличение производительности труда не так значительно, а потому в этой отрасли производства долгое время была возможна борьба ручного труда с машинным. Механический ткацкий станок был изобретен Картрайтом (1785), но только со времени 1813 года, когда фабрикант Гаррокс сделал значительные усовершенствования в машине Картрайта, она стала

¹⁾ Report. Minutes of Evidence. Показание James Ellis'a, стр. 13.

²⁾ W. Cunningham. The Growth of the English Industry and Commerce in modern time. Cambridge, 1892, стр. 480.

³⁾ Baines. History of the Cotton Manufacture in Great Britain, стр. 119—140.

⁴⁾ Baines, 219. Adrew Ure. The Cotton Manufacture of Great Britain. London, 1861, стр. 297.

⁵⁾ Baines, 338; Cooke Taylor, 60.

пригодна для практических целей и начала распространяться на фабриках Соединенного Королевства¹⁾.

Значительное удешевление цены пряжи и последовавшее затем колоссальное расширение хлопчатобумажного производства на первых порах было очень выгодно деревенским ткачам. В 80-х и 90-х годах XVIII столетия спрос на рабочие руки в ткацкой промышленности так возрос, что, хотя по всей стране устраивались новые коттеджи с особыми помещениями для ткацких станков, ткачи все-таки не успевали изготовить требуемого количества ткани. Заработная плата ткачей увеличилась в несколько раз²⁾. Но благополучие ручных ткачей было непродолжительно и с начала XIX столетия заработная плата их, под влиянием причин, о которых мы будем говорить ниже, начинает быстро падать.

Для массы английского населения эпоха войны с Наполеоном была временем тяжелых лишений. Повышение заработной платы не было пропорционально повышению цен продуктов продовольствия; правда, увеличение числа матросов и солдат создавало добавочный спрос на рабочие руки, но зато внезапные сокращения производства, вызываемые отсутствием постоянного рынка для сбыта товаров, лишали занятия все новые массы рабочих. Именно в это время совершилось поглощение мелкой земельной собственности крупною. Мелкие земельные собственники, которые были еще многочисленны в Англии в конце прошлого века, не могли выдержать резких колебаний цен сельскохозяйственных продуктов и были вынуждены продавать свои земельные участки крупным землевладельцам³⁾. Вообще за время войны масса английского населения несомненно обеднела, как это можно видеть из сравнения издержек на содержание бедных в 1801 и 1814 году:

Издержки на содержание бедных в Англии и Уэльсе (выраженные в квартерах пшеницы)⁴⁾:

1801 г. 693 тыс. кв.

1814 „ 1,746 „ „

Наступление мира после продолжительной войны обыкновенно вызывает такое же потрясение народного хозяйства, как и наступление войны после долгого мира. С течением времени национальная промышленность успевает в большей или меньшей степени приспособиться к хозяйственным условиям, создаваемым войной. Одни отрасли промышленности получают усиленное развитие, другие сокращаются; торговля прокладывает себе новые каналы, цены приходят в соответствие с новыми условиями производства и обмена. Прекращение военных действий опять все изменяет: искусственный барьер, задерживавший торговые сношения воюющих государств, падает, цены предметов ввоза быстро понижаются, а предметов вывоза—возрастают, для внешней торговли открываются новые рынки за границей, но вместе с тем появляются и новые конкуренты на старых рынках, условия спроса внутри страны изменяются под влиянием сокращения военных издержек

¹⁾ Baines, 234, и Ure, Vol. 2, 223.

²⁾ Baines, 339; Cooke Taylor, 60.

³⁾ Cunningham, 479.

⁴⁾ Porter, 88.

и т. д., и т. д. Поэтому и начало, и окончание войны обыкновенно сопровождаются промышленными кризисами. Промышленный кризис был в 1793 г. немедленно после объявления войны, а во время самой войны было несколько кризисов, из которых самый сильный был в 1810 г. Наступление мира сопровождалось двумя последовательными кризисами 1815 и 1818 г.

Общее положение английской промышленности в первое десятилетие после заключения мира было очень тяжелое. Цены большинства товаров сильно упали; расчеты англичан на увеличение вывоза английских товаров на европейский континент не оправдались вследствие того, что население большинства европейских государств было разорено войною и не имело средств покупать английские товары. В самой Англии земледельческие классы сильно пострадали от падения цен земледельческих продуктов, последовавшего за дороговизной предшествовавших лет. Заработная плата как в городах, так и в деревнях, понизилась вследствие сокращения спроса на труд, совпавшего с увеличением его предложения: сотни тысяч солдат и матросов, содержавшихся во время войны на счет государства, теперь должны были вернуться к своим прежним занятиям и искать заработка в то время, как последовательные промышленные кризисы вызвали сокращение производства во всех отраслях промышленности. Под влиянием нужды рабочие нередко доходили до открытых восстаний, из которых особенное значение имела кровопролитная схватка с местной милицией в Манчестере в 1819 году, повлекшая за собою исключительные законы, ограничившие свободу народных собраний во всей Англии.

ГЛАВА II.

Победа крупного производства. Изменение торговой системы. Преобразование законов о бедных. Фабричное законодательство.—Обеднение массы английского населения.—Падение заработной платы.—Борьба фабрики с домашней промышленностью.—Результаты промышленной революции.

В течение двух первых десятилетий XIX века английская промышленность находилась под непосредственным влиянием политических событий. В зависимости от общего политического положения Европы, торговля Англии принимала то или другое направление, цены товаров падали или повышались, производство расширялось или сокращалось, промышленность процветала или переживала кризис. Естественные тенденции экономической эволюции маскировались влиянием посторонних, не экономических факторов, и потому явления хозяйственной истории этого времени отличаются таким же случайным характером, как и явления истории политической. Но с двадцатых годов XIX столетия английская промышленность получает возможность развиваться вполне свободно. Вплоть до Крымской кампании Англия оставалась в мире со всеми своими европейскими соседями, и потому влияние такого случайного и непредвидимого фактора, как война, было совершенно устранено. В самой Англии тоже не происходило никаких чрезвычайных событий, которые могли бы нарушить внутренний мир страны, а политика правительства была неизменно направлена к устранению или ослаблению всякого рода препятствий для свободного развития экономических сил нации. Поэтому новейшая экономическая эволюция Англии до такой степени поучительна: она представляет собою тип естественного развития современного народного хозяйства, предоставленного действию своих внутренних сил, между тем как на экономическое развитие других государств влияли не одни экономические факторы.

Тот период истории английского народного хозяйства, рассмотрением которого мы теперь займемся, имел во всех отношениях характер переходной эпохи. Уже в конце XVIII века домашняя промышленность вытеснила ремесло во многих местностях Англии, но успехи крупной промышленности сильно замедлялись тем, что в техническом отношении домашняя промышленность ничем не отличается от ремесла. По этой причине в Йоркшире самостоятельные суконные мастера в начале этого века с успехом конкурировали с крупными предпринимателями. Но когда домашнее производство стало замещаться фабричным, тогда поглощение мелкой промышленности крупной пошло гораздо быстрее. Крупная промышленность получила, наконец, то орудие, которого ей не доставало прежде для полной победы. Орудием этим явилась машина. Как мы говорили выше, в бумагопрядильной промышленности фабрика уже в начале XIX века достигла решительного преобладания над ремеслом и домашней промышленностью. Этот быстрый успех зависел от

технического совершенства прядильной машины, с которой ручной труд совсем не мог конкурировать.

Но что касается до тканья, то вплоть до 20-х годов XIX столетия оно производилось исключительно руками. В 1820 г. на всех бумаготкацких фабриках Великобритании было только 14.150 механических ткацких станков, в то время как число ручных станков Великобритании доходило до 240.000 ¹⁾. По словам манчестерского фабриканта Дж. Смита, дававшего показания перед парламентской комиссией 1833 г., в Манчестере число механических станков стало быстро увеличиваться только после кризиса 1825 года ²⁾.

В другие отрасли промышленности механический ткацкий станок проник еще позже. В Шотландии первые попытки ткать механическим путем шерстяную пряжу относятся к началу 30-х годов ³⁾, а первая полотняная фабрика в Дунди (центре полотняного производства Шотландии) была устроена только в 1836 г. ⁴⁾.

Борьба фабричного и домашнего производства в ткацкой промышленности была очень упорна и тянулась несколько десятков лет. О значении этой борьбы для массы английского населения можно судить по тому, что ручное ткачество в начале 30-х годов давало в Великобритании занятие одному миллиону человек, для которых ручной ткацкий станок является единственным источником заработка ⁵⁾. В техническом отношении домашнее производство стоит настолько ниже фабричного, что может показаться непонятным, каким образом ручное ткачество могло продержаться столько времени. Между тем, несмотря на быстрое распространение ткацких фабрик, до половины 30-х годов число ручных ткачей в Великобритании не только не уменьшалось, но даже увеличивалось ⁶⁾. Объясняется это следующим образом: под влиянием самых разнообразных причин, о которых мы будем говорить ниже, благосостояние массы английского населения сильно понизилось в течение 2-й четверти XIX века. Вместе с тем понизилась заработная плата во всех отраслях труда, не требующих продолжительного обучения, в том числе и заработная плата ручных ткачей. Дешевизна ручного ткачества, естественно, препятствовала распространению ткацкой машины, и потому в этой отрасли промышленности домашнее производство могло в течение некоторого времени конкурировать с фабричным.

Мы сказали, что тридцатилетие 1820—50 годов было переходной эпохой в английской истории. Уже с конца XVIII века в Англии были все условия для развития нового хозяйственного строя, но самое развитие было задержано великими войнами начала XIX столетия. Наступление мира устранило внешнее препятствие для естественного роста английской промышленности, и с этого времени в английском народном хозяйстве начинает совершаться целый ряд глубоких изменений, определивших направление новейшей социальной политики

¹⁾ Baines 235—237.

²⁾ Report from the Select Committee on Manufactures, Commerce and Shipping, 1833. Minutes of Evidence. Показание J Smith'a, стр. 565.

³⁾ D. Bremner. The Industries of Scotland. Edinburgh, 1869, стр. 168.

⁴⁾ Bremner, 248.

⁵⁾ Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb, ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt. Leipzig, 1892, стр. 71.

⁶⁾ Baines, 237.

Англии. В течение рассматриваемого тридцатилетия Англия произвела коренную реформу своей торговой системы, преобразовала законы о бедных, создала фабричное законодательство. Все эти реформы были непосредственно вызваны происшедшими изменениями в экономических отношениях в самой Англии и явились внешним выражением того переворота, который произошел в английском народном хозяйстве. К началу 50 годов XIX века мы видим Англию уже совсем иной, чем в эпоху войны с Наполеоном. В настоящей главе мы дадим общую характеристику этого переворота, при чем прежде всего остановимся над изменениями в области экономического и социального законодательства Англии.

В 1820 г. Лондонское Сити подало в парламент знаменитую петицию, написанную известным экономистом Т. Туком о необходимости введения свободной торговли. В петиции заявлялось, что внешняя торговля может успешно регулироваться правительством. „Основное правило, которым руководствуется всякий торговец в своих частных делах,—говорилось в петиции,—покупать на самом дешевом и продавать на самом дорогом рынках,—строго применимо и к торговле целой нацией... Политика, основанная на этом принципе, делает международную торговлю одинаково выгодной для всех ее участников и распространяет богатство среди населения всех торгующих государств“ ¹⁾.

Подобные же петиции были затем поданы из Глазго, Манчестера и Эдинбурга.

Лондонская петиция произвела громадное впечатление на общественное мнение. Парламент назначил комиссию для разъяснения вопросов, выдвинутых ею, и комиссия пришла к выводам, вполне благоприятным новым принципам. С этого времени движение в пользу свободной торговли начинает быстро распространяться в Англии и оказывает все возрастающее влияние на торговую политику страны.

Первой победой свободной торговли явилось преобразование таможенного тарифа, произведенное Гёскиссоном в течение трехлетия 1823—25 г. Гёскиссон понизил пошлины на многие фабрикаты, сырой материал и предметы потребления и одновременно с этим уничтожил многие акцизы, составлявшие раньше главное основание финансовой системы Англии и сильно стеснявшие внутреннюю торговлю. Но главное значение среди всех реформ Гёскиссона имела отмена запрещения ввоза шелковых тканей. Шелковое производство, наряду с шерстяным, пользовалось всегда особым покровительством английского правительства, а так как естественные условия не благоприятствовали развитию в Англии этой отрасли промышленности, то сторонники покровительственной системы предсказывали английскому шелковому производству неминуемую гибель, если оно будет принуждено конкурировать на внутреннем рынке с французским. Тем не менее, Гёскиссон не побоялся открыть границы для иностранных шелковых тканей, понизивши в то же время ввозную пошлину на шелк-сырец. Результаты этого опыта не оправдали предсказаний протекционистов. Шелковое производство в Англии не сократилось, а, напротив того, сильно возросло ²⁾.

¹⁾ Tooke. A History of Prices. Vol. VI, стр. 333.

²⁾ О реформах Гёскиссона смотри Tooke, A History of Prices. Vol. V, стр. 409—418. Leone Levi, History of British Commerce, 1872. Part III, Chapter II, Porter, Progress of the Nation, 397.

Среднее ежегодное потребление сырого шелка в Соединенном Королевстве ¹⁾

За три года до реформы Гёккиссона (1821—23 г.г.)	2.413	тыс. фунт.
За три следующие года (1824—26)	3.283	„ „

История торговой политики Англии в течение последующих 20 лет представляет собою непрерывный ряд уступок принципу свободной торговли. Правительство одинаково стремилось освободить и внешнюю, и внутреннюю торговлю от всех искусственных препятствий, создаваемых вмешательством фиска в торгово-промышленную деятельность страны. Не проходило почти ни одного года, чтобы не были понижены или отменены те или другие таможенные пошлины или акцизы. Но из всех реформ в области английской торговой политики, без всякого сомнения, самое важное значение имела отмена хлебных законов 25-го июля 1846 г. Немедленно по окончании войны с Наполеоном в Англии была установлена высокая пошлина на иностранный хлеб для охраны туземного земледелия (55 Geo. III, с. 26). После этого система обложения привозного хлеба несколько раз изменялась, но принцип ее сохранялся один и тот же: привозный хлеб облагался такой пошлиной, что цена его на внутреннем рынке достигала известного минимума, признаваемого необходимым для охраны интересов английского земледелия. Хлебные законы были очень выгодны лендлордам, но средний класс видел в них главное препятствие развитию английской промышленности. Возникла знаменитая агитация против хлебных законов, окончившаяся полной победой их противников, и хлебные законы были отменены. В то же время были понижены пошлины на многие иностранные изделия (в том числе на бумажные, шерстяные и льняные ткани), а ввоз сырого материала, необходимого при фабрикации был объявлен свободным.

Таким образом, торговая система Англии была радикально преобразована. Система усиленной охраны туземной промышленности, исторически развившаяся в Англии и пользовавшаяся таким обаянием в течение многих веков, была оставлена и на место ее смело и твердо был поставлен принцип свободного развития производительных сил нации, без всякой опеки и вмешательства со стороны государства. Последний остаток старины, Навигационный Акт, продержался не долго. Уже в 1849 г. действие этого акта было ограничено только береговой торговлей Соединенного Королевства, а в 1851 г. Навигационный Акт был совсем отменен, и судоходство между портами Соединенного Королевства было объявлено совершенно свободным ²⁾.

Замена протекционизма свободной торговлей была одним из важнейших событий в истории английского народного хозяйства. Но влияние этой перемены на весь социальный и экономический строй Англии не могло обнаружиться немедленно. Тот период английской истории, который составляет в настоящее время предмет нашего рассмотрения (1820—1850), был еще по существу протекционистским. В течение этого периода идеи свободной торговли постепенно завоевывали себе почву,

¹⁾ По Accounts relating to Trade and Shipping of the United Kingdom. 1842.

²⁾ Об отмене хлебных законов и Навигационного Акта см. Tooke, vol. V, 432—435; Leone Levi, Part IV, глава III.

но плоды их сказались только позже. Для Англии, ведущей такую обширную внешнюю торговлю, торговая политика других государств имеет не меньше значения, чем ее собственная политика. Между тем до 50-х годов XIX столетия протекционизм продолжал господствовать на всем европейском континенте. Во Франции действовал тариф 1816 г., которым был запрещен, за малыми исключениями, ввоз всех хлопчатобумажных, шерстяных, железных и стальных изделий, кроме машин, на которые была наложена сравнительно невысокая пошлина. В Германии, после образования в 1833 г. таможенного союза, был принят с небольшими изменениями прусский тариф, имевший охранительный, но не запретительный характер. В Испании тариф приближался к французскому; ввоз хлопчатобумажных тканей был запрещен. Точно также шведский тариф имел почти запретительный характер. Тарифы других европейских государств, в большей или меньшей степени, были направлены к охране туземного производства ¹⁾. В Северо-Американских Соединенных Штатах тариф был несколько раз изменяем. До 1824 года пошлины на иностранные изделия были невысоки, в 1825 г. пошлины были повышены; еще более они были повышены в 1828 г. От 1833 до 1842 г. действовал либеральный тариф, вызвавший сильную оппозицию промышленников, а с 1842 г. пошлины на все товары были сильно повышены, особенно на хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, составлявшие главные предметы английского вывоза в Соединенные Штаты ²⁾.

До какой степени покровительственные тарифы европейских государств стесняли английскую торговлю и придавали ей неестественное направление, видно лучше всего из распределения английского вывоза за десятилетие 1840—1849 г.

Ценность среднего ежегодного вывоза произведений Соединенного Королевства за 1840—1849 г. ³⁾.

Во Францию	2.472	тыс. фунт.
В Испанию	548	„ „
„ Голландию	3.365	„ „
„ Португалию	1.034	„ „

В такую обширную и богатую страну, как Франция, Англия ввозила меньше товаров, чем в маленькую Голландию. Португалия покупала больше английских товаров, чем Испания. Международная торговля направлялась в немногие, открытые ей, каналы, а между соседними странами, которые должны были бы служить друг другу прекрасными рынками для сбыта товаров, торговые сношения были совсем ничтожны.

При таких неблагоприятных условиях должна была развиваться внешняя торговля Англии. Неудивительно, что ценность экспорта Соединенного Королевства возрастала очень медленно.

¹⁾ О тарифах европейских государств смотри Mac Gregor, Commercial Statistics, a digest of the Production, Recourses etc.. London, 1847.

²⁾ Смотри Mac Gregor, The Progress of America. London, 1845.

³⁾ По Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom.

Средняя ценность ежегодного вывоза продуктов Соед. Кор. по десятилетиям ¹⁾ .	Повышение или понижение в процентах.
(В миллион. фунтов).	
1811—20 г.г. 41,5 м. ф.	
1821—30 " 36,6 " "	-12%
1831—40 " 45,2 " "	+24%
1841—50 " 57,4 " "	+27%

Сравнительно высокая ценность британского экспорта за первое десятилетие зависела, главным образом, от того, что война подняла ненормально высоко цены большинства товаров; за наступлением мира последовало общее падение товарных цен, и потому в последующее десятилетие ценность британского экспорта сократилась. В следующие десятилетия ценность британского экспорта возрастает, но довольно незначительно. Из этого можно было бы заключить, что успехи английской торговли и промышленности в течение рассматриваемого периода не были велики. Но такое заключение было бы слишком поспешно. Мы брали цифры ценности британского экспорта. Посмотрим же теперь, как изменялся британский экспорт по своему количеству.

О последнем можно судить по так называемой официальной ценности британского экспорта ²⁾.

Официальная ценность продуктов Соединенного Королевства, вывозимых за границу ³⁾ .	Увеличение в процентах.
(В миллион. фунтов).	
1811—20 г.г. 35,5	
1821—30 " 48,8	+37%
1831—40 " 79,8	+63%
1841—50 " 131,8	+65%

Мы видим, что количество продуктов, вывозимых из Соединенного Королевства, возросло очень быстро. Среднее количество вывоза за 1821—30 годы превышает среднюю цифру предыдущего десятилетия на 37%, между тем как средняя ценность вывоза за это время понизилась на 12%. Вслед за тем, количество вывозимых из Соединенного Королевства продуктов стало увеличиваться значительно быстрее, и в последнее десятилетие увеличение это достигло 65%. Таким образом, если на основании ценности британского вывоза можно заключить о застое английской промышленности, то, сравнивши количества вывоза, мы придем к обратному заключению: рассматриваемый период был для Англии временем быстрого промышленного прогресса. Цены товаров падали под влиянием успехов техники, и потому, несмотря на увеличение количества товаров, общая ценность их повышалась незначительно. В течение тридцатилетия 1820—50 годов в Великобритании совершилась замена ручного труда машинным, и естественным последствием этого явилось удешевление английских товаров. По словам

¹⁾ По Tables of the Revenue, Population, Commerce etc. of the United Kingdom.

²⁾ До половины 50-х годов XIX столетия, цена товаров, вывозимых из Соединенного Королевства, устанавливалась таможенным ведомством двумя способами: во-первых, определялась действительная цена их по показаниям экспортеров и, во-вторых, определялась так-называемая официальная ценность товаров, по нормам, установленным в 1694 г. с тех пор неизменяемым. Поэтому изменение официальной ценности британского вывоза показывает изменение количества вывозимых товаров.

³⁾ По Tables of the Revenue, Population, Commerce etc. of the United Kingdom.

известного знатока хлопчатобумажной промышленности, Т. Эллисона, главные усовершенствования в области прядения были произведены в период 1820—30 годов, а в области ткачества в период 1830—45 годов. Это видно из нижеследующей таблицы:

Среднее количество ежегодно изготавливаемой в Соединенном Королевстве бумажной пряжи на одно веретено ¹⁾ .	Среднее количество ежегодно изготавливаемых бумажных тканей в Соед. Корол. на один ткацкий станок.
(В фунтах).	(В фунтах).
1819—21 г.г. 15,2	335
1829—31 " 21,6	470
1844—46 " 26,8	1.234

Цена бумажных тканей понизилась за все тридцатилетие больше, чем вдвое.

Цена хлопчатобумажной ткани ²⁾, 72
Reed printing Cloth ³⁾.

1821—30 г.г. 12 шил. 3 п.
1831—40 " 8 " 10 "
1841—50 " 5 " 11 "

Прогресс техники вызвал быстрое расширение производства всех важнейших товаров. Особенно сильно развилась хлопчатобумажная промышленность, в чем можно убедиться из сравнения размеров хлопчатобумажного производства за соответствующие годы.

Среднее количество хлопка, ежегодно обрабатываемого в Соединенном Королевстве ³⁾ .	Возрастание в процентах.	Среднее количество ежегодно изготовляем. в Соед. Корол. бумажной пряжи ⁴⁾ (в мил. фунт.).	Среднее количество бумажных тканей ⁵⁾ (в мил. фунт.).	Число рабочих, занятых хлопчатобумажным пром. в Соед. Кор. ⁴⁾ .	Возрастание в процентах.
(В миллион. фунтов).					
1819—21 г.г. 120 м. ф.		107 м. ф.	80 м. ф.	360 тыс.	
1829—31 " 243 " "	+102%	217 " "	143 " "	415 " "	+15%
1844—46 " 588 " "	+142%	523 " "	348 " "	400 " "	-4%

Таким образом, характерной чертой рассматриваемого периода является расширение производства и торговли, сопровождаемое падением товарных цен. Заметим кстати, что за период 1830—45 годов в хлопчатобумажной промышленности расширение производства на 142% сопровождалось сокращением числа рабочих на 4%. Это служит лучшей иллюстрацией быстроты технического прогресса и его влияния на положение рабочего класса. Главную причину падения цен фабрикатов было, без сомнения, усовершенствование техники производства. Но что эта причина была не единственной, видно из того, что падали не только цены фабрикатов, но и всех других товаров. Вообще, средний уровень товарных цен за рассматриваемое время сильно понизился, как это видно по падению числа-показателя Джевонса (составленного на основании лондонских цен более, чем 40 различных товаров, преи-

¹⁾ Thomas Ellison, The Cotton Trade of Great Britain, London, 1886, стр. 68.

²⁾ Journal of the Statistical Society of London, 1861, декабрь. Статья A. Neild'a, An account of the prices of printing Cloth, стр. 495.

³⁾ Составлено по Ellison'y. Приложение № 1.

⁴⁾ Ellison, стр. 68—69.

⁵⁾ Составлено по таблице Jevons'a, Journal of the Statistical Society 1865, июнь, стр. 315.

мущественно всякого рода сырья, металлов и колониальных продуктов, цены которых помещены у Тука).

Средние по десятилетиям числа-показателя Джевонса ¹⁾.

Принимая 1-е чис. за 100.

1821—30	88,3	100
1831—40	82,6	94
1841—50	72,2	82

По всей вероятности, причина этого понижения заключается, главным образом, в неблагоприятных условиях для внешней торговли Англии в течение второй четверти XIX века. Развитие фабричного производства чрезвычайно повысило производительную силу английской промышленности. Количество продуктов, изготавливаемых в Англии, увеличилось в несколько раз, а между тем рынок для сбыта английских продуктов не расширялся. Внутренний рынок Англии сократился вследствие обеднения массы английского населения, а на внешнем рынке английская торговля встречала непреодолимые препятствия в виде запретительных или строго-охранительных тарифов. Большая часть английского вывоза должна была направляться в некультурные или мало-культурные страны Старого и Нового Света. Многие из них, как, напр., Австралия, в это время еще совсем не были заселены; другие (Ост-Индия) были недоступны для английской торговли вследствие неустойчивости внутренних путей сообщения. Торговля с Китаем до 1831 г. составляла монополию Ост-Индской компании и была совершенно ничтожна; только после заключения в Нанкине (29 августа 1842 года) мирного договора, передавшего в руки англичан несколько китайских гаваней, эта торговля стала быстро развиваться, и Китай сделался важным рынком для сбыта китайских фабрикатов ²⁾.

Таким образом, спрос на английские товары внутри страны и за границей возрастал очень медленно, и единственным средством достигнуть его увеличения являлось понижение цены товара. Поэтому цены английских товаров в течение всего этого периода падали, сокращая прибыль предпринимателей и заработную плату рабочих.

Недостаток рынков для сбыта товаров составлял постоянный предмет жалоб для промышленников того времени. Движение в пользу свободной торговли явилось выразителем действительно назревшей потребности промышленного класса, и потому оно так скоро увенчалось полным успехом. Аргументация фритредеров заключалась, главным образом, в повторении на все лады одной и той же мысли: для Англии необходимо расширение рынков, а это может быть достигнуто только свободной торговлей. Вот, например, как резюмирует проф. И. Янжул аргументы в пользу свободной торговли фритредера 30-х годов, Баднэлла: „Первейшая причина, — говорит Баднэлл, — всех наших несчастий состоит в недостатке удовлетворительных рынков для наших мануфактурных продуктов. Этот недостаток в такой стране, как Англия, где конкуренция, изобретательность и трудолюбие так деятельны и так растут, естественно понижает цены товаров ниже их действительной стоимости; количествоготавливаемых мануфактур так далеко превосходит их

¹⁾ Составлено по таблице Jevons'a, Journal of the Statistical Society. 1865, июнь, стр. 315.

²⁾ См. Leone Levi. Глава IX.

внутреннее потребление и, еще более того, количество, могущее быть приготовленным, настолько превосходит нынешний постоянный спрос, что отсюда потребление крайне не соответствует производству и общее для нас несчастье является неизбежным последствием ¹⁾. То же самое повторяется и позднейшими фритредерами — Аллисоном, Торренсом и другими.

Итак, внешний рынок не был достаточен для потребления продуктов английской промышленности. На внутреннем рынке положение дел было еще хуже. Так, напр., на внутреннем рынке Соединенного Королевства спрос на бумажные ткани не возрастал, а сокращался.

Средняя ежегодная ценность бумажных тканей, потребляемых в Соедин. Корол. ²⁾.
(В мил. фунтов ст.).

1836—40 гг.	18,5 м. ф.	14 шиллинг. 3 пенс.
1841—45 „	17,9 „ „	13 „ 2 „
1846—50 „	16,5 „ „	11 „ 10 „

На 1 душу населения Соедин. Королевства.
(В шиллингах и пенс.).

Мы видим, что спрос на хлопчатобумажные ткани на внутреннем рынке с каждым пятилетием становится меньше и меньше.

При таких неблагоприятных условиях падение товарных цен должно было неизбежно сопровождать всякое расширение производства.

Сокращение внутреннего потребления составляло несомненное доказательство обеднения массы английского народа в 30-х и 40-х годах XIX столетия.

Производительные силы английской промышленности в течение этого времени возросли в громадных размерах, производство увеличилось в несколько раз, промышленная техника сделала быстрые успехи; казалось бы, что завсем этим должно было последовать общее благополучие, улучшение положения рабочих классов, и уже никоим образом не падение их благосостояния. Правда, внешняя торговля развивалась медленно; но все же она не падала, а развивалась и ценность английского экспорта возрастала. Почему же положение рабочих классов так ухудшалось из года в год, что они должны были тратить все меньшую и меньшую сумму денег на удовлетворение такой настоятельной потребности, как одежда? Можно было бы предположить, что зато другие свои потребности рабочие классы стали удовлетворять полнее, чем прежде. Но насколько это предположение не соответствует истине, видно из нижеследующей таблицы.

Потребление сахара в Соединенном Королевстве.

На 1 душу населения ³⁾.

1821—25 гг.	17,4 ф.
1826—30 „	18,4 „
1831—35 „	18 „
1836—40 „	16,4 „
1841—45 „	17,4 „

Средняя цена сахара в Лондоне (включая пошлину) за 1 центнер ³⁾.

2 ф. 1 шил.
2 „ 17 „
2 „ 13 „
2 „ 3 „
2 „ 18 „

¹⁾ И. Янжул. Английская свободная торговля. Москва. 1882. Выпуск 2-й, стр. 315.

²⁾ Составлено по таблицам I. A. Mann'a, The Cotton Trade of Great Britain. Manchester. 1860. Эти же таблицы перепечатаны у Ure, Cotton Manufacture, II, 408.

³⁾ Составлено по таблице, помещенной в „The Economist“ 15 янв. 1859 г. Supplement, стр. 18.

В 1847 году цена сахара сильно понизилась вследствие уменьшения пошлин на колониальный и иностранный сахар, и потому данные за следующие годы несравнимы с предыдущими.

В последнее пятилетие на 1 душу населения Соединенного Королевства потреблялось как раз столько же сахара, как и в первое пятилетие 1820—25 г.г., хотя цена сахара и понизилась.

Итак, положение английской промышленности в 30-е и 40-е годы было таково: производство быстро расширилось, благодаря росту производительности труда, но в то же время внешний рынок был загражден таможенными заставами, а внутренний рынок страдал от падения спроса со стороны рабочего класса. Эти неблагоприятные условия не препятствовали успехам производства, но приводили к понижению товарных цен. Капитал накапливался и промышленность развивалась, но, как мы увидим ниже, развитие это шло путем продолжительных и тяжелых кризисов.

ГЛАВА III.

Кризисы второй четверти XIX века.

Общая характеристика колебаний английской промышленности.—Кризис 1825 г.—Открытие южно-американского рынка.—Спекуляции с южно-американскими ценностями.—Учредительская мания.—Постройка новых хлопчатобумажных фабрик.—Отлив английского капитала в Южную Америку.—Причины кризиса.—Кризис 1836 г.—Хорошие урожаи.—Отлив капитала в Соединенные Штаты.—Спекуляции с государственными землями.—Биржевой кризис 1835 г.—Характер спекулятивной горячки 1836 г.—Циркуляр президента Джаксона.—Различия отлива золота за границу и внутрь страны.—Сравнение кризисов 1836 и 1825 г.г.—Денежный кризис 1839 г.—Влияние американских спекуляций.—Отсутствие отлива золота внутрь страны.—Промышленный застой начала 40-х годов.—Кризис 1847 г.—Хорошие урожаи.—Постройка железных дорог.—Биржевой кризис 1845 г.—Неурожай 1846 и 47 г.г.—Сокращение вывоза.—Почему английский капитал не уходил за границу.—Изменение дисконтной политики Английского Банка.—Колебания цены хлеба.—Приостановка действия банковского акта 1844 г.—Отличие кризиса 1847 г. от предшествовавших кризисов.

Сделавши таким образом общую характеристику рассматриваемого периода экономической истории Англии, мы переходим к более детальному изучению отдельных ее моментов. Промышленные кризисы были известны и прежде. В XVIII столетии можно насчитать целый ряд кризисов—напр., кризис 1719 г. во Франции, вызванный финансовыми операциями Джона Лоу; английский кризис 1721 г., закончившийся крушением „Компании Южного моря“; кризис 1763 г., охвативший собой всю Северную Европу, и, наконец, кризисы 1793 и 1799 годов. Все эти кризисы во многих отношениях сходны с кризисами XIX столетия. В одном отношении, однако, они представляют существенное отличие: все они были вызваны какими-либо исключительными обстоятельствами, по большей части, политическими событиями, и происходили без всякой правильности, с большими промежутками. Так, напр., в Англии после 1721 г. более 70 лет не было значительного кризиса. Между тем, в XIX в. промышленные кризисы в Англии не только повторялись гораздо чаще, но, что всего замечательнее, в повторении их замечалась известная правильность, даже периодичность, о которой нам придется много говорить впоследствии.

Впрочем, английские кризисы 1811, 1815 и 1818 годов по своему типу приближались к кризисам XVIII столетия—они были вызваны легко определяемыми внешними причинами политического свойства¹⁾.

Совсем другой характер имели последующие английские кризисы: все они вызывались внутренними причинами, происходили среди полного мира и притом, обыкновенно, столь внезапно, что всех застигали врасплох. Во время общего благополучия, когда производство страны получали усиленное развитие и доводило до распространения во всех классах общества, как громовой удар разражался промышленный кризис со всеми своими последствиями: банкротствами,

¹⁾ Описание их см. у Tooke, History of Prices. Vol. I. Ch. V и Vol. II. Ch. VI.

безработицей, нуждой низших классов населения, и пр. По большей части причины кризисов были так мало очевидны, что парламент находил нужным назначать особые комиссии для расследования дела. Комиссии опрашивали десятки свидетелей — финансистов, банкиров, купцов — все людей практики, а не отвлеченных теорий, не склонных далеко искать объяснения интересующих их явлений. Тем не менее, комиссиям этим редко удавалось достигнуть согласия даже в своей собственной среде. В 1848 г. комиссия, назначенная палатой общин, пришла к выводам, прямо противоположным заключениям комиссии палаты лордов. Среди английских экономистов 30-х и 40-х годов образовались две школы, из которых одна (школа лорда Оверстона, Торренса и др.) приписывала кризисы недостаткам английской системы денежного обращения, между тем как другая (школа Тука и Фуллартона) отрицала какую бы то ни было связь между явлениями того и другого рода, и полемика между писателями той и другой школы составляла главное содержание экономической литературы того времени. Все это показывает, как сложны и разнообразны причины современных кризисов, составляющих наименее исследованное и раз'ясненное явление современного хозяйства.

Если мы будем сравнивать за целый ряд лет важнейшие статистические данные, характеризующие состояние английской промышленности и торговли, то заметим, что в промышленной жизни Англии наблюдаются от времени до времени сильные колебания, повторяющиеся с большой правильностью. В нижеследующей таблице сопоставлены за период 1821—1850 г.г. ежегодные изменения ценности вывоза продуктов Соединенного Королевства, цен британского железа, металлической наличности Английского Банка и числа банкротств в Англии.

	Ценность вывоза произведений Соед. Кор. ¹⁾ (в милл. фун. ст.).	Число банкротств в Англии (в десятках).	Относительные изменения ценны британского железа ²⁾ .	Металлическая наличность Англ. Банка, до 1831 года в конце августа, после 1831 г. в конце октября каждого года (в миллионах фунтов ст.) ³⁾ .
1823	35,5	124	78	12,7
1824	38,4	123	94	11,8
1825	38,9	147	114	3,6
1826	31,5	330	100	6,8
1827	37,2	168	86	10,5
1828	36,8	151	80	10,5
1829	35,8	216	72	6,8
1830	38,3	172	66	11,2
1831	37,2	182	63	6,4
1832	36,5	173	61	8,3
1833	40,0	129	65	9,5
1834	41,6	137	65	6,4
1835	47,4	131	64	6,1
1836	53,4	119	86	4,7
1837	42,1	195	74	7,9
1838	50,1	109	77	9,1
1839	53,2	147	77	2,6
1840	51,4	189	63	3,0

¹⁾ По Tables of the Revenue etc.. of the United Kingdom.

²⁾ По таблицам Джевонса (Investigations in Currency and Finance. London. 1884. Статья The Variation of Prices стр. 145—47).

³⁾ По Report on the Bank of England Charter. 1833. Appendix № 5, Reports on the Banks of Issue. 1840. 1841. Append. №№ 12, 6, Reports on Commercial Distress 1848. App. № 8. Reports on the Bank Acts. 1858. App.

	Ценность вывоза произведений Соед. Кор. (в милл. фун. ст.).	Число банкротств в Англии (в десятках).	Относительные изменения ценны британского железа.	Металлическая наличность Англ. Банка, до 1831 года в конце августа, после 1831 г. в конце октября каждого года (в миллионах фунтов ст.).
1841	51,6	184	61	4,0
1842	47,4	166	51	9,8
1843	52,3	126	43	11,9
1844	58,6	110	43	14,1
1845	60,1	116	59	14,0
1846	57,8	153	60	14,8
1847	58,8	191	60	8,4
1848	52,9	—	47	13,3
1849	63,6	—	40	15,3
1850	71,4	—	37	16,0
Средняя	47,1	160	67	9,3

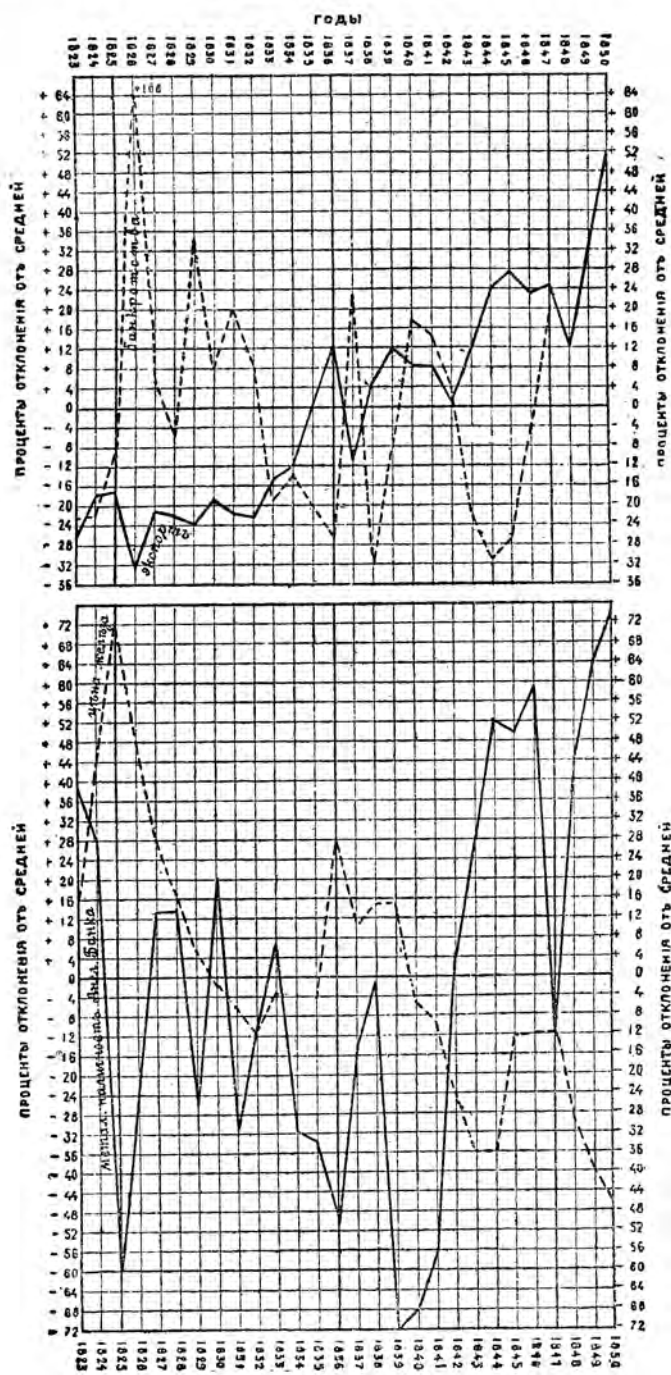
На основании этой таблицы построена нижеследующая диаграмма, к рассмотрению которой мы и переходим.

Вертикальные линии диаграммы отмечают годы, когда в Англии происходили промышленные кризисы. Таких кризисов в течение рассматриваемого периода было три — в 1825, 1836 и 1847 годах; в 1839 году был денежный кризис, который также отмечен в диаграмме вертикальной линией пунктиром.

Легко заметить, что между колебаниями всех кривых существует известная связь. А именно, кривая экспорта колеблется в том же направлении, как и кривая цены железа, причем первая кривая в общем повышается, а вторая падает; напротив, две остальных кривых — банкротств и металлической наличности Английского Банка — колеблются в обратном направлении. Самые сильные колебания приходятся в годы кризисов.

Перейдем теперь к детальному рассмотрению этих колебаний. Первое трехлетие 1823—25 г. было эпохой торгового и промышленного подъема: вывоз продуктов Соединенного Королевства возрос, цена железа чрезвычайно повысилась — металлическая наличность Английского Банка, напротив, сильно упала, причем падение ее в 1824 г. было медленным, а потом сделалось очень быстрым и даже стремительным. Очевидно, в конце 1825 года в области денежно-кредитного обращения страны произошла какая-то катастрофа, извлекая почти все золото из кассы Английского Банка. Катастрофа эта отразилась огромным повышением числа банкротств в следующем году, сокращением вывоза и падением цены железа. Напротив, металлическая наличность Английского Банка в 1826 г. снова повысилась. Следующие 6 лет, от 1827 до 1832 года, в промышленной истории Англии не представляют ничего выдающегося. В 1829 г. и 1831 г. замечаются увеличение числа банкротств и падение металлической наличности Английского Банка, но менее резкие, чем в 1825—26 г.г. Ценность английского экспорта изменяется мало; цена железа постепенно падает. С 1833 года начинается новая эпоха процветания. Экспорт быстро растет, так же как и цена железа; касса Английского Банка опять пустеет, и в конце 1836 г. вновь достигает минимума, как и в 1825 году; усиленное развитие торговли и промышленности заканчивается сильным потрясением кредита. В 1837 г. общее положение совершенно такое же, каким оно было в 1825 году. Кривая экспорта делает резкий скачок вниз, цена железа

Диаграмма № 1.

Эта диаграмма, так же, как и последующие, составлена следующим образом: для каждого года вычислено в процентах отклонение соответствующей цифры данного года от средней цифры за весь рассматриваемый период, и полученные цифры нанесены на диаграмму.

также понижается; банкротства увеличиваются, драгоценные металлы возвращаются в кассу Банка. В 1839 году металлические запасы Английского Банка достигают наименьшего уровня за весь рассматриваемый период; в этом году Англия перенесла тяжелый денежный кризис, влияние которого отражается на цене железа и в меньшей степени на экспорте. Конец 30-х и начало сороковых годов характеризуются низкими ценами, падением вывоза и высокой цифрой банкротств. В 1843 году начинается третья эпоха процветания, заканчивающаяся промышленным кризисом 1847 года. 1848 год вполне соответствует 1826 и 1837 году.

Итак, за рассматриваемое время в Англии было три промышленных кризиса—в 1825, 1836 и 1847 годах; кризисы эти не имели случайного характера, но были органически связаны с развитием английской промышленности и торговли. Это видно из того, что каждому промышленному кризису предшествовало одно и то же состояние денежного и товарного рынка. Каждая эпоха под'ема заканчивалась промышленным кризисом; за которым следовала более или менее продолжительная эпоха торгового застоя; после кризиса 1825 года вывоз долгое время не возрастал, после двойного кризиса 1836—39 г.г. экспорт даже падал несколько лет под-ряд. Действие кризиса 1847 года было менее продолжительным и отразилось только на состоянии торговли следующего года. Во всяком случае, мы видим, что в течение рассматриваемого периода всякое значительное оживление торговли приводило Англию к промышленному кризису.

В чем же заключались непосредственные причины этих кризисов? Это может выяснить история каждого из них.

Промышленный кризис 1825 года.

Мы говорили выше, что в 1815 и 1818 годах английская промышленность перенесла два тяжелых кризиса, которые привели к продолжительному торговому застою. Через шесть лет после кризиса 1818 года ценность вывоза продуктов Соединенного Королевства далеко не достигла уровня этого года (в 1818 г. было вывезено продуктов Соединенного Королевства на 46,4 м. ф., а в 1823 г.—на 35,4 м. ф.), а по своему количеству вывоз продуктов Соединенного Королевства повысился едва заметно (в 1818 г. официальная ценность вывоза равнялась 42,7 м. ф., а в 1823 г.—43,8 м. ф.). Из этого мы можем заключить, что не только цены стояли за рассматриваемое время низко, но и размеры национального производства и промышленности почти не возросли.

Такие же признаки застоя мы видим и на состоянии кассы Английского Банка.

31-го Августа каждого года.	Металлич. наличность Англ. Банка ¹⁾ .	Ссуды частн. лицам Англ. Банка ¹⁾ .
	В миллионах фунтов.	
1819 г.	3,6	6,3
1820 „	8,2	4,7
1821 „	11,2	2,7
1822 „	10,1	3,6
1823 „	12,7	5,6

¹⁾ По Report from the Select Committee on the Bank of England Charter. 1833, Appendix № 5.

Незначительный размер ссуд частным лицам показывает, что торговля страны была в неживом состоянии; при широком развитии коммерческого кредита оживление торговли выражается прежде всего в увеличении спроса на капитал и извлечении его из банков. Поэтому низкий размер ссуд частным лицам и скопление больших запасов золота в кассах банков служат обычным признаком торгового застоя.

Итак, в начале двадцатых годов, английская торговля была в застое. Ссудный рынок был переполнен капиталами, искавшими себе выгодного помещения, но не находившими его внутри страны. О количестве свободного капитала на лондонском рынке можно составить себе представление по громадным займам, которые в это время были заключены в Лондоне иностранными государствами.

Иностранные займы, заключенные на Лондонской бирже за время 1821—25 г.г. на номинальную сумму (в мил. фунтов) ¹⁾.

1821 г.	займы европейских государств	1,5
1822 г.	„ европейских государств	7,0
	„ государств Центральной и Южной Америки	3,45
1823 г.	„ европейских государств	5,5
1824 г.	„ европейских государств	3,3
	„ государств Центральной и Южной Америки	12,9
1825 г.	„ европейских государств	7,5
	„ государств Центральной и Южной Америки	7,82

Кроме того, английское правительство уплатило в течение 1819—20 г. около 12 мил. ф. Английскому Банку в счет долга, заключенного во время войны. Суммы, потребные для этой уплаты, были отчасти взяты из остатков государственных доходов, частью были получены путем превращения текущего долга банку в консолидированный, т.е. путем нового займа. Несмотря на эти займы, предложение свободных капиталов в Англии было настолько велико, что ссудный процент непрерывно понижался; это можно видеть из повышения курса 3-процентных английских консолей в 1823 и 24 году.

Курс английских 3-процентных консолей в Лондоне

30-го апреля 1823 года	73 ¹ / ₂
3-го октября	82 ¹ / ₂
1-го января 1824 года	86
2-го апреля	94 ¹ / ₂
Ноябрь	96 ¹ / ₂ ²⁾ .

Падение ссудного процента позволило английскому правительству совершить целый ряд конверсий: в 1824 г. 5 и 4⁰/₁₀ займы (на общую сумму 215 мил. ф.) были превращены в 4 и 3¹/₂⁰/₁₀ ³⁾. Касса Английского Банка была до такой степени переполнена золотом, что Банк мог свободно возобновить размен своих билетов на звонкую монету в 1821 г., несмотря на то, что парламент рассрочил операцию по возобновлению размена на 5 лет и предоставил Банку разные льготы для облегчения перехода от бумажно-денежного обращения к металлическому. Но Банк

¹⁾ Report from the Select Committee on the Bank of England Charter, Appendix № 95.

²⁾ Th. Tooke, II, 148.

³⁾ Report on the Bank of England Charter, Minutes of Evidence, показание Н. Palmer'a Qu. 606.

не считал нужным этим воспользоваться, ибо положение его кассы устраняло всякую опасность от немедленного восстановления размена.

Такое экономическое положение, когда капиталы переполняют рынок и производительные силы нации не могут развиваться только потому, что внешняя и внутренняя торговля страны расстроена предшествовавшим кризисом, не может продолжаться долго. Мало-по-малу национальная промышленность начинает оживать. Предприниматели ищут новых рынков, тщательно следят за спросом, и всякое увеличение спроса побуждает их немедленно расширить производство. Нужен только небольшой толчок, чтобы вся машина, вполне готовая к действию, была пущена полным ходом. Запас потенциальной энергии, который скопляется в социальном организме за время промышленного застоя, бывает настолько велик, что действие, производимое всяким благоприятным экономическим событием, может быть совершенно непропорционально причине.

В рассматриваемый период таким толчком к оживлению английской промышленности явилось открытие нового рынка в Америке. Как известно, после войны Франции и Испании в 1823 г. была признана независимость государств Южной и Центральной Америки, бывших ранее испанскими и португальскими колониями. В Англии было распространено мнение, что эти страны обладают неисчерпаемыми естественными богатствами, которыми жители не могли пользоваться под гнетом деспотического и невежественного чужеземного правительства; достижение южно-американскими государствами независимости открывало широкое поле приложения английской предприимчивости и английского капитала. Золотые и серебряные рудники в Мексике и Перу, о богатстве которых ходили самые преувеличенные толки, почти не разрабатывались за все время войны за независимость, а по восстановлении мира работы не могли начаться по недостатку капиталов. Между тем, Англия не знала, куда поместить свои капиталы, в изобилии приливавшие в банки и переполнявшие ссудный рынок. При таком положении дел неудивительно, что английские капиталы хлынули во вновь открытый рынок с такой же быстротой, как вода в пруде устремляется через отверстие в плотине.

Мы привели выше данные об иностранных займах на Лондонской бирже в первой половине 20-х годов. Большая часть этих займов была заключена в 1824 и 1825 годах государствами Центральной и Южной Америки. Кроме того, в это время было основано громадное количество акционерных компаний для разработки естественных богатств Нового Света, часто совершенно фантастических и существовавших только на бумаге. Акции расходились очень быстро, на них сразу появлялись значительные премии, и это естественным образом порождало спекуляцию. Не нужно забывать, что подписчики на биржевые ценности отнюдь не должны были немедленно вносить полностью всю подписную сумму. Достаточно было внести первый взнос, 5—10% подписной суммы, и акции или облигации поступали в собственность подписавшегося лица. Это давало возможность принимать участие в биржевой игре лицам с самыми небольшими денежными средствами. О размерах спекуляции на Лондонской фондовой бирже в 1824 и 1825 годах можно судить по повышению курса некоторых акций, особенно излюбленных спекуляций.

Курс акций на Лондонской бирже некоторых компаний для разработки рудников Нового Света.

	Уплачен. капитал.	10 декабря 1824 г.	11 янв. 1825 г.
		Премия или дисконт.	Премия.
Акции Англо-мексиканской компании ¹⁾	10 ф.	33 ф. премия	158 ф.
" Бразильской	10 ф.	10 ш. дисконт	70 ф.
" Колумбийской	10 ф.	19 ф. премия	82 ф.
" Реаль-дель-Монте	70 ф.	550 ф. премия	1.350 ф.
" Соединен. мексиканской	10 ф.	35 ф. премия	155 ф.

За один месяц спекулянты на повышение зарабатывали в конце 1824 года 125 ф. на Англо-мексиканских акциях (уплативши всего 10 ф.), 800 ф.—на акциях Реаль-дель-Монте (на капитал в 70 ф. с.) и т. д. При таких колоссальных барышах (превышавших 1.000% в 1 месяц) вполне понятно, что спекуляционная горячка через короткое время приобрела характер безумной мании, далеко распространившейся за пределы обычной биржевой публики. Все достаточные классы населения бросились на фондовую биржу спекулировать на повышение. По словам Annual Register, в конце 1824 года „принцы, аристократы, политики, чиновники, патриоты (?), адвокаты, врачи, духовные, философы, поэты, девушки, жены и вдовы устремились на биржу, чтобы поместить часть своего состояния в предприятиях, о которых они ничего не знали, кроме имени“.

Подобные внезапные массовые увлечения имеют эпидемический характер, и чем больше лиц заражены ими, тем сильнее их действие на остальное население. Но не нужно забывать, что эта спекулятивная эпидемия могла развиваться только потому, что в Англии скопилось много свободных капиталов, не находивших выгодного помещения на внутреннем рынке. По словам Пальмера, директора Английского Банка, первый толчок к спекуляции на иностранные ценности был дан правительственными конверсиями в начале двадцатых годов ²⁾. Английский капиталист, не желавший довольствоваться низким процентом, который он мог получить в своем отечестве, должен был помещать свой капитал за границей, а южно-американские государства, к тому же, предлагали самые заманчивые условия—займы заключались по 7, 8 и более процентов, в то время как цена 3% английских консолей повысилась почти до 100. Правда, в большинстве случаев американские государства предлагали эти условия без всякого намерения выполнить их, но английские капиталисты были расположены верить в солидность иностранных займов, так как займы европейских государств, заключенные на Лондонской бирже в 1818 и 1819 годах, оказались вполне надежным и прибыльным помещением денег.

Спекулятивная горячка, начавшаяся с иностранными ценностями, не замедлила распространиться и на внутренний рынок. Появились бесчисленные проекты образования акционерных компаний для самых разнообразных целей: постройки железных дорог, устройства каналов, паровых линий, газовых и страховых обществ, банков, фабрик и пр. и пр.

¹⁾ John Francis. History of the Bank of England. London, vol. II, стр. 4.

²⁾ Report on the Bank of England Charter, Minutes of Evidence, показание Н. Palmer'a, Qu. 606.

Следующая таблица даст понятие, как нерассчетливо действовала спекуляция в 1824 и 1825 годах ¹⁾.

Проект. и основан. компаний.	В течение 1824—25 г.				Совсем не были основаны.
	Из них удержались в последние годы.	Были ликвидиро- ваны.			
Ном. кап. Действ. уплач. 372,2 м. ф. 17,6 м. ф.	Ном. кап. Уплач. 102,8 м. 15,2 м.	Ном. кап. Уплач. 56,6 м. 2,4 м.	Ном. кап. 143,6		

Многие компании устраивались с исключительной целью биржевой игры, и потому среди них встречались такие фантастические предприятия, как компания для прорытия Панамского перешейка, очертания которого были в то время почти неизвестны, компания для ловли жемчуга у берегов Колумбии и т. д. ²⁾.

Таково было положение Лондонской фондовой биржи в конце 1824 и в начале 1825 года. Что касается промышленного мира, то в нем также было заметно большое оживление, хотя несколько не похожее на те безумные спекуляции, о которых мы только-что говорили. Действительно, фабрикант или заводчик не может из спекулятивных целей значительно повысить цену своих продуктов; цена фабрикатов не может совершать таких скачков вверх и вниз, как фиктивные ценности, обращающиеся на бирже, уже по одному тому, что спрос на фабрикаты есть действительный, а не фиктивный спрос, изменяющийся очень медленно. Тем не менее, в 1825 г. цены фабрикатов возрасли довольно значительно—так, напр., цены хлопчатобумажных тканей повысились в 1825 г. на 25% ³⁾. Размеры этого повышения кажутся совершенно ничтожными сравнительно с повышением биржевых ценностей, но зато последние часто совсем не представляют собою действительного богатства, в то время как лишняя пенни или шиллинг в цене фабрикатов увеличивает доход целых общественных классов, не только предпринимателей, но и рабочих.

В течение двух лет, 1824—25 годов, в Манчестере было построено множество новых хлопчатобумажных фабрик. Самая постройка производилась нередко без всякого наличного капитала—на средства банков, которые охотно ссужали деньгами под залог недвижимой собственности. Вот, напр., показание одного из директоров Манчестерского Банка, Джона Дайера: „В 1824 и в начале 1825 года многие ланкаширские банки употребляли всевозможные условия, чтобы расширить свои ссуды, и это повело к постройке новых фабрик и устройству новых мануфактур в поражающих размерах. Мы теперь страдаем от последствий этой губительной системы... Число фабрик в Манчестере быстро увеличилось за период 1823—25 г.г., а потом, с 1826 года и по настоящее время, число их почти не возрастало“ ⁴⁾.

Открытие южно-американских рынков вызвало в Англии не только биржевые спекуляции, но и увеличение экспорта английских товаров за границу. Не нужно думать, что из Англии потекли целые груды золота в Южную Америку для уплаты по всем займам, заключенным

¹⁾ Francis. History of the Bank of England. Vol. II, стр. 30.

²⁾ Tooke, II, 151.

³⁾ По таблице Neild'a в „Journal of Stat. Society“, 1861, декабрь.

⁴⁾ Report on the Bank of England Charter, Minutes of Evidence, показания J. Dyer'a, Qu. 4368—4394.

в Лондоне. В действительности уплата производилась не драгоценным металлом или, по крайней мере, не им одним, но в значительной степени также и товарами.

Ценность вывоза британских и ирландских товаров в Центральную и Южную Америку ¹⁾.

1821 г.	2.942	тысяч фунтов.
1822 „	3.167	„ „
1823 „	4.219	„ „
1824 „	5.573	„ „
1825 „	6.426	„ „

За четыре года вывоз возрос более чем вдвое. Главным предметом вывоза были хлопчатобумажные ткани. Вывоз их в Центральную и Южную Америку возрос, по своей ценности, с 1.509 т. ф. (в 1824 г.) до 3.596 т. ф. в 1825 г. Неудивительно, что под влиянием такого громадного спроса цена хлопчатобумажных тканей повысилась, а производство их в Соединенном Королевстве увеличилось (в 1821 г. в Соединенном Королевстве было переработано 129 м. фунтов хлопка, в 1825 г.—167 м. фунтов) ²⁾.

Откуда же взяли южно-американские государства в 1825 г. средства для покупки вдвое большего количества английских товаров, чем в 1821 г.? Средства эти были даны самими англичанами. Без помощи иностранных капиталов туземцы не могли бы в такое короткое время вдвое увеличить ввоз иностранных товаров, так как в действительности национальное богатство этих почти нецивилизованных стран развивалось очень медленно. Английские фабриканты были обмануты ими же самими созданным спросом и в скором времени должны были на опыте убедиться в неосновательности своих чрезмерных надежд.

Замечательно, что несмотря на общее оживление торговли, экспорт английских товаров во многие страны совсем не увеличился. Так, например, в государства Северной Европы Соединенное Королевство вывозило своих товаров: ³⁾.

1821 г.	на 9,0 м. ф.
1825 г.	„ 8,5 м. ф.

В государства Южной Европы:

1821 г.	на 6,9 м. ф.
1825 г.	„ 6,1 м. ф.

Почти все увеличение общей суммы британского экспорта приходится на Южную Америку и в меньшей степени на Соединенные Штаты. Из этого видно, что размеры торговли с каждой страной зависят преимущественно от индивидуальных условий, свойственных этой стране в отдельности, и в меньшей степени обуславливаются общим состоянием товарного рынка, большей или меньшей склонностью к спекуляции, чем это обыкновенно думают.

В течение 1824 г. положение английской промышленности было во всех отношениях цветущим, но цены товаров почти не повысились. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Оно доказывает,

¹⁾ По Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom.

²⁾ Ellison, Table № 1.

³⁾ Porter, 361.

какое огромное значение имеют естественные условия спроса и предложения при установлении цен товаров—вопрос, исчерпывающим образом разработанный Туком. Охватившая английское общество спекулятивная горячка не распространялась в течение первой половины 1824 года на товарный рынок потому, что в условиях спроса и предложения товаров не произошло значительной перемены. В конце 1824 г. положение изменилось; запасы всякого рода сырья сильно уменьшились вследствие усиленного потребления их в течение истекшего года. В то же время появились опасения, что урожай многих важных растительных продуктов (и прежде всего хлопка) будет недостаточен для покрытия обычных потребностей страны. Неудивительно, что при таких условиях спекуляция не замедлила распространиться и на товары. С начала 1825 года цены их стали быстро расти и достигли наибольшей высоты в июле месяце этого года.

Повышение цен разных товаров в течение 1-й половины 1825 г. сравнительно со второй половиной 1824 г. ¹⁾.

Хлопок (Georgia)	+113%
Шерсть (Испанская)	+ 10%
Табак (Виргинский)	+ 33%
Сахар (Гавана)	+ 31%
Кофе (Сан-Доминго)	+ 30%
Железо (британское)	+ 83%
Строительное дерево (Мемель)	+ 20%

Средний уровень цен, по расчетам Джеворса, поднялся в 1825 г. против предшествовавшего года на 17⁰/₀. Такое значительное повышение цен вызвало увеличение ввоза тех продуктов цены которых стояли на лондонском рынке ненормально высоко.

Увеличение ввоза в Соединенное Королевство разных продуктов в 1825 году сравнительно с предшествующим годом ²⁾.

Ввоз хлопка	+53%
„ шерсти	+96%
„ табаку	+81%
„ кофе	+ 4%
„ дерева	+21%

О влиянии колебаний торговых цен на направление международной торговли можно судить по изменению ввоза и вывоза Соединенного Королевства в 1824 и 1825 г.г. В течение 1824 года цены на лондонском рынке были низки, и вследствие этого количество товаров, ввезенных в Соединенное Королевство, повысилось сравнительно с предыдущим годом только на 5⁰/₀ (в 1823 г. официальная ценность ввоза Соед. Королевства—35,8 м. ф., а в 1824 г.—37,6 м. ф.), а количество продуктов Соединенного королевства, вывезенных за границу, возросло на 12⁰/₀. Напротив того, в 1825 г., когда в Англии цены очень поднялись, в Соединенное Королевство было ввезено товаров на 17⁰/₀ больше предшествовавшего года, а вывезено—меньше на 5⁰/₀.

Таким образом, в 1825 г. во внешней торговле Англии произошла крупная перемена—ввоз иностранных товаров сильно увеличился, а вы-

¹⁾ Вычислено по Туку, History of Prices, II, 157.

²⁾ Составлено по Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom, 1826—1827.

воз британских товаров за границу сократился. По расчетам Вильсона в 1825 г. действительная ценность ввоза Соединенного Королевства повысилась сравнительно с 1824 годом менее, чем на 18 м. ф. ¹⁾ Это послужило исходным пунктом для всех последующих событий, с роковой необходимостью вытекавших одно из другого и приведших английскую промышленность и торговлю к полному расстройству.

Общий ход этих событий, вкратце, был таков. Увеличение ввоза в Соединенное Королевство иностранных товаров сделало торговый баланс неблагоприятным для Англии. Золото стало уходить из Англии за границу, металлическая наличность Английского Банка быстро упала, и Английский Банк подвергся опасности приостановить размен своих билетов на звонкую монету. В помещаемой ниже таблице сопоставлены колебания металлической наличности Английского Банка с состоянием вексельного курса на Париж.

		Вексельный курс на Париж по предъявлению ²⁾ . (Премия на золото вычтена).	Металлическая наличность Английского банка (в миллионах ф. с. ²⁾).
1824 г.	31 января	25 фр. 34 с.	13,5
	28 февраля	25 " 35 "	13,8
	27 марта	25 " 37 "	13,9
	24 апреля	25 " 19 "	13,4
	29 мая	25 " 22 "	12,9
	26 июня	25 " 25 "	12,8
	31 июля	25 " 1 "	11,8
	28 августа	25 " 8 "	11,8
	24 сентября	25 " 15 "	11,8
	30 октября	25 " 5 "	11,4
	27 ноября	24 " 97 "	11,3
	24 декабря	25 " 2 "	10,7
1825 г.	29 января	25 " 5 "	9,5
	26 февраля	25 " 0 "	8,9
	26 марта	25 " 3 "	8,2
	30 апреля	25 " 3 "	6,7
	28 мая	25 " 0 "	6,1
	25 июня	24 " 96 "	5,5
	30 июля	25 " 1 "	4,2
	27 августа	25 " 1 "	3,6
	24 сентября	25 " 12 "	3,5
	29 октября	25 " 9 "	3,2
	25 ноября	25 " 2 "	3,0
	31 декабря	25 " 10 "	1,3
1826 г.	28 февраля	25 " 41 "	2,5
	31 августа	25 " 42 "	6,8

Как известно, вексельный курс служит самым верным показателем международного движения драгоценных металлов. Когда лондонский курс на Париж ниже 25 фр. 10 с. (по предъявлению), тогда выгодно пересылать золото из Лондона в Париж; когда же курс выше 25 фр. 35 с., тогда становится выгодным пересылать золото из Парижа в Лондон. Поэтому падение курса на Париж ниже 25 фр. 10 с. вызывает отлив драгоценных металлов из Англии за границу, и наоборот, поднятие курса выше 25 фр. 35 с. имеет своим следствием прилив в Англию золота из-за границы.

¹⁾ James Wilson. Capital, Currency and Banking. London, 1859, стр. 120.

²⁾ Report on the Bank of England Charter. App., № 6, 5, 97.

По состоянию лондонского курса в начале 1824 года можно видеть, что в это время заграничное золото приливало в Англию.

С июня месяца прилив золота из-за границы приостанавливается, и в конце года золото начинает отливать из Англии. Этот отлив продолжается с возрастающей силой до сентября 1825 г., когда опять наблюдается перемена—сначала золото перестало уходить из Англии, а затем с начала 1826 г. возобновился прилив звонкой монеты в Англию. Все эти колебания в приливе и отливе драгоценных металлов вполне понятны и объясняются состоянием внешней торговли Англии. В начале 1824 г. английский вывоз сильно увеличился, и это, естественным образом, вызвало прилив золота в Англию; в 1825 г. сильнее увеличился ввоз в Англию иностранных продуктов—и золото стало уходить из страны.

Английский Банк представляет собой место, в котором хранятся металлические резервы всей Англии; эти резервы являются основанием, на котором построено все здание английского кредита, ибо, как бы широко ни было развито кредитное хозяйство, оно всегда нуждается в некотором запасе звонкой монеты, уже по одному тому, что в мировой торговле драгоценные металлы есть единственное платежное средство. Сравнивая колебания вексельного курса с состоянием металлической наличности Английского Банка, мы легко заметим, что между этими обеими величинами существует известная зависимость. Когда курс благоприятен Англии, тогда металлическая наличность Английского Банка повышается, а когда курс неблагоприятен, тогда она понижается. Увеличение запасов золота и серебра в кассах Банка в первые три месяца 1824 г. естественно объясняется высотой вексельного курса. Сильное сокращение этих запасов в течение второй половины 1824 г. и первой половины 1825 г. точно также может быть объяснено низким уровнем вексельного курса и отливом золота за границу. Но за последние месяцы 1825 года соответствие между вексельным курсом и металлической наличностью Английского Банка исчезает. В сентябре месяце вексельный курс так повысился, что отлив золота за границу должен был прекратиться; между тем, золото продолжало уходить из кассы банка. То же самое наблюдается и в октябре и декабре месяца: при сравнительно высоком вексельном курсе—сокращение банковых запасов драгоценных металлов. Следовательно, падение металлической наличности Банка в 1825 году зависело от двух различных причин: одна причина (неблагоприятный торговый баланс и отлив золота за границу) действовала в течение первых 8 месяцев 1825 г.; другая причина, которую нужно еще определить, начала действовать с сентября 1825 г. и в 4 месяца довела кассу Английского Банка почти до полного истощения.

Мы говорили, что повышение товарных цен на лондонском рынке в первой половине 1825 г. вызвало увеличение ввоза в Англию иностранных товаров. Хотя цены товаров и могут возрасти под влиянием спекуляции, все-таки, в конце концов, они определяются отношением спроса к предложению. Предложение всех иностранных товаров на лондонском рынке сильно увеличилось в 1825 г., и это вызвало сначала приостановку повышательного движения цен, а затем быстрое падение их.

Цены товаров только в том случае могли бы удержаться в Лондоне на высоте 1825 г., если бы спрос на товары в Англии значительно увеличился, если бы английские фабрики стали перерабатывать больше,

чем прежде, хлопка, шерсти, шелка и т. д., если бы потребители стали больше потреблять табаку, сахару и пр. Но этого не могло быть: английские фабрики не могли расширить производства, так как иностранные рынки и без того были завалены английскими товарами, а потребление колониальных товаров не могло возрасти по той же причине—размерами производства определяется богатство страны и доходы всех общественных классов. Поэтому непомерно повысившиеся цены товаров должны были рано или поздно пасть, что действительно и произошло во второй половине 1825 года и в еще большей степени в первой половине следующего года.

Понижение товарных цен в 1-й половине 1826 года сравнительно с первой половиной 1825 года ¹⁾.

Хлопок (Georgia)	— 60%
Шерсть (испанская)	— 7%
Сахар (Гавана)	— 23%
Кофе (Сан-Доминго)	— 38%
Железо (британское)	— 27%
Строительное дерево (Мемель)	— 24%

Падение товарных цен разорило всех тех спекулянтов, которые закупали товары в надежде перепродать их с выгодой. Настроение торгово-промышленного мира резко изменилось: как прежде царил безграничное доверие и ожидание всего лучшего в будущем, так теперь распространилось уныние и опасение дальнейшего падения цен. В то же время спекуляции с южно-американскими ценностями оказались лишенными всякого солидного основания. Американские государства, в большинстве случаев, отнюдь не думали выполнить взятых на себя обязательств, проценты не уплачивались, и многие подписчики потеряли всю сумму взноса. Акционерные компании для разработки рудников и других естественных богатств Нового Света также повели к непроизводительной затрате капитала и не давали никаких доходов. Повышение курса биржевых ценностей должно было прекратиться уже потому, что успех одних спекулянтов побуждал других изобретать новые и новые предприятия. Спрос на капитал все увеличивался, и как ни были громадны английские капиталы, но и они должны были в конце концов исчерпаться. Мало-по-малу количество свободных капиталов на ссудном рынке сильно уменьшилось. Наступил момент затишья, борьбы между партиями повышателей и понижателей, и затем быстрое крушение карточного домика эфемерных предприятий, заполонивших Лондонскую биржу.

Таково было положение дел во второй половине 1825 г. Касса Английского Банка сильно опустела вследствие отлива золота за границу, многие биржевые спекулянты и торговцы были разорены падением цен биржевых бумаг и товаров. Но промышленные фирмы еще не банкротились, так как для того, чтобы обнаружилось банкротство промышленной фирмы, должен пройти известный промежуток времени, 3—4 и более месяцев, пока не наступит срок выполнения ее долговых обязательств. Прежде всего начались банкротства банков. Английские банки принимали большое участие в спекуляциях этого времени. Обыкновенная ошибка, погубившая в это время не один солидный банк,

¹⁾ Вычислено по Туку, *History of Prices*, Vol. II, 157.

заклучалась в следующем. Банк помещал свои капиталы таким образом, что их нельзя было немедленно реализовать в случае нужды. Между тем, в тревожное время, подобное описываемому, достаточно самого пустого и неосновательного слуха, чтобы вкладчики и владельцы банковых билетов немедленно хлынули в банк всей своей массой и потребовали возвращения вкладов и размена билетов на звонкую монету. Парламентским актом 1822 г. частным банкам был разрешен выпуск однофунтовых билетов; это сделало положение их еще более опасным, так как вкладчики однофунтовых билетов по большей части народ небогатый,—мелкие промышленники, купцы, фермеры, и проч., легко поддающиеся панике, одинаково склонные к преувеличенному доверию в благополучное время и к преувеличенному недоверию во время кризиса ¹⁾. Многие свидетели, опрошенные комиссией 1833 г., приписывали даже происхождение кризиса 1825 г. излишней циркуляции однофунтовых банковых билетов, но из всего вышесказанного можно видеть, насколько односторонне и несправедливо такое мнение. Однофунтовые билеты могли ухудшить положение частных банков, но кризис во всяком случае был неизбежен.

В октябре 1825 г. пять провинциальных банков обанкротились ²⁾. Самые солидные банки были осаждены публикой и рисковали приостановить платежи. Несмотря на то, что билеты Английского Банка пользовались неограниченным доверием публики, внутри страны появился сильный спрос на звонкую монету. Отлив золота за границу сменился отливом золота из Лондона в провинцию. По словам авторитетных свидетелей, дававших показания перед парламентской комиссией 1833 года, падение металлической наличности Английского Банка в конце 1825 года обуславливалось исключительно последней причиной ³⁾. Монетный двор непрерывно чеканил в течение нескольких месяцев золотую монету, которая сейчас же уходила внутрь страны.

Причина этого усиленного спроса на золото внутри страны заключалась в следующем: 1) однофунтовые билеты провинциальных банков могли быть разменены только на звонкую монету, так как Английский Банк не имел права делать новых выпусков билетов этой ценности; поэтому, когда огромное количество однофунтовых билетов стало предъявляться к размену, провинциальные банки пустили в ход свои крайние ресурсы для увеличения своих запасов звонкой монеты ⁴⁾; 2) текущие еженедельные расходы частных лиц, заработная плата, мелкие закупки и проч. могут производиться только звонкой монетой, и потому, при всяком требовании вкладчиками банков своих вкладов обратно, известная доля последних должна возвращаться золотом. В этом смысле дали интересные показания некоторые банкиры, опрошенные комиссией 1833 года; так, например, банкиры Беккет и Смит показали, что, когда фабрикантам нужны деньги для текущих расходов, они берут из банков $\frac{1}{8}$ требуемых денег банковыми билетами, а остальные $\frac{2}{3}$ золотом ⁵⁾;

¹⁾ См. об этом Report on the Bank of England Charter, Minutes of Evidence, показание Horsley Palmer'a, Qu. 271—279.

²⁾ Report on the Bank of England Charter, Appendix № 101.

³⁾ Report on the B. of E. Charter, Minutes of Evidence, показания Horsley Palmer'a, Qu. 272, J. Harman'a, Qu. 2226.

⁴⁾ Report, Minutes of Evidence, показание H. Palmer'a, Qu. 274.

⁵⁾ Report, Minutes of Evidence, показание W. Beckett'a, Qu. 1300—1302, показание J. Smith, Qu. 1474.

3) вследствие сокращения кредита, во время кризиса увеличиваются операции на наличные деньги, и вместе с тем в обществе распространяется стремление по возможности увеличивать свои резервы; под влиянием этого возрастает спрос на наличные деньги обоюдо рода—как на звонкую монету, так и на банковые билеты, если только последние пользуются полным доверием публики.

Мы говорили выше, что металлическая наличность Английского Банка понизилась за первые 9 месяцев 1825 г. на 6 мил. ф. вследствие отлива золота за границу. В сентябре месяце в кассе Банка оставалось только 3,9 м. ф. При такой слабой наличности, Банк должен был заботиться о собственном сохранении и поэтому он начал сокращать свои ссуды. В октябре Банк дисконтировал векселей на 6,2 м. ф., а в ноябре—на 5,2 м. ф. Правление Банка отказывалось придти на помощь провинциальным банкам, которые в это время более всего нуждались в поддержке. Таким путем оно надеялось удержать золото в своей кассе, но достигло результатов прямо противоположных. Отказ Английского Банка в ссудах только усилил панику, золото стало требоваться из банка в еще больших размерах, путем истребования вкладов, а провинциальные банки стали банкротиться один за другим.

Для того, чтобы вполне представить себе действие, производимое банкротством крупного банка или другого промышленного предприятия на все народное хозяйство, нужно иметь в виду, что при современном экономическом строе каждое отдельное хозяйство соединено тысячами невидимых нитей с другими хозяйствами. Все вместе образует, по сравнению К. Книса, одну гигантскую сеть¹⁾; если один уголок этой сети испорчен, то изменяется прочность других соседних узелков и т. д. Кризис распространяется лавинообразно, и потому действие его бывает так губительно. Крушение 5 банков в сентябре повело к тому, что в декабре приостановили платежи уже 70 банков²⁾. Металлическая наличность Английского Банка все уменьшалась и, наконец, 24 декабря достигла 1.027 м. ф. В 1797 г. Английский Банк приостановил размен своих билетов, имея большой запас золота в своих кладовых.

Правление банка уже готовилось прибегнуть к этой последней мере, но правительство решительно воспротивилось ей. Тогда Банк попробовал противоположную политику: вместо сокращения своих обязательств, он решил их расширить. Он решил придти на помощь потрясенной торговле и промышленности страны, дисконтировать все солидные коммерческие векселя, которые отвергали частные банки из опасения уменьшить свою кассовую наличность, открыть кредит в самых широких размерах всем лондонским и провинциальным банкам, которые можно было спасти своевременной поддержкой³⁾. Потребные для этого средства банк нашел в усиленных выпусках своих билетов, количество которых возросло с 17 м. ф. (3 декабря 1825 г.) до 26,1 м. ф. в январе 1826 г. В то же время количество векселей, дисконтированных банком, повысилось с 7 м. ф. (декабрь 1825 г.) до 13,7 м. ф. (январь 1826 г.).

Эти решительные меры оказались вполне действительными и увенчались полным успехом. Несмотря на увеличение ссуд, золото не только не уходило из кассы банка, но даже прилиvalo в нее, и в феврале 1826 г. металлическая наличность Банка уже повысилась до 2,5 м. ф.

¹⁾ Carl Knies. Der Credit. Berlin. 1879, II, 180.

²⁾ Tooke, II, 161.

³⁾ Report, Minutes of Evidence, показание J. Harman'a. Qu. 2217.

Так как золото требовалось не за границу, а во внутрь страны, для поддержания расстроенного кредита, то банковые билеты могли до известной степени заменить звонкую монету. Но еще важнее было нравственное действие, произведенное помощью Банка в то время, как весь коммерческий и денежный мир был об'ят паникой. Если бы Банк прибегнул к этой мере полгода раньше, когда золото требовалось для уплаты по заграничным векселям, то все вновь выпущенные банковые билеты были бы немедленно пред'явлены к размену, так как на международном рынке звонкая монета есть единственное платежное средство, и касса Банка опустела бы еще более. Но в конце 1825 г. положение денежного рынка было другое: вексельный курс был благоприятен Англии, и единственная причина отлива золота из Банка заключалась в расстройстве кредита. Билеты Английского Банка пользовались таким же доверием, как и звонкая монета, и поэтому усиленный выпуск их оказался как нельзя более кстати и чрезвычайно содействовал восстановлению доверия на денежном рынке.

Мы уже говорили, что в современном народном хозяйстве между всеми отдельными элементами его существует самая тесная связь. Банкротства банков (которые продолжались в течение всей первой половины 1826 г.) вызывали банкротства их клиентов—купцов и фабрикантов точно так же, как банкротства последних были весьма часто причиной того, что банки приостанавливали платежи. Весь 1826 год был посвящен ликвидации предприятий предшествовавшего года. Английская промышленность сильно пострадала от кризиса. В 1826 г. внешняя торговля Англии значительно сократилась (при чем сравнительно с 24-м г. вывоз бумажных тканей уменьшился на 32% по своей ценности и на 21% по своему количеству), размеры производства уменьшились, а число банкротств увеличилось более, чем вдвое. Более всего пострадали торговые фирмы, занимавшиеся экспортом английских товаров за границу: они не могли заплатить по своим векселям фабрикантам, вследствие невозможности продать за границей закупленные товары, и банкротились массами¹⁾.

Но не нужно думать, что вред, принесенный английскому народному хозяйству кризисом 1825 г., заключался в прямом уничтожении капиталов. Последнее, до известной степени, имело место: все те капиталы, которые были затрачены на заграничные займы и другие неудавшиеся предприятия, пропали безвозвратно. Так, напр., компания Реаль-дель-Монте затратила более 1 мил. ф. ст. на разработку серебряных рудников в Мексике и в конце концов должна была продать все свое имущество за 27 т. ф. ст.²⁾ На 9 иностранных займах, заключенных в Англии в 1824—25 г.г., английские капиталисты потеряли более 10 м. ф. ст. (уплаченный капитал равнялся 13,5 м. ф. ст., а рыночная ценность его после кризиса спустилась до 3 м. ф. ст.³⁾. Но все-таки капиталов в Англии осталось так много, что уже в феврале 1827 г. в Английском Банке скопилось золота и серебра на 10,2 мил. ф. ст., а вклады частных лиц возрасли до 8,8 м. ф. Английская промышленность страдала в течение 3—4 лет, непосредственно, следовавших за кризисом, не от недостатка капиталов, а от трудности приложить их к делу.

¹⁾ Th. Tooke. Considerations on the state of Currency. London, 1826, стр. 159.

²⁾ Leone Levi. History of British Commerce, стр. 179.

³⁾ James Wilson. Fluctuations of Currency, Commerce and Manufactures referable to Corn Laws. London, 1840, стр. 46.

Кризис не уменьшил производительных сил нации, но он расстроил весь механизм денежного и товарного обращения. Производители должны были сокращать производство, лишая заработка рабочих, терять проценты на основном капитале, стоявшем праздно (фабричных зданиях, машинах и пр.), только по той причине, что сбыт всех товаров сделался затруднителен. Правильная циркуляция товаров была нарушена и не могла восстановиться в течение известного времени. Результаты получились те же, как если бы страна действительно лишилась части своих капиталов.

Такое положение дел не может продолжаться долго. Всякий кризис в самом себе носит условия своего прекращения. Подобно тому, как в предшествовавшую эпоху все благоприятствовало чрезмерному расширению производства и повышению цен, так в эпоху ликвидации, последовавшую за кризисом, все клонилось к очищению экономической атмосферы и восстановлению доверия. Малосостоятельные или зарвавшиеся в спекуляциях хозяйства прекратили свое существование, производство сократилось, и главная причина, вызвавшая кризис и понижение цен товаров, перестала действовать. Рынок, освободившийся от наплыва товаров, стал опять предъявлять на товары усиленный спрос, и промышленность страны оживилась.

В некоторых отношениях кризис оказал даже благотворное действие на английскую промышленность. По словам фабриканта Смита, дававшего показания перед парламентской комиссией 1833 г., паровой ткацкий станок стал входить в общее употребление на фабриках только после кризиса 1825 года ¹⁾. В выплавке железа тоже со времени 1825 г. были произведены важные улучшения, сильно понизившие, по словам заводчика Гилля, стоимость железа ²⁾. Падение прибыли, вызванное понижением цены, побудило фабрикантов искать способов удешевить производство, и потому годы, непосредственно следовавшие за кризисом 1825 г., были отмечены особенно быстрым техническим прогрессом.

Промышленный кризис 1836 г.

Четырехлетие 1833—36 г.г. замечательно в истории английского хозяйства необыкновенно хорошими урожаями. Урожай эти были так обильны, что в течение нескольких лет Англия почти совсем не нуждалась в привозном хлебе, и цена английской пшеницы достигла самого низкого уровня за все предшествующие 60 лет. В приводимой таблице ввоз в Соединенное Королевство пшеницы и цена ее выражены в процентах среднего ввоза и цены пшеницы за предшествующие 4 года.

Год	Ввоз в Соединенное Королевство пшеницы в тысячах кв. ³⁾	Процентное отношение к среднему ежегодному ввозу за предшествующее четырехлетие.	Средняя цена британск. пшеницы за 1 квартал ⁴⁾	Процентное отношение к средней цене за предшествующее четырехлетие.
1833 г.	83	7%	52 ш. 11 п.	83%
1834 "	65	5%	46 " 2 "	72%
1835 "	28	2%	39 " 4 "	61%
1836 "	25	2%	48 " 6 "	77%

¹⁾ Report on Manufactures, Commerce and Shipping. Minutes of Evidence, показание Smith. Стр. 565.

²⁾ Ibidem, показание Hill'a Стр. 620.

³⁾ Porter, 138.

⁴⁾ Porter, 146.

Такие исключительно обильные урожаи, естественно, должны были содействовать оживлению английской промышленности. Следы кризиса 1825 г. уже раньше совершенно изгладились, в чем можно убедиться из отчета парламентской комиссии 1833 г.

Комиссия эта была назначена для исследования, в какой мере были справедливы жалобы многих английских торговцев и промышленников на угнетенное состояние английского хозяйства. Из показаний большинства свидетелей, опрошенных этой комиссией, выяснилось, что, хотя в начале 30-х годов в Англии не замечалось наклонности к спекуляциям и цены товаров не были высоки, в общем экономическое положение страны было вполне удовлетворительным ¹⁾. Среднее ежегодное число банкротств в Англии и Уэльсе за трехлетие 1830—32 г.г. было 1.769—цифра, близко приближающаяся к средней цифре банкротств в Англии и Уэльсе за десятилетие 1821—30 г.г.—1.726. Поэтому, если бы после 1832 г. и не последовало одного за другим четырех обильных урожаев, можно было бы ожидать для английской промышленности наступления новой эпохи процветания; тем более должна была оживиться английская торговля и промышленность под влиянием блестящих урожаев первой половины 30-х годов.

Итак, непосредственная причина этого оживления заключалась в хороших урожаях в самой Англии. Но так как между внутренней и внешней торговлей Англии существует тесная связь, то усиление спроса на внутреннем рынке немедленно повлекло за собой увеличение вывоза английских товаров за границу. Для английского мануфактуриста весьма часто бывает выгодно продавать свои товары за границей даже по таким ценам, которые не только не дают ему обычной прибыли, но и не окупают издержек производства. В этом смысле дал интересное показание ливерпульский купец Шоу, опрошенный комиссией 1833 г. По его словам, мануфактуристы хлопчатобумажных тканей обыкновенно имеют регулярный спрос на $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ своих произведений; остальная часть производимых ими тканей отправляется ими за границу, очень часто за свой собственный счет, для того, чтобы товары не загромождали рынка и не понижали цены на месте постоянного сбыта их. Если за границей товар будет продан по цене, не окупающей издержек производства, мануфактурист все-таки может быть в барышах, так как выгода производства в крупных размерах может превзойти потерю на продаже части товара по непропорционально низкой цене. Поэтому всякое расширение производства в Англии всегда сопровождается увеличением вывоза английских товаров за границу, даже если за границей спрос на эти товары и не возрастает ²⁾.

Но, разумеется, такое искусственное расширение вывоза не может продолжаться долгое время без сильного падения товарных цен. Между тем, в половине 30-х годов цены британских мануфактур за границей не падали, а повышались. Из этого ясно, что кроме указанной причины, расширение вывоза британских произведений за границу было вызвано и улучшением условий внешней торговли Соединенного Королевства. И действительно, за рассматриваемое время британский вывоз возрос не равномерно во все страны (как это должно было бы

¹⁾ См. Report on Manufactures, Commerce and Shipping, Minutes of Evidence, показание S. Gurney, Josua Bates'a, Thompson'a, Larrent'a и др.

²⁾ Report on Manufactures, Minutes of Evidence, показание Shaw.

быть, если бы действовала только первая причина), но направился преимущественно в одну страну—Соединенные Штаты.

Ценность вывоза произведений Соединенного Королевства ¹⁾
(в тысячах фунтов ст.)

	Соедин. Штаты.	Северн. Европу.	Южную Европу.	Азию.	Центральную и Южную Америку.
1832 г.	5.468	9.897	5.867	4.235	4.272
1833 „	12.426	10.000	9.001	6.751	5.955

Мы видим, что сравнительно с 1833 г. ценность британского вывоза в Соединенные Штаты увеличилась более, чем вдвое; вывоз британских произведений в другие страны возрос гораздо слабее. Это быстрое расширение экспортной торговли Англии в Соединенных Штатах, сменившееся затем еще более стремительным сокращением ее, составило непосредственную причину промышленного кризиса 1836 г., и потому, чтобы принять развитие этого кризиса, мы должны выяснить условия американской торговли в 30-х годах.

Если мы сравним движение драгоценных металлов в Соединенных Штатах с состоянием торгового баланса этой страны за первую половину 30-х годов, то увидим, что в 30-х годах в Соединенные Штаты одновременно приливали и товары, и деньги.

	Избыток ввоза товаров в Соединенные Штаты (в мил. долларов) ²⁾ .	Избыток ввоза драгоцен. металлов в Соедин. Штаты (в миллионах долларов) ²⁾ .
1832 г.	13,6	0,2
1833 „	13,5	4,4
1834 „	6,3	15,8
1835 „	21,5	6,6
1836 „	52,2	9,0

Несмотря на громадный перевес ввоза товаров над вывозом, драгоценные металлы все время приливали в Соединенные Штаты. Это доказывает, что уплата за товары, ввозимые в Соединенные Штаты, производилась не золотом, а какими-либо другими ценностями.

Что же это были за ценности и откуда они брались? Соединенные Штаты в это время не были так богаты капиталами, как в настоящее время, и не могли кредитовать другие страны. Остается заключить, что они сами кредитовались у других. Действительно, европейский капитал, и преимущественно английский, в изобилии притекал в 30-х годах в Соединенные Штаты. Без помощи европейских капиталов Соединенные Штаты не могли бы предпринять постройки целого ряда железных дорог и каналов, которые были начаты в это время. Большая часть железнодорожных акций, точно так же, как акций частных банков и других акционерных предприятий, была помещена в Англии. Извлекаемые таким образом денежные средства были употребляемы частью на расширение торговли и промышленности, причем прилив капиталов вызвал образование громадного количества новых

¹⁾ По Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom. 1842.

²⁾ William Sumner. A history of American Currency. New-York, 1875, 134.

промышленных предприятий; частью же прибывавшие капиталы поступали на биржу и поощряли всякого рода биржевые спекуляции. Обилие свободных капиталов вызвало образование целого ряда новых банков—за 2 года 1835—1836 г. в С. Штатах было основано 61 новых банков с капиталом в 52 милл. долларов ¹⁾.

По той же причине увеличилась продажа государственных земель в западных штатах; покупатели их отнюдь не имели в виду заниматься земледелием, а приобретали землю с исключительной целью получить барыши при последующей перепродаже ее.

Ценность государственных земель, ежегодно покупавшихся в Соединенных Штатах ²⁾.

1833 г.	3,9 м. д.
1834 „	4,8 „ „
1835 „	14,7 „ „
1836 „	24,8 „ „
1837 „	6,7 „ „
1838 „	3 „ „

Мы видим, что до 1836 г. покупка государственных земель быстро возрастает, а после 1836 г. внезапно падает. Количество земель, покупаемых в Соединенных Штатах, является прекрасным барометром состояния американского денежного рынка. Несмотря на то, что в 30-х годах продажа государственных земель в Соединенных Штатах производилась только на наличные деньги, спекулировать с этими землями могли люди без всяких средств. Специально для того устроенные банки открывали спекулянтам кредит, снабжая их своими билетами, которые принимались в государственном казначействе в уплату за землю. Пока государственное казначейство не стало требовать уплаты золотом, банки могли неограниченно расширять свои операции и увеличивать выпуск своих билетов. Земля, в сущности, покупалась в кредит, так как выручаемые за продажу ее банковые билеты немедленно опять возвращались в банки в виде вкладов государственного казначейства. Таким образом, покупка государственных земель принимала характер биржевой игры.

Все это вместе взятое—обилие капиталов, оживление торговли и промышленности, повышение цен движимости и недвижимости в Соединенных Штатах—вызвало усиленный спрос на европейские товары. Но, кроме того, английские капиталисты искусственно увеличивали ввоз английских товаров в Соединенные Штаты путем открытия широкого кредита американским импортерам. Несколько крупных банкирских домов в Англии специально занимались этим делом. Они открывали кредит американским торговцам, а когда наступало время уплаты, то последние нередко погашали долг одному банку при помощи кредита, открытого им в других банках. Таким образом, 7 банкирских домов (6 в Лондоне и 1 в Ливерпуле), имевших в совокупности около 2 м. ф. с. капитала, акцептировали в 1836 г. более чем на 15 м. ф. американских векселей ³⁾. Понятно, что при таких условиях ввоз английских товаров в Соединенные Штаты быстро перерос естественные границы потребления и приобрел спекулятивный характер. Как в 20-х годах

¹⁾ См. W. Sumner, 123.

²⁾ W. Sumner, 119.

³⁾ Edinburgh Review, 1836. Ст. The crisis in American Trade.

Центральная и Южная Америка покупала английские товары на английские же деньги, так в 30-х годах Соединенные Штаты покупали английские товары при помощи английских же капиталов. Прекращение прилива английского капитала в Соединенные Штаты должно было немедленно приостановить спрос на английские фабрикатy, что в скором времени и не замедлило произойти.

Вернемся теперь к Англии. В половине 30-х годов на английском товарном рынке замечалось большое оживление, которое, впрочем, не имело характера спекулятивной горячки, служащей обычным предвестником приближающегося кризиса. Товарные цены несколько повысились, но повышение это вполне объяснялось условиями рынка: повысились цены хлопка, шелка, льна, меди, вообще всякого рода сырья, что было вполне естественно, так как расширение производства увеличило спрос на сырье. Но на фондовом рынке положение дел было иное. С июля 1833 г. до конца 1834 г. испанское и португальское правительство заключило целый ряд займов в Англии. Реализация этих займов дала значительные барыши подписчикам, и спекуляция не замедлила распространиться на все другие иностранные фонды; цены их быстро возрасли, в некоторых случаях до 100%. По словам директора Английского Банка, Г. Пальмера, „до весны 1835 г. не приходило почти с континента, которая не была бы нагружена всевозможными иностранными фондами для продажи на здешнем рынке. В мае 1835 года наступила реакция: панический ужас охватил спекулянтов, и цены иностранных фондов упали еще быстрее, чем поднялись раньше“¹⁾.

Таким образом, биржевой кризис разразился в Англии уже в 1835 г.; но крайне характерно, какое слабое влияние он оказал на общее хозяйственное положение страны. Паника на Лондонской фондовой бирже, ограниченная тесным кругом биржевых спекулянтов, не распространилась на более обширные классы общества и не помешала дальнейшему развитию английской торговли и промышленности, которая, по словам Тука, вплоть до 1836 г. не обнаруживала признаков ненормального возбуждения.

В 1836 г. положение английского товарного рынка заметным образом изменилось. Увеличение национального богатства, обусловленное промышленным и торговым оживлением предшествовавших лет, скопление на денежном рынке громадных капиталов, ищущих выгодного помещения — все это создавало такую благодарную почву для спекуляции, что последняя не могла не развиться.

Спекулятивная горячка 1836 г. тем отличается от спекуляций 1825 г., что последние были исключительно направлены на иностранные предприятия, между тем как в 1836 г. они направлялись преимущественно на предприятия внутри страны. Причина этого различия вполне понятна: в начале 20-х годов толчок к усиленному развитию английской промышленности был дан извне — признанием независимости испанских и португальских колоний. В 30-х же годах непосредственной причиной оживления английской промышленности был ряд урожаев в самой Англии. В 1825 г. излюбленным предметом спекуляции на Лондонской бирже были акции Мексиканских и Южно-Американских рудников, а в 1836 г. — акции английских железных дорог и частных банков. При возобновлении

¹⁾ J. Horsley Palmer. Causes and Consequences of the Pressure on the Money Market, 1837. Стр. 28.

хартии Английского Банка в 1833 г. было разрешено повсеместное образование депозитных акционерных банков, но до 1836 г. число вновь основанных акционерных банков было невелико; зато в 1836 г. число их быстро увеличилось в несколько раз.

Число акционерных банков, ежегодно основываемых в Соединенном Королевстве¹⁾.

1833 г.	10
1834 „	10
1835 „	9
1836 „	48

Кроме того, спекуляция набросилась на акции железных дорог, рудников, каналов и других промышленных предприятий. В мае 1836 г., при обсуждении бюджета, министр торговли Пулет Томсон произнес речь по поводу опасности такого положения дел: „Нельзя себе представить — говорил он, — до каких размеров дошла страсть к спекуляции в нашей стране. Нельзя прочесть газеты, биржевого листка, прейскуранта или какого-либо другого торгового издания, чтобы не встретить объявления об учреждении новых акционерных обществ, из которых многие такого сорта, что несостоятельность их очевидна с первого взгляда. Я счел своим долгом составить список различных акционерных обществ и их основного капитала. Оказалось, что число их равняется 300 или 400, а номинальный капитал достигает почти 200 миллионов ф. ст. Большинство этих обществ устраивается спекулянтами, желающими с выгодой перепродать свои акции; они стараются искусственно поднять курс акций и предоставляют дальнейшую заботу об основанных ими предприятиях покупателям акций, имевшим безрассудство поместить таким образом свои деньги... С большим огорчением я замечаю увеличение акционерных банков во многих частях страны, потому что ко многим из них применимо все худое, что можно сказать о других акционерных обществах²⁾. Действительно, многие акционерные банки устраивались слишком поспешно, в расчете на легкое приобретение. Чтобы легче собрать требуемые капиталы, банки выпускали акции самых ничтожных купюр; так, например, в 1836 г. были выпускаемы банковые акции в 10 и 5 ф. ст. ценностью³⁾. Понятно, что такая низкая цена акций поощряла спекуляцию.“

По словам Леона Леви, номинальный капитал акционерных компаний, основанных в Соединенном Королевстве в течение 1834—1836 г.г., равнялся 105,2 милл. ф. ст., из которых 69,6 милл. ф. ст. приходилось на железные дороги, 23,8 милл. — на банковые учреждения, 7,6 — на страховые общества, 7,0 м. — на горнозаводские предприятия, 3,7 м. — на каналы и т. д.⁴⁾

В течение первой половины 1836 г. цены многих товаров на Лондонском рынке сильно повысились, как это видно из нижеследующей таблицы:

¹⁾ Report from the Secret Committee on the Joint Stock Banks together with the Minutes of Evidence, Appendix and Index, 1837. App. II, № 1.

²⁾ Цитировано по Туку (History of Prices, II, 276).

³⁾ Report on the Joint Stock Banks 1837, Minutes of Evidence, показания James Marshall'a, Qu. 4502.

⁴⁾ Leone Levi. History of the British Commerce, 229.

Повышение лондонских цен в июле 1835 и 1836 года сравнительно с июлем 1833 года ¹⁾.

	Июль 1835 г.	Июль 1836 г.
Цена хлопка (Georgia)	+25%	+31%
„ шерсти (испанской)	+33%	+22%
„ шелка (итальянского)	+17%	+40%
„ железа (британского)	-9%	+60%
„ свинца (британского)	+32%	+95%
„ сахара (Гавана)	+23%	+80%
„ индиго (ост.-индск. среднего качества)	+31%	+45%
„ табака (виргинского)	+22%	+44%

Повышение товарных цен немедленно отразилось на внешней торговле Англии: в 1836 г. количество всего вывоза Соединенного Королевства увеличилось только на 7% против предшествовавшего года, а количество иностранных товаров, ввезенных в том же году в Соединенное Королевство, возросло на 17%. (В 1835 г. официальная ценность всего вывоза Соединенного Королевства равнялась 91,2 м. ф., а ввоза—48,9 м. ф., в 1836 г. официальная ценность вывоза равнялась 97,6 м. ф., а ввоза—57,0 м. ф.).

Между тем, в Соединенных Штатах события неудержимо вели страну к кризису. Чтобы остановить спекуляцию по покупке государственных земель, президент Джаксон 11 июля 1836 г. издал знаменитый циркуляр, который враждебная президенту партия признавала главной причиной всех последовавших бедствий. Циркуляр этот вообще запрещал продажу государственных земель иначе, как на звонкую монету; в тех же случаях, когда государственному казначейству было позволено принимать в уплату за государственные земли банковые билеты, последние должны были немедленно предъявляться государственным казначейством к размену.

Действие этого циркуляра было очень быстрое: спекуляции по покупке государственных земель сразу приостановились, так как банки не могли больше кредитовать своих клиентов и, опасаясь требования золота, стали принимать энергические меры для увеличения своих резервов. Но, как и всегда в подобных случаях, эти меры, принятые слишком поздно, привели к обратному результату, сравнительно с тем, который имелся в виду. Не получая поддержки от банков в форме дисконта векселей, клиенты банков бросились извлекать обратно свои вклады и предъявлять к размену банковые билеты. Мало-по-малу денежный рынок Америки охватила паника; в западных штатах, служивших главной ареной спекуляций с государственными землями, начались банкротства банков, за которыми последовали банкротства торговцев и промышленников. Разорение розничных торговцев на Западе повлекло за собою разорение оптовых торговцев, за которыми, в свою очередь, последовали банкротства импортеров в Нью-Йорке. Таким образом, кризис, начавшийся в отдаленном углу страны, немедленно распространился по всему континенту, и на всем пространстве Соединенных Штатов торговля сразу приостановилась.

Нечего и говорить, что циркуляр президента Джексона мог ускорить наступление кризиса, но кризис этот, во всяком случае, должен был раньше или позже наступить. При сильном развитии спекуляции

¹⁾ Вычислено по таблицам Тука, History of Prices, Vol. II.

и чрезмерном расширении кредита достаточно небольшого толчка, разорения какой-нибудь банкирской или торговой фирмы, чтобы началась паника и последовало общее крушение. В середине 1836 г. спекулятивная горячка в Соединенных Штатах достигла такой силы, предложение всякого рода товаров было до такой степени несоразмерно с обычными размерами потребления, что кризис был неизбежен.

События в Соединенных Штатах немедленно отозвались в Англии. Английский банк поднял дисконт, чтобы задержать отлив золота из своей кассы (золото это уходило в Соединенные Штаты), и этим подал первый сигнал к тревоге. Для уяснения последующих событий мы должны остановиться над состоянием счетов Английского Банка в 1836 и 1837 годах.

Счеты Английского Банка и вексельный курс в Лондоне на Париж.

	Металлическая наличность (в мил. ф.) ¹⁾ .	Наименьший дисконтный % ²⁾ .	Ссуды частным лицам (в мил. ф.) ¹⁾ .	Вексельный курс на Париж по предявлению ³⁾ . (Премия на золото вычтена).
1836 г. 5 января	7,7	4	17,5	25 фр. 31 с
2 февраля	7,6	4	11,3	25 " 27 "
1 марта	7,9	4	11,1	25 " 31 "
5 апреля	7,8	4	11,4	25 " 28 "
3 мая	7,5	4	10,4	25 " 14 "
7 июня	7,1	4	12,4	25 " 8 "
5 июля	6,7	4	14,9	25 " 10 "
2 августа	5,6	4 1/2	12,7	25 " 11 "
6 сентября	5,2	5	13,4	25 " 14 "
4 октября	5,0	5	14,2	25 " 15 "
1 ноября	4,7	5	13,5	25 " 20 "
6 декабря	3,9	5	18,1	25 " 29 "
1837 г. 3 января	4,2	5	20	25 " 27 "
7 февраля	3,8	5	14,7	25 " 13 "
7 марта	4,1	5	14,8	25 " 23 "
4 апреля	4,4	5	15,2	25 " 30 "
2 мая	4,4	5	14,1	25 " 31 "
6 июня	5,1	5	13,0	25 " 30 "
4 июля	5,6	5	13,6	25 " 32 "
1 августа	6,1	5	12,1	25 " 32 "

В течение первых четырех месяцев 1836 года вексельный курс был благоприятен для Англии, и, следовательно, золото притекало в Англию из-за границы. С мая месяца курс делается неблагоприятным, и золото начинает уходить из Банка. В августе банк поднял дисконтный процент с 4-х до 4 1/2, а в сентябре дисконтный процент был повышен до 5. Тем не менее, золото продолжало отливать из Англии. С ноября месяца курс делается благоприятен Англии—верный признак, что отлив золота за границу прекратился. Но золото продолжает уходить из Банка—очевидно, *external drain* (отлив золота за границу) сменился более опасным *internal drain* (отливом золота внутрь страны).

Уменьшение металлической наличности Английского Банка за время от мая до сентября 1836 г. зависело как от неблагоприятного для Англии

¹⁾ Report from the Select Committee on the Banks of Issue 1840. App. № 12.

²⁾ Report on the Banks of Issue, Appendix № 9.

³⁾ Report from the Secret Committee on the Commercial Distress 1843, App. № 13.

торгового баланса, так и от сильного спроса на золото в Соединенных Штатах, вызванного циркуляром президента Джаксона. Джексон был энергичным противником системы свободных от государственного контроля эмиссионных банков, и потому, когда в 1836 г. истек срок привилегии главного эмиссионного банка страны, „Банка Соединенных Штатов“, привилегия эта не была возобновлена. „Банк Соединенных Штатов“, принимавший самое деятельное участие во всех спекуляциях этого времени, должен был, для обеспечения своей кассы, заключить в Лондоне экстраординарный заем на 1 миллион долларов золотом. Другие банки также делали все возможное для усиления своей кассы, и потому летом 1836 года Лондонская биржа была наводнена американскими ценностями, которые продавались американскими банками за наличные деньги. Чтобы обеспечить свою кассу, Английский Банк, в августе месяца, поднял дисконт до 5% и постановил не дисконтировать векселей некоторых фирм, находившихся в тесных сношениях с Америкой. Ссуды частным лицам несколько уменьшились, но отлив золота продолжал усиливаться, так как меры Английского Банка имели своим ближайшим последствием возбуждение тревоги и беспокойства на денежном рынке Англии. Затруднительное положение многих вновь основанных банков в Соединенном Королевстве увеличивалось еще от того, что они имели многочисленные отделения в разных городах; а так как каждое отделение должно было иметь свою особую кассу, то банки должны были держать значительно большие резервы наличных денег, чем в том случае, когда касса только одна.

7-го ноября прекратили платежи Ульстерский и Бельфастский банки, 9-го ноября—другой крупный ирландский банк (Agricultural and Commercial Bank of Ireland), из которого было взято публикой за октябрь месяц на 150 т. ф. золота, путем предъявлений к размену банковых билетов и обратного требования вкладов¹⁾. Банк этот имел 45 отделений, и это обстоятельство, по словам директора банка Дуайэра, было одной из причин его крушения²⁾. Первое крушение вызвало, как и всегда в таких случаях, панику. Большая часть ирландских банков подверглась тому, что англичане называют *run*, т. е. набегу, натиску со стороны публики. Для своего спасения банки должны были всеми способами увеличивать запасы золота в своих кассах, и золото потекло из общего резервуара звонкой монеты всего Соединенного Королевства—из Английского Банка—в Ирландию. В ноябре и декабре месяце из Англии в Ирландию было переслано 2 м. ф. золота, исключительно для обеспечения резервов ирландских банков. Золото это было извлечено из кассы Английского Банка³⁾. Если уменьшение металлической наличности Английского Банка было не так значительно (с 1 ноября 1836 года запас золота в Английском Банке уменьшился только на 1/2 м. ф.), то причина этого заключалась в благоприятном вексельном курсе, под влиянием которого золото стало возвращаться в Англию.

Отчего же вексельный курс сделался благоприятен для Англии в самую опасную для английского кредита минуту? С этим фактом мы будем встречаться неоднократно: когда наступает „*internal drain*“, то „*external drain*“ прекращается. В момент наибольшей паники, когда кре-

¹⁾ Report on the Joint Stock Banks 1837, Minutes of Evidence, показание Dwyer'a, Qu. 2722—2734.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, показание Mahony, Qu. 4055—4058.

дит самых солидных домов бывает поколеблен, золото перестает уходить из Англии за границу и даже снова возвращается в Англию. Причины этого явления вполне понятны.

Отлив золота из центральных кредитных учреждений внутри страны зависит от увеличения внутри страны спроса на золото, другими словами: от повышения ценности золота на внутреннем рынке. Как и всякий другой товар, золото, обращающееся в международной торговле, направляется на тот рынок, где ценность его всего выше, и потому каждый раз, когда английский денежный рынок охватывает паника, золото начинает прибывать в Англию из-за границы.

Спрос на золото в Ирландии был особенно велик вследствие того, что не было известно, могут ли билеты Английского Банка считаться в Ирландии таким же законным платежным средством, как в Англии¹⁾. Вообще, банковое законодательство в Ирландии во многих отношениях отличалось от английского. Ирландские банки имели право выпускать билеты ценностью ниже 5 фунтов ст., а известно, что в эпоху паники мелкие билеты скорее всего предъявляются к размену. Только поэтому паника в Ирландии приняла такие значительные размеры и потребовался такой значительный вывоз золота из Англии²⁾.

Между тем, в самой Англии положение было немногим лучше. Многие провинциальные банки, расширившие свои операции непропорционально капиталу, должны были употреблять все усилия, чтобы увеличить свои резервы в такую минуту, когда золото все очень охотно принимали, но никто не хотел его давать. В конце ноября крупный акционерный английский банк, „Northern and Central Bank“, был поставлен в необходимость, во избежание банкротства, обратиться за помощью к Английскому Банку. Крушение этого крупного банка грозило таким потрясением для всего английского кредита, что Английский Банк, из чувства самосохранения, должен был исполнить эту просьбу. Паника в Англии одновременная с ирландской могла бы легко извлечь из кассы Английского Банка все небольшое количество золота, которое в нем еще оставалось.

В ноябре 1836 года цены многих товаров упали, хотя и не очень значительно.

Понижение цен товаров в ноябре 1836 года сравнительно с июлем того же года³⁾.

Хлопок (Georgia)	— 26%
Свинец (английский)	— 11%
Железо (британское)	— 13%
Медь (британская)	— 7%
Сахар (Гавана)	— 11%
Олово (британское)	— 18%

Уровень товарных цен служит лучшим барометром экономического положения страны. Пока цены стоят высоко, до тех пор нельзя говорить о промышленном кризисе. Падение товарных цен есть и причина, и следствие разорения фабрикантов, сокращения производства, приостановки торговли и проч. явлений, которые своей совокупностью со-

¹⁾ Report on the Joint Stock Banks, Minutes of Evidence, показание Mahony, Qu. 4060.

²⁾ Ibidem, показание Marshall'a, Qu. 4555.

³⁾ По таблицам Тука (History of Prices, II).

ставляют промышленный кризис. В 1837 году цены большинства товаров упали еще больше. Так, сравнительно с июлем 1836 года, в июле 1837 года товарные цены понизились следующим образом:

Цена хлопка понизилась на	45%
табака	31%
сахара	20%
железа	44%
меди	29%
олова	39%
свинца	33%
шелка (итальянского)	31%

Под влиянием кризиса в Северной Америке, английская торговля с Соединенными Штатами почти приостановилась. Американские импортеры не могли продать на туземном рынке громадного количества закупленных ими товаров, и вывоз английских фабрикатов в Соединенные Штаты в 1837 году сократился почти втрое.

Ценность вывоза произведений Соединенного Королевства в Соединенные Штаты¹⁾.

1836 г.	12.426 тыс. ф. ст.
1837 г.	4.695 " " "

Но кризис 1836 года совсем не коснулся Северной Европы; вывоз британских произведений в Северную Европу в 1837 году не только не уменьшился по своей ценности, но даже увеличился на 15%. Более 70% уменьшения британского вывоза в 1837 году падает на долю Соединенных Штатов. Из этого можно заключить, что кризис 1837 г. был вызван исключительно условиями американской торговли.

В течение первых 5 месяцев 1837 года металлическая наличность Английского Банка стояла крайне низко (около 4 мил. ф. ст.), несмотря на то, что, кроме февраля месяца, вексельный курс все время был благоприятен для Англии.

В апреле и мае золото приходило в Англию из-за границы, но металлическая наличность Английского Банка не повышалась. Очевидно, золото уходило внутрь страны—другими словами: кредит сокращался, недоверие усиливалось. Своего апогея кризис достиг в июне. В этом месяце три крупных фирмы, спекулировавших на американской торговле и кредитовавших в громадных размерах американских импортеров, должны были приостановить платежи. Их пассив простирался до 5 м. ф. ст. Цифра банкротств в Англии повысилась в 1837 г., сравнительно с 1835 годом, на 64%. Из всех отраслей английской промышленности более всего пострадала от кризиса хлопчатобумажная—в 1837 году вывоз хлопчатобумажных тканей из Соединенного Королевства сократился, по своей ценности, на 26%.

Если сравнивать английские кризисы 1825 и 1837 годов, то мы найдем между ними много сходства. Оба они были вызваны преимущественно искусственным расширением спроса на английские товары за границей, причем спрос этот создавался усиленной эмиграцией английских капиталов, в 1825 г.—в Центральную и Южную Америку, а в 1836 г.—в Северо-Американские Соединенные Штаты, хотя в 1836 г. спекулятивная горячка в Англии была направлена, главным образом,

¹⁾ Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom 1842.

не на иностранные, а на внутренние предприятия. Движение товарных цен в 1825 и 1836 годах чрезвычайно схоже. В июле месяце цены большинства товаров на лондонском рынке достигают своего *maximum'a*, в ноябре следует падение, сначала медленное, затем все более и более быстрое, продолжающееся в течение большей половины следующего года. Крушение банков и паника на денежном рынке наступают в обоих случаях осенью: в 1825 г. в октябре, а в 1836 г.—в ноябре. Сокращение резерва Английского Банка и в том и в другом случае вызывается отливом золота из Англии за границу. До конца 1836 г. кризис развивался совершенно так же, как и в 1825 г., с тою существенной разницей, что в 1825 г. спекулятивная горячка на фондовой и товарной биржах была гораздо сильнее и вызванное ею потрясение английского денежного рынка, а вслед затем и всей английской промышленности, было гораздо губительнее по своим результатам.

Но в 1836 г. товарные цены в Англии возрасли не так сильно, как в 1825 г., и это отразилось на ходе английской внешней торговли. В 1825 г. количество вывезенных из Соединенного Королевства продуктов несколько сократилось, а количество ввезенных иностранных товаров значительно увеличилось. Напротив того, в 1836 г. увеличился и ввоз иностранных товаров в Англию и вывоз ее продуктов за границу, хотя ввоз иностранных товаров увеличился сильнее. В связи с этим, отлив золота за границу был гораздо значительнее по своим размерам в 1825 г., чем в 1836 (в 1825 г. металлическая наличность Английского Банка уменьшилась вследствие отлива золота за границу на 6 мил. ф., а в 1836 г. только на 2½ м. ф. ст.)

Насколько учредительская горячка 1825 г. была сильнее, чем в 1836 г., настолько же сильнее была последующая реакция и кризис. В последние месяцы 1825 г. множество провинциальных банков в Англии обанкротились, а в 1836 г. ни один английский банк не приостановил платежей. В 1826 г. число всех банкротств в Англии повысилось почти на 125%, а в 1837 г. только на 64%. С другой стороны, именно потому, что паника 1825 г. была сильнее, она была менее продолжительна. Уже в начале 1826 г. золото начало быстро возвращаться в кассу Английского Банка, между тем как в 1837 г., вплоть до июня месяца, банковая касса пополнялась очень туго, несмотря на прилив золота из-за границы, и кризис растянулся почти на целый год.

Денежный кризис 1839 г.

Два последующих года были очень неблагоприятны для английского земледелия. Под влиянием двух сильных неурожаев цена пшеницы возрасла в 1839 г. сравнительно с 1836 г. на 48%, а ценность всего хлеба, ввезенного в Соединенное Королевство для внутреннего потребления, достигла небывалой цифры 10½ мил. ф. ст. В 1836 г. ценность ввозимого хлеба составляла около 0,1% ценности всего вывоза произведений Соединенного Королевства, а в 1839 г. она достигла 20%. Вывоз британских фабрикатов не мог покрыть ввоза добавочного количества хлеба, так как мировой рынок еще не успел вполне оправиться от перенесенного в 1836 г. кризиса и, кроме того, в 1839 г. производство в Англии хлопчатобумажных тканей значительно сократи-

лось под влиянием сильного повышения цены хлопка, вызванного неурожаем хлопка в Америке и спекулятивными операциями Банка Соединенных Штатов, стремившегося монополизировать всю торговлю хлопком.

Увеличение ввоза, не сопровождавшееся соответственным расширением вывоза, повернуло торговый баланс против Англии. К этому присоединился целый ряд других обстоятельств, которые своей совокупностью вызвали в Лондоне необыкновенно низкий вексельный курс на все иностранные рынки и сильный отлив золота из Англии за границу.

	Кассовая наличность Английского Банка ¹⁾ (в миллионах ф. ст.)	Вексельный курс на Па- риж по пред'явлению (пре- мия на золото вычтена) ²⁾
1838 год.		
6 ноября	9,2	25 фр. 24 сан.
4 декабря	9,6	25 " 15 "
1839 год.		
1 января	9,0	25 " 4 "
5 февраля	7,4	25 " 4 "
5 марта	6,7	24 " 98 "
2 апреля	5,7	25 " 3 "
7 мая	4,3	24 " 99 "
4 июня	3,9	25 " 9 "
2 июля	3,7	25 " 3 "
6 августа	2,5	25 " 8 "
3 сентября	2,4	25 " 18 "
1 октября	2,5	25 " 15 "
5 ноября	2,7	25 " 16 "
3 декабря	3,6	25 " 9 "
1840 год.		
7 января	4,5	25 " 15 "
1 декабря	3,6	25 " 19 "

С декабря 1838 г. курс быстро падает и в течение первой половины 1839 г. стоит чрезвычайно низко. Вместе с тем кассовая наличность Английского Банка быстро уменьшается и к 3 сентября достигает 2,4 м. ф. ст.; за 8 месяцев из кассы Английского Банка ушло $6\frac{1}{2}$ м. ф. ст. — отлив золота был значительно более сильный, чем в 1836 году. Причины этого отлива заключались, кроме совершенно экстраординарного, по своим размерам, ввоза хлеба из-за границы, еще в следующем: кризис 1836 г., несмотря на все происшедшие банкротства, все еще не был вполне ликвидирован в Соединенных Штатах. В 1837 г. все банки Соединенных Штатов приостановили размен своих билетов на звонкую монету, но это не было равносильно банкротству, так как в конгрессе прошел закон, разрешавший банкам прибегать на время к этому крайнему средству. Для многих банков приостановка размена была очень выгодна, так как, благодаря этой мере, они могли свободно расширять свои операции, не опасаясь пред'явления выпущенных ими билетов к размену. Дивиденды американских банков достигли именно в 1837—1838 г.г. наибольшей высоты. Банк Соединенных

¹⁾ First Report from the Select Committee on the Banks of Issue 1840, App. № 12. Second Report on Banks of Issue, 1841, App. № 6.

²⁾ First Report on the Banks of Issue, App. № 9, Second Report on the Banks of Issue, App. № 28.

Штатов, который, под руководством своего директора Н. Бидля, принимал самое деятельное участие во всех спекуляциях этого времени воспользовался разрешением конгресса для того, чтобы увеличить свои обороты при помощи самых рискованных спекуляций. Так, этот банк закупал в громадных количествах хлопок в Соединенных Штатах и перепродавал его в Европе по такой высокой цене, которая заставила производителей бумажных фабрикатов сокращать производство, приобретал акции всевозможных предприятий с целью биржевой игры и проч. В 1839 г., когда спекуляции по продаже хлопка достигли наибольших размеров и на руках у Банка Соединенных Штатов скопились громадные запасы непроданного хлопка, лондонская биржа была наводнена массой американских ценностей, находивших сбыт в Лондоне, потому что доверие к ним не было окончательно подорвано кризисом 1836 года (в этом году большинство американских фирм, несмотря на расстройство кредита, исправно расплатилось по своим обязательствам). Таким образом, именно вследствие того, что правительство Соединенных Штатов искусственными мерами задержало развитие кризиса в 1837 г., в 1839 г. он разразился в этой стране с удвоенной силой и вызвал отлив золота из Англии в Америку.

Кроме того, золото отливало из Англии на европейский континент вследствие крушения Бельгийского Банка осенью 1838 года. Крушение это вызвало в начале 1839 г. панику в Бельгии и Франции, так как английский денежный рынок остался незатронутым паникой и кредит на нем не был поколеблен, то золото потекло туда, где существовал на него наибольший спрос — в Европу и Америку. Все это вместе вызвало в 1839 году необыкновенный, по своей продолжительности и силе, external drain, почти опустошивший кассу Английского Банка ¹⁾.

Чтобы удержать у себя золото, Английский Банк 16 мая повысил дисконт до 5⁰/₀, а первого августа до 6⁰/₀. Но так как внутри страны кредит не сокращался и цены товаров не падали, то отлив золота за границу продолжался. Для своего спасения Банк должен был прибегнуть к крайнему средству: при посредстве банкирской фирмы Беринга он заключил в Париже заем на 2 м. ф. ст. Парижские банкиры согласились акцептировать векселя на сумму, которая была постепенно реализована Банком и значительно подняла вексельный курс в начале сентября. Золото начало понемногу возвращаться в кассу Банка, хотя и очень медленно. Вексельный курс продолжал стоять низко и был неблагоприятен Англии не только в течение 1839 г., но и в следующем году. Энергическими мерами Банку удалось остановить золотой поток, но он не мог вызвать обратного течения, и потому металлическая наличность Английского Банка в конце 1840 г. стояла также низко, как в конце 1839 г.

Но, несмотря на критическое положение Английского Банка в 1839 г., кризис этого года имел в Англии чисто денежный характер и не сопровождался теми потрясениями английской торговли и промышленности, какие наблюдались в 1825 и 1837 годах. Ни один банк в Соединенном Королевстве не приостановил платежей, общее число банкротств в Англии и Уэльсе почти не увеличилось. Цены хлопка испы-

¹⁾ См. о причинах этого drain First Report on the Banks of Issue, Minutes of Evidence, показания Palmer'a, Qu. 1341—1342; также Tooke, History of Prices, II.

тали сильные колебания под влиянием операций Банка Соединенных Штатов, цена хлеба сильно повысилась в 1839 г., под влиянием неурожая, а в следующем году упала, так как урожай этого года был лучше предыдущего, но цены металлов, на которых лучше всего отражается состояние товарного рынка, в 1840 г. почти совсем не повизились; так, напр., цена свинца в июле 1840 года, сравнительно с июлем предшествовавшего года, понизилась только на 5%, цена меди за то же время повысилась на 1%, а цена олова понизилась на 4%. Повышение числа-показателя (index number) в 1839 г. и последующее падение его зависели, главным образом, от резких колебаний цен хлопка и хлеба.

Английская промышленность испытала такое тяжелое потрясение в 1836 г., что в 1839 г. в Англии не было почвы для развития нового промышленного кризиса. Кризис 1836 г. оказал свое очистительное действие на английское народное хозяйство и избавил его от всех нездоровых элементов, созданных спекулятивной горячкой предшествовавших лет; большинство английских спекуляторов разорилось, вместе с банками, оказывавшими им поддержку. Именно поэтому в 1839 г. отлив золота из Англии за границу не сопровождался промышленным кризисом, как в 1825 и 1836 годах. По той же самой причине external drain в Англии в 1839 г. не перешел в internal drain, и английский кредит не испытал никакого потрясения.

Если мы сравним состояние кассы Английского Банка в 1840 и 1826 г.г., то мы заметим между тем и другим большую разницу: в конце 1826 года металлическая наличность Английского Банка была так же высока, как и в начале 1825 г. — все золото, ушедшее из кассы Банка, вернулось в нее обратно; между тем в 1840 году металлическая наличность Английского Банка остается такой же низкой, как и в конце 1839 г. — золото не возвращается в кассу Банка, несмотря на такие меры со стороны Банка, как повышение дисконтного процента до 6 (в 1825 г. дисконтный процент Английского Банка не превышал 5). От чего же зависела эта продолжительность отлива золота из Английского Банка в 1839—40 г.г.? Именно от того, что кризис этого года в Англии (но не в Соединенных Штатах) был денежным, а не промышленным кризисом¹⁾. Промышленный кризис всегда вызывает потрясение денежного рынка, но потрясение быстрое и короткое. Звонкая монета устремляется в обращение, чтобы заполнить пустоту, образуемую сокращением кредита, но, как только доверие восстанавливается, звонкая монета с еще большей скоростью возвращается обратно. Сокращение торговли, следующее за промышленным кризисом, освобождает известное количество денег, которые раньше были заняты обращением, и все эти излишние деньги скопляются в банках. Поэтому после ликвидации промышленного кризиса всегда наблюдается увеличение металлических резервов банков²⁾. Напротив, если отлив золота за границу не сопровождается промышленным кризисом и паникой на денежном рынке внутри страны, денежный кризис может растянуться на несколько лет, так как в этом случае не происходит сокращения торговли, вызывающего в первом случае возвращение звонкой монеты в кассы банков.

¹⁾ Что в 1839 г. в Англии не было значительного потрясения торговли, об этом см. First Report on the Banks of Issue Minutes of Evidence, показание Loyd'a, Qu. 3559. То же самое говорит и Тук (History of Prices, IV, 270).

²⁾ Этот вопрос прекрасно разобран в известной книге Clément Juglar'a, Des crises commerciales et de leur retour périodique, Paris, 1889, 1-re partie, XVII.

Из выше помещенной таблицы видно, что в 1840 году размеры внешней торговли Англии почти не уменьшились — поэтому и металлическая наличность Английского Банка оставалась в течение всего этого времени такой низкой.

В Соединенных Штатах кризис 1839 года имел другой характер. Мы уже говорили, что правительство Соединенных Штатов в 1837 году дало возможность многим банкам, запутавшимся в спекуляциях и уже давно несостоятельным, избегнуть банкротства путем приостановки размена их билетов на звонкую монету. Благодаря этому ликвидация кризиса была искусственно задержана и растянулась на несколько лет. Американские банки, избавленные от необходимости выполнять свои обязательства, продолжали свои рискованные спекуляции, и только в 1841 г., когда конгресс потребовал восстановления размена, наступил час расплаты. „Банк Соединенных Штатов“, крупнейшее финансовое учреждение страны, более всех других зарвавшееся в спекуляциях, должен был приостановить платежи. Таким образом окончательная ликвидация кризиса 1836 г. наступила в Соединенных Штатах только в 1841 г. Число банкротств Соединенных Штатов достигло за это время, по официальным данным, 36.000 на сумму 440 м. д.¹⁾ А так как между состоянием английского и американского рынка существует самая тесная связь, то вполне понятно, что английская промышленность была сильно угнетена в 1841 и 1842 годах.

Промышленный кризис 1847 года.

После нескольких лет промышленного зстоя, достигшего своего апогея в 1842 г., в Англии опять наступил период промышленного оживления. Состояние кассы Английского Банка в 1843 и 1844 годах ясно показывает, что кризисы предшествовавших лет к этому времени были окончательно ликвидированы: в начале 1844 г. металлическая наличность Английского Банка достигла небывалой высоты — 16 м. ф. ст., и банк был принужден для помещения скопившихся в нем капиталов понизить ссудный процент до 1³/₄. Такое понижение ссудного процента всегда предшествует в Англии оживлению торговли, так как низкий уровень ссудного процента чрезвычайно поощряет спекуляцию. (Известная английская поговорка гласит, что „Джон Буль может многое вынести, но только не 2%“). Промышленные силы страны были готовы к новой усиленной работе, и работа не замедлила явиться.

Урожай 1843 и 1844 годов в Англии был выше среднего и вызвал значительное падение цен сельскохозяйственных продуктов и увеличение спроса на все прочие предметы потребления. На внешнем рынке следы кризисов 1837 и 1839 г.г. уже изгладились, а заключение мира между Англией и Китаем в 1842 г. открыло для английской промышленности новый громадный рынок, значение которого было сначала сильно преувеличено английскими фабрикантами. Английская промышленность встрепенулась, и трехлетие 1843—1845 г.г. было отмечено сильным увеличением вывоза британских фабрикатов за границу, расширением хлопчатобумажного производства и вместе с тем улучшением экономического положения массы населения, испытавшего тяжелые лишения во время

¹⁾ Clément Juglar. Des crises commerciales, 467.

предшествовавшего кризиса. Вот, например, что пишет фабричный инспектор Леонард Горнер в своих полугодовых отчетах за ноябрь 1845 г. и декабрь 1846 г.: „За все последние 8 лет я не помню такого оживленного состояния промышленности, в особенности бумагопрядильного производства, как в течение прошлой зимы и осени. За это время я каждую неделю получал известия о постройках новых фабрик или расширения уже существующих, введении новых, более сильных машин, и пр. Везде я слышал жалобы на трудность достать рабочих и на повышение заработной платы. Я также слышал от сведущих людей о громадных прибылях фабрикантов, зависящих от высокой цены пряжи, совпавшей с низкими ценами хлопка“¹⁾.

„За период 1842—1845 г.г. в моем округе число фабрик увеличилось на 524, а число лошадиных сил на фабриках—на 10.041. Все эти фабрики были почти исключительно предназначены для хлопчатобумажного производства“²⁾.

Мы сказали, что заключение мира с Китаем способствовало оживлению английской промышленности. Вывоз английских фабрикатов в Китай во второй половине 40-х годов значительно возрос, хотя и далеко не так быстро, как ожидали английские промышленники.

Ценность вывоза в Китай произведений Соединенного Королевства³⁾.

1842 г.	969	тысяч фунтов.
1843 „	1.456	„ „
1844 „	2.306	„ „
1845 „	2.495	„ „
1846 „	1.791	„ „

В 1846 г. вывоз значительно сокращается. Интересно, какими причинами объяснялось сравнительно слабое развитие английской торговли с Китаем. По словам комиссии, назначенной английским парламентом в 1846 году для выяснения положения английской торговли в Китае, „затруднения торговли с Китаем заключались не в недостатке спроса в Китае на английские товары и не в усиленном соперничестве других наций... Выгоды, которых так естественно было ожидать от коммерческих сношений с цивилизованной страной в 300 миллионов жителей, практически ограничены размерами потребления в Англии чая и шелка, главных предметов китайского экспорта. Для расширения потребления чая в Соединенном Королевстве необходимо понижение его цены, а для этого, в свою очередь, необходимо понижение пошлины на чай, которая в настоящее время достигает для чая среднего качества—200%⁰, а для низших сортов—350%⁰ его стоимости“⁴⁾.

То же самое говорит и фабрикант Гарднер, дававший показания перед парламентской комиссией 1848 г., исследовавшей причины кризиса предыдущего года: „Когда условия мира с Китаем сделались известными, в стране распространились такие преувеличенные надежды на расширение торговли с Китаем, что множество фабрик было устроено со специальною целью выделывать ткани для китайского рынка. Но

¹⁾ Report of the Inspector of Factories L. Horner, ноябрь 1845 г., стр. 13.

²⁾ Report of the Inspector of Factories L. Horner, 2 дек. 1846 г., стр. 10.

³⁾ По Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom.

⁴⁾ Report from the Select Committee of the House of Commons appointed to inquire into the Commercial Relations with China; цитировано по Economist, 27 авг. 1847 г. стр. 1014.

надежды фабрикантов не оправдались, и я не думаю, чтобы из всех товаров, посланных нами в Китай в 1844 и 1845 г.г., было действительно продано более $\frac{2}{3}$ всего количества. Фабриканты рассчитывали на сильное понижение пошлины на чай в Англии, и если бы она была понижена, то, по моему мнению, спрос в Китае на английские товары превысил бы их предложение. В других странах вывоз не ограничен количеством наших закупок, но в Китай мы не можем ввозить более того, что сами покупаем на местном рынке, так как китайская торговля в значительной степени есть торговля меновая“¹⁾.

Мы видели на примере предшествующих кризисов, что английские капиталы в каждый период промышленного процветания избирают какое-либо одно преимущественное направление. В 20-х годах английские капиталы в изобилии уходили в Центральную и Южную Америку; в половине 30-х годов они уходили в Соединенные Штаты, а внутри страны направлялись на железнодорожные предприятия и устройство акционерных банков. В 40-х годах значительной эмиграции английских капиталов за границу не замечалось, но не потому, чтобы в Англии количество свободных капиталов уменьшилось. Нет, избыточных капиталов в Англии в это время было даже больше, чем прежде, но они нашли себе выгодное употребление дома—именно они обратились на постройку внутри страны громадной сети железных дорог.

Удешевление и ускорение транспорта, достигнутое применением пара к передвижению, произвело в мировом хозяйстве целую революцию, результаты которой были в высшей степени благодетельны, но за рассматриваемый период железные дороги имели значение не в качестве улучшенных путей сообщения, так как они еще только строились, а сама постройка железных дорог явилась новой формой затраты капиталов, притом таких колоссальных капиталов, о которых не имели понятия раньше. О размерах их можно судить по нижеследующей таблице:

		Разрешено парламентом ж. д. на сумму (в мил. фунтов) ²⁾ .	Действительно истрачено на постройку ж. д. в течение года (в мил. фунтов) ³⁾ .
До 31 декабря	1843 года	81,9	65,6
В течение	1844 „	20,4	6,7
„	1845 „	60,5	16,2
„	1846 „	131,7	37,8
„	1847 „	44,2	40,7
„	1848 „	15,3	33,2
„	1849 „	3,9	29,6

По вычислениям Вильсона (издателя „The Economist“), ежегодные сбережения Великобритании в 40-х годах не превышали 60 м. ф. с.³⁾. Принимая эти вычисления, выходит, что в 1846 году стоимость постройки вновь разрешенных железных дорог более чем вдвое превышала весь свободный капитал Великобритании. Ценность всего вывоза произведений Соединенного Королевства в половине 40-х годов не достигала 60 м. ф. с. Следовательно, спрос на внутреннем рынке Соединенного Королевства, созданный постройкой железных дорог в течение

¹⁾ First Report from the Secret Committee on Commercial Distress, 1848. Minutes of Evidence, показание Gardner'a Qu. 4872.

²⁾ Tooke. History of Prices, V, 352.

³⁾ Wilson. Capital, Currency and Banking, IX.

3-х лет, 1846—1848 г.г., был не менее $\frac{2}{3}$ всего спроса на британские произведения за границей. Число рабочих, занятых постройкой железных дорог в Великобритании и Ирландии в 1847 году, превышало 200 тысяч человек. Мы не имеем точных статистических данных для этого времени о добыче в Великобритании железа, каменного угля и других минералов и потому не можем непосредственно видеть, в какой мере постройка железных дорог вызвала развитие горнозаводской промышленности. Но по необыкновенному повышению цены британского железа, которое с 5 ф. с. за тонну (в 1844 г.) поднялось до 10 ф. с. в конце 1845 г. и держалось на той же высоте вплоть до 1848 г., можно судить о возрастании в Соединенном Королевстве спроса на железо.

В половине 40-х годов английская торговля и промышленность были в цветущем состоянии. Производство расширилось, товарные цены значительно повысились, спрос на внутреннем рынке сильно возрос, вывоз английских произведений за границу увеличился. Как и всегда, промышленное оживление не замедлило породить спекуляцию, которая в данном случае нашла для себя прекрасную почву в железнодорожных предприятиях. Спекуляции с железнодорожными акциями начались уже в 1844 г. По словам Тука, „в начале 1844 г., когда уже нельзя было сомневаться в том, что промышленность страны оживилась, общее внимание было обращено на удачные результаты, достигнутые уже раньше сооруженными железными дорогами. Казалось очень вероятным, что железнодорожная сеть с такой же выгодой может быть расширена еще больше, тем более, что цена железа и других материалов, нужных для постройки железных дорог, не была высока. Вследствие этого, весной и летом этого года цены большинства акций старых железнодорожных линий сильно повысились и, кроме того, было проектировано много новых линий. В сентябре 1844 г. парламенту было представлено более 90 проектов новых линий, для выполнения которых потребовалось бы не менее 100 м. ф., и число таких проектов непрерывно возрастало до конца года“. В 1845 г. железнодорожные спекуляции еще более усилились и привели к биржевому кризису. „В августе, после того, как парламент закончил утверждение концессий проектированных железных дорог, спекуляция разрослась до пределов настоящей мании. Но уже были заметны признаки приближающейся реакции. Всякому бросалось в глаза, что между спекулянтами многие отнюдь не рассчитывали на успех предприятия, но обращали внимание только на преобладающее в данную минуту настроение биржи по отношению к тем или другим акциям. Акции покупались не с целью постоянного помещения капитала, но для немедленной перепродажи их по повышенной цене. Пока число лиц, желавших спекулировать, увеличивалось, цена акций росла. Но в конце октября между собственниками железнодорожных акций обнаружилось стремление реализовать барыши, обещаемые высоким курсом акций; это желание мало-помалу выродилось в панику, курс акций стал быстро падать, и фондовые биржи в разных городах королевства, которые раньше были полны тысячами спекулянтов, опустели“¹⁾.

Но промышленность страны осталась совершенно незатронута биржевым кризисом 1845 г., и мы не видим его влияния ни на состоя-

¹⁾ Tooke. History of Prices, IV, 64.

нии счетов Английского Банка, металлическая наличность которого в ноябре месяце этого года превышала 13 м. ф. ст., ни на числе банкротств в Англии и Уэльсе, ни на общем уровне товарных цен, и т. д. Положение английской промышленности в 1845 г. не благоприятствовало развитию кризиса, который поэтому и не распространился за пределы биржевой публики, точно так же как в 1835 г. кризис на фондовой бирже не коснулся промышленности. Одна из главных причин незначительного влияния кризиса 1845 г. на общее состояние английской промышленности заключалась в том, что хотя спекуляция с железнодорожными акциями испытала крушение, постройка железных дорог именно в это время начала принимать большие размеры.

Усиленная постройка железных дорог в 1846 и 1847 годах должна была значительно увеличить спрос на внутреннем рынке. Без всякого сомнения, увеличение рабочей армии Соединенного Королевства на несколько сот тысяч человек, которые в противном случае содержались бы на общественный счет в рабочих домах и должны были бы потреблять несравненно меньше товаров, должно было оживить внутреннюю торговлю страны. Можно было ожидать именно в это время небывалого развития английской промышленности. Что значили несколько миллионов фунтов стерлингов, на которые сократился вывоз британских продуктов за границу в 1846 и 1847 г.г., сравнительно с десятками миллионов фунтов, расходуемых железнодорожными компаниями на покупку материалов для постройки железных дорог и железнодорожными рабочими на покупку предметов своего потребления? Между тем, если мы обратимся к данным относительно потребления хлопчатобумажных тканей в Соединенном Королевстве, то мы увидим, что национальное потребление Соединенного Королевства не только не расширилось в 1846—1847 г.г., но даже сократилось:

	Ценность хлопчатобумажных тканей, потребленных в Соединенном Королевстве. (В мил. ф. с.) ¹⁾ .	Процентное отношение ценности потребления бумажных тканей в Соединенном Королевстве к ценности вывоза хлопчатобумажных фабрикатов из С. К. за границу.
1844 г.	17,1	67%
1845 „	20,9	80%
1846 „	19,0	74%
1847 „	13,1	56%

Мы видим, что в 1845 г. потребление бумажных тканей в Соединенном Королевстве сильно увеличилось, в 1846 г. несколько упало, а в 1847 г. сократилось почти в полтора раза.

От чего же зависело падение покупательной силы английских потребителей в 1846 и 1847 годах? Оба эти года были сильно неурожайными в Великобритании и Ирландии. В 1845 году появилась болезнь картофеля, почти совершенно уничтожившая сбор этого года, а урожай зернового хлеба в этом году тоже был ниже среднего. В 1846 году картофель опять не дал в Соединенном Королевстве никакого сбора, а зерновые хлеба уродились еще хуже прошлогоднего. Вторая половина 1846 года и первая половина 1847 г. были для Ирландии временем голода. Английский парламент, несмотря на сильную оппозицию общественного мнения, не одобрявшего вмешательства государства в эко-

¹⁾ По таблицам J. A. Mann'a (The Cotton Trade of Great Britain. 1860).

номические отношения частных лиц, был вынужден для спасения Ирландии от голодной смерти ассигновать 8 миллионов фунтов стерлингов на помощь голодающему населению. За весь 1847 год было ввезено в Соединенное Королевство всякого рода хлебов для внутреннего потребления на 29 м. ф. с.—ввоз совершенно беспримерный в предшествовавшей истории Англии. Цена пшеницы в 1847 году поднялась на 40% выше цены 1845 года, а ввоз хлеба в 1847 году равнялся по своей ценности 50% ценности всего вывоза продуктов Соединенного Королевства, между тем как в 1845 году он составлял только 3%.

Высокая цена хлеба зависела также и от того, что неурожай в Соединенном Королевстве совпал с неурожаем в большей части Средней и Южной Европы. Те страны, которые в обычное время вывозили хлеб в Англию, теперь явились конкурентами англичан в приобретении хлеба. Быть может, не меньшее значение для Англии имел и неурожай хлопка в Соединенных Штатах. Сбор хлопка понизился в 1846 г. в Соединенных Штатах почти на 20% сравнительно со средним сбором его за четырехлетие 1842—1845 годов.

Цена хлопка в Манчестере в январе 1847 года возрасла сравнительно с январем 1846 года на 65% (для низших сортов). Положение английских фабрикантов было очень трудное: сырой материал возрастал в цене, а спрос на фабрикаты со стороны массы населения не мог увеличиваться вследствие высокой цены пищи.

Цены 29 марта в Манчестере.

	1846 г.	1847 г.
Сырой хлопок (upland fair) за 1 фунт	4 ¹ / ₈ п.	6 ¹ / ₂ п.
№ 40 пряжа за 1 фунт	9 ¹ / ₂ „	9 ¹ / ₂ „
Бумажная ткань 40-in 66 reed	8 ш. 6 п.	8 ш. 10 ¹ / ₂ п. ¹⁾

Мы видим, что цена бумажной пряжи совсем не повысилась, а цена бумажной ткани повысилась очень незначительно, несмотря на громадное повышение цены хлопка. При таких условиях производство сделалось убыточным, и поэтому переработка хлопка в 1847 году в Соединенном Королевстве сократилась больше, чем на 28%.

Промышленному кризису 1847 года не предшествовало такой спекуляции на товарном рынке, какая замечалась перед прежними кризисами. В 1847 г. цены многих товаров на английском рынке стояли высоко (например, цены хлопка, железа и других металлов), но не вследствие спекуляции торговцев, а вследствие недостатка предложения сравнительно со спросом. Только в хлебной торговле, которая и в обычное время имеет спекулятивный характер вследствие сильных и непредвидимых колебаний цены хлеба, спекуляция приняла широкие размеры.

Цена квартера пшеницы в Англии и в Уэльсе в 1847 г.

1—7 января	66 ш. 10 п.
5—11 марта	74 „ 2 „
7—13 мая	85 „ 2 „
21—27 мая	102 „ 5 „
3—7 июля	88 „ 10 „
6—12 августа	66 „ 10 „
10—16 сентября	49 „ 6 „ ²⁾

¹⁾ The Economist, 30 марта 1849 г. Trade circular, стр. 105.

²⁾ Tooke History of Prices, IV, 411.

Мы видим, что до конца мая цена хлеба быстро повышается, а затем так же быстро падает. К сентябрю она понизилась больше, чем вдвое; очевидно, в первую половину года цена хлеба изменилась под влиянием спекуляции, так как действие новой жатвы не могло проявиться раньше сентября. Спекулянты рассчитывали, что существующих запасов хлеба не хватит до новой жатвы. Их расчеты не оправдались—высокая цена вызвала усиленный привоз хлеба в Соединенное Королевство из-за границы, и, кроме того, в конце мая виды на благоприятный урожай на европейском континенте настолько упрочились, что английские спекулянты больше не могли держать цены на ненормальной высоте; немедленно наступило обратное течение, повлекшее за собою крушение множества хлебных фирм, а вслед за тем и общий промышленный кризис.

Перейдем теперь к состоянию счетов Английского Банка за 1847 год.

Счета Английского Банка.

Металлическая наличность ¹⁾ . (В миллионах фунт.). 1847 г.	Резерв ²⁾ . (В мил. ф.).	Высший и низший дисконтный процент Английского Банка в течение месяца ³⁾ .	Вексельный курс на Париж по предъявлению. (Премия на золото вычтена) ⁴⁾ .		
2 января	15 м. ф.	8,2	январь 6 —3	1 января	25 фр. 11 с.
6 февраля	12,3 „ „	5,9	февраль 6 —4	2 февраля	25 „ 0 „
6 марта	11,6 „ „	5,7	март 6 —4	2 марта	25 „ 1 „
3 апреля	10,3 „ „	3,7	апрель 7 —4	1 апреля	25 „ 13 „
1 мая	9,3 „ „	2,7	май 7 —5	4 мая	25 „ 45 „
5 июня	10,2 „ „	5,1	июнь 6 —5	7 июня	25 „ 13 „
3 июля	10,4 „ „	5,2	июль 6 —5	2 июля	25 „ 8 „
7 августа	9,3 „ „	3,9	август 7 —5	3 августа	25 „ 11 „
4 сентября	9 „ „	4,2	сентябрь 7 —5 ¹ / ₂	3 сентября	25 „ 11 „
2 октября	8,6 „ „	3,4	октябрь 9 —5 ¹ / ₂	1 октября	25 „ 32 „
30 октября	8,4 „ „	1,2	ноябрь 9 ¹ / ₂ —7	2 ноября	25 „ 24 „
6 ноября	8,7 „ „	2,0	декабрь 7 ¹ / ₂ —6	3 декабря	25 „ 27 „
4 декабря	11,0 „ „	5,6			

Прежде чем идти дальше, мы должны сказать несколько слов о новой графе в активе Английского Банка—о резерве. Как известно, в 1844 году был издан знаменитый банковый акт Роберта Пилля (7 et 8 Vic. C. 32), значительно изменивший организацию Английского Банка и возбудивший среди английских экономистов такую оживленную полемику в 40-х годах. Об этом акте существует целая литература. Защитники и противники его исходили из принципиально различных взглядов на законы денежного обращения, и потому споры эти имели не только практическое значение для своего времени, но и теперь представляют громадный научный интерес. Господствующая в современной экономической науке теория денежного обращения, которая была разработана, главным образом, Туком и Фуллартоном, получила свое развитие именно во время этих споров. Но мы не будем касаться вопроса о целесообразности закона Роберта Пилля, так как по отноше-

¹⁾ Tooke. History of Prices, IV, 411.

²⁾ Report on Commercial Distress, Appendix № 6.

³⁾ Ibidem, Appendix № 13.

⁴⁾ Ibidem, App. № 31.

нию к явлениям, нас специально интересующим—промышленным кризисам—этот закон значил очень мало. Инициаторы его (С. Ллойд, Торренс, сам Р. Пиль и др.) думали, что произведенная ими реформа Английского Банка предотвратит в будущем наступление промышленных кризисов, но будущее показало, что они были неправы. Промышленные кризисы одинаково происходили и при прежней организации Английского Банка, и при новой, созданной актом Роберта Пилия. Причины кризисов коренятся так глубоко в условиях современного народного хозяйства, что никакая банковая реформа, как бы совершенна она ни была (а реформа Роберта Пилия отнюдь не была таковой), не может предотвратить наступление кризиса, когда обстоятельства ему благоприятствуют.

Сущность реформы Р. Пилия заключалась в следующем: до 1844 г. регулирование эмиссионной операции Английского Банка было предоставлено самому Банку, который распоряжался выпусками своих билетов так же свободно, как и всеми другими банковыми операциями. Металлическая наличность Банка служила в одинаковой степени обеспечением всех его обстоятельств—как билетов, так и депозитов. Закон 1844 г. поставил банковые билеты в привилегированное положение: банковые билеты, выпущенные в количестве, превышающем определенную законом норму, должны были быть обеспечены на такую же сумму звонким металлом. Таким образом, закон 1844 г. разделил металлическую наличность Банка на 2 части—одной частью, равнявшейся ценностью суммы банковых билетов, выпущенных свыше установленной законом нормы, Банк совсем не мог распоряжаться; другая же часть, составлявшая резерв, была в полном распоряжении Банка и служила единственным обеспечением его депозитов. Естественно, что в своих операциях Банк должен был соображаться преимущественно с размерами своего резерва, так как остальное количество звонкого металла, бывшего в его кассах, было для него практически совершенно бесполезно.

После того, что мы говорили выше о громадном ввозе хлеба в Англию, нам будет вполне понятна причина отлива золота из Англии за границу в 1847 г. В то время, как в 1825 и 1837 г.г. металлическая наличность Английского Банка непрерывно падала в течение 7—8 месяцев, в 1847 году отлив золота из Англии за границу не был так продолжителен и непрерывен. С января до мая месяца металлическая наличность Английского Банка сокращается, резерв убывает, и вексельный курс остается неблагоприятен Англии. От мая до июня направление золотого потока заметно изменяется—золото начинает возвращаться в кассу Английского Банка, резерв увеличивается, а вексельный курс в течение некоторого времени стоит очень высоко. Затем опять начинается прежнее движение—вексельный курс падает, и золото начинает уходить из Англии. В октябре месяце курс становится благоприятен Англии, но металлическая наличность и резервы Английского Банка продолжают сокращаться, пока резерв не достигает 30 октября своего *minimum'a*—1,2 м. ф. с. В ноябре и декабре золото быстро возвращается, и банковый резерв опять достигает почти такой же величины, как и в начале года.

В 1847 году бросаются также в глаза значительные колебания дисконтного процента, которых не замечалось в 1825 и 1836 г.г. [В 1825 г. в течение первых 11 месяцев Банк держал дисконтный про-

цент на неизменном уровне (4% за краткосрочные векселя), а в декабре месяце повысил дисконтный процент до 5; в 1836 г. дисконтный процент Английского Банка также был повышен с 4½ до 5 только в конце года]. Причины этого различия заключаются в том, что во время предшествовавших кризисов Банк относился к сокращению своей кассовой наличности совершенно пассивно: он не принимал никаких мер для задержания металла в своих кассах при помощи единственного действительного средства—повышения дисконтного процента. Как известно, повышение дисконта всегда имеет тенденцию повышать вексельный курс страны и останавливать отлив золота за границу. Наличная цена долгосрочного векселя равняется его валюте минус дисконтный процент на месте уплаты за время, остающееся до срока уплаты. Повышение дисконтного процента уменьшает наличную цену долгосрочного векселя, спрос на такие векселя возрастает, и вексельный курс повышается. Все это очень просто, но, чтобы понять действие дисконтного процента на вексельный курс, потребовался долгий опыт.

Кроме того, до реформы Р. Пилия Английский Банк уже потому был менее чувствителен к сокращению своей металлической наличности, что он мог распоряжаться всем количеством золота и серебра, которое имелось у него в запасе. Напротив, после означенной реформы Банк мог распоряжаться только частью своих металлических запасов—резервом, и вполне понятно, что при новой системе Банк должен был принимать энергичные меры для обеспечения своей кассы в то время, когда металлическая наличность Банка была еще сравнительно велика (в 1847 г. металлическая наличность Английского Банка ни разу не понижалась даже до 8 м. ф. с., и все-таки для спасения Банка пришлось прибегнуть к приостановке действия закона 1844 г.).

Этими двумя обстоятельствами—новой политикой Банка и его большой чувствительностью к сокращению кассовой наличности—объясняется приостановка отлива золота весной 1847 г. Опасаясь уменьшения своего резерва, Английский Банк в апреле месяце этого года принял энергичные меры к сокращению своей дисконтной операции. Дисконтный процент был повышен, долгосрочные векселя совсем перестали приниматься к учету, и, что еще важнее, Английским Банком была назначена определенная норма для дисконтирования векселей каждой отдельной фирмы. Такие крутые меры не замедлили вызвать панику на денежном рынке Англии. По словам Тука, спрос на наличные деньги в Англии так возрос, что в некоторых случаях вполне надежные векселя дисконтировались по 12, 13% годовых. Вексельный курс немедленно поднялся и сделался благоприятен Англии. По показанию лондонского банкира Гёрни, в начале апреля одно лицо нагрузило в Ливерпуле на корабль 100 т. ф. золотой монеты и слитков для отправки в Соединенные Штаты с целью воспользоваться выгодным курсом американских векселей. Но, вследствие наступившего стеснения английского денежного рынка, вся эта сумма была вновь выгружена на берег и оставлена в стране, так как при повышении вексельного курса отправка золота в Америку сделалась невыгодной¹⁾. Золото стало возвращаться в Англию, резерв Английского Банка увеличился, и дирекция Банка получила возможность изменить свои запретительные меры.

¹⁾ First Report on Commercial Distress, Minutes of Evidence, показание Gurney, Qu. 1921—23.

Любопытно, что торговля страны осталась настолько незатронутой апрельской паникой на денежном рынке, что именно в это время усилились спекуляции хлебных торговцев, быстро поднявшие цену квартера пшеницы на несколько десятков шиллингов. Вообще, состояние денежного рынка оказывает могущественное влияние на торговлю, если положение последней благоприятствует такому влиянию; если же, как это и было в данном случае, сокращение денежного рынка совпадает с повышением цены товара, вызванным действительным или ожидаемым уменьшением его предложения, то повышение дисконтного процента не может помешать развитию спекуляции на товарном рынке.

В июле отлив золота за границу возобновился. Попрежнему золото уходило в уплату за хлеб, который в изобилии поступал на лондонский рынок, привлекаемый стоявшей на нем непомерно высокой ценой.

Ввоз в Соединенное Королевство хлеба и муки в сотнях тысяч кварталов ¹⁾.

От 23 февр. до 30 марта	1.052 с. т. кв.
" 30 марта " 4 мая	1.332 "
" 4 мая " 8 июня	1.251 "
" 8 июня " 13 июля	1.444 "
" 13 июля " 17 авг.	2.010 "
" 17 авг. " 21 сент.	1.608 "
" 21 сент. " 26 окт.	969 ¹⁾ "

Приведенные цифры ввоза хлеба в Соединенное Королевство очень поучительны. Ввоз увеличивается и достигает *шахшум'а* во второй половине июля и в первой половине августа. Между тем цена хлеба достигла *шахшум'а* в конце мая. Разница между наступлением того и другого *шахшум'а* в два месяца зависела от времени, потребного для перевозки хлеба с места его отправления в место сбыта. Английские хлебные торговцы закупили громадное количество хлеба в апреле и мае по непомерно высокой цене; хлеб этот прибыл в июле и августе, когда цена хлеба уже упала вследствие того, что виды на урожай за это время успели вполне определиться в благоприятном смысле. Неудивительно, что при таком повороте дела хлебные торговцы, рассчитывавшие на повышение цен, разорились, и это послужило сигналом к промышленному кризису во всей Англии.

С октября вексельный курс становится благоприятен Англии, а отлив золота из Английского Банка продолжается. Очевидно, события вступили в новый фазис: *external drain* сменился *internal drain*, — отлив золота за границу, вызванный неблагоприятным торговым балансом, сменился отливом золота внутрь страны, вызванным паникой, охватившей английский денежный и товарный рынок.

Своей наименьшей величины (1, 2 м. ф. с.) резерв Английского Банка достиг 30 октября. Со времени 2 октября, т. е. за 28 дней, резерв Английского Банка сократился на 2,2 м. ф. с., а металлическая наличность Банка только на 0,2 м. ф. с. Более сильное сокращение резерва показывает, что внутрь страны требовалось не только золото, но и банковые билеты. Вообще, доверие к билетам Английского Банка несколько не уменьшается во время кризисов, а так как пересылка билетов и обращение с ними гораздо легче и удобнее, чем обращение с золотом, то и во время паники 1847 года спрос на билеты

¹⁾ Report on Commercial Distress. App. № 50.

Английского Банка был даже больше, чем на золото. В этом смысле давали показания многие лица, опрошенные парламентской комиссией 1848 г. Так, напр., банкир Бирбекк показал, что во время паники его банк и другие известные ему банкирские фирмы увеличили свой резерв на 75—100% сравнительно с обыкновенным временем ¹⁾. Резерв этот состоял главным образом из билетов Английского Банка.

Развитие кризиса 1847 года прекрасно описано Моррисом, управляющим Английским Банком, дававшим показания комиссии 1848 г.: „Крушение большинства хлебных спекулянтов, последовавшее за падением цены хлеба, вызвало приостановку платежей одной крупной банкирской фирмы, имевшей тесные связи с провинцией. Приостановка платежей этой фирмы уничтожила один из главных каналов кредитного обращения между Лондоном и провинцией и возбудила общую тревогу в стране. Затем последовало еще несколько крушений крупных хлебо-торговых фирм; далее, один за другим приостановили платежи: Королевский Банк в Ливерпуле, Ливерпульское Кредитное Общество, Северный и Южный Уэльский Банк, несколько банкирских контор и Нью-Кастельский Банк, а Нортумберландский и Дургамский Банки подверглись большой опасности от набега публики. Все эти несчастья вызвали панику и почти полное уничтожение кредита. Лондонские банкиры оказались не в силах кредитовать по обыкновению своих клиентов, и последние должны были обратиться за помощью к Английскому Банку. Все стали увеличивать свои резервы, и по этой причине, несмотря на то, что в октябре в руках публики было на 4 или 5 м. ф. с. более билетов и золотой монеты, чем в августе, все жаловались на недостаток денег. Вследствие разрушения кредита, фирмы, ведущие заграничную торговлю и привыкшие возобновлять свои векселя по мере истечения их срока, не могли выполнить своих обязательств и должны были приостановить платежи“ ²⁾.

23 сентября Английский Банк поднял дисконтный % для трехмесячных векселей до 6, а 1 октября дирекция Банка объявила, что не будет больше кредитовать под залог государственных бумаг, консолей и билетов казначейства. Но все эти меры не ослабили, а усилили панику и поэтому не могли остановить уменьшения банкового резерва, хотя в октябре месяце золото уже возвращалось в Англию из-за границы. По показанию Морриса, после повышения дисконтного процента значительное количество золота прибыло из России, и получатели его заявили Моррису, что они ввозят золото только потому, что высокий дисконтный % в Англии делает эту операцию выгодной ³⁾. Золото это не составляло русского капитала, но принадлежало английским капиталистам, которые находили выгодным держать его за границей.

Тем не менее, резерв Английского Банка все сокращался, пока в конце октября он не упал ниже той суммы, которую лондонские банкиры держали в Английском Банке в форме вкладов. Эти вклады могли быть потребованы собственниками каждую минуту, и Английский Банк рисковал оказаться несостоятельным, несмотря на то, что металлическая наличность его превышала 8 м. ф. с. Паника достигла крайних

¹⁾ First Report on Commercial Distress, Minutes of Evidence, показание Birbeck'a, Qu. 5771—5773.

²⁾ First Report on Commercial Distress; Minutes of Evidence, показание Morris and Prescott, Qu. 2675.

³⁾ Ibidem, Qu. 2840.

пределов. Правительству стали со всех сторон подавать петиции о временной приостановке закона 1844 г., лишившего Английский Банк права распоряжаться всей его кассой.

23 октября вышло правительственное сообщение, рекомендовавшее директору Банка не стесняться в своих операциях ограничительными постановлениями закона, но при этом поднять дисконтный % до 8. Паника немедленно прекратилась, так как у публики явилась уверенность, что в крайнем случае всегда можно найти помощь у Английского Банка. По приказанию банкира Пиза, за несколько дней до обнародования правительственного сообщения в Лондоне было совсем невозможно дисконтировать самые надежные векселя: до такой степени все опасались уменьшить свой резерв ¹⁾. Правительственное сообщение восстановило доверие, и, что особенно замечательно, восстановление доверия было основано на чисто психологическом моменте: фактически Английскому Банку даже не пришлось воспользоваться предоставленным ему правом—расширить выпуск своих билетов. Ссуды частным лицам увеличились очень незначительно, и сумма выпущенных Банком билетов не превысила установленной законом нормы.

Как видно из приведенной выше таблицы счетов Английского Банка, реакция после кризиса 1847 г. наступила гораздо скорее, чем в аналогичные эпохи предшествующих кризисов. Уже в начале декабря того же года резерв Английского Банка поднялся до 5 м. ф. с., а металлическая наличность до 11 м. ф. с.

Под влиянием кризиса 1847 г. число банкротств в Англии и Уэльсе увеличилось на 24% сравнительно с предшествующим годом; увеличение незначительное, но, сравнительно с 1845 г., в 1847 г. банкротств было больше на 65%. Больше всего банкротств было в ноябре месяце, когда паника на денежном рынке уже прошла.

Кризис 1847 года оказал сильное влияние на цену фондов и железнодорожных акций, как это можно видеть из нижеследующей таблицы.

Курсы на Лондонской бирже

фондов ²⁾.

1 февр. 1847 г. 23 окт. 1847 г. 1 декабря 1847 г.

Акции Английского Банка	205—203	183	187—9
3-х-процентные консоли	91 ¹ / ₂	80	85 ¹ / ₂
Билеты государственного казначейства (1.000 ф.)	4—8 ш. премии.	30—37 ш. дисконт.	1—2 ш. премии.

Курсы на Лондонской бирже

железнодорожных акций ³⁾.

	1 янв. 1846 г.	1 янв. 1847 г.	1 янв. 1848 г.	1 янв. 1850 г.
London and N. West	215	196	150	109
Great Western	195	150	105	58
South Western	150	170	120	61
Midland	150	130	107	45
York and N. Mid	210	190	144	34

¹⁾ First Report on Commercial Distress, Minutes of Evidence, показание Peas'a. Qu. 4619.

²⁾ Appendix to Report on Commercial Distress, № 33.

³⁾ Tooke. History of Prices, V, 361.

(Цены всех акций приведены к 100 ф. действительно уплаченного капитала).

Из этой таблицы видно, что курсы железнодорожных акций продолжали понижаться вплоть до начала 1850 г. Доходы вновь выстроенных железных дорог не могли быть велики, вследствие общего промышленного застоя, сократившего передвижение по железным дорогам пассажиров и товаров; но, кроме того, падение цен железнодорожных акций вызывалось состоянием денежного рынка—спрос на них уменьшался, а предложение увеличивалось. Общая ценность железнодорожных акций понизилась так значительно, главным образом, вследствие общего желания английских капиталистов извлечь капитал из такого ненадежного помещения, какими стали представляться железнодорожные акции. Следующая любопытная табличка, взятая из книги Тука, показывает размер потери английского капитала на железнодорожных предприятиях в 40-х годах ¹⁾.

	Декабрь 1845 г.	Декабрь 1849 г.
Весь капитал, действительно внесенный на постройку железных дорог Соединенного Королевства (в миллион фунтов)	100	230
Его биржевая ценность (в миллионах фунтов)	160	110
Чистая прибыль или убыток собственников железнодорожных акций (в миллионах фунтов)	+ 60	-120

В 1845 г. все лица, поместившие свои капиталы в железные дороги, выиграли 60 м. ф. без всякого труда и усилий со своей стороны; это вызвало прилив новых 130 м. ф. в железные дороги, и в результате получилась чистая потеря в 120 м. ф. с., общая же сумма потери достигла 180 м. ф. с. Из этого, разумеется, не следует, что действительный капитал страны сократился на ту же сумму. Повышение и падение биржевых ценностей само по себе не изменяет общей суммы национального богатства страны, но оно существенно изменяет его распределение. А так как всякое быстрое изменение распределения национального богатства всегда оказывает задерживающее влияние на производство, то чисто номинальное сокращение железнодорожного капитала в 1849 г. на 180 м. ф. с. должно было глубоко расстроить английское народное хозяйство.

Цены товаров (кроме хлеба) мало изменились в течение 1847 г. Зато в 1848 г. они испытали сильное падение, как следствие перенесенного кризиса. Сравнительно с июлем 1847 г., в июле 1848 г. цены понизились.

Хлопка (Georgia)	на 37% ²⁾
Сахара (Muscavados)	" 7%
Дерева (даншигского)	" 17%
Железа (британского)	" 31%
Меди (брит.)	" 10%

Цена других товаров понизилась слабее. Понижение цены железа находилось в непосредственной зависимости от сокращения постройки железных дорог.

¹⁾ Tooke, V, 372.

²⁾ Вычислено по таблицам Тука в History of Prices, Vol. IV и VI.

Кризис 1847 г. тяжелее всего отразился на хлопчатобумажной промышленности и на многих отраслях горного дела, в особенности на железной и каменноугольной промышленности. В 1848 г. более 50.000 железнодорожных рабочих было распущено вследствие сокращения постройки железных дорог, и это должно было оказывать угнетающее влияние на внутренний рынок.

Интересно, что хотя непосредственная причина кризиса заключалась в неурожае, свидетельскими показаниями совершенно установлен тот факт, что земледельческие округа Англии и Шотландии остались незатронутыми кризисом, который произвел больше всего опустошений в Ланкашире и Стаффордшире ¹⁾.

Кризис 1847 г. во многих отношениях существенно отличается от предшествовавших кризисов 1825 и 1836 гг. Оба последние кризиса были вызваны чрезмерным расширением вывозной торговли Великобритании. В 1825 и 1836 гг. британский капитал эмигрировал за границу и создавал этим искусственный спрос за границей на британские товары. В 1847 г. британский капитал оставался в стране и обратился на железнодорожные предприятия в Соединенном Королевстве, но тем не менее спрос на товары на внутреннем рынке, сначала сильно возросший, вскоре затем упал вследствие того, что действие железнодорожных затрат было нейтрализовано двумя последовательными неурожаями, вызвавшими усиленный ввоз хлеба в Соединенное Королевство из-за границы и чрезвычайно повысившими его цену. В 1847 г. в Соединенном Королевстве было израсходовано на постройку железных дорог 40 м. ф. с., и это должно было оживить внутреннюю торговлю, но почти на 30 м. ф. было ввезено хлеба для внутреннего потребления и, кроме того, было израсходовано несколько лишних миллионов фунтов на покупку хлопка, тоже пострадавшего от неурожая и повысившегося в цене. Таким образом, внутренний рынок не только не расширился в 1847 г., но даже сократился; точно так же сократился и внешний рынок под влиянием неурожая во многих странах, ввозящих британские фабрикатy. Правда, если бы британский капитал не направился на железные дороги, то он должен был бы уйти за границу, и это вызвало бы добавочный спрос на английские фабрикатy на внешнем рынке, подобно тому, как это было в 1825 и 1836 гг. Поэтому в известном смысле можно сказать, что усиленная постройка железных дорог помешала увеличению вывоза британских продуктов за границу. Но английская промышленность не проиграла, а выиграла от замены внешнего рынка внутренним, и только вследствие последовательных неурожаев 1845 и 1846 гг. национальное производство в Англии в 1846 и 1847 гг. сократилось, а не расширилось, как этого можно было с полным основанием ожидать.

Кризис 1847 года был вызван не избытком предложения, а внезапным сокращением спроса, последовавшим за расширением производства и промышленным оживлением предшествующих лет. Поэтому и внешние симптомы кризиса 1847 года были совсем иные: в 1836 и 1825 гг. кризису предшествовала оживленная спекуляция на товарном рынке, поднявшая цены большинства товаров, особенно цены колониальных продуктов, служащих главным предметом посреднической

¹⁾ См. First Report on Com. Distress, показание Gurney, Qu. 1710—1712, Cotton's, Qu. 445; Second Report on Com. Distress, показание Macfarlan'a Qu. 7648.

торговли Англии с Европой. В 1847 г. цены большинства товаров совсем не повышались, и только цена хлеба быстро поднялась и затем так же быстро упала. В 1825 и 1836 гг. промышленный кризис наступил совершенно неожиданно. Необычайное оживление английской торговли и промышленности в течение первой половины года сменилось крушением банков и торгово-промышленных фирм в конце года. В 1847 году кризис подготовлялся исподволь, ему предшествовали сокращение производства и застой торговли в Соединенном Королевстве. В 1825 и 1836 годах металлическая наличность Английского Банка непрерывно падала в течение всего года; напротив, в 1847 году было два денежных кризиса—один в апреле, за которым последовало увеличение металлической наличности Английского Банка, и другой в октябре. Ликвидация кризиса 1847 г. была гораздо быстрее, чем прежних кризисов, потому что кризис этого года произошел тогда, когда английская торговля и промышленность уже была расстроена двумя сильными неурожаями в Соединенном Королевстве и во всей Западной Европе, и когда, следовательно, ликвидация предшествовавшей эпохи промышленного оживления уже была начата.

ГЛАВА IV.

Влияние свободной торговли, постройки железных дорог и открытия золота в Калифорнии и Австралии на состояние английского народного хозяйства.

В конце 40-х и в начале 50-х годов произошли события, совершенно преобразовавшие английскую торговлю и промышленность. Отмена хлебных законов была только завершением целого ряда финансовых реформ, направленных к освобождению внешней и внутренней торговли Соединенного Королевства от искусственных стеснений, создаваемых вмешательством государства в хозяйственную деятельность частных лиц. Понижение или полная отмена акцизов на множество предметов потребления, вместе с уничтожением ввозных пошлин на всякого рода сырье, уменьшили стоимость производства английских фабрикатов и облегчили их сбыт внутри страны и за границей. Удешевление хлеба и других предметов потребления рабочего класса увеличивало среди английских рабочих спрос на произведения обрабатывающей промышленности; а усиленный подвоз хлеба из-за границы, немедленно возросший в несколько раз после отмены хлебных законов, давал иностранным потребителям нужные средства для приобретения английских товаров.

Таким образом, уже одна отмена пошлин на хлеб и сырье расширила рынок для сбыта английских фабрикатов; но действие этой великой реформы было чрезвычайно усилено тем, что другие государства, как совершенно верно предвидели английские фритредеры 40-х годов, были увлечены примером Англии и вслед за ней сами стали понижать ввозные пошлины на важнейшие предметы своего ввоза. В течение первой половины 50-х годов большинство европейских государств преобразовало свои тарифы в либеральном духе. Пошлины на многие товары, вывозимые Англией, были понижены Россией, Швецией, Норвегией, Данией, Голландией, Сардинией, Пруссией и другими государствами; Испания перешла от запретительного к охранительному тарифу, а Франция сильно понизила пошлины на железо, сталь и металлические изделия ¹⁾.

В самой Англии финансовые реформы продолжались в том же направлении, как и прежде. В 1853 г. Гладстон отменил акциз на мыло, уничтожил ввозные пошлины на 123 предмета и понизил пошлины на многие другие товары; пошлина на чай была понижена почти вдвое ²⁾. Крымская война принудила английское правительство повысить акцизы на спирт и пиво и поднять пошлины на некоторые колониальные продукты, но, с возвращением мира Англия вступила на прежний путь систематического понижения косвенных налогов.

¹⁾ Сведения об изменениях тарифов иностранных государств помещались от времени до времени в Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom; см. также Tooke, History of Prices, V, стр. 462—478.

²⁾ Leone Levi. History of British Commerce, 362.

Самым важным событием в области таможенной политики того времени, не только одной Англии, но и всего мира, следует без сомнения признать торговый договор, заключенный между Англией и Францией в 1860 г. Договор этот явился торжеством свободной торговли, завоевавшей даже ту страну, которая всегда считалась твердыней европейского протекционизма—Францию. Трактатом 1860 г. Франция обязалась уничтожить все запрещения в своем тарифе и на произведения британской промышленности понизить пошлину в таких размерах, чтобы она не превышала 30% ad valorem до 1 октября 1864 года и 25% по истечении этого времени. Взамен этого Англия уничтожила, за немногими маловажными исключениями, все пошлины на французские фабрикаты и в несколько раз понизила пошлины на французские спиртные напитки. Трактат был заключен на 10 лет со дня его ратификации.

Несмотря на то, что по внешности этот трактат был более благоприятен для Франции, чем для Англии, в действительности от него более выигрывала английская промышленность, не опасавшаяся французской конкуренции, в то время как выгоды, получаемые французскими виноделами, до известной степени уравнивались потерями французских заводчиков и фабрикантов, для которых конкуренция англичан была очень чувствительна. Значение для британской промышленности этого договора, точно так же как и предшествовавшего понижения французских пошлин, лучше всего выясняется из сравнения цифр вывоза британских произведений во Францию при прежних и при новом тарифах.

Ценность среднего ежегодного вывоза произведений Соединенного Королевства во Францию ¹⁾.

1841—1850 г.г.	2,5 м. ф. с.
1851—1860 "	4,4 " " "
1861—1870 "	10,2 " " "

В 40-х годах многие второстепенные государства служили лучшими рынками для сбыта британских произведений, чем Франция; со времени 1860 года, по своему значению для вывоза Соединенного Королевства, Франция занимает пятое место; впереди ее стоят только Соединенные Штаты, Ост-Индия, Германия и Австралия.

За этим договором последовало заключение подобных же договоров с другими европейскими государствами: с Бельгией в 1862 г., Италией—1863 г., Германским таможенным союзом—1865 г., Австрией и Швейцарией—1864 г. ²⁾. Наступила—довольно, впрочем, непродолжительная—эпоха свободной торговли. Собственно говоря, внешняя торговля была вполне свободна только в одной Англии, отказавшейся от всякого покровительства туземному труду и сохранившей только фискальные пошлины на многие предметы ввоза, а тарифы других европейских государств сохранили, в большей или меньшей степени, покровительственный характер; но почти повсеместно покровительственные пошлины были сильно понижены, и правительства многих государств открыто высказывались в пользу свободной торговли.

¹⁾ По Statistical Abstracts for the United Kingdom.

²⁾ Leone Levi, 408—410.

Только Соединенные Штаты остались совершенно не затронуты общим движением: в 1857 г. пошлины на многие товары (шерстяные, льняные и шелковые ткани, кожаные изделия, металлы и проч.) были понижены на 5—6%, но уже в 1862 г. последовало новое преобразование тарифа, причем пошлины на большинство товаров были подняты значительно выше, чем они стояли до 1857 г. ¹⁾

Понижение пошлин, естественно, содействовало развитию международной торговли, главную роль в которой играла Англия. Но постройка железных дорог и улучшение способов передвижения по суше и воде не в меньшей степени повлияли на расширение торговли всего мира. Пока громадные пространства земли в наиболее цивилизованных государствах не имели удовлетворительных путей сообщения, международная торговля более громоздкими и дешевыми товарами должна была сосредоточиваться по берегам морей и судоходных рек. Англия рассылала свои товары по всему миру, но область распространения их на материках была незначительна и в мало-культурных государствах, можно сказать, ограничивалась береговой полосой. От этого зависело, например, сравнительно слабое распространение английских товаров в такой густо-населенной стране, как Ост-Индия. Дешевые английские товары не могли выдержать сухопутной перевозки на большие расстояния по плохим дорогам, и потому, несмотря на все успехи техники на месте производства, вывоз их слабо увеличивался. В конце 40-х годов началась усиленная постройка железных дорог, сначала в Англии, а затем и во всем остальном свете. Произведенный ими переворот в народном хозяйстве всего мира был громаден. Мир сделался теснее—все страны как бы приблизились друг к другу, местности, удаленные от берега моря, сделались так же доступны для мировой торговли, как и морское побережье. Самая тяжелая пошлина, лежавшая на английских товарах—стоимость отдаленной перевозки, была понижена в несколько раз. Английские товары получили доступ внутрь материков. Расширение рынка, произведенное железными дорогами, видно на примере Ост-Индии. В начале 50-х годов вывоз британских и ирландских произведений в Ост-Индии колебался между 6—7 м. ф. с. В конце 50-х годов в Ост-Индии началась постройка железных дорог на английские деньги и к началу 60-х годов ценность британского вывоза повысилась до 17 м. ф. с.

Оба указанные обстоятельства: переход Англии и, в меньшей степени, остальной Европы от системы протекционизма, стеснявшего международную торговлю, к системе свободной торговли, и постройка железных дорог, уменьшившая во много раз стоимость сухопутной перевозки товаров, чрезвычайно расширили рынок для сбыта английских произведений.

Но действие этих двух факторов еще было усилено открытием необыкновенно богатых золотых россыпей в Калифорнии и Австралии. В 1848 г. золото было совершенно случайно открыто в Калифорнии, а в 1851 г.—в Виктории, в одной из австралийских колоний ²⁾. Значение этих открытий для английской торговли заключалось прежде всего в том, что спрос на английские товары в Калифорнии и Австралии

¹⁾ Тарифы Соединенных Штатов в 1842, 46, 57 и 62 г.г. см. Bishop. The History of American Manufacture, 1867 г.

²⁾ Историю этих открытий см. M. Chevalier, Cours d'Économie Politique, Paris, 1866, La Monnaie, Section XII, Chap. III et IV.

быстро увеличился в несколько раз. Слухи о баснословных богатствах, лежащих на пустынных берегах Сакраменте и Муррея, привлекли в эти страны десятки и сотни тысяч эмигрантов со всех частей света. Пустыни Калифорнии, на которых раньше кочевали одни дикие индейцы, теперь заселились с поразительной быстротой. Австралия была более культурной страной, но тем не менее и в ней население было очень мало-численно, и только после того, как один из местных жителей, вернувшись из Калифорнии, нашел на берегу одной австралийской речки золотоносные пески, население ее стало увеличиваться так же быстро, как и в Калифорнии. Так как в Калифорнии и Австралии туземной промышленности почти не существовало, то все товары, необходимые для увеличившегося населения, должны были привозиться из других стран. Австралия, к тому же, была британской колонией, и потому вполне естественно, что главной поставщицей ее сделалась Англия.

Средняя ценность ежегодного вывоза британских изделий в Австралию за десятилетие 1842—1851 г.г. равнялась 1,6 мил. ф., а за десятилетие 1852—1861 г.г.—10,1 м. ф. Таким образом, благодаря открытию золота в Австралии, Англия приобрела новый рынок, превосходивший по своему значению для британской торговли Францию, Италию и другие страны, находившиеся долгие годы в оживленных торговых сношениях с Соединенным Королевством, и уступавший только Соединенным Штатам, Германии и Ост-Индии.

Гораздо труднее определить экономическое значение самого прилива в Соединенное Королевство золота из Калифорнии и Австралии. Добыча золота во всем свете в 50-х и 60-х годах чрезвычайно увеличилась.

Средняя ежегодная добыча золота (в тысячах килограммов) ¹⁾.

	Во всем свете.	В Австралии.	Соедин. Штаты.
1801—1850 г.г.	24	—	—
1851—1855 „	199	70	89
1856—1860 „	202	82	77
1861—1865 „	185	78	67
1866—1870 „	195	74	76

За первую половину XIX столетия золота во всем свете было добыто меньше, чем его добывалось в течение одного пятилетия в период 1850—1870 г.г. Со времени открытия Америки не было эпохи, когда количество драгоценных металлов в Европе увеличилось так сильно и так внезапно. В XVI веке за приливом серебра из Америки последовало значительное повышение товарных цен; по распространению мнению, это повышение цен было вызвано падением ценности серебра. Неудивительно, что необыкновенное увеличение добычи золота со времени 50-х годов побудило многих экономистов ожидать падения ценности золота и повышения товарных цен. Первый высказал эту мысль известный французский экономист Шевалье; Стэнли Джевонс в начале 60-х годов констатировал статистическим путем повышение уровня товарных цен в Англии и приписал это повышение падению ценности денежной единицы. Действительно, до 1850 г. уменьшение числа-показателя доказывало падение английских товарных цен; но с 50-х годов число-показатель начинает возрастать.

¹⁾ Reports of the Royal Commission appointed to inquire into the Recent Changes in the Relative Values of the precious Metals 1833, Appendix to Final Report, 146.

Число-показатель Джевонса ¹⁾.

1846—1850 г.г.	70
1851—1855	74
1856—1860	80
1861—1865	78

На основании этого Джевонс утверждает, что в Англии средняя цена товаров повысилась в 50-х и 60-х годах, вследствие увеличения золота в обращении, по крайней мере, на 10%.

Но при разрешении подобных вопросов статистический метод мало пригоден и в лучшем случае может только сделать более вероятным то или другое объяснение, полученное путем вывода из общих положений экономической теории. Наведение возможно только при том условии, если действие исследуемого фактора может быть изолировано путем исключения всех других факторов, не находящихся с рассматриваемым явлением в причинной связи. Но если наблюдаемое явление находится под влиянием нескольких сил, действующих совокупно и одновременно во всех случаях наступления явления, то наведение совершенно бессильно определить, в какой мере причина явления заключается в той или другой силе. Между тем, в данном случае исследуемое явление (средняя цена товаров) зависит от целой массы самых сложных и разнообразных причин. Одновременно с увеличением добычи золота изменился целый ряд других хозяйственных условий, которые влияли на цену товаров в том же направлении, как и увеличение добычи драгоценных металлов. Так, например, войны 50-х и 60-х годов, наступившие после стольких лет мира, естественно должны были повысить товарные цены: высокая цена хлеба, льна, пеньки и других товаров в половине 50-х годов зависела от крымской войны, а необыкновенное повышение цены хлопка в 60-х годах было вызвано междоусобной войной в Соединенных Штатах.

В 30-х и 40-х годах английская промышленность страдала от недостатка рынков; цены должны были быть низки, потому что предложение товаров превышало спрос на них. Со времени 50-х годов рынки для сбыта произведений английской промышленности чрезвычайно расширились, и это должно было повысить цены фабрикатов и всякого рода сырья. Мы видели выше, как колеблются цены товаров в зависимости от изменения спроса и предложения: они повышаются в благополучные эпохи, предшествующие кризису, когда спрос на все товары возрастает, и затем падают по наступлении кризиса, когда спрос на товары сокращается. На ряду с такими мелкими колебаниями, повторяющимися с известной правильностью каждое десятилетие, могут быть и более крупные колебания, охватывающие несколько десятков лет: 30-летие 1820—1850 г.г. было эпохой падения товарных цен вследствие неблагоприятных условий международной торговли, а 20-летие 1850—1870 г.г. было временем поднятия товарных цен вследствие того, что международная торговля оживилась. Таким образом, факт поднятия уровня товарных цен может быть удовлетворительно объяснен, даже если мы не будем придавать никакого значения увеличению добычи золота в 50-х и 60-х годах.

¹⁾ Вычислено по таблице Джевонса (The Variation of Prices, investigations in Currency and Finance, 145).

Но, разумеется, из того обстоятельства, что были другие причины поднятия товарных цен в Англии в рассматриваемое время, еще отнюдь не следует, что прилив золота из Калифорнии и Австралии не играл в этом явлении никакой роли. Как мы уже говорили, вопрос о влиянии увеличения золота в обращении на товарные цены не может быть решен статистическим путем. Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть те способы, посредством которых вновь поступившее в обращение золото могло повысить цены. Без всякого сомнения, увеличение спроса на товары в Калифорнии и Австралии, вызванное быстрым возрастанием национального богатства в этих странах, сильно способствовало повышению товарных цен. Правда, спрос на английские товары во всем свете гораздо более увеличился вследствие понижения ввозных пошлин многими государствами и улучшения путей сообщения, чем вследствие открытия золота в Калифорнии и Австралии. Но нужно иметь в виду, что торговля со странами, производящими драгоценные металлы, имеет совершенно особый характер. Вообще, международная торговля заключается в обмене товаров, производимых различными странами, при чем каждая страна покупает товары другой страны и продает свои собственные. Увеличение спроса на товары одной страны сопровождается, обыкновенно, увеличением предложения товаров другой, и потому открытие нового рынка, по большей части, производит на товарный рынок двойное действие: цены предметов вывоза повышаются вследствие увеличения на них спроса, а цены многих предметов ввоза падают, потому что предложение их возрастает. Если в стране сильно развита торговая предприимчивость, то расширение области обмена имеет своим следствием общее повышение товарных цен, под влиянием которого даже товары, ввозимые из вновь открытых рынков, могут повыситься в цене, но, во всяком случае, увеличение предложения товаров последнего рода составляет обстоятельство, благоприятствующее понижению их цен.

Такой характер имеет торговля между странами, обменивающимися товарами. Но торговля между двумя странами, из которых одна вывозит товары, а другая—драгоценные металлы, служащие денежной единицей для них обеих, имеет характер совершенно особый: она не распадается на два акта купли-продажи, но для страны, вывозящей драгоценные металлы, заключается в чистой купле, а для страны, вывозящей товары—в чистой продаже. В этом случае расширение спроса на иностранные товары в одной стране не сопровождается таким же возрастанием предложения товаров другой страны; общая сумма спроса возрастает, а общая сумма предложения товаров остается неизменной (если не включать в число их товары, служащие денежной единицей). Поэтому общее повышение товарных цен в Англии в 50-х годах, произведенное увеличением спроса на английские фабрикаты в Калифорнии и Австралии, расплачивавшихся за эти фабрикаты только золотом, было гораздо сильнее, чем если бы спрос на те же фабрикаты увеличился в какой-либо другой стране, которая расплачивалась бы за них собственными товарами.

Таким образом, следует признать, что увеличение добычи золота в начале 50-х годов произвело известное действие на товарный рынок, путем расширения спроса на товары без соответствующего расширения их предложения. Но в настоящее время нам следует определить, как повлиял на товарные цены в Англии самый факт увеличения золота в обращении.

Английский Банк занимает такое руководящее положение в системе английского кредита, что всякое изменение денежно-кредитного обращения страны немедленно отражается на состоянии его кассы. Золото, прибывавшее в Англию из-за границы, прежде всего направлялось в кассу Английского Банка, в которой хранятся металлические резервы всей страны. Под влиянием этого прилива золота, в июне 1852 г. металлическая наличность Английского Банка превысила 22 мил. ф. с., в то время как в 40-х годах запасы золота и серебра в кассах Банка ни разу не достигали даже 17 мил. ф. Высокая металлическая наличность дала возможность Английскому Банку понизить дисконт до 2⁰/₀; низкий дисконтный процент благоприятствует расширению торговых операций и, следовательно, имеет тенденцию повышать товарные цены; если бы такое положение денежного рынка продолжилось долгое время, то можно было бы приписывать повышение товарных цен в Англии непосредственно приливу золота из Калифорнии и Австралии. Но уже в 1853 г. металлическая наличность Английского Банка упала до 15 мил. ф., а дисконтный процент был поднят до 5. В общем же, в 50-х и 60-х годах дисконтный процент Английского Банка стоял значительно выше, чем в предыдущие годы, и, следовательно, повышение товарных цен за это время никоим образом не может быть объяснено состоянием денежного рынка.

Если же мы признаем, что прибывшее в Англию золото не повышало товарных цен путем понижения дисконтного процента, то становится совершенно непонятным, каким образом оно могло повлиять на цены иначе. Поэтому, несмотря на увеличение золотой монеты в Соединенном Королевстве за время 1848—1856 г.г. на 20 мил. ф. ст.¹⁾, в этом обстоятельстве нельзя видеть причину повышения товарных цен в Англии в 50-х и 60-х годах.

Во всяком случае, прилив золота в Англию не остался без влияния на английские цены: хотя повышение цен и было вызвано другими причинами, но оно было бы невозможно, если бы обильный приток золота из Калифорнии и Австралии не поддерживал кассы Английского Банка, и если бы золото не поступало в обращение для удовлетворения все возрастающего спроса на меновые знаки. Крымская война только потому прошла для Англии так благополучно и не вызвала денежного кризиса, что одновременно с отливом громадного количества звонкой монеты на театр военных действий, золото притекало в Англию из стран, его производящих; точно также отлив серебра на Восток в конце 50-х и начале 60-х годов, вызванный увеличением ввоза восточных товаров в Европу, не произвел полного расстройства европейского денежного рынка только по той причине, что во Франции были громадные запасы серебра, которые она могла переслать на Восток, а взамен серебра получить из Англии золото. Если, несмотря на постоянный приток золота из Калифорнии и Австралии в размере 10—15 м. ф. ст. в год, резерв Английского Банка оставался низким и нередко падал до такой степени, что Банк должен был по целым годам держать дисконт на уровне 6—7⁰/₀, то понятно, что без этого притока Английский Банк должен был прибегнуть для обеспечения своего резерва к еще более энергичным мерам, которые должны были бы расстроить торговлю и вызвать падение товарных цен.

¹⁾ Tooke. History of Prices, VI, 157.

Мы говорили выше, что за время 1820—1850 г.г. ценность английского вывоза прогрессировала очень медленно не вследствие медленности возрастания количества товаров, вывозимых из Англии, а вследствие падения их цен. Это падение, в свою очередь, зависело от двух факторов: технического прогресса, увеличивавшего количество произведений английской промышленности, и недостатка рынков для их сбыта.

Со времени 50-х годов условия мировой торговли изменились: для английской промышленности открылись новые рынки, которые раньше были для нее по разным причинам недоступны, и ценность английского вывоза стала быстро возрастать, тем более что прогресс техники производства уже не был в Англии так стремителен, как в 20-х и 30-х годах XIX столетия.

	Средняя ежегодн. ценность вывоза продуктов Соед. Корол.		Среднее ежегодное число тонн судов, отош. из Соед. Корол.	
	Возраст.	Возраст.	Возраст.	Возраст.
1841—1850 г.	57,4	—	60,3	—
1851—1860 „	106,5	+85%	103,2	+71%
1861—1870 „	166,0	+56%	153,9	+49%

Мы видим, что как количество, так и ценность вывоза Соединенного Королевства увеличились за 20 лет в несколько раз. Если мы будем сравнивать количество и ценность вывоза Соединенного Королевства до 1850 г. и после этого года, то нам бросится в глаза следующее важное различие между обоими периодами: в период до 1850 г. количество вывоза увеличивалось гораздо скорее, чем его ценность, — другими словами, цены падали. За период 1850—1870 г.г. ценность вывоза возрастала быстрее, чем его количество; следовательно, цены повышались. Так как вывоз Соединенного Королевства состоит преимущественно из фабрикатов, то повышение их цен доказывает, что техника производства мало прогрессировала после 50-х годов.

И действительно, в хлопчатобумажной промышленности эра изобретений закончилась в 40-х годах.

Среднее ежегодное производство бумажной пряжи в Соед. Королевстве (в фунтах)¹⁾.

	На 1 ве- ретену.	Возра- стание.	На 1 ра- бочего.	Возра- стание.
1829—1831 г.	21,6 ф.	—	1.546	—
1844—1846 „	26,8 „	+24%	2.754	+78%
1859—1861 „	30,0 „	+12%	3.671	+33%

Среднее ежегодное производство бумажных тканей в Соед. Королевстве (в фунтах)²⁾.

	На 1 ста- нок.	Возра- стание.	На 1 ра- бочего.	Возра- стание.
1829—1831 г.	470	—	521	—
1844—1846 „	1.234	+163	1.681	+223%
1859—1861 „	1.627	+ 32	3.206	+ 91%

¹⁾ Th. Ellison. The Cotton Trade of Great Britain, 68—69.

²⁾ Ellison, 69.

За 15 лет, предшествовавших 1845 г., количество хлопка, обрабатываемого одним рабочим, возросло гораздо более, чем за 15 последующих лет. Сверх того, по словам Эллисона, увеличение количества пряжи и тканей, изготавливаемых одним веретеном или одним ткацким станком, было вызвано за время 1821—1845 г.г., главным образом улучшением техники производства, а после 1845 г.—преимущественно увеличением скорости движения машины и относительным возрастанием производства более грубых сортов пряжи и тканей ¹⁾. Таким образом, и то незначительное возрастание производительности труда в 50-х годах, которое доказывается приводимыми цифрами, зависело не от технического прогресса.

Средняя цена бумажных тканей и пряжи за 1850—1870 г.г. не только не понизилась (как это было в предшествующую эпоху), но даже значительно повысилась, главным образом, вследствие возрастания стоимости сырого материала, хлопка,—возрастания, последовавшего за началом междоусобной войны в Соединенных Штатах.

Средняя цена 1 ярда бумажных тканей и 1 фунта бумажной пряжи, вывозимых из Соед. Королевства за границу (в пенсах) ²⁾.

	Цена 1 ф. пряжи.	Цена 1 ярда ткани.
1841—1850 г.	12,0	3,93
1851—1860 „	11,1	3,41
1861—1870 „	21,1	4,61

Два первых десятилетия свободной торговли вполне оправдали самые горячие ожидания фритредеров. Промышленность и торговля Соединенного Королевства достигли небывалого развития; национальное богатство возрастало с такой быстротой, что, по расчетам „Economist'a“, в начале 60-х годов капитал Соединенного Королевства ежегодно увеличивался на 114 м. ф. ³⁾. От 1842 до 1852 г. доходы, обложенные налогом, возрасли на 6³/₁₀; за 8 лет от 1853—1861 г.г. они увеличились на 20⁰/₁₀. Гладстон, констатировавший эти факты в своей речи 16 сентября 1863 г., назвал рост английского богатства и могущества „опьяняющим“. Особенно сильно возрасли более крупные доходы: за 16 лет, 1854—1870 г.г., число лиц с доходом ниже 300 ф. возросло на 47⁰/₁₀, с доходом от 300 до 1.000 ф.—на 61⁰/₁₀, а с доходом выше 1.000 ф.—на 63⁰/₁₀ ⁴⁾. Условия международной торговли были до такой степени благоприятны, что Англия без труда вынесла крымскую войну, потребовавшую сотни миллионов ф. ст. расхода, причем больше чем половина военных издержек была покрыта из текущих доходов государства.

Еще более тяжелое испытание английская промышленность должна была выдержать в 60-х годах, когда междоусобная война Северных и Южных Штатов Северной Америки внезапно приостановила подвоз такого необходимого сырого материала, как хлопок. Пессимисты ожидали полного крушения английского богатства, основанного на обилии английских фабрикатов на иностранное сырье.

¹⁾ Ellison, 69.

²⁾ Вычислена по таблицам Ellison'a (Table № 2).

³⁾ The Economist, 12 дек. 1863 г. The annual accumulation of Capital in the United Kingdom.

⁴⁾ Leone Levi. History of British Commerce, 483.

Если бы что-либо подобное случилось в 30-х или 40-х годах, то полное расстройство английского народного хозяйства было бы неминуемо. Но в 60-х годах прекращение работ на большей части хлопчатобумажных фабрик в Великобритании не только не вызвало промышленного кризиса, но даже не замедлило развития английской торговли, которая во время „хлопкового голода“ делала такие же быстрые успехи, как и до него. Период протекционизма, описанный нами раньше, был периодом глубокого мира, и тем не менее английское богатство возрастало медленно; а в течение периода свободной торговли все важнейшие государства Европы и Америки должны были вести тяжелые войны, иногда продолжавшиеся по несколько лет,—и тем не менее рост английского богатства был поразительно быстр.

Мы видим на диаграмме, что кривая экспорта сильно повышается, с небольшими падениями. Этих падений четыре: экспорт падает в 1854 г. (крымская война), 1858 г. (промышленный кризис), 1861—62 г.г. (хлопковый голод) и 1867—68 г.г. (промышленный застой).

ГЛАВА V.

Кризисы 50-х и 60-х годов.

Характер колебаний английской промышленности за это время.—Кризис 1857 г.—Мировое распространение его.—Отлив европейского капитала в Соединенные Штаты.—Спекуляции с государственными землями и железными дорогами.—Скопление в нью-йоркской таможне непроданных товаров.—Падение хлебных цен и банкротства.—Роль английского капитала в американских спекуляциях.—Кризис в Англии.—Одновременный отлив золота внутрь страны и за границу.—Приостановка акта Роберта Пиля.—Угнетенное состояние железодельной промышленности.—Денежный кризис 1864 г.—Отлив металла на восток.—Дисконтная политика Английского Банка.—Кредитный кризис 1866 г.—Влияние „хлопкового голода“ на общее состояние английской промышленности.—Акционерные компании.—Грюндерство.—Крушение фирмы Overend and Co.—Паника.—Третья приостановка акта Роберта Пиля.—Сравнение кризиса 1866 г. с другими.—Почему промышленные кризисы происходят осенью.—Промышленный застой конца 60-х годов.

Переходим к изучению кризисов эпохи свободной торговли. Приводимые таблица и диаграмма характеризуют ежегодные изменения английской промышленности и торговли за 1851—70 годы.

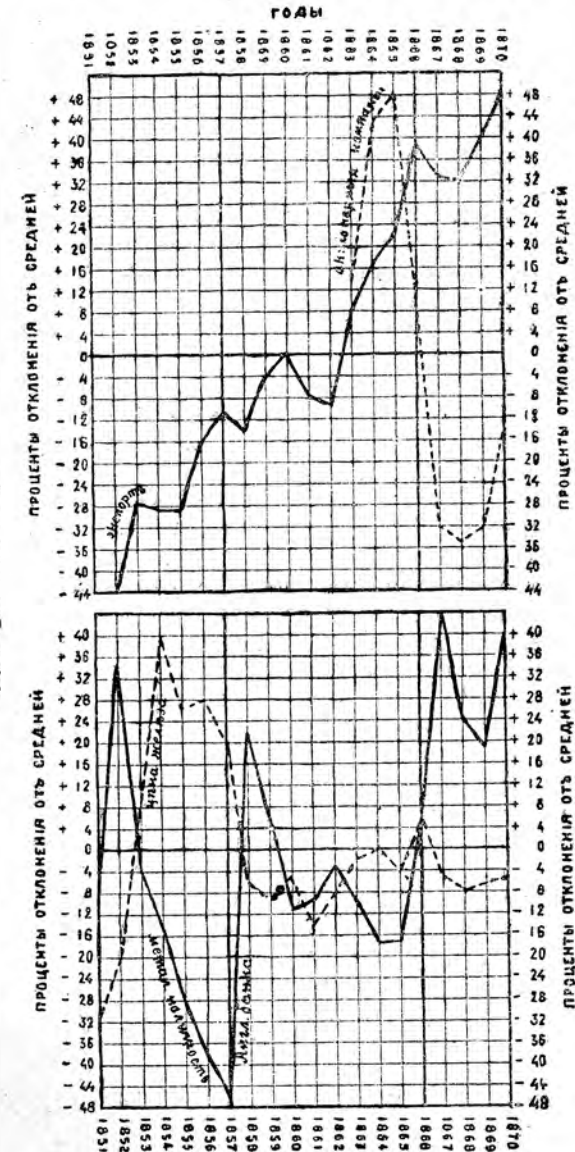
Год	Ценность вывоза произведений Соед. Кор. (в м. ф.) ¹⁾	Число вновь основанных в Соед. Кор. акционерных компаний ²⁾	Средняя цена шотландского чугуна (за 1 тонну в шилл.) ³⁾	Металлич. наличн. Английск. Банка в конце октября кажд. года (в м.ф.) ³⁾
1851 г.	74	—	40	15,2
1852 "	78	—	45	21,2
1853 "	99	—	62	15,3
1854 "	97	—	80	13,6
1855 "	96	—	71	11,3
1856 "	116	—	73	9,6
1857 "	122	—	69	8,7
1858 "	117	—	54	19,1
1859 "	130	—	52	16,9
1860 "	136	—	54	14,1
1861 "	125	—	49	14,2
1862 "	124	—	53	15,5
1863 "	147	790	56	14,4
1864 "	160	997	57	13,1
1865 "	166	1.034	55	13,2
1866 "	189	762	61	16,7
1867 "	181	479	54	22,7
1868 "	179	461	53	19,8
1869 "	190	475	53	18,8
1870 "	200	595	54	22,0
Средняя .	136	699	47	15,8

¹⁾ По Statistical Abstracts for the United Kingdom.

²⁾ По таблицам Зауербекка (Augustus Sauerbeck, On Prices of Commodities and the Precious Metals. Journ. of St. Soc. 1886. Sept.).

³⁾ До 1857 года—по Report from the Select Committee on Bank Acts, 1857. App. № 13; после 1857 г.—по Returns of the Bank of England. 1873.

Диаграмма № 2.

Кривая учредительства акционерных компаний сильно повышается в 1863—1865 г.г., в 1866 г. падает, в 1868 г. достигает низшей точки, а затем опять начинает повышаться.

Кривая цен железа сначала быстро растет, затем падает; наибольшее падение приходится на 1858 год; более слабые падения наблюдаются в 1855, 1861, 1865 и 1867 годах.

Перейдем к последней кривой—кривой металлической наличности Английского Банка, указывающей на состояние кредита. Начиная с 1852 г., она непрерывно падает вплоть до 1857 г., когда запас драгоценных металлов в кассах банка достигает минимума. Другими словами, до этого года кредит расширялся. В 1858 г. металлическая наличность банка сразу увеличивается в несколько раз и стоит почти так же высоко в течение следующего года; следовательно, в 1858 г. произошло внезапное сокращение кредита, которое чувствовалось и в 1859 г. Мы уже настолько ознакомились с симптомами своеобразной болезни капиталистического строя, которая зовется промышленным кризисом, что по сокращению кредита в 1858 г. можем безошибочно заключить о промышленном кризисе. И действительно, в 1857 году был промышленный кризис. В 1861—1862 г.г. торговля опять сократилась и при этом сильнее, чем в 1858 г. Между тем, металлическая наличность Английского Банка в 1861 г. почти совсем не повысилась, а в 1862 г. повысилась очень незначительно; это доказывает, что если в 1862 году кредит и сократился, то очень мало. В 1863—64 г.г. металлическая наличность Английского Банка падает; а так как после промышленного кризиса всегда следует увеличение, а не сокращение банковской кассы, то мы должны заключить, что в 1860—61 г.г. промышленного кризиса не было. И действительно, угнетенное состояние английской промышленности в 1861—1862 г.г. зависело от совершенно случайной причины—междоусобной войны Северо-Американских Штатов. Английский вывоз в Соединенные Штаты, достигавший в 1860 г. 22,9 м. ф. ст., спустился в 1861 г. до 11,0 м. ф. ст.—благодаря этому и общая сумма вывоза упала.

В 1867 г. металлическая наличность Английского Банка сильно повышается и в течение нескольких лет стоит выше, чем в конце 50-х годов. Это указывает на сокращение кредита, еще более сильное, чем после кризиса 1857 года. Низкая металлическая наличность, низкие цены, застой в промышленности—все последствия промышленного кризиса налицо в 1867 и 1868 г.г. Но, вместе с тем, из диаграммы видно, что в 1866 г. металлическая наличность Английского Банка не только не достигает минимума, как это всегда бывает в годы кризиса, а, напротив, повышается сравнительно с 1865 годом. Очевидно, если в 1866 году и был кризис, то этот кризис имел особый характер и развивался не так, как предшествовавшие кризисы. Действительно, кризис 1866 года был совершенно своеобразен и непохож на другие. Падение металлической наличности и паника на денежном рынке произошли в 1866 г. не осенью, как это бывает обыкновенно во время кризисов, а весной; в октябре касса Английского Банка уже снова наполнилась золотом, и потому в нашей таблице 1866 год является годом повышения, а не понижения кассовой наличности Английского Банка, хотя в мае 1866 г. в кассе банка оставалось не более 8 м. ф. металла.

Теперь мы можем приступить к детальному изучению кризисов рассматриваемой эпохи.

Промышленный кризис 1857 года.

За десятилетие 1850—1861 г.г. во внешней торговле Англии замечаются два ясно выраженные колебания: до 1853 г. стоимость английского экспорта быстро возрастает, но в 1854 и 1855 г.г. она начинает

падать. В 1856—1857 г.г. ценность британского экспорта опять повышается, а в 1858 г. наблюдается вторичное понижение ее. Первое колебание было менее значительно и не сопровождалось потрясением кредита; второе же было гораздо сильнее и сопровождалось промышленным кризисом, от которого пострадала не только английская торговля, но и торговля всего цивилизованного мира.

Быстрое расширение английского вывоза в начале 50-х годов и последующее сокращение его находились в непосредственной связи с открытием необыкновенно-богатых золотых россыпей в Калифорнии и Австралии. Как мы говорили выше, обе эти страны были почти незаселены и не имели собственной обрабатывающей промышленности. Открытие золотых россыпей было равносильно поднятию производительности труда в этих странах в несколько раз. По вычислениям Ньюмарча, несмотря на громадный приток эмигрантов со всего света, в Мельбурне средний заработок чернорабочего повысился за короткое время в 4 раза¹⁾. Усиленный спрос на товары всякого рода повысил их цены и вызвал громадное увеличение ввоза иностранных произведений. Английские товары хлынули во вновь открывшиеся для них богатые рынки с такой силой, что, напр., вывоз британских произведений в Австралию за два года (1851—1853) увеличился более чем в 5 раз.

За таким быстрым расширением торговли должна была неминуемо последовать реакция. Предложение английских товаров в скором времени превысило спрос, и в конце 1853 г. австралийский рынок был переполнен товарами, не находившими себе сбыта ни по какой цене²⁾. В 1854 г. в Австралии последовал целый ряд банкротств, в особенности среди импортеров заграничных товаров. Цены упали до такой степени, что в конце 1854 г. английские товары продавались в Австралии по цене, значительно ниже их стоимости на месте производства. В течение всего 1854 и 1855 г. в Австралии и Калифорнии торговля была в крайнем застое. Английский вывоз в Австралию сократился почти вдвое, несмотря на то, что добыча золота в Австралии продолжала возрастать.

Ценность вывоза британских и ирландских произведений в Австралию³⁾.

1853 г.	14.514 т. ф.
1854 „	11.931 „ „
1855 „	6.279 „ „

Сокращение вывоза британских произведений в Калифорнию и Австралию очень неблагоприятно отразилось на состоянии английской промышленности, тем более, что действие кризиса в странах, добывающих золото, было еще усилено неурожаем в Англии и на европейском континенте. Отчеты фабричных инспекторов за 1854 и 1855 г.г. констатируют угнетенное состояние важнейших отраслей английской промышленности, в особенности хлопчатобумажной. Тем не менее, в 1854 г. промышленного кризиса в Англии не произошло, и здание английского кредита не испытало никакого потрясения. Это показывает, что промышленные кризисы не могут вызываться одними внешними обстоя-

¹⁾ Th. Tooke. History of Prices, VI. 806.

²⁾ О влиянии открытия золота в Виктории на туземную торговлю и промышленность. см. Th. Tooke, VI, Appendix XXX.

³⁾ По Statistical Abstract for the United Kingdom, 1857.

тельствами, а для возникновения их нужно, чтобы все народное хозяйство страны находилось в особом, напряженном состоянии. Торговля должна переполнить все доступные для нее каналы, производство должно настолько возрасти, чтобы сбыт изготавливаемых товаров сделался невозможным, и, самое главное, кредит должен быть расширен до последнего предела. Ничего этого не было в начале 50-х годов. Случайное увеличение спроса на английские товары на месте добычи золота не успело вызвать спекулятивной горячки в самой Англии, еще недавно перенесшей тяжелый кризис 1847 г. Состояние кредита и международной торговли не благоприятствовали новому кризису, и потому австралийский кризис 1853 г. не распространился на Англию. В то время как вывоз британских и ирландских произведений в Австралию сократился в 1855 г. более, чем на 5 м. ф. с., общая ценность всего вывоза произведений Соединенного Королевства сократилась в этом году немного более, чем на 1 м. ф. Следовательно, английские экспортеры вознаградили себя за сокращение вывоза в Австралию расширением вывоза в другие страны, и возможность такого расширения лучше всего доказывает, что английская торговля не была в том состоянии крайнего напряжения, которое всегда предшествует кризису.

Как мы уже говорили выше, крымская война была перенесена Англией с поразительной легкостью. Колоссальные займы для военных целей, естественно, повысили ссудный процент. В начале 50-х годов дисконтный процент Английского Банка колебался между 2 и 3, а во время войны он редко падал ниже 5. Но высота дисконтного процента вызывалась не недостатком английских капиталов, а избытком спроса на них, как со стороны государства, затратившего их непроизводительно, так и со стороны промышленности, развитие которой не прекратилось. За 6 лет 1851—1856 г.г. хлопчатобумажное производство возросло на 35%, а ценность вывоза продуктов Соединенного Королевства за границу повысилась на 57%. В одном 1856 г. ценность всего вывоза Соединенного Королевства (т.е. не только туземных, но и иностранных товаров) увеличилась почти на 23 м. ф. с. Но, как ни быстро развивались английская промышленность и торговля, национальный капитал страны возрастал еще быстрее. О росте его можно судить, между прочим, по увеличению вкладов в лондонских банках.

Вклады в 8-ми больших акционерных банках в Лондоне ¹⁾.

	1845 г.	1853 г.	1856 г.
Уплаченный капитал	2,1	2,6	3,5
Вклады	10,0	21,6	36,8

За 10 лет вклады в лондонских акционерных банках возрасли более, чем втрое.

За время Крымской войны вклады не только не уменьшились, но даже повысились более, чем на 50%. Очевидно, усиленный спрос на капиталы не препятствовал их накоплению.

Постройка сети железных дорог не только в Англии, но и во многих других странах, ведущих торговлю с Англией, увеличение добычи драгоценных металлов, понижение пошлины на английские товары во многих европейских государствах—все эти обстоятельства до такой

¹⁾ Albert Schäffle. Gesammelte Aufsätze. Tübingen. 1886. Die Handelskrisis von 1857 in Hamburg, стр. 35.

степени благоприятствовали возрастанию английского капитала, что ни тяжелая война, ни несколько лет неурожая, под влиянием которых цена хлеба в Англии в течение трехлетия 1854—1856 г.г. достигла такой высоты, которой она никогда не достигала в течение предшествовавших 40 лет—не могли остановить развития национального богатства Англии. Прекращение войны с Россией в 1856 г. дало новый толчок английской промышленности, которая и без того находилась в цветущем состоянии.

За эпохами промышленного оживления обыкновенно следуют промышленные кризисы; так было и в настоящем случае. Промышленный кризис 1857 г. особенно замечателен своим широким распространением; это был первый мировой кризис, от которого в большей или меньшей степени пострадали все цивилизованные страны, ведущие значительную внешнюю торговлю. Предшествовавшие кризисы, описанные нами выше, носили местный характер. Действие их ограничивалось почти исключительно Англией и Северо-Американскими Соединенными Штатами, точно так же, как и причины, вызвавшие их, коренились в хозяйственных условиях, свойственных в то время только двум странам.

Периодически повторяющиеся промышленные кризисы представляют собою специфическую особенность капиталистического строя; для развития их необходимо преобладание денежного хозяйства над натуральным, сильное развитие крупного производства, распространение кредита, свобода торговой и промышленной деятельности от юридических стеснений и пр., и пр. До конца 40-х годов на европейском континенте эти условия были до известной степени осуществлены только во Франции, и потому, хотя французская промышленность переживала кризисы, подобные английским и американским, но они были гораздо слабее. Революция 1848 г. уничтожила во всей Западной Европе последние остатки средневекового строя, препятствовавшие развитию капитализма. Распространение политической свободы, сопровождавшееся увеличением политического значения средних классов общества, по преимуществу буржуазии, явилось могучим стимулом промышленного прогресса, которому чрезвычайно благоприятствовали общие условия мирового хозяйства того времени.

Поэтому в 50-х годах торговля и промышленность всего цивилизованного мира сделали огромные успехи, и национальное богатство стало возрастать в Западной Европе гораздо быстрее, чем прежде.

Как и всегда, промышленный прогресс шел быстрее всего в той стране, которая с предприимчивостью своего населения соединяла неисчерпаемые богатства своей территории—в Северо-Американских Соединенных Штатах. Эта страна всегда служила для Западной Европы своего рода резервуаром как для избыточного населения, не находившего себе заработка на родине, так и для избыточных капиталов, ищущих более выгодного помещения. В конце 30-х годов в Америку эмигрировали преимущественно английские капиталы; в 50-х годах, под влиянием тревожного политического положения Европы, туда устремились капиталы не только из одной Англии, но и из других европейских государств. По словам А. Шеффле, за время 1849—1854 г.г. на европейском континенте было приобретено северо-американских ценностей не менее, чем на 1.000 милл. гульд.¹⁾ Эмиграция европейских капиталов в Америку продолжалась

¹⁾ Report from the Select Committee on the Bank. Acts. 1858. Minutes of Evidence, показание Hodgson'a, Qu. 3699—3703.

и после того, как политическое брожение в Западной Европе прекратилось, и замечательно, что даже поднятие дисконтного процента Английского Банка до 5 и 6% и сильный спрос на капиталы внутри самой Англии не могли остановить отлива английских капиталов в Северную Америку¹⁾. По словам отчета парламентской комиссии 1858 г., к началу 1857 г. общая сумма американских ценностей, находящихся в руках английских капиталистов, достигала громадной цифры 80 милл. ф. с.²⁾

Прилив европейских капиталов в Соединенные Штаты был вместе и следствием, и причиной необыкновенного процветания американской промышленности в 50-х годах. Тому же самому результату содействовали и другие обстоятельства. Так, крымская война, приостановившая вывоз хлеба из России, была очень выгодна для американских фермеров, получивших возможность продавать свой хлеб по возвышенной цене. Открытие золота на американской территории естественно усиливало оживление американской торговли, которое не замедлило породить рискованные предприятия и вызвать, как всегда в этих случаях, дух необузданной спекуляции, охвативший собою как фондовый, так и товарный рынок. Огромные капиталы, прибывавшие из Европы в Америку, прежде всего поступали на фондовую биржу и уже оттуда направлялись по разнообразным каналам промышленности и торговли. Акционерные компании стали расти как грибы. Как и в 1837 г., спекуляция обратилась преимущественно на ценности, представлявшие основной капитал страны. Покупка государственных земель немедленно увеличилась в несколько раз.

Куплено государственных земель в Соединенных Штатах на сумму:

1852—1853 г.	1,66 милл. долл.
1853—1854 „	8,47 „
1854—1855 „	11,49 „
1855—1856 „	8,91 „

Но главным предметом спекуляций были железнодорожные ценности. Огромные капиталы были затрачены на постройку железных дорог во всех частях страны. Железнодорожная сеть Соединенных Штатов расширилась в 1856 г. на 4¹/₂ тыс. миль. Число новых линий, проектированных в этом году, было еще больше. Железные дороги проводились без всякого отношения к их вероятной доходности. Учредители их имели в виду только перепродажу акций строящихся дорог по высокому курсу, и, пока на бирже господствовала тенденция к повышению, такие спекуляции обещали верный барыш³⁾.

Спекуляции на товарном рынке всегда более ограничены по своему размеру, чем на фондовом, так как товары предназначаются для немедленного сбыта и их рыночная ценность определяется прежде всего условиями спроса и предложения. Тем не менее, оживленное состояние торговли вызвало в Соединенных Штатах общее повышение товарных

¹⁾ A. Schäffle. Gesammelte Aufsätze. Die Handelskrisis von 1857, стр. 59.

²⁾ Report from the Select Committee on the Bank Acts, стр. VIII.

³⁾ A. Schäffle. Zur Lehre von den Handelskrisen (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1858, стр. 443).

⁴⁾ „Главной причиной северо-американского кризиса (1857 г.) . . . были колоссальные железнодорожные спекуляции“. Moritz Mohl. Ueber Bank-Manöver, Bankfrage und Krisis, Stuttgart, 1858, стр. 19.

цен, под влиянием которого ввоз иностранных товаров в Соединенные Штаты сильно возрос, в то время как вывоз Соединенных Штатов увеличился гораздо менее.

	1855—1856 г.	1856—1857 г.
Ценность вывоза Соединенных Штатов ¹⁾ (кроме драгоценных металлов) в миллионах долларов	281	293
Ценность ввоза Соединенных Штатов ¹⁾ (кроме драгоценных металлов) в миллионах долларов	310	342

Мы видим, что вывоз Соединенных Штатов увеличился в 1856—1857 г.г. на 12 милл. долл., а ввоз—на 32 милл. долл. При этом надо иметь в виду, что одновременно с увеличением ввоза иностранных товаров (преимущественно фабрикатов) сильно расширилось и производство тех же товаров в самих Соединенных Штатах. Вот, напр., цифры хлопка, обрабатываемого на фабриках Соединенных Штатов:

1854—1855 г.	679 тысяч тюков
1855—1856 „	770 „
1856—1857 „	819 ^{a)} „

Увеличение хлопчатобумажного производства в Северо-Американских Соединенных Штатах тем более замечательно, что в 1856—1857 г.г. цена хлопка сильно повысилась (в 1855 г. средняя цена американского хлопка была 5³/₈ п., а в 1857 г.—7⁶/₈ п.), и, как мы увидим ниже, Англия должна была сильно сократить свое хлопчатобумажное производство. Но американская торговля была до такой степени оживлена, что ни усиленный ввоз иностранных товаров, ни высокая цена сырого материала не препятствовали расширению туземного производства.

Количество товаров на американском рынке все увеличивалось, и, несмотря на это, цена их повышалась. Для того, чтобы такое положение было продолжительно, необходимо, чтобы рынок для сбыта товаров быстро расширялся. Но мы видели, что в 1856—1857 г.г. американский экспорт возрос незначительно, и, следовательно, население Соединенных Штатов не могло уплачивать за ввозимые товары своим вывозом. При ограниченности внутреннего рынка, увеличение количества доставляемых товаров неминуемо должно было повести или к падению их цены, или к скоплению их в руках торговцев за невозможностью продать потребителям.

Так как американские торговцы прилагали все усилия, чтобы товарные цены не падали, то должно было наступить последнее следствие, что действительно и произошло.

Шеффле приводит следующую интересную табличку, как нельзя лучше иллюстрирующую положение американского товарного рынка в первую половину 1857 г.³⁾

¹⁾ По Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom, 1860.

²⁾ Th. Ellison. The Cotton Trade of Great Britain, Table № 3.

³⁾ A. Schäffle Gesammelte Aufsätze, Die Handelskrisis von 1857, 28.

	Ценность ввоза иностранных товаров в Нью-Йорк в первые 5 месяцев каждого года (от 1 янв. до 1 мая) в милл. долларов.			Ценность ввоза иностранных товаров в Нью-Йорк в мае каждого года (в милл. долларов).		
	1855 г.	1856 г.	1857 г.	1855 г.	1856 г.	1857 г.
Товары, очищенные пошлиной	37,9	67,8	62,8	8,1	12,4	5,5
Лежащие в таможенных складах (неочищенные пошлиной)	11,1	12,2	29,6	2,3	3,7	10,5

С каждым годом в таможенных складах Нью-Йорка скоплялось все больше и больше товаров. В мае 1857 г. число товаров, оплаченных пошлиной и, следовательно, поступивших во внутреннее обращение, уменьшается сравнительно с предшествовавшим годом более, чем вдвое, но зато количество товаров, лежащих в складах, увеличивается более, чем в 3 раза. Чем же платили заграничным экспортерам нью-йоркские торговцы за скопившиеся в их руках товары? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вернуться к Англии.

Комиссия, назначенная английским парламентом в 1858 г. для исследования действия банковского акта Роберта Пиля, признала основной причиной кризиса предшествующего года „злоупотребления кредитом и вызванные им чрезмерные спекуляции в торговле“¹⁾. Показания свидетелей, опрошенных комиссией, вполне разъяснили тот механизм, посредством которого американские импортеры могли свободно увеличивать ввоз в Соединенные Штаты иностранных товаров, по преимуществу английского происхождения, не затрачивая никакого капитала со своей стороны. Дело происходило таким образом: целый ряд английских банковских домов занимался так-называемыми „foreign banking“ — операциями с иностранными векселями. Операции эти заключались в дисконтировании иностранных векселей, а также и в открытии кредита иностранным торговцам, под залог тех или других обеспечений, или даже без всякого обеспечения, кроме солидности кредитующего лица. Обыкновенно, foreign banking и local banking (операции с внутренним кредитом) выполняются различными фирмами, так что фирма, дисконтирующая английские векселя, не дисконтирует заграничных, и наоборот. Но в 1856—1857 г.г. система „foreign banking“ до того распустилась, вследствие чрезвычайного оживления американской торговли, что многие банки, до того времени занимавшиеся исключительно операциями с внутренним кредитом, стали открывать кредит американским торговцам. Американские торговцы, нуждавшиеся в средствах для покупки товаров, или не желавшие продать своих товаров, чтобы не понизить их цены, обращались к местным американским банкам, которые были в сношениях с английскими или шотландскими банковскими фирмами; кредит последних на биржах всего мира стоял так высоко, что акцептированный ими вексель легко мог быть продан в Америке. Американские банкиры удовлетворяли своих клиентов векселями, выставленными на британские банковские фирмы, соглашавшиеся за известный комиссионный процент акцептировать выставленные на них векселя. Когда американским торговцам приходило время уплаты по векселю, а платить было нечем, то вексель нередко возобновлялся, или же лицо, которое должно было произвести уплату, кредитовалось у какого-

¹⁾ Report from the Select Committee on the Bank Acts, стр. XXVIII.

нибудь нового банка, и, таким образом, прежний долг погашался новым долгом¹⁾.

В других случаях торговцы просто выставляли векселя на подставных лиц и дисконтировали затем эти векселя в банках. Все эти операции совершались в громадных размерах, и до тех пор, пока доверие не поколебалось и ссуды получались легко, торговцы могли воздерживаться от продажи товаров и искусственно повышать их цену.

Но, само собою разумеется, такое положение дел не может длиться долгое время. Увеличение предложения товаров, превышающее спрос, должно неминуемо привести в конце концов к падению их цены. Наивысшего уровня товарные цены достигли летом 1857 г. (май—август). В течение нескольких месяцев спекуляция могла не только поддерживать цены на прежней высоте, но даже несколько повысить их; но в августе наступила реакция. Толчок был дан прекрасным урожаем в Европе в 1857 г. Цена хлеба немедленно упала; а так как в Соединенных Штатах хлеб составляет один из самых важных предметов вывоза, то падение цены хлеба немедленно отразилось на состоянии всего американского товарного рынка.

Цена 1 квартера пшеницы (в шиллингах) за 1857 г. ²⁾

	Филадельфия. Нью-Орлеан.	
	Филадельфия.	Нью-Орлеан.
1 четверть года	56—57	50—57
2 " "	—	49—56
3 " "	48—51	—
4 " "	40—45	26—41

В конце августа, вслед за тем, как выяснилось состояние урожая, последовало первое крушение акционерного банка Ohio Life Insurance and Trust Company. Этот банк был замешан в железнодорожных спекуляциях и давал большие ссуды под залог железнодорожных ценностей. Затем последовало крушение других банков, и паника охватила денежный мир Соединенных Штатов. Так как спекуляция была сильнее всего в железнодорожных предприятиях, то самое сильное падение испытали железнодорожные акции.

Цены железнодорожных акций на Нью-Йоркской бирже.

	Cleveland Pittsburg.	Erie.	Illinois Central.
	1857 г. 18 августа	35	30 ^{3/4}
1 сентября	14 ^{1/2}	19 ^{3/8}	90
14 октября	8 ^{1/2}	7 ^{1/4}	72 ^{1/2} ³⁾

Цены товаров понизились, разумеется, не так значительно; к декабрю большинство товаров упало на 20—30% своей цены⁴⁾.

О размерах американского кризиса можно судить по тому, что в сентябре дисконтный процент в Нью-Йорке колебался между 12—24%, а в половине октября он поднялся до невероятной высоты 60—100% в год. Паника продолжалась до конца октября, но в ноябре она уже

¹⁾ Report on the Bank Acts, Minutes of Evidence, показания Ball'a, Qu. 1661—92, Colemann'a, Qu. 2054—58, Fleming'a, Qu. 5356—75, и других.

²⁾ По Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom, 1860.

³⁾ Schäfle, Gesammelte Aufsätze, Die Handelskrisis von 1857, 25.

⁴⁾ Ibidem, 29.

почти прекратилась, и 17 ноября ссудный процент под надежное обеспечение опустился до 6%¹⁾.

При тех тесных торговых сношениях, которые существуют между Америкой и Англией, вполне понятно, что американский кризис должен был вызвать такой же кризис в Англии. Но не нужно думать, что Англия играла только пассивную роль и пострадала вследствие своих связей с Америкой. Кризис 1857 г., как мы говорили выше, имел универсальный характер. Действие его распространилось на весь цивилизованный мир не только потому, что между торговлей всего мира существует известная зависимость; причина его широкого распространения заключалась, главным образом, в распространенности в 50-х годах того возбужденного состояния торговли и промышленности, которое всегда приводит к кризису. Вполне понятно, что кризис прежде всего начался в Соединенных Штатах, составивших самое выгодное поле для приложения международного капитала. В этой стране промышленное возбуждение достигло своего апогея и в ней прежде всего наступила неизбежная реакция. Но не нужно забывать, что чрезмерное расширение кредита в американской торговле было, главным образом, следствием спекуляций английского капитала, который, не находя для себя достаточного применения дома, устремился на заграничные рынки, подобно тому, как вода, переполнившая сосуд, переливается через край. В 1857 г. повторилось то же самое, что мы наблюдали во время кризисов 1825 и 1836 г.г. Быстро развивающаяся английская промышленность нуждается в соответственном расширении рынков для сбыта своих произведений. Эти рынки создаются, до известной степени, теми же английскими капиталами, эмигрирующими за границу и увеличивающими за границей спрос на английские товары. Широкий кредит покупателям, даваемый английскими экспортёрами, также поощряет увеличение экспорта. Поэтому, как только условия торговли становятся более благоприятны, английский кредит до такой степени расширяется, что иностранные торговцы начинают приобретать английские товары в большем количестве, чем их действительно требуется рынком.

Все это наблюдалось и в 1857 г.: прилив английского капитала в Соединенные Штаты был одной из главных причин расширения американской торговли, а так как главным поставщиком фабрикатов в Северную Америку является Англия, то вывоз английских произведений в Соединенные Штаты увеличился в 1856 г. на 4,6 м. ф. Эта цифра сама по себе не так значительна, особенно если мы сравним ее с возрастанием английского экспорта в Соединенные Штаты в половине 30-х годов. За пятилетие 1832—1836 г.г. английский вывоз в Соединенные Штаты увеличился на 130%, а за пятилетие 1852—1856 г.г. только на 32% (в 1852 г. было вывезено в Соединенные Штаты произведений Соединенного Королевства на 16,6 м. ф., а в 1856 г.—на 21,9 м. ф.).

Причина сравнительной слабости возрастания британского экспорта в Соединенные Штаты в 50-х годах заключалась в следующем: со времени 30-х годов обрабатывающая промышленность в Соединенных Штатах сделала чрезвычайные успехи. В 30-х годах хлопчатобумажное производство Великобритании превосходило хлопчатобумажное производство Соединенных Штатов почти в 5 раз, а в половине 50-х годов—менее, чем в 3 раза. Конкуренция американских производителей

¹⁾ Ibidem, 25.

делала в 50-х годах невозможным такое громадное увеличение ввоза английских фабрикатов, какое предшествовало кризису 1836 г. Как мы уже говорили выше, американская промышленность в 50-х годах настолько окрепла, что в 1857 г., несмотря на сильное повышение цены хлопка, американское хлопчатобумажное производство расширилось, в то время как английское хлопчатобумажное производство в этом году сократилось.

Подобно тому, как кризисам 1836 и 1847 г.г. предшествовали более слабые потрясения на фондовой бирже, так и промышленному кризису 1857 г. предшествовал биржевой кризис. Центром биржевых спекуляций на европейском континенте была Парижская биржа. В 1852 г. в Париже было основано новое кредитное учреждение, „Credit Mobilier“, главной целью которого была спекуляция биржевыми ценностями. Учредители „Credit Mobilier“ заявляли, что задача их заключается в посредничестве между капиталами, ищущими выгодного помещения, и промышленностью, нуждающейся в капиталах. Этой цели они думали достигнуть путем помещения в различные промышленные предприятия тех сумм, которые они, так же как и всякий другой банк, получали от публики. Общество „Credit Mobilier“ закупало акции железных дорог, промышленных и торговых компаний, строительных обществ, государственные облигации, ренты и пр., и пр., и перепродавало их на бирже. По образцу „Credit Mobilier“ были устроены кредитные учреждения во многих городах Германии и Австрии, и все они, подобно своему прототипу, занимались преимущественно спекуляциями на бирже.

Пока на бирже господствовала тенденция к повышению, все шло хорошо, и „Credit Mobilier“ мог выдать в 1855 г. громадный дивиденд своим акционерам. Но чрезмерная спекуляция на фондовой бирже не замедлила привести к реакции—уже осенью 1856 г. последовало общее падение курсов биржевых бумаг.

Тенденция к повышению заменилась еще более сильной тенденцией к понижению, и на бирже, а вслед затем и в публике, стали распространяться жалобы на так-называемую „контр-мину“ спекулянтов на понижение, маневрам которых приписывали изменившееся настроение биржи. Но биржа была только барометром, показавшим приближение настоящей бури, наступившей годом позднее¹⁾.

Так как оживление торговли в 1856 и 1857 г.г. охватило собою всю Западную Европу и Северную Америку, то вполне понятно, что возрастание английского вывоза не было таким односторонним, как в 1836 г., а распределялось довольно равномерно между многими странами. При этом очень характерно, что главное увеличение вывоза Соединенного Королевства приходится не на хлопчатобумажные ткани (как это бывало перед предшествовавшими кризисами), а на железо и сталь.

	Ценность вывоза хлопчатобумажных тканей из Соединенного Королевства ²⁾ (в мил. ф. ст.).	Ценность вывоза железа и стали из Соединенного Королевства ²⁾ (в мил. ф. ст.).
1855 г.	27,6	9,5
1856 „	30,2	13,0
1857 „	30,4	13,6

¹⁾ См. о биржевом кризисе 1856 г. Otto Michaelis. Volkswirtschaftliche Schriften. Berlin, 1873, Erster Band. Handelskrisis von 1857, стр. 288—324.

²⁾ По Statistical Abstract for the United Kingdom, 1860.

Вывоз хлопчатобумажных тканей возрос за 3 года на 10⁰/₀, а вывоз железа и стали—на 43⁰/₀. В этом сказалось глубокое изменение в положении Англии в мировом хозяйстве в 50-х годах, сравнительно с предшествовавшим временем. Прежде Англия пользовалась почти неограниченной монополией в обрабатывающей промышленности. Промышленность других стран, с которыми Англия вела торговлю, развивалась медленно, и Англия ввозила в них почти исключительно свои фабрикаты и колониальные продукты. Промышленный подъем 50-х годов распространился далеко за пределы Англии, и потому из английских товаров особенно увеличился спрос не на готовые предметы потребления, но на сталь и железо, как необходимый материал при производстве. Постройка железных дорог была главным предметом спекуляции в 50-х годах; поэтому производство и обработка железа получили в это время особенно сильное развитие.

Теперь мы, следуя нашему обычному плану, перейдем к изучению состояния счетов Английского Банка.

Счета Английского Банка за 1857 г.

(в миллионах ф. с.)¹⁾

	Металлическая наличность.	Резерв.	Дисконтные векселя.	Вклады лондонских банков.	Наименьший дисконтный процент.
Январь 4	10,2	4,8	5,8	3,0	6%
Июль 4	11,5	5,9	7,5	3,0	6%
Август 1	11,3	5,2	8,0	3,0	5 ¹ / ₂ %
Сентябрь 5	11,5	6,1	7,7	2,6	5 ¹ / ₂ %
Октябрь 3	10,7	4,6	8,5	2,7	5 ¹ / ₂ %
Октябрь 17	9,5	3,2	9,7	3,5	7%
Октябрь 13	8,7	2,3	11,1	3,8	8%
Ноябрь 4	8,5	2,2	11,4	4,5	8%
Ноябрь 11	7,2	0,96	13,2	4,6	9%
Ноябрь 18	6,5	1,1	16,0	1,5	10%
Декабрь 2	7,4	2,3	17,8	5,2	10%
Декабрь 30	11,5	6,1	15,2	6,4	8%

До сентября 1857 г. положение Английского Банка не внушало никаких опасений. Металлическая наличность была не велика вследствие того, что золото требовалось на европейский континент для обмена его на серебро, уходившее на Восток, но она не уменьшалась и даже к июлю увеличилась сравнительно с началом года на 1,3 м. ф. с. Увеличение резерва давало возможность Английскому Банку понизить дисконтный процент с 6 до 5¹/₂. Но в половине сентября в Англию пришли известия о крушении американских фирм, и после этого металлическая наличность и резерв Английского Банка начинают быстро понижаться. 11-го ноября резерв Английского Банка спустился до ничтожной цифры 958 тысяч ф., а дисконтный процент был поднят до 9. Вслед затем резерв начинает возрастать: за время 11 ноября—2 декабря резерв увеличивается более, чем на 1 м. ф., а металлическая наличность только на 180 т. ф. В конце декабря и резерв, и металлическая наличность стоят почти на той же высоте, как и в начале июля.

¹⁾ По Report on the Bank Acts, Appendix № 6.

Еще в августе правление Английского Банка было до такой степени уверено в прочности положения денежного рынка, что согласилось ссудить Ост-Индской компании 1 мил. ф. ст. Как и всегда, кризис наступил совершенно неожиданно и застал денежный мир врасплох. По словам отчета парламентской комиссии, торговля Соединенного Королевства в начале осени 1857 г. всеми признавалась находящейся во вполне нормальном и здоровом состоянии¹⁾. Известия об американских банкротствах возбудили общую тревогу, но руководящие органы прессы продолжали настаивать на том, что Англии нечего бояться промышленного кризиса. Между тем громадное повышение дисконтного процента в Соединенных Штатах стало оказывать свое обычное действие, и золото стало уходить в Америку. За 3 недели 3—24 октября в Соединенные Штаты ушло из кассы Английского Банка 684 т. соверенов. Вместе с тем золото начало уходить внутрь страны: за то же время в Ирландию ушло 190 т. соверенов, а в Шотландию—235 т. соверенов; количество золотой монеты, ушедшей во внутренние каналы обращения самой Англии, неизвестно²⁾.

В половине октября товарные цены в Англии сильно упали и начались банкротства промышленных фирм, имевших дела с Америкой. 24 октября приостановил платежи Liverpool Borough Bank. Причина падения этого банка заключалась в скоплении в его портфеле просроченных векселей, по которым уплата не была произведена. Торговый и финансовый мир Англии охватила паника.

25 ноября отлив золота из Англии в Соединенные Штаты прекратился, но золото продолжало еще сильнее уходить во внутреннее обращение страны. В начале ноября обанкротились несколько фабрикантов и торговцев, занимавшихся вывозом британских товаров в Америку. Обанкротившиеся фирмы сильно злоупотребляли системой выставления фиктивных векселей на подставных лиц. Одна обанкротившаяся фирма дисконтировала в Лондоне и Шотландии таких дутых векселей на 235 т. ф.³⁾. Эти банкротства повели за собою крушение шотландского акционерного банка, Western Bank, за которым последовала приостановка платежей другого шотландского банка, City of Glasgow Bank (этот последний банк через несколько дней возобновил платежи). О размерах паники, вызванной крушением двух крупных шотландских банков, пользовавшихся с давнего времени репутацией особенной солидности и осторожности в ведении своих дел, можно судить по тому, что за одну неделю 4—11 ноября в Шотландию было послано из Английского Банка на 1.060 т. ф. золотой монеты⁴⁾.

Крушение Western Bank 9-го ноября было непосредственно вызвано банкротством 4-х шотландских торговых фирм, которые все вместе должны были банку 1.604 т. ф. с., в то время как акционерный капитал банка не превышал 1.500 т. ф.⁵⁾. Этот банк в широких размерах практиковал описанную выше систему кредита американским спекулянтам. Когда в публике распространились слухи о ненадежности Western Bank, то на банк был произведен так называемый „run“, но при этом капиталы извлекались из банка не путем предъявления к размену его биле-

¹⁾ Report of the Committee on the Bank Acts, стр. VII.

²⁾ Report on the Bank Acts, App. № 12.

³⁾ Report on the Bank Acts, Minutes of Evidence, показание Fleming'a, Qu. 5564.

⁴⁾ Report on the Bank Acts, App. № 12.

⁵⁾ Report, M. of E., показ. Fleming'a, Qu. 5376—77.

тов, а путем востребования вкладов, которые немедленно помещались в другие банки. За месяц, предшествовавший крушению, из банка было извлечено вкладов на 1.280 т. ф. с., и банк должен был приостановить платежи ¹⁾.

Отлив золота в Шотландию 10-го и 11-го ноября был так силен, что директор Английского Банка Нив приписывает этой причине последующую приостановку действия банкового акта Р. Пиля ²⁾. Усиление спроса на золото в Шотландии не было вызвано недоверием публики к билетам местных банков. По показаниям всех свидетелей, опрошенных парламентской комиссией 1858 г., билеты шотландских банков в эпоху кризиса так же свободно обращались в публичке, как и раньше. Спрос на золото был значительно усилен действием закона 1844 г., воспрещавшего шотландским банкам увеличивать выше известной нормы выпуск своих билетов, не обеспеченных на равную сумму звонкой монетой. А так как во время паники спрос на наличные деньги всегда возрастает, то шотландские банки и были вынуждены для расширения выпуска своих билетов увеличить свои металлические запасы, которые они извлекали из Английского Банка путем предъявления к дисконту векселей ³⁾.

Интересно, что в самый разгар паники, когда все стремились увеличить свои резервы, вклады лондонских банков в Английском Банке не только не уменьшились, но, напротив того, значительно возрасли. Объясняется это тем, что паника на денежном рынке влияет на количество банковских вкладов в Английском Банке в двух противоположных направлениях: с одной стороны, вклады лондонских банкиров уменьшаются вследствие того, что их провинциальные клиенты увеличивают свои резервы и извлекают свои средства из Лондона; с другой стороны, лондонские банкиры сами стремятся увеличить свои резервы и поместить их в надежное место, каким является Английский Банк, и потому увеличивают свои вклады. Смотря по тому, которое из этих влияний сильнее, вклады в Английском Банке во время паники возрастают или уменьшаются.

Со времени 50-х годов среди банкиров Соединенного Королевства распространился обычай помещать свои свободные средства у так называемых bill-broker'ов (дисконтеров), специально занимающихся операцией учитывания векселей. Обычай этот был вызван, главным образом, тем, что частные банки стали платить процент по краткосрочным вкладам; а так как Английский Банк процента по вкладам не платит, то частным банкам стало невыгодно держать свои резервы в Английском Банке. Поэтому они стали помещать свои вклады у bill-broker'ов, которые платят процент по вкладам до востребования. Bill-broker'ы, в свою очередь, не держат никакого резерва наличными деньгами: их резерв составляют учитываемые ими векселя, которые они переучитывают в банках, если им требуются наличные деньги. Во время паники 1857 г. лондонские банки вытребовали свои резервы у bill-broker'ов и поместили их в Английском Банке. От этого и зависело значительное увеличение банковских вкладов в Английском Банке в ноябре и де-

¹⁾ Ibidem, показания Fleming'a, Qu. 5539.

²⁾ Ibidem, показание Neave'a, Qu. 1057.

³⁾ О шотландских банкротствах и отливе золота в Шотландию см. Report on the Bank Acts, Minutes of Evidence, показания Robertson'a, Qu. 3337—36, Clerk'a, Qu. 3057—72, Fleming'a, Qu. 5356—95, и пр.

кабре месяце 1857 г. Сами же bill-broker'ы получили нужные средства для возвращения банкам их вкладов путем дисконтирования своих векселей в Английском Банке. Около половины векселей, дисконтированных Английским Банком в течение трех последних месяцев 1857 г., принадлежали bill-broker'ам, которым Английский Банк должен был прийти на помощь из чувства самосохранения, так как, в противном случае, bill-broker'ы не могли бы вернуть вкладов банкирам, и последние, в свою очередь, должны были бы извлечь из Английского Банка свои вклады для выполнения своих обязательств. Таким образом, расширение дисконтной операции Английского Банка во время кризиса 1857 г. являлось до некоторой степени только перемещением одних и тех же денежных сумм со счетов одних лиц на счета других ¹⁾.

Как и всегда во время кризисов, золото уходило из Английского Банка преимущественно вследствие расширения дисконта; 11 ноября Банком было дисконтировано векселей на 5.899 т. ф. больше, чем 5 сентября, а металлическая наличность уменьшилась за то же время на 4.328 т. ф. Разница между этими цифрами зависела от увеличения банковских вкладов, а также и от того, что публика извлекала из Английского Банка не только золото, но и банковые билеты.

11 октября резерв Английского Банка достиг своего минимума; в конце этого дня он опустился до 581 т. ф. Несмотря на то, что в кассе Банка было более, чем на 7 миллионов ф. с. золота и серебра, Банк рисковал лишиться всяких оборотных средств. Общественное мнение настоятельно требовало приостановки действия акта Р. Пиля, и правительство должно было уступить. 12 ноября оно уполномочило правление Банка расширить выпуск своих билетов за пределы нормы, указанной законом 1844 г.

Таким образом, во второй раз акт Р. Пиля оказался несостоятельным. В 1847 г. Английскому Банку не пришлось воспользоваться предоставленной ему льготой, так как одной уверенности в том, что кредит может быть расширен, было достаточно для восстановления доверия; но в 1857 г. Банк должен был фактически переступить указанные законом границы выпуска билетов. К 18 ноября, несмотря на повышение дисконтного процента до 10, сумма дисконтированных векселей в портфеле Английского Банка возрасла за 1 неделю на 3 м. ф. ст., и, кроме того, временные ссуды частным лицам были увеличены более, чем на 1 м. ф.; металлическая наличность Английского Банка понизилась на 687 т. ф., а резерв увеличился на 210 т. ф. Количество билетов, выпущенных выше нормы, достигало 852 м. ф.

Банкротства банков и торговых фирм продолжались в течение всего ноября. Особенно многочисленны были банкротства в тех горно-промышленных центрах, в которых преобладало железное производство. 25-го ноября приостановил платежи Northumberland and Durham Bank. Капитал этого банка равнялся 600 т. ф., а одна компания для разработки железных рудников, оказавшаяся несостоятельной, была должна Банку около 1 м. ф. ²⁾. В Стаффордшире также приостановило платежи несколько банков, вследствие банкротств владельцев железных рудников.

¹⁾ См. об этом Report on the Bank Acts, Minutes of Evidence, показание директора Английского Банка Neave'a, Qu. 616—660 и след.

²⁾ Report on the B. A. Minutes of Evidence, показание Hodgson'a, Qu. 3456—57.

К концу декабря паника прошла, и острый период кризиса закончился. Дисконтный процент Английского банка был понижен до 8, сумма дисконтированных векселей уменьшилась, и золото опять наполнило кассы банка.

Если сравнивать состояние счетов Английского Банка в 1857 г. и в годы предшествовавших кризисов, то бросается в глаза, что кризис 1857 г. развивался совершенно не так, как раньше описанные кризисы. Кризисам 1825, 1837 и 1847 г.г. предшествовали резко выраженные „external drains“: вексельный курс стоял низко и золото уходило за границу. Затем external drain прекращался, вексельный курс повышался, и в то же время наступал internal drain—золото устремлялось внутрь страны. В 1857 г. оба эти drains не были резко отделены друг от друга и происходили почти одновременно. С июля до конца сентября металлическая наличность Английского Банка стояла с небольшими колебаниями почти на одной и той же высоте, а в октябре начался одновременно отлив золота в Америку, и в то же время золото стало уходить из кассы Английского Банка внутрь страны.

Ушло из кассы Английского Банка ¹⁾
в Шотландию и Ирландию в С. Штаты

За октябрь	758 тыс. соверенов.	853 т. соверенов.
За первые 17 дней ноября	1,960 „ „	281 „ „

Различие это объясняется тем, что предшествовавшие кризисы имели местный характер и ограничивались только Англией (в 1837 г. также Соединенными Штатами). Направление золотого потока определялось состоянием английской торговли и английского денежного рынка. Предшествующее кризису повышение товарных цен на английском рынке немедленно вызывало прилив товаров всего мира в Англию и отлив из нее золота, так как товарные цены на других рынках повышались не так сильно, как в Англии.

Паника и повышение дисконтного процента на английском рынке вызывали немедленный приток золота в Англию потому, что во всех других странах Европы дисконтный процент оставался низким. Так, напр., Французский Банк за все время 1820—47 г.г. держал дисконтный процент на одном неизменном уровне 4⁰/₀. В 1847 г., в самый разгар паники в Англии, Французский Банк повысил дисконтный процент только до 5. Но в 1857 г. кризис был всеобщим: ему предшествовало более или менее равномерное повышение товарных цен на рынках всего мира. Поток товаров не был искусственно направлен в одну сторону, а распределялся более равномерно между всеми странами, и потому золото из Англии не отливалось. По той же причине, когда в Англии произошла паника, золото не могло приливать в Англию из других стран, так как паника распространилась на денежные рынки всего мира. В Соединенных Штатах паника была еще сильнее, чем в Англии, и потому золото одновременно потекло из Английского Банка внутрь страны и в Америку. С европейского континента золото не могло притекать в Англию потому, что дисконтный процент в важнейших западно-европейских центрах был так же высок, как и в Англии; так, напр.,

¹⁾ Report on the B. A. Appendix, № 12. Количество золота, ушедшего из Английского Банка внутрь Англии, неизвестно.

в Париже Французский Банк повысил в ноябре дисконтный процент до 10.

Таким образом, особенности кризиса 1857 г. объясняются его широким распространением за пределы Англии. Больше всего пострадали Соединенные Штаты и Гамбург. Англия пострадала гораздо меньше. В то время как следы кризисов 1825, 1837 и 1847 г.г. чувствовались в Англии в течение нескольких лет, кризис 1857 г. вызвал сильный упадок английского экспорта в 1858 г., но уже в 1859 г. его действие совершенно изгладилось. Объясняется это тем, что спекулятивное расширение торговли, предшествовавшее кризису 1857 г., далеко не достигало в Англии таких размеров, как в соответствующие эпохи раньше; поэтому и последующая реакция была слабее.

Мы говорили выше, что угнетенное состояние торговли обыкновенно усиливает энергию и предприимчивость торговцев и побуждает их отыскивать новые рынки для сбыта своих товаров. В этом отношении кризис 1857 г. произвел очень сильное действие. В 1858 г. вывоз в Западную Европу и Соединенные Штаты сократился, но зато английский вывоз в Ост-Индию сразу увеличился на 45⁰/₀.

Ценность вывоза британских и ирландских произведений ¹⁾
(в миллионах ф. с.).

	В Голландию, Бельгию, Германию и Францию.	Соед. Штаты.	Ост-Индию.
1856 г.	25,9	21,9	10,5
1857 „	27,4	19,0	11,7
1858 „	24,9	14,5	16,8
1859 „	23,3	22,5	19,8

Мы видим, что в 1858 г. вывоз в Ост-Индию делает быстрый скачок вверх: чтобы вознаградить себя за сокращение европейского и американского рынков, английский капитал устремился в Азию. В Ост-Индии началась усиленная постройка железных дорог и улучшение внутренних путей сообщения, и вследствие этого спрос на английские товары и ввоз их в Индию расширился за 3 года почти вдвое.

Денежный кризис 1864 г. и кредитный кризис 1866 г.

В истории английской промышленности период 1861—1865 г.г. был настолько исключителен по своим хозяйственным условиям, что его можно сравнить разве только с эпохой Наполеоновских войн, когда торговля и промышленность всего мира в равной мере подвергались влиянию политических событий. Крымская война была перенесена Англией очень легко и почти не отразилась на состоянии английского народного хозяйства. Объясняется это тем, что эта война не отрезала Англию ни от одного крупного рынка для сбыта ее произведений и мало затруднила ввоз необходимого для нее сырья. Между тем, междоусобная война северных и южных штатов Северной Америки в одно и то же время лишила Англию ее важнейшего рынка (вывоз Соединенного Королевства в Соединенные Штаты, достигавший в 1861 г. 23 м. ф. с., спустился до 11 м. ф. с. в следующем году) и почти совершенно

¹⁾ Statistical Abstract for the United Kingdom, 1861.

приостановила вывоз из Соединенных Штатов хлопка, так же необходимого для английской промышленности, как хлеб необходим для английского населения. Хлопчатобумажное производство в Англии сократилось в несколько раз.

Потребление хлопка в Соединенном Королевстве ¹⁾
(в миллионах фунтов).

1860 г.	1.084
1862 г.	452

Цена хлопка выросла с 6¹/₄ пенсов за 1 ф. Upl. Mid) в 1860 г. до 17¹/₄ п. в 1862 г. и 27¹/₂ п. за 1 ф. в 1864 г., что вызвало усиленный подвоз хлопка из Ост-Индии, Египта, Бразилии и пр. Вместе с тем возрос и вывоз английских произведений в эти страны, хотя и не в такой степени, в какой расширился ввоз в Соединенное Королевство продуктов этих последних стран.

Вот, например, цифры ценности всего вывоза Соединенного Королевства в Ост-Индию и Египет и ввоза товаров этих стран в Соединенное Королевство.

	Ценность вывоза ²⁾ Соединенного Королевства (в миллионах ф. с.).		Ценность ввоза ³⁾ Соединенного Королевства (в миллионах ф. с.).	
	В Ост-Индию.	Египет.	Из Ост-Индии.	Египта.
1860 г. . . .	17,7	2,6	15,1	10,3
1864 г. . . .	20,8	6,2	52,3	19,6

Ввоз из Ост-Индии за 4 года увеличился по своей ценности на 37 м. ф., в то время как ценность вывоза товаров Соединенного Королевства в Ост-Индию увеличилась только на 3 м. ф. При этом нужно иметь в виду, что при вывозе своих товаров англичане всегда открывают своим покупателям кредит, нередко на долгие сроки, но при ввозе иностранных товаров (в особенности с Востока) они, обыкновенно, принуждены платить наличными деньгами.

Неудивительно, что такое громадное возрастание ввоза восточных товаров в Соединенное Королевство вызвало в 1864 г. в Англии денежный кризис, продолжавшийся в течение всего года.

Состояние счетов Английского Банка в 1864 г. ³⁾.

	Металлическая наличность (миллионы фун- тов ст.).	Наименьший дисконтный процент.
Январь 6 . . .	14,2	7% (с 24 декабря 1863 г.).
Январь 20 . . .	13,0	8% (с 20 января).
Март 2 . . .	14,0	6% (с 25 февраля).
Апрель 27 . . .	12,6	7% (с 16 апреля).
Май 18 . . .	13,3	9% (с 5 мая).
Июнь 22 . . .	14,3	6% (с 16 июля).
Август 10 . . .	12,6	8% (с 4 августа).
Сентябрь 14 . . .	12,9	9% (с 8 сентября).
Октябрь 26 . . .	13,1	9%
Декабрь 21 . . .	14,3	6% (с 15 декабря).

¹⁾ Th. Ellison. The Cotton Trade of Great Britain, Table № 1.

²⁾ Statistical Abstract for the United Kingdom, 1870.

³⁾ Returns of the Bank of England, 2, May 1873.

Политика Банка заключалась в том, чтобы немедленно повышать дисконтный процент, как только металлические запасы в его кассах начинали сокращаться; и только благодаря этому металлическая наличность Английского Банка не понизилась в 1864 г. так же сильно, как она понижалась во время предшествовавших кризисов. В течение 2-х первых недель января металлическая наличность Английского Банка уменьшилась более, чем на 1 м. ф. Серебро отливало в Индию, и Бомбейский монетный двор не успевал чеканить серебряные рупии, которые немедленно уходили внутрь страны в уплату за хлопок ¹⁾. 20-го января Банк повысил дисконт до 8%, и металл стал возвращаться в его кассу.

В апреле металлические запасы Английского Банка опять начинают уменьшаться по той же причине, как и в январе. Повышение дисконта оказало свое действие, и в июле металлическая наличность дошла до такой же высоты, как и в начале марта. Наконец, в 3-й раз металл стал уходить из кассы Банка в августе, и в начале сентября Банк должен был вторично поднять дисконт до 9%. Дисконтный процент играл роль насоса звонкой монеты; каждое повышение дисконтного процента немедленно приводило в действие этот насос, и монета возвращалась в кассу Английского Банка.

Кризис 1864 г. ограничился почти исключительно денежным рынком; на товарном рынке обнаружилось незначительное падение товарных цен, но, несмотря на такую высоту дисконтного процента, какая в прежнее время наблюдалась только во время самой большой паники, торговля и промышленность Англии не испытали больших потрясений. Это доказывается тем, что в 1865 г., вместо торгового застоя, следующего за каждым промышленным кризисом, наблюдалось как раз обратное: значительное оживление торговли и расширение производства. Следовательно, повышение дисконтного процента в 1864 г. было вызвано не промышленным, но денежным кризисом ²⁾.

Несмотря на продолжавшийся „хлопковый голод“, английская торговля в течение всего этого времени была очень оживлена. За сокращение торговли с Северной Америкой Англия была до некоторой степени вознаграждена расширением торговли с Европой, вызванным заключением торговых договоров с Францией, Бельгией, Германским таможенным союзом, Австрией и Италией. От „хлопкового голода“ больше всего пострадали рабочие, для которых этот голод имел не только фигуральное значение, но означал собою действительную нищету и голодание. Что касается до предпринимателей, то они были вознаграждены за сокращение производства повышением ценности готовых тканей. В 1860 и 1861 г.г. хлопчатобумажное производство так расширилось, что у фабрикантов и торговцев скопились громадные запасы непроданных тканей; приостановка производства дала им возможность продать все эти ткани по цене, в несколько раз превышающей их действительную стоимость. Далее, нужно иметь в виду, что для тех отраслей промышленности, которые конкурируют с хлопчатобумажной, повышение цен

¹⁾ Emile de Lavelaye. Le Marché monétaire et ses crises. Paris. 1865, стр. 80.

²⁾ Lavelaye и Juglar говорят о кризисе 1864 года, как о промышленном кризисе (см. Le Marché monétaire, Chapitre VI и Des Crises Commerciales 374—383); но этому противоречат все статистические данные о состоянии английской промышленности в период 1863—1866 г.г., свидетельствующие о непрерывности ее роста и развития в течение всего этого времени.

бумажных тканей было очень выгодно. Полотняная промышленность стала именно в это время быстро развиваться, после того как в течение нескольких десятков лет она оставалась почти в неподвижном состоянии. Точно также в это время сильно возросло производство шерстяных тканей¹⁾. Вывоз шерстяных тканей из Соединенного Королевства в 1865 г. увеличился почти вдвое, сравнительно с 1862 г. По словам Economist'a, „приостановка хлопчатобумажного производства произвела очень мало действия на общее благосостояние страны. Можно сказать, что, за немногими исключениями, 1863 г. был очень выгоден для торговли и промышленности“²⁾.

В 1862 г. в Англии был преобразован закон об акционерных обществах; учреждение акционерных обществ с ограниченной ответственностью было чрезвычайно облегчено, и акционерные компании стали быстро расти. Выше мы уже приводили цифры вновь основанных акционерных компаний. За 3 года (1863—1865 г.г.) номинальный капитал вновь основанных компаний достиг колоссальной цифры 582 мил. фун. ст.

По словам „Экономиста“, в 1865 г. все главнейшие отрасли английской промышленности, в том числе и хлопчатобумажная, были в цветущем состоянии. „Цены товаров, заработная плата и прибыль повышались, но в то же время общее стремление к образованию новых акционерных компаний служило признаком усиления в стране духа спекуляции и биржевой игры“³⁾. „Период 1863—1865 г.г. может быть назван временем extension mania (мания расширения), так как в это время нация стремилась всеми средствами расширить всякого рода коммерческие предприятия. В это время необыкновенно увеличилось число акционерных компаний всякого рода—банковых и финансовых учреждений, компаний для постройки доков, кораблей, разработки рудников, устройства торговых и промышленных предприятий и пр.“⁴⁾.

Как и всегда в таких случаях, спекуляция особенно охотно обратилась на железнодорожные предприятия. Вновь основанные акционерные банки принимали самое деятельное участие в этих спекуляциях: они акцептировали векселя железнодорожных компаний, причем уплата по этим векселям производилась железнодорожными акциями и облигациями, реализация которых производилась самими же банками. Таким образом, железные дороги строились целиком на средства банков. На расширение железнодорожной сети было затрачено в Соединенном Королевстве в течение 1862—1866 г.г.—98 м. ф. ст., а длина железных дорог была увеличена за то же время более, чем на 2.000 миль.

Но в еще большем количестве английские капиталы затрачивались на постройку железных дорог за границей (преимущественно в Соединенных Штатах).

Прекращение северо-американской войны вызвало еще большее оживление английской торговли. Вывоз в Соединенные Штаты произведений британской и ирландской промышленности за два года возрос более, чем на 70%.

¹⁾ Об усиленном развитии полотняной и шерстяной промышленности в Англии в 60-х годах под влиянием хлопкового голода см. Th. Ellison, The Cotton Trade of Great Britain, 121.

²⁾ The Economist, 11 июля 1863 г. Статья Manufacturing Distress.

³⁾ The Economist, 10 марта 1866 г. General Results of the Commercial History of 1865.

⁴⁾ The Economist, 18 мая 1867. Статья The Causes of the Existing Depression.

Ценность вывоза британских и ирландских произведений в Соединенные Штаты¹⁾.

(В миллионах фунтов ст.).

1864 г.	16,7
1865 „	21,2
1866 „	28,5

Чрезмерное оживление торговли и расширение кредита обыкновенно приводит к реакции и кризису. И действительно, в 1866 г. произошел кризис, за которым последовало сокращение производства, падение ценности ввоза и вывоза Соединенного Королевства, понижение прибыли и заработной платы—словом, все те явления, которые всегда следуют за промышленным кризисом. Но обстановка кризиса 1866 г. была совершенно исключительная. Все предшествовавшие кризисы, описанные нами выше, неизменно происходили осенью, в последнюю четверть года; им предшествовал, или их сопровождал, отлив золота и серебра за границу—так называемый external drain. Ничего подобного в 1866 г. не наблюдалось. Паника началась совершенно внезапно, в мае, при сравнительно значительном резерве Английского Банка, и в две недели довела кассу Банка почти до полного истощения и вызвала в третий раз отмену акта Р. Пилля. В течение всего остального года, несмотря на небывалую высоту дисконтного процента, число банкротств среди торговцев и промышленников было невелико, и только в следующем году выяснилось, что происшедший кризис не только расстроил английский кредит, но, вместе с тем, расстроил и товарное обращение и, следовательно, был промышленным кризисом.

В начале 1866 г. ничто не заставляло ожидать близкого наступления кризиса, хотя чрезвычайное увеличение акционерных компаний доказывало, что капиталы страны ищут новых помещений и не удовлетворяются старыми. Маталлическая наличность и резерв Английского Банка повышались до конца марта. С апреля начинается медленное падение банковского резерва; 9 мая оно сразу принимает угрожающие размеры: за одну неделю касса Банка понижается более, чем на 4 м. ф.

Счета Английского Банка²⁾.

(В миллионах фунтов ст.).

	Резерв.	Металлическая наличность.	Дисконтированные векселя.	Временные ссуды.	Все вклады.	Вклады лондонских банков.	Наименьший дисконтный процент.
Января	3	5,3	13,1	10,2	5,0	22,3	7% (с 28 д. 1865 г.).
Февраля	7	5,9	13,1	8,3	1,3	16,9	8% (с 4 янв.).
Марта	7	7,4	14,1	7,0	2,8	18,8	7% (с 22 ф.).
Марта	28	6,9	14,4	7,3	5,0	21,7	6% (с 15 м.).
Апреля	4	6,2	14,3	7,8	4,8	21,1	6%
Апреля	18	5,7	13,9	7,7	2,0	18,0	6%

¹⁾ Statistical Abstract for the United Kingdom 1870.

²⁾ Returns of the Bank of England, 26 May 1873 г.

	Резерв.	Металлическая наличность.	Дисконтирован- ные векселя.	Временные ссуды.	Все вклады.	Вклады лондон- ских банков.	Наименьший дисконтный процент.
Мая . . . 2	4,8	13,5	8,8	2,3	18,5	5,0	6%
Мая . . . 9	5,0	13,2	9,2	2,3	19,3	5,1	8% (с 8 м.).
Мая . . . 16	0,7	12,3	13,8	7,8	24,6	7,9	10% (с 12 м.).
Мая . . . 30	0,4	11,9	16,5	7,6	26,7	7,9	10%
Августа . 1	2,4	13,8	11,3	5,2	20,9	6,0	10%
Октября . 3	6,6	16,9	8,9	3,6	23,4	6,5	4½% (с 27 с.).
Декабря . 26	11,4	19,2	7,4	2,7	27,3	6,6	3½% (с 20 д.).

Уменьшение резерва Английского Банка в апреле зависело от крушения двух недавно основанных акционерных банков—Joint-Stock-Discount Company и Burneds Banking Company. Быстрое понижение курса акций этих банков, вызванное отчасти биржевой спекуляцией, а отчасти дурным управлением самих банков, было главной причиной их падения. Когда акции стали падать и среди публики распространилось опасение банкротства этих банков, публика стала извлекать из них вклады, и оба банка были принуждены приостановить платежи¹⁾. Но так как оба лопнувшие банка были недавними учреждениями и не приобрели еще большого значения в Сити, то крушение их оказало только мимолетное действие на денежный рынок, и вплоть до начала мая публика в Сити оставалась совершенно спокойной.

С конца апреля стали падать акции одной из самых солидных фирм Англии—Overend, Gurney and Co. Влияние и кредит этой фирмы были так велики, что ее сравнивали по значению с Английским Банком. В начале мая эта фирма не уплатила по своему векселю Mid-Wales Railway Company. Известие об этом немедленно распространилось в Сити, вкладчики бросились требовать обратно свои вклады, и 10 мая фирма должна была прекратить платежи с пассивом, превышавшим 10 м. ф. ст.²⁾.

О панике, произведенной этим банкротством можно судить по уменьшению резерва Английского Банка: металлическая наличность Английского Банка за время 9—16 мая уменьшилась очень немного, менее, чем на 1 м. ф.; но зато банковый резерв сократился более, чем на 1 м. ф. ст. Вся эта сумма была истребована из Банка путем расширения дисконта и временных ссуд, в то время как вклады в Английском Банке возросли на 5,3 м. ф.

Извлеченные из Банка деньги требовались не для вывоза их за границу, а для увеличения резервов английской публики, охваченной паникой. Операции фирмы Оверенд и Ко были так обширны, что крушение ее моментально разрушило кредит во всей Англии. Все ожидали дальнейших банкротств и спешили запастись наличными средствами. 4 мил. ф. билетов Английского Банка, ушедших из его кассы, были взяты банкирами для возвращения вкладов частным лицам, потерявшим доверие к банкам. Что эти билеты передавались для возвращения вкладов, доказываются крупными купюрами требуемых билетов (на 648 т. ф.

¹⁾ William Fowler. The crisis of 1866, London 1867, стр. 4.

²⁾ H. D. Macleod. The Elements of Banking. London. 1867. Стр. 238.

было взято из Банка 5-фунтовых билетов, на 577 т. ф.—10-фунтовых, на 1.703 т. ф.—20—100-фунтовых, на 848 т. ф.—20—1.000-фунтовых)¹⁾.

Крушение фирмы Оверенд и Ко было вызвано неблагоразумным и опрометчивым ведением ее дел: эта фирма затрачивала громадные капиталы, получаемые ею от вкладчиков, на ссуды разным рискованным предприятиям, в том числе многим железнодорожным компаниям в Англии и за границей. Некоторые из этих компаний обанкротились в 1866 г; так, в Америке обанкротились Atlantic and Great Western Railway Company, а в Англии—London, Chatam and Dover Railway Company. Обе эти дороги были построены почти исключительно на средства английских банков, притом преимущественно фирмы Оверенд и Ко. Эта фирма была уже несостоятельна в течение нескольких лет, но кредит, которым она пользовалась во всем свете, позволил ей продержаться до мая 1866 г.

Паника, вызванная падением этой фирмы, была так велика, что несмотря на немедленное повышение Английским Банком дисконтного процента до 10, правительство сочло нужным разрешить правлению Банка выпустить билеты выше нормы, определенной законом 1844 г. Таким образом, в третий раз действие этого закона было приостановлено. Но Банку не пришлось воспользоваться предоставленным ему правом. Несмотря на увеличение числа билетов в руках публики почти на 4 м. ф. (9 мая в руках публики было на 22,3 м. ф. билетов Английского Банка, а 16 мая—на 26,1 м. ф.), общая сумма их не превысила законной нормы. Объясняется это тем, что во время паники 1866 г. золото почти не требовалось из Английского Банка: за границу золото совсем не уходило, а внутри страны также не было большого спроса на звонкую монету по той причине, что паника этого года была вызвана почти исключительно недоверием к частным банкам, а не расстройством торговли и промышленности страны. Поэтому металлическая наличность Английского Банка в самый разгар паники была достаточна для полного покрытия вновь выпущенных билетов.

Интересно сравнить панику 1866 г. с паникой 1857 г. В 1857 г. за неделю паники, 4—11 ноября, резерв Английского Банка уменьшился на 1,2 м. ф., а металлическая наличность—на 1,4 м. ф. Количество банковых билетов в обращении увеличилось к концу ноября на 1 м. ф., причем выше нормы было выпущено билетов на 2 м. ф. В 1866 г. публика потребовала гораздо больше билетов Английского Банка, но все они покрывались запасом драгоценных металлов в кассах Банка. Разница между обеими паниками зависела от того, что в 1857 г. причиной паники был промышленный кризис, а в 1866 г. паника была произведена случайным крушением крупного банка.

Вслед за падением фирмы Overend and Co последовали падения других банков и дисконтных контор. В мае и июне приостановили платежи Imperial Mercantile Credit Association, Bank of London, Consolidated Bank, Agra and Masterman Bank и пр.²⁾.

Еще больше, чем в самой Англии, английский кредит был разрушен за границей. Только этим можно объяснить тот удивительный факт,

¹⁾ R. H. Patterson. On our Home Monetary Drains (Journal of Stat. Soc. 1870. Стр. 224).

²⁾ W. Fowler. The crisis of 1866, 9.

что, несмотря на повышение Английским Банком дисконтного процента до 10 (в то время как в Париже дисконтный процент, по прежнему, равнялся четырем), золото в течение нескольких месяцев не прилиvalo в кассу Английского Банка, и резерв продолжал оставаться низким. За границей смешивали приостановку действия банкового закона 1844 г. с прекращением размена билетов Английского Банка на звонкую монету, и необыкновенная высота дисконтного процента только увеличивала на европейском континенте недоверие к финансовому положению Англии; поэтому и повышение дисконтного процента в Англии не оказывало некоторое время своего обычного действия.

Увеличение в конце года резерва Английского Банка до 11 м. ф., а металлической наличности до 19 м. ф. не только доказывает восстановление кредита, но, вместе с тем, свидетельствует о том, что в английской торговле наступил застой. Действительно, такое накопление металла в кассах Банка наблюдается лишь во время зстоя торговли, когда спрос на наличные деньги уменьшается вследствие сокращения торговых оборотов. Паника 1866 г. не была вызвана промышленным кризисом, но за ней наступило такое же угнетенное состояние торговли и промышленности, которое всегда наблюдается после промышленных кризисов. Крушение фирмы Overend and Co в мае ускорило наступление кризиса и вместе с тем ограничило область его распространения. Если бы не это случайное обстоятельство, промышленный кризис произошел бы, по всей вероятности, осенью 1866 или 1867 г., так как расширение английской торговли и усиление духа спекуляции, замечавшиеся в 1865 и 1866 г.г., неминуемо должны были привести к кризису.

Все прежние кризисы в Англии неизменно происходили осенью. Уже из одного этого можно заключить, что эти кризисы не были случайными явлениями, так как, в противном случае, они могли бы происходить во всякое время года. Действительно, причины наступления кризисов именно осенью вполне понятны. Главная масса товаров, обращающихся на всемирном рынке, растительного происхождения. Сбор большей части растительных продуктов происходит осенью. Это время собираются не только хлеб, табак, виноград и пр., но и возможные растительные вещества, составляющие сырой материал для промышленности: хлопок, лен, пенька и пр. Таким образом, осенью разделяются цены целого ряда важнейших товаров. В это время выходя, в какой мере справедливы разные торговые спекуляции (а каждый торговец должен спекулировать), основанные на ожидании той или другой цены. Период, предшествовавший кризису, характеризуется тенденцией к повышению товарных цен; вполне естественно, что реакция в области цен наступает только тогда, когда грубая действительность доказывает неосновательность слишком оптимистических расчетов, т.е. около времени жатвы. В это время цены обыкновенно изменяются в ту или другую сторону, и потому наступающий кризис приурочивается к этим моментам, хотя из этого, разумеется, вовсе не следует, что колебания цен, обусловленные физическими причинами, составляют главную причину кризисов.

Такова первая причина наступления кризисов осенью, свойственная не только Англии, но и другим странам. Но, сверх того, в Англии действуют в том же направлении еще свои особые, специальные причины. Англия ввозит преимущественно сырье, а вывозит, главным образом, фабрикат; при этом свой ввоз Англия немедленно оплачивает

наличными деньгами, а вывозит она в кредит, иногда на очень долгий срок. Поэтому осенью платежный баланс обыкновенно бывает неблагоприятен Англии, и драгоценные металлы в слитках и монетах уходят за границу, чтобы в течение года опять возвратиться в Англию. Это, в свою очередь, приводит к двум результатам: во-первых, осенью английские торговцы сильнее, чем когда-либо, нуждаются в наличных деньгах, а во-вторых, запас наличных денег в стране осенью бывает меньше, чем когда-либо. Внутренняя торговля осенью также нуждается в большом количестве денег вследствие оживления торговли, следующего за жатвой.

По всем этим причинам, резерв и металлическая наличность Английского Банка осенью понижаются, а его дисконтные операции расширяются. То же самое происходит с резервами частных банков: наличные средства их сокращаются, вследствие расширения дисконтной операции, с одной стороны, и извлечения из них вкладов—с другой. Все это, вместе взятое, создает то, что англичане называют „pressure“ (давление, затруднительное состояние) денежного рынка. Дисконтный процент повышается, кредит открывается неохотно, старые векселя, которые, быть может, уже несколько раз возобновлялись по истечении срока, перестают возобновляться, все стремятся реализовать свои ссуды и запастись наличными деньгами. Вполне естественно, что при таких условиях менее состоятельные фирмы, банки или торговые дома оказываются не в силах расплатиться по своим обязательствам, лопаются, увлекают в своем падении другие фирмы, и происходит кризис. Поэтому все промышленные кризисы Англии, не только кризисы 1825, 1837, 1847 и 1857 г.г., но и прежние кризисы 1799, 1810, 1814—1815 и 1818 г.г. происходили осенью.

Паника и сокращение кредита в 1866 г. не были вызваны промышленным кризисом. Поэтому, несмотря на крушение множества банков и небывало-высокий уровень дисконтного процента в течение нескольких месяцев, среди торговых и промышленных фирм Англии банкротств было так мало, что общая цифра банкротств за 1866 г. для всей Англии показывает не повышение, а понижение сравнительно с предшествующим годом (см. выше таблицу).

Весенний кризис 1866 г. может быть назван кредитным кризисом: за чрезмерным расширением кредита внезапно последовало сокращение его, от которого пострадали преимущественно кредитные учреждения страны¹⁾. Потрясение кредита не распространилось на промышленность потому, что к весне 1866 г. условия еще не созрели для промышленного кризиса и время года не благоприятствовало его развитию.

Это не значит, что паника 1866 г. не оказала на английскую промышленность никакого влияния; сокращение кредита привело к тому, что английская торговля стала в большей мере, чем прежде, совершаться на наличные деньги, и потому вторичное повторение паники осенью 1866 г. стало невозможным. Таким образом преждевременное крушение фирмы Overend and Co, вызвавшее кредитный кризис 1866 г., предотвратило промышленный кризис, которого можно было ожидать в ближайшем будущем.

¹⁾ См. об этом The Bankers Magazine, 1866, статья The Panic of 1866 и The Economist, 1866, 23 июня, статья The crisis of 1866.

С другой стороны, подавленное состояние торговли и промышленности, обыкновенно следующее за промышленным кризисом, наблюдалось в Англии и в конце 1866 г., и в еще большей степени в течение двух последующих лет. Может показаться, что этот факт противоречит сказанному выше—что кризис 1866 г. был не промышленным, а кредитным кризисом. В действительности же тут никакого противоречия нет. Дело в том, что застой торговли производится не промышленным кризисом, или, по крайней мере, не им одним, а тем чрезмерным расширением торговли, которое предшествует кризису. Как мы это увидим из последующей истории английского народного хозяйства, за чрезмерным оживлением торговли всегда следует угнетенное состояние ее, хотя переход от одного состояния к другому может и не сопровождаться кризисом. Промышленный кризис только усиливает реакцию, но не производит ее.

Состояние английской торговли и промышленности за трехлетие 1863—1865 г.г. было таково, что реакция должна была непременно наступить. Ценность ввоза и вывоза сильно возрасла, производство всех важнейших продуктов расширилось, цены поднялись. В истории английской промышленности за периодом процветания всегда следует период упадка; так было и в настоящем случае. Вот, например, как колебались цены.

Повышение и понижение товарных цен на лондонском рынке в процентах.

(Сравнительно с 1 января предшествовавшего года ¹⁾).

	1 янв. 1866 г.	1 янв. 1867 г.
Кофе	+ 11%	— 17%
Сахар	+ 11%	— 9%
Чай	+ 31%	— 23%
Шелк	+ 27%	— 9%
Лен и пенька . .	+ 6%	— 17%
Мель	+ 21%	— 20%
Железо	— 5%	— 12%
Олово	+ 7%	— 7%
Хлопок	+ 15%	— 28%

(сравни. с июлем 1865 г.).

1-го января 1866 г. цены большинства товаров были значительно выше, чем 1-го января 1865 г. Даже хлопок, несмотря на увеличение привоза его из Соединенных Штатов, повысился в цене; это доказывает сильную спекуляцию, так как возобновление привоза хлопка из Северной Америки должно было привести цену его к уровню начала 60-х годов, т. е. понизить ее в несколько раз. Только усиленная спекуляция могла превратить понижательное движение цены хлопка в повышательное. Цена железа упала вследствие уменьшения числа строящихся судов, благодаря окончанию северо-американской войны.

К 1 января 1867 г. цены всех товаров сильно понижаются. Как и следовало ожидать, наибольшее понижение замечается в цене хлопка. Благополучная эпоха закончилась, и наступила эпоха *trade-depression*, угнетенного состояния торговли, выражающегося на товарном рынке низкими ценами, сокращением торговли и производства (ценность ввоза британских произведений в Соединенные Штаты понизилась в

¹⁾ Вычислено по таблицам в *The Economist*, 1867. *Commercial History and Review of 1866*. Стр. 40.

1867 г. на 7 м. ф. ст.), а на денежном рынке—низким дисконтным процентом, сокращением дисконтной операции и скоплением свободных капиталов в кассах банков. Падение духа спекуляции и предприимчивости выражается, между прочим, в сокращении числа вновь основанных акционерных компаний (см. выше таблицу).

Как и в 1857 г., от наступившего зстоя торговли более всего пострадало железное производство.

Число тонн железа, добытого в Соединенном Королевстве ¹⁾.

(В десятках тысяч).

1863 г. 451
1864 „ 477
1865 „ 482
1866 „ 452
1867 „ 476

¹⁾ *Statistical Abstracts for the United Kingdom, 1870.*

ГЛАВА VI.

Падение промышленного первенства Англии.—Замедление роста английской промышленности и торговли.—Падение товарных цен.—Усиление конкуренции на мировом рынке.—Протекционизм.—Конкуренция Германии.—Изменение распределения народного производства.—Падение посреднической торговли Англии.

Не прошло и двадцати лет после знаменитого торгового договора Англии с Францией, как обнаружили явные признаки того, что промышленной гегемонии Англии приходит конец. Половина 70-х годов была поворотным пунктом в истории английской промышленности. Период подъема закончился продолжительным и тяжелым застоём. В этом не было еще ничего угрожающего: как за приливом необходимо следует отлив, так за подъемом торговли в Англии всегда следует падение. Однако, когда застой торговли сменился новым оживлением, прежние счастливые дни для английской промышленности не вернулись. Английский фабрикант с изумлением увидел, что его старинное превосходство над всеми другими конкурентами отходит в область преданий. Промышленность энергично развивалась в тех странах, которые Англия привыкла считать как бы своим наследственным рынком. Северная Америка, соединяющая со всеми преимуществами молодой и слабо заселенной страны блага высокой культуры и бесподобной техники, далеко оставляющей за собой технику старой Европы, быстро подвигалась вперед по пути к освобождению своего внутреннего рынка от иностранных фабрикатов. Английские колонии, как Канада и Австралия, успешно развивали, при помощи покровительственных пошлин, свою собственную промышленность. Страны Дальнего Востока, поглощавшие главную массу английских хлопчатобумажных тканей и пряжи, стали с конца 70-х годов заводить собственные фабрики. Бумаготкацкие и бумагопрядильные фабрики Бомбея не только явились серьезным конкурентом Ланкашира на индийском рынке, но мало-по-малу захватили и некоторые иностранные рынки, которые раньше были в монопольном владении Англии. Так, вывоз бумажной пряжи из Англии в Китай и Японию почти не возрасл с половины 70-х годов, из Индии же увеличился настолько сильно, что английская пряжа стала составлять только ничтожную долю иностранной пряжи на этих рынках. Индийская пряжа почти целиком захватила японский и китайский рынок.

С конца 70-х годов повсюду начинается поворот в сторону протекционизма. За исключением Бельгии и Голландии, во всех европейских странах с развитой промышленностью таможенные тарифы были преобразованы в 70-х и 80-х годах в духе усиления протекционизма. Соединенные Штаты тарифом Мак-Кинлея, который был лишь несколько ослаблен последующими таможенными реформами, довели протекционизм до апогея. Даже некоторые английские колонии, как сказано, оградили себя высокими пошлинами от продуктов своей метрополии.

Показания английских промышленников, опрошенных королевской комиссией 1886 г., исследовавшей причину застоя торговли, полны

жалоб на таможенные тарифы других государств, на иностранную конкуренцию вообще и на германскую в частности. По словам свидетелей, немецкие, бельгийские и французские товары не только совершенно вытеснили английские со многих важных рынков, но появились в угрожающих количествах на внутреннем английском рынке. Английские фабриканты, так самоуверенно вызывавшие раньше на бой целый мир и домогавшиеся только одного—свободы конкуренции,—теперь не могут отстоять своего собственного рынка. Они—эти рыцари свободной торговли—готовы просить покровительственных пошлин для защиты себя от нападения иностранцев. С восьмидесятых годов в Англии начинается движение в пользу протекционизма. Меньшинство вышеназванной комиссии прямо и без обиняков предложило установить ввозные пошлины на иностранные фабрикаты; большинство было менее решительно, но все же и оно было вынуждено к следующему признанию: „В производстве товаров,—читаем в докладе комиссии,—мы имеем очень мало преимуществ перед Германией (если вообще мы их имеем); а в знании мировых рынков, стремлении приспособиться к местным вкусам и прочно укрепляться везде, где возможно, немцы начинают нас превосходить“.

Каково должно было быть разочарование в свободной торговле, чтобы английские фабриканты обратились к своей старой вере—протекционизму! Что сказали бы почтенные, увенчанные лаврами тени Кобдена и Брайта, если бы присутствовали в настоящее время среди своих соотечественников!

Царство свободной торговли оказалось непродолжительным и эфемерным, и даже на родине Брайта гидра протекционизма подымает голову.

Особенно ухудшилось положение Англии в последнее десятилетие прошлого века; затем последовало некоторое улучшение, как это видно из данных относительно производства в Англии чугуна и добычи каменного угля¹⁾:

	Производство чугуна (милл. тонн).	Повышение в %.	Добыча каменного угля (милл. тонн).	Повышение в %.
1861—1870	4,7	—	97	—
1871—1880	6,6	40	131	35
1881—1890	7,9	20	164	25
1891—1900	8,1	3	195	18
1901—1909	9,1	11	244	25

Еще недавно Англия занимала первое место по выплавке чугуна, теперь же она стоит в этом отношении на третьем месте, идя за Соединенными Штатами и Германией. В хлопчатобумажной промышленности первенство Англии еще не поколеблено; но и тут мы видим, что рост производства в Англии далеко уступает по своей быстроте росту производства в других странах, постепенно догоняющих Англию.

Число бумагопрядильных веретен (в миллионах).

	Англия.	Соед. Штаты.	Германия.	Россия.
1878 г.	41,0	10,5	4,6	2,7
1908 „	55,2	26,1	9,8	8,0

¹⁾ По Stat Abstracts for the United Kingdom.

Вместе с тем весьма характерно, что английская промышленность все больше и больше начинает работать не на иностранного потребителя, а на иностранного производителя—средства производства в английском вывозе начинают играть более важную роль, чем предметы потребления.

В первую половину этого века главным предметом вывоза Англии были ткани. Теперь растет значение вывоза железных изделий, машин и угля. Вот соответствующие данные¹⁾:

Вывоз из Соед. Королевства в мил. фун. ст.

	Хлопчатоб. ткани.	Железо в деле и не в деле (включая ма- шины).	Камен. уголь.
1868—70	54,2	26,3	5,4
1886—88	59,5	35,3	10,4
1895—97	55,9	37,9	15,8
1907—09	87,6	76,5	40,3

Было время, когда вывоз бумажных тканей почти достигал половины всего английского экспорта. Теперь только менее чем $\frac{1}{4}$ экспорта падает на долю хлопчатобумажных тканей. Эта перемена зависела от причин двоякого рода. Во-первых, она была вызвана падением промышленного первенства Англии: внешний рынок требует все меньше английских тканей и других продуктов обрабатывающей промышленности, непосредственно служащих потреблению, так как эти продукты производятся уже теми самыми странами, которые ввозили их раньше в Англию. В то же время растет спрос на английские машины, каменный уголь, чугун и пр.—на средства производства для быстро растущей промышленности английских конкурентов.

Но, во-вторых, эта перемена—относительно быстрый рост спроса на средства производства за счет спроса на предметы потребления—отнюдь не есть особенность только Англии. То же самое наблюдается во всех промышленных странах—везде развитие промышленности следует тому же основному закону. Горнозаводская промышленность, создающая средства производства, все более и более выдвигается на первое место. Таким образом, в относительном падении вывоза тех британских фабрикатов, которые служат непосредственно потреблению, обнаруживается основной закон капиталистического развития—чем выше подымается техника производства, тем более уступают по своей роли на рынке предметы потребления средства производства. Человеческое потребление все более и более уступает место производительному потреблению средств производства.

Англия представляет собой и самое совершенное, и самое уродливое создание капитализма. Все существование Англии основано на внешнем рынке, земледелие в стране падает и только ничтожная часть территории поступает в обработку. По характеру своего сельского хозяйства, все более превращающегося в простое луговое и сенокосное хозяйство, Англия—эта высочайшая вершина современной цивилизации—приближается к диким странам, не вышедшим еще из пастушеской стадии. Только сбыт фабрикатов на внешнем рынке может доставить

¹⁾ По Stat. Abstracts for the United Kingdom.

растущему населению Англии необходимые предметы потребления, которые больше уже не производятся английской почвой. Пока Англия сохраняла свое промышленное превосходство над всеми другими странами, это положение вещей не заключало в себе для Англии ничего угрожающего. Англия стала фабрикой всего мира—отовсюду она получила сырые материалы и, превративши их в фабрикаты, обратно рассылала по всему миру. Но промышленному первенству Англии должен был рано или поздно наступить конец. Действительно, какими преимуществами обладает Англия, которые недоступны другим странам? Самым важным преимуществом было и остается колоссальное богатство Англии и бесподобное техническое искусство английского рабочего. Но ведь капиталы эмигрируют еще легче рабочих—мы увидим ниже, что английский капитал всегда обильной струей утекал из своей родины в новые страны с более высокой нормой прибыли; в новейшее время эта эмиграция капитала чрезвычайно усилилась. Техническое искусство и ловкость английского рабочего также не составляют его исключительного достоинства. Американский рабочий даже превосходит английского, а германский быстро его догоняет. Огромным преимуществом Англии в прежнее время были превосходные пути сообщения внутри страны. Англия первая создала у себя железнодорожную сеть, что и было одной из причин подъема английской торговли после 40-х годов. Теперь железные дороги распространились во всем мире и отнюдь не составляют английской монополии. Наконец, важнейшее естественное преимущество Англии—богатство ископаемыми веществами—каменным углем и железом—подвержено истощению. Таким образом, относительные преимущества Англии перед другими странами уменьшаются.

Существует одно преимущество стран, обрабатывающих свое сырье, которое не может быть ничем устранено,—преимущество сбережения расходов по транспорту. Англия везет хлопок из Индии, превращает его в ткань и обратно отправляет в Индию. Эта стоимость двойного провоза составляет естественную премию в пользу индийской хлопчатобумажной промышленности—и ничего нет удивительного, что бомбейские фабрики делаются все более опасными конкурентами Ланкаширу.

Опаснейший соперник Англии—Германия—не только побивает английского фабриканта на своем туземном рынке, но успешно вытесняет его и с нейтральных рынков и даже с собственного рынка Англии. Все наблюдатели противопоставляют предприимчивость и прогрессивный дух германского фабриканта и торговца упорному консерватизму англичанина. Многие рынки утрачены англичанами только в силу нежелания английских фабрикантов приспособляться к местным вкусам и потребностям, нежелания изменять установившиеся образцы товаров. Монопольное положение на товарном рынке, которым англичане столько времени пользовались, привело к вредным результатам для них самих. Продолжительное господство легко приводит к расслаблению—именно это и случилось с Англией. Германия, которой приходилось с бою приобретать каждый новый рынок, выработала образцовую организацию учреждений для содействия торговле и развития товарного сбыта. Германские консулы признаются самыми лучшими во всем мире так же, как и немецкие коммивояжеры и торговые агенты, немецкие общества содействия торговле, немецкие торговые и технические школы и пр. и пр. Железнодорожные тарифы в Германии гораздо ниже, чем в

Англии, а непосредственная поддержка промышленности со стороны правительства в Германии значительнее, чем в Англии.

Неудивительно, что в Англии возникло движение в пользу протекционизма. Англия, победоносная Англия, думает об обороне! В этом отношении, впрочем, она последовала бы только примеру своих соперников.

Английская торговля понесла тяжелый удар и с другой стороны. А именно, характернейшим фактом торговой эволюции последних десятилетий было почти повсюду замечаемое вытеснение торгового посредника—оптового торговца—непосредственными сношениями производителя с розничным торговцем, а иногда и прямо с потребителем. Вышеупомянутая королевская комиссия 1886 г. собрала в этом смысле богатый, разнообразный и поучительный материал. Целый ряд свидетелей, опрошенных комиссией, заявили в один голос, что сношения производителей с потребителями имеют тенденцию делаться все более непосредственными, прямыми¹⁾. Тенденция эта для Англии очень невыгодна, так как среди других стран Англия является торговцем по преимуществу. Огромное торговое значение Англии основывалось на посреднической роли Англии в торговле Европы с Востоком и другими странами, обменивающимися европейские фабрикаты на свои собственные сырые продукты. Хлопок из Америки и Индии, кофе из Вест-Индии и Бразилии, чай и шелк из Китая—все эти товары обыкновенно доставлялись в Европу не иначе, как через английские руки.

Лондон и Ливерпуль были складочными местами для огромных масс товаров, идущих транзитом через Англию. Стремление к сокращению торговых посредников должно было прежде всего отразиться на английской торговле²⁾.

¹⁾ Вот некоторые из этих показаний. „В последнее время усилилось стремление обходиться без посредников. В Ольдгаме мы пытаемся установить, по возможности, прямую торговлю с производителями хлопка в Америке... По моему мнению, практика доказала, что услуги посредника обходятся дорого, и поэтому в значительной степени посредники устранены“. (Показание секретаря Cotton Spinners Association, S. Andrew. Second Report on Trade Depression. Minutes of Evidence. Q. 4358—59). „В. Продаете ли вы производимые вами товары (бумажные ткани) торговым (экспортерам?)—О. Мы все отправляем сами. Наша прибыль так незначительна, что мы должны были оставить торговцев и обходиться без них. Несколько лет тому назад мы продавали одному торговцу почти все, что производим; теперь же мы совершенно его устранили и экспортируем сами“. (Там же, показание фабриканта A. Simpson'a. Q. 5673). „В. Замечаете ли вы изменение в системе распределения товаров?.. Да, известное изменение заметно... В прежнее время наша фирма являлась каналом, через который все получали нужные товары. Но теперь, к несчастью для нас, усиливается тенденция к непосредственным сношениям между производителями и потребителями; многие розничные торговцы, которые всегда обращались за нужными товарами к нам, теперь непосредственно сносятся с производителями“. (Показание представителя крупной фирмы, ведущей слотовую торговлю предметами одежды. G. Gribble'a. Q. 4070). „Двадцать пять лет тому назад характер торговли с Нью-Йорком был таков: импортер (американский) приобретал товар (льняные ткани) от фабриканта и иногда даже не прямо от него, а от какой-нибудь комиссионной фирмы в Манчестере или в другом крупном центре... Следующим лицом был оптовый торговец, который покупал товар у импортера и продавал его по частям розничному торговцу... Теперь импортер уже давно исчез, оптовый торговец тоже быстро исчезает, и розничные торговцы в Нью-Йорке непосредственно получают нужный им товар от фабрикантов“. (Показание льняного фабриканта R. Reade'a. Q. 7038).

²⁾ „В. Замечалась ли в последнее время тенденция к более прямым торговым сношениям и не пострадала ли поэтому наша посредническая торговля?—О. Совершенно верно. Естественная тенденция последних 20 лет заключалась в устранении нашего торгового посредничества и в установлении прямых сношений мест производства с континентом. Суэзский канал чрезвычайно содействовал развитию прямой торговли, так что

Итак, новейший период английской истории характеризуется замедлением темпа промышленного развития Англии как в области промышленности, так и торговли. Разрастание капиталистического хозяйства привело к чрезвычайному усилению промышленного соперничества во всем мире, и Англии не удалось удержать прежней гегемонии. Она лишилась—и навсегда—своего прежнего монопольного положения на мировом рынке.

Англия уже не является складочным местом товаров, как прежде“. (Third Report on T. D., M. of E., показание судовладельца Williamson'a. Q. 11191). „В. Пострадала ли наша посредническая торговля?—О. Несомненно, относительно многих товаров... Возьмем, например, чай. Прежде мы видели много страховых полисов на чай, идущий парохомом из Лондона в Петербург и ввозимый прямо из Китая. Теперь я уже долгое время не встречал ни одного такого полиса, но зато видел много полисов на чай, идущий прямо из Китая в Одессу. Далее, возьмем шелк... Прежде шелк (с Востока) неизменно направлялся в Лондон, продавался на лондонском рынке, и уже отсюда часть его отправлялась на континент, в Лион и другие места; но в последние 3—4 года... шелк прямо шел в Марсель или Венецию и оттуда распределялся по континенту, совсем не попадая к нам. Или возьмем пример хлопка. Я был на прошлой неделе в Ливерпуле и слышал в разговорах жалобы на застой торговли; мне говорили, что одна отрасль торговли совершенно исчезла, именно покупка хлопка на ливерпульском рынке для отправления его в Россию и разные континентальные порты; теперь хлопок прямо идет из мест производства на континент“. (Показание судовладельца W. Price'a. Q. 10072). О падении посреднической торговли Англии говорят и другие судовладельцы, опрошенные комиссией. (Devitt. Q. 10283—89. Cattarns. Q. 11334. Scholefield. Q. 10848).

Г Л А В А VII.

Периодические колебания промышленности в последние десятилетия XIX века.

Характеристика этих колебаний. Изменение их сравнительно с прежним временем.—Отсутствие резких скачков.—Кризис 1873 г.—Венский биржевой крах.—Американский кризис.—Спекуляция на Лондонской фондовой бирже.—Англия избежала кризиса.—Промышленный застой 80-х годов.—Падение товарных цен.—Чем оно было вызвано. Изменение условий транспорта.—Английское земледелие.—Усиление конкуренции во всем мире.—Акционерные компании.—Кра х Бэринга и застой 90-х годов.—Аргентинские спекуляции.—Необычайное развитие этой страны.—Грюндерство.—Крушение Бэринга.—Англия опять избежала кризиса.—Застой промышленности 1892—94 г.г.—Промышленные кризисы в Австралии и Америке.—Почему в Англии кризисы прежнего типа прекратились.

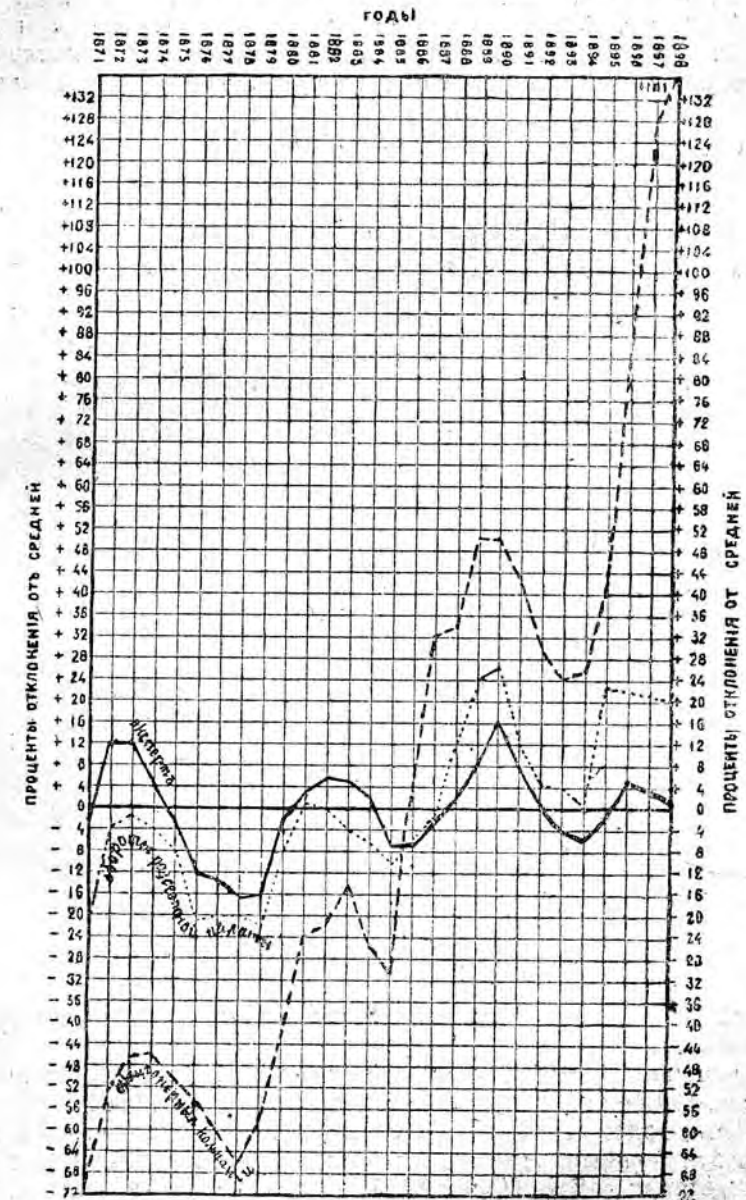
Со второй половины 70-х годов начинается относительный упадок английской промышленности. Но этот упадок не устранил периодических колебаний промышленности. Наоборот, никогда эти колебания не имели такого закономерного характера, как именно в новейшее время. Приводим обычную таблицу:

Годы.	Ценность вывоза произведений Соед. Королевства ¹⁾ (в мил. ф. с.).	Сумма оборотов Лондонской расчетной палаты ¹⁾ (в десятках мил. ф. с.).	Число банкротств и несостоятельности в Англии и Уэльсе ¹⁾ (в десятках).	Число вновь основанных акционерных компаний ¹⁾ (в десятках).	Цена шотландского чугуна (шиллинг ¹⁾) за тонну.	Металлическая наличность Английского Банка за последнюю четверть года ¹⁾ (в мил. ф. с.).
1871 г.	223	479	628	82	59	23,0
1872 "	256	589	684	112	102	21,4
1873 "	255	607	749	123	117	20,9
1874 "	240	594	792	124	88	21,0
1875 "	223	569	789	117	66	23,6
1876 "	201	496	925	107	59	31,3
1877 "	199	504	953	99	54	23,2
1878 "	193	499	1.145	89	48	25,2
1879 "	192	489	1.313	103	47	30,0
1880 "	223	579	1.030	130	55	26,4
1881 "	234	636	973	158	49	20,8
1882 "	241	622	904	163	49	20,8
1883 г.	240	593	856	177	47	22,4
1884 "	233	580	419	154	42	20,4
1885 "	213	551	435	148	42	20,8
1886 "	213	590	486	189	40	19,9
1887 "	222	608	487	250	42	20,2
1888 "	235	694	486	255	40	19,5
1889 "	249	762	454	279	48	19,7
1890 "	264	780	404	279	50	21,8
1891 "	247	685	424	269	47	23,2
1892 "	227	648	466	261	42	25,0
1893 "	218	648	490	262	42	25,9
1894 "	216	634	479	297	43	35,3
1895 "	226	759	449	389	44	42,5
1896 "	240	758	417	474	47	35,9
1897 "	234	749	410	523	45	31,8
1898 "	233	810	432	465	47	31,5
Средняя ! . . .	228	626	за 1871—83 г.г. 903	217	54	25,1
			за 1884—98 г.г. 449			

¹⁾ По Statistical Abstracts for the United Kingdom. В 1883 г. в Англии был издан новый закон о банкротствах и изменена регистрация банкротств. Так как абсолютные

Уже при беглом рассмотрении диаграммы бросается в глаза правильная периодичность колебаний двух кривых, характеризующих внешнюю и внутреннюю торговлю Англии: кривой английского экспорта и

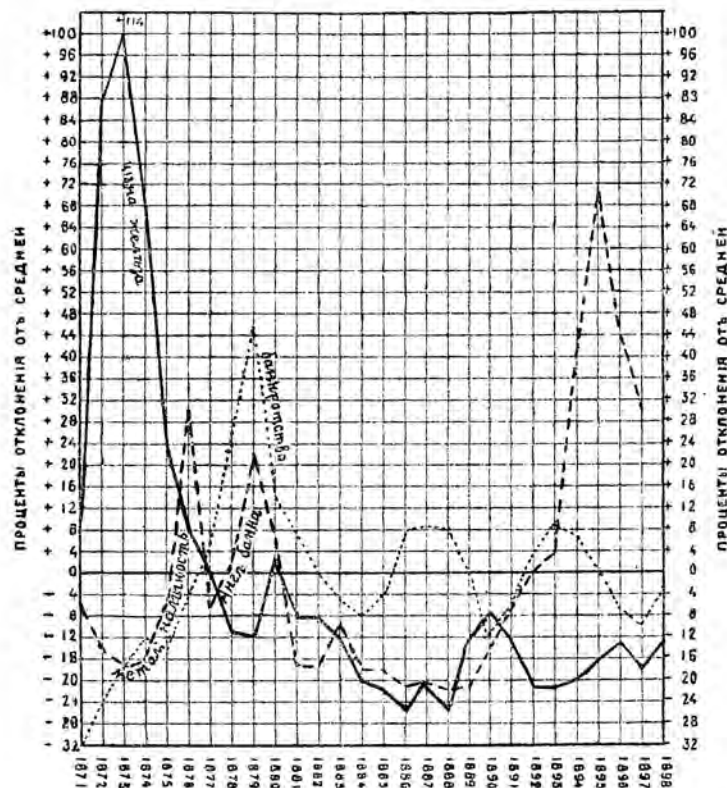
Диаграмма № 3.

цифры банкротств до и после 1883 г. несравнимы между собой, то я вычислил две отдельные средние за 1871—83 г.г. и 1884—98 г.г., отклонение от этих средних и нанесены на диаграмму.

кривой оборотов Лондонской расчетной палаты. Такой же волнообразный характер, но с огромными повышениями, имеют и колебания кривой акционерных компаний. Легко заметить в движениях каждой из этих кривых 4 волны. Первая волна достигает своей наивысшей точки в 1873—74 г.г. Затем начинается продолжительный промышленный отлив вплоть до 1878—79 г.г. Вторая волна быстро достигает максимума—около 1881—83 г.г. Следует падение волны, причем минимум приходится на 1885—86 г.г. Третья волна конца 80-х годов падает после 1890 г. Первые четыре года девяностых годов характеризуются промышленным

Диаграмма № 3.

отливом. С 1895 г. возобновляется поступательное движение промышленной волны.

Совершенно аналогичные колебания мы наблюдаем и в движении цен железа. Особенно колоссальный скачок вверх делают цены железа в начале 70-х годов. 1880 и 1890 г.г. являются также максимумами поднятия, но эти поднятия совершенно ничтожны сравнительно с поднятием семидесятых годов. После 1894 г. цена железа повышается.

В какой же связи находились эти закономерные колебания английской промышленности с состоянием денежного рынка?

За первое десятилетие 1871—80 г.г. кривая металлической наличности Английского Банка колеблется в обратном направлении сравни-

тельно с первыми четырьмя кривыми; другими словами, за это время колебания промышленности находились в зависимости от колебаний кредита. Падение товарных цен в 1874—76 г.г. вызывает прилив звонкой монеты в кассу банка—верный признак, что в области кредита произошла одна из тех периодических катастроф, которые я описывал много раз выше. Но кризис этот далеко не имел типичной формы, так как увеличение металлической наличности Английского Банка происходит постепенно, в течение 3 лет. В 1877 г. металлическая наличность быстро падает, затем так же быстро повышается к 1879 г. Ничего подобного в периоды предшествовавших кризисов не наблюдалось.

Второе колебание английской торговли и промышленности, выражающееся в разной степени всеми четырьмя первыми кривыми и приходящее на начало 80-х годов, не вызывает сколько-нибудь значительного потрясения кредита: кривая металлической наличности Английского Банка не делает скачка вверх (как это всегда бывает после промышленного кризиса), а, напротив, понижается одновременно со всеми прочими кривыми. Только в 1883 году наблюдается слабый подъем. Это доказывает, что в первый раз за весь текущий век в Англии прошло десятилетие без обычного промышленного кризиса. В 1891 г., одновременно с падением кривой экспорта, замечается повышение металлической наличности Английского Банка, но опять далеко не резкое, продолжающееся в течение целых 5 лет.

Кривая банкротств служит лучшим показателем кризисов. Мы видим, что банкротства правильно возрастают вплоть до 1879 г. Очевидно, кризис 70-х годов далеко не имел такого резкого характера, как предшествующие кризисы. 1883—84 годы отмечены падением, а не подъемом банкротств. Очевидно, ни о каком кризисе в Англии за эти годы не может быть и речи. Перелом 1890 года отражается на банкротствах, но далеко не резко. Только в 1893 году банкротства значительно возрастают. Новейшие годы промышленного подъема сопровождаются уменьшением числа банкротств.

Если сравнить новейшие колебания английской промышленности с прежними, то разница бросается в глаза. Колебания стали не так обрывисты, как прежде. Раньше кривая экспорта представляла собой ломаную линию с острыми углами, теперь она приняла волнообразный характер—углы значительно сгладились. Раньше за каждым сильным падением экспорта непременно следовало еще более резкое повышение его; теперь же падение не ограничивается одним годом, но в течение целого ряда лет экспорт падает ниже и ниже. Раньше годы падения были менее часты, чем годы повышения; теперь годы повышения сделались реже годов падения. Вместе с тем, раньше периодические колебания английской промышленности сопровождались потрясениями кредита и промышленными кризисами. Падение волны промышленного оживления после того, как волна достигла наибольшей высоты, вызывало целый переворот в народном хозяйстве; теперь колебания промышленности перестали вызывать такие потрясения кредита, и английская промышленность постепенно и без резких переходов стала переходить из цветущего состояния к состоянию крайнего упадка.

Переходим теперь к детальному изучению отдельных колебаний английской промышленности. Эпоха 1871—1873 г.г. во всей Западной Европе была временем необыкновенного торгового оживления. В конце шестидесятых годов промышленность была угнетена всеобщим ожида-

нием войны между Францией и Германией. Наконец эта война разразилась. Контрибуция, полученная Германией, была употреблена, в весьма значительной мере, на уплату государственных долгов германских государств. На фондовый рынок Германии внезапно были выброшены огромные капиталы, искавшие себе выгодного помещения; неудивительно, что началась учредительская горячка, в скором времени выродившаяся в самое безумное грюндерство.

Главной ареной биржевого ажиотажа сделались Германия и Австрия. Как и всегда, биржевая спекуляция с особенным увлечением набросилась на расширение основного капитала страны; постройка новых железных дорог, покупка свободных городских земель и застраивание их домами были излюбленной формой биржевых спекуляций этого времени. Особенно свирепствовала спекуляция последнего рода в Вене, и в Вене же прежде всего последовала неизбежная реакция. 8 мая 1873 года на венской фондовой бирже началась паника, закончившаяся полным крушением биржевых спекулянтов. Несколько позже произошел биржевой кризис и в Германии.

Соединенные Штаты являются таким благодарным полем для приложения европейского капитала, что было бы странно, если бы учредительская горячка в Европе не распространилась на Америку. Но и помимо этого в Америке было достаточно элементов для того особого, возбужденного состояния народного хозяйства, которое всегда заканчивается промышленным кризисом. Со времени 1857 г. в Соединенных Штатах не было кризиса; между тем, по окончании в 1864 г. междоусобной войны, промышленность Соединенных Штатов развивалась с чрезвычайной силой, и национальное богатство возрастало быстрее, чем когда-либо. Естественно, что и в Соединенных Штатах началась учредительская мания. Главным предметом биржевой спекуляции сделалась постройка железных дорог. За 4 года 1870—73 г.г. в Соединенных Штатах было выстроено 23.406 миль железных дорог.

Непосредственной причиной биржевой паники, которая произошла в Соединенных Штатах в сентябре 1873 г., и явились неудавшиеся спекуляции по постройке железных дорог.

В начале января фирма Джей Кук и К^о, ссудившая огромные деньги железнодорожным компаниям,—один из солиднейших банкирских домов Соединенных Штатов,—образовала синдикат с целью заключить новый железнодорожный заем на 300 милл. долл. для окончания начатых линий. Но, несмотря на то, что к этому синдикату примкнул и дом Ротшильда, заем не удался, и только с величайшим трудом удалось набрать 100 милл. долл. (вместо требуемых 300 милл.). Европейские биржи (на которых, главным образом, сбывались американские ценные бумаги), точно так же, как и нью-йоркская биржа, и без того были завалены железнодорожными ценностями и, несмотря на выгодные условия, не могли поместить предлагаемых бумаг. Тогда железнодорожные компании прибегли к помощи банков и получили от них временные ссуды под залог своих ценностей. Эти ссуды не были своевременно уплачены компаниями, и ссудившие их банки стали лопаться один за другим. Первою обанкротилась „New-York Warehouse and Security Company“, ссужавшая многие канзасские, миссурийские и тexasские железные дороги; затем, последовало банкротство другой фирмы, ссужавшей южно-канадскую железную дорогу, и, наконец, после бан-

кротства нескольких железных дорог, приостановила платежи и фирма Джей Кук и К^о.

Как же повлияли все эти события на английский денежный и товарный рынок? Из приведенных выше цифр ценности британского экспорта, оборотов расчетной палаты, цен железа и пр. видно, что трехлетие 1871—73 г.г. было отмечено чрезвычайным подъемом английской промышленности. По обыкновению, английский капитал не только затрачивался на основание новых промышленных предприятий внутри страны, но в изобилии уходил и за границу. Лондонская биржа была охвачена манией иностранных займов, точно так же, как Германия, Австрия и Соединенные Штаты—строительной и железнодорожной манией. За пять лет 1870—1875 г.г. в Лондоне было заключено иностранных займов, приблизительно, на 260 м. фунтов¹⁾. Многие из этих займов заключались самым необдуманном образом и могли иметь временный успех только вследствие недобросовестных маневров маклеров, биржевых агентов и финансистов, взявших на себя их реализацию. Таким путем удалось заключить в Лондоне займы многим южно-американским государствам, которые уже давно были несостоятельны и не имели никакого намерения выполнять принятые на себя обязательства.

Проценты по этим займам платились только до тех пор, пока не были израсходованы полученные деньги; затем платеж процентов прекращался, и кредиторы оставались ни с чем. В конце 70-х годов следующие государства совсем не платили процентов по своим займам или платили их не в полном размере: Турция, Египет, Греция, Боливия, Коста-Рика, Эквадор, Гондурас, Мексика, Парагвай, Перу, Сан-Доминго, Уругвай и Венесуэлла²⁾.

Но, пока не обнаружилась несостоятельность этих государств, займы, заключаемые в Лондоне, естественно поощряли английский экспорт. Точно так же лихорадочная постройка железных дорог в Соединенных Штатах создавала громадный спрос на английское железо и каменный уголь, цена которых повысилась в несколько раз. Вывоз британских произведений в Соединенные Штаты быстро возрос с 28,3 милл. фунтов (в 1870 г.) до 40,7 милл. (в 1872 г.), но затем стал падать и в 1878 году спустился до 14,6 милл. фунт.

Начало 70-х годов было временем неслыханного благополучия в железнотделательной и каменноугольной промышленности Англии; в других отраслях промышленности оживление было гораздо слабее. Так, вывоз из Англии железа и стали увеличился за 1868—73 г.г. более, чем вдвое—с 17,6 милл. ф. до 37,7 милл., каменного угля в еще большей пропорции—с 5,4 милл. до 13,2 милл.; напротив, вывоз бумажных тканей возрос за то же время с 53 милл. ф. лишь до 61,5 милл., шерстяных—с 19,6 милл. до 25,4 милл., льняных с 7,1 милл. до 7,3 милл.

Весьма замечательно, что биржевой и промышленный кризис, развившийся в 1873 г. в центральной Европе и Америке, не распространился на Англию. Майский биржевой крах почти совсем не отразился на состоянии английского денежного рынка. Сентябрьский кризис в Америке вызвал сильное повышение дисконтного процента Английского Банка, но никакой паники и крушения кредита на лондонском рынке в 1873 году не произошло.

¹⁾ A. R. Wallace. *Bad Times*. London, 1886. Стр. 18.

²⁾ W. E. Smith. *The Recent Depression of Trade*. London, 1880. Стр. 45.

Счета Английского Банка за 1873 г. ¹⁾.

	В миллионах ф. ст.		
	Резерв.	Металлическая наличность.	Дисконтный процент.
10 января	12,3	24,0	4 1/2
20 октября	7,3	19,7	6
30 октября	7,5	19,4	7
20 ноября	7,6	19,3	9
20 декабря	12,1	24,2	4 1/2

В момент наибольшего повышения дисконтного процента резерв банка достигает 7,6 м. ф. ст., а металлическая наличность превышает 19 милл. ф.—эта картина мало похожа на то, что бывало во время предшествовавших кризисов. В 1873 г. ни один банк в Англии не рухнул, а число банкротств увеличилось очень незначительно. В то время, как в странах, гораздо менее развитых в промышленном отношении, кризис имел чрезвычайно опустошительный характер и уподобился настоящему урагану, все сокрушавшему на своем пути, Англия совершенно избежала кризиса. Объясняется это, главным образом, тем, что к 1873 г. в Англии еще не успели изгладиться все следы кризиса 1866 г. Спекуляция не имела времени развиться на английском товарном рынке, и, по меткому сравнению Жюгляра, «мина еще не была заряжена, или, по крайней мере, была заряжена только наполовину ²⁾. Поэтому и не произошло взрыва.

Правда, в 70-х годах на Лондонской фондовой бирже была очень сильна спекуляция с иностранными займами; но, как мы много раз убеждались выше, биржевой кризис производит очень мало действия на народное хозяйство, если только спекуляция и ажиотаж не распространяются за пределы обычной биржевой публики.

Несомненно, что в 1873 г. Англии удалось избежать промышленного кризиса; тем не менее, в течение следующих лет, английская промышленность была очень угнетена. Самого кризиса не было, но все последствия его были налицо: падение товарных цен, застой торговли, сокращение производства,—все это наблюдалось в Англии во второй половине 70-х годов в еще большей степени, чем в странах, перенесших промышленный кризис в 1873 г. Число банкротств возрастало с каждым годом; в 1875 г. начались банкротства банковских фирм. Огромное увеличение металлической наличности Английского Банка в 1876 г. доказывает, что на этот раз английский кредит испытал сильное потрясение, и золото стало обратно приливать в кассы банков, что всегда наблюдается после кризисов. В 1878 г. рухнуло несколько первостепенных банков, в том числе одно из самых солидных кредитных учреждений в Шотландии—City of Glasgow Bank, с пассивом в 12 м. ф. с. Вслед за банкротством City Glasgow Bank 1 октября 1878 г. последовало банкротство West England and South Wales Banking Company с пассивом в 5 м. ф. ³⁾. Но, несмотря на эти крупные банкротства (к которым присоединилось много более мелких), никакой паники в Сити не произошло, и Английский Банк ограничился повышением дисконтного процента в ноябре до 6. Причина сравнительной устойчивости английского кредита в 1878 г.

¹⁾ Juglar. Des crises commerciales, 390.

²⁾ Там же, 393.

³⁾ The Economist, 1879. General Results of the Commercial History of 1878.

заклучалась, главным образом, в том, что в прежнее время банкротства банков непосредственно следовали за периодами усиленного оживления промышленности, когда коммерческий кредит был расширен до последней степени; теперь же банки начали лопаться только после нескольких лет промышленного застоя, когда кредит и без того сильно сократился. Прежде банкротства банков были первым актом промышленного кризиса; теперь же они явились последним актом. Поэтому прежде действие каждого отдельного банкротства было гораздо губительнее и легко принимало эпидемический характер, между тем как в 1878 г. товарный и денежный рынок Англии был уже настолько очищен от всех нездоровых спекулятивных элементов пятью предшествовавшими годами торгового застоя, что для развития паники не было никакой почвы.

Ликвидирование промышленного оживления начала 70-х годов было более продолжительным, но, вместе с тем, и менее резким, чем когда-либо раньше. В 70-х годах в Англии не было острого потрясения кредита и обычного промышленного кризиса; взамен этого чрезвычайно растянулся промышленный застой, завершившийся, в конце концов, расстройством кредита. Своего апогея это расстройство достигло в 1879 году; в этом году кривая банкротств, правильно повышавшаяся в течение целого ряда лет, достигает максимума.

После 1879 г. начинается новая волна промышленного оживления. В Соединенных Штатах опять началась железнодорожная горячка: за три года 1880—82 г.г. железнодорожная сеть увеличилась на 28.240 миль. Соответственно этому и вывоз британских произведений в Соединенные Штаты возрос с 14,6 м. ф. (1878 г.) до 31 м. ф. (1882 г.). Как и в 70-х годах, увеличение британского экспорта падает, главным образом, на отрасли производства, составляющие основной капитал промышленности.

Так, вывоз железа и стали возрос за 1878—82 г.г. с 18,4 м. ф. до 31,6 мил., вывоз машин с 7,5 мил. ф. до 11,9 мил., а бумажных тканей—с 52,9 мил. ф. лишь до 62,9 мил., шерстяных тканей—с 16,7 мил. до 18,8, льняных тканей—с 5,5 мил. до 6 мил.

Из этих цифр, равно как из изменения цены железа, видно, что промышленное оживление начала 80-х годов было гораздо слабее, чем в начале 70-х годов. Поэтому переход от оживления к застою совершился в Англии в 80-х годах еще более постепенно, чем в 70-х годах. В других странах этот переход сопровождался более или менее тяжелыми потрясениями кредита: так, напр., во Франции в 1882 г. произошел известный крах Бонту; в Соединенных Штатах в 1884 г. повторился железнодорожный крах, подобный краху 1873 г., но только в более слабой форме. В Англии падение волны промышленного оживления не сопровождалось никаким кризисом.

Но, несмотря на это, вряд ли когда-либо раньше застой торговли в Англии был так продолжителен и губителен для страны, как в восьмидесятые годы. Именно в это время с полной резкостью обозначился новый фазис развития мирового хозяйства, характеризующийся упорной тенденцией товарных цен к понижению. Самый факт этой тенденции не подлежит сомнению. Вот соответствующие данные за некоторые годы ¹⁾.

¹⁾ Вычислено по данным Final Report of the Royal Commission on Gold and Silver. 1888. Стр. 17. Числом-показателем английские статистики называют среднюю цифру, вы-

Изменение средних товарных цен по числу-показателю (index number):

	Число-показатель „Экономиста“.	Число-показатель Пальгрэва.	Число-показатель Заурбекка.
1865—69 г.	100	100	100
1870—79 „	98	97	97
1880—87 „	77	82	78

В 70-е годы падение товарных цен незначительно, но в восьмидесятые годы достигает 15—20% или даже больше. Жалобы на низкие товарные цены, срезавшие почти всю предпринимательскую прибыль, в половине восьмидесятых годов были всеобщими. Об этом заявляли почти все свидетели, опрошенные комиссией 1885 г., исследовавшей промышленный застой. То же говорят и фабричные инспектора. „Угнетенное состояние товарного рынка,—читаем, напр., в отчете инспектора Гендерсона за 1885 г.,—от которого наша страна так долго страдает, мало-по-малу начинает признаваться всеми скорее всего упадком товарных цен... В некоторых отраслях промышленности производство несколько не сократилось, но все жалуются, что прибыль совершенно исчезла“¹⁾. В отчете комиссии 1886 г., исследовавшей причины промышленного застоя, настойчиво указывается на чрезвычайное падение предпринимательской прибыли.

Я уже говорил выше, что падение товарных цен и промышленный застой 1883—87 г.г. породили огромную литературу. Причиной падения цен некоторые признавали вздорожание золота, другие обесценение серебра, третьи поворот многих государств к протекционизму и проч. и проч. Но если та или иная причина и могла иметь свою долю действия, то далеко важнейшей причиной понижения цен являются изменения последнего времени в условиях и технике производства и обмена в мировом хозяйстве. В этом согласно огромное большинство исследователей промышленного застоя 80-х годов. Самым важным в ряду указанных изменений является переворот новейшего времени в области транспорта.

Первые железные дороги были выстроены Англией и только увеличили ее и без того первенствующее значение во всемирной торговле. Затем началась постройка железных дорог в богатых восточных Северо-Американских Штатах и континентальных государствах Западной Европы, а впоследствии и в других малокультурных странах с редким населением. Пока железные дороги не вызвали значительного развития туземной промышленности в тех местностях, где они проводились, распространение их было выгодно для страны, пользовавшейся монополией во всемирной торговле—Англии. Но, когда, под влиянием железных дорог, в большинстве европейских государств и в Соединенных Штатах развилась сильная и быстро прогрессирующая туземная промышленность, положение Англии изменилось. Во всем свете стали появляться новые и новые конкуренты, спешившие захватить в свои руки не только туземный рынок, но, по возможности, и внешний. Общее пере-

ражающую собой состояние товарных цен в определенный момент времени. Изменение числа-показателя характеризует изменение среднего уровня цен. Естественно, что число-показатель будет различно, в зависимости от того, на ценах каких товаров оно основано. Приведенные три числа-показателя лондонского журнала „Экономист“, Пальгрэва и Заурбекка построены на основании различных цен и при помощи различных методов.

¹⁾ Report of the Inspector of Factories Henderson. 30 Oct. 1885.

производство товаров, или, вернее, постоянная тенденция к таковому, составляет естественное следствие такого положения дел. Предложение товаров превысило спрос, и цены всех товаров, относительно которых особенно усилилась международная конкуренция, стали падать. От этого падения пострадала не только одна Англия, но и все другие страны, выступившие ее конкурентами; тем не менее, застой торговли должен был тяжелее всего чувствоваться в Англии, так как английская промышленность, говоря относительно, мало участвовала в промышленном подеме, вызвавшем падение товарных цен, а все тяжелые последствия этого падения она должна была переносить так же, как и ее более счастливые соперники.

Удешевление транспорта очевиднее всего повлияло на цены сельскохозяйственных продуктов, а вместе с тем и на самое земледелие. Благодаря проведению железных дорог в Соединенных Штатах, России и Индии, эти страны с громадной площадью превосходной и невозделанной почвы получили возможность во много раз расширить производство хлебов, предназначенных для вывоза в густо населенные страны Западной Европы. Западно-европейское земледелие внезапно было лишено самой действительной покровительственной пошлины, которая в прежнее время давала ему возможность не опасаться конкуренции экстенсивного хозяйства отдаленных стран Запада и Востока, именно: высокой стоимости сухопутной перевозки хлеба. Следствием этого был тяжелый сельскохозяйственный кризис в Западной Европе. Все это вещи общеизвестные, на которые достаточно только указать, чтобы оценить их значение.

Специально английское земледелие очень сильно пострадало от падения цен пшеницы. Джемс Кэрд, самый крупный авторитет во всех вопросах этого рода, высчитывает, на основании специального расследования, произведенного официальным путем, что за восьмидесять лет доход земледельческих классов Соединенного Королевства в совокупности уменьшился на 42,8 миллионов ф. с.; при этом доход землевладельцев уменьшился на 30%, доход фермеров на 60% и рабочих—на 10%¹⁾. Этот расчет подтверждается и показаниями других свидетелей, определивших падение арендной платы за пахотную землю в Англии в течение десятилетия 1875—85 г.г. в 30—40%²⁾.

Вполне естественно, что сокращение покупательной силы земледельческих классов Англии на 40 м. ф. с. должно было очень невыгодно отозваться на общем состоянии английского рынка. Английские лендлорды, земледельцы и рабочие стали меньше покупать фабрикатов, а среди американских фермеров спрос на английские товары не мог возрасти потому, что английские фабрикаты не могли конкурировать на внутреннем американском рынке с произведениями туземной промышленности. Поэтому целый ряд свидетелей из числа промышленников и фабрикантов прямо приписывает застой в обрабатывающей промышленности Англии сокращению покупательной силы земледельческих классов³⁾. В отчете комиссии 1886 г. последнее обстоятельство также признается одной из существенных причин торгового застоя⁴⁾.

¹⁾ Second Report on Trade Depression, M. of E., пок. James Caird'a, Q. 7673—77.

²⁾ Third Report on Trade Depression, M. of E., пок. Coleman'a, Q. 8984; Druce'a, Q. 9114.

³⁾ Second Report on T. D. M. of E., пок. Dixon'a, Q. 1363—64; Belk'a, Q. 2722; Brown'a, Q. 4765—68, и др.

⁴⁾ Final Report on T. D., XVII.

С последним, разумеется, нельзя не согласиться, но что понижение доходов земледельческих классов не было единственной или даже главной причиной угнетенного состояния в 80-х годах товарного рынка, доказывает уже одним фактом распространения торгового застоя не только на Западную Европу, но и на Америку (где покупательная сила земледельческих классов, в общем, значительно возрасла). Следовательно, земледельческий кризис был только одним из проявлений общего кризиса, вызванного, главным образом, коренным изменением условий товарного обмена.

Если бы ускорение и удешевление транспорта было совершенно равномерно и одинаково во всех странах, то пертурбационное действие этого фактора на мировое хозяйство еще не было бы так значительно. Но дело в том, что выгодами улучшенного транспорта разные страны воспользовались далеко не одинаково. Можно сказать, что в общем эти выгоды достались именно английским конкурентам.

Общая тенденция к понижению товарных цен, обнаружившаяся в восьмидесятые годы, была закономерным, необходимым результатом чрезвычайного усиления конкуренции на международном рынке. Принцип неограниченной конкуренции был впервые испробован во всем его объеме, не только в пределах одной страны, но и в международной торговле, и, благодаря этому, внутреннее противоречие, лежащее в основании этого принципа, обнаружилось. Анархия производства привела к общему расстройству торговли и промышленности и, как к своему естественному коррективу, в монополии, картелям и трестам, рост которых составляет такую характерную черту новейшего промышленного развития.

По словам отчета комиссии 1886 г., „за последние 40 лет в условиях жизни всего цивилизованного мира произведен громадный переворот применением механических сил и науки к производству и перевозке товаров во всех странах света. Количество труда, потребного для получения определенного результата в области производства или транспорта, чрезвычайно уменьшилось и постоянно уменьшается. Затруднение теперь заключается не в недостатке или дороговизне предметов необходимости или роскоши (как прежде), а в борьбе за соответствующую долю занятия, являющегося для громадного большинства населения единственным средством для получения этих самых предметов, как бы много их ни было и какова бы ни была их дешевизна“¹⁾. Другими словами, в настоящее время все стремятся вытеснить конкурентов, захватить рынок, и следствием этого является переполнение рынка товарами.

В особенности много жалоб комиссия 1886 г. выслушала на конкуренцию акционерных компаний; многие свидетели утверждали, что главная причина низких товарных цен заключается в чрезмерном распространении во многих отраслях промышленности акционерных предприятий, которые продолжают работать, даже не получая никакой прибыли, так как интерес лиц, заведывающих делом (директоров, членов правления и пр.), заключается в продолжении производства совершенно независимо от его прибыльности. Действительно, во многих случаях рост акционерных предприятий был поразительно быстр. По словам Т. Эллисона, „за последнее время самой замечательной особенностью

¹⁾ Final Report on Trade Depression, LVII.

прогресса хлопчатобумажного производства в Великобритании является необыкновенный рост прядильных и ткацких фабрик, основанных на акционерных началах“¹⁾. Первая акционерная бумагопрядильная фабрика (Sun Mill) была основана в Ольдгэме в 1858 году. Она имела выдающийся успех, и в начале 70-х годов было основано множество новых акционерных бумагопрядильных фабрик. Все эти фабрики, большинство которых сосредоточено в Ольдгэме или его окрестностях, снабжены всеми новейшими усовершенствованиями и являются последним словом фабричной техники.

Распространение акционерных компаний, несомненно, содействовало усилению конкуренции производителей и падению товарных цен. Но все же значение этого фактора ничтожно сравнительно с вышеуказанными общими причинами упадка цен—повсеместным ростом промышленности и колоссальным удешевлением транспорта.

После 1886 года наступает новый промышленный подъем. И опять подъем отразился в Англии, главным образом, на железодобывающей и каменноугольной промышленности: вывоз железа возрос с 21,8 м. ф. (1886 г.) до 31,6 м. (1890 г.), вывоз машин за то же время с 10,1 м. до 16,4 м., вывоз каменного угля—с 9,8 м. до 19,0 м. Напротив, вывоз продуктов текстильной индустрии увеличился едва заметно; бумажных тканей с 57,4 м. ф. до 62,1, шерстяных тканей с 19,7 м. ф. до 20,4 м., льняных—с 5,3 м. до 5,7 мил.

На этот раз особенно сильно увеличился вывоз английских товаров в Аргентинскую республику. В 1885 г. Англия вывозила в Аргентину только на 4,7 м. ф. с., а в 1889 г.—уже на 10,7 м. В конце 80-х годов на лондонской бирже опять началась спекуляция с иностранными займами, напоминая такую же 70-х годов. Опять южноамериканские государства и многие британские колонии стали заключать громадные займы в Европе (преимущественно в Лондоне).

Государственный долг Аргентинской республики возрос в колоссальных размерах. В 1874 г. внешний долг республики не превышал 10 м. ф., а в 1890 г. ее государственные, провинциальные и муниципальные долги, заключенные на внешнем рынке и, главным образом, в Лондоне, достигали 59,1 м. ф.²⁾ Кроме того, лондонская биржа была переполнена всевозможными аргентинскими ценными бумагами—преимущественно железнодорожными. Прилив иностранных капиталов в Аргентину вызвал поразительный подъем этой недавно еще почти пустынной страны. Самым важным помещением для иностранных капиталов в Аргентине была постройка железных дорог. В 1883 г. в стране было 3.123 километра железнодорожных путей, а в 1893 г.—уже 13.961. Но эта последняя цифра выражает собой лишь дороги, действительно построенные. Проектировано было несравненно больше линий. Только в 1889 г. было выдано 39 концессий на постройку 12 тысяч километров новых железных дорог. Большинство этих концессий осталось без результата, и дороги не были построены благодаря последовавшему чрезвычайно интенсивному промышленному кризису.

Конец восьмидесятых годов в Аргентинской республике был эпохой самого безрассудного грюндерства. В течение трех лет 1887—89 г.г. возникло 250 акционерных компаний; номинальный капитал их достигал

¹⁾ The Cotton Trade of Great Britain. Стр. 133.

²⁾ The Argentine Crisis. The Economic Journal. 1891. Vol. I.

764 мил. долларов ¹⁾). Ко всему этому присоединилось крайне неряшливое ведение государственного хозяйства; правительство Аргентины, столь же недобросовестное и нерасчетливое, как и правительства других южно-американских государств, менее всего думало о будущем. Дефициты покрывались займами. Но и займов не хватало. Правительство не побоялось прибегнуть к последнему ресурсу—выпуску бумажных денег. В короткое время страна была буквально наводнена бумажными деньгами.

Все это кончилось так, как и должно было кончиться,—грандиозным крахом, сопровождавшимся революцией и междоусобной войной, в конце расстроившей хозяйство страны.

На этот раз английский кредит не так счастливо выпутался из затруднений, подготовленных им самим. Самая крупная банкирская фирма Англии, братьев Бэрингов и К^о, пользовавшаяся не меньшим доверием, чем в свое время фирма Оверенд, Герни и К^о, рухнула 14 ноября 1890 г. Фирма Бэрингов была финансовым агентом аргентинского правительства и размещала на европейских рынках аргентинские бумаги. Уже с 1889 г. помещение аргентинских бумаг стало становиться затруднительным. Биржа не доверяла этим бумагам и опасалась краха. В июле последовал аргентинский крах. В распоряжении фирмы Бэринга оставалось огромное количество нереализованных аргентинских бумаг, которых биржа уже не принимала. Это повело к приостановке платежей Бэрингов. Опасались паники в Сити, но ее не последовало, отчасти вследствие мер, принятых правлением Английского Банка, обязавшегося в компании со всеми прочими значительными лондонскими банками принять акцептированные фирмой Бэрингов векселя на сумму до 18 м. ф. с., отчасти же (и главным образом) потому, что промышленное оживление и расширение кредита в конце 80-х годов были недостаточно сильны для паники. О легкости, с какой английский денежный рынок перенес крушение Бэрингов, можно судить по изменению дисконтного процента Английского Банка в 1890 году.

Средний наименьший дисконтный процент Английского Банка в 1890 г.

Январь 6	Апрель 3 ² / ₅	Июль 4	Октябрь 5
Февраль 5 ¹ / ₇	Май 3	Август 4 ² / ₃	Ноябрь 5 ¹ / ₅
Март 4 ¹ / ₁₆	Июнь 3 ¹ / ₁₆	Сентябрь 4 ¹ / ₅	Декабрь 5 ¹ / ₁₀

В 1866 г. Английский Банк после крушения фирмы Оверенд и К^о должен был в течение нескольких месяцев держать дисконтный процент на 10, теперь же крушение еще более важной фирмы почти не отразилось на высоте дисконтного процента.

После 1890 г. английская промышленность опять вступает в фазис упадка: ценность экспорта падает, обороты расчетной палаты сокращаются, цены понижаются. Но, как и в 80-х годах, падение волны промышленного оживления не сопровождается промышленным кризисом. Это лучше всего доказывается тем, что никакого резкого повышения металлической наличности Английского Банка в 1891 г. не происходит; точно так же число банкротств в 1891 г. увеличивается очень незначительно.

¹⁾ Otto Hübner. Der finanzielle Zusammenbruch Argentiniens. Conrads Jahrbücher f. N. und. S. 1892.

Итак, характерным фактом новейшей промышленной эволюции Англии является отсутствие резко выраженных промышленных кризисов, место которых заступили продолжительные эпохи торгово-промышленного застоя. Королевская комиссия 1886 г., разобравши отдельные причины торгового застоя половины 80-х годов, пришла к следующему заключению: „все эти причины имеют тенденцию постепенно ослаблять те ненормальные периоды возбуждения, во время которых, по обычному словоупотреблению, торговля оживлена, и делать более редкими те тяжелые, хотя и сравнительно короткие, периоды торгового упадка, которые известны под названием „паник“. Прежде перепроизводство внезапно останавливалось финансовым крахом, между тем, как последующее расширение спроса быстро поправляло несчастье. В будущем можно ожидать большей устойчивости в отношении спроса к предложению и более равномерного, хотя и пониженного, уровня прибыли ¹⁾).

В новейшем фазисе развития капиталистического хозяйства, типичным образчиком которого является английское хозяйство, промышленные колебания не прекратились и даже не сделались более слабыми; амплитуда их скорее увеличилась, но быстрота несомненно уменьшилась. От этой перемены промышленность не только ничего не выиграла, но скорее проиграла. Раньше промышленный кризис вызывал банкротства менее состоятельных хозяйственных предприятий и на время почти приостанавливал торговлю; но, как только паника проходила, торговля быстро оправлялась и в скором времени достигала еще более цветущего состояния, чем раньше. Теперь же застой торговли сделался более продолжительным, но в то же время менее резким и внезапным. Раньше кривая английского экспорта в общем быстро повышалась, несмотря на резкие падения после промышленных кризисов; теперь эта кривая приняла характер волнообразной линии, движущейся почти на одном и том же уровне. Подобные же перемены произошли и в области производства.

С 1890 г. наступает новая эпоха депрессии. Аргентинский кризис был только ее наиболее выдающимся эпизодом. В более слабых размерах подобный же крах произошел в Трансваале, Уругвае, Мексике и др. государствах Южной Америки. Последовавший промышленный застой достиг своей наибольшей силы не сразу. 1891 год для большинства отраслей английской промышленности не был тяжелым. Только немногие отрасли были в угнетенном состоянии—так, хлопчатобумажная, особенно бумагопрядильная, промышленность пострадала от резких колебаний цены сырья (в 1891 г. цена хлопка, вследствие хорошего урожая, сильно упала, и прядильщики, сделавши большие закупки хлопка, понесли большие убытки); сукольное производство и выделка шерстяных тканей были в застое благодаря новому американскому тарифу Мак-Кинлея; этот же тариф нанес тяжкий удар жестяному производству Уэльса.

Бумагопрядильное производство испытывало затруднения также благодаря чрезвычайному развитию конкуренции акционерных фабрик. „Грустно видеть опустошение, вызванное в некоторых цветущих долинах Ланкашира давлением современной конкуренции,—пишет в своем отчете за 1891 г. фабричный инспектор Гендерсон.—Фабрики и жилища

¹⁾ Final Report on Trade Depression, XVIII.

закрывают и никем не заняты, многие из них без крыш и в развалинах... Хлопчатобумажный прядильщик-собственник своей фабрики и машин скоро совершенно исчезнет... Единственными предпринимателями скоро будут акционерные компании... За последние 30 лет все было направлено к тому, чтобы прижать не крупного капиталиста к стене (to send the smaller capitalist to the wall) и раздавить индивидуального предпринимателя, находящего все более затруднительным конкурировать с крупными компаниями, располагающими огромными фабриками, снабженными всеми новейшими приспособлениями и машинами. В том же направлении действовало увеличение требований от фабрикантов со стороны фабричного законодательства и увеличение трудности отношений с рабочими. Не подлежит сомнению, что за последнее время многие предприниматели вынули свои капиталы из хлопчатобумажной промышленности... В настоящее время из многих фабрик, вновь устроенных или устраиваемых в моем округе, я не помню ни одной сколько-нибудь значительной, устраиваемой отдельным лицом¹⁾.

Но, в общем, как я сказал, в 1891 году положение английской промышленности не было решительно угнетенным. Значительно хуже был следующий год. „За большую часть прошедших 12 месяцев,—читаем в отчете Гендерсона за 1892 год,—промышленность Шотландии и северной Англии была в очень неудовлетворительном состоянии... Тысячи семейств доведены до нищенства, и сотни мелких лавочников и торговцев обанкротились... Хлопчатобумажная промышленность в критическом положении... Мы чувствуем теперь последствия дикой спекуляции акционерными компаниями, которая прибавила миллионы веретен в Ольдгэме... Ольдгэмские фабрики раздавили небольшие старомодные фабрики, и теперь в свою очередь их раздавливают прядильные фабрики Бомбея“²⁾. Промышленность была в застое в Гуддерсфильде, Вольвергэмптоне, Брандфорде, Стаффордшире, Уэльсе и других местах. Очень сильно пострадало железодельное производство.

1893 год был еще худшим. Так, по сообщению фабричного инспектора Джонса, из горнозаводского округа Корнвалля и Девоншира, „промышленность была в ужасающе (dreadful) подавленном состоянии... Множество рабочих лишились работы, и возникает серьезный вопрос, как помочь этим бедным людям“. Из Эдинбурга сообщают: „общее состояние промышленности прискорбно. Уменьшение числа занятых рабочих, сокращение рабочего времени, бездействие машин—вот что видишь повсюду“. Из Блэкбурна: „по крайней мере половина машин стоит и значительная часть остальных работает неполное время. Тысячи рабочих доведены до голодания, в размерах еще не бывавших со времени американской войны“³⁾. Подобного рода сообщениями о состоянии промышленности пестрят отчеты фабричных инспекторов как за 1893 г., так и за 1894 г.

В 1893 г. в Австралии и Соединенных Штатах разразился тяжелый промышленный кризис, вызванный, как и всегда, грюндерством и спекуляцией. Усиленное железнодорожное строительство в обеих странах предшествовало кризису и, в значительной мере, создало его. Американский кризис осложнился монетной неурядицей Соединен-

¹⁾ Report of the Chief Inspector of Factories and Workshops. 1892. Стр. 22.

²⁾ Report of the Chief Inspector of Factories. 1893.

³⁾ Report of the Chief Inspector of Factories. 1894.

ных Штатов—падением цены серебра и опасением прекращения размена серебра на золото союзным правительством. Кризис начался, как и обыкновенно, с отлива золота за границу. Под влиянием этого отлива запас золота в государственном казначействе Штатов понизился с 120 мил. долларов (в начале года) до 90 мил. в начале июня. Весной начались банкротства банков и коммерческих фирм. Летом кредит был совершенно парализован, и торговля пришла в состояние полнейшего застоя. Дисконтный процент доходил до 12—18. Паника достигла апогея в августе, когда около 600 банков вполне или частью приостановили платежи. Число банкротств в Соединенных Штатах возросло с 7.538 при пассиве в 93 милл. долларов (1890 г.) до 11.174 при пассиве в 324 милл. долларов (1893 г.)¹⁾. Особенно пострадали от кризиса железные дороги: 74 общества с общей железнодорожной сетью в 29 тысяч миль подпали конкурсу.

Австралийский кризис начался уже с 1891 г., но достиг своего полного развития также лишь в 1893 г. В особенно жестокой форме кризис разразился в Викторией. Английский капитал в изобилии притекал в Австралию в конце 80-х годов. Это повело к грюндерству и чрезвычайному расширению железнодорожной сети. Так, из общей суммы в 112 милл. ф. с., полученной путем государственных займов за это время 3 колониями—Викторией, Нов. Ю. Уэльсом и Тасманией—81 мил. был израсходован на постройку железных дорог и трамваев. Железнодорожная сеть Австралии в 1880 г. достигала лишь 4,9 тысяч миль, а в 1895 г.—уже 15,6 тыс. миль.

Спекуляция со строительными обществами и недвижимостями, особенно городскими землями, была наиболее сильной в конце 80-х годов. В 1891 г. начались крушения строительных обществ. В 1893 г. последовал общий крах, и большая часть австралийских банков прекратила платежи²⁾.

Австралийский и американский кризисы подействовали угнетающим образом на мировую промышленность; в особенности тяжело они отразились на состоянии английской промышленности. Но никакого кризиса—т.-е. общего крушения кредита—Англия в 1893 г. не испытала. Слабое потрясение английского кредита в 1890 г. при крахе Бэринга было достаточно, чтобы предотвратить распространение на денежный рынок Англии австралийской и американской паники. В самый разгар паники в августе и сентябре Английский банк держал свой дисконтный процент на уровне 4—4½, при резерве, превышавшем 12 мил. ф. Очевидно, ни о каком кризисе в Англии не могло быть и речи.

После 1895 г. начинается новый промышленный подъем. Как видно из всего сказанного, кризисы прежнего типа в Англии прекратились. Причины этой чрезвычайно важной перемены заключаются в следующем.

Во-первых, общие условия мировой торговли не благоприятствуют распространению кризисов. Я говорил выше, что одной из самых характерных черт новейшей экономической эволюции является постепенное ослабление роли самостоятельного торговца. Ускорение и удешевление сношений между всеми частями света, естественно, содейство-

¹⁾ F. W. Taussig. The Crisis in the United State. Economic Journal. 1893. A. Stevens. Phenomena of the Panic in 1893. Quarterly Review of Economics. 1894.

²⁾ A. Ellis. The Australian banking crisis. Economic Journal. 1893. Б. Брандт. Иностранные капиталы. Спб. 1898. Часть I.

вало уменьшению товарных запасов всякого рода, хранящихся на руках торговца: между потребителями и производителями устанавливаются все более прямые сношения. Это должно уменьшать экономическое значение торгового капитала, а, как известно, именно торговый капитал более всего ответственен за те безрассудные спекуляции, которые в прежнее время вызывали катастрофы на английском денежном рынке. Фабрикант, занятый производством продукта, мало расположен к спекулированию своим товаром; напротив, самая сущность торговли заключается в спекулировании, в игре на разницу, так как прибыль торговца зависит от умения продать товар по более дорогой цене, чем та, за которую товар приобретен. Сверх того, самая торговая спекуляция в настоящее время приняла иной характер и ведет скорее к ослаблению колебаний цен, чем к усилению этих колебаний. При облегчении доставки товаров и распространении торговых сношений во всем мире, всякое спекулятивное повышение товарных цен немедленно встречает свой корректив в усилении подвоза товара с тех рынков, где товар не повысился в цене. В настоящее время товарный рынок имеет такой интернациональный рынок, зависимость между отдельными рынками так велика, что цена товара в странах, открытых для иностранной конкуренции, как, напр., Англия, в большей степени, чем когда-либо, определяется отношением мирового спроса к мировому предложению, которое, естественно, менее подвержено колебаниям, чем отношение спроса к предложению в каждой отдельной стране.

Затем, в самом строе английской промышленности произошли глубокие перемены. Я неоднократно отмечал тот факт, что в новейшее время наибольшее расширение производства в годы подъема и наибольшее сокращение производства в годы застоя замечается в Англии не в текстильной индустрии (как раньше), а в железодельной, машиностроительной, каменноугольной и тому подобных отраслях промышленности, изготовляющих средства производства. Во второй части этой книги нам еще придется возвращаться к этому пункту в связи с колебаниями процента безработных в разных отраслях труда.

Итак, оживление и застои сильнее всего отражаются в новейшее время в производстве средств производства, а не в текстильной индустрии, как прежде. Англия все более и более делается поставщиком не иностранных потребителей, а иностранных производителей. Но не подлежит сомнению, что торговля предметами потребления имеет более спекулятивный характер, чем торговля орудиями производства. Спрос на машины, каменный уголь и пр. не может быть расширен в скольконибудь значительной мере усилиями производителей этих предметов. Напротив, спрос на фабрикаты, предназначенные для непроизводительного потребления, легко доступен расширению усилиями производителей или торговцев—путем рекламы, большого приспособления товара к вкусам потребителей, распространения товара в новых общественных классах и т. д. Для бумажных тканей, например, рынком является целый мир—не только цивилизованные, но и нецивилизованные страны. Торговцы бумажных тканей всегда могут рассчитывать, при помощи большей предприимчивости, открыть для своего товара новые рынки. Они могут долгое время держать в своих руках непроданные запасы товаров, в надежде впоследствии сбыть их выгодным образом. Напротив, во многих отраслях железодельного производства работа производится не иначе, как на заказ. Так, напр., морские суда строятся

только по заказу; точно так же, железнодорожные рельсы делаются лишь на заказ. Никаких запасов судов или рельсов не существует. Между тем судостроение и изготовление железнодорожных принадлежностей поглощают около трети всего железа, потребляемого в Англии; продукты этих производств составляют более трети ее экспорта железных изделий.

Распространение работы на заказ устраняет торговца и лишает производство спекулятивного элемента. Пока в Англии промышленное оживление выражалось, главным образом, подъемом хлопчатобумажной промышленности, производство имело спекулятивный характер. Заминка в сбыте товара вызвала общее крушение и панику. Теперь английская хлопчатобумажная промышленность лишь в весьма небольшой мере участвует в промышленном подъеме; объясняется это падением промышленного первенства Англии: страны, ввозившие раньше английские хлопчатобумажные фабрикаты, теперь выделывают их сами. Эпоха подъема выражается теперь в английской внешней торговле преимущественно усилением вывоза из Англии средств производства. Эти средства производства английский производитель работает, как сказано, в значительной мере на заказ, т. е. наверняка, без всякого риска. Что же удивительного, что спекуляция на английском товарном рынке не находит для себя почвы и не может развернуться?

Таким образом, изменение характера промышленных кризисов в новейшей истории Англии находится в непосредственной связи с утратой Англией промышленного первенства. Промышленные подъемы Англии слишком незначительны, чтобы вызвать острые кризисы.

ГЛАВА VIII.

Периодические колебания английской промышленности в новейшее время.

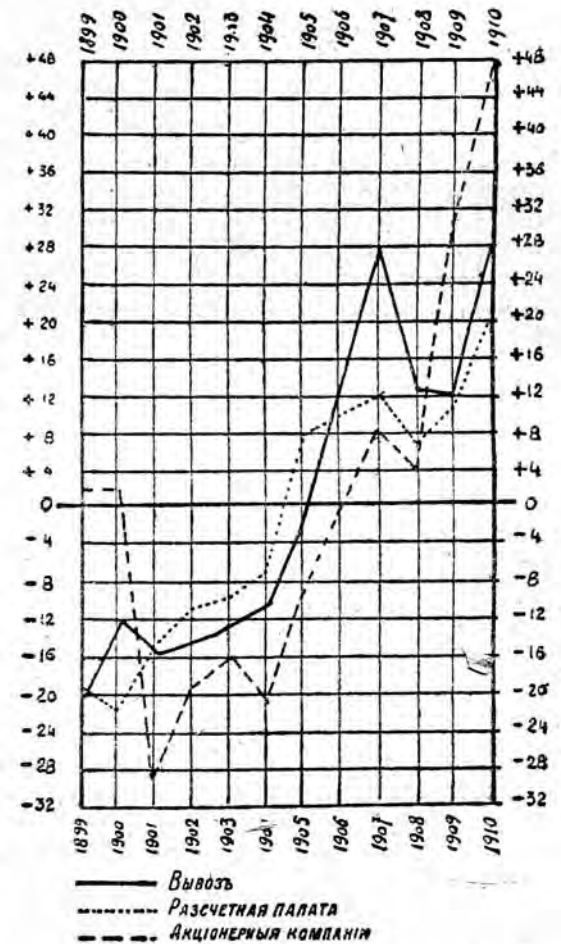
Общий характер колебаний английской промышленности в новейшее время.—Промышленный цикл остается, но прежние промышленные кризисы прекратились.—Депрессия 1901—1904 г.г.—Ее слабость сравнительно с германским промышленным кризисом.—Депрессия 1908—1909 г.г.—Ее слабость сравнительно с американским промышленным кризисом.

Последнее десятилетие характеризуется общим подъемом цен после продолжительного упадка их в последнюю четверть прошлого века. Главным образом благодаря этой причине движение английского экспорта представляет в новейшее время существенно иной вид, чем то, что мы видели на предшествовавшей диаграмме: ценность экспорта не остается, в общем, стационарной, а, напротив, повышается очень быстро, как это можно видеть на нижеследующих таблице и диаграммах:

Годы.	Вывоз произведений Соед. Королевства (в милл. ф. с.).	Обороты Лондонской расчетн. палаты (в 10 милл. ф. с.).	Число банкротств и несостоятельств в Англии и Уэльсе.	Число вновь основанных акционерных компаний.	Цена чугуна, вывезенного из Соединенного Королевства (в шилл. за тонну).	Металлич. наличность Англ. банка в последнюю четверть каждого года (в милл. ф. с.).
1899	264	915	4.111	4.975	69,4	31,7
1900	291	896	4.410	4.966	84,0	32,0
1901	280	956	4.244	3.433	62,6	35,5
1902	283	1.002	4.202	3.929	64,8	32,8
1903	290	1.012	4.286	4.075	63,0	31,5
1904	300	1.056	4.546	3.831	58,4	33,7
1905	329	1.228	4.764	4.358	63,0	31,9
1906	375	1.271	4.436	4.840	70,0	30,3
1907	426	1.273	4.111	5.265	74,2	32,8
1908	377	1.212	4.306	5.024	63,4	34,8
1909	378	1.352	4.070	6.373	64,8	34,1
1910	430	1.465	3.880	7.184	68,4	33,6
Средняя . . .	335	1.136	4.280	4.854	67,1	32,9

Рассматриваемое десятилетие было исключительным в том отношении, что в течение его было два периода депрессии—одна депрессия началась с конца 1900 г. и заканчивается в 1904 г., другая началась с конца 1907 г. и закончилась в 1909 г. Первая депрессия охватила большее число лет, чем вторая.

Диаграмма № 4.

Кривая экспорта выражает вполне определенно обе эти депрессии. Что касается до кривой Лондонской расчетной палаты, то тут мы не замечаем падения в 1901—1904 г.г., а напротив—наблюдаем непрерывное повышение. Объясняется это случайными причинами—бурской войной и обширными финансовыми операциями английского правительства в связи с этой войной.

На числе вновь основываемых акционерных компаний явственно выражены оба периода депрессии, причем заметно, что депрессия 1901—1904 г.г. была глубже и значительнее, чем депрессия 1908—1909 г.г.

Цена железа обнаруживает резкое повышение в 1899—1900 г.г. (первый промышленный подъем) и в 1905—1907 г.г. (второй промышленный подъем); перелом промышленной конъюнктуры выражается, как и всегда, падением этой кривой.

Что касается до кривой металлической наличности Английского банка, то она, как и обычно, колеблется в обратном отношении к кривой железа, но колебания ее, сравнительно, не велики и не резко выражены. Очевидно, и в истекшем десятилетии в Англии не было острых промышленных кризисов прежнего типа.

Подтверждением этого является и движение кривой банкротств. Ее колебания не обнаруживают никакой правильности. Депрессия 1901 г. не находит в этой кривой никакого выражения. Депрессия 1908 г. только в очень незначительной степени находит себе отражение в росте банкротств.

Итак, все говорит в пользу того, что время острых промышленных кризисов для Англии окончательно миновало. Но промышленный

цикл с его периодической сменой подъема и упадка так же ясно и отчетливо выражен в промышленном развитии Англии за последнее десятилетие, как он был выражен и раньше.

Волна промышленного подъема, вполне явственно обозначившаяся в Англии в 1898 г., нарастала вплоть до конца 1900 г., когда обнару-

жился перелом промышленной конъюнктуры. Следующий год был годом промышленной депрессии.

Однако, хотя этот год и был для Англии тяжелым годом, промышленный застой был в Англии не так велик, как бывало прежде. Застой выразился не столько в размерах товарообмена, сколько в падении товарных цен и в понижении заработной платы.

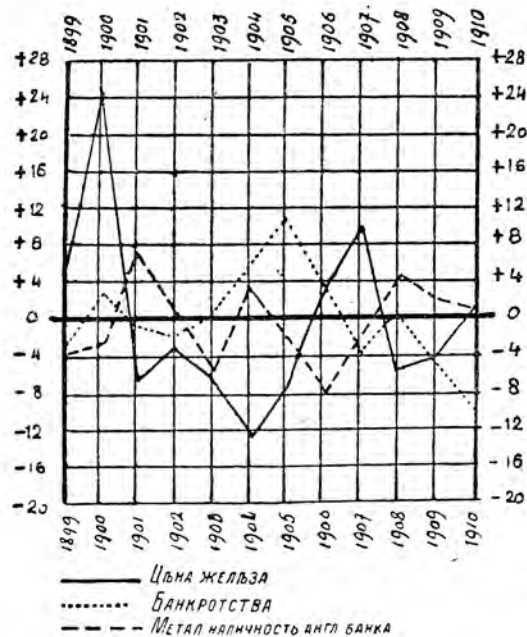
По сравнительной незначительности депрессии, Англия составляла решительный контраст с Германией, которая пережила в этом году тяжелый промышленный кризис, отозвавшийся на всех важнейших отраслях германской промышленности и торговли. Напротив, другой и наиболее опасный конкурент Англии — Соединенные Штаты — совсем не

испытывал застоя, сосредоточившего преимущественно в Германии и некоторых других странах европейского континента (на ряду с Германией кризис выражался в особенно резкой форме в России, с которой и началась резкая реакция против предшествовавшего промышленного подъема).

Если сравнить 1900 и 1901 г.г., то заметно довольно незначительное сокращение внешней торговли Англии—ввоз сократился с 523,1 мил. ф. с. до 522,2 м. ф. с., т. е. на 0,2%. Вывоз сократился гораздо значительно—с 291,2 м. ф. с. до 280,5 м. ф. с., т. е. на 3,7%. Но и то и другое сокращение всецело было обусловлено падением цен. По объему ввоз в Соединенное Королевство продуктов для внутреннего потребления в 1901 г. возрос сравнительно с 1900 г. на 2,45%, а вывоз собственных продуктов возрос на 1,46%.

Обороты Лондонской расчетной палаты в 1901 г. значительно возросли, но это, как сказано, объяснялось совершенно особой внешней причиной—огромными финансовыми операциями английского правительства в связи с бурской войной. Напротив, операции провинциальных расчетных палат значительно сократились, что указывало на упадок внутренней торговли; так, операции Манчестерской расчетной палаты сократились с 248,8 м. ф. в 1900 г. до 236,2 м. ф. в 1901 г., т. е. на 5%.

Диаграмма № 5.

обороты Ливерпульской расчетной палаты сократились с 167,7 м. ф. до 158,9 м. ф.—на 5,2%; Ньюкастельской—с 85,6 м. ф. до 82,8 м. ф.—почти на 6% и т. д.

Общее падение товарных цен выразилось следующим изменением „числа-показателя“, составленного журналом „Экономист“:

1 Июля 1900 г.	2211
1 Января 1901 г.	2126
1 Июля 1901 г.	2007
1 Января 1902 г.	1948

Особенно значительно упали цены каменного угля и металлов, чрезвычайно повысившиеся в период предшествовавшего подъема. Выплавка чугуна сократилась с 8.909 т. тонн в 1900 г. до 7.858 т. тонн в 1901 г.

В связи с этими изменениями произошло и понижение заработной платы. По подсчетам Labour Department, до 1900 г. заработная плата повышалась и в особенности значительно повысилась в 1900 г. у горнорабочих и металлургических рабочих. В 1901 г. произошла резкая перемена в движении заработной платы в тех же отраслях труда. В окончательном итоге в 1901 г. понизилась плата 901.820 рабочих на 1 шил. 9 пенс. на душу в неделю, исключительно в названных отраслях труда. В других же отраслях труда наблюдалось повышение платы и в 1901 г.

В связи с этим падением заработной платы наблюдалось и увеличение промышленных конфликтов: число дней, потерянных в стачках, поднялось с 3.152.694 в 1900 г. до 4.142.287 в 1901 г., причем из 175 тыс. участников забастовок на горное и металлургическое дело приходилось около 110 тыс.

На денежном рынке нельзя было заметить особенно значительных ненормальностей, как это видно из нижеследующих данных относительно дисконтного процента Английского банка.

	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
Число изменений дисконтного %	4	6	6	6
Высший дисконтный %	4	6	6	5
Низший дисконтный %	2 1/2	3	3	3
Средний %	3 ф. 4 ш. 9 п.	3 ф. 13 ш. 6 п.	3 ф. 19 ш. 2 п.	3 ф. 14 ш. 5 п.

Мы замечаем повышение дисконтного процента за трехлетие подъема 1898—1900 г.г., что является нормальным явлением для эпохи промышленного подъема; 1901 г. характеризуется низким дисконтным процентом, что, опять-таки, характерно для депрессии. Но никакого резкого подъема дисконтного процента с 1901 г. не происходит—иными словами, в 1901 г. не наблюдалось никакого острого потрясения кредита—промышленный подъем в Англии закончился без промышленного кризиса.

По выпуску процентных бумаг 1901 г., как и 1900 г., характеризуются необычайно высокими размерами выпусков. Но нужно иметь в виду, что большая часть этих выпусков падает на английские государственные займы, связанные с бурской войной. Напротив, выпуск промышленных бумаг был очень низок.

Депрессия начала этого века началась во второй половине 1900 г. и охватила 1901, 1902, 1903 и большую часть 1904 г., когда обнару-

жился перелом промышленной конъюнктуры и новый промышленный подъем.

Процент безработных членов рабочих союзов правильно возрастал в течение всего этого четырехлетнего периода, как видно из нижеследующих данных:

Процент безработных, регистрируемых департаментом труда.				
1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.
2,9	3,8	4,4	5,1	6,5

В течение всего времени после 1900 г. заработная плата падала, как видно из нижеследующих данных статистики Labour Department:

	Число рабочих, затронутых падением зараб. платы.	Общий итог чистого падения зараб. платы.
1901 г.	910.399	78.658 ф. с.
1902 "	886.341	72.971 " "
1903 "	892.922	38.557 " "
1904 "	795.087	39.117 " "

В конце 1904 г. явственно обнаружилось, что период депрессии закончился и промышленность вступает в свою восходящую фазу. Подъем все возрастал в течение нескольких последующих лет и достиг своего апогея в половине 1907 г. Около этого времени разразился в Америке тяжелый промышленный кризис, повлекший за собой перелом промышленной конъюнктуры и в Европе.

Соединенные Штаты остались почти незатронутыми промышленным застоем начала века. В то время, как в Германии разразился в 1900 году типичный и очень тяжелый промышленный кризис, в Соединенных Штатах ничего похожего на кризис не было, хотя американская промышленность развивалась еще стремительнее, чем в Германии. В 1901 г., когда европейская промышленность во всех руководящих странах уже была в очень угнетенном состоянии, в Америке продолжался промышленный подъем. Впрочем, как справедливо замечает Лескюр, в Соединенных Штатах вообще подъемы продолжаются дольше, чем в Европе, и перелом промышленной волны обычно наступает на два—три года позже, чем в Европе¹⁾. Но что было совсем необычным, это—отсутствие в Америке кризиса и в последующие годы. Правда, второе полугодие 1903 г. отмечено в Соединенных Штатах несомненным застоем и сокращением производства, но крайне слабо выраженным и непродолжительным. Производство чугуна в 1904 г. сократилось в Америке почти на 9%, но число несостоятельств увеличилось очень незначительно, и уже во второй половине 1904 г. промышленный подъем возобновляется и идет все нарастающим темпом до 1907 г. Однако, уже в конце 1906 г. запас свободного капитала в Америке сократился так значительно, что некоторые крупные железнодорожные линии оказались совершенно не в силах поместить на бирже свои займы. Под влиянием этого недостатка свободного капитала, курсы биржевых ценностей с марта 1907 г. начали падать, и на бирже водворилась, вместо прежней повышательной, понижательная тенденция. Недостаток капитала

¹⁾ Жан Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы. Пер. с франц. Н. Сувинова. 1908. Стр. 241.

чувствовался все интенсивнее и интенсивнее, и в августе того же года города Бостон и Нью-Йорк оказались в невозможности поместить на бирже свои новые четырехпроцентные займы, хотя никакого сомнения в финансовой солидности этих займов возникнуть не могло¹⁾.

Уже с лета цены товаров и особенно металлов стали падать. К сентябрю цена железа упала более, чем на 20%. Еще более понизилась цена меди вследствие неудачи обширных спекуляций с этим металлом, имевших международный характер и направленных к монополизации мирового производства меди. В октябре совершенно неожиданно для огромного большинства деловых людей (хотя состояние американского рынка уже в начале 1907 г. доказывало неизбежность кризиса)²⁾ разражается прежде всего в Нью-Йорке паника, вызванная крушением одной крупной фирмы, принимавшей самое деятельное участие в спекуляциях с медью; затем последовала приостановка платежей целого ряда банков как в Нью-Йорке, так и в других американских городах. О размерах паники можно судить по тому, что в конце октября процент за наличные деньги достигает в Нью-Йорке 125 и более; но и по этим чудовищным процентам не находится желающих открывать кредит. Этот необычайно интенсивный спрос на наличные деньги был вызван почти полным исчезновением кредита. Правительство прибегло к экстраординарным мерам для того, чтобы снабдить кредитные учреждения страны средствами для удовлетворения потребности в кредите. Через месяц доверие стало восстанавливаться, и многие банки, приостановившие свои операции в момент паники, опять восстановили свои платежи. Но промышленность Соединенных Штатов жестоко пострадала от этого кризиса, и весь последующий год был отмечен крайним промышленным застоем и массовой безработицей, выразившейся, между прочим, и в том, что сотни тысяч эмигрантов, прибывших в Америку из Европы, должны были, за отсутствием работы, вернуться к себе обратно на родину.

Тяжелый американский кризис, напоминавший по своему острому и разрушительному характеру денежно-промышленные катастрофы прошлого столетия, не замедлил отразиться и в Англии. В Нью-Йорке началом острой паники на денежном рынке можно считать 22 октября, когда Knickerbocker Trust остановил платежи, что вызвало набег на все важнейшие банки Соединенных Штатов для истребования вкладов. Последовавшее сокращение кредита (фактически все банки страны прекратили платежи) вызвало чрезвычайный спрос на золото в Европе. В связи с американским кризисом произошли банкротства крупных фирм и на европейском континенте—особенно в Германии, где рухнул в Гамбурге старинный банкирский дом Haller, Soehle & Co. В ноябре денежный кризис в очень резкой форме выразился в Чили и Португалии.

Уже в начале 1907 г. замечался в Англии ненормально высокий уровень дисконтного процента. Вот данные об изменении дисконтного процента Английского банка за три года промышленного подъема:

¹⁾ Hasenkampf. Die wirtschaftliche Krisis des Jahres 1907 in den Vereinigten Staaten von Amerika. 1908. Стр. 12.

²⁾ Это было отмечено мною весной 1907 г. в моих университетских лекциях. См. мою книгу „Лекции по политической экономии“. 1907. Стр. 346.

	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Число изменений дисконтного процента	1	4	7
Высший дисконтный процент	3	6	7
Низший дисконтный процент	2½	3½	4
Средний дисконтный процент	3 ф. 3 п.	4 ф. 5 ш. 3 п.	4 ф. 18 ш. 6 п.

Начиная с октября Английский банк, в виду американской паники, стал быстро повышать дисконтный процент, но без заметного практического результата. Наконец, 7 ноября дисконтный процент был поднят до 7—такого высокого дисконтного процента Лондон не видал со времени 1873 г. Повышение это было вызвано падением резерва банка, спустившегося к 6 ноября до 17.695 тыс. ф.

Это было моментом наименьшего уровня резерва. Высокий дисконтный процент стал оказывать свое обычное действие, и золото стало возвращаться в кассы банка.

Однако, несмотря на расстройство денежного рынка, Англия не испытала ничего аналогичного американскому кризису. Подтвердилось еще раз, что время острых промышленных кризисов для Англии миновало. За промышленным подъемом последовала промышленная депрессия, но без промежуточной стадии паники и острого кризиса.

В 1908 г. промышленность страдала от сильной депрессии. Сравнительно с 1907 г. ввоз понизился, по своей ценности, на 8,1% (с 645,8 м. ф. до 593,1 м. ф.), а вывоз на 11,4%. При этом вывоз произведений британской промышленности в Соединенные Штаты упал с 30,9 м. ф. до 21,3 м. ф.; вывоз в Германию, также сильно пострадавшую от кризиса, упал с 41,4 до 33,4 м. ф.; в Японию (которая также перенесла тяжелый кризис) с 12,1 м. ф. до 9,9 м. ф.

Усилению депрессии содействовал также и неурожай в Индии, хотя и в незначительной степени. Так, вывоз в Индию хотя и сократился, но сравнительно немного—с 58,1 м. ф. до 55,1 м. ф.

О размерах падения цен можно судить по движению числа-показателя „Экономиста“:

Май 1907 г.	2.601
Декабрь 1907 г.	2.310
Декабрь 1908 г.	2.197

Сократились и обороты Лондонской расчетной палаты с 12.730 м. ф. до 12.120 м. ф., т. е. на 4,8%.

В то время как за 1906—1907 г.г. заработная плата значительно поднялась, в 1908 г. она упала:

	Число рабочих, заработная плата которых изменилась.	Увеличение недельной платы.	Падение недельной платы.
1906 г.	1.095.601	56.728 ф. с.	—
1907	1.239.738	199.605 " "	—
1908	908.627	—	61.897

Это падение заработной платы вызвало чрезвычайно упорные по своей продолжительности стачки, причем общее число дней, потерянных в стачках, возросло с 2.162.151 в 1907 г. до 10.783.000 в 1908 г.

К 1909 г. положение товарного и денежного рынка значительно улучшилось, хотя рабочий рынок все еще оставался в угнетенном

состоянии и безработица была очень велика. В 1910 г. новая повышающаяся промышленная конъюнктура уже дала знать себя вполне явственно. Началась новая эпоха промышленного подъема, в которой капиталистический мир находится и в настоящее время и которая должна была бы завершиться около 1914—16 г.г., если бы нормальный ход промышленного развития не был прерван исключительными политическими событиями. Весьма возможно, что балканская война, потребовавшая усиленных вооружений великих держав, ускорит наступление перелома промышленной конъюнктуры и что кризис произойдет в текущем 1913 г.—напр., осенью этого года. Особенно это вероятно относительно Германии, в которой зима и весна 1913 г. прошли под знаком крайнего стеснения денежного рынка, к чему присоединилось за последнее время и падение цены железа ¹⁾.

¹⁾ Написано в мае 1913 г.

ЧАСТЬ II.

Теория кризисов.

ТЕОРИЯ РЫНКА.

Г Л А В А I.

Круговорот общественного капитала.

Товарная, денежная и производственная формы капитала.—Проблема рынка.

Мы изложили историю английских промышленных кризисов в XIX столетии. При этом мы старались выяснить те хозяйственные условия и причины, которые в каждом отдельном случае приводили английскую промышленность к кризису. Каждый кризис имел свои индивидуальные черты, как и всякое историческое событие, совершающееся в конкретной исторической обстановке, и при объяснении кризисов было сравнительно нетрудно указать те непосредственные причины, свойственные только данному, определенному моменту, которые вызвали кризис. Но, на ряду с индивидуальными особенностями кризисов, бросается в глаза необыкновенное сходство всех их между собой во всех существенных чертах. Состояние товарного рынка, непосредственно предшествующее кризису, изменения в области денежного обращения, сопровождающие развитие кризиса, следующие затем колебания кредита—во всем этом заметно такое сходство, что, при изложении истории каждого кризиса, приходится почти без всяких изменений повторять то же самое, что было сказано раньше про другие кризисы. Это придает истории кризисов большую монотонность, но в то же время именно эта монотонность и служит лучшим доказательством законосообразности исследуемого явления. Очевидно, кризис зависит не только от случайных причин, свойственных определенному историческому моменту, но и от постоянно действующих, общих причин, присущих современному культурно-экономическому строю.

Мы видели, что промышленные кризисы, или эпохи промышленного застоя, повторяются в Англии с поразительной правильностью. Каждое десятилетие имеет свою эпоху оживления и свою эпоху застоя торговли. Если бы колебания современной промышленности имели характер индивидуальных явлений, как большинство исторических событий, например, войны, революции и т. д., то в повторении их не могло бы быть постоянства и правильности, и они должны были бы происходить через такие же неопределенные и непредвидимые заранее промежутки времени, как и другие социальные явления. Но колебания современной промышленности так периодичны, что их неоднократно удавалось предсказывать заранее. Следовательно, в исследуемом явлении типичные черты, общие всем отдельным случаям его наступления, преобладают над индивидуальными чертами. Поэтому наша задача—объяснение современных промышленных кризисов во всем их объеме—отнюдь не может считаться законченной, когда мы объяснили причины каждого отдельного кризиса. Это объяснение составляет только первую и самую легкую

часть нашей работы; нам остается вторая ее часть—установление тех общих причин, коренящихся в современной организации народного хозяйства, которые делают отдельные промышленные кризисы такими сходными явлениями и вызывают повторения эпох торгового застоя с такой правильной периодичностью.

Продукты производятся в капиталистическом хозяйстве не для собственного потребления, а для сбыта. Если продукт не находит себе сбыта, то капиталист не только не получает прибыли, но теряет и свой капитал. Для возможности восстановления последнего требуется безостановочный сбыт продуктов капиталистического производства; если этот сбыт по какой-либо причине приостанавливается на более или менее продолжительное время, то, по необходимости, приостанавливается и капиталистическое производство. Таким образом, процесс капиталистического производства предполагает постоянную смену форм общественного капитала. Эта смена форм общественного капитала образует собой круговорот общественного капитала. Если мы назовем этот круговорот с того момента, когда товары поступают в продажу, то первым актом названного круговорота будет превращение товаров в деньги; товарный капитал превращается в денежный. Затем следует второй акт—превращение денег в предметы, необходимые для возобновления производства: на деньги, вырученные от продажи изготовленных продуктов, капиталист закупает средства производства и рабочую силу. Но так как в ценности товаров, создаваемых в процессе капиталистического производства, содержится и прибавочная ценность, то известная доля их ценности превращается не в средства дальнейшего капиталистического производства, а в предметы потребления капиталистического класса. Эта часть ценности произведенных товаров заканчивает свое обращение обратным превращением в товары, переходящие в потребление капиталистического класса. Напротив, та часть ценности, которая превратилась в средства производства и рабочую силу, продолжает свой круговорот; в процессе производства она превращается в новые товары, причем создается прибавочная ценность, и этим заканчивается круговорот капитала, чтобы опять возобновиться в том же виде.

Весь этот процесс может быть схематически изображен следующим образом ¹⁾:

$$\begin{array}{ccccccc} & & & & C & & \\ T-D & - & \dots & P & \dots & T & \\ & & & & P & & \\ + & + & & & & & + \\ T-D & - & T & & & & T \end{array}$$

¹⁾ Эта схема представляет собой несколько измененную схему Маркса. См. Капитал, т. II, стр. 48. Круговорот капитала можно начать с любой формы капитала—напр., с денежной или производительной. Но, рассматривая круговорот капитала в целом общественного хозяйства, мы должны принять исходным, а, значит, также и конечным пунктом круговорота именно товарную форму по той причине, что общественный процесс производства заканчивается созданием товара, деньги же являются простым орудием обращения товаров. „Форма T—T,—справедливо замечает Маркс,—лежит в основе „Tableau économique“ Кенэ, проявившего огромный и верный такт, выбрав именно эту форму (Капитал, II, стр. 58). Схема, приведенная в тексте, предполагает воспроизводство капитала в одних и тех же размерах. При воспроизводстве же капитала в расширяющихся размерах, накоплении капитала, часть прибавочной ценности капиталиста превращается не в предметы потребления капиталиста, а в средства производства, и, в результате, ценность товарного капитала в конце круговорота оказывается высшей, чем в начале.

T выражает собой ценность той части товаров, которая восстанавливает собой израсходованный в процессе производства капитал, т—ту часть ценности товаров, которая соответствует прибавочной ценности; те же самые части ценности, превращенные в деньги, выражаются буквами D и d. Буквы C и P выражают собой ценность средств производства и рабочей силы. Буква П и ряды точек выражают собой процесс производства.

Верхний ряд букв схематизирует круговорот самого капитала, нижний—круговорот создаваемой в процессе капиталистического производства прибавочной ценности. Верхний ряд букв показывает, как товарный капитал превращается в денежный, затем в средства производства и рабочую силу, после чего следует процесс производства, в результате которого восстанавливается в товарном виде затраченный капитал и создается прибавочная ценность. Нижний ряд букв показывает круговращение прибавочной ценности. Возникши в товарном виде, прибавочная ценность принимает денежную форму и затем опять превращается в товары, потребляемые капиталистами.

Таким образом, в процессе своего круговорота общественный капитал появляется последовательно в трех различных формах—в форме товарного, денежного и производственного капитала. В процессе производства капитал изменяет свою материальную форму, но не меняет своего владельца: тот же самый капиталист, который приобрел в свое распоряжение рабочую силу и средства производства, руководит и процессом превращения средств производства в новые продукты, долженствующие затем перейти в обмен. Но в процессе превращения товарного капитала в денежный и денежного в производственный происходит перемещение капитала из рук одного владельца в руки другого.

Из этих двух актов—продажи и покупки—покупка не представляет, по условиям капиталистического хозяйства, никаких трудностей. Лишь были бы деньги, а купить товары легко.

Иное следует сказать о другом акте круговращения капитала—продаже. Продать в капиталистическом хозяйстве гораздо труднее, чем купить. Совокупность пунктов сбыта данного товара называется его рынком. Характернейшей особенностью капиталистического хозяйства является то, что рынок для каждого товара, как общее правило, заполнен и даже переполнен предложением. Только временно предложение товаров может, при современных условиях хозяйства, отстать от спроса. Напротив, избыток предложения товаров, сравнительно со спросом на них, не только не представляет собой редкого явления современного хозяйственного строя, а является общим правилом. Обычное, нормальное состояние товарного рынка характеризуется в наше время трудностью сбыта товаров вследствие крайнего переполнения рынка товарами.

Отсюда возникает борьба за рынок, составляющая столь выдающуюся особенность хозяйственной жизни нашего времени.

При условиях капиталистического хозяйства трудность заключается не в том, чтобы произвести товар, а в том—чтобы его сбыть, найти для него рынок. Эта вторая задача по своей важности совершенно оттеснила на задний план первую. Известно, как сложна организация сбыта в наше время, какие усилия должен делать каждый предприниматель, чтобы втолкнуть свой товар в густую толпу всевозможных то-

варов, переполняющих рынок. Предложение, как общее правило, всегда идет впереди спроса, обгоняет его, и товаропроизводитель готов пойти на что угодно, лишь бы стимулировать спрос. Современный предприниматель создал сложную сеть торгового посредничества, экономическое значение которой трудно преувеличить. Эта сеть, как паутина, охватила своими петлями весь мир. Всякая крупная фирма располагает многочисленными агентами, оседлыми и странствующими, исключительно занятыми приисканием покупателей или заказчиков для товаров фирмы. Если мы прибавим к сети частнохозяйственных посредников разнообразные общественные предприятия и учреждения, специально существующие для приискания рынков для товаров—консульские агентства за границей, местные, национальные и международные выставки, торговые музеи, всевозможные общества развития торговли, экспорта и т. д. и т. д., то нам будет ясно, какую огромную, подавляющую роль в современном хозяйстве играет организация товарного сбыта—иначе говоря, рынок.

Рынок—это узел, где сплетаются нити современной хозяйственной жизни. Рынок управляет производством, а не производство управляет рынком,—таково непосредственное впечатление, производимое строем капиталистического хозяйства. Капиталистическое хозяйство располагает огромным запасом производительных сил, только часть которых находит себе применение. Всякая капиталистическая страна во всякое время могла бы значительно расширить свое производство, если бы нашли себе применение все ее производительные силы. Что же мешает такому применению, что задерживает рост общественного производства в капиталистическом хозяйстве? Не что иное, как трудность найти сбыт для производимых товаров—иначе говоря, недостаток рынка. Рынок является, таким образом, центральной силой, управляющей всем капиталистическим хозяйством, а недостаток его, постоянно чувствуемый капиталистическим производством, эластичной повязкой, задерживающей развитие последнего.

На какой же почве возникает этот недостаток рынка, эта трудность сбыта товаров, благодаря чему капиталистическое производство всегда напирает на рынок, всегда стремится произвести более, чем допускает рынок? В этом и заключается важная и трудная проблема рынка, разрешение которой долгое время было не под силу экономической науке.

Г Л А В А II.

Теория рынка классической школы.

Сэ.—Невозможность общего перепроизводства. — Полемика с Мальтусом. — Рикардо.— Учение о накоплении капитала.—Д. С. Милль.—Слабые стороны теории Сэ и его школы.

Проблема рынка была впервые ясно поставлена в науке одним из самых слабых теоретиков политической экономии, Ж. Б. Сэ, совершенно лишенным способности теоретического углубления, всегда скользившим лишь по поверхности явлений. Объясняется это тем, что центральная идея теории рынка крайне проста и элементарна, и вся трудность заключается в понимании логических выводов из этой идеи, в объяснении с ее точки зрения конкретных фактов капиталистического развития.

При изложении истории промышленных кризисов нам часто приходилось употреблять слово „перепроизводство“. Непосредственная причина кризисов всегда заключалась в том, что производство оказывалось превосходящим спрос. Но возможно ли общее перепроизводство товаров? Возможно ли такое положение рынка, когда все товары в своей совокупности оказываются произведенными в большем количестве, чем их требуется рынком? Этот вопрос впервые был поставлен Ж. Б. Сэ в начале прошлого столетия, вызвал оживленные споры между Сэ и Рикардо с одной стороны и Мальтусом и Сисмонди—с другой, был обстоятельно разобран Миллем в его первой книжке „Some unsettled Questions of Political Economy“, а затем в его известном курсе политической экономии, и все-таки и в настоящее время остается таким же спорным вопросом, каким был сто лет тому назад.

Так называемая „Теория рынков“ Сэ была впервые намечена им в „Traité d'Economie Politique“, изданном в 1803 г., и затем более полно была развита в „Cours Complet d'Economie Politique Pratique“ (1828 г.). В первом из названных сочинений содержится краткий набросок (в 3 небольшие страницы) этой знаменитой теории, составляющей единственный вклад Сэ в экономическую науку. Напротив того, в „Cours d'Economie Politique Pratique“ теории рынков посвящены сотни страниц и вопрос разработан с той обстоятельностью, на какую Сэ был способен. В последующем изложении мы будем придерживаться последнего сочинения.

Сэ рассказывает, что следующее обстоятельство дало ему повод задуматься над вопросом о значении рынков для производства. Когда он был молодым человеком, ему случилось быть в одной веселой компании. Во время ужина, обильного вином, один из гостей стал разбивать бутылки вина, по мере того, как они опорожнялись, и приговаривал при этом: „нужно поддержать фабрики“. Сэ, вместе с другими, смеялся над такой оригинальной поддержкой отечественной промышленности, но на другой день весь этот эпизод показался ему заслуживающим глубокого размышления. Каким образом для отечественной про-

мышленности может быть полезно уничтожение продуктов? Между тем, в обществе воззрения, совершенно подобные тем, которые так легко проводил в жизни подвыпивший юноша, были долгое время господствующими. Многие и до настоящего времени убеждены, что роскошь богатых классов, разорительные издержки двора, огромные суммы, которые государства тратят на разные непроизводительные цели, напр., на войны, не только полезны для промышленности, но даже необходимы для нее. Если бы богатые люди перестали потреблять бархат, шелк, вина и пр., то что случилось бы с производителями этих продуктов? Кому эти продукты могли бы быть проданы? А между тем продажа предметов роскоши служит для производителей их средством удовлетворения самых насущных потребностей.

Другими словами, вопрос заключается в том, при каких условиях производство может продолжаться и продукты находить себе сбыт? Само собою разумеется, для того, чтобы производители могли продать свой продукт, нужно, прежде всего, чтобы на эти предметы существовал действительный спрос, т. е. чтобы были люди, готовые заплатить достаточную сумму денег для приобретения этих продуктов. Но откуда берутся у покупателя деньги? Он сам их не производит, и следовательно деньги у него являются вследствие того, что он предварительно продает свой продукт другому лицу. Говоря другими словами, чтобы купить какую-нибудь вещь, нужно раньше что-нибудь продать. Несмотря на то, что, благодаря деньгам, процесс этот усложняется, по существу он остается тем же, как и при натуральном обмене: продукты всегда обмениваются на продукты.

Из этого Сэ делает следующее заключение, являющееся краеугольным камнем всей его теории: если какие-либо продукты, способные удовлетворять человеческим потребностям, не находят себе сбыта, то причиной этого является недостаток других продуктов, которые можно было бы променять на данные. „Каждый продукт находит тем более покупателей, чем более растет число всех остальных продуктов“¹⁾. Товары загромождают рынок и падают в цене не потому, что их слишком много, а потому, что общественный труд распределен неравномерно—в то время, как одних товаров производится слишком мало, других производится больше, чем следует. Лучшим средством, чтобы последние товары были проданы, является увеличение производства первых товаров. В Париже и Лондоне промышленники жалуются на конкуренцию, понижающую цены их продуктов. Но в какой стране положение производителя лучше—в стране богатой или бедной? Если бы парижского фабриканта переселить в разоренную, обнищавшую страну, вроде Испании или Польши—мог ли бы он в такой стране сбывать свои продукты, хотя бы у него там и не было конкурентов? Ему пришлось бы приостановить свое производство за невозможностью сбыта, и единственным средством спасения для него было бы поднятие благосостояния покупателей—т. е. увеличение производства других продуктов. Распространенное убеждение, что роскошь и вообще непроизводительное потребление необходимы для поддержания отечественной промышленности, основано на

¹⁾ Jean-Baptiste Say. Cours Complet d'Économie Politique Pratique. Paris. Troisième édition. 1852. Tome I, стр. 339. Один русский автор признает истинным творцом этой теории не Сэ, а Джемса Милля. С этим я не могу согласиться, хотя, конечно, теоретическое понимание у Джемса Милля глубже, чем у Сэ. См. В. Миллер. Теория рынка Сэ-Рикардо. (Вопросы обществоведения, III, 1910).

неправильном понимании, в чем заключаются истинные границы производства. Разумеется, производство имеет своей целью потребление. Но человеческие потребности так обширны и до такой степени могут расширяться, что ничего не может быть неосновательнее опасения, что человечество не будет в состоянии потребить произведенные продукты. „До тех пор, пока в обществе есть неудовлетворенные потребности, нельзя говорить, что продукты производятся в избытке“¹⁾.

Если уменьшится спрос на предметы роскоши, то увеличится спрос на предметы необходимости, ибо те самые деньги, которые раньше расходовались на покупку предметов роскоши, не останутся праздными, но пойдут на приобретение других предметов. Действительно, что может сделать с деньгами человек, желающий уменьшить свое потребление? Он может или хранить их в своей шкатулке, и, в таком случае, потребление только отсрочивается, или же он может поместить их производителью, т. е. затратить их на рабочую плату, машины и пр., в последнем случае спрос на товары не уменьшится, только вместо товаров, служивших для непосредственного потребления, будут спрашиваться товары, служащие для потребления производителью, в результате которого получится увеличение капитала и богатства страны.

„Точно говоря, нельзя произвести продуктов более того, сколько их можно потребить“²⁾. Но при том нужно условиться, что мы разумеем под термином „продукт“. „В строгом смысле нельзя называть хозяйственным продуктом всякую вещь, способную удовлетворить человеческим потребностям. Продукт—это такая вещь, полезность которой окупает расход ее производства. Если для того, чтобы произвести вещь, стоящую 5 фр., нужно потребить, т. е. затратить ценностей, на 6 фр., то я не только не произвожу новой ценности, но уничтожаю ценность одного франка“³⁾. „Только тогда можно говорить о производстве, когда то, что мы произвели, окупает издержки производства... Таким образом, мы видим, что производство может возрастать до некоторого предела, который нельзя точно обозначить и который зависит от местных условий. За этим пределом производство убыточно, потому что продукты становятся слишком дороги и не окупают своих издержек“⁴⁾. В чем же заключаются эти местные условия, которые, по словам Сэ, полагают границу производству, нарушая равновесие между стоимостью производства и ценностью вещи? Сэ сводит их к следующим 4 пунктам:

„1) Или цивилизация слишком отстала для того, чтобы люди испытывали потребности, удовлетворяемые данным продуктом.

2) Или искусство производить стоит на слишком низком уровне развития.

3) Или недостатки общественного управления непомерно возвышают стоимость производства.

4) Или, вследствие избытка населения, общество должно прибегнуть к таким убыточным родам производства, которые не окупают своих расходов“⁴⁾.

¹⁾ Cours d'É. P. P. Vol. II, 210.

²⁾ Ibidem, 209.

³⁾ C. d'É. P. P. Vol. I, 346.

⁴⁾ Ibidem, 347.

Первый пункт Сэ поясняет примером некоторых отсталых провинций Франции, в которых люди еще не так давно обходились без помощи ножей и вилок. В подобных случаях распространение цивилизации создаст новый рынок.

Второй и третий случаи Сэ поясняет примером того, как увеличивается сбыт товаров, когда они дешевеют вследствие тех или других причин.

Четвертый случай Сэ поясняет гипотетическим примером страны, которая вследствие размножения населения истощила все свои ресурсы и принуждена производить предметы потребления (напр., хлеб) на самой худой почве и при самых неблагоприятных условиях. Очевидно, производство хлеба должно когда-нибудь прекратиться.

По всей вероятности, читатель, который не был раньше знаком с сочинениями Сэ, был немало изумлен приведенным изложением знаменитой теории рынков, стяжавшей своему автору такую громкую известность. Трудно представить себе большую путаницу и большую непоследовательность, чем те, которые обнаруживаются в приведенных взглядах Сэ. Эта непоследовательность и путаница объясняются следующими обстоятельствами: теория Сэ, впервые изложенная им в 1803 г., была подвергнута обстоятельной критике Мальтусом в сочинении этого последнего „Principles of Political Economy“ (1820) и послужила поводом к обширной переписке между обоими экономистами. Нечего и говорить, что оба они, на словах по крайней мере, остались при своих прежних взглядах, но Сэ, чтобы защитить свою теорию от критики Мальтуса, должен был сделать к ней некоторые существенные дополнения, и эти дополнения не только не согласовались с его теорией в ее первоначальном виде, но прямо ей противоречили. В такой форме теория рынков была изложена в 1828 г., в самом полном и обработанном сочинении Ж. Б. Сэ „Cours Complet d'Economie Politique Pratique“.

Постараемся теперь отделить ядро этой теории от шелухи, прибавленной к ней самим автором. Вопрос заключается в том, возможно ли общее перепроизводство товаров или нет. Заметим при этом, что под общим перепроизводством товаров не следует понимать такого состояния товарного рынка, когда каждый товар оказывается произведенным в количестве, превышающем спрос. Достаточно, чтобы только один род товаров был произведен в избытке, если при этом капитал, затраченный на производство избыточных товаров, не может быть вложен в какую-нибудь другую отрасль промышленности без того, чтобы не вызвать в ней такого же избытка предложения товаров.

Сэ дает на этот вопрос два различных ответа. Сначала он говорит, что до тех пор, пока в обществе имеются неудовлетворенные потребности, нельзя говорить, что продукты произведены в избытке; а так как до сих пор мы не знаем таких обществ, в которых все потребности удовлетворены, то отсюда следует, что в настоящее время избытка предложения товаров быть не может. В полном согласии с этим, Сэ утверждает, что единственная причина загромождения рынка товарами заключается в неправильном распределении общественного труда, и что лучшим средством для сбыта товаров, не находящихся спроса, является увеличение производства других товаров. Но вслед затем читатель с удивлением узнает, что для производства товаров существует некоторый предел, именно: производство может возрастать только до тех пор, пока цена товара окупает издержки производства: другими словами,

пока на товары существует достаточный спрос. Когда же этот предел перейден производством, тогда производство становится убыточным и должно прекратиться.

Оказывается, что недостаточное развитие известных потребностей, создаваемых цивилизацией, полагает предел производству, и единственным средством расширить производство является развитие этих самых недостающих потребностей. Но если так, то не правы ли все те, кто утверждал, что без роскоши богатых людей промышленность должна прекратиться? Если только признать в принципе необходимость развития известных потребностей в интересах производства, то где указать границу, за которой развитие потребностей перестает быть полезно для промышленности? Свою перемену фронта Сэ старается замаскировать своеобразным толкованием термина „продукт“. По толкованию Сэ выходит, что продуктом называется не всякое произведение человеческого труда, удовлетворяющее человеческим потребностям, как это обыкновенно принимается; по терминологии Сэ, продуктами могут быть названы только такие произведения, цена которых окупает издержки их производства. При таком понимании термина „продукт“, утверждение Сэ о невозможности общего перепроизводства продуктов принимает вид простой тавтологии: произведения, на которые существует достаточный спрос, еще не произведены в количестве, превышающем спрос. С этим положением никто не стал бы спорить, и потому неудивительно, что Рикардо, вполне соглашавшийся с Сэ относительно невозможности общего товарного перепроизводства, признавал аргументацию Сэ очень неудачной и представляющей своего рода капитуляцию перед противником¹⁾.

Однако, отказ Сэ от его теории рынка не помешал тому, что вся школа Рикардо, со своим учителем во главе, твердо отстаивала первоначальное утверждение Сэ, что общественный спрос создается самим предложением, производство само создает себе рынок. Аргументация школы Рикардо покоилась на определенном представлении о процессе накопления капитала. Именно накопление капитала и должно вызывать, по обычному мнению, общее перепроизводство, так как при этом капиталист сберегает часть своих средств и не расходует их на свое личное потребление. Этому мнению еще Смит противопоставил тезис, что „общая масса годовой производительности земли и труда каждой страны, или, что то же, общая сумма их ценности, разбивается на три части — поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов населения“²⁾. Этот тезис Смит повторяет много раз, как нечто совершенно очевидное и бесспорное. Точно так же и Рикардо говорит, почти теми же словами, что „весь продукт почвы и труда каждой страны разделяется на три части: одна из них посвящается на заделывную плату, другая на прибыль и третья на ренту“³⁾.

Изъ этого тезиса непосредственно вытекает, что накопление капитала нисколько не уменьшает потребительного спроса. „То, что ежегодно сберегается, — говорит Смит, — так же правильно потребляется, как и то, что ежегодно расходуется, и даже почти в тот же промежуток времени, только другим классом людей. Та часть годового

¹⁾ Letters of David Ricardo to Thomas Robert Malthus Oxford. 1837, стр. 178—89.

²⁾ Богатство народов. Т. I. Стр. 477.

³⁾ Начала политической экономии. Стр. 221.

дохода, которая ежегодно расходуется человеком, потребляется чаще всего бесполезными людьми и прислужой, которые ничего не создают взамен того, что потребляется ими. Но часть, ежегодно сберегаемая им и поступающая в капитал, чтобы приносить пользу, тоже потребляется почти так же быстро, как и первая, но другим классом людей — работниками, фабрикантами и ремесленниками, которые воспроизводят с прибылью то, что ежегодно потребляется ими¹⁾. Так же представляет себе процесс накопления капитала и Рикардо. „Не следует упускать из виду, — замечает он, — что потребляется все производство страны; но составляет огромнейшую разницу, которую только можно себе представить, потребляется ли оно теми, кто производит, или теми, кто не воспроизводит его ценности. Когда мы говорим, что доход сбережен и присоединен к капиталу, то мы думаем при этом, что часть дохода, о которой говорят, что она присоединена к капиталу, потребляется, вместо непроизводительных, производительными рабочими“²⁾.

По мнению Рикардо и его школы, накопление капитала является не чем иным, как потреблением капитала рабочими, занятыми в процессе производства. С этой точки зрения совершенно понятно, почему накопление капитала, как бы быстро бы оно ни шло, никогда не может вызвать превышения общественного производства сравнительно с общественным потреблением, превышения предложения сравнительно со спросом: при накоплении капитала размеры общественного потребления нисколько не сокращаются, и только потребление одного общественного класса заступает место другого.

Теория рынка Сэ, утверждавшая невозможность общего перепроизводства, получила, таким образом, теоретическое обоснование в учении о капитале, основание которому было положено еще Смитом³⁾.

В системе Рикардо положение об отсутствии каких-либо границ возрастанию производства, кроме недостаточности производительных сил, играло роль краеугольного камня. Все дальнейшие выводы Рикардо

¹⁾ Богатство народов. Т. II. Стр. 111.

²⁾ Начала политической экономии. Стр. 87—88.

³⁾ Цена каждого продукта, — утверждал А. Смит, — разлагается без остатка на ренту, прибыль и заработную плату. Но разве ценность средств производства не входит в ценность продуктов? Нет, — отвечает Смит: „в цене хлеба, напр., одна часть оплачивает ренту поземельного собственника, другая — заработную плату или содержание работника и рабочего скота, а третья часть составляет прибыль фермера. Эти три части непосредственно и окончательно составляют всю цену хлеба. Повидимому, можно было бы думать, что к ним можно присоединить еще четвертую часть, необходимую для возвращения капитала фермера и для вознаграждения за его рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. Но если вникнуть хорошенько в этот предмет, то нетрудно заметить, что цена каждого орудия для земледельца — как, напр., лошади, — сама состоит из этих же трех частей: из дохода с земли, на которой она взрошена, из труда работника, который кормил и присматривал за нею, и из прибыли фермера, который оплатил доход с земли и содержание работника. Поэтому, хотя хлеб должен оплатить также и цену лошади и ее содержание, тем не менее полная цена его всегда может быть разложена, непосредственно или в окончательном результате, на одни и те же составные части — ренту, труд и прибыль“ (Богатство народов, I, стр. 171—172). Это рассуждение представляет собой любопытный образец наивного софизма, и Маркс имел полное основание назвать его „изумительным“. Ведь совершенно с тем же основанием, с каким Смит скидывает со счетов одну составную часть расхода производства — расход на средства производства, — он мог бы скинуть со счетов и любую другую часть, мог бы, напр., утверждать, что только средства производства составляют окончательный расход производства, а заработная плата совсем не является статьей расхода. Можно было бы, напр., сказать, что хотя заработная плата входит в состав цены продукта, но ведь предметы потребления рабочего созданы при помощи средств производства, которые и являются поэтому окончательным элементом цены.

падают сами собою, если только допустить, что расширение производства имеет тенденцию понижать цену товара и уменьшать прибыль. Учение Рикардо о ценности, заработной плате, прибыли и ренте основано на том предположении, что спрос определяет только направление национального труда, но сам по себе не есть фактор образования ценности. Согласно теории Рикардо, ценность товаров, производство которых может неограниченно возрастать, зависит только от количества труда, затраченного на их производство, а изменения спроса могут вызывать только временные колебания товарных цен. Поэтому вполне понятно, что Рикардо совершенно отрицал возможность избыточного производства, избыточных капиталов, не находящих помещения на рынке. Эта мысль развивается во многих главах его знаменитого труда „Principles of Political Economy and Taxation“ (1817 г.), но в особенности в той главе, которая посвящена описанию действия накопления капиталов на прибыль и процент¹⁾. В этой главе он говорит, между прочим, следующее: „Не существует границ для спроса, не существует границ для употребления капитала, пока он приносит какую-либо прибыль... Как бы ни был изобилен капитал, не бывает другой причины для понижения прибыли, кроме повышения задельной платы“²⁾. „Никакое накопление капитала не может непрерывно понижать прибыли, если нет налицо какой-либо постоянной причины для увеличения задельной платы“³⁾. Аргументация Рикардо заключается в повторении того, что уже было сказано Сэ об одинаковости спроса на товары, вызываемого удовлетворением личных потребностей собственников капитала и создаваемого расширением производства. Тем не менее, и Рикардо признает теоретическую возможность такого случая, когда перепроизводство товаров, по крайней мере временно, будет иметь место; именно, „если бы все и каждый отказались от предметов роскоши и стали бы думать только о накоплении, то могло бы быть произведено такое количество предметов необходимости, которое нельзя было бы потребить немедленно... В подобном случае могло бы наступить всеобщее переполнение рынка этими продуктами, и, следовательно, могло бы не быть ни спроса на добавочное количество таких товаров, ни прибыли от употребления более значительного капитала“⁴⁾. Но Рикардо не думает, чтобы такое положение вещей когда-либо наступило в действительности.

Полнее всего учение о невозможности общего перепроизводства товаров было развито Миллем, сначала в „Some unsettled Questions of Political Economy“ и затем в его известном курсе „Principles of Political Economy“. Пятая глава этого курса содержит в себе изложение и доказательство четырех основных теорем относительно капитала. Теоремы эти заключаются в следующем: 1) размер национального производства ограничен размером национального капитала; 2) капитал есть результат

С таким же правом можно было бы утверждать, что предки каждого человека — только мужчины, а не женщины: хотя каждый и имеет мать, но ведь мать существовала лишь потому, что она имела отца, и т. д. Но всего более изумительно то, что нелепость рассуждения Смита вплоть до настоящего времени совершенно не сознается экономистами, которые, как и Смит, продолжают утверждать, что средства производства не являются составной частью общественного продукта, целиком разлагающегося на элементы народного дохода — ренту, прибыль и заработную плату.

¹⁾ См. Сочинения Давида Рикардо, пер. Н. Зиберга. „Начала политической экономии“, гл. XXI.

²⁾ Ibidem, стр. 186.

³⁾ Ibidem, стр. 181.

⁴⁾ Ibidem, 184.

сбережения; 3) сбережение капитала заключается в потреблении капитала, но только не собственниками его, а другими лицами; 4) спрос на товары не есть спрос на труд.

Мы не будем подробно излагать содержание и доказательства этих теорем, так как курс Милля слишком общеизвестен. Заметим только, что по данному вопросу изложение и аргументация Милля до такой степени запутана, что, напр., такой остроумный и проницательный писатель, как Роберт Моффат, совсем не понял смысла последней теоремы Милля о различии спроса на товары и труд¹⁾, а Н. Зибер спрашивал „любого из читателей Милля, составил ли он себе отчетливое понятие о содержании этих отделов?“²⁾.

Такова была аргументация сторонников теории рынка Сэ,—аргументация, сводившаяся к утверждению, что накопление капитала есть умножение доходов рабочего класса. Но с точки зрения этой теории был непонятен целый ряд фактов капиталистического хозяйства—и, прежде всего, обнищание в XIX веке народных масс одновременно с ростом народного богатства. Если накопление капитала равнозначит превращению имущества капиталиста в заработную плату, то чем быстрее идет накопление капитала, тем большая доля общественного богатства должна переходить в распоряжение рабочего класса. Но никто не отрицает, что в XIX веке накопление капитала шло гораздо энергичнее, чем когда-либо раньше. Согласно теории школы Рикардо, это должно было вызвать превращение в заработную плату соответственно более значительной доли национального богатства. Нужно было ожидать, таким образом, чрезвычайного под'ема благосостояния рабочего класса. Однако, первая половина XIX века характеризовалась не под'емом, а падением уровня жизни рабочего класса—и именно в той стране, в которой капитал накапливался всего быстрее, в Англии. Это очевиднейшим образом противоречило учению школы Рикардо.

Не менее непонятна была, с точки зрения этого учения, другая характерная особенность развивающегося капиталистического хозяйства—периодичность промышленных кризисов. В первые десятилетия XIX века, когда промышленные кризисы повторялись без большой правильности, можно было думать, что они объясняются случайными расстройствами товарного обращения, напр., войнами; но когда обнаружилось, что каждое десятилетие Англия переживает тяжелый промышленный кризис, и все способы борьбы с ними оказались безуспешными, тогда потребовалась уже теория кризисов, объяснение их закономерности в современном хозяйственном строе. Теория же рынка классической школы, отрицавшая возможность общего перепроизводства товаров—отличительной черты всякого промышленного кризиса,—не только не могла дать объяснения необходимости и периодичности промышленных кризисов, но даже была склонна отрицать наличность последней. Именно эта бросающаяся в глаза слабость данной теории — ее неспособность объяснить реальные факты капиталистического хозяйства—и повела к тому, что в экономической науке водворилась противоположная теория рынка, господствующая и в настоящее время. Эта последняя теория была развита Мальтусом-Сисмонди и их школой.

¹⁾ См. критику этой теоремы в очень интересной и содержательной книге Robert Moffat—The Economy of Consumption. London. 1878. Гл. II.

²⁾ См. предисловие Н. Зибера к сочинениям Рикардо, стр. XIV.

Г Л А В А III.

Теория рынка Мальтуса-Сисмонди и школы Маркса.

Мальтус.—Его полемика с Сэ.—Чомерс.—Моффат.—Сисмонди.—Возникновение избыточного продукта.—Внешний рынок, как место помещения избыточного продукта.—Взгляды Энгельса на проблему рынка.—Маркс.—Его школа.—Ревизионисты.—Экономисты других направлений.—Теория рынков русских народников.

Взгляды Мальтуса на значение непроизводительного потребления в народном хозяйстве были изложены им в 7-й главе „Principles of Political Economy“ (первое издание в 1820 г.). Эта книга, по мысли Мальтуса, должна была установить законы, которым подчиняется возрастание народного богатства, подобно тому, как в своем знаменитом „Essay on the Principle of Population“ он пытался установить законы размножения народонаселения.

Для размножения народонаселения существует определенная граница, которую оно не может перейти ни в каком случае. Эту границу составляет запас пищи и других предметов потребления, которыми располагает данная страна. Существует ли какая-либо подобная граница возрастанию народного богатства? Может ли национальный капитал накапливаться слишком быстро, или же капитала никогда не может быть слишком много и нация должна заботиться только об его увеличении? Адам Смит (как и большинство его последователей—Сэ, Милль и Рикардо) обращал внимание на одно условие народного богатства—сбережение. Частный человек, когда он хочет увеличить свое богатство, сокращает расходы и капитализирует свои сбережения. По мнению Адама Смита, если вся нация будет поступать так же, как этот человек, то и результаты получатся те же—национальное богатство будет возрастать точно так же, как возрастает богатство частных лиц. Поэтому А. Смит утверждает, что всякие непроизводительные расходы так же вредны для нации, как и для частного лица.

Сэ и Рикардо развили дальше учение А. Смита и стремились доказать, что так как продукты обмениваются всегда на другие продукты, то не может быть общего перепроизводства продуктов. Избыток производства одного рода продуктов всегда предполагает недостаток производства каких-либо других продуктов. Так называемые непроизводительные классы (землевладельцы, представители либеральных профессий и пр.) могут быть очень полезны государству своей деятельностью, но с чисто хозяйственной точки зрения вся сумма их потребления является чистым убытком для страны. Нация не нуждается в потребителях; всякий производитель есть вместе с тем и потребитель, но его потребление имеет ту особенность, что оно постоянно возобновляет тот источник, из которого человек черпает удовлетворение своих потребностей, между тем как потребление ничего не производящего человека представляет собою разрушение хозяйственного блага без всякого эквивалента.

Сэ и Рикардо утверждают, что общее перепроизводство невозможно потому, что продукты всегда обмениваются на продукты. По мнению Мальтуса, это утверждение совершенно неправильно, и он его оспаривает следующим образом:

1) Неверно, чтобы продукты всегда обменивались на продукты. Продукты обмениваются также на труд—идут в уплату рабочим за приобретенное от них право пользования их рабочей силой. Если бы производство всех продуктов увеличилось, а имущие классы не желали бы сократить свое потребление, то, очевидно, пришлось бы производить только предметы потребления рабочих классов. „Так как число рабочих осталось бы неизменным, то предметы потребления их должны были бы упасть в цене относительно труда, а это понизило бы прибыль и, на некоторое время, сделало бы производство убыточным. Но это и называется переполнением рынков, которое, в этом случае, было бы общим, а не частным“¹⁾.

2) Другая ошибка Рикардо и Сэ заключается в том, что они не принимали в расчет склонности человека к лени и бездействию. Они предполагали, что если бы производительные силы страны возрасли, то люди стали бы производить все больше и больше предметов, и их потребление возросло бы соответственным образом. Но в действительности могло бы произойти нечто совсем другое. Производители могли бы предпочитать отдыхать вместо того, чтобы работать, по той причине, что у них не развиты те утонченные потребности, которые являются на известной ступени цивилизации. Страна не могла бы прогрессировать вследствие ограниченности потребностей жителей, и, чтобы побудить ее производить больше, надо было бы развить эти потребности.

3) Третья ошибка Рикардо и Сэ заключается в их предположении, что накопление продуктов всегда обеспечивает их сбыт. „Когда земельные классы расположены потреблять предметы роскоши, произведенные мануфактуристами, а последние—потреблять продукты земледелия, то все идет хорошо. Но если одна сторона, или обе, пожелают сберегать свои средства для увеличения капитала, тогда положение резко изменится. Фермер, вместо того, чтобы покупать ленты, кружева и бархат, стал бы довольствоваться грубой одеждой, и этим самым он лишил бы мануфактура возможности покупать у него столько, сколько прежде; рынок для сельскохозяйственных продуктов, очевидно, должен был сократиться. По той же причине мануфактурист, который пожелал бы отказаться от табака и винограда и сберегать на своих расходах, не мог бы разбогатеть вследствие недостатка спроса на мануфактурные произведения“²⁾.

„Нельзя сомневаться, что только соответственное стремление к потреблению может поддерживать равновесие между спросом и предложением, и также несомненно, что неумеренная страсть к накоплению богатств должна вести к тому, что продукты производятся в количестве, превышающем возможное потребление их при существующей общественной организации и привычках“.

По мнению Мальтуса, законы накопления капитала чрезвычайно напоминают законы размножения народонаселения. Как для размножения необходимо обилие продуктов потребления, так для накопления

капитала необходим обильный спрос, рынок. Аналогия капитала и населения видна в той легкости, с какой разрушенный капитал восстанавливается тогда, когда существует сильный спрос на продукты (напр., во время войны); точно так же легко пополняется убыль населения, когда много пищи. „Капитализировать доход в то время, когда нет достаточного спроса на продукты, так же нелепо, как нелепо поощрять браки и размножение населения, когда не существует спроса на рабочие руки и фонда для прокормления нового населения“¹⁾.

Следовательно, усиленное накопление капиталов неминуемо должно вести к падению цен и потому в конце концов должно приостановиться. Как же может капитал накапливаться? Путем сбережения, но при этом необходимо, чтобы потребление тоже прогрессировало. Все дело заключается в соблюдении должной пропорции между спросом и предложением. „Производство и распределение продуктов суть два элемента богатства, которые, комбинируемые в надлежащих пропорциях, увеличивают до последних пределов национальное богатство и народонаселение страны, между тем как каждый из этих элементов в отдельности, когда пропорция между ними нарушена, приводит к тому скудному населению и богатству, которые мы наблюдаем в настоящее время“²⁾.

По мнению Мальтуса, следующие условия содействуют возрастанию спроса на товары и соблюдению надлежащей пропорции между производством и потреблением:

- 1) разделение земельной собственности;
- 2) развитие внутренней и внешней торговли;
- 3) существование обширного класса непродовольственных потребителей.

Разделение земельной собственности увеличивает спрос вследствие того, что при этом условии народонаселение может быстро возрастать (пример—Северо-Американские Соединенные Штаты). Богатый и многочисленный класс мелких собственников представляет из себя лучший рынок, чем немногие, хотя и колоссально-богатые феодалы, как это было в средние века. Но если разделение земли идет слишком далеко, то оно приводит к вредным результатам: уменьшается спрос на предметы роскоши и комфорта, и страна беднеет от недостатка спроса. Благосостояние страны может возрастать только тогда, когда соблюдена надлежащая пропорция между крупной и мелкой собственностью. В Англии, по словам Мальтуса, эта пропорция соблюдена: очень крупных поместий мало, но они полезны, поощряя промышленников накапливать капиталы, чтобы сравняться в богатстве с крупными землевладельцами, и поддерживая спрос на предметы роскоши. „Если бы предприниматели и капиталисты потребляли весь свой доход, то особый класс непродовольственных потребителей не был бы нужен. Но такое потребление не совместимо с обыкновенными привычками капиталистов: главная цель их жизни—скопить состояние путем сбережений; в этом заключается их обязанность перед семьей, и, кроме того, невозможно с удовольствием прожить доходы, будучи обязанным в течение 7-8 часов проводить время в конторе“³⁾.

¹⁾ Th. Malthus. Principles of Political Economy. London. 1820. Стр. 354.

²⁾ Ibidem, 363.

¹⁾ Ibidem, 375.

²⁾ Ibidem, 426.

³⁾ Ibidem, 465.

„Поэтому для того, чтобы промышленные классы могли получать прибыль и накапливать капиталы, необходимо, чтобы существовал многочисленный класс людей, который имел бы желание и средства потреблять больше того, что они производят. В этом классе землевладельцы занимают первое место“¹⁾.

„Что касается до потребления рабочих, то последние, если бы и хотели, не могли бы потреблять в усиленном количестве... Значительное увеличение потребления рабочего класса подняло бы издержки производства, понизило бы прибыль и уменьшило бы накопление национального богатства раньше, чем земледелие и промышленность достигли процветания. Если бы каждый рабочий стал потреблять вдвое больше хлеба, чем теперь, то от этого не только не выиграло бы национальное богатство, но были бы покинуты без обработки многие земельные участки и сократилась бы внутренняя и внешняя торговля“²⁾.

Итак, учение Мальтуса о необходимости непроизводительного потребления в конце концов сводится к доказательству полезности крупной земельной собственности и роскоши богатой земельной аристократии. Заметим кстати, что спор между Рикардо и Мальтусом о значении непроизводительного потребления имел не только теоретический характер. В сущности, Рикардо и Мальтус явились выразителями двух соперничающих общественных классов. Мальтус, сочинения которого были в высшей степени тенденциозны и всегда преследовали определенную политическую цель, выступил в защиту землевладельческого класса от тех нареканий в бесполезности, которым землевладельцы подвергались со стороны Адама Смита и его учеников. Такое отношение к общественной роли и значению земельной аристократии со стороны Адама Смита вполне гармонировало с революционным характером той эпохи, во время которой Ад. Смит писал. Хотя Ад. Смит во многих местах своей знаменитой книги говорит, что интересы торгово-промышленного сословия противоположны интересам всей нации, тем не менее, вся книга его проникнута воззрением, что торгово-промышленные классы представляют собою главную, если не единственную, силу нации, и что свободная конкуренция, устранение всех препятствий для широкого и неограниченного развития промышленности является в настоящее время первенствующей задачей государства. Самый выдающийся из учеников А. Смита—Рикардо с особенной энергией настаивал на необходимости свободной конкуренции и прекращении искусственной поддержки землевладельческих интересов, каковой являлась покровительственная пошлина на хлеб—настоящий налог на бедных в пользу богатых. Отмена хлебных законов сделалась лозунгом промышленных классов и экономистов фритредерского направления, и весьма понятно, что Мальтус, защитник аристократического строя, явился горячим противником того учения, которое отрицало полезность непроизводительного потребления, а следовательно, и земельной аристократии.

Итак, в чем же заключаются возражения Мальтуса против Сэ и Рикардо? Первое возражение предполагает следующий случай: капиталисты отказываются от потребления предметов роскоши и затрачивают капиталы на производство предметов потребления рабочего класса. Заработная плата возрастает, прибыль падает, товары понижаются

¹⁾ Ibidem, 466.

²⁾ Ibidem, 471—72.

в своей цене относительно труда, „а это и называется переполнением рынков“. Очевидно, Мальтус играет словами: Рикардо не думал отрицать понижения прибыли в случае повышения заработной платы. Он утверждал только, что если заработная плата не повысится, то какое накопление капитала не может понизить прибыль. Переполнением же рынка промышленники и экономисты называют не понижение цены товаров относительно труда (другими словами, повышение реальной заработной платы), а такое состояние рынка, когда предложение товаров превышает спрос, и вследствие этого падает денежная цена товаров.

Второе возражение Мальтуса заключается в следующем: Рикардо не принял в соображение, что производство может перестать возрастать вследствие нежелания производителей (по тем или другим причинам) производить больше. Но этого Рикардо и не думал отрицать. По его теории, производство всегда может быть расширено, если этого желают производители и если имеется достаточно капитала и рабочей силы. Но если производители расширения производства не желают, то, разумеется, оно расширено не будет.

Третье возражение Мальтуса основано на указании невозможности производить те продукты, на которые не существует спроса. С этим опять-таки Рикардо вполне согласен, но Мальтус не указал, что будут делать фермер и мануфактурист со своими сбережениями. Чтобы получить доход с этих сбережений, они должны будут затратить их на расширение производства, а значит, и увеличить спрос на рабочие руки. Предметы потребления рабочего класса, а также сырой материал и орудия труда, будут спрашиваться в большем количестве, и расширением рынка для предметов необходимости предприниматели и фермеры будут вознаграждены за сокращение рынка для предметов роскоши.

Мы видим, что возражение Мальтуса против Сэ—Рикардо основано на недоразумениях и несколько не колеблют учения этих экономистов. Если Сэ был до такой степени убежден доводами Мальтуса, что поспешил ретироваться и очень неискусно замаскировал свое отступление, то это говорит только против самого Сэ, но несколько не колеблет его теории. Напротив, достаточно прочитать письма Рикардо к Мальтусу, в которых вопрос о возможности общего перепроизводства товаров неоднократно подвергался обсуждению, чтобы убедиться в полной победе Рикардо. Рикардо не изменил ни одного своего первоначального положения, между тем как Мальтус видимым образом делает уступки¹⁾.

Томас Чомерс, выдающийся экономист первой половины прошлого века, является таким же горячим противником учения Сэ—Рикардо, как и Мальтус. Его книга „On Political Economy in Connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society“ (1831 г.) направлена, главным образом, против распространившегося в английском обществе взгляда на промышленность и торговлю, как на главную опору могущества и благополучия Англии. Подобно Мальтусу, он отрицает возможность неограниченного расширения производства, если потребление землевладельческого класса не возрастает соответствующим образом. По словам

¹⁾ См. очень интересные Letters of David Ricardo to Th. Malthus, стр. 170, 178, 185 и др.

Чомерса, „те, кто говорят о способности капитала давать занятие и содержание труду, не хотят смотреть вперед. Они обращают внимание только на первый шаг всего процесса—на ту стадию, когда капиталист нанимает рабочих и в течение одного года или какого-либо другого срока исправно платит им. Но они не смотрят на второй шаг—на ту стадию, когда изготовленный продукт продается потребителям. Если эта продажа не может совершиться, то затраченный капитал не может быть восстановлен, и, следовательно, после одного оборота капитал уменьшится в своей величине, и пропорционально уменьшится его способность содержать труд“¹⁾).

Чтобы объяснить весь процесс кругообращения капитала, Чомерс предполагает следующий гипотетический случай: допустим, говорит он, что весь оборотный капитал какой-либо страны в обрабатывающей промышленности достигает 100 м. ф. с., и что, будучи затрачен производительно, этот капитал превращается через год в 110 м. ф. Прибыль капиталистов равняется, следовательно, 10 м. ф. с. В конце года произведено товаров на 110 м. ф. с. и все эти товары на такую же сумму приобретаются потребителями (земледельческими классами). При таком положении дела спрос на все товары равен предложению, и капиталисты и рабочие исправно получают свои доходы.

Но предположим теперь, что землевладельцы пожелают сократить свои расходы на 20 м. ф. и положат эту сумму в банк на проценты. Образовавшийся добавочный капитал в 20 м. ф. перейдет в руки капиталистов, которые воспользуются им для расширения производства. Если раньше на производство затрачивалось 100 м. ф., то теперь будет затрачено 120 м. ф. Между тем товаров может быть потреблено только на 90 м. ф., так как потребительный фонд страны сократился на 20 м. ф. Таким образом, стремление землевладельцев сократить свои расходы поведет к нарушению равновесия между производством и потреблением. Увеличение предложения товаров будет сопровождаться сокращением спроса на них, и в результате получится, что целая $\frac{1}{4}$ всех произведенных товаров, стоимостью в 30 м. ф. с., не найдет для себя сбыта. Капиталисты, прибыль которых раньше равнялась 10 м. ф., теперь получают убыток в 30 м. ф., а национальный капитал страны, достигавший раньше 100 м. ф., теперь опустится до 90 м. ф. „В этом случае нельзя сказать, что производители ошиблись, приготовили не те товары, которые были нужны потребителям. Как бы ни было производство приспособлено к вкусам потребителей, все-таки производители не могут продать на 120 м. ф. с. товара в то время, как потребители располагают покупательными средствами только в размере 90 м. ф. Потребители не нуждаются в каких-либо других товарах, вместо действительно изготовленных. Они, просто, хотели разбогатеть, и разбогатеть не путем накопления каких-либо определенных продуктов, но путем увеличения своей покупательной силы, своей власти располагать всеми товарами“²⁾. Именно непонимание этого последнего обстоятельства и привело, по мнению Чомерса, экономистов школы Рикардо к отрицанию возможности общего перепроизводства товаров.

По всей вероятности, для внимательного читателя не нужно прибавлять, что приведенные расчеты Чомерса основаны на бросающейся

¹⁾ Th. Chalmers. On Political Economy etc. Glasgow. 1832. Second edition. Стр. 82.

²⁾ Th. Chalmers. On Political Economy etc., 164.

в глаза ошибке. Чомерс предполагает, что производители и потребители представляют собою два совершенно различных класса общества, из которых производители только производят, а потребители—только потребляют. Одним этим и можно объяснить утверждение Чомерса, что, несмотря на увеличение капитала, затраченного на производство, на 20 м. ф., потребительный фонд нации сократился на 10 м. ф. Но ведь капиталисты и рабочие, которые произвели эти лишние 20 м. ф. товаров—они должны что-нибудь потреблять для своего существования? Если спрос со стороны землевладельцев сократился, то разве не расширился спрос со стороны всех тех новых рабочих и капиталистов, к которым перешли средства землевладельцев?

Мы видим, что попытку Чомерса доказать при помощи числового примера возможность общего перепроизводства товаров никоим образом нельзя считать удавшейся.

Также мало удалось дать требуемое доказательство и Роберту Моффату. Моффат написал очень интересную книгу „The Economy of Consumption“ (1878 г.). Эта книга содержит в себе блестящую характеристику как современной промышленной системы, так и господствовавшей до последнего времени школы экономистов, видевших в свободной конкуренции панацею от всех социальных зол и несчастий. В книге Моффата посвящено много страниц специально-интересующему нас вопросу, но, к сожалению, аргументация его отличается большой расплывчатостью и неопределенностью. В различных частях книги он говорит вещи, не совсем согласные между собой, и потому трудно с уверенностью сказать, каковы его взгляды по тому или другому вопросу. Возражения Моффата против теории неограниченного накопления капитала заключаются скорее в указании практической невыполнимости такого накопления, чем в доказательстве логической невозможности его. Тем не менее, в одном месте своей книги Моффат старается доказать последнее. Сущность доказательства Моффата заключается в следующем: „Предположим,—говорит Моффат,—что, следуя учению таких экономистов, как Ад. Смит и Милль, многие капиталисты действительно стали бы затрачивать на расширение производства все свои свободные средства. Мы предполагаем, следовательно, что новые помещения капиталов вызваны не потребностями промышленности, а стремлением капиталистов увеличивать свои богатства. Поэтому вновь затраченные капиталы не могут быть поглощены существующим спросом. Указал ли Милль, откуда явится этот спрос? Я думаю—нет. Этот спрос должен явиться или со стороны публики вообще, или со стороны предпринимателей, или со стороны рабочих. У нас нет основания предполагать увеличение спроса со стороны публики. Увеличение спроса не может исходить и от предпринимателей, так как капитализирование их свободных средств уменьшает те средства, которые они могли расходовать на себя лично. Следовательно, увеличение спроса должно исходить от рабочих. Но каким образом? Если есть лишние рабочие, которых можно привлечь к производству, то их заработная плата будет составлять такую же долю добавочного производства, какую долю прежнего производства составляет заработная плата прежних рабочих. Поэтому заработная плата добавочных рабочих не может поглотить всего добавочного производства, но только небольшую долю его; в противном случае не осталось бы прибыли предпринимателям. Если же предприниматели выручат за свои излишне изготовленные товары только то,

что они заплатили рабочим за работу, то они не только лишатся прибыли, но не вернут своих расходов на сырой материал и другие издержки производства. Таким образом, вновь затраченный капитал скоро сам собою израсходуется, и производство вернется к своим прежним размерам¹⁾.

Итак, Моффат утверждает, что если бы капиталисты стали затрачивать, независимо от состояния рынка, все свои доходы на расширение производства, они могли бы найти сбыт только для той части добавочного производства, которая равняется, по ценности, заработной плате. Большая часть товаров, равная по ценности всем остальным издержкам производства и прибыли, по мнению Моффата, не нашла бы для себя сбыта. Но на это можно возразить, что спрос на товары последнего рода был бы создан именно расширением производства: для производства нужны не только рабочие, но и сырой материал, машины и пр. Поэтому расширение производства вызывает добавочный спрос не только на рабочие руки, но и на все остальные предметы, необходимые при производстве. Что же касается до той части добавочного производства, которая соответствует прибыли, то, как мы увидим ниже, для нее также не трудно найти рынок.

Но пока мы не будем останавливаться над разъяснением этого вопроса, а пойдем дальше. Самым замечательным противником учения Сэ-Рикардо о невозможности общего товарного перепроизводства был, без сомнения, знаменитый швейцарский экономист Симонд де-Сисмонди. Свои взгляды по данному вопросу он изложил в двух капитальных работах: „Nouveaux Principes d'Économie Politique“ (первое издание в 1819 г.) и „Études sur l'Économie Politique“ (1837). Первое сочинение представляет собой систематический курс политической экономии, второе—собрание отдельных этюдов, написанных Сисмонди в разное время по поводу различных экономических вопросов и изданных им в значительно измененном и переработанном виде в двух больших томах.

Основная ошибка школы Сэ-Рикардо, по мнению Сисмонди, заключается в том, что она совершенно упустила из виду истинную цель всякой хозяйственной деятельности. По учению этой школы выходит, будто цель народного хозяйства заключается в накоплении богатства. Но ведь богатство само по себе не есть цель, а только средство. Целью же всякой хозяйственной деятельности является увеличение человеческого благополучия, другими словами—потребление продуктов. Если накопление продуктов человеческого труда не увеличивает народного благосостояния, потребления полезных и приятных предметов, то, очевидно, народное хозяйство идет по ложному пути и не достигает своей цели.

„Первый феномен“, говорит Сисмонди, „поражающий нас в революции, которую переживает в наши дни народное хозяйство всего мира—это чрезмерное возрастание производства, несоответствующее потребностям рынка... избыток предложения товаров и бедность, испытываемая всеми теми, кто своим трудом произвел слишком много богатства. Одно констатирование этого феномена, повидимому, заключает в себе противоречие: мы говорим об увеличении производства продуктов человеческого труда; эти продукты составляют, как нам сообщают,

¹⁾ Robert Moffat. The Economy of Consumption. London. 1878. Стр. 73—74.

богатство; каким же образом возрастание богатства может быть причиной бедности?“¹⁾.

Чтобы объяснить этот феномен, нужно выяснить хозяйственный процесс в его наиболее простой форме. Богатство всякого отдельного члена общества измеряется, очевидно, его доходом. Размер дохода полагает максимальную границу потреблению, которой оно не может переступить, не уничтожая фонда потребления на будущее время.

„Наций суть агрегаты индивидов; то, что верно для каждого из последних, верно и для них всех. Потребление нации, по крайней мере такое потребление, которое может идти из года в год, не уменьшая национального богатства, есть не что иное, как совокупное потребление каждого из ее членов, в границах, полагаемых доходом каждого отдельного лица“²⁾.

„Совокупный ежегодный доход нации предназначен для обмена на совокупность ежегодного производства; благодаря этому обмену, каждый обеспечивает себе потребление, восстанавливает затраченный капитал, дает место новому спросу и вызывает его для нового воспроизводства. Если бы ежегодный доход не затрачивался на покупку всего ежегодного производства, часть этого производства осталась бы непроданной, она загромождала бы склады производителей, парализовала бы их капиталы, и производство должно было бы приостановиться“³⁾.

Между тем, современная организация народного хозяйства направлена к тому, чтобы уменьшить общественный доход и сократить общественное потребление. Под давлением свободной конкуренции предприниматели принимают всевозможные меры для удешевления своих товаров и уменьшения стоимости их производства. С этой целью они заменяют ручной труд машинным и оставляют без работы множество рабочих, которые раньше находили себе у них занятие. Заработная плата тех рабочих, которые остаются на фабриках, тоже падает вследствие увеличения предложения труда сравнительно со спросом на рабочие руки. Таким образом, общественный доход значительно сокращается. Далее, машинное производство, как более дешевое, вытесняет менее совершенные способы производства, и все мелкие производители, самостоятельные хозяева и рабочие, подавленные непосильной конкуренцией, разоряются и также лишаются всего своего дохода. Иными словами, уменьшается доход низших классов населения, составляющих главный контингент покупателей. Доход капиталистов и предпринимателей может увеличиться вследствие увеличения капитала в их руках, но, во всяком случае, доход их будет возрастать медленнее роста производства. Если по состоянию ссудного рынка предприниматель раньше мог занять 100.000 фр. и платил за них 6%, то, когда предложение капиталов увеличится вдвое и предприниматель получит возможность занять 200.000 фр., ему придется платить меньший процент по занятому капиталу, скажем 4%. Раньше капиталист, ссудивший капитал, получал 6.000 фр. дохода, теперь же станет получать 8.000 фр.; его доход увеличился на 1/3, между тем как производство расширилось

¹⁾ I. C. L. Simonde de Sismondi. Études sur l'Économie Politique. Bruxelles. 1837. Tome I. Du Revenu Social, стр. 78.

²⁾ Ibidem, 84.

³⁾ I. C. L. Simonde de Sismondi. Nouveaux Principes d'Économie Politique. Paris. 1827. Tome I, стр. 106.

вдвое. Точно так же, предприниматель согласится на понижение своей прибыли для того, чтобы увеличить и ускорить свои обороты. Следовательно, доходы всего класса капиталистов и предпринимателей возрастут медленнее производства.

Итак, свободная конкуренция одновременно уменьшает доходы массы населения и замедляет возрастание доходов высших классов общества.

При таком положении дела вполне понятно, что товары не находят себе покупателей и загромождают рынок. Каким образом может быть приобретено увеличенное количество товаров, если покупательные средства нации (которые слагаются из совокупности индивидуальных доходов) уменьшились? По той же причине в настоящее время все страны с быстро развивающейся промышленностью стремятся захватить внешний рынок, сбыть за границей тот продукт, для которого не находится места дома. Но на внешнем рынке действуют те же самые причины, и потому единственное средство достигнуть правильного сбыта всех производимых продуктов заключается в поднятии благосостояния массы населения, в соблюдении известной пропорции, равновесия, между ростом производства и ростом потребления. „Бедный человек, работник, по необходимости главный потребитель мануфактурных произведений: для того, чтобы он мог покупать, необходимо увеличить его доход... Поэтому низкая заработная плата не только не составляет благополучия для фабрикантов (как часто утверждают), но, напротив, она является обстоятельством, крайне губительным для них, лишаящим их главной массы покупателей“¹⁾.

Теория Сисмонди, при всей своей кажущейся убедительности, в сущности основана на таком же неправильном понимании процесса товарного обращения в капиталистическом хозяйстве, как и все раньше разобранные теории. Заметим, кстати, что в споре с Рикардо Сисмонди значительно отступил от высказанных им раньше взглядов и признал, что, если только капитал может свободно переходить из одной отрасли промышленности в другую, рост производства сам создает для себя рынок²⁾.

Несмотря, однако, на фактический отказ Сисмонди от его теории, последняя и до настоящего времени остается господствующей. На ее почве стоят Маркс и Энгельс.

Теория недостаточности рынков для капиталистической промышленности была вполне ясно изложена и обоснована уже в половине 40-х годов Энгельсом — в одной из его речей в Эльберфельде, напечатанных в „Rheinische Jahrbücher“, а также в его же статье „Die englische Zehnstundenbill“ („Neue Rheinische Revue“, 1850).

В речи в Эльберфельде Энгельс ставит себе задачей доказать, что коммунизм „является для Германии если не исторической, то экономической необходимостью“. Это положение доказывается им следующим образом. Германия должна выбирать между свободой торговли и протекционизмом. Если Германия предпочтет первое, то германская промышленность будет уничтожена английской конкуренцией, и массовая безработица вызовет в Германии социальный переворот. Но если Гер-

¹⁾ Simonde de Sismondi. *Études sur l'Économie Politique*, Tome 2, стр. 222. Изложение теории Сисмонди содержится в 1, 2, 13, 14 эюде названного сочинения и во 2-й и 4-й книгах „Nouveaux Principes etc.“.

²⁾ См. *Études sur l'Économie Politique*, примечание к стр. 55 и след.

мания пойдет другой дорогой и введет высокие покровительственные пошлины, то это должно иметь своим следствием быстрое развитие германской промышленности. Внутренний рынок скоро окажется слишком узким для все возрастающей массы ее продуктов, и Германия быстро окажется в необходимости искать для своей промышленности внешние рынки, что, в свою очередь, должно повести к борьбе не на жизнь, а на смерть между немецкой и английской промышленностью. „Промышленность неизбежно должна прогрессировать, чтобы не оставаться позади и не клониться к упадку, а для этого она должна завоевать новые рынки, постоянно расширяться путем устройства новых предприятий. Но так как, с тех пор, как Китай доступен мировой торговле, нет новых рынков, которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использование старых рынков, благодаря чему рост промышленности в будущем должен быть по необходимости более медленным, то в будущем Англия в еще меньшей мере, чем теперь, будет склонна выносить конкуренцию промышленности другой страны“. Таким образом, борьба между германской и английской промышленностью может иметь только один конец — разорение слабейшего конкурента, а следовательно, и социальный переворот. Но если капитализм рухнет в одной стране, он должен рухнуть и во всех остальных.

Вся эта аргументация кажется Энгельсу совершенно неотразимой. „С такой же достоверностью, — утверждает он, — с какой мы приходим на основании известных математических посылок к определенному математическому выводу, мы должны придти к заключению, на основании существующих экономических отношений и принципов политической экономии, что социальный переворот неизбежен“¹⁾.

Те же взгляды Энгельс развивает и в своей позднейшей статье (1850 г.) в применении к Англии. Вся аргументация его исходит из положения, что „на современной высоте своего развития промышленность несравненно быстрее расширяет свои производительные силы, чем она может расширять свои рынки“, почему „английские промышленники, средства производства которых расширяются несравненно быстрее, чем рынки, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помощи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющие теперь один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигших чрезмерного развития, когда кризисы будут отделены друг от друга короткими периодами вялой, едва оживляющейся промышленной деятельности, когда промышленность, торговля, все современное общество подверглись бы опасности погибнуть от избытка неиспользованных жизненных сил, с одной стороны, и от полного истощения (населения) — с другой, если бы это самое ненормальное положение не заключало в себе своего средства исцеления и если бы промышленное развитие не создавало класса, к которому естественно должно перейти руководство обществом — пролетариата. Социальный переворот тогда неизбежен и победа пролетариата несомненна“²⁾.

Эта же теория недостаточности рынка для продуктов быстро развивающейся капиталистической промышленности составляет и в других сочинениях Маркса и Энгельса теоретическую основу их рассуждений о необходимости крушения капитализма, как, напр., в знаменитом „Ма-

¹⁾ „Gesammelte Schriften von Marx und Engels“. Том II. 1902. Стр. 393—399.

²⁾ „Gesammelte Schriften von Marx und Engels“. Том III. Стр. 389—394.

нифесте" и в полемической книге Энгельса против Дюринга. Авторы „Манифеста“ утверждают, что „общественные отношения буржуазного общества слишком тесны, чтобы вместить все создаваемое ими богатство. Чем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, вынужденным уничтожением массы производительных сил; с другой же стороны, завоеванием новых рынков и более глубоким использованием старых. Итак, чем же?—тем, что она подготавливает более всесторонние и тяжелые кризисы и сокращает средства борьбы с ними. Оружие, которым буржуазия сокрушила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии“¹⁾.

В своей книге о Дюринге Энгельс указывает на потребность в расширении капиталистической промышленности, преодолевающую всякое сопротивление. „Силой же, сопротивляющейся этому расширению, является потребность, потребность в рынках для продуктов крупной промышленности. Способность рынков к расширению, как экстенсивная, так и интенсивная, подчиняется совершенно иным законам, действующим с несравненно меньшей энергией. Расширение рынков не может идти таким же быстрым темпом, как расширение производства. Столкновение того и другого становится неизбежным, и так как столкновение это не допускает никакого разрешения, пока капиталистический способ производства от него не рухнет, то оно принимает периодический характер“²⁾. Ход капиталистической промышленности образует собой суживающуюся спираль, заканчивающуюся хроническим перепроизводством и невозможностью дальнейшего развития капиталистического производства, следовательно, его окончательным крушением.

В третьем томе „Капитала“ Маркс указывает, что непосредственным производством заканчивается лишь первый акт капиталистического хозяйственного процесса. Остается второй и труднейший акт—реализация произведенного продукта. Законы капиталистического производства и реализации не только не тождественны, но даже находятся в противоречии друг с другом. Капиталистическое производство ограничено производительными силами общества, а реализация—„пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Эта последняя определяется, в свою очередь, не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, но потребительной силой на основе антагонистических условий распределения, сводящих потребление широких народных масс к минимуму, колеблющемуся в узких пределах. Далее, эта сила встречает свою преграду в стремлении к накоплению, увеличению капитала... Возникающее, таким образом, внутреннее противоречие стремится к своему разрешению путем расширения внешнего поля производства. Но чем более растут производительные силы, тем в большее противоречие они попадают с узкой основой, на которой покоятся отношения потребления“.

В результате, Маркс приходит к заключению, что „истинной границей капиталистического производства является сам капитал“, а именно то, что „производство есть производство для капитала, а не наоборот, не средства производства суть средства постоянного расширения жизни общества производителей“. Эти границы капиталистического производ-

¹⁾ „Das Manifest“. 5-е изд. 1891. Стр. 14.

²⁾ „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“. Стр. 296.

ства (недостаточность рынков для сбыта продуктов капиталистического производства) находятся в неустранимом противоречии со стремлением капитала к расширению. „Средство—неограниченное развитие общественных производительных сил—непрерывно вступает в конфликт со своей ограниченной целью, восстановления капитала“¹⁾.

Можно следующим образом резюмировать теорию, лежащую в основании всех этих рассуждений. Размер рынка для капиталистического производства определяется размером общественного потребления. Если масса производимых продуктов возрастает быстрее потребления, то часть произведенных продуктов остается без сбыта и часть капитала без помещения. Следует общее перепроизводство товаров. Развитие капиталистического производства должно делать это перепроизводство все более устойчивым, так как общественное потребление расширяется при капиталистическом хозяйстве сравнительно медленно, между тем как производство растет весьма быстро. Таким образом, должен наступить момент, когда общее товарное перепроизводство станет хроническим и капиталистический хозяйственный строй рухнет вследствие невозможности дальнейшей реализации продуктов капиталистической промышленности.

Эти воззрения господствуют среди различных групп марксистов до настоящего времени. Карл Каутский так же непоколебимо убежден, как и его учителя, что капиталистический хозяйственный строй идет верными шагами к хроническому перепроизводству, которое должно покончить с капиталистическим способом производства. „Такое состояние,—говорит Каутский,—неизбежно должно наступить, если только экономическое развитие сохранит свое настоящее направление, так как и внешний, и внутренний рынок имеет свои границы, между тем как расширение производства практически безгранично... Капиталистический способ производства станет невозможным с того исторического момента, когда окончательно определится, что рынок не может расширяться тем же темпом, как производство, т. е., когда перепроизводство станет хроническим“. И этот момент, по мнению Каутского, недалек. Неизлечимое хроническое перепроизводство образует собой „крайнюю границу жизнеспособности современного общества“²⁾.

Точно так же и Кунов верит в неизбежность крушения капитализма вследствие недостаточности рынка. Для него является лишь вопросом, „как долго продержится капиталистический способ производства в отдельных странах и каким образом совершится в них крушение капитализма... То здесь, то там промышленность будет принуждена сокращать свой вывоз, от которого зависит все ее существование... пока, наконец, не наступит состояние, подобное тому, которое уже наблюдается, хотя в гораздо слабой степени, в некоторых отраслях нашего земледелия—хозяйственный упадок, от которого есть одно спасение—уничтожение господствующей системы хозяйства“³⁾.

Впрочем, нет ничего странного в том, что Каутский и Кунов верны заветам своего учителя. Интереснее, что ревизионист Конрад Шмидт так же твердо верит, как и Каутский, в возможность хронического перепроизводства вследствие недостаточной способности капита-

¹⁾ „Das Kapital“. Т. III. Стр. 225—232.

²⁾ Kautsky „Bernstein und das socialdemokratische Programm“. Стр. 142—145.

³⁾ Cunow „Zur Zusammenbruchstheorie“. „Die Neue Zeit“ XVII. Т. I. Стр. 427—428.

листического рынка к расширению. В своей статье по поводу моей немецкой книги о кризисах Шмидт говорит, между прочим, следующее: „Если бы было верно мнение Туган-Барановского, что всякое перепроизводство объясняется только непропорциональным распределением капитала, то было бы непонятно, почему капитализм, как полагают Маркс и марксисты, роет сам себе яму. Если зло кризисов основывается только на отсутствии пропорциональности в распределении производства, то оно вовсе не должно неизбежно возрастать по мере развития капитализма, пока не поколеблет всей основы существующей системы хозяйства. Дело примет, однако, совсем другой вид, если признать, что расширение производства само по себе, совершенно независимо от непропорциональности его, как причины кризисов, встречает свою границу, хотя и эластичную, в потребительном спросе населения. С этой точки зрения можно всего проще и очевиднее показать, что капиталистическое развитие ведет с роковой неизбежностью к общей экономической катастрофе. Ибо разве капиталисты не борются, с одной стороны, с повышением заработной платы, что должно иметь тенденцию сводить к минимуму доход, а следовательно, и потребительный спрос массы населения, а с другой стороны, разве сами капиталисты не увеличивают весьма быстро свой доход, а вместе с тем и накопление капитала, ищущего помещения? Может ли в этом случае рост потребления угнаться за ростом накопления капитала? И если нет... то не должен ли сбыт товаров становиться тем затруднительнее, чем более основа производства—потребительный спрос—остаётся позади накопления капитала и расширения производства? Таким образом, само капиталистическое развитие имеет тенденцию усиливать перепроизводство... Естественный ход развития капиталистического общества есть дорога к его банкротству, необходимому превращению в новый общественный строй“¹⁾.

Правда, такое направление развития капитализма Шмидт признает лишь тенденцией, ограничиваемой другими тенденциями противоположного характера. Но, во всяком случае, ясно, что Шмидт стоит по данному пункту на почве той же теории рынков, как и Каутский. „Ревизионисты“ и „ортодоксы“ в этом пункте совершенно солидарны²⁾.

Но и буржуазные экономисты признают несомненным, что размеры производства определяются размерами потребления и что производство не может возрастать быстрее потребления. При этом школа Рикардо—Сэ не допускает возможности общего перепроизводства товаров, исходя из взгляда, что накопление капитала не может уменьшить общей суммы народного потребления, ибо, по мнению этой школы, при накоплении капитала вся сумма помещаемого капитала переходит в распоряжение рабочих, благодаря чему потребление последних возрастает в такой же мере, в какой уменьшается потребление капиталистов. Напротив, школа Мальтуса-Сисмонди признает возможность общего перепроизводства товаров от чрезмерной быстроты накопления капитала, приводящей к относительному избытку предложения товаров сравнительно со спросом на них. И та, и другая школа считает очевидным, что размеры общественного производства должны находиться в необ-

¹⁾ Konrad Schmidt. „Zur Theorie der Handelskrisen und der Ueberproduction“. Sozialistische Monatshefte. 1901. Стр. 675.

²⁾ Недавно появился толстый том Розы Люксембург: „Die Akkumulation des Kapitals“, в котором развивается совершенно та же точка зрения и критикуется моя теория рынков.

ходимом соответствии с размерами общественного потребления и что капиталистическое производство должно неизбежно опираться на народное потребление.

Среди новейших теоретиков, исследовавших условия накопления капитала, особенно выделяется Бэм-Баверк, учение о капитале которого признается многими истинным шедевром тонкости и глубины анализа. И действительно, Бэм-Баверк занимает, по силе и оригинальности мысли, одно из самых первых мест среди экономистов-теоретиков нашего времени. И вот, этот замечательный теоретик, в результате своего тщательного анализа условий накопления капитала, приходит к выводу, что „общая сумма народного дохода, в конце концов, вполне совпадает с общей суммой народного производства“, и сочувственно цитирует другого выдающегося теоретика нашего времени, Лексиса, по мнению которого ежегодная „сумма потребления“, „сумма производства“ и „основная сумма дохода“ являются, по своим размерам, почти совпадающими величинами¹⁾.

Итак, можно, повидимому, признать, что положение о необходимости соответствия между капиталистическим производством и потребительным спросом является общим догматом веры экономистов, к какому бы лагерю они ни принадлежали. Разумеется, очень многие экономисты не верят в возможность крушения капиталистического строя, но лишь потому, что, по их мнению, капиталистическое развитие вовсе не сопровождается относительно более быстрым ростом производства, чем потребления. Но если допустить последнее, то очень немногие из современных экономистов решились бы оспаривать, что, в таком случае, дальнейшее существование капиталистического хозяйства должно оказаться, в конце концов, экономически невозможным.

Что касается русских экономистов, то огромное большинство их признает целиком и без всяких оговорок теорию Сисмонди. До настоящего времени в этой области господствуют взгляды В. П. Воронцова—даже его противники-марксисты, как, напр., г. Финн-Енотаевский, повторяют без всяких существенных изменений соображения этого основателя русского народничества. Соображения В. П. Воронцова повторяются и А. А. Исаевым, а также в немецкой литературе г-жей Люксембург, которая в данном вопросе является прововерной ученицей русского народничества. Теория В. П. Воронцова заключается в следующем:

Для того, чтобы обращение капитала совершалось без препятствий, необходимо, чтобы ценность продукта труда равнялась сумме ценностей всех продуктов, затраченных при производстве, т.е., чтобы не было того излишка, который называется прибылью. В этом случае обращение капитала заключается лишь в перемене одной конкретной формы, в которой проявляется капитал, в другую; но общая ценность обращающегося капитала не изменяется. „Сумма издержек производства, прежде об'единенная в одном продукте, теперь распалась на слагаемые (материал, содержание рабочего и т. д.); каждое из них играет определенную роль в процессе производства и потому не может быть излишним, не может не найти себе потребителя“. Производство, выбрасывая массу продуктов на рынок, в свою очередь, требует такого же количества их; поэтому, если только производство по каким-нибудь

¹⁾ Böhm-Bawerk. „Positive Theorie des Kapitals“. 2 изд. 1902. Стр. 123.

причинам не прекратится, все произведенные товары найдут себе сбыт¹⁾.

Совсем в другом виде представляется В. В. обращение капитала в том случае, когда производство принимает капиталистический характер и дает прибыль. „Прибыль не находится в органической связи с производством. Производство, как и в первом случае, для своего продолжения нуждается лишь в материале, орудиях труда, средствах содержания рабочих, и потому само потребляет лишь соответственную часть продуктов. Излишек же их, образующий прибыль, не находя себе помещения в постоянном элементе промышленной жизни—в производстве продуктов—должен искать других потребителей, не связанных органически с производством, до известной степени случайных. Он может найти таких потребителей, но может и не найти их в надлежащем количестве, и в таком случае будем иметь избыток снабжения рынка товарами²⁾).

Далее, В. В. доказывает, что капиталисты, если бы и хотели, физически не смогут израсходовать на свои личные потребности всей своей прибыли. Поэтому в стране с развитым капиталистическим хозяйством всегда существует перепроизводство товаров, которые не могут найти себе сбыта на внутреннем рынке. Только внешний рынок может избавит страну от излишних товаров, не потребленных капиталистами, и потому для беспрепятственного развития промышленности под руководством капитала необходимо, чтобы имеющий образоваться излишек продуктов находил себе помещение вне страны, был сбыт за границу³⁾.

Теория, развиваемая В. В., не нова и представляет собой, в значительной степени, повторение того же, что уже давно говорил Сисмонди. Тем не менее она заслуживает полного внимания, как интересная попытка разрешить один из капитальных вопросов экономической теории—явление общего товарного перепроизводства. В. В. пошел дальше Мальтуса и Чомерса—те доказывали, что предложение товаров может превысить спрос, если потребление богатых классов не будет возрастать так же быстро, как возрастает производство, а В. В. утверждает, что капиталистическое производство всегда и во всяком случае обгоняет потребление и приводит к загромождению рынка товарами, не находящими себе сбыта.

В. В., очевидно, смущает то же обстоятельство, которое смущало и Моффата—именно, затруднительность найти место для прибыли в процессе обращения капитала. Действительно, при недостаточном анализе этого процесса, прибыль легко представляется чем-то излишним, не умещающимся в рамки товарного обращения. Когда производство не дает прибыли, тогда все совершенно понятно: произведенный продукт затрачивается целиком на возобновление производства, в результате которого получается опять такое же количество продуктов, и так далее, до окончания века. Но прибыль, излишек производства—куда ее поместить? И вот В. В. помещает этот излишек продуктов за границу.

Теория Сисмонди есть очень стройная логическая конструкция, дающая, что самое главное, вполне правдоподобное объяснение фактам

¹⁾ В. В. Излишек снабжения рынка товарами, стр. 20 („Отечественные Записки“. 1883).

²⁾ Ibidem, 21.

³⁾ Ibidem, стр. 26. В одной из позднейших работ В. В. теория эта получила более полное развитие, но основы ее остались те же.

капиталистического развития. С точки зрения этой теории становится вполне понятной борьба капиталистических стран за внешний рынок, становятся понятными промышленные кризисы, обнищание народа на ряду с ростом национального богатства. Поэтому несколько не удивительно, что теория эта произвела глубокое впечатление на умы и вплоть до настоящего времени остается господствующей.

Вместе с тем, несмотря на различие во многих существенных пунктах, обе изложенные теории рынка (Сэ и Сисмонди) сходятся между собой в том отношении, что в равной мере признают потребительный спрос границей рынка. Рикардо стоит на этом так же твердо, как и Сисмонди, и если Рикардо отвергает возможность более быстрого роста общественного производства, чем растет общественный спрос на товары, то лишь потому, что, с точки зрения Рикардо, общественное потребление всегда растет параллельно спросу и отстать от него никогда не может. Накопление капитала является, ведь, не чем иным, как заменой потребления капиталиста потреблением рабочего: значит, как быстро бы ни шло накопление капитала, сокращения общественного потребления получить не может. Точно так же и Сисмонди видит границу общественного спроса в общественном потреблении, но, в противность Рикардо, полагает, что накопление капитала сопровождается сокращением общественного потребления, так как общественный доход при этом относительно падает, а возможность потребления ограничивается величиной дохода.

И, без сомнения, в этом пункте был прав Сисмонди, а не Рикардо. Школе Рикардо было нечего возразить на доводы Сисмонди, и несколько не удивительно, что в общественном мнении победителем остался Сисмонди, теория которого на долгое время стала господствующей. Опровергнуть эту последнюю теорию можно только одним способом,—доказав, что ее исходный пункт—тезис относительно необходимости связи между размером рынка и размером потребительного спроса—неверен. Но, конечно, нечто подобное было не под силу школе Сэ—Рикардо, как не под силу и господствующей политической экономии, так как вся она стояла и стоит на этом самом тезисе.

И, однако, этот тезис не только не составляет собой очевидной истины, а является несомненным заблуждением, чрезвычайно укоренившимся и имеющим всю видимость истины. Тезис этот вытекает из неправильного представления относительно процесса накопления капитала. Накопление капитала вовсе не является заменой потребления капиталиста потреблением рабочего—по той простой причине, что накапливающийся капитал превращается не только в заработную плату, но и в средства производства, которые не составляют элемента потребления какого бы то ни было класса населения.

ГЛАВА IV.

Разрешение проблемы рынка.

Постановка проблемы в экономической таблице Кенэ.—Схемы Маркса.—Воспроизведение общественного капитала в одних и тех же размерах.—Воспроизведение общественного капитала в возрастающих размерах.—Фетишизм капиталистического хозяйства.—Парадоксы капитализма.—Эластическая повязка капитализма.—Фактическое обоснование теории рынка.

Чтобы удовлетворительно разрешить трудную проблему рынка, необходимо, прежде всего, дать научный анализ процесса накопления капитала и притом не единичного частного капитала, а всего общественного капитала в целом. Если проблема рынка оказалась не под силу экономистам, то лишь потому, что они никогда и не пытались охватить в одной картине все общественное хозяйство в совокупности.

Такую задачу поставил себе на самой заре истории экономической науки Кенэ. Его знаменитая „Экономическая таблица“ именно потому и произвела такое огромное впечатление на современников, что Кенэ посмотрел на общественное хозяйство, как на нечто целое, в пределах которого совершаются перемещения товаров и восстанавливаются части общественного продукта, уничтоженные в процессе потребления и производства. После Кенэ никто из экономистов в течение более столетия не делал ни малейшей попытки пойти по его пути и применить к исследованию народно-хозяйственных явлений его метод. Именно этим и объясняется неудовлетворительное состояние экономической теории во всех отделах, соприкасавшихся с явлениями, захватывающими целое народное хозяйство, как, напр., учение о распределении, накоплении общественного капитала и реализации продуктов общественного производства. И только Маркс опять поднял нить, оборванную после Кенэ, и дал во втором томе своего „Капитала“ схемы капиталистического производства в целом общественного хозяйства. Только на основе этого метода Кенэ и Маркса—метода рассмотрения целого общественного хозяйства—возможен научный анализ процесса накопления капитала и установление законов реализации общественного продукта.

Но анализ Маркса остался незаконченным и неиспользованным им самим для каких-либо общих выводов. Его знаменитые схемы остались без своего логического завершения, как бы совершенно инородным телом в стройной системе марксизма. А так как логические выводы, вытекающие из них и совершенно не указанные Марксом, находятся в несомненном противоречии с собственными воззрениями Маркса, которых он держался раньше, до построения этих схем ¹⁾, то нисколько не уди-

¹⁾ Теория рынка, положенная в основу III тома „Капитала“, находится в полном противоречии со схемами воспроизводства общественного капитала, данными во II томе. Но нужно иметь в виду, что третий том, как указывает Энгельс, был написан значительно раньше II тома, представляющего собой последнюю работу Маркса, его самый зрелый труд (об этом см. предисловие Энгельса ко II тому „Капитала“).

вительно, что школа Маркса оказалась не в силах продолжить дело своего учителя, и проблема рынка осталась неразрешенной.

Капиталистическое производство предполагает превращение денежного капитала в средства производства и затем обратное превращение капитала в деньги. Но при абстрактном анализе общественного воспроизводства капитала можно игнорировать пертурбации круговорота капитала, вызываемые трудностями превращения товара в деньги. Общественное воспроизводство капитала состоит в воспроизведении различных элементов капитала и замещении путем обмена одних из них другими. В результате этого воспроизведения и обменов получается реализация как прибыли капиталиста (точнее говоря, всех доходов, не основанных на труде—ренты, по терминологии Родбертуса), так и составных частей самого капитала.

Нижеследующая схема изображает воспроизводство общественного капитала в одних и тех же размерах.

С х е м а № 1.

I отдел

производство средств производства

$$720c + 360p + 360p = 1440.$$

II отдел

производство предметов потребления рабочих

$$360c + 180p + 180p = 720.$$

III отдел

производство предметов потребления капиталистов

$$360c + 180p + 180p = 720.$$

Эта схема иллюстрирует, каким образом распределяется капиталистическое производство в целом общественного хозяйства в том случае, когда потребляется весь прибавочный продукт. Первый член каждого трехчлена выражает собою в каких-либо единицах ценности (миллионах рублей, марок, франков и т. д.) ценность средств производства, занятых в данном производстве; второй—ценность рабочей силы (заработную плату); третий—ценность прибавочного продукта (которая в данном случае отождествляется с прибылью капиталистов). Отношение средств производства к заработной плате и прибыли принято во всех трехчленах одним и тем же. Первый отдел выражает собой производство средств производства, второй—производство предметов потребления рабочих и третий—производство предметов потребления капиталистов (точнее, всех классов, потребляющих прибавочный продукт). Абсолютные числа взяты произвольно. Различие основного и оборотного капитала, для простоты, игнорировано в схеме: в то время, как в действительности только часть средств производства уничтожается в течение года и требует замещения, в схеме предполагается, что средства производства за год уничтожаются целиком и целиком замещаются,—

иными словами, что основной капитал обращается так же, как оборотный.

В третьем отделе производства, согласно схеме, изготавливаются предметы потребления капиталистов. Каким образом могут быть реализованы на рынке товары этого рода (ценностью в 720)? Схема дает на это ясный ответ. Четверть этих товаров будет потреблена капиталистами этого же отдела (180); такая же часть требуется капиталистами второго отдела (прибыль которых равна также 180); остальная часть будет приобретена капиталистами I отдела (их прибыль—360). В обмен на отчуждаемые продукты, рабочие III отдела получают на 180 предметов своего потребления—продуктов II отдела, а капиталисты III отдела на 360 средств производства—продуктов I отдела. Таким образом, совершится реализация всех товаров III отдела.

Товары II отдела (предметы потребления рабочих, ценностью также в 720) будут реализованы следующим образом: четверть этих товаров (180) будет потреблена в пределах этого же отдела рабочими, занятыми в нем; другая четверть (180)—рабочими III отдела; и половина (360)—рабочими I отдела. В обмен на это капиталисты II отдела получают из III отдела на 180 предметов своего потребления и из I отдела на 360 средств производства.

Из товаров I отдела (средства производства ценностью в 1440) половина (720) потребляется в этом же отделе; четверть (360) требуется производством II отдела и четверть (360) производством III отдела. В обмен на это капиталисты I отдела получают из III отдела на 360 предметов своего потребления, а рабочие—из II отдела на такую же сумму предметов, удовлетворяющих их потребностям.

Спрос на все товары равен предложению. Ценность изготовленных средств производства—1440—равна ценности средств производства, требуемых общественным производством (720 + 360 + 360). Ценность предметов потребления рабочего—720—равна сумме заработной платы (360 + 180 + 180), а ценность предметов потребления капиталистов,—также 720—равна прибыли (360 + 180 + 180). Товары каждого отдела частью потребляются и обмениваются в пределах этого же отдела, частью же вступают в обмен с товарами двух других отделов.

В этой схеме нужно обратить внимание на то, что средства производства изготавливаются и обращаются на рынке рядом и одновременно с предметами потребления рабочих и капиталистов. Это кажется вполне очевидным; однако, именно это и не понималось как школой Смита-Рикардо, так и школой Сисмонди, для которых весь общественный продукт распадался на элементы общественного дохода. Между тем, в приведенной схеме общественный продукт равен по своей ценности 2880, а общественный доход только 1440—половине ценности общественного продукта. Общественный продукт вдвое превосходит сумму всего общественного дохода и, тем не менее, закупается на рынке без остатка; никакого превышения общественного предложения сравнительно с общественным спросом не возникает.

Но для такого равновесия спроса и предложения требуется, чтобы общественное производство было распределено пропорционально, в соответствии со спросом. При непропорциональном же распределении производства некоторые продукты окажутся произведенными в избытке а спрос на другие будет превышать предложение.

В рассмотренной схеме накопления капитала не происходит,—весь прибавочный продукт потребляется капиталистами.

Рассмотренный нами случай простого воспроизведения капитала очень прост и не возбуждает никаких сомнений: если весь прибавочный продукт потребляется, то легко понять, что при пропорциональном распределении производства спрос на все товары должен быть равным предложению. Но что будет, если капиталисты перестанут потреблять часть своей прибыли, если они будут принуждены условиями конкуренции ее капитализировать? Не превысит ли в этом случае предложение товаров спрос?

Мы не можем принять, что долю прибыли, оставшуюся непотребленной, капиталисты сохраняют в виде сокровища—денежной суммы, запертой в шкапулке. Мы исходим из предположения, что капиталисты стремятся капитализировать непотребляемую ими самими часть прибыли и получить с нее новый доход. Наша задача будет заключаться в выяснении того, каким образом это стремление может быть осуществлено.

Нижеприводимая схема изображает собой накопление капитала при предположении, что половина прибавочного продукта постоянно капитализируется. Рассмотрим же эту схему.

Схема № 2.

Воспроизведение общественного капитала в расширяющихся размерах (накопление капитала).

1-й год.

I отдел

производство средств производства
840с + 420р + 420п = 1680.

II отдел

производство предметов потребления рабочих
420с + 210р + 210п = 840.

III отдел

производство предметов потребления капиталистов
180с + 90р + 90п = 360.

2-й год.

I отдел

производство средств производства
980с + 490р + 490п = 1960.

II отдел

производство предметов потребления рабочих
490с + 245р + 245п = 980

III отдел

производство предметов потребления капиталистов
 $210c + 105p + 105n = 420.$

3-й год.

I отдел

производство средств производства
 $1143\frac{1}{3}c + 571\frac{2}{3}p + 571\frac{2}{3}n = 2286\frac{2}{3}.$

II отдел

производство предметов потребления рабочих
 $571\frac{2}{3}c + 285\frac{1}{3}p + 285\frac{1}{3}n = 1143\frac{1}{3}.$

III отдел

производство предметов потребления капиталистов
 $245c + 122\frac{1}{2}p + 122\frac{1}{2}n = 490.$

Первая схема изображала собой воспроизведение капитала в том случае, когда потребляется весь прибавочный продукт. Допустим теперь, что условия конкуренции принуждают капиталистов затрачивать на свое личное потребление только половину своей прибыли, а остальную часть ее капитализировать. Если сберегаемая часть прибыли будет лежать праздно, она никакого барыша не принесет. Чтобы получить выгоду от своих „сбережений“, капиталист должен их тоже затратить, но только не на свое личное потребление, а производительно—на расширение производства. Но если бы производство возросло равномерно во всех отраслях промышленности, то капиталисты не могли бы реализовать свою прибыль и превратить ее в капитал, так как значительная часть произведенных товаров была бы никому не нужна, а именно—половина предметов собственного потребления капиталистов. Эти товары остались бы частью непроданными, так как спрос на них, согласно нашему предположению, сократился вдвое. В то же время товаров, на которые явился бы усиленный спрос (средства производства и предметы потребления рабочих), было бы недостаточно на рынке. Поэтому капиталисты могут капитализировать прибыль только одним путем: изменением распределения национального производства. Изменение распределения национального производства—дело далеко не легкое, на нас в настоящее время интересует не самый процесс этого изменения, а его результаты. Схема № 2 представляет такое распределение национального производства, при котором стремление капиталистов капитализировать половину своей прибыли оказывается вполне осуществимым.

В этой схеме общая ценность всего национального продукта в течение 1-го года принята такая же, как и в схеме № 1 (2880); ценность затрачиваемого на производство капитала—средств производства и предметов потребления рабочих—точно так же не изменилась. Все это продукты прошлого производства, количество которых должно считаться данным. Точно так же, отношение средств производства к

заработной плате и прибыли в схеме № 2 принято таким же, как и в схеме № 1.

Единственное отличие схемы № 2 (год 1-й) от предшествовавшей схемы заключается в ином распределении производства. В схеме № 1 производство было распределено таким образом, что капитал не нарастал и прибыль шла целиком на личное потребление капиталистов. В схеме № 2 накопление капитала требуется самим распределением производства.

Общая сумма прибыли за первый год в схеме № 2 остается такой же, как и в схеме № 1, а именно $420 + 210 + 90 = 720$. Но предметов потребления капиталистов изготовлено только 360—сравнительно со схемой № 1 вдвое меньше. Зато других продуктов произведено больше, причем средств производства произведено больше на 240 единиц ценности и предметов потребления рабочих больше на 120 единиц. Задача заключается в том, чтобы объяснить, каким образом может быть производительно употреблен этот добавочный капитал, несмотря на сокращение вдвое спроса на предметы потребления капиталистов.

Этот добавочный капитал будет употреблен на расширение производства второго года. Спрос на средства производства во втором году превышает на 240 таковой же спрос первого года (в первом году занято было 1440 средств производства, а во втором году $980 + 490 + 210 = 1680$); спрос на предметы потребления рабочих во втором году на 120 больше, чем в первом (рабочая плата первого года: $420 + 210 + 90 = 720$; рабочая плата второго года: $490 + 245 \times 105 = 840$). Таким образом избыточные средства производства и избыточные предметы потребления рабочих, изготовленные в первом году, будут поглощены производством второго года. Реализация продуктов, изготовленных в течение первого года, будет произведена следующим образом. Предметов потребления капиталистов (отдел III) изготовлено 360. Согласно нашему предположению, капиталисты потребляют только половину своей прибыли. Так как прибыль капиталистов I отдела за первый год = 420, то, следовательно, их спрос на предметы потребления II отдела будет равен 105, а III отдела—45. Общая сумма спроса равна 360, т.е. вполне покрывает предложение этих продуктов. Предметов потребления рабочих изготовлено в первом году 840. Для расширенного производства 2-го года требуется товаров этого рода: для первого отдела—490, для второго—245 и для третьего—105, т.е. опять столько же, сколько изготовлено. Точно так же спрос на средства производства для производства второго года (980—производство первого отдела, 490—второго и 210—третьего) равен ценности средств производства, изготовленных в первом году (1680). Таким образом, все продукты 1-го года нашли себе сбыт в течение второго года.

Но для чего служит расширенное производство второго года? Какое право мы имели принимать, что спрос на средства производства и предметы потребления рабочих во втором году больше, чем в первом? Мы исходили, по-прежнему, из предположения, что капиталисты половину своей прибыли (во втором году, как и в первом) не потребляют лично, а превращают ее в капитал. Распределение производства во втором году таково, что половина прибыли продолжает накапливаться. Спрос на продукты второго года создается расширенным производством 3-го года.

В конце 2-го года произведено на 1960 средств производства, на 980 предметов потребления рабочих и на 420—предметов потребления капиталистов. Рассмотрим же, каким образом могут быть реализованы эти продукты.

Общая прибыль за второй год равна 840 (490 + 245 + 105). Согласно нашему предположению, капиталисты половину этой прибыли затрачивают на свое потребление. Таким образом рынок для 420 предметов потребления капиталистов, произведенных в течение 2-го года, найден. Средства производства расширенного производства 3-го года (1143 $\frac{1}{3}$ + 571 $\frac{2}{3}$ + 245) равны 1960—ценности средств производства, изготовленных во 2-м году; рабочая плата 3-го года (571 $\frac{2}{3}$ + 285 $\frac{5}{6}$ + 122 $\frac{1}{2}$) равна 980—предметам потребления рабочих, произведенным во 2-м году. Таким образом все продукты второго года реализуются в третьем году—рынок для них создается расширенным производством третьего года.

Нет необходимости продолжать анализ распределения производства в 4-м, 5-м и следующих годах. Приведенные схемы должны были с очевидностью доказать мысль, которая сама по себе очень проста, но легко вызывает возражения при недостаточном понимании процесса воспроизведения общественного капитала, а именно, что капиталистическое производство само для себя создает рынок. Если только можно расширить производство, если хватит для этого производительных сил, то при пропорциональном распределении общественного производства, можно соответственно расширить и спрос, ибо, при этом условии, каждый вновь произведенный товар есть вновь появившаяся покупательная сила для приобретения других товаров¹⁾.

Уже первая схема показала всю несостоятельность обычного представления, что общественный продукт разлагается без остатка на элементы народного дохода. Вторая схема делает ясной ошибочность всего учения классической школы о процессе накопления капитала. Накопление капитала вовсе не равносильно замещению одного вида общественного потребления другим. Накопляющийся капитал превращается, правда, в заработную плату, но также и в средства производства. Только часть капитала, соответствующая заработной плате, превращается, таким образом, в элементы общественного потребления, а другая часть совсем изымается из общественного потребления и представляет собой такую долю общественного расхода, которая не становится ничьим доходом.

Всякое ускорение темпа накопления капитала при одном размере производства равносильно абсолютному сокращению общественного потребления. Когда капиталист затрачивает свое имущество для своих личных целей, оно превращается целиком в предметы общественного потребления; когда же имущество капитализируется, то только часть его превращается в предметы общественного потребления, а другая часть совсем изымается из фонда общественного потребле-

¹⁾ Приведенные схемы являются арифметической иллюстрацией пропорционального общественного производства и распределения. Утверждаемые мною тезисы можно было бы математически доказать в общей форме, но изложение приняло бы в этом случае столь абстрактный характер, что следить за ним было бы не легко для обычного читателя, не привыкшего к абстрактным формулам алгебры. Работа эта исполнена Н. Бернштейн-не привикшего к абстрактным формулам алгебры. Работа эта исполнена Н. Бернштейном, к весьма содержательной статье которого я и отсылаю читателя. См. Вопросы Общественного производства, III, 1910. Н. Бернштейн. Теория рынка Маркса и М. И. Туган-Барановского.

ния и переходит в фонд общественного производства. Спрос на средства производства замещает в этом случае спрос на предметы потребления.

Это обнаруживается в приведенных схемах. В первой схеме капитал совершенно на накапливается; спрос на все товары выражается при этом 2880 единицами ценности, а спрос на предметы потребления—1440 единицами. Во второй схеме половина дохода капиталистов капитализируется; благодаря этому, в течение первого года изготовлено предметов потребления значительно меньше—только на 1200 (840—предметов потребления рабочих+360—предметов потребления рабочих); в течение второго года изготовлено предметов потребления на 1400 (980+420), между тем как общая сумма изготовленных продуктов достигает в этом году 3360 ед. Все продукты второго года, как предметы потребления, так и средства производства, поглощаются, как видно из схемы, потреблением и производством третьего года. Таким образом, сравнивая первую и вторую схемы, мы наблюдаем расширение общественного производства при одновременном сокращении общественного потребления без всякого нарушения равновесия между общественным предложением и общественным спросом¹⁾.

В приведенной схеме накопления капитала спрос на рабочие руки предполагается растущим параллельно росту общественного производства. На самом же деле, по мере прогресса техники, рабочий все более и более замещается в процессе производства средствами производства—машиной. В данной затрате капитала затрата на заработную плату составляет все меньшую часть, а затрата на средства производства—все большую. Рабочий отстает на задний план сравнительно с машиной—и, соответственно этому, отстает на задний план рынок, создаваемый потреблением рабочего, сравнительно с рынком, создаваемым производительным потреблением средств производства. Рынок от этого нисколько не сокращается, и только характер общественного спроса изменяется,—спрос на предметы потребления замещается спросом на средства производства.

Заработная плата есть один из видов общественного дохода, между тем как машина никакого дохода не получает. Поэтому замещение рабочего машиной равносильно относительному сокращению общественного дохода; чем большую долю капитала представляют средства производства, тем меньшая доля капитала превращается в элементы общественного дохода. Сумма общественного производства и, следовательно, общественного богатства при этом растет, а сумма общественного дохода, относительно (а при известной быстроте процесса замещения рабочего машиной—и абсолютно), падает. Но никакого избыточного продукта при этом не возникает, так как спрос на средства производства вполне замещает в этом случае спрос на предметы потребления; ведь машина требует для своей работы известных хозяйственных затрат, как и рабочий. Если, напр., в производстве известного продукта машина заменила рабочего, то общественный спрос на предметы потребления рабочего класса соответственно сокращается, но зато соответственно возрастает спрос на самые машины и все необходимое

¹⁾ Во второй схеме доля предметов потребления в общественном продукте остается из года в год неизменной, благодаря тому, что темп накопления капитала принимается неизменным. Всякое ускорение этого темпа привело бы к сокращению доли предметов потребления.

для того, чтобы машина могла работать—топливо, смазочные масла и т. п. В общем итоге рынок для товаров несколько не сокращается, и только изменяется род товаров, спрашиваемых рынком. Таким образом, становится возможным увеличение общественного богатства (выражающегося в количестве продуктов, которым располагает общество) при одновременном падении общественного дохода.

Как ни парадоксально звучат эти выводы, к ним естественно приводит анализ круговорота капитала в целом капиталистического хозяйства. И только потому, что экономисты никогда не пользуются методом рассмотрения целого капиталистического хозяйства, в науке мог утвердиться взгляд, что размер рынка в капиталистическом хозяйстве определяется размером общественного потребления.

Однако, именно от этого тезиса отправлялась как школа Смита-Рикардо, так и школа Сисмонди во всех своих рассуждениях относительно проблемы рынка. И потому ни той, ни другой школе не удалось разрешить этой проблемы.

Из схематического рассмотрения капиталистического хозяйства в его общественном целом неизбежно вытекает вывод, что размер рынка в капиталистическом хозяйстве отнюдь не определяется размером общественного потребления. Общественный продукт состоит не только из предметов потребления, но и из средств производства. Если машина замещает рабочего, то общественный спрос на предметы потребления, конечно, сокращается; но зато возрастает спрос на средства производства. Точно так же, при превращении дохода капиталиста из фонда его личного потребления в капитал, спрос на предметы потребления сокращается; но зато возрастает спрос на средства производства. В общем, при пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительного спроса не в силах вызвать превышения общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние.

Но разве потребление не представляет собой естественной цели производства? Разве производить не значит изготовлять предметы человеческого потребления? На это нужно ответить, что хозяйственные системы бывают различных типов, и что цели общественного производства в антагонистических хозяйственных системах (рабское, феодальное, капиталистическое хозяйство) иные, чем в хозяйствах гармонического типа (первобытное полукоммунистическое хозяйство, городское средневековье, социализм).

Совершенно очевидно, что при гармоническом хозяйстве хозяйственная деятельность не может иметь иной цели, кроме удовлетворения потребностей общества. Иное следует сказать об антагонистическом хозяйстве. В хозяйственном процессе принимают участие в этом случае лица двух категорий, хозяйственная роль которых весьма различна. Лица первой категории суть субъекты хозяйственного предприятия и определяют объективное направление хозяйственного процесса. Лица эти—рабовладельцы, помещики, капиталисты—находятся, очевидно, в таком же положении, как все члены общества в хозяйствах гармонического типа. Но в антагонистическом хозяйстве участвуют своим трудом и рабочие, функционирующие в роли простых средств производства. Они входят в состав хозяйственного механизма, служащего не их целям, но

целям других людей. Коротко говоря, рабочие не субъект, но объект антагонистического хозяйства, на ряду с рабочим скотом, орудиями труда и сырым материалом.

Очевидно, что это верно относительно, напр., рабов. Если раб сам для себя и остается целью, то это не оказывает никакого влияния на объективное направление рабовладельческого хозяйства, так как не раб, а рабовладелец определяет это направление. Для рабовладельца—а следовательно и, объективно, для рабовладельческого хозяйства—потребление рабов ничем не отличается, по своему хозяйственному характеру, от так называемого производительного потребления—от расходования средств производства в процессе производства. Рабовладельческое хозяйство лишь постольку нуждается в том, чтобы рабы ели, пили и пр., поскольку это необходимо для выполнения рабами возложенных на них работ.

Рабовладелец принужден кормить своих рабов, и благоразумный рабовладелец будет их хорошо кормить, но лишь потому, что хорошее питание увеличивает работоспособность человека, как и лошади или вола.

Раба можно заменить другими средствами производства, без всякого ущерба для конечных целей рабовладельческого хозяйства. „Староперуанский плуг был простым бревном, с поперечным отрезком дерева на заднем конце, и это бревно тащило по полю от 6 до 8 человек“¹⁾. Наш воображаемый рабовладелец может придти к заключению, что лошади могут с большим успехом исполнять эту работу, и заменить часть своих рабов лошадьми. Часть его полей будет засеиваться овсом для корма лошадей, вместо того, чтобы засеиваться рожью для пропитания рабов. Данное хозяйство будет поддерживать жизнь меньшего числа людей, но большего числа лошадей. Рабовладелец станет от этого не беднее, но богаче, так как обработка его полей будет идти успешнее и прибавочный продукт, поступающий в его личное потребление, будет больше по количеству. Таким образом, увеличение потребления со стороны субъекта хозяйства будет сопровождаться уменьшением потребления со стороны людей, играющих роль средства производства. Это последнее уменьшение может быть так значительно, что общая сумма общественного потребления в данном хозяйстве (т. е. сумма потребления рабовладельца и рабов) станет меньше. Хозяйство будет так же успешно или даже успешнее достигать своей объективной цели—удовлетворения потребностей своего субъекта, рабовладельца—при помощи других средств производства, чем рабы. Количество производимого продукта возрастет; та часть его, которая соответствует капиталу при капиталистическом производстве, будет израсходована и потреблена без остатка (но другим способом—частью лошадьми, между тем как раньше людьми); количество прибавочного продукта также возрастет. Только общественное потребление сократится, без всякого нарушения равновесия производства и потребления в рабовладельческом хозяйстве.

Переходим теперь к капиталистическому хозяйству. Каутский, в своих статьях по поводу немецкого издания этой книги, не возражал против вышеприведенных схем накопления капитала. Но, по мнению моего критика, схемы эти доказывают совсем не то, что я вывожу из

¹⁾ Lippert. „Die Kulturgeschichte“. 1885. Т. I. Стр. 52.

них. „Схемы Тугана,—утверждает Каутский,— указывают на существование лишь одного случая, в котором сокращение потребления не вызывает кризиса: при переходе от простого к расширенному воспроизводству капитала. Этот единственный случай Туган признает типом капиталистической действительности; однако, на самом деле, этот случай почти никогда не наступает¹⁾).

По моему же мнению, то, что Каутский называет единственным и почти никогда не наступающим случаем, составляет общее правило капиталистического развития. Я рассмотрю в нижеследующем изложении тот случай накопления капитала, который может казаться наименее благоприятным для моей теории—случай накопления капитала при постоянном и значительном падении заработной платы и при неподвижности потребления капиталистического класса. В нижеследующей схеме я принимаю, что заработная плата понижается каждый год по своей ценности на 25%, а ценность потребления капиталистического класса, несмотря на увеличение общей суммы прибыли капиталистов, остается неизменной. Согласно моему предположению, $\frac{1}{4}$ общей суммы прибыли первого года накапливается капиталистами (т.е. употребляется на расширение производства), а остальные $\frac{3}{4}$ потребляются самими капиталистами; в следующих годах потребление капиталистов не испытывает перемены—следовательно, накапливается все большая и большая доля прибыли.

Воспроизводство общественного капитала в возрастающих размерах при понижении заработной платы и неподвижности потребления капиталистов²⁾.

Первый год.

I. Производство средств производства.

$$1.632 \text{ с} + 544 \text{ р} + 544 \text{ п} = 2.720.$$

II. Производство предметов потребления рабочего класса.

$$408 \text{ с} + 136 \text{ р} + 136 \text{ п} = 680.$$

III. Производство предметов потребления капиталистического класса.

$$360 \text{ с} + 120 \text{ р} + 120 \text{ п} = 600.$$

¹⁾ „Krisentheorien“. „Neue Zeit“, 1901. Стр. 116.

²⁾ Для первого года я предположил, что во всех отделах общественного производства средства производства (с) в три раза больше по своей ценности заработной платы (р), а прибыль (п) равна по своей ценности заработной плате. Все эти отношения изменяются во втором году по той причине, что, согласно предположению, заработная плата понижается на 25%, а прибыль соответственно возрастает. Поэтому заработная плата во втором году в III отделе производства, не изменяющемся по своей общей ценности, составляет не 120 (как в первом году), а только 90 (следовательно, понизилась на 25%); напротив прибыль в этом же отделе соответственно возросла и достигает во втором году 150. Ценность средств производства не испытала в этом отделе перемены. В третьем году заработная плата опять падает на 25%—в III отделе общественного производства на 2,5 единиц ценности, прибыль соответственно возрастает, а ценность средств производства остается (в том же отделе) прежней.

Второй год.

I. Производство средств производства.

$$1.987,4 \text{ с} + 498,8 \text{ р} + 828,1 \text{ п} = 3.312,3.$$

II. Производство предметов потребления рабочего класса.

$$372,6 \text{ с} + 93,2 \text{ р} + 155,2 \text{ п} = 621.$$

III. Производство предметов потребления капиталистического класса.

$$360 \text{ с} + 90 \text{ р} + 150 \text{ п} = 600.$$

Третий год.

I. Производство средств производства.

$$2.585,4 \text{ с} + 484,6 \text{ р} + 1.239 \text{ п} = 4.309.$$

II. Производство предметов потребления рабочего класса.

$$366,9 \text{ с} + 68,9 \text{ р} + 175,5 \text{ п} = 611,3.$$

III. Производство предметов потребления капиталистического класса.

$$360 \text{ с} + 67,5 \text{ р} + 172,5 \text{ п} = 600.$$

Эта схема показывает, каким образом должно быть распределено общественное производство, чтобы, несмотря на сокращение общественного потребления и быстрое расширение общественного производства, не образовывалось никакого избыточного продукта, не находящего себе помещения на рынке. Общая сумма прибыли первого года равна 800 милл. р. (544+136+120). 25% этой прибыли, согласно предположению, капитализируется. Поэтому для собственного потребления капиталистов остается для второго года только 600 милл. р. Такой же суммой выражается потребление капиталистов и в последующих годах.

В конце первого года средств производства произведено на сумму 2.720 милл. р. Все эти средства производства поглощаются расширенным производством второго года, так как оно требует средств производства на сумму (1.987,4+372,6+360)=2.720 миллионов рублей. Предметов потребления рабочих изготовлено в первом году на сумму 680 м. р.; так же велика сумма заработной платы (следовательно, спрос со стороны рабочих на предметы потребления) во втором году (496,8+93,2+90). Предметы потребления капиталистического класса, изготовленные в первом году на сумму 600 м. р., потребляются без остатка во втором году. Следовательно, весь общественный продукт первого года расходуется без остатка общественным производством и потреблением второго года.

Общая сумма заработной платы в первом году равнялась 544+136+120=800 милл. р., во втором году—680 м. р. Следовательно, потребление рабочих понизилось на 120 м. р., или на 15%, потребление же капиталистов, согласно предположению, не испытало перемены. Весь общественный продукт первого года равен по своей ценности (2.720+680+600)=4.000 милл. р., второго года—(3.312,3+621+600)=4.533,3 м. р. Ценность общественного продукта повысилась на 13%.

Расширение общественного производства сопровождается, следовательно, сокращением общественного потребления—и, несмотря

на это, предложение и спрос продуктов остаются в совершенном равновесии¹⁾. В третьем году общая сумма заработной платы понижается до $484,6 + 68,9 + 67,5 = 621$ м. р., в четвертом году—до $611,3$ м. р., между тем как ценность потребления капиталистов не испытывает перемены, а ценность всего общественного продукта возрастает все быстрее и быстрее. Постоянное сокращение общественного потребления при постоянном расширении общественного производства не в силах вызвать хотя бы малейшего расстройств в процессе реализации продуктов капиталистического производства.

Таким образом, не взирая на предположенное мною огромное понижение заработной платы, никогда не наблюдавшееся в действительности, не взирая на абсолютное сокращение общественного потребления, не возникает никаких трудностей для реализации общественного продукта. Расширение производства, производительное потребление средств производства заменяет собой человеческое потребление, и все идет так гладко, как будто бы не хозяйство было средством удовлетворения потребностей человека, а человек был средством удовлетворения потребностей хозяйства.

Это и есть основной парадокс капиталистического (и вообще всякого антагонистического) хозяйства: так как в этом хозяйственном строе субъектом хозяйственного предприятия является лишь часть общества, а остальная и большая часть является хозяйственным объектом, то становится возможным такое направление хозяйственного процесса, при котором хозяйство из средства удовлетворения общественных потребностей становится средством простого расширения производства, в ущерб народному потреблению, иными словами, хозяйство перестает достигать своих естественных целей. Это не выдуманный мною „смелый парадокс“, как его называет Каутский, а естественный закон, заложенный в самом существе капиталистической системы хозяйства.

Таким образом, капиталистическое хозяйство не подвергается опасности крушения даже при огромном абсолютном сокращении народного потребления. Неизбежность крушения капиталистического способа производства вследствие недостаточности рынка—этот символ веры не только „ортодоксов“, но, повидимому, и некоторых „ревизионистов“—оказывается чистойшей фантазией. Капиталистическая оболочка совре-

¹⁾ Может показаться, что это равновесие в моей схеме не достигнуто. Так, в первом году произведено продуктов на 2.720 м. р. Для I отдела общественного производства требуется во втором году средств производства на сумму 1.987,4 м. р. Таким образом, для обмена с продуктами 2 последних отделов остается средств производства на сумму $2.720 - 1.987,4 = 732,6$ м. р. В то же время, капиталистами и рабочими I отдела предъявляется запрос на продукты 2 последних отделов в размере 904,8 м. р. (на 496,8 м. р. спрашивается предметов потребления рабочих и на 408 м. р.—предметов потребления капиталистов, так как, согласно предположению, капиталисты сами потребляют $\frac{1}{4}$ своей прибыли первого года, достигающей 544 м. р.). Таким образом, капиталисты и рабочие I-го отдела покупают на 172,2 м. р. более, чем продают ($904,8 - 732,6 = 172,2$). Каким образом покрывается этот дефицит в 172,2 м. р.?

Трудность эта только кажущаяся. Сокращение заработной платы и неподвижность потребления капиталистического класса ведут к тому, что капитал, помещенный в двух последних отделах, сокращается и переходит в I отдел, который испытывает значительное расширение. Так, капитал II отдела во втором году на 78,2 м. р. менее капитала того же отдела первого года, капитал III отдела меньше на 30 м. р.; кроме того, капиталисты II отдела вкладывают в I отдел свою капитализированную прибыль в размере 34 м. р., капиталисты III отдела—прибыль в размере 30 м. р. Сумма $78,2 + 30 + 34 + 30$ равна 172,2 м. р.; кажущийся дефицит I отдела покрывается, следовательно, капиталами, притекающими к этому отделу из двух других отделов.

менного общества не рискует лопнуть даже при таких условиях, которые, повидимому, противоречат всем естественным задачам хозяйства.

Чтобы доказать несостоятельность обычного учения о законах рынка, я избрал для своего анализа тот случай, который, повидимому, наиболее благоприятен для этого учения. Но я отнюдь не думаю, чтобы сделанное мною предположение—понижения заработной платы—скольнибудь соответствовало капиталистической действительности. Я думаю, наоборот, что новейшая фаза капиталистического развития характеризуется значительным повышением реальной заработной платы. Поэтому может казаться, что хотя мой анализ и доказал неосновательность названного учения, он очень мало содействовал пониманию действительных законов капиталистического хозяйства.

Однако, это не так. Относительное сокращение общественного потребления, несмотря на абсолютное повышение заработной платы, является, напротив, основной тенденцией капиталистического развития. До сих пор я отвлекался от самого существенного момента капиталистического накопления, как оно совершается в действительности—от относительного замещения живого труда средствами производства. Технический прогресс в том именно и заключается, что машины, орудия труда и иные средства производства замещают в процессе производства человеческий труд. Правда, абсолютное число рабочих, занятых общественным производством, возрастает, но в еще сильнейшей степени возрастает масса и ценность средств производства, приводимых в движение рабочими. Строение общественного капитала—выражаясь терминами Маркса—становится все более высоким. Иными словами, все меньшая доля общественного продукта переходит в народное потребление. Производство продуктов, не могущих быть потребленными человеком—угля, железа, машин и пр.—увеличивается гораздо быстрее, чем производство предметов потребления человека—пищи, одежды и пр. Происходит, следовательно, относительное сокращение общественного потребления—оно падает сравнительно с ценностью общей суммы средств производства (хотя абсолютно оно и возрастает).

Правда, и при гармоническом хозяйстве технический прогресс будет выражаться относительным увеличением роли средств производства. Но разница заключается в том, что при гармоническом хозяйстве машина никогда не может стать конкурентом рабочего—потребление железа, угля, смазочного масла никогда не может идти на счет потребления хлеба, мяса, молока и пр.

При капиталистическом хозяйстве капиталистический класс превращает в средства производства значительно большую долю общественного продукта, чем это было бы возможно при гармоническом хозяйстве. В ассоциации производителей целью производства было бы возможно полное удовлетворение общественных потребностей, почему совершенно исключалось бы такое положение дела, при котором расширение производства не сопровождалось бы расширением общественного потребления. В капиталистическом же хозяйстве технический прогресс имеет тенденцию замещать человеческое потребление потреблением средств производства в ущерб общественному потреблению.

Не вызовет ли, однако, это относительное замещение человеческого потребления производительным потреблением средств производства образования избыточного продукта, не находящего себе помещения на рынке? Конечно, нет. Ничего не стоит построить новую схему по об-

разду вышеприведенной и наглядно показать, что самое широкое замещение рабочих машинами не в силах само по себе сделать какую-либо машину излишней и бесполезной. Пусть все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами; в таком случае, этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капиталистического класса. Рабочий класс исчезнет, но это нисколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности. Капиталисты будут получать в свое распоряжение большую массу предметов потребления, и весь общественный продукт одного года будет поглощаться производством и потреблением капиталистов следующего года. Если же капиталисты, в своей страсти к накоплению, пожелают сократить и свое собственное потребление, то и это вполне осуществимо; в этом случае сократится производство предметов потребления капиталистов и еще большая часть общественного продукта будет состоять из средств производства, предназначенных для дальнейшего расширения производства. Будет производиться, напр., уголь и железо, которые будут идти на дальнейшее расширение производства угля и железа. Расширенное производство угля и железа за каждый последующий год будет поглощать уголь и железо, произведенные в предыдущем году, и так до бесконечности, пока не будут исчерпаны естественные запасы соответствующих минералов.

Все это может звучать очень странно—может даже показаться величайшей нелепостью. Быть может—истина не всегда легко доступна пониманию; все же она остается истиной. Само собой разумеется, что я называю истиной не совершенно произвольное и отнюдь не соответствующее действительности предположение, будто замещение ручного труда машинным ведет к абсолютному сокращению числа рабочих (предположение это понадобилось мне лишь для доказательства того, что моя теория сохраняет всю свою силу даже в своих самых крайних выводах), но положение, что при пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение общественного потребления не может повести к образованию избыточного продукта¹⁾. Основной же тенденцией капиталистического развития я считаю постоянное сокращение доли народного потребления в общественном продукте, что, вопреки Марксу, не создает никаких новых трудностей для процесса реализации продуктов капиталистического производства. Относительное сокращение спроса на предметы потребления не препятствует таковой реализации и потому не может само по себе вызвать крушения капиталистического хозяйственного строя.

Маркс указал, что в товарном хозяйстве товар, вещь, как бы одухотворяется и становится повелителем создавшего его человека. В этом заключается то, что Маркс называет фетишизмом товарного хозяйства. Фетишизм капиталистического хозяйства, природа которого Марксу была не вполне ясна, идет дальше. Если в товарном хозяйстве вещь превращается как бы в человека, то капиталистическое хозяйство делает человека вещью. В капиталистическом хозяйстве человек низводится на степень орудия труда, становится эквивалентом машины.

¹⁾ Другой вопрос, достижима ли и в какой мере достижима для капитализма эта пропорциональность общественного производства. На этот вопрос я даю ответ в своей теории кризисов.

На этой почве и создается непонятный для современной политической экономии парадокс капиталистического хозяйства—то, что не общественное потребление управляет в нем общественным производством, является его целью, а, наоборот, общественное производство управляет общественным потреблением, является для последнего целью. Не капитал для человека, а человек для капитала—таков девиз капиталистического хозяйства. И если школа Маркса приняла теорию рынка Сисмонди, то лишь по непоследовательности, неверности основным принципам самого марксизма. Стимулом капиталистического хозяйства является не человеческое потребление, а накопление капитала. Накопление капитала есть круговорот,—товарный капитал превращается в деньги, затем в средства производства и рабочую силу, затем опять в товар. В этом круговороте каждый отдельный момент его может рассматриваться как средство (по отношению к последующему) и как цель (по отношению к предыдущему). Что, например, является целью капиталистического производства—создание хлеба (предмета потребления человека) или чугуна (предмета производительного потребления)? Все зависит от того пункта, с которого мы будем рассматривать процесс круговорота капитала.

Если мы будем рассматривать, например, земледельческое производство, то целью его является создание хлеба, а создание чугуна (плуга) есть лишь средство к этой цели. На чугуно-плавильном заводе целью производства является, наоборот, чугун, а создание хлеба для рабочих, занятых производством чугуна, есть лишь средство к этой цели. Значит, и хлеб и чугун совершенно в одинаковой мере могут рассматриваться и как цель и как средство. Обычное же противопоставление хлеба чугуна (как цели средству) доказывает лишь непонимание законов капиталистического хозяйства.

Такие парадоксы капиталистического хозяйства, как одновременный рост общественного богатства и сокращение общественного дохода, без всякого нарушения равновесия общественного спроса и предложения, объясняются тем, что среди общественных доходов капиталистического хозяйства имеются доходы различной экономической природы: доходы нетрудовых классов, управляющих общественным производством, и доходы рабочего класса, фигурирующего в роли средства производства. Доход рабочего есть расход с точки зрения капиталиста. Эта двусторонность дохода рабочего объясняется двусторонностью экономической роли рабочего, особенностью последнего, как—одновременно—и средства производства и потребителя. Как средство производства, рабочий может быть, в большей или меньшей мере, заменен машиной. От такого замещения общественное богатство не сокращается, а увеличивается, ибо увеличивается общая сумма производимых продуктов. Общественный же доход сокращается, ибо сокращается доход рабочего класса. Сумма общественного производства при этом возрастает, а сумма общественного потребления падает. Все эти парадоксы капитализма возникают на почве антагонистического хозяйства. Понятное дело, что если бы рабочие располагали средствами производства, то ничто подобное не могло бы иметь места. Но руководителями капиталистического хозяйства являются не рабочие, а те, для кого рабочие—простое средство производства.

Итак, при пропорциональном распределении общественного производства общественный спрос и общественное предложение остаются

в равновесии, как бы ни сокращался потребительный спрос общества. Отсюда можно было бы, повидимому, сделать вывод, что капиталистическое хозяйство никогда не может страдать от недостатка рынка. Становится непонятным, почему капиталистическим предприятиям приходится испытывать такие трудности в нахождении покупателей для изготавливаемых продуктов, почему борьба за рынок составляет такую характерную черту капиталистического хозяйства.

Объясняется это следующим образом. Капиталистическое производство располагает громадными производительными силами и всегда стремится к расширению количества производимых продуктов. Но сбыт этих продуктов возможен лишь при условии пропорционального распределения общественного производства. Капитализм же не обладает никакой организацией для такого распределения производства. На этой основе возникают кризисы капиталистической промышленности, природа которых будет выяснена в следующей главе. Пока же достаточно указать, что отсутствие какой бы то ни было организации для пропорционального распределения производства играет в капиталистическом хозяйстве роль эластичной повязки, которая постоянно давит на капиталистическое производство и препятствует ему развернуть все свои производительные силы. Именно на этом и основана трудность реализации продуктов в системе капиталистического хозяйства. Рынок всегда недостаточен для капитализма не потому, чтобы потребителей для капиталистического продукта было слишком мало, а потому, что такое пропорциональное распределение производства совершенно не осуществимо при условии капиталистического хозяйства, а приближение к такой пропорциональности достигается капитализмом с величайшим трудом, путем кризисов и уничтожения чрезмерно разросшихся отдельных предприятий.

Всякая экономическая теория лишь тогда может считаться вполне доказанной, когда она проверена на фактах. Тем более требуется фактическая проверка для доктрины, до такой степени расходящейся с обычными взглядами и имеющей такой парадоксальный вид, как изложенная теория рынка. Сущность этой теории, как видно из вышеизложенного, сводится к тому, что спрос на средства производства создает такой же рынок для товаров, как и спрос на предметы потребления, благодаря чему никакое сокращение доли предметов потребления не может вызвать никаких новых трудностей по отношению к реализации продуктов капиталистического производства.

И, действительно, факты показывают, что характерной чертой капиталистического развития является сравнительно медленный рост производства предметов потребления и быстрый рост производства средств производства. Еще несколько десятилетий тому назад руководящую роль в капиталистической промышленности играла хлопчатобумажная промышленность, теперь же такую роль играет железодобывающая промышленность. Земледелие уже несколько десятилетий находится в Западной Европе в состоянии относительного застоя. В таком же почти положении находится и текстильная промышленность. Напротив, чрезвычайно быстро растет производство чугуна, химических продуктов, машин, каменного угля, вообще средств производства. Соответственно этому, доля населения, занятого производством предметов потребления, уменьшается, а доля населения, занятого производством средств производства, возрастает.

Вот, напр., данные относительно Германии ¹⁾:

Число лиц, занятых производством предметов потребления (в тысячах).	Увеличение в %	Число лиц, занятых производством средств производства (в тысячах).	Увеличение в %
1882 г. 11.669	—	2.784	—
1895 „ 12.560	8	4.414	59

Данные последней германской промышленной переписи 1907 г. показывают дальнейший огромный рост населения, занятого производством средств производства. Нижеследующие данные относятся к Пруссии:

	Число занятых лиц (в тысячах)		Увеличение в %
	1895 г.	1907 г.	
Текстильная промышленность	441,9	445,5	0,8
Приготовление предметов одежды . .	800,5	901,8	12,7
Обработка пищевых веществ	586,4	706,7	20,5
Тракторный промысел	326,0	446,7	37,0
Обработка камня и глины	314,3	447,5	42,4
Горное дело	458,5	736,4	60,6
Обработка металлов	383,9	573,4	49,3
Приготовление машин и инструментов	329,4	655,8	99,1
Химическая промышленность	66,7	106,0	59,0
Строительная промышленность	596,7	919,7	54,1

Текстильная промышленность (не говоря уже о земледелии) почти перестала увеличивать число рабочих,—доход рабочих классов увеличивается слишком медленно, чтобы спрос народных масс на предметы одежды мог быстро возрастать. Доля населения, занятого в текстильной промышленности, за 1895—1907 г.г. значительно сократилась. Напротив, производство средств производства увеличивается с удивительной быстротой. Особенно возросло производство машин и инструментов—почти вдвое по числу занятого персонала. Еще в 1895 г. текстильная промышленность занимала в Пруссии большее число рук, чем производство машин и инструментов; в 1907 г.—уже значительно меньшее.

Рынок для предметов потребления расширяется очень медленно, что объясняется бедностью народных масс; но относительная стационарность производства предметов потребления вовсе не приводит к стационарности всего общественного производства. Напротив, оно растет гораздо быстрее, чем когда-либо, растет, направляясь, однако, все в большей и большей мере на создание средств производства. Что же делают, однако, эти машины, количество которых так сильно увеличилось в Пруссии за 1895—1907 г.г.? Отчасти они служат производству предметов потребления, но все в возрастающей степени производству новых машин и иных средств производства капиталистической промышленности, которая все больше и больше направляется на создание своих собственных средств производства, на накопление капитала.

¹⁾ К первой группе отнесены рабочие в сельском хозяйстве, садоводстве, рыболовстве, текстильной промышленности, обработке кожи, пищевых веществ, изготовлении предметов одежды, тракторном промысле; ко второй группе—рабочие в горном деле, обработке камня и глины, производстве машин и инструментов, химической промышленности, производстве осветительных веществ, мыла и масел, писчебумажном, обработке дерева, строительном, полиграфическом производстве. Конечно, эта группировка ни малейшим образом не претендует на точность и служит лишь для целей иллюстрации.

Накопление капитала все больше становится самоцелью, которой подчиняется весь строй общественного производства. Рынком для капиталистического производства все больше становится само капиталистическое производство—и этот рынок расширяется с достаточной быстротой, чтобы поддерживать победоносное шествие капитала по лицу всего мира.

Процесс этот происходит во всех капиталистических странах мира. Тем не менее, капиталистическое хозяйство не наталкивается ни на какие новые трудности по отношению к реализации изготавливаемых продуктов. В конце сороковых годов истекшего столетия Энгельс, исходя из доктрины, признающей, что рынок для продуктов капиталистической промышленности определяется потребительным спросом со стороны населения, предсказывал неизбежность замедления в будущем роста капиталистической промышленности и хронический промышленный застой¹⁾. С тех пор прошло более полу столетия, капиталистическое производство получило гигантское развитие, особенно производство средств производства, между тем как производство предметов потребления увеличилось гораздо менее. Оправдалось ли, однако, предсказание Энгельса? Ни малейшим образом. Ничего похожего на хронический промышленный застой мы не наблюдаем, и капитализм продолжает находить рынок для возрастающего количества средств производства, несмотря на относительно сокращающийся общественный спрос на предметы потребления. Таковы факты—и легко видеть, до какой степени они подтверждают изложенную теорию.

Но, быть может, рынок для продуктов капиталистической промышленности находится лишь потому, что капиталистическое хозяйство выбрасывает свой избыточный продукт за свои пределы, на внешний рынок? Действительно, всякая капиталистическая страна вывозит свои продукты в большем или меньшем количестве на внешний рынок. Для многих отраслей английской промышленности внешний рынок имеет большее значение, чем внутренний. И, конечно, без внешнего рынка английская промышленность существовать не могла бы.

Доказывает ли это, однако, что капиталистическое производство создает в Англии избыточный продукт, что покупательные силы английского капитализма слишком ограничены, чтобы внутри страны находилось место для всего количества создаваемого ею продукта? Несостоятельность этого мнения явствует уже из того, что Англия, как известно, ввозит из-за границы товаров на значительно большую сумму, чем вывозит.

Ценность английского ввоза превосходит за последние годы ценность вывоза на 150 и более миллионов ф. с. в год. Иными словами, английский внутренний рынок потребляет товаров — 150 миллионов

¹⁾ «С тех пор, как Китай доступен мировой торговле,—писал Энгельс в 40-х годах,—нет новых рынков, которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использование старых рынков, благодаря чему рост промышленности в будущем должен быть, по необходимости, более медленным». «Английские промышленники,—говорил он в то же время в другом месте,—средства производства которых расширяются несравненно быстрее, чем рынки, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помощи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющие теперь один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигнувших чрезмерного развития, когда кризисы будут отделены друг от друга короткими периодами вялой, едва оживляющейся промышленности» (Gesammelte Schriften von Marx und Engels. T. II, стр. 393, и т. III, стр. 389).

ф. с. более, чем их производится внутри страны,—покупательная сила английского капиталистического хозяйства не только не отстает от его производительных сил, но значительно превосходит последние. Можно ли говорить об избыточном продукте капиталистического хозяйства, когда английский капитализм покупает товаров на значительно большую сумму, чем продает? ¹⁾.

Многие думают, что капиталистическая промышленность, по мере своего развития, все больше и больше нуждается во внешних рынках. И действительно, по своему абсолютному размеру, вывоз на внешний рынок продуктов капиталистического производства быстро увеличивается. Однако, это еще отнюдь не доказывает, что внутренний рынок в капиталистических странах по своему относительному значению для реализации общественного продукта падает. Наоборот, Зомбарт доказал, что в Германии все меньшая доля чрезвычайно быстро растущей германской промышленности вывозится на внешний рынок и все большая доля находит себе выгодное помещение внутри страны.

Особенно поучительно при этом, что различные отрасли промышленности развиваются в этом отношении неодинаково. Так, избыток вывоза железных фабрикатов понизился, несмотря на колоссальный рост железодельного производства Германии, за время 1880—1900 г.г. с 29,3% всего производства Германии до 7,8%, избыток вывоза каменного угля—с 11% до 7,3%. Гораздо меньше понизилась доля вывоза продуктов хлопчатобумажной, шерстяной и других отраслей текстильной промышленности ²⁾. Таким образом, внутренний рынок Германии расширяется очень быстро для угля и железа, гораздо медленнее для предметов одежды. Почему? Очевидно, потому, что развитие капитализма создает усиленный спрос на средства производства, но не на предметы потребления.

Нужно однако объяснить, с точки зрения изложенной теории, почему внешний рынок так необходим для промышленности большинства капиталистических стран. Объяснение это никакой трудности не представляет. Если страна ввозит товары из-за границы, то она должна и вывозить их для оплаты своего ввоза. Для Англии внешний рынок потому так важен, что ее внутренний рынок в значительной части заполнен иностранными товарами. Ничего нет странного в том, что капиталистическая промышленность работает, в большей или меньшей мере, на внешний рынок. Почему внутренний рынок, с точки зрения капиталиста, должен заслуживать предпочтения перед внешним? Для капиталиста нужен покупатель, а будет ли этим покупателем соотечественник или иностранец—это ему безразлично.

Исторически капитализм развился на основе именно внешнего рынка—и по следующей причине. Первоначально капиталистическая промышленность изготовляла, преимущественно, предметы роскоши—шелковые ткани, тонкие сукна, фарфор, стекло, дорогое оружие и т. п. Потребителей предметов роскоши в родной стране было мало,—нужно было их искать по всему свету, так как везде богатые люди составляют ничтожную долю населения. Вообще, капитал—космополит, он международен. Он стремится к неограниченному расширению произ-

¹⁾ Этот избыток ввоза над вывозом объясняется, как было разъяснено выше, тем, что Англия является кредитором других стран, уплачивающих Англии проценты по своим долгам товарам.

²⁾ Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert. Стр. 430—431.

водства и потому ищет своего покупателя везде; в результате, страны всего капиталистического мира тесно сплетаются между собой торговыми узами. Каждая страна является рынком для других, а другие страны являются ее рынком—каждая ввозит и вывозит товары и каждая не может обойтись без рынка, которым являются для нее другие страны, по той причине, что ее собственный рынок в большей или меньшей степени заполнен товарами других стран.

Вывоз продуктов капиталистической промышленности одной страны в другую капиталистическую страну не есть вывоз за пределы капиталистического хозяйства и не может дать место для избыточного продукта капиталистического производства, если бы такой избыточный продукт существовал. Поэтому сторонники теории избыточного продукта, говоря о внешнем рынке для капитализма, должны были бы подразумевать рынок некапиталистических стран. С точки зрения этой теории, следовало бы думать, что развивающийся капитализм все более и более нуждается для реализации своих продуктов в рынке тех стран, в которых система хозяйства не имеет капиталистического характера. А так как капиталистическая система быстро развивается во всем мире, то рынок для избыточного продукта капитализма должен бы с каждым шагом капитализма вперед сокращаться, и капитализм должен бы давно прекратить свое развитие за отсутствием рынков.

Между тем, развитие капитализма не только не прекращается, а уже много десятилетий идет все ускоряющимся темпом. Рынок для продуктов капиталистической промышленности, очевидно, не только не сокращается, а быстро растет. Куда же сбывают капиталистические страны ту часть своего продукта, которая не находит себе помещения на внутреннем рынке? Преимущественно в другие капиталистические страны.

Вывоз в некапиталистические страны имеет особое значение, среди всех стран мира, для Англии. Именно поэтому Англия и должна так дорожить своими колониями. Однако, было бы большой ошибкой думать, что большая часть английского экспорта направляется в колонии. Вот, напр., распределение вывоза продуктов Соединенного Королевства в 1910 г.

Ценность вывоза произведений Соединенного Королевства в разные страны (в миллионах ф. с.).

Британские колонии.	Соединенные Штаты.	Германия.	Франция.	Бельгия.	Нидерланды.	Италия.	Весь вывоз.
145,4	31,4	37,0	22,7	13,8	12,8	12,5	430,4

Колонии дают место одной трети британского экспорта; почти на такую же сумму Англия вывозит продуктов в центральную Европу и Соединенные Штаты, т. е. в страны капиталистического хозяйства.

Среди предметов английского вывоза огромную и, притом, все возрастающую роль играет вывоз средств производства капиталистической промышленности—железа, машин, инструментов, каменного угля

Ценность предметов вывоза Соединенного Королевства в 1910 г. (в милл. ф. ст.).

Хлопчатобумажные готовые фабрикации.	Шерстяные готовые фабрикации.	Железо и фабрикации его (включая машины).	Каменный уголь.
92	25	93	38

За время 1868—70 г.г. годовая ценность вывоза хлопчатобумажных тканей из Соединенного Королевства достигала 54 м. ф. с., шерстяных—21 м. ф. с., железа и его фабрикатов—26 м. ф. с. и каменного угля—5,4 м. ф. с. Таким образом, с конца 60-х годов закончившегося века по 1906 г. ценность вывоза бумажных тканей возрасла на 70%, шерстяных тканей—на 16%, железа и его фабрикатов—на 258% и каменного угля—на 604%. Английский экспорт все более и более начинает направляться на удовлетворение потребностей в средствах производства развивающейся капиталистической промышленности других стран; вывоз же предметов потребления относительно падает.

Однако, с точки зрения изложенной теории рынка, представляет, повидимому, большие трудности объяснение факта отлива капитала из стран старой капиталистической культуры в страны молодой капиталистической культуры. Отлив этот совершается в огромных размерах.

Так, напр., считают, что из Англии уходит ежегодно для помещения за границей до 50 миллионов ф. с. капитала, при чем еще в начале 90-х годов прошлого века за границей было помещено около 2,5 миллиардов ф. с. английского капитала; Франция помещает ежегодно до 1,5 миллиарда фр. своих сбережений за границей, причем в настоящее время за границей помещено до 40 миллиардов фр. французского капитала; Германия поместила за границей до 26 миллиардов мар. своего капитала, и т. д.

Эта постоянная и все возрастающая эмиграция капитала из стран старой капиталистической культуры представляет собой фактор огромной важности в деле распространения капиталистической системы хозяйства по всему миру. Именно благодаря приливу капитала в молодые страны, капитал так быстро завоевывает в новейшее время одну страну за другой: эмигрируя за границу, капитал остается капиталом и всюду разносит новую систему хозяйства.

Чем же вызывается эмиграция капитала? Не доказывает ли она, что в старых капиталистических странах наблюдается перепроизводство капитала, что в них нет места для помещения нового капитала? Но если так, то как можно утверждать, что капитал сам создает для себя рынок?

Однако, факт отлива капитала может быть вполне удовлетворительно объяснен и не прибегая к совершенно несостоятельной теории избыточного продукта. Капитал притекает в молодые страны под влиянием, прежде всего, более высокого уровня прибыли, господствующего в этих странах, причины чего были выяснены выше, в главе о прибыли. Капитал, по самому своему существу, международен; смысл и цель всего круговорота капитала заключаются в реализации возможно более высокого процента прибыли. Если процент прибыли в одной стране выше, чем в другой, то это не может не приводить к тому, что капитал уходит из той страны, где капитал оплачивается ниже, в ту страну, где капитал дает большую прибыль. Процесс этот так же за-

нономерен и неизбежен, как и передвижение воды в двух сообщающихся сосудах с различным уровнем воды.

Кроме того, на международное перемещение капитала влияют и факторы другого порядка. В старых капиталистических странах расширение общественного производства возможно лишь при пропорциональном распределении добавочного капитала, помещаемого в промышленности. Эта необходимость пропорционального распределения общественного производства составляет, как выше было указано, эластичную повязку капитализма—постоянно действующий тормоз, задерживающий рост капиталистического производства. Напротив, в молодых странах, в которых капиталистические предприятия вкраплены в систему хозяйств иного типа, рост капиталистических предприятий возможен за счет вытесняемых ими форм некапиталистического хозяйства.

Поясним это на конкретном примере. Для того, чтобы на внутреннем рынке Англии нашлось место для добавочного количества сукна, необходимо, чтобы соответственно увеличилось производство каких-либо других товаров, которые могли бы быть обменены на добавочное сукно. Это и затрудняет расширение в Англии суконного производства. Напротив, в России расширение капиталистического суконного производства может вовсе не сопровождаться расширением производства каких-либо других продуктов.

Добавочное сукно, производимое на суконной фабрике, может просто замещать сукно, производившееся раньше некапиталистическим образом — напр., крестьянином для своих собственных нужд. В этом случае капиталистическое производство может быстро расти на счет некапиталистических форм производства, не испытывая на себе действия тормоза, задерживающего рост капиталистического хозяйства в странах старой капиталистической культуры. Рынок для возрастающего количества продуктов данной отрасли капиталистической промышленности создается в этом случае не пропорциональным расширением других отраслей капиталистической промышленности, что представляет собой очень сложный и трудный процесс, а разрушением натурального хозяйства и упадком мелкого некапиталистического производства, с которыми конкурирует капиталистическое хозяйство.

Так, напр., Николай—он высчитал, что за время 1886—1891 г.г. общее количество льняного волокна и хлопка, перерабатываемого в России, сократилось с 18,5 мил. пуд. до 13,8 мил. пуд.: количество пеньки, собираемой в России, сократилось за то же время с 9,4 мил. пуд. до 6 мил. пудов. Это доказывало сильное сокращение нашего внутреннего рынка по отношению к продуктам текстильной промышленности. Но рынок для продуктов капиталистической текстильной промышленности в России не только не сократился, а значительно расширился: в 1886 г. в России было переработано хлопка 8,3 мил. пуд., а в 1892 г.—уже 9,9 мил. пуд. Объяснялось это тем, что бумажная ткань, изготовлявшаяся капиталистическим производителем, вытесняла крестьянскую льняную и пеньковую ткань, — рынок для капиталистического хлопчатобумажного производства создавался разрушением крестьянского производства льняных и пеньковых тканей¹⁾.

Поэтому в молодых странах рынок для продуктов капиталистической промышленности расширяется с большей легкостью, чем в старых.

¹⁾ Николай—он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Стр. 239.

И в этом заключается важное условие, благоприятствующее приливу капитала из старых стран в молодые.

Однако, отсюда не следует, что в старых странах капиталистическое производство не может развиваться и расти. Эластичная повязка только тормозит, а не прекращает рост капитализма. На наших глазах происходит поразительно быстрое развитие капиталистического хозяйства Германии на основе, преимущественно, внутреннего рынка. Вообще, никаких границ для развития капиталистического хозяйства, кроме производительных сил общества, не существует, так как капитал сам себе создает рынок; но процесс этого создания, в виду необходимости пропорционального распределения общественного труда, не может не прерываться задержками и остановками развития—хозяйственными кризисами.

В такой стране, как Россия, в которой еще сохранилось натуральное хозяйство и капиталистическое производство охватывает лишь меньшинство населения, размер рынка для продуктов капиталистической промышленности очень существенно зависит от благосостояния массы населения, стоящей вне капиталистического производства. Хороший урожай увеличивает покупательные силы массы крестьянства, и это увеличивает спрос на продукты капиталистического производства. Напротив, разорение крестьянства сокращает рынок для фабричных продуктов. Все это совершенно бесспорно и не находится ни в каком противоречии с изложенной в тексте теорией рынка. Эта теория должна была разъяснить процесс реализации продукта в пределах капиталистического хозяйства; поэтому она должна была исходить из предположения, так сказать, замкнутого капитализма—капиталистической системы, реализующей общественный продукт в своих собственных пределах. Оказалось, что единственным препятствием для такой реализации является непропорциональность распределения общественного производства, но отнюдь не недостаток общественного спроса на предметы потребления. Но препятствие это все же остается препятствием, дающим себя чувствовать вполне реальными задержками капиталистического развития. В молодых странах это препятствие чувствуется гораздо слабее, благодаря наличности некапиталистического рынка. Разорение массы некапиталистических слоев населения сокращает этот некапиталистический рынок и приближает молодые капиталистические страны по отношению к условиям развития капиталистического хозяйства к старым странам. Но как в старых странах развитие капиталистического производства, несмотря на огромное трение, создаваемое непропорциональностью общественного производства, не прекращается, так и разорение некапиталистического населения в молодых странах не может воспрепятствовать в них росту капиталистического производства.

Разорение русского крестьянства является, конечно, обстоятельством, замедляющим развитие капиталистической промышленности в России (поскольку, впрочем, это разорение не составляет, само по себе, одного из проявлений роста капитализма,—в вытеснении пеньковой и льняной ткани бумажною выражается упадок крестьянского хозяйства, но вместе и рост хлопчатобумажной фабрики). Но, несмотря на это, наш капитализм развивается уже многие годы и будет, конечно, развиваться и впредь. И если развитие это идет не столь быстро, как этого можно было бы ожидать, то не по причине недостатка рынка,—рынка для продуктов капиталистической промышленности у нас, все же, го-

раздо больше, чем в странах старой капиталистической культуры,—а по причине низкой производительности у нас общественного труда, недостатка капиталов и свободы общественной предприимчивости.

Изложенная в тексте теория рынка, впервые развитая в первом издании этой книги в 1894 г., естественно встретила возражение со стороны народников¹⁾. Что же касается русских марксистов, то для них эта теория явилась аргументом в пользу возможности дальнейшего роста в России капиталистического производства на основе внутреннего рынка. И потому изложенная теория была вначале признана большинством из них теорией Маркса²⁾, для чего имелись известные объективные основания, так как она, действительно, является логическим завершением анализа круговорота общественного капитала, данного Марксом во втором томе „Капитала“.

Затем, после выхода в свет моей немецкой книги о кризисах, с этой теорией познакомилась западно-европейская публика. Немецкие марксисты самым решительным образом отвергли, чтобы моя теория имела что-либо общее с теорией Маркса; ревизионисты, как Бернштейн или Конрад Шмидт, в этом совершенно сошлись с ортодоксами, как Каутский или Роза Люксембург. Каутский посвятил ее опровержению ряд статей, в которых отвергал ее на основании почти тех же доводов, которые в России выдвигал против нее В. П. Воронцов. То же нужно сказать и о Конраде Шмидте и Розе Люксембург.

В новейшее время и русские марксисты стали склоняться к точке зрения своих германских собратьев. Все это убедило меня, что если изложенная теория рынка и соответствует духу марксизма, то она, несомненно, противоречит его букве. Во всяком случае, если даже такие знатоки марксизма, как Каутский, не в силах найти ее у Маркса, она не может быть приписываема автору „Капитала“. Лескюр прав, упрекая меня в том, что я напрасно отказываюсь от авторских прав на свою теорию и приписываю ее Марксу (см. Лескюр. „Общие и периодические кризисы перепроизводства“. Пер. Н. Сувилова. 1908. Стр. 433). Правы и наши народники, настаивая на том, что моя теория не укладывается в рамки правоверного марксизма. Но она от этого несколько не становится хуже.

¹⁾ В новейшее время эти возражения сгруппированы в книге В. В. „Производство и потребление в капиталистических обществах“. 1907.

²⁾ См., напр., книги С. Булгаков. „О рынках при капиталистическом производстве“, 1897. В. Ильин. „Развитие капитализма в России“, и статьи В. Ильина, Нежданова, Изгоева и друг. по вопросу о рынках и развитии капитализма в России в марксистских журналах: „Новое Слово“, „Жизнь“, „Научное Обозрение“, „Начало“ в 90-х годах.

ГЛАВА V.

Теории кризисов.

Теории производства.—Сэ, Рикардо, Вильсон, Бэдждот, Дживонс, Энгельс, Каутский.—Теории обмена—Лавеле, Жюглар, Милльс.—Теории распределения—Сисмонди, Дюринг, Геркнер, Родбертус, Милль, Джордж.

Периодичность промышленных кризисов выражена в Англии с наибольшей определенностью, но и во всех других капиталистических странах наблюдаются периодические колебания промышленности. Со времени 70-х годов закончившегося века фазисы подъема и застоя охватывают собой одновременно или почти одновременно весь капиталистический мир. Промышленные застои конца 70-х, половины 80-х, начала 90-х годов прошлого века, начала текущего столетия и в 1908 г. имели вполне мировой характер; разница была лишь в том, что в различных странах промышленный застой имел различную степень интенсивности. То же нужно сказать и о промышленных подъемах, причем, как общее правило, сила потрясения народного хозяйства той или иной страны при переходе от подъема к упадку была прямо пропорциональна интенсивности подъема. В тех странах, в которых промышленные подъемы были выражены не резко, не наблюдалось и резкого потрясения кредита при переходе к застою; наоборот, в странах с большей энергией подъема упадок промышленной волны сопровождался острыми кризисами и паниками. Так, Англия за это время не испытала ни одного типичного промышленного кризиса: их место заступили периоды промышленного застоя, не сопровождавшиеся паниками и резкими расстройствами кредита. Напротив, Германия и Соединенные Штаты испытали за это время ряд периодических промышленных кризисов, несколько не менее интенсивных, чем английские кризисы прежнего времени.

Чем же объясняется это загадочное явление капиталистического развития — его цикличность, периодическая смена фазисов подъема и упадка? Экономическая наука долгое время была не в силах удовлетворительно ответить на этот трудный вопрос.

Различные теории, которые в прежнее время предлагались в науке для объяснения проблемы кризисов, могут быть подразделены на три группы. К первой группе можно отнести теории, искавшие причин кризисов в сфере общественного производства, ко второй — в сфере общественного обмена, к третьей — в сфере общественного распределения.

1. Теории производства.

Уже Ж. Б. Сэ говорил, что промышленные кризисы происходят не от того, что товаров произведено слишком много, но как раз от противоположной причины: невозможность сбыта некоторых товаров

зависит от недостаточного производства товаров в других отраслях промышленности. В сущности, общего перепроизводства товаров никогда не бывает. В подтверждение этого Сэ ссылался на пример промышленного кризиса 1812—13 г.г. В это время фабриканты повсюду жаловались на застой в торговле и отсутствие спроса на товары. Действительно, фабричные продукты и особенно всякого рода тканевые продукты — хлеб, мясо и все колониальные товары, непомерно возросли в цене, и спрос на них превысил предложение. Таким образом, избыток производства одних товаров покрывался недостатком производства других¹⁾.

Д. Рикардо считал промышленные кризисы случайными потрясениями торговли, зависящими от самых разнообразных причин. Под влиянием современных ему событий, Рикардо в особенности останавливался на замешательствах торговли, производимых наступлением войны и заключением мира. Все эти замешательства, по словам Рикардо, зависят от изменения условий спроса и продолжаются до тех пор, пока капитал не перейдет из тех отраслей промышленности, произведения которых стали требоваться меньше, в другие отрасли промышленности, произведения которых пользуются большим спросом²⁾.

В то время, когда писали Сэ и Рикардо, промышленные кризисы были еще новым явлением и потому их было легко признать просто случайностью. Последующие события доказали, что промышленные кризисы не составляют случайного потрясения торговли, зависящего от внешних причин, но что они представляют собой своеобразную особенность современного народного хозяйства и повторяются с определенной периодичностью даже при самых благоприятных условиях для развития национальной промышленности и торговли. Постоянные причины возникновения промышленных кризисов, или эпох торгового застоя, не были указаны Сэ и Рикардо. Рассуждение Сэ, что во время кризиса наряду с падением цен одних товаров должно замечаться повышение цен других товаров, доказывает только недостаточное понимание Сэ тесной зависимости, существующей в меновом хозяйстве между всеми отраслями промышленности и между ценами всех товаров.

Вообще, если признавать причиной промышленных кризисов непропорциональное распределение общественного производства, то нужно указать, почему производство распределяется непропорционально именно в определенные эпохи, повторяющиеся с такой замечательной периодичностью. Вся трудность объяснения причин промышленных кризисов именно в этом и заключается: каждый отдельный кризис обыкновенно легко может быть объяснен теми или другими причинами, но почему каждое десятилетие английская промышленность переживает эпохи процветания и падения торговли — на этот вопрос теория Сэ—Рикардо не дает никакого ответа. С точки зрения этой теории, промышленный кризис есть такое же случайное, непредвидимое заранее несчастье, как, напр., война или эпидемия. Но, как видно из вышеизложенной истории английских кризисов, всякий промышленный кризис представляет собой сложный комплекс явлений, развивающихся в строго определенной по-

¹⁾ J. B. Say. Cours d'Économie Politique Pratique. Стр. 343.

²⁾ Сочинения Давида Рикардо, перевод Н. Зиберы. Начала политической экономии. Глава XIX. О внезапных изменениях в направлениях торговли.

следовательности. Каждому кризису предшествует расширение производства и повышение товарных цен; затем товарные цены падают, и в области денежно-кредитного обращения страны начинается ряд изменений, заканчивающихся полнейшим уничтожением кредита. Положение денежного рынка, предшествующее промышленному кризису и следующее за ним, настолько типичны, что их очень легко предсказать заранее. Все это совершенно не объясняется теорией Сэ-Рикардо, которая уже по одному тому не могла дать требуемого объяснения, что в период возникновения ее промышленные кризисы были слишком новым и неопределившимся явлением.

Строго стоя на точке зрения Сэ-Рикардо и объясняя промышленные кризисы случайной непропорциональностью распределения общественного производства, приходится заключить, что если промышленные кризисы повторяются с правильной периодичностью, то нарушение в области производства происходят также периодически.

Но почему же предприниматели, в руках которых общественное производство, от времени до времени оказываются не на высоте положения и, вместо приспособления национального предложения к спросу, путают все дело и приводят промышленность к полному расстройству? Очевидно, если это происходит в действительности, то от того, что предприниматели не всегда могут управлять производством. В какой же отрасли промышленности производство менее всего подчиняется регулирующей деятельности человеческой воли? Разумеется, в земледелии; количество сельскохозяйственных продуктов, производимых страной, сильно колеблется из года в год в зависимости от состояния метеорологических элементов, над которыми до сих пор воля человеческая совершенно не властна. Таким образом, мы приходим к заключению, что причину повторяемости промышленных кризисов следует искать в области земледелия.

Эта мысль развивалась целым рядом экономистов. Уже в 1840 г. Джемс Вильсон, основатель приобретшей такую заслуженную известность газеты „The Economist“, издал небольшой памфлет „Fluctuations of Currency, Commerce and Manufactures, referable to the Corn Laws“. В этом очень интересном памфлете Вильсон говорит о периодическом возвращении эпох оживления и упадка торговли и видит причину этой периодичности „в громадных колебаниях сумм, поступающих в уплату за необходимости жизни, или, другими словами, в колебаниях цены пищи“¹⁾.

Вполне естественно, что повышение или понижение цены пищи, составляющей столь важный предмет расхода массы населения, отражается на состоянии всех других отраслей промышленности. Товарное обращение может совершаться беспрепятственно только в том случае, если в производстве каждого отдельного рода товара соблюдена известная пропорциональность, соответствующая условиям спроса в данное время и в данном месте. Недостаточное производство такого важного продукта, как человеческая пища, немедленно расстраивает все товарное обращение, ибо чем больше покупательных средств расходуется на пищу, тем меньше их остается для всех остальных расходов. В этом случае недостаточность спроса на все предметы неземледельческой промышленности непосредственно вызывается недостаточным произ-

¹⁾ James Wilson. Fluctuations of Currency etc. London, 1840, стр. 10.

водством продуктов земледельческой промышленности (согласно теории Сэ, по которой кризис, вызывается не избытком, а недостатком товаров).

Эта мысль,—что причина промышленных кризисов заключается в неурожае, повторялась впоследствии многими экономистами. Из новейших экономистов укажем, напр., В. Бэджота. По его словам, самый обыкновенный и самый важный случай, когда угнетенное состояние одной отрасли промышленности вызывает такое же состояние всех других, представляет собой земледелие. Когда жатвы двух или трех лет были неудовлетворительны и хлеб вздорожал, каждая отрасль промышленности терпит убытки... и следствием является приостановка производства, сокращение занятий для рабочих и капитала... Когда же хлеб долгое время бывает дешев, рабочие классы имеют большой избыток для всех прочих расходов, кроме пищи. Вся промышленная машина получает стимул к наибольшему развитию заключающегося в ней запаса энергии, точно так же, как ранее эта энергия была подавлена до последнего предела¹⁾.

Вопрос о влиянии колебаний цены пищи на общее состояние промышленности может быть решен только статистическим путем. Для этого мы приведем ежегодные изменения цены пшеницы в Англии за время 1823—1882 г.г.

Средняя цена 1-го квартала пшеницы в Англии²⁾.
(В шиллингах).

1823 г.	53	1833 г.	53	1843 г.	50	1853 г.	53
1824 "	64	1834 "	46	1844 "	51	1854 "	72
1825 "	69*	1835 "	39	1845 "	51	1855 "	75
1826 "	59	1836 "	49*	1846 "	55	1856 "	69
1827 "	59	1837 "	56	1847 "	70*	1857 "	56*
1828 "	60	1838 "	65	1848 "	51	1858 "	44
1829 "	66	1839 "	71	1849 "	44	1859 "	44
1830 "	64	1840 "	66	1850 "	40	1860 "	53
1831 "	66	1841 "	64	1851 "	39	1861 "	55
1832 "	59	1842 "	57	1852 "	41	1862 "	55
Средняя		62	57	49	58		

1863 г.	45	1873 г.	59*
1864 "	40	1874 "	56
1865 "	42	1875 "	45
1866 "	50*	1876 "	46
1867 "	65	1877 "	57
1868 "	64	1878 "	47
1869 "	48	1879 "	44
1870 "	47	1880 "	44
1871 "	57	1881 "	45
1872 "	57	1882 "	45
Средняя		52	49

Если бы колебания английской промышленности действительно вызывались колебаниями цены на хлеб, в свою очередь зависящими от

¹⁾ Walter Bagehote. Lombard Street. Fifth Edition. London. 1873, стр. 128.

²⁾ До 1855 г.—по Туку; далее—по Stat. Abstr. for the Uп. К. Знаком * обозначены годы кризисов, или наступления торгового застоя.

колебаний урожаев хлебов в самой Англии и за границей, то следовало бы ожидать следующей картины: в предшествующие кризисам эпохи промышленного оживления, цены пшеницы должны были бы быть низки; в год промышленного кризиса цена пшеницы должна была бы сразу сильно повышаться и за все время продолжения застоя торговли должна была бы быть выше среднего уровня за соответствующее десятилетие.

Нельзя сказать, что действительность оправдывает эти ожидания. Годы промышленного оживления 1824—25 характеризуются высокими ценами на хлеб; годы промышленного расстройств 1826—28—низкими ценами. В 30-х годах соответствие между колебаниями цены пшеницы и колебаниями промышленности, несомненно, наблюдается: эпоха промышленного оживления 1833—36 г.г. соответствует низким ценам пшеницы, а эпоха торгового застоя 1837—42 г.г.—высоким ценам. В 40-х годах, точно так же, промышленный кризис приходится в год сильного поднятия цен на пшеницу. Но зато в 50-х годах очень трудно заметить какую-либо связь между состоянием промышленности и ценой пшеницы. Промышленный кризис 1857 г. приходится в год падения цены пшеницы, которая достигает наименьшего уровня в 1858 г.—в период наибольшего застоя торговли. В 60-х годах опять наблюдается полное соответствие между движением цены пшеницы и состоянием промышленности; кризис 1866 г. наступает после низких цен на пшеницу, а годы высоких цен 1867—68 сопровождаются торговым застоєм. Но вслед затем, во время высоких цен 1871—73 г.г. английская промышленность достигает небывалого процветания. В новейшее время нельзя заметить никакого соответствия между хлебными ценами и фазисами промышленного цикла.

Но, как известно, колебания цены хлеба в Англии со времени отмены хлебных законов обуславливались не столько колебаниями урожая хлебов в самой Англии, сколько урожаями в странах хлебного экспорта. Низкая цена пшеницы может совпадать с неурожаем пшеницы в Англии, и, разумеется, такое положение дела чрезвычайно разорительно для английского земледельца и потому не может не действовать угнетающим образом и на общее состояние английской промышленности. Точно так же, наоборот, высокая цена хлеба может совпадать с урожаем в Англии. Приведем, поэтому, цифры средней урожайности пшеницы в самом Соединенном Королевстве (принимая за 100 урожай в 28 бушелей пшеницы на 1 акр)¹⁾.

1849 г.	123	1864 г.	127
1850 "	102	1865 "	110
1851 "	110	1866 "	90
1852 "	79	1867 "	74
1853 "	71	1868 "	126
1854 "	127	1869 "	102
1855 "	96	1870 "	112
1856 "	96	1871 "	90
1857 "	124	1872 "	92
1858 "	116	1873 "	80
1859 "	92	1874 "	106
1860 "	78	1875 "	78
1861 "	92	1876 "	76
1862 "	108	1877 "	77
1863 "	141	1878 "	108

¹⁾ James Caird. The Loaded Interest, 160.

Промышленный кризис 1857 г. приходится в год блестящего урожая, а оживление промышленности в 1871—73 г.г. совпадает с неурожайными годами. С другой стороны, промышленное оживление 1863—65 г.г. приходится на урожайные годы, а застой торговли 1867 и 1875—77 г.г.—в годы сильных неурожаев. Все это доказывает, что если и нельзя совершенно отрицать влияния урожаев в Соединенном Королевстве и цены хлеба на общее состояние английской промышленности, то, во всяком случае, необходимой связи между явлениями того и другого рода не существует. Десятилетний цикл развития английской промышленности, правильная смена эпох оживления и застоя торговли—все это не может быть вызвано колебаниями цены хлеба или урожаями в Англии, так как обе последние величины колеблются очень неправильно и их колебания далеко не всегда совпадают с описанными нами выше промышленными приливами и отливами.

Итак, периодичность промышленных кризисов не может зависеть от периодического повторения неурожаев пшеницы и других хлебных злаков, производимых странами умеренного климата (урожаи ржи, овса, ячменя и пр. в общем колеблются так же, как и урожаи пшеницы). Но этим еще не доказывается отсутствие связи между промышленными кризисами и колебаниями земледельческого производства. Англия вывозит главную массу своих фабрикатов в страны тропического климата и оттуда же она ввозит большую часть необходимого ей сырья. Может быть, в этих последних странах урожаи растительных продуктов испытывают периодические колебания, которые, в свою очередь, отражаются на промышленности стран, ведущих с ними торговлю?

Исходя из этого предположения, один из самых замечательных английских экономистов последнего времени—Стэнли Джевонс—высказал парадоксальную мысль, что периодичность промышленных кризисов непосредственно зависит от периодического увеличения пятен на солнечном диске¹⁾. Джевонс совершенно серьезно утверждал, что наступит время, когда в Сити будут также тщательно следить за состоянием солнца, как теперь следят за положением кассы Английского Банка.

По мнению Джевонса, периодические потрясения торговли не составляют явления, свойственного только нашему времени; такие же периоды оживления и упадка торговли Джевонс находит и в XVIII веке. По его словам, в Англии за последние 200 лет замечалось усиление спекуляции и расстройство торговли в следующие годы: в 1711, 1721, 1732, 1763, 1773, 1783, 1793, 1805, 1815, 1825, 1836—1839, 1847, 1857, 1866 и 1878. Только 2 десятилетия XVIII века (1732—63 г.г.) свободны от кризисов, но и то можно думать, что свобода эта только кажущаяся и объясняется просто недостаточным знакомством нашим с хозяйственной историей этого времени.

Если вычислить среднюю продолжительность периода, отделяющего наступление каждого последующего периода от предыдущего, то мы получим цифру 10,466 лет; другими словами, через каждые 10,466 лет в Англии происходит более или менее сильное потрясение

¹⁾ W. Stanley Jevons. Investigations in Currency and Finance. Статья: The Solar Period and the Price of Corn, The Periodicity of Commercial Crises, Commercial Crises and Sun-Spots.

торговли. Эта цифра удивительным образом совпадает с периодом появления на солнце наибольшего числа солнечных пятен. Последнего рода период равняется 10,45 лет. Разница между обоими периодами так ничтожна, что ее можно совсем игнорировать.

Когда в течение двух столетий два рода явлений повторяются периодически через одно и то же число лет, то естественно возникает мысль, не есть ли одно из этих явлений причина другого. Так как кризисы не могут быть причиной появления солнечных пятен, то остается допустить, что появление солнечных пятен есть причина кризисов.

Уже в начале XIX столетия Вильям Гершель высказал предположение, что количество пятен на солнечном диске оказывает влияние на погоду, а следовательно, и на урожай трав и хлебных злаков. Но если мы будем сравнивать колебания хлебных цен в Европе с колебаниями солнечных пятен, мы не заметим между явлениями того и другого рода никакого соответствия. По мнению Джевонса, причина этого несоответствия заключается в сложности и разнообразии метеорологических условий, определяющих урожай и цену хлеба в Европе.

Другое дело, если мы возьмем тропические страны. В них метеорологические условия несравненно проще и однообразнее, и потому в них легче заметить влияние изменения количества солнечной теплоты и света, получаемых землей, на состояние растительности. Д-р Гентер и другие наблюдатели заметили, что в Индии голода, зависящие от неурожаев, повторяются периодически и что период повторения их совпадает с периодом появления на солнце наибольшего числа пятен. Принимая это во внимание, не трудно понять таинственную связь между состоянием солнечного диска и промышленными кризисами в Англии.

Значительная доля английского вывоза направляется в Индию, и из Индии точно так же ввозится в Англию громадное количество колониальных продуктов и разного рода сырья. Во время урожаев спрос на европейские фабрикатy в Индии возрастает; цена их повышается, ввоз увеличивается, и в Англии начинается эпоха промышленного оживления, которое выражается прежде всего расширением внешней торговли. Когда в Индии наступает неурожай и голод, спрос на все европейские фабрикатy внезапно падает; это вызывает в Англии кризис, от которого английская промышленность иногда не может оправиться в течение нескольких лет, и за эпохой торгового оживления следует эпоха торгового застоя.

Можно думать, что подобные же периодические неурожаи повторяются не только в одной Индии, но и в других тропических странах, и потому действие этих неурожаев на европейскую промышленность становится еще сильнее. Англия более страдает от промышленных кризисов, чем другие государства, потому что она ведет более обширную торговлю с тропическими странами.

Но если периодические промышленные кризисы зависят от периодического увеличения пятен на солнечном диске, то из этого еще отнюдь не следует, что промышленные кризисы не могут вызываться другими причинами. Кризисы 1798 и 1811 г.г. были вызваны политическими событиями. Кризис 1871 г. был вызван окончанием франко-прусской войны. Но такие кризисы, имеющие более или менее случайный характер, следует отличать от периодических потрясений народ-

ного хозяйства, которые обуславливаются колебаниями солнечного света и теплоты.

Изложенная теория кризисов Джевонса отличается обычными достоинствами и недостатками этого оригинального мыслителя и экономиста¹⁾. Как и все остальные работы Джевонса, она обнаруживает редкую статистическую виртуозность и изобретательность. Требовалась большая творческая фантазия для того, чтобы привести в связь два до такой степени отдаленные явления, как промышленные кризисы и солнечные пятна. Но, с другой стороны, в этой теории сказываются и обычные недостатки Джевонса—злоупотребление математическими, абстрактными построениями в ущерб внимательному изучению действительных фактов. Вычисливши среднюю периодичность наступления английских кризисов и получивши число, приближающееся к числу периодичного появления солнечных пятен, Джевонс считает дело реперенным и причинную связь между явлениями того и другого рода—доказанной. Но для того, чтобы получить желаемую цифру, Джевонс должен был сделать целый ряд натяжек. Некоторые кризисы он совсем отбрасывает, как неперIODичные, в других случаях он утверждает, что кризисы происходили в определенные моменты, требуемые его теорией, хотя никаких фактических доказательств этому он не представляет.

В действительности, в XVIII столетии из всех перечисленных Джевонсом кризисов несомненно были только кризисы 1721, 1763, 1783 и 1793 г.г., да и то, кроме кризисов 1721 и 1793 г.г., очень слабые. В XIX столетии промышленные кризисы, или эпохи торгового зстоя, действительно, повторялись в Англии с замечательной правильностью: со времени 20-х и до 70-х годов каждое десятилетие было отмечено промышленным кризисом; с этого же времени промышленные кризисы уступили место продолжительным периодам торгового зстоя, отделяющий каждую последующую эпоху торгового оживления или зстоя, всегда остается одним и тем же. Так, в течение первых двух десятилетий XIX века было три кризиса—в 1810, 1815 и 1818 г.г.; а в 1805 г., в противность утверждению Джевонса, никакого промышленного кризиса не было. Как мы имели достаточно случаев убедиться выше, ценность вывоза произведений Соединенного Королевства лучше всего характеризует состояние английского денежного и товарного рынка. Приведем поэтому соответствующие цифры за 20 лет—1803—1823 г.г.

	— м. ф. с.
1803 г.	20,5 " " "
1804 "	22,7 " " "
1805 "	23,4 " " "
1806 "	25,9 " " "
1807 "	23,4 " " "
1808 "	24,6 " " "
1809 "	33,5 " " "
1810 "	34,1 " " "
1811 "	22,7 " " "
1812 "	29,5 " " "
1813 г.	34,2 " " "
1814 "	42,9 " " "
1815 "	35,7 " " "
1816 "	40,1 " " "
1817 "	42,7 " " "
1818 "	33,5 " " "
1819 "	38,4 " " "
1820 "	40,8 " " "
1821 "	44,2 " " "
1822 "	

¹⁾ Она нашла себе последователей. Так, напр., итальянский экономист Воссардо в своей работе *Economia Politica* (Torino, 1877) целиком принимает теорию Джевонса и даже предлагает организовать ряд астрономических, ботанических и статистических наблюдений для окончательного решения вопроса.

В 1806 г. ценность британского экспорта повышается, и потому ни о каком промышленном кризисе в 1805 г. не может быть и речи; зато сокращение внешней торговли в 1811, 1816 и 1819 г.г. доказывает, что в 1810, 1815 и 1818 г.г. были промышленные кризисы¹⁾.

Такое частое повторение кризисов за второе десятилетие этого века (три кризиса на 1 десятилетие) объясняется совершенно исключительными условиями того времени: до 1814 г. продолжалась война с Францией, совершенно расстроившая мировую торговлю, а наступление мира вызвало новое потрясение народного хозяйства Англии и европейского континента. Поэтому второе десятилетие XIX века и было так богато кризисами.

Со времени двадцатых годов XIX в., в наступлении кризисов, или эпох торгового-промышленного зстоя, действительно, замечается большая правильность. Но, опять-таки, эта правильность далеко не доходит до тех пределов, какие требуются теорией Джевонса. Между тремя кризисами 1825, 1836, 1847 г.г. промежутки равнялись 11 годам; следующий кризис наступил через 10 лет (в 1857 г.), затем произошел кризис через 9 лет (в 1866 г.). Следующая эпоха торгового зстоя началась в 1873—1874 г.г. и кончилась в 1878 г. Торговый зстой 80-х годов продолжался с 1882 по 1886 г., а начало торгового зстоя 90-х годов относилось к 1890 г. Раньше продолжительность промышленного цикла была 11 лет, затем она приблизилась к 10 годам, а потом к 8—9 годам.

Поэтому, даже основываясь только на времени наступления кризисов, нельзя допустить, что повторяемость кризисов находится в непосредственной связи с каким-нибудь строго периодическим, астрономическим или физическим, явлением. Напротив, причина повторяемости кризисов, повидимому, имеет социальный характер, и потому период наступления кризисов то растягивается, то стягивается в зависимости от изменения экономических, политических и, вообще, социальных условий данного времени.

Но самое главное возражение против теории Джевонса заключается в том, что она совершенно не согласуется с действительными, конкретными условиями происхождения отдельных кризисов. При изложении истории отдельных кризисов мне почти не приходилось говорить об Индии, и, напротив того, приходилось очень много говорить о Соединенных Штатах. Фактически вывоз британских произведений в Индию колеблется, сравнительно, очень мало. Как это ни странно, но во время многих кризисов вывоз английских произведений в Индию не только не падал, но даже возрастал, в чем можно убедиться из нижеследующей таблицы.

Ценность вывоза произведений Соединенного Королевства в Азию ²⁾ .	Ценность вывоза произведений Соединенного Королевства в Ост-Индию ²⁾ .	Ценность вывоза произведений Соединенного Королевства в Ост-Индию ²⁾ .			
(В м. ф. с.)	(В м. ф. с.)	(В м. ф. с.)			
1824 г.	3,7	1856 г.	10,5	1865 г.	18,3
1825 "	3,6	1857 "	11,7	1866 "	20,0
1826 "	4,3	1858 "	16,8	1867 "	21,8

¹⁾ Описание этих кризисов смотри у Tooke'a, *History of Prices*, vol. 1.
²⁾ По *Accounts relating to Trade and Navigation of the United Kingdom*.

В виду этих цифр, очевидно, нельзя видеть причину кризисов 1825, 1857 и 1866 г.г. в каком-либо сокращении спроса Ост-Индии на британские фабрикатy; вместе с тем рушится и вся теория Джевонса, основанная на предположении периодического сокращения этого спроса, ибо оказывается, что, по крайней мере, три периодических промышленных кризиса никоим образом не могли быть вызваны предполагаемой Джевонсом причиной.

Теория Джевонса объясняет происхождение промышленных кризисов физическими причинами. Та теория, к рассмотрению которой мы теперь переходим, напротив того, на первый план выдвигает социальные причины кризисов. Уже Фурье говорил о порочном круге, *circuitus vitiosus*, современной промышленной системы, при которой чрезмерное богатство является непосредственной причиной бедности. Но полное развитие эта теория получила только в работах творцов современного научного социализма—Маркса и Энгельса, и их последователей—немецких социал-демократов.

В своей замечательной книге „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“ (первое издание в 1845 г.) Фридрих Энгельс следующим образом объясняет происхождение кризисов. „При современном беспорядочном производстве и распределении средств к жизни, целью которого является не непосредственное удовлетворение потребностей, а денежная прибыль, при системе, когда каждый работает и обогащается на свой собственный страх, застой может наступить каждую минуту. Так, напр., Англия снабжает массу стран самыми различными товарами. Если даже фабрикант и знает, сколько ежегодно потребляется в каждой отдельной стране того и другого продукта, то он никак не может знать, как велики запасы этих продуктов в данный момент, и еще менее он знает, сколько продуктов пошлют туда же его конкуренты. По постоянно колеблющимся товарным ценам он может делать только очень гадательные предположения о состоянии запасов и спроса и принужден посылать свои товары наудачу; все совершается впопыхах, с закрытыми глазами, более или менее случайно. При малейшем благоприятном известии каждый посылает все, что может, и в скором времени рынок переполняется товарами, продажа приостанавливается, уплата не производится, цены падают, и рабочие лишаются занятия. В начале промышленного развития такие приостановки сбыта ограничиваются отдельными отраслями производства и отдельными рынками; но вследствие централизующей силы конкуренции, которая бросает рабочих, лишившихся куса хлеба в одной отрасли труда, в другие наиболее доступные промыслы, а товары, не находящие сбыта на одном рынке—во все остальные рынки, вследствие всего этого, отдельные небольшие кризисы все сближаются и, наконец, соединяются в один ряд периодически возвращающихся кризисов“¹⁾.

В своей позднейшей работе „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“ Энгельс еще дальше развивает свою теорию. Коренная причина промышленных кризисов заключается, по его мнению, в двух основных противоречиях капиталистического строя: во-первых, в противоположности коллективного производства и индивидуального присвоения рабочего продукта; во-вторых, в противоположности органи-

¹⁾ Friedrich Engels. Die Lage der arbeitenden Klassen in England. Издание 1892 г. стр. 84—85.

зованного производства в отдельных фабриках и анархии всего национального производства. „В кризисах противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением доходит до острого проявления. Товарное обращение моментально прекращается... Экономическая коллизия достигает своего максимума: форма производства протестует против формы обмена, производительные силы протестуют против формы производства, которую они переросли“¹⁾.

Карл Маркс не дал какой-либо особой теории кризисов. В тех местах „Капитала“, где он говорит о кризисах, он примыкает к Энгельсу, учение которого о промышленном резерве капитализма, об избыточной армии рабочих, которая в благополучные годы поступает на фабрики и в мастерские, а в эпохи промышленного застоя бедствует и нищенствует, сделалось одним из краеугольных камней экономической системы „Капитала“.

Интересно остановиться на взглядах по данному вопросу главы современного марксизма—Каутского.

„Великие современные кризисы,—говорит К. Каутский,—потрясающие мировой рынок, вызываются перепроизводством, которое, в свою очередь, зависит от присущего товарному производству отсутствия плана (Planlosigkeit). Перепроизводство в том смысле, что количество изготовленных продуктов превосходит потребность в них, возможно при всякой форме хозяйства. Но, когда производители изготовляют для собственного потребления, оно не может причинить никакого вреда... Иначе при товарном производстве. В своей развитой форме оно предполагает, что никто не производит для своего потребления, но исключительно для сбыта. Каждый должен покупать, что ему нужно. Притом общее производство отнюдь не распределено по какому-либо плану, но всякому производителю предоставлено догадываться самому, как велика потребность в производимом им товаре. С другой стороны, при товарном производстве, как только оно поднялось над низшей ступенью обмена, никто, кроме производителей товара, служащего денежной единицей, драгоценных металлов, не может купить, не продавши предварительно. В этом и заключаются два корня кризиса...“²⁾.

Далее Каутский развивает, каким образом при наличии этих двух условий (неорганизованности национального производства и работе исключительно для сбыта) промышленность попеременно переходит из состояния возбуждения в состояние упадка, и обратно. „Как только одна из главных отраслей промышленности получить по какой-либо причине усиленный толчок к развитию, напр., вследствие открытия нового крупного рынка (напр., в Китае) или вследствие внезапного расширения постройки железных дорог (напр., в Америке), то не только одна эта отрасль промышленности быстро оживляется, но она немедленно передает полученный толчок всему народному хозяйству. Капиталисты расширяют свои предприятия и основывают новые, увеличивают потребление сырого и вспомогательного материала. Новые рабочие привлекаются к производству, и прибыль, рента и заработная плата возрастают одновременно. Увеличивается спрос на

¹⁾ Friedrich Engels. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Zweite Auflage. 1886, стр. 263.

²⁾ Karl Kautsky. Das Erfurter Programm. Stuttgart. 1892. Стр. 87.

самые различные товары, самые различные отрасли промышленности принимают участие в хозяйственном подъеме, который, в конце концов, становится общим... Производство расширяется в колоссальных размерах, излишняя потребность рынка уже давно удовлетворена, но производство продолжает возрастать. Никто ничего не знает про другое, и если даже иной капиталист в трезвую минуту начинает чувствовать опасение, то оно немедленно заглушается сознанием необходимости воспользоваться выгодной конъюнктурой и не остаться позади в общей скачке¹⁾. В конце концов следует промышленный кризис, который является естественным последствием оживления некоторых отдельных отраслей промышленности, передавших полученный толчок всем остальным.

Школа Маркса-Энгельса дала самое глубокое из всех существующих объяснение кризисов. Мысль, что промышленные кризисы представляют собой естественное и неизбежное следствие современной организации народного хозяйства, высказывалась многими и до Энгельса (достаточно указать на Сисмонди); но только школа Маркса выяснила с полной определенностью, какие именно элементы капиталистического строя порождают кризисы. Тем не менее, я никак не могу признать, что работами последователей этой школы вопрос о происхождении кризисов разрешен вполне удовлетворительно. Достаточно сказать, что, по мнению Каутского, промышленные кризисы вызываются все-таки случайными причинами (напр., открытием нового рынка); но если бы это было так, то кризисы не повторялись бы через такие правильные промежутки времени.

Можно согласиться, что неорганизованность товарного производства и свободная конкуренция составляют коренную причину промышленных кризисов. Но, как я говорил выше, при построении теории кризисов главная трудность заключается не в указании условий, которые во всякий данный момент могут вызвать кризис, а в объяснении именно того факта, что кризисы происходят не в каждый момент, а через определенные промежутки времени, периодически. Капиталистическое производство всегда остается неорганизованным, однако, промышленность и торговля одно время находятся в цветущем состоянии, а другое время—в состоянии крайнего угнетения. Должна существовать какая-то, не указываемая школой Маркса, основная причина, вызывающая правильные расширения и сжатия всего народного хозяйства. Посмотрим теперь, не заключается ли эта причина не в области производства, а в области обмена.

2. Теории обмена.

Самое обыкновенное объяснение кризисов, которое повторяется почти всеми, писавшими о кризисах (в том числе и историками кризисов, напр., Туком²⁾, Мориером Эвансом³⁾, М. Виртом⁴⁾, Жюгларом⁵⁾

¹⁾ Ibidem, 92—93.

²⁾ Th. Tooke. A History of Prices.

³⁾ Morier Evans. The Commercial Crisis 1847. London. 1848. The History of the Commercial Crisis 1857—1858. London. 1859.

⁴⁾ Max Wirth. Geschichte der Handelskrisen.

⁵⁾ С. Juglar. Des Crises Commerciales. Историческая часть этой превосходной работы очень слаба и местами представляет дословный перевод книги М. Вирта, точно так же, как эта последняя книга местами представляет перевод Тука.

и др.), заключается в следующем: кризисы вызываются усилением спекуляции на товарном и денежном рынке. Свидетели из числа людей практики и науки, дававшие показания многочисленным английским парламентским комиссиям, исследовавшим причины кризисов, почти всегда указывают на overtrade, overtrading, как на главную причину кризиса. Overtrade, трудно переводимое на русский язык слово, означает такое расширение торговли, которое переходит должные границы, указываемые размером наличного капитала торговца и потребностями рынка. Чрезмерное расширение торговли, всегда сопровождаемое злоупотреблением кредитом, есть следствие усиления спекулятивного духа среди торговцев; спекуляции на фондовой бирже приводят к созданию массы биржевых ценностей, значительная часть которых возникает не вследствие действительных потребностей страны, а исключительно в целях биржевой игры. Вполне естественно, что усиление спекуляции и расширение кредита в конце концов должно приводить к крушению спекулянтов, ибо прочный успех могут иметь только такие предприятия, которые соответствуют условиям рынка и ведутся с достаточным количеством наличного капитала. А так как, благодаря распространению кредита, в настоящее время между всеми отдельными хозяйствами существует тесная связь, то банкротство спекулянтов влечет за собой крушение и всех остальных запутавшихся или малонадежных предприятий, и в стране наступает промышленный кризис.

Таково, повторяем, обычное объяснение кризисов. Но, в сущности это вовсе не объяснение, а описание внешних симптомов промышленного кризиса. Почему в определенные моменты усиливается дух спекуляции и эпидемически охватывает весь торгово-промышленный мир? Если бы эти моменты происходили очень редко (как, напр., в XIX столетии знаменитые спекуляции Джона Лоу во Франции или спекуляции Компании Южного моря в Англии), то еще можно было бы считать их случайным явлением, подобно какой-нибудь повальной болезни, не поддающейся никакому дальнейшему объяснению. Но если дух спекуляции из десятилетия в десятилетие постоянно усиливается приблизительно в одно и то же время, через правильные промежутки, то необходимо указать для этого какую-либо общую причину, ибо совершенно невероятно, чтобы такое частое и такое правильное повторение одних и тех же явлений не было вызвано общей, неизменно действующей причиной.

Итак, какая же общая причина периодически вызывает усиление спекуляции и последующее крушение ее?

Со времени знаменитых споров английских экономистов 30-х и 40-х годов о влиянии чрезмерного выпуска банковых билетов на товарные цены, вошло в обыкновение приводить кризисы в связь с организацией кредита и денежного обращения. По мнению С. Лойда (впоследствии лорда Оверстона), Торренса и др., причина колебаний английской промышленности непосредственно заключалась в неправильной организации банкового дела в Англии. Писатели этой школы утверждали, что чрезмерные выпуски билетов Английского Банка повышают товарные цены, дают искусственный стимул английской торговле, а когда усиление спекуляции приводит страну к кризису и золото начинает отливать из кассы Банка, тогда внезапное сокращение кредита, к которому Банк бывает вынужден прибегнуть ради обеспе-

чения размена своих билетов на звонкую монету, довершает бедствие и вызывает панику на денежном рынке. Как известно, С. Лойду удалось привлечь на свою сторону первого министра Англии, сэра Роберта Пилля, и провести знаменитую реформу Английского Банка, о которой столько писалось в Англии и за границей. Но мы не будем касаться всех этих старых споров, имеющих в настоящее время только исторический интерес. Банковский акт 1844 г. не предотвратил наступления кризисов, и уже одно это доказывает, что причина кризисов заключалась не в чрезмерном выпуске билетов Английского Банка.

Тем не менее, попытки связать промышленные кризисы с условиями денежного обращения продолжались и после. Многие экономисты попрежнему видели в неправильной организации кредита главную, если не единственную, причину периодического повторения промышленных кризисов. При этом крайне характерно, что относительно главного вопроса, в чем же заключаются недостатки современной организации кредита, в экономической литературе существуют два взаимно исключаящих взгляда. По мнению одних, кризисы вызываются монополией банкового дела, привилегированным положением крупных банков, имеющих в большей или меньшей степени характер государственных учреждений. По мнению других, наоборот, кризисы создаются излишней свободой банкового дела, слишком слабым контролем правительства над банковыми операциями.

Против монополии банкового дела писали Шарль Коклен ¹⁾, Адольф Вагнер ²⁾ (в своей первой работе о банках; в последующих работах А. Вагнер значительно изменил свои взгляды по данному вопросу), Джордж Гетри ³⁾, Кэри ⁴⁾, Маклеод ⁵⁾ и многие другие. Обыкновенный упрек, делаемый привилегированным банкам, заключается в следующем: эти банки, будучи в полной безопасности от кризисов, которые сокрушают более мелкие учреждения кредита, но не могут поколебать привилегированных учреждений, и располагая громадными капиталами, стекаящимися к ним со всей страны, искусственно понижают в период оживления промышленности дисконтный процент и этим поощряют спекуляцию. Когда же спекуляция достигает таких размеров, что близкое наступление кризиса становится неизбежным, привилегированные банки сразу повышают дисконтный процент и вызывают панику, которая губительна для всей страны, но для них самих очень выгодна (известно, что дивиденды Английского Банка бываю выше всего в годы кризисов, вследствие повышения дисконтного процента и расширения дисконтной операции). Свобода банкового дела уничтожит возможность искусственного понижения дисконтного процента и предотвратит, или сделает более редким, наступление промышленных кризисов.

¹⁾ Ch. Coquelin. Les Crises Commerciales et la Liberté des Banques (Revue des Deux Mondes. 1848, Novembre).

²⁾ Adolph Wagner. Beiträge zur Lehre von den Banken. Leipzig. 1857.

³⁾ George Guthrie. Monetary and Commercial Crisis—an Avoidable Evil. London. 1859, и Bank Monopoly, the Cause of Commercial Crises. Edinburgh and London. 1864.

⁴⁾ H. C. Carey. The Past, the Present and the Future. London. 1856. Глава V, также „Руководство к социальной науке“. Петербург. 1869, пер. кн. Л. Шаховского, глава XXVI—XXIX, и другие сочинения того же автора.

⁵⁾ H. D. Macleod. Theory and Practice of Banking. London. 1857, и целый ряд других сочинений этого автора, посвященных почти исключительно вопросам банкового дела.

Напротив, противники банковской свободы (напр., Гейер ¹⁾, Мориц Моль ²⁾ и целый ряд новейших писателей, отстаивающих необходимость регулирования эмиссионной операции банков) по своим основным взглядам примыкают к английским сторонникам Currency Theory. Подобно этим последним, они утверждают, что главная или одна из главных причин кризисов заключается в выпуске необеспеченных звонкой монетой банковых билетов. Свобода банкового дела повела бы, по мнению писателей этой школы, к усилению спекуляции, вследствие создания банками фиктивного богатства в виде ничем не обеспеченных банковых билетов, и сделала бы промышленные кризисы еще более частыми и губительными для страны, чем теперь.

Таким образом, аргументы одной стороны побиваются аргументами другой. В действительности промышленные кризисы не находятся в непосредственной связи с какой-либо определенной организацией банкового дела, что неоспоримо доказывается уже одним фактом наступления промышленных кризисов как в странах широкой свободы банкового дела (Соединенные Штаты), так и в странах строго централизованного, монопольного кредита (Франция).

Но если кризисы не вызываются той или другой организацией кредита, то не находятся ли они в связи с общими условиями денежного обращения в странах с развитым кредитом? В 1865 г. известный бельгийский экономист Эмиль де-Лавеле выпустил интересную книгу „Le Marché Monétaire et ses Crises depuis cinquante ans“. В этой книге Лавеле попытался доказать, что промышленные кризисы вызываются именно условиями денежного обращения. Аргументация Лавеле заключается в следующем.

Единственное обстоятельство, неизменно предшествующее всем промышленным кризисам, где бы они ни происходили, в Европе или Америке, заключается в отливе золота изнутри страны за границу. Как бы ни были разнообразны прочие обстоятельства, но в этом отношении все кризисы походят друг на друга. Поэтому вполне естественно признать отлив золота за границу истинной причиной кризисов.

Против этого обыкновенно возражают, что в такой стране, как Англия, уменьшение запасов золота на несколько миллионов ф. ст. не может иметь большого значения в виду громадности ее капиталов и колоссальных размеров ее внутренней и внешней торговли. Но не надо забывать, что вся эта торговля построена в Англии на самом широком развитии кредита. Кредит же, в свою очередь, основывается на известном запасе наличной звонкой монеты. Чем совершеннее организация кредита, чем в меньшем количестве звонкой монеты страна нуждается, тем большее значение имеет то наличное количество денег, которым страна располагает. Все сложное здание английской торговли и английского кредита покоится на зыбком фундаменте нескольких миллионов ф. ст. золота и серебра, которые хранятся в Английском Банке. Эти немногие миллионы существенно необходимы для того, чтобы сотни миллионов английского капитала могли правильно циркулировать. Если только запас золота и серебра в кассах Английского Банка уменьшается, тревога распространяется во всей стране, кредит сокращается, товарные цены падают, по той причине, что все прекрасно сознают

¹⁾ Ph. Geyer. Banken und Krisen. Leipzig. 1865.

²⁾ Moriz Mohl. Ueber Bank-Manöver, Bankfrage und Krisis. Stuttgart. 1858.

необходимость для торговли и промышленности всей страны достаточного запаса звонкой монеты, хранящейся в Английском Банке.

Чем меньше металлические резервы страны, тем сильнее на нее действует отлив золота за границу. Поэтому от промышленных кризисов более страдает Англия, чем Франция.

Дальнейшим подтверждением связи промышленных кризисов с денежным обращением служит замечательный факт, что кризисы обыкновенно происходят осенью. Именно осенью спрос на наличные деньги бывает особенно велик: в это время продается главная масса сельскохозяйственных продуктов, уплачивается арендная плата, совершаются закупки на зиму и т. д. Металлические запасы банков осенью сильно уменьшаются, и потому вполне естественно, что в это время обыкновенно происходят промышленные кризисы.

„Вообще“, говорит Лавеле, „кризисы вызываются совместным действием трех причин: 1) употреблением кредита в его различных формах; 2) переполнением рынка срочными сделками и обязательствами разного рода: подпиской на государственные и городские займы, выпуском облигаций и акций больших компаний, частными предпрятиями и пр.; 3) расстройством торгового баланса, вызывающим отлив значительного количества звонкой монеты за границу в то время, как запас звонкой монеты в стране не превышает строго необходимого. Первая и вторая причины за последние годы действуют почти непрерывно в тех странах, в которых благосостояние возрастает, потому что, с одной стороны, они все больше и больше пользуются кредитом по мере того, как торговые обычаи и учреждения совершенствуются, а, с другой стороны, промышленность, под руководством науки, открывает постоянно новые области приложения своих сил... Следовательно, элементы кризиса всегда готовы, или, если угодно, существует постоянная тенденция к кризису, но наступление кризиса всегда определяется возмозом драгоценных металлов за границу“¹⁾.

Таково предлагаемое Лавеле объяснение причины кризисов. С первого взгляда оно может показаться довольно остроумным; в действительности же оно ничего не объясняет. Отлив золота за границу есть обычный симптом промышленных кризисов, но никоим образом не причина их. В 1839 г. металлические запасы Английского Банка уменьшились гораздо больше, чем в 1836 или 1847 г.г., а, между тем, в 1839 г. не было промышленного кризиса. Точно так же, в течение первой половины 60-х годов металлическая наличность Английского Банка несколько раз падала на несколько миллионов ф. с., не вызывая промышленного кризиса. Майская паника 1866 г. не находилась ни в какой связи с отливом золота за границу, так как в течение всего апреля и мая месяца вексельный курс был благоприятен Англии.

Далее, если бы даже уменьшение кассовой наличности Английского Банка было непосредственной причиной промышленного кризиса, то нужно показать, отчего же зависит периодическое повторение отливов золота за границу. Изменение торгового баланса есть производное явление, которое само по себе требует объяснения; с утверждением Лавеле, что отлив золота за границу всегда предшествует промышленному кризису, с некоторыми оговорками можно согласиться

¹⁾ E. Laveleye. Le Marché Monétaire et ses Crises depuis cinquante ans. Paris. 1865, стр. 148—50.

(перед кризисом 1866 г. золото не отливалось за границу, но этот кризис не был, строго говоря, промышленным кризисом); но отсюда не следует, что именно это обстоятельство и есть главная причина кризиса, а не обычный симптом его приближения. Теория Лавеле представляет собою верное описание симптомов промышленных кризисов, но скрытого механизма, вызывающего весь этот сложный комплекс явлений, — оживление торговли, падение вексельного курса, отлив золота за границу и последующее расстройство всего народного хозяйства, — теория Лавеле не объясняет.

То же самое можно сказать и про теорию К. Жюглара, автора превосходной работы „Des Crises Commerciales et de leur retour périodique“ (первое издание в 1860, а второе в 1889 г.). Эта работа в особенности замечательна тем, что в ней впервые была доказана периодичность промышленных колебаний в Англии, Франции и Соединенных Штатах. Изучивши отчеты Английского и Французского банков, а также важнейших банков Соединенных Штатов, Жюглар пришел к следующему заключению: „Не исходя ни из какой теории, ни из какой гипотезы, а основываясь только на наблюдении действительных фактов, можно установить закон периодичности кризисов. Существуют эпохи оживления, благополучия и повышения цен, заканчивающиеся всегда кризисом; за ними следуют годы замедления торговли и понижения цен, приводящие промышленность в более или менее угнетенное состояние“¹⁾.

По мнению Жюглара, ошибочно приписывать происхождение кризисов случайным, частным обстоятельствам, предшествующим отдельным кризисам: войны, неурожай, злоупотребления кредитом, чрезмерные выпуски банковых билетов — все эти причины не могут вызвать промышленного кризиса, если общее положение народного хозяйства не благоприятствует этому. Как последняя капля, переполняющая чашу, они могут ускорить наступление промышленного кризиса, но только в том случае, когда состояние денежного и товарного рынка делало промышленный кризис неизбежным. Промышленный кризис никогда не наступает внезапно: ему всегда предшествует особое возбужденное состояние промышленности и торговли, симптомы которого настолько характерны, что промышленный кризис может быть предсказан заранее (последнее и удавалось неоднократно самому Жюглару).

Отчего же зависит эта правильная смена периодов возбуждения и упадка? Жюглар указывает одну основную причину: периодическое колебание товарных цен. Благополучная эпоха, предшествующая кризису, всегда характеризуется повышением цен: „Ежегодные сбережения цивилизованных наций, непрерывно увеличивающие их богатства, вызывают и поддерживают постоянное повышение цен: это — естественное состояние рынка, благополучный период. Кризис приближается, когда повышательное движение замедляется; кризис разражается, когда оно прекращается. Одним словом, главная, можно сказать единственная причина кризисов есть приостановка повышения цен“²⁾.

Весь механизм развития кризиса Жюглар представляет следующим образом.

Повышение товарных цен имеет естественную тенденцию затруднить продажу товаров. Поэтому, по мере того, как цены растут, тор-

¹⁾ Clement Juglar. Des Crises Commerciales et de leur retour périodique, Paris. 1889. Стр. XV.

²⁾ C. Juglar. Des Crises Commerciales, 33.

говым балансом делается менее и менее благоприятен для страны. Золото начинает отливать за границу в уплату за товары, вывоз которых перестает покрывать ввоз. Сначала этот отлив очень незначителен и не обращает ничего внимания. Но чем выше цены, тем сильнее золото отливает за границу. Наконец, товарные цены достигают такой высоты, что сбыт товаров за границу становится крайне затруднителен. Не имея возможности уплачивать продукты за продукты, торговцы начинают возобновлять свои векселя в банках по мере истечения сроков их уплаты, и этим объясняется усиление дисконтной операции банков в период, непосредственно предшествующий кризису. Но, как бы ни отсрочивалась уплата, рано или поздно она должна быть произведена. Товарные цены сразу падают, затем следуют банкротства банков и торговцев, и наступает промышленный кризис.

Против всего этого нечего возразить; без сомнения, Жюглар совершенно верно подметил наиболее характерную черту промышленных кризисов—падение товарных цен. Непосредственная причина кризиса заключается вовсе не в уменьшении запаса звонкой монеты в обращении, как это полагал Лавеле, а именно в понижении цены товаров, которое сразу приостанавливает всякую торговлю. «Самый добросовестный торговец может сделаться несостоятельным, если продажная цена товара не покрывает покупной цены. Причина отлива звонкой монеты за границу в период, непосредственно предшествующий кризису, также прекрасно объяснена Жюгларом: повышение товарных цен внутри страны одновременно задерживает вывоз туземных товаров за границу и поощряет ввоз иностранных товаров; вполне понятно, что недостаток вывоза товаров покрывается вывозом золота, в чем мы неоднократно имели случай убедиться выше, при описании истории отдельных кризисов.

Тем не менее, мы не считаем, что теория Жюглара объясняет происхождение кризисов в современном народном хозяйстве. Сравнительно с Лавеле, Жюглар сделал один шаг дальше—он показал, что нарушения в области денежного обращения, характеризующие приближение и наступление кризиса,—суть производные явления, вызываемые изменением относительного уровня товарных цен внутри страны и за границей. Но отчего же цены товаров испытывают такие периодические повышения, заканчивающиеся промышленными кризисами? Жюглар говорит, что ежегодные сбережения в тех странах, в которых торговля и промышленность быстро растут, имеют постоянную тенденцию повышать цены товаров. С этим утверждением никак нельзя согласиться. Если возрастает спрос на товары, то ведь возрастает и предложение их, расширяется производство. Как мы старались показать раньше, в капиталистической стране не спрос идет впереди предложения, а всегда предложение давит на спрос, стремится его искусственно вызвать и расширить. Всегда есть доля избыточного капитала и избыточных товаров, не находящих себе помещения на рынке. При таких условиях сбережения страны скорее имеют тенденцию понижать, чем повышать, товарные цены, так как капиталы, вновь поступающие на рынок, уж и без того переполненный товарами, только увеличивают трудность приспособления предложения товаров к спросу.

Таким образом, теория Жюглара не объясняет самого главного—повышения товарных цен в период, предшествующий кризису. Далее, Жюглар не указал, почему повышение товарных цен всегда заканчи-

вается падением их и расстройством торговли. Если предположить, что цены повышаются в одной стране, между тем как в других странах средний уровень цен не возрастает (как это и было в течение первой половины XIX столетия, когда промышленные приливы и отливы охватывали только немногие страны—Англию, Соединенные Штаты и, в меньшей степени, Францию), тогда вполне понятно, что возрастание товарных цен, дойдя до известного предела, должно остановиться вследствие невозможности продавать товары на иностранных рынках, на которых товарные цены не повысились. Такой местный характер имели три первые кризиса (1825, 1836 и 1847 г.г.), описанные нами выше. Но в новейшее время оживление промышленности и торговли распространялось, можно сказать, на весь цивилизованный мир. Почему же в этом случае товарные цены все-таки должны падать после всякого повышения? Теория Жюглара не дает этому никакого объяснения.

Итак, отчего же зависят периодические колебания товарных цен? Интересный ответ на этот вопрос дает Джон Милльс в статье *On Credit Cycles and the Origin of Commercial Panics* (Transactions of the Manchester Statistical Society, 1867—1868).

Непосредственные причины кризисов, говорит Милльс, так разнообразны, что в них нельзя искать общей причины кризисов, делающей их правильными, периодическими явлениями. Нельзя видеть этой причины и в той или иной системе денежного обращения, ибо кризисы происходят при всевозможных системах.

Объяснение кризисов следует искать в душевных особенностях человека, так как кредит, колебания которого составляют самую характерную черту кризисов, есть явление духовного порядка.

Говоря вообще, паника на денежном рынке не разрушает капитала, а между тем действие ее бывает так губительно для всего народного хозяйства. Что же разрушается во время паники и оставляет после себя пустоту? „Это тот тонкий, невещественный агент, посредством которого инертный капитал приводится в движение и направляется на новые пути. Агент этот—кредит“¹⁾.

Паника есть смерть кредита. Но кредит обладает способностью воскрешенья, и жизненный цикл его и есть цикл современной промышленности.

Первый период кредитного цикла (*Post-panic period*) непосредственно следует за окончанием паники. В это время дисконтный процент всегда бывает низок, а ссудный рынок бывает переполнен капиталами. Переполнение это зависит от следующих причин:

1) от душевного состояния собственников капитала, которые успокаиваются после паники, но все-таки опасаются расстаться с капиталом и помещают его в надежное место—банки, в которых в это время вклады сильно возрастают;

2) от душевного состояния заемщиков капитала, не желающих делать новые займы и расширять свои операции.

Два указанных обстоятельства составляют внутренние причины переполнения рынка капиталом. Внешние причины того же явления заключаются в изменении вексельного курса. В период, предшествующий панике, вексельный курс, под влиянием неблагоприятного торгового баланса, был низок, и деньги уходили из страны. После паники, когда

¹⁾ John Mills. On Credit Cycles etc. (T. of the M. S. S. 1867—1868). Стр. 18.

товарные цены стоят на низком уровне, торговый баланс делается благоприятным, вексельный курс повышается, и деньги начинают возвращаться в страну.

Таковы характерные черты первого периода кредитного цикла в его нормальном виде. Но под влиянием особых причин этот период может принимать другой характер. Так, в 1866 г. английский кредит за границей был до такой степени разрушен вследствие приостановки действия Банковом Акта 1844 г. и громадного повышения дисконтного процента в Англии и за границей, золото не возвращалось в Англию.

Первый период длится обыкновенно года 2—3. Все это время процент остается низок, а резервы банков—высоки. Мало-по-малу кредит оживает, и наступает средний период, или период оживления. Цены и прибыль повышаются, торговые обороты расширяются. В торговле начинают принимать участие новые люди, не испытавшие предшествовавшей паники и естественно склонные оптимистически смотреть на будущее. Публика всегда склонна ожидать от будущего продолжения настоящего, и потому среди нее быстро распространяется уверенность в прочности финансового положения страны и в цветущем состоянии торговли. Все это содействует дальнейшему улучшению рынка. Капиталы быстро обращаются и дают хорошую прибыль, которая немедленно опять поступает в оборот. Мало-по-малу капиталы переполняют обычные каналы обращения, и капиталисты начинают искать новых путей для выгодного помещения своих барышей.

Наступает третий, спекулятивный, период. Кредит возрастает, вместе с тем растут и цены, и, наконец, все здание, основанное на слишком хрупком фундаменте, рушится. Крушение это зависит от двух причин: 1) существует известный предел, выше которого цены не могут возрасти—предел этот указывается иностранной конкуренцией. Товары перестают продаваться, загромождают рынок, цены их падают, и, раз началось ретроградное движение, оно идет все с увеличивающейся быстротой до окончательного крушения; 2) когда цены товаров начинают колебаться, настоятельная нужда в наличных средствах заставляет многих лиц спешить с реализацией всех форм долгосрочного кредита—акций, облигаций и пр. Это быстро роняет цену последних, основанную всецело на кредите, и разоряет всех кредиторов капитала.

Таким образом, естественный рост кредита, основанный на изменении душевного состояния капиталистов и предпринимателей, приводит к смерти и уничтожению кредита, другими словами—к промышленному кризису, после которого кредитный цикл опять начинается в прежнем виде.

К изложенной теории применимо все то, что мы говорили выше о теориях Лавеле и Жюглара: она представляет собой скорее описание фазисов промышленного развития в капиталистическом хозяйстве, чем объяснение их. Ссылка на изменение душевного состояния предпринимателей и капиталистов объясняет очень мало, так как мы не имеем никаких способов определить душевное настроение целого общественного класса. Кроме того, если бы единственная причина промышленных приливов и отливов заключалась в колебаниях кредита, то в настоящее время, когда колебания кредита значительно уменьшились, промышленные колебания тоже должны были бы уменьшиться соответствующим образом. Мы говорили выше, что в 80-х годах прошлого века в Англии

не было обычного десятилетнего потрясения кредита; тем не менее, в половине 80-х годов английская промышленность была в худшем положении, чем в конце 50-х или 60-х годов, когда кредит испытал жестокое потрясение.

Обычная схема развития современного хозяйства, изображенная в нескольких словах еще лордом Оверстоном („спокойствие, улучшение, возрастание доверия, благополучие, возбуждение, спекуляция, потрясение, паника, застой, угнетение и опять спокойствие“), вполне применима только к прежнему времени, когда, действительно, каждый промышленный цикл неизменно заканчивался паникой, разрушением кредита и промышленным кризисом. Теперь же уже много лет в Англии не было настоящего промышленного кризиса, а между тем промышленность ее колеблется ритмичнее и правильнее, чем когда-либо. Следовательно, основная причина этих колебаний заключается не в кредите, а в чем-либо ином; колебания же кредита являются только отражением более глубоких хозяйственных процессов, совершающихся в настоящее время, как и прежде.

3. Теории распределения.

Как мы постарались показать, промышленные кризисы сопровождаются многими характерными изменениями в области кредита и денежного обращения, но изменения эти не составляют основных причин кризисов, а скорее являются симптомами этой своеобразной болезни капиталистического строя. Где же искать ее причину? Быть может, в области распределения и потребления? Целый ряд замечательных писателей приводит промышленные кризисы в связь именно с причинами этого последнего рода.

Выше мы с достаточной подробностью изложили спор между школой Сэ—Рикардо и Мальтуса—Чомерса по вопросу о значении рынков для промышленности и возможности общего перепроизводства товаров. Как мы говорили, Мальтус и Чомерс признавали необходимым условием прочного расширения производства соответствующее расширение потребления. Если же потребление не расширяется, то в таком случае расширение производства вызывает переполнение рынка товарами, не находящими сбыта, другими словами—промышленный кризис. Причиной кризиса является недостаточное потребление продуктов некоторыми классами населения.

По мнению Мальтуса, предприниматели не могут потреблять всех производимых ими продуктов потому, что главная цель предпринимателей заключается не в потреблении, а в сбережении своего дохода, в накоплении капитала. Образующийся избыток непотребленных товаров не может быть потреблен рабочими, так как их заработная плата тяготеет к минимуму средств существования. Необходим, следовательно, особый класс потребителей, пользующихся избытками национального производства, и этим классом являются богатые землевладельцы, роскошь которых не менее полезна для промышленности, чем сбережения предпринимательского класса. Промышленные кризисы, с точки зрения Мальтуса, вызываются недостаточным развитием, сравнительно с ростом производства, непроизводительного потребления богатых классов.

К совершенно противоположному выводу в социально-политическом отношении пришел другой замечательный экономист—Сисмонди де-Сисмонди, одинаково с Мальтусом настаивавший на важности потребления в народном хозяйстве.

Вопрос о причинах товарного перепроизводства и промышленных кризисов является краеугольным камнем в экономической системе Сисмонди. Ни один экономист, современный Сисмонди, не уделял столько времени и труда для разъяснения этого вопроса, как знаменитый автор „Nouveaux Principes d'Économie Politique“. Соответственно этому и объяснения Сисмонди причин промышленных кризисов в современном народном хозяйстве очень сложны и трудно укладываются в одну определенную систему.

В сущности, Сисмонди предложил целый ряд объяснений данного явления, и притом объяснений, не вполне согласованных друг с другом и основанных на различных точках зрения. Выше мы изложили одно из этих объяснений, сущность которого заключается в следующем: под влиянием свободной конкуренции сокращаются доходы рабочего класса, а доходы капиталистического класса возрастают медленнее производства. Так как рынок для производимых продуктов ограничивается размером национального дохода, то вполне естественно, что всякое расширение производства и усиление конкуренции при современной организации народного хозяйства приводит к промышленному кризису или застою торговли.

Исходя из этого взгляда, Сисмонди дал совершенно верное объяснение непосредственных причин английского кризиса 1825 г. „Так как внутренний рынок не был достаточен для помещения продуктов британской промышленности, последняя должна была стремиться расширить сбыт их за границей. Но, как ни громаден был вновь открытый в Америке рынок, его было бы недостаточно для поглощения всех товаров, произведенных в Англии в избытке сравнительно с потребностями внутреннего рынка, если бы займы новых республик не увеличили внезапно во много раз покупательные средства этих государств. Каждое американское государство заключало займы в Англии... и хотя это был капитал, оно его израсходовало немедленно целиком на покупку английских товаров... Пока продолжалась эта своеобразная торговля, в которой англичане просили от американцев одной милости—купить на английские же капиталы английские товары... английские мануфактуры были в цветущем положении... Но, когда занятые капиталы были истрачены и наступил момент расплачиваться по обязательствам, завеса упала, иллюзии прекратились и наступила еще более сильная нужда, чем в 1818 г.“¹⁾

Вышеизложенное объяснение Сисмонди общей причины промышленных кризисов имело большой успех в экономической литературе и было воспринято целым рядом ученых и публицистов. Так, напр., Дюринг объясняет промышленные кризисы следующим образом: „при системе наемного труда ограниченность финансовых средств рабочей массы не дает возможности развиваться такому потреблению, которое могло бы направить расширяющееся производство на постоянное изготовление предметов потребления для массы населения внутри страны...“

¹⁾ Simonde de Sismondi. Nouveaux Principes d'Économie Politique. Paris. 1827, том I, стр. 370.

Производство должно находить сбыт преимущественно среди самих достаточных классов, и в какой пункт мирового рынка оно бы ни направлялось, чтобы выпутаться из своего затруднительного положения, оно нигде не может достигнуть обеспеченного сбыта для производимых товаров... Отсюда возникает в народном хозяйстве глубоко заложенная и постоянная наклонность к нарушению равновесия между производством и потреблением¹⁾... „Производство расширяется скорее, чем постоянно отстающие средства народной массы к закупке изготавливаемых продуктов. При искусственно вызываемой недостаточности потребления даже неизменяющееся производство принимает вид перепроизводства“²⁾.

Из более новых писателей Генрих Геркнер в своей не лишенной интереса книжке „Die Sociale Reform als Gebot des wirthschaftlichen Fortschritts“ выставляет, в полном согласии с учением Сисмонди, следующие тезисы:

„Во-первых, предоставленное само себе обращение заключает в себе тенденцию к большой неравномерности в распределении дохода и имущества.

Во-вторых, покупательная и потребительная способность массы населения остается позади достигаемого современными успехами в области техники и экономики усиления производительности труда.

В-третьих, от этого несоответствия между покупательной и производительной силой рабочего класса зависит переполнение товарами внутреннего рынка, какового переполнения стремятся избегнуть путем возможно большего расширения экспорта и помещения капитала за границей. Но это последнее средство встречает все большие трудности частью вследствие переполнения товарами и заграничного рынка, частью вследствие все усиливающейся конкуренции промышленных государств, принужденных искать заграничного рынка вследствие недостаточной потребительной способности рабочей массы“³⁾.

Наконец, из русских писателей к последователям изложенной теории Сисмонди принадлежит В. В.⁴⁾

По нашему мнению, эта теория основана на совершенно неправильном понимании значения рынков в капиталистическом хозяйстве и уже по одному этому не может быть справедлива. Теоретическим опровержением ее является изложенная теория рынка, доказавшая, что размер спроса на общественный продукт не определяется общественным доходом. Не подлежит сомнению, что расширение производства в современном народном хозяйстве, основанном на свободной конкуренции, есть очень затруднительный процесс, иногда практически совершенно невыполнимый. Но трудность расширения производства несколько не зависит от того, какую долю национального продукта получает каждый общественный класс. Если бы заработная плата возросла до такой степени, что поглотила бы собой весь или почти весь национальный продукт, все-таки расширение производства, при господстве свободной конкуренции, было бы трудно выполнимо.

¹⁾ E. Dühring. Cursus der National und Socialökonomie. Leipzig. 1876. Стр. 222.

²⁾ Ibidem, стр. 227.

³⁾ Heinrich Herkner. Die Social Reform etc. Leipzig. 1891, стр. 37—38. Этому же автору принадлежит статья Krisen в Handwörterbuch der Staatswissenschaften Конрада.

⁴⁾ В. В. признает себя последователем Родбертуса но, очевидно, по недоразумению, так как вся полемика Родбертуса с фон-Кирхманном была направлена именно на опровержение мнения, что абсолютный размер заработной платы может оказывать какое-либо влияние на промышленные кризисы.

Фактическим опровержением изложенной теории является вся история промышленных кризисов. Действительно, чем характеризуется эпоха промышленного оживления? Повышением заработной платы, т.е. увеличением спроса со стороны рабочего класса на произведения туземной промышленности. Тем не менее, за промышленным оживлением следует кризис. Сисмонди, как мы видели, объясняет промышленные кризисы со своей точки зрения следующим образом: недостаточный спрос на товары на внутреннем рынке (зависящий от низкого уровня заработной платы) заставляет предпринимателей искать сбыта товаров за границей; этот сбыт создается эмиграцией за границу избыточных туземных капиталов, но, когда эти капиталы истрачиваются на приобретения произведений той страны, которой принадлежали капиталы, спрос за границей на эти произведения прекращается, и следует кризис. В этом объяснении все, кроме первой посылки, совершенно верно; но первая посылка построена на неправильном предположении, что размер национального спроса на товары непосредственно обуславливается высотой заработной платы.

Действительно, если бы низкая заработная плата препятствовала расширению производства и сбыту товаров на внутреннем рынке, а сбыт за границу был бы возможен только до тех пор, пока не истрачены капиталы, полученные из страны, вывозящей товары, то развитие английской промышленности должно было бы представлять следующую картину: до тех пор, пока заработная плата остается низка, производство не прогрессирует, но испытывает периодические колебания—от времени до времени сильно расширяется, затем так же быстро сокращается и возвращается к тому же уровню, на котором оно находилось прежде. На самом же деле, общественное производство в капиталистических странах быстро растет. Каким образом через несколько лет после кризиса рынок может потреблять значительно больше товаров, если причиной кризиса была недостаточная потребительная способность рынка и низкая заработная плата, которая, нужно иметь в виду, до кризиса стоит всегда выше, чем после него? Если кризис вызывается недостатком потребителей, невозможностью возрастания спроса на товары параллельно с ростом производства, то становится совершенно непонятным тот обычный факт, что через несколько лет после кризиса, когда заработная плата и прибыль сократились, находится рынок для гораздо большего количества товаров.

Итак, повторяем еще раз—факт большего производства товаров, большей ценности и большего количества продуктов, потребляемых страной через несколько лет после промышленного кризиса, неоспоримо доказывает, что причина кризиса заключалась не в недостатке потребительной силы нации, не в низком уровне заработной платы (ибо последняя после кризисов не повышается, а падает), а в чем-либо ином.

Размер заработной платы, точно так же, как и прибыли, не есть причина того или иного состояния промышленности, а следствие последнего. В зависимости от благоприятного или неблагоприятного положения товарного рынка, заработная плата повышается или падает. Создать рынок для товаров путем повышения заработной платы было бы для фабрикантов равносильно добровольной уступке части своих доходов в пользу рабочего класса; такая уступка была бы очень желательна во многих отношениях, но, очевидно, нельзя ее рекомендовать в инте-

ресах самих фабрикантов, которые всегда предпочтут потреблять „избыточные“ товары сами, чем отдавать их рабочим.

Другое объяснение причин промышленных кризисов, принадлежащее тому же Сисмонди, исходит из совершенно иной точки зрения. Вышеизложенная теория была развита Сисмонди главным образом в первом его крупном сочинении „Nouveaux Principes d'Economie Politique“. После издания этой книги Сисмонди имел случай лично познакомиться с Рикардо и в продолжительной беседе совместно обсудить спорный вопрос о возможности общего товарного перепроизводства. Плодом этой беседы явилось одно интересное примечание в „Etudes sur l'Economie Politique“, занимающее около 7 страниц мелкой печати.

В этом примечании Сисмонди разбирает гипотетический случай товарного обращения при нерасширяющемся спросе на товары и при увеличении производительности труда. Результаты этого анализа (впрочем, довольно сбивчивого) оказываются решительно в пользу теории Рикардо, в чем можно убедиться из нижеследующей цитаты: „Мы приходим“, говорит Сисмонди, „как и Рикардо, к тому заключению, что в конце товарного обращения, если оно совершается без помехи, производство само создает потребление; но этот вывод мы получаем только при том условии, если мы совершенно игнорируем, как немецкие метафизики, элемент времени и места, игнорируем все препятствия, которые могут приостановить обращение товаров; и чем ближе мы изучаем вопрос, тем многочисленнее нам кажутся эти препятствия“¹⁾. Но ведь Рикардо никогда и не утверждал, что перевод капитала из одной отрасли в другую совершается без всяких затруднений. Его теория заключалась в том, что если капитал распределяется в различных отраслях промышленности соответственно спросу, то никакое расширение производства не может вызвать переполнение рынка товарами, не находящими сбыта. Соглашаясь со своим противником по такому существенному пункту, Сисмонди отказывается от той теории кризисов, которую мы только-что изложили и которая имеет и по настоящее время столько сторонников.

Тем не менее, Сисмонди отнюдь не думает складывать оружие и немедленно дает новое, не менее остроумное, объяснение промышленных кризисов. Сисмонди рассматривает влияние успехов техники производства на товарное обращение. При этом он предполагает, что увеличение производительности труда не сопровождается повышением реальной заработной платы. В таком случае, для восстановления равновесия между производством и потреблением, число рабочих, занятых производством предметов первой необходимости, должно уменьшиться, а число рабочих, занятых производством предметов роскоши (предназначенных для капиталистов, прибыль которых повышается вследствие падения доли рабочих в общем продукте)—увеличиться.

„Допустим, что новое изобретение, сберегающее на $\frac{1}{3}$ число необходимых для производства рабочих рук, последовательно вводится во всех отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления для бедного класса населения; это будет выгодно хозяевам, которые, даже рассчитавши трех рабочих из десяти, будут производить больше, чем прежде... При таком положении дела каждое открытие уменьшает спрос на продукты уже существующих мастерских

¹⁾ Sismondi, Etudes sur l'Economie Politique, стр. 58.

и увеличивает спрос на продукты мастерских, еще не существующих (поставляющих предметы роскоши). После каждого открытия существование некоторой части промышленности, производящей предметы потребления для бедного класса, ставится в зависимости от создания производства предметов роскоши. А ведь немедленное создание новых отраслей промышленности без свободных капиталов и подготовленных рабочих невозможно¹⁾.

Таким образом, каждое техническое изобретение вызывает сокращение спроса на предметы первой необходимости и возрастание спроса на предметы роскоши; а так как перевести капитал из одной отрасли промышленности в другую очень трудно, то и происходит переполнение рынка товарами, другими словами—промышленный кризис.

Это объяснение промышленных кризисов, высказанное в первый раз Сисмонди, было воспринято и подробно развито одним из творцов научного социализма—Карлом Родбертусом-Ягцовым. Исходным пунктом теории Родбертуса является следующее положение: „пауперизм и промышленные кризисы вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современного товарного обращения вызывает оба эти величайшие препятствия равномерному и непрерывному промышленному прогрессу. Свойство это заключается в следующем: если распределение национального продукта совершается вполне свободно, то развитие общества неизбежно приводит к тому, что при возрастании производительности национального труда доля рабочих классов в общем национальном продукте становится меньше и меньше“²⁾.

Другими словами, Родбертус принимает знаменитое учение Мальтуса-Рикардо о естественном тяготении заработной платы к минимуму средств существования,—учение, которое впоследствии было популяризировано Лассалем в Германии под громким названием „железного закона заработной платы“. Родбертус признавал ту, не совсем правильную, формулировку, которую придал этому учению Лассаль выражением „естественного закона заработной платы, такого же несомненного, как закон связи причины и следствия“³⁾. Все последующие выводы Родбертуса логически неизбежно вытекают из этого основного пункта.

Действительно, как должны влиять всякие технические усовершенствования, увеличивающие производительность труда, если рабочая плата в своей реальной форме всегда остается неизменной? Предположим, что производительность национального труда в известное время начинает возрастать. Если раньше национальный продукт был равен a , то после введения усовершенствованных способов производства он будет равен, положим, $2a$. Между тем, реальная заработная плата не повысилась; если раньше она равнялась $\frac{a}{2}$, то и теперь она останется $\frac{a}{2}$.

Но раньше доход рабочих классов составлял половину всего национального дохода; в связи с этим, половина национального капитала была обращена на производство предметов потребления для рабочих. Теперь же доход рабочих составляет только $\frac{1}{4}$ национального дохода; если попрежнему $\frac{1}{2}$ национального капитала будет занята в производстве

¹⁾ Ibidem, 61.

²⁾ Rodbertus - Jagetzow. Zur Beleuchtung der Socialen Frage. Berlin. 1875. Zweiter Sozialer Brief an v. Kirchmann, стр. 24.

³⁾ Karl Rodbertus-Jagetzow. Kleine Schriften. Berlin. 890, стр. 320.

предметов потребления рабочего класса, то предложение товаров этого рода превысит спрос вследствие полной невозможности со стороны рабочих закупать увеличенное количество изготовленных для них товаров. Последует перепроизводство всех простейших товаров, предназначенных для потребления низших классов населения; а так как главная масса товаров, обращающихся в торговле, относится к этой категории, то переполнение рынка товарами примет форму промышленного кризиса. „Покупательная сила большей части общества уменьшается по мере возрастания производительности труда, и следствием этого является производство потребительных ценностей, которые не имеют рыночной ценности и покупательной силы, несмотря на то, что потребности в них большинства населения не удовлетворены“¹⁾.

Итак, по мнению Родбертуса, кризисы вызываются сокращением доли рабочих в национальном продукте по мере возрастания производительности труда. При этом важно иметь в виду, что Родбертус решительно отрицает, чтобы кризисы могли вызываться абсолютным размером заработной платы. „Я утверждаю, что причина промышленных кризисов заключается не в недостаточности доли рабочих в общем продукте, но в падении этой доли по мере успехов техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступать, если бы эта доля была столь же мала, как и теперь, но повышалась бы при возрастании производительности труда, и далее, что кризисы будут происходить, как бы ни была велика эта доля, если только она будет падать при росте производительности труда“²⁾.

Логическая конструкция этой теории вполне правильна, и то возражение, которое мы делали против первой теории Сисмонди, совершенно неприложимо ко второй его теории, более полно развитой Родбертусом. Из предыдущего изложения легко было видеть, что Родбертус исходит из того же самого понимания условий товарного обращения, которое было выражено и Сэ в его „теории рынков“. Перепроизводство товаров создается, по теории Родбертуса, не недостаточностью спроса на товары вообще, а непропорциональным распределением национального производства, зависящим от тяготения рабочей платы к минимуму средств существования. Все те последствия, которые предвидел Родбертус, действительно должны произойти, если только первая его посылка верна.

Но в том-то и дело, что эта посылка совершенно неверна. Можно признавать или отрицать факт повышения реальной заработной платы за продолжительные периоды времени, но одно несомненно: для наибольших периодов времени денежная заработная плата гораздо устой-

¹⁾ Rodbertus. Zur Beleuchtung der Socialen Frage, 50.

²⁾ Ibidem, 57. Свою теорию кризисов Родбертус изложил в первом письме к фон-Кирхманну (Erster Sozialer Brief an von Kirchmann. Berlin. 1850; переиздано в 1885 г. Ad. Wagner'ом и вошло в 3-ю часть Aus dem literarischen Nachlass von C. Rodbertus-Jagetzow), во 2-м и 3-м письме к фон-Кирхманну (в 1875 г. переизданных в Берлине под заглавием Zur Beleuchtung der Socialen Frage), в 4-м письме к фон-Кирхманну (вошедшем во 2-ю часть Aus dem literarischen Nachlass etc. и озаглавленном Das Kapital), в отдельной статье—Die Handels Krisen und die Hypothekenth der Grundbesitzer (1858), вошедшей в издание Kleine Schriften von C. Rodbertus-Jagetzow. Berlin. 1890. Теория Родбертуса нашла сторонников и у нас в России. К числу последних принадлежит А. А. Исаев. См. его интересную книгу „Теория хозяйственных кризисов“, 1912, в которой содержится довольно резкая, но мало убедительная и отнюдь не сильная критика моей теории.

чивее реальной. Заметим, что вся теория кризисов Родбертуса построена на предположении, что сокращение доли рабочих в национальном продукте происходит настолько быстро и внезапно, что капиталы не успевают приспособиться к изменившимся условиям спроса и перейти от производства предметов потребления рабочего класса к производству предметов потребления капиталистов (доля которых в национальном продукте увеличилась). Всего этого не наблюдается в действительности: прогресс техники не совершается сразу во всех отраслях промышленности, а идет понемногу и в разное время в различных отраслях труда. Сегодня сделано какое-либо изобретение в железодельной промышленности, завтра в хлопчатобумажной, послезавтра в шелковой и т. д. Если ситец подешевеет в цене, то денежная заработная плата вовсе не понизится немедленно в соответствующей пропорции, так как, даже исходя из теории заработной платы Мальтуса-Рикардо, следует признать, что процесс приспособления денежной заработной платы к уровню наименьших средств существования есть процесс очень долгий и совершающийся не в 2—3 года, предшествующие промышленному кризису, а в десятки лет. Но для того, чтобы произошел промышленный кризис, достаточно оживления торговли в течение нескольких лет, не более. Можно ли думать, что за эти немногие годы реальная заработная плата может успеть опуститься до своего наименьшего уровня? На самом деле всем известно, что перед наступлением промышленного кризиса денежная заработная плата бывает всего выше, а не ниже, как следовало бы по теории Родбертуса.

Итак, повышение производительности труда и удешевление продуктов, даже если бы таковые действительно происходили перед каждым промышленным кризисом, не могли бы уронить денежную заработную плату рабочих и, следовательно, не могли бы сократить покупательных средств этих последних. Другими словами, успехи техники не могут быть причиной промышленных кризисов в том смысле, как это предполагал Родбертус. Но этого мало: в действительности промышленные кризисы не только не следуют за успехами техники, но, наоборот, успехи техники следуют за промышленными кризисами. Нам приходилось говорить выше несколько раз о влиянии промышленных кризисов на технику производства; мы приводили мнения людей практики, фабрикантов и фабричных инспекторов, что все крупные изобретения делаются и входят в общее употребление в эпохи застоя торговли, когда прибыль низка и сбыт товаров затруднителен. Эпохи торгового оживления, которые непосредственно предшествуют кризисам и вызывают их, характеризуются не ускорением технического прогресса и удешевлением фабрикатов, а, наоборот, замедлением технического прогресса и повышением цен фабрикатов. Достаточно ознакомиться с изменением цен бумажных тканей из года в год, чтобы убедиться, насколько теория Родбертуса извращает истинную последовательность явлений: следствие она принимает за причину, а причину за следствие.

Вообще, теория Родбертуса, при всей своей логической стройности и убедительности, построена совершенно априорно, при полном игнорировании действительных фактов. Какими изобретениями были вызваны промышленные кризисы 1825, 1836, 1847, 1857 и следующих годов? Интересно, что сам Родбертус, при описании (в первом „Социальном письме“) истории английских кризисов первой половины XIX века,

как бы совершенно забывает свою теорию и даже не пытается доказать, что в эпохи, предшествующие кризисам, доля рабочих классов в общем национальном продукте уменьшается вследствие увеличения продолжительности труда. Он указывает на то, что расширение производства и оживление торговли предшествуют каждому кризису; этого никто, разумеется, не отрицает, но расширение производства еще не значит — возрастание производительности труда; а по теории Родбертуса кризисы вызываются не только одним последним обстоятельством, но также и сопровождающим его падением доли рабочих в национальном продукте. Ни того, ни другого Родбертус не показывает при описании истории английских кризисов.

Переходим теперь к последнему объяснению кризисов, принадлежащему тому же Сисмонди.

Рикардо и Сэ утверждают, что человеческие потребности неограниченны и потому спрос на каждый товар не может отставать от предложения. Но это утверждение, по мнению Сисмонди, основано на следующем софизме: взамен понятия о неограниченности спроса на товары вообще, подставляется понятие о неограниченности спроса на каждый товар в отдельности. Но если первое положение верно, то второе — совершенно ложно. Спрос на отдельные сорта товаров всегда ограничен, и увеличение их производства приводит к тому, что они не находят себе сбыта.

Если производство всех товаров внезапно увеличится, то первым следствием этого будет увеличение спроса на предметы роскоши и вообще лучшие сорта товаров и относительное падение спроса на более грубые сорта товаров. „Количество пищи, которое может быть потреблено одним и тем же числом людей, легко достигает своих границ. Когда граница эта достигнута, то невыгодно поставлять добавочное количество пищи, и вся излишняя работа производителей пищевых веществ должна быть направлена на улучшение качества, а не на увеличение количества их. Количество одежды, изнашиваемой определенным числом людей, менее ограничено: хотя одна и та же штука одежды способна служить год, может быть приятно приобретать новую одежду 4 раза в год, 8 раз, если угодно, так что каждая одежда будет носиться не более 6 недель; но где-нибудь нужно остановиться, и все количество одежды, которое будет произведено свыше потребности, будет совершенно бесполезно... Если производительные силы постоянно возрастают, то в скором времени они достигают границы, за которой следует перестать увеличивать количество, а заняться улучшением качества. Не существует ни одного продукта человеческого труда, к которому бы не было приложимо это правило...¹⁾ Если земледelec, вследствие прогресса земледельческой техники, может расширить свое производство, то он не будет закупать большее количество мануфактурных товаров, чем прежде; он, может быть, закупит их даже меньше, но он затратит избыток своего дохода на роскошь (называя роскошью все, удовлетворяющее не первым необходимым потребностям жизни). Следовательно, земледelec лишит рынка существующие мануфактуры, производящие предметы первой необходимости, и вызовет образование новых, еще несуществующих мануфактур роскоши. Точно так же, если мануфактурист, вследствие какого-либо нового изобретения, станет произ-

¹⁾ Sismondi. Études sur l'Économie Politique. Du Revenu Social, 96.

водить и зарабатывать больше, то он не увеличит потребление хлеба, — быть может, он даже будет покупать меньше хлеба, но затратит свой избыток на улучшение качества своей пищи и вызовет производство изысканных земледельческих продуктов. Таким образом, земледелец и мануфактурист могут идти совершенно одинаковым шагом в усовершенствовании своего дела, но их взаимный спрос не будет уравновешивать друг друга¹⁾.

Итак, согласно Сисмонди, всякое быстрое расширение производства должно оказывать следующее действие на товарный рынок: на все более грубые сорта товаров (предметы необходимости) спрос должен относительно сокращаться, а на более тонкие сорта (предметы роскоши) спрос должен увеличиваться совершенно независимо от того, как изменяется заработная плата и доля рабочих в общем национальном продукте. Другими словами, расширение производства должно всегда вызывать изменение характера спроса и перепроизводство всех предметов первой необходимости, т. е. громадного большинства товаров. Следовательно, промышленные кризисы суть неизбежное следствие быстрого накопления богатств и расширения производства, которое не может моментально приспособляться к меняющемуся спросу.

Эта теория, в абстрактной форме, не встречает возражений. Можно признать, что быстрое расширение национального производства имеет тенденцию изменять характер спроса в указанном направлении. Но следует ли отсюда, что промышленные кризисы, действительно, вызываются именно этой причиной? Отнюдь нет.

Из того, что то или другое обстоятельство может вызвать промышленный кризис, еще нельзя заключить, что кризис, действительно, вызывается этим обстоятельством. Не всякая возможность осуществляется на деле. Точно также указанная Сисмонди естественная тенденция расширяющегося производства, в действительности, до такой степени ничтожна сравнительно с другими причинами кризисов, что ей нельзя придавать почти никакого значения. Фактически, в современном обществе масса населения так скудно снабжена предметами необходимости, что производство последних может во много раз возрасти, не вызывая перехода потребителей к другим товарам лучшего качества. По теории Сисмонди выходит, что, напр., спрос на бумажные ткани перед наступлением кризиса падает потому, что потребители вполне удовлетворили свою потребность в бумажных тканях и желают приобрести лучшие сорта тканей — напр., полотняные ткани. Нечего и говорить, что это неверно. Шелковое производство страдает от кризисов не менее, чем хлопчатобумажное, и, следовательно, нельзя видеть причину кризисов в увеличении спроса на предметы роскоши²⁾.

По теории Родбертуса, причина кризисов заключается в падении доли рабочих классов в национальном продукте. В pendant к этой теории можно привести теорию Д. С. Милля, по которой кризисы вызываются именно увеличением доли рабочих в продукте труда и падением доли капиталистов и предпринимателей.

„Когда страна, — говорит Милль, — долго уже имеет большое производство и большой чистый доход, служащий источником сбережений,

¹⁾ Ibidem. Balance des Consommation avec les Productions. 60—62.

²⁾ Это возражение применимо точно так же и к двум предшествовавшим теориям Сисмонди.

когда, поэтому, в ней давно существуют средства делать ежегодно большую прибавку к капиталу, то одной из принадлежностей быта этой страны (если она не имеет, как Америка, большого запаса еще невозделанной плодородной земли) становится тот факт, что процент прибыли в ней обыкновенно держится у самой границы minimum'a, и оттого страна находится на самом рубеже неподвижного состояния¹⁾.

Эта тенденция к minimum'у зависит, по мнению Милля, от постоянной тенденции ценности заработной платы к maximum'у. Если население не возрастает, в то время, как капитал растет, то заработная плата должна увеличиваться как в своей реальной, так и в денежной форме, до тех пор, пока прибыль не упадет до наименьшего предела и рост капитала не приостановится. Если же население возрастает, то реальная заработная плата не увеличивается, но ценность ее возрастает вследствие повышения стоимости продовольствия рабочих (вызываемого, в свою очередь, переходом к обработке земель худшего качества). „Кризисы происходят почти периодически от самой тенденции прибыли к понижению. Когда несколько лет прошло без такого кризиса, накопится столько капитала в прибавок к прежнему, что невозможно находить ему занятие с обычной прибылью: все общественные фонды поднимаются до высокой цены, процент по первоклассным торговым векселям падает очень низко, а все коммерческие люди жалуются, что нет выгодных оборотов... Уменьшение всех нерискованных выгод располагает людей охотно принимать все проекты, предоставляющие надежду более высокой прибыли, хотя и с риском потери; из этого истекают спекуляции, которые с последующими реакциями уничтожают или передают иностранцам значительное количество капитала, производят временное повышение процентов и прибыли, очищают место новым накоплениям, и затем снова совершается тот же круг“²⁾.

К теории Д. С. Милля применимо все то, что мы говорили выше о недостаточности объяснения промышленных кризисов одним усилением спекуляции³⁾.

Наконец, Генри Джордж находит причину кризисов в области земельной ренты. По его словам, „главная причина периодического наступления промышленного застоя, которое, повидимому, свойственно каждой цивилизованной стране порознь и всем им в совокупности, заключается в спекулятивном повышении цены земли, сокращающем доходы труда и капитала и приостанавливающим производство“⁴⁾.

¹⁾ Джон Стюарт Милль. Основания Политической Экономии. Второе издание. С.-Петербург. 1873. Том II, 265.

²⁾ Д. С. Милль. Основания Политической Экономии. Том II, 269.

³⁾ Проф. Wilh. Neurath точно так же находит причину промышленных кризисов в области кредита. (Wilhelm Neurath. Die wahren Ursachen der Überproduktionskrisen sowie der Erwerbs- und Arbeitslosigkeit. Wien, 1892). По его словам, основная причина кризисов заключается в следующем: предприниматели должны платить определенный процент за занятый капитал независимо от действительной доходности предприятия; если товарные цены падают, под влиянием расширения производства и успехов техники, то предприниматели могут очутиться в невозможности выполнить свои обязательства по отношению к кредиторам, и следует кризис, который вызывается, следовательно, „не перепроизводством продуктов, но обременением промышленности денежными платежами в заранее установленном неизменном размере“. (Die wahren Ursachen etc., 16). Все это так; но отчего же цена продуктов настолько понижается, что предприятия не могут платить процентов по занятому капиталу? В объяснении последнего обстоятельства не заключается весь вопрос.

⁴⁾ Henry George. Progress and Poverty. London. 1886. Стр. 185.

В развивающемся обществе земельная рента имеет тенденцию постоянно возрастать. Всякий земельный собственник рассчитывает, поэтому, на повышение своей собственности в цене без всякого труда и заботы с своей стороны. Это порождает склонность к спекулированию землей, и цена земли повышается до такого предела, при котором сельскохозяйственное производство перестает окупать издержки и задерживается в своем росте. Затем следует кризис, вызванный не чем иным, как „спекулятивным повышением ренты, или цены земли, равносильным lock-out'у рабочих и капиталистов землевладельцами“¹⁾.

На этой теории лежит такой сильный национальный отпечаток, что вряд ли нужно доказывать неприложимость ее к объяснению английских кризисов. Как мы говорили выше, в Соединенных Штатах земельная собственность, действительно, является излюбленным предметом спекуляции в эпохи, предшествующие кризисам (хотя еще из этого вовсе не следует, что земельные спекуляции составляют причину, а не симптом наступления кризиса). Но в Англии ничего подобного не замечается, и, следовательно, теория Джорджа, во всяком случае, не может объяснить происхождение всех промышленных кризисов, не только американских, но и европейских, как это утверждает ее автор.

¹⁾ Ibidem, 190.

ГЛАВА VI.

Причины периодичности кризисов.

Характер этой периодичности.—Ошибочное мнение Джемсона.—Закономерность колебаний цен железа.—Периодическое создание основного капитала.—Железнодорожное строительство.—Спекуляции с недвижимостями.—Непрерывность накопления свободного денежного капитала.—Различные накопления денежного и производительного капитала.—Связь кризисов с низким дисконтным процентом.—Невозможность непрерывного расширения производства.—Биржевые кризисы.—Внешняя торговля.—Влияние ее на английские кризисы.

Исторический очерк английских кризисов показал нам периодичность приливов и отливов капиталистической промышленности. Правда, периодичность эта далеко не имеет характера математической периодичности: промышленный цикл может растягиваться и сжиматься в зависимости от конкретных условий данного момента. Джемсон думал найти причину периодичности промышленных кризисов в периодичности появления пятен на солнце. Несостоятельность всех подобных попыток связать сложные социальные явления, как промышленные кризисы, с периодичностью внешней природы обнаруживается уже простой хронологией кризисов. В течение нескольких десятилетий кризисы в Англии происходили приблизительно через один и тот же промежуток времени. Годы кризисов—1825, 1836, 1847—разделяются промежутками в 11 лет; но следующий кризис был в 1857 г.—через 10 лет, затем в 1866 г.—через 9 лет. Промышленный застой 70-х годов начался в 1873 г. и закончился в 1879 г., 80-х годов—начался в 1882 г. и закончился в 1887 г., 90-х годов—начался в 1891 г. и закончился в 1895 г. В первое десятилетие этого века было два периода застоя—1901—03 г. и 1908—09 г.г. Повидимому, промышленный цикл стал растягиваться—моменты наибольшего застоя за три последние десятилетия прошлого века приходились на 1878, 1886—87, 1894—95 годы, с промежутком в 8—9 лет. Но затем промышленный цикл растянулся—после краха 1890 г. прошло 11 лет до кризиса 1901 г. Зато последнее десятилетие насчитывает две эпохи депрессии.

Итак, периодичность фазисов капиталистической промышленности отнюдь не имеет такого строгого характера, какой предполагал Джемсон.

Капиталистическое развитие периодически в том смысле, что оно складывается из чередующихся моментов оживления и застоя, подъема и упадка. Капиталистический цикл обнимает приблизительно (но только приблизительно) десятилетие. Несколько лет в течение каждого десятилетия промышленность находится в застое, затем следует оживление, которое нарастает, пока не принимает характера ажиотажа, грондерства; такое положение рынка предвещает наступление реакции, которая может сопровождаться паникой и биржевым крахом или нет, смотря по степени спекулятивного возбуждения предшествовавших лет. Наличие этого промышленного цикла и позволяет нам говорить о периодичности приливов и отливов капиталистической промышленности,

хотя, повторю еще раз, периодичность эта отнюдь не имеет математического характера. Капиталистический цикл обнимает собой, как показывает история английских кризисов, период 7—11 лет¹⁾.

Чем же вызывается эта периодичность?

Проблема кризисов может быть удовлетворительно разрешена лишь на основе правильной теории рынка. А так как современная экономическая наука, в лице огромного большинства своих представителей, стоит на почве ложной теории рынка, то нисколько не удивительно, что и проблема кризисов оказалась ей не под силу.

Теория рынка доказала, что представление об избыточном общественном продукте, возникающем в капиталистическом обществе вследствие невозможности потребить весь произведенный продукт, совершенно ложно. Однако, наличность общего перепроизводства в эпохи промышленного застоя не может быть отрицаема. Из изложенной теории рынка как бы вытекает, что перепроизводство может быть лишь частичным; в действительности же перепроизводство в эпоху кризисов имеет всеобщий характер—и это прежде всего требует объяснения. На какой почве может возникать общее товарное перепроизводство, если спрос на товары определяется товарами же, и предложение каждого нового товара есть появившийся на рынке новый спрос?

Чтобы понять природу общего товарного перепроизводства, нужно сравнить капиталистическое хозяйство с условиями более примитивных хозяйственных систем. Возьмем, напр., натуральный обмен—обмен продукта на продукт без посредства денег. Пусть, напр., сукно непосредственно обменивается на хлеб. В этом случае, если хлеб произведен в избытке сравнительно с сукном, то цена его по отношению к сукну понизится, но цена сукна по отношению к хлебу повысится: избыточное производство хлеба будет равнозначуще недостаточному производству сукна, понижение цены одного продукта будет компенсировано повышением цены другого. Общего перепроизводства обоих продуктов, очевидно, быть не может, ибо не может одновременно упасть цена как хлеба по отношению к сукну, так и сукна по отношению к хлебу. Перепроизводство, как и падение цены, может быть в этом случае только частичным.

Предположим теперь денежный обмен. Пусть цена хлеба и сукна выражается в третьем товаре—деньгах. Допустим, что хлеба произведено больше, чем нужно производителю сукна; денежная цена хлеба в этом случае понизится. Сокращение это может быть таким значительным, что общая денежная сумма, выручаемая производителем хлеба, уменьшится: за большее количество хлеба производитель его получит меньше денег. Таким образом покупательные средства производителя уменьшатся. А так как на эти средства производитель хлеба покупает сукно, то, значит, уменьшится денежный спрос и на сукно, что вызовет понижение цены и сукна. И сукно понизится в своей денежной цене вслед за понижением денежной цены хлеба.

Произойдет, иными словами, общее превышение предложения товаров сравнительно с денежным спросом на них, общее понижение цен; а общее понижение цен чувствуется рынком, как выражение общего товарного перепроизводства.

¹⁾ Если считать циклы от начала одного застоя до начала следующего; если же считать циклы от под'ема, то последний цикл охватывал даже только 6 лет.

Но в основе общего товарного перепроизводства лежит, в этом случае, частичное перепроизводство, непропорциональное распределение народного труда. Одного товара произведено больше, чем нужно,—это вызывает падение его денежной цены; а так как между денежными ценами товаров существует известная связь, то понижение цен охватывает и другие товары. Таким образом, общее перепроизводство в данном случае не что иное, как своеобразное выражение, в условиях денежного обмена, частичного перепроизводства, непропорционального распределения общественного труда.

Итак, при простом товарном хозяйстве общее товарное перепроизводство возможно, но отнюдь не необходимо. Наоборот, так как при простом товарном хозяйстве потребительные нужды населения регулируют общественное производство (накопление капитала не является самоцелью), то общественное производство при системе простого товарного хозяйства так же консервативно и мало изменчиво, как консервативно общественное потребление. Общественное производство, при устойчивом характере спроса, легко достигает пропорционального распределения—распределения в соответствии со спросом. Нарушение этой пропорциональности вызывается не столько социальными, сколько внешними, материальными причинами—напр., неурожаями в зависимости от атмосферических влияний и т. п. Итак, в простом товарном хозяйстве мелких товаропроизводителей, относящемся к типу гармонического хозяйства, общее товарное перепроизводство есть случайное нарушение нормального хода хозяйственной жизни.

Другое наблюдается в антагонистическом капиталистическом хозяйстве, где не нужды населения, а накопление капитала определяет размеры общественного производства. В капиталистическом хозяйстве накопление капитала создает постоянную тенденцию к расширению производства. Капитал, так сказать, постоянно давит на производство, стремится двигать его вперед. Но для возможности сбыта товаров требуется пропорциональное распределение общественного производства. Капиталистическое же хозяйство в целом хаотично и неорганизовано. При такой неорганизованности общественного производства, расширение его под влиянием накопления капитала создает постоянную тенденцию к перепроизводству, выражением которой и является та постоянная трудность найти рынок для товаров, то постоянное превышение производительных сил капитализма сравнительно с возможностью их применения, которое так характерно для капитализма даже в нормальное время. Эта трудность сбыта есть выражение, следовательно, не чего другого, как трудности достигнуть пропорционального распределения общественного производства при условиях капиталистического хозяйства. В нормальное время эта трудность не препятствует расширению производства при условиях капиталистического хозяйства. Но от времени до времени она обостряется, и тогда капиталистическое производство временно приходит как бы в состояние общего паралича—происходит то, что называют промышленным кризисом.

Обстоятельством, усиливающим эти кризисы, является своеобразное орудие обращения капиталистического хозяйства—кредит. Если деньги устанавливают связь между ценами товаров, то кредит делает эту связь несравненно более тесной. Кредит так же легко растет, как и падает, во много раз увеличивает покупательную силу общества в благоприятное время и моментально разрушается в трудную минуту.

Благодаря кредиту все колебания хозяйства приобретают гораздо больший размах, и общественное хозяйство подымается более высоко, чтобы затем с тем большей высоты упасть.

Но кредит есть только условие, усиливающее кризисы, а отнюдь не их основная причина. Кризисы капитализма заложены глубже, в самой природе капиталистического хозяйства. Необходимость их вытекает из трех особенностей этой хозяйственной системы — из того, что 1) капиталистическое хозяйство есть хозяйство антагонистическое, в котором рабочий является простым средством производства для руководителя капиталистического предприятия; 2) что капиталистическое хозяйство, в отличие от других антагонистических хозяйств (рабского и феодального), имеет тенденцию к неограниченному расширению производства (как средству накопления капитала), и 3) что капиталистическое хозяйство в целом есть хозяйство неорганизованное, в котором отсутствует планомерное распределение общественного производства между различными отраслями труда. На основе этих трех характерных особенностей хозяйственной системы капитализма неизбежно возникают хозяйственные кризисы.

Однако, это еще не объясняет периодичности промышленных кризисов, капиталистического цикла. Почему фазисы подъема и упадка промышленности с такой удивительной правильностью сменяют друг друга? Ответ на это можно найти в фактической истории кризисов.

Одной из самых характерных особенностей промышленных колебаний является удивительно закономерное и совпадающее с фазисами капиталистического цикла движение цен железа: в фазисе промышленного подъема цена железа неизменно высока, в фазисе промышленного зстоя неизменно низка. Цены других товаров колеблются далеко не так закономерно. Это указывает, что условия спроса на железо находятся в особенно тесной связи с фазисами капиталистического цикла. Фазис промышленного подъема есть, вместе с тем, период усиленного спроса на железо, фазис зстоя — ослабления спроса на железо. Но железо есть материал орудий труда. По состоянию спроса на железо можно судить о спросе вообще на средства производства. Значит, восходящий фазис капиталистического цикла характеризуется усилением спроса на средства производства, нисходящий — ослаблением спроса на таковые.

Но средства производства (железо, уголь, дерево и пр.) находятся в усиленном спросе тогда, когда создается новый основной капитал страны — строятся новые железные дороги, фабрики, заводы, дома и т. д. Фазис подъема это период усиленного строительства и устройства новых промышленных предприятий. В новейшее время фазисы подъема обычно соединяются с усиленным железнодорожным строительством. Железнодорожная сеть во всем мире расширялась толчками, причем периоды усиленного строительства во всем капиталистическом мире совпадают с фазисами промышленного подъема, в фазисы же зстоя железнодорожное строительство почти прекращается.

По справедливому замечанию Нассе, „в большинстве цивилизованных стран железнодорожная сеть создавалась толчками — не систематически, по одному плану, но периодически, причем постройка ее то совсем прекращалась, то производилась с усиленной энергией¹⁾“. В осо-

¹⁾ E. Nasse, Die Verhütung der Produktionskrisen durch staatliche Fürsorge. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. im Deutschen Reich. III.

бенности наглядна эта связь в Соединенных Штатах. Всем американским кризисам последних десятилетий предшествовало чрезвычайно энергичное расширение железнодорожной сети. То же следует сказать и о последних кризисах в Аргентине и Австралии.

В Англии связь кризисов с железнодорожным строительством не так непосредственна. Она может быть легко констатирована относительно двух кризисов — 1847 г. и, в меньшей степени, 1836 г. Последующие кризисы не вызывались постройкой железных дорог в самой Англии. И это вполне понятно. Англия — такая небольшая по своей территории страна, что ее потребность в железнодорожных путях была насыщена очень скоро. Для дальнейшего расширения железнодорожной сети не было, так сказать, места. Но это только усложнило, а не уничтожило связь английских кризисов с железнодорожным строительством. Мы видели при описании истории английских кризисов, какую огромную роль в возникновении кризисов играл отлив английского капитала за границу. А так как в тех странах, куда направлялся английский капитал, постройка железных дорог была самой важной формой помещения капитала, то косвенно и английские кризисы вызывались периодическим расширением железнодорожной сети мира.

Другой отличительной чертой многих кризисов являются усиленные спекуляции с недвижимостями и, в частности, с городскими землями. В Соединенных Штатах кризисам почти всегда предшествует чрезвычайное расширение покупок государственных земель и вытекающее отсюда огромное повышение цены земли; эта особенность американских кризисов так характерна, что, как указано, Генри Джордж построил на ней даже свою особую теорию кризисов. Но, конечно, видеть главную причину кризисов в периодическом повышении цены земли — значит чрезвычайно упрощать дело. Спекулятивные покупки земель в период промышленного возбуждения весьма характерны, как симптом усиленного расширения основного капитала страны — и только. Они гораздо более симптом болезни, чем ее причина.

Спекуляция с городскими недвижимостями и строительная горячка достигали огромных размеров в Вене накануне знаменитого майского краха 1873 г., в Берлине — в ту же эпоху, в Австралии и Аргентине — в конце восьмидесятых годов и пр. Правда, в самой Англии спекуляции этого рода не играют большой роли в качестве моментов, вызывающих кризис. Но здесь мы опять-таки должны вспомнить, что английский капитал участвует в спекуляциях почти всех других стран. Англия — это сердце капиталистического мира, и потому все, что происходит в каком-либо пункте мирового хозяйства, немедленно отражается и в Англии.

Впрочем, вряд ли можно оспаривать, что в эпохи промышленного оживления происходит то, что англичане называют „investment“, помещение капитала. Самая обычная характеристика того положения народного хозяйства, которое предшествует кризисам, — характеристика, повторяемая при описании кризисов всеми историками их, заключается в выражении „учредительская мания“. В это время все наперерыв спешат поместить свои свободные средства в какое-либо предприятие, а ловкие биржевые дельцы пользуются этим случаем, чтобы поживиться на счет слишком доверчивой публики.

Всякому кризису обязательно предшествует грондерство — устройство огромного числа новых предприятий. Но ведь грондерство есть не что иное, как создание нового основного капитала страны.

Некоторое представление о связи кризисов с грюндерством и вообще с созданием нового основного капитала может дать следующая статистика выпуска в Англии биржевых ценностей (рент, облигаций, акций и пр.) в миллионах фунтов ст., извлеченная мною из ежегодных обзоров лондонского „Экономиста“.

Годы.	Милл. ф. с.	Годы.	Милл. ф. с.	Годы.	Милл. ф. с.	Годы.	Милл. ф. с.	Годы.	Милл. ф. с.	Годы.	Милл. ф. с.
1870	92,3	1880	122,2	1887	111,2	1894	91,8	1904	123,0	1910	267,4
1872	151,6	1881	189,4	1888	160,3	1895	104,7	1905	167,2	1911	191,8
1873	154,7	1882	145,6	1889	207,0	1896	152,7	1906	120,2		
1874	114,2	1883	81,2	1890	142,6	1897	157,3	1907	123,6		
1875	62,7	1884	109,0	1891	104,6	1898	150,3	1908	192,2		
1876	43,2	1885	78,0	1892	81,1	1899	133,2	1909	189,4		
1877	51,5	1886	101,9	1893	49,1	1900	165,5				
1878	59,2					1901	159,4				
1879	56,5					1902	153,8				
						1903	108,5				

В этой таблице годы расположены по промышленным циклам. Легко видеть, что первые годы каждого промышленного цикла характеризуются увеличением выпуска биржевых бумаг; но достаточно немногих лет, чтобы выпуск бумаг достиг своего максимума. Однако, правильность этой картины затемняется тем, что выпуски ценных бумаг производятся не только для промышленных целей (государственные, муниципальные и др. займы).

Колебания числа вновь основываемых акционерных компаний, приводившиеся раньше при изложении истории отдельных кризисов, также наглядно иллюстрируют связь кризисов с грюндерством. Наконец, статистика безработных, о которой я буду говорить в одной из следующих глав, обнаруживает, что наиболее подвержены колебаниям именно те отрасли производства, которые создают основной капитал. Интересные показания по этому вопросу дал перед парламентской комиссией 1895 г. заведующий рабочей статистикой английского министерства торговли, Ллевеллин Смит. По словам Смита, „циклические колебания особенно сильно влияют на такие производства, как судостроение, изготовление машин и сходные роды труда, которые Вальтер Бэдджот называл „инструментальными“ („instrumental trades“). Общий объем производства страны мало колеблется из года в год... но и эти незначительные колебания достаточны, чтобы вызвать огромные потрясения (violent oscillations) в производствах, изготовляющих орудия производства“¹⁾.

Почему же годы усиленного создания основного капитала являются вместе с тем годами общего оживления промышленности, а годы приостановки расширения основного капитала—годами общего застоя? Потому, что между всеми отраслями производства существует самая тесная связь.

Всякое производство уже одним фактом своего существования вызывает спрос на другие товары. Нельзя что-либо произвести из ничего; чтобы произвести новые товары, необходимо приобрести сырой материал,

¹⁾ Third Report from the Select Committee on Distress from Want of Employment. 1895, пок. Llewellyn Smith.

орудия труда, предметы потребления для рабочих. Расширение производства в каждой отрасли труда всегда усиливает спрос на товары, производимые в других отраслях труда; толчок к усиленному производству передается от одной отрасли труда к другой, и потому расширение производства всегда действует заразительно и имеет тенденцию охватывать все народное хозяйство. В периоды создания нового основного капитала возрастает спрос решительно на все товары.

Чтобы построить фабрику или железную дорогу, нужно закупить строительный материал (дерево, кирпичи, железо и т. д.) и приобрести различные машины, нанять рабочих и пр. Строительный материал точно так же, как и машины, не падает с неба, а производится другими отраслями промышленности. Увеличение заработка рабочих поднимает спрос рабочих на предметы их потребления, пищу, одежду, мебелировку и пр.

Спрос на предметы потребления высших классов также возрастает, так как общее оживление промышленности увеличивает доходы предпринимателей. Таким образом, мало-по-малу вся промышленность страны, весь товарный рынок, приходит в возбужденное состояние благодаря тому, что создается новый основной капитал—проводятся новые железнодорожные линии, строятся фабрики и дома, сооружаются суда, и пр.¹⁾.

Но почему же основной капитал расширяется не постепенно, а периодическими толчками? Рассмотрим механизм нарастания капитала.

Выше было указано, что, при современных условиях хозяйства, во всякой богатой капиталистической стране быстро накапливается свободный капитал, не связанный ни с какой отраслью промышленности. Капитал этот является на денежном рынке в виде свободного ссудного капитала. Он образуется из капитализируемой части доходов самых разнообразных общественных классов, а также из свободной кассовой наличности, которой располагает любой предприниматель и просто богатый человек. Благодаря банкам—резервуарам для восприятия и размещения свободного капитала, всякое лицо получает возможность превратить свою кассовую наличность, не необходимую для текущих расходов (а даже отчасти, благодаря употреблению чеков, и всю кассовую наличность) в капитал. Для этого нужно только внести свободные деньги в банк в виде вклада на текущий счет. Но главным составным элементом имеющегося на рынке свободного денежного капитала является не кассовая наличность отдельных лиц, а капитализируемая доля национального дохода, не находящая себе помещения там, где она возникла. Рост денежного ссудного капитала отнюдь не тождествен с ростом производительного капитала. Как справедливо указывает Маркс, далеко „не каждое увеличение ссудного денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизведения капитала“²⁾. Яснее всего различие производительного и денежного капитала в государственных займах. Государство заключает определенный заем для непроизводительных целей. Кредиторами государства являются капиталисты, ссужающие требуемый денежный капитал. По израсходовании этой суммы государством, капитал кредиторов

¹⁾ Ср. Маркс. Капитал. Т. II. Стр. 231—232.

²⁾ Das Kapital, III Band, II Theil, Стр. 22.

государства отнюдь не сокращается, хотя реальный, производительный капитал страны в случае непроизводительного расходования полученных сумм исчезает. Владелец государственной ценной бумаги в действительности владеет голым правом присвоить в свою пользу определенную долю прибавочного продукта страны. „Накопление капитала государственного долга есть не что иное, как рост класса государственных кредиторов, приобретших право на известную сумму налога“ (Маркс). Рост государственного долга, очевидно, отнюдь не указывает на рост реального капитала страны,—а между тем на денежном рынке облигации государственного долга совершенно такой же капитал, как и облигации или акции промышленного предприятия, представляющие собой производительный капитал в его вещественной форме.

Итак, накопление денежного капитала есть нечто совершенно отличное от реального роста производства и производительного капитала. Денежный капитал может накапливаться как при расширении, так и при зastoе и даже сокращении производства. И не только может, но и фактически накапливается.

В капиталистическом обществе существует целый ряд доходов, размер которых несколько или очень мало зависит от состояния национального производства. Из всех категорий национального дохода сильнее всего колеблется из года в год, в зависимости от состояния торговли и промышленности, предпринимательская прибыль, затем следует рабочая плата. Эти две формы дохода повышаются в эпохи расширения производства и оживления промышленности и падают в эпохи торгового зastoа. Но доход, основанный не на личной деятельности, а только на владении землей или некоторыми видами капитала, почти не подпадает влиянию колебаний промышленности. Так, напр., проценты по государственным займам, по ипотекам, облигациям и пр., как общее правило, уплачиваются так же исправно в годы зastoа, как и в годы оживления промышленности. Земельная рента может сильно изменяться за продолжительные периоды (так, напр., земельная рента в Англии значительно понизилась за последние 20 лет), но кратковременные колебания торговли и промышленности не могут оказать на нее никакого влияния уже по одному тому, что арендные договоры обыкновенно заключаются на более продолжительные сроки.

Доходы этого рода весьма велики. Так, в Англии, насколько можно судить по статистике подоходного налога, доходы с земель, домов, государственных займов, иностранных и колониальных займов в общей сложности составляют немногим менее половины всего национального дохода, обложенного налогом.

Итак, в Англии, как и всякой другой капиталистической стране, целый ряд доходов совсем не зависит от колебаний промышленности или зависит от них очень мало. Нет основания думать, что в эпохи промышленного упадка рантьееры разного рода обращают в денежный капитал меньшую долю своего дохода, чем в эпохи промышленного оживления. Напротив, так как при зastoе торговли товарные цены бывают низки и стоимость жизни и вообще всяких издержек понижается, то „сбережения“ рантьееров, как и вообще всех имеющих постоянный доход (чиновники, пенсионеры и пр.), имеют тенденцию увеличиваться. Но зато сбережения остальной массы населения, предпринимателей и рабочих, в эпохи промышленного упадка должны сильно уменьшаться. Во всяком случае накопление денежного капитала идет

равномернее расширения производства: капитал накапливается непрерывно, а производство расширяется толчками.

Мне неоднократно приходилось обращать внимание читателя при описании отдельных кризисов на то, что в годы зastoа наблюдается чрезвычайное возрастание резервов банков. Вклады банков также усиленно растут во время зastoа. Это указывает на скопление денежного капитала, не находящего себе помещения в промышленности. Низкий дисконтный процент, всегда следующий за ликвидацией промышленного кризиса и упорно удерживающийся на ссудном рынке в течение целого ряда лет, свидетельствует об изобилии непо помещенных капиталов. Вообще, как годы промышленного под'ема являются эпохой усиленного помещения капитала, перехода его из свободного в связанное состояние, так годы зastoа представляют собой эпоху накопления свободного, несвязанного денежного капитала.

Это до такой степени бросается в глаза, что многие экономисты (особенно Д. С. Милль) непосредственной причиной кризисов признавали понижение дисконтного процента, вызывающее спекуляции на денежном рынке и последующее крушение.

Но, конечно, колебания дисконтного процента представляют собой лишь отражение на поверхности денежного рынка более глубоких перемен капиталистического хозяйства,—перемен, отнюдь не указанных Миллем.

Во всяком случае Милль совершенно прав, обращая внимание на связь низкого дисконтного процента со спекуляциями. Многие свидетели, дававшие показания перед парламентской комиссией 1832 г., исследовавшей кризис 1825 г., объясняли кризис конверсиями английских государственных долгов, понизившими доходность государственных бумаг. Точно так же кризис 1847 г. приводился некоторыми свидетелями перед парламентской комиссией 1848 г. в связь с необыкновенно низким дисконтным процентом в период 1843—44 г.г. Вообще дисконтный процент обыкновенно бывает низок в период, непосредственно предшествующий промышленному под'ему.

Итак, рост денежного ссудного капитала совершается непрерывно; но расширение производства, помещение этого капитала в промышленности встречает сопротивление, которое накапливающийся капитал должен преодолеть. Наличие этого сопротивления не может подлежать сомнению. В годы зastoа рынок загроможден денежными капиталами, которые, однако, не могут превратиться в производительный капитал, потому что, как указано выше, расширение производства без ущерба для производителей требует известной пропорциональности размещения капитала. Если бы свободный капитал распределился пропорционально между всеми отраслями промышленности, то расширение производства произошло бы без всякого переполнения товарного рынка. Но, при неорганизованности народного хозяйства, пропорциональное размещение свободного капитала наталкивается на огромные трудности экономического и технического свойства. Создается следующее положение дел. Свободный денежный капитал накапливается, усиленно ищет помещения и не может его найти. Непомещенный капитал не приносит дохода владельцам, и потому вполне понятно, что, чем больше такого капитала, тем энергичнее он стремится проникнуть в промышленность. С одной стороны, промышленность сопротивляется принятию нового капитала; капитал, с другой стороны, напирает со все растущей

силой. Наконец, свободного денежного капитала скопляется так много, что сопротивление промышленности преодолевается, капитал проникает в промышленность и находит себе помещение. Наступает эпоха промышленного под'ема.

В расширении производства труден первый шаг; но, вследствие зависимости всех отраслей промышленности друг от друга, расширение производства имеет тенденцию эпидемически распространяться от одной отрасли труда к другой, пока не охватит все народное хозяйство. Свободный денежный капитал (напр., лежащий в банке в форме вклада и не затраченный самим банком на дисконтирование векселей и пр.) представляет собой покоящуюся покупательную силу. Эта покупательная сила, накапливающаяся в годы промышленного застоя, не оказывает никакого влияния на товарный рынок до тех пор, пока денежный капитал остается свободным. Но, как только капитал помещается в той или другой форме, вся его покоящаяся покупательная сила немедленно переходит в действующее состояние. Капитал расходуется, т. е. затрачивается на покупку тех или иных товаров. Происходит быстрое создание нового основного капитала, что вызывает усиленный спрос как на средства производства, так и на предметы потребления. Промышленность как бы внезапно открывает новый рынок; этот рынок создается расширением производства—расходом десятков и сотен миллионов капитала, праздно лежавшего раньше в кассах банков. Для промышленности безразлично, на чем основано внезапное увеличение спроса. Для нее важно только то, что спрос действительно увеличился на всю сумму скопившегося и расходуемого ныне капитала. Товарные цены повышаются, и производство расширяется по всей линии.

Таким образом проходит несколько лет. Накопленный ранее капитал мало-по-малу расходуется. Правда, расширенное производство создает огромные новые капиталы. Но рынок быстро поглощает эти капиталы, так как все стремятся воспользоваться выгодной конъюнктурой, товары находят сбыт,—и каждый предприниматель старается поместить в дело все капиталы, которые он только может привлечь. Все резервы капитала пускаются в ход. Чрезвычайное расширение кредита, столь характерное для этой эпохи, указывает на энергичное помещение капитала. Подобно тому, как раньше владельцы ссудного капитала наперерыв предлагали его предпринимателям, но находилось мало охотников воспользоваться капиталом, так теперь спрос на капитал далеко превосходит его предложение.

Повышение дисконтного процента, наблюдающееся обыкновенно к концу периода промышленного под'ема, является верным признаком того, что свободного ссудного капитала в стране слишком мало для нужд промышленности. В это время, к общему удивлению, оказывается, что деньги внезапно „вздорожали“; на самом же деле дорожают не деньги, а ссудный капитал, и дорожает он потому, что на ссудном рынке осталось мало свободного, незанятого капитала.

Весьма характерно, что промышленным кризисам нередко предшествуют за многие месяцы биржевые кризисы.

Так, перед промышленным кризисом 1836 г. был биржевой кризис в 1835 г., перед промышленным кризисом 1847 г. был биржевой кризис в 1845 г., промышленным кризисом 1857 и 1873 годов предшествовали биржевые кризисы 1856 г. и в мае 1873 г. Промышленному застою 1893 г. предшествовал крах Бэринга в 1890 г. Объясняется это

следующим образом: биржевой кризис означает, что свободный денежный капитал перестает притекать на биржу и повышать курс биржевых бумаг. Когда денежный капитал предлагается в избытке, тогда курсы биржевых ценностей бывают высоки. Когда же свободного денежного капитала остается мало, тогда биржевые курсы неминуемо должны упасть. Поэтому кризис на бирже служит сигналом, что приток капитала к бирже приостановился, что свободный капитал почти исчерпан. Тем не менее, промышленность может еще некоторое время находиться в оживленном состоянии, так как оживление промышленности поддерживается расходом капитала, а капитал расходуется не вдруг, не сразу, а постепенно. Так, напр., в Англии уже в 1845 г. спекуляции с железнодорожными акциями закончились падением их курса, и прилив капитала к железным дорогам замедлился; но самое расходование капитала только в это время и началось.

Когда расходование капитала приходит к концу, тогда следует промышленный кризис, который и произошел в Англии в конце 1847 г. Подобным же образом венский крах в мае 1873 г. немедленно вызвал падение курса биржевых ценностей во всей Европе. Сумма вновь выпущенных биржевых бумаг во всем мире сильно сократилась, но английская промышленность даже в 1874 г. не была в угнетенном состоянии; расходование капитала еще не закончилось. Только через несколько лет после начала кризиса английская промышленность почувствовала его в полной мере.

Точно так же крах Бэринга сначала отразился только на бирже: биржа затруднялась давать место новым ценностям. Промышленность пришла в угнетенное состояние значительно позже—когда сократилось расходование реального капитала.

Приведенная выше статистика выпусков биржевых бумаг указывает на то же. Максимум выпусков приходится для Англии на 1874 г.; а промышленный застой последовал гораздо позже. В начале восьмидесятых годов максимум выпусков приходится на 1881 год—за год или за два до кризиса; в конце восьмидесятых годов тот же максимум падает на 1889 г.—за год до краха Бэринга и за несколько лет до начала промышленного застоя.

Почему же промышленный под'ем всегда заканчивается реакцией и застоєм? Во-первых, потому, что расширение производства поглощает тот самый свободный капитал, ту свободную, несвязанную покупательную силу, скопление которой на денежном рынке и было непосредственной причиной оживления. Пока железная дорога строится, ее постройка создает запрос на огромное количество товаров. Но железнодорожная сеть не может каждый год возрастать с той же быстротой, как в годы промышленного под'ема. Для этого потребовались бы такие огромные капиталы, которыми ни одна страна не располагает. Мы видели в истории американского кризиса 1873 г., что первым толчком к кризису явилась невозможность реализовать на денежных рынках Европы и Америки новые железнодорожные займы. Капитал истощился—и постройки пришлось сократить. Во-вторых, высокие товарные цены и высокие барыши, сопровождающие годы промышленного оживления, не могут не вызывать расширения кредита и спекуляции всякого рода. Благоприятный товарный рынок неминуемо приходит через известное время в состояние спекулятивного возбуждения. Высокие барыши подобны опьяняющему напитку, употребление кото-

рого в значительном количестве может выбить благоразумие из головы самого крепкого и рассудительного человека. И если английский товарный рынок не знает ничего подобного спекуляциям прежнего времени, то это только потому, что интенсивность промышленного оживления в Англии нашего времени далеко не достигает прежних размеров.

Как совершенно справедливо замечает Жюглар, периодические колебания промышленности находятся в непосредственной связи с периодическими колебаниями товарных цен. Годы промышленного подъема суть годы высоких цен, годы застоя—годы низких цен. Промышленный кризис или застой выражается и непосредственно вызывается падением товарных цен. Объяснить периодические изменения товарных цен значит объяснить периодичность кризисов.

После всего сказанного это объяснение не может встретить затруднения. Подъем промышленности вызывается тем, что скопившиеся за предыдущие годы денежные капиталы, представляющие собою покупательную силу в связанном состоянии, расходуются и создают новый спрос на товары. Поэтому цены повышаются. Повышение цен, при благоприятном положении рынка, быстро переходит разумные границы и вырождается в спекуляцию, за которой следует крах. Но даже если повышение цен не настолько значительно, чтобы вызвать крах, реакция неизбежно должна наступить.

Действительно, ранее накопленный капитал должен же быть когда-нибудь израсходован. В эпохи подъема создается новый основной капитал страны. Вся промышленность страны принимает своеобразное направление: производство средств производства получает усиленное развитие. Железо, машины, инструменты, суда, строительные материалы и спрашиваются, и производятся в усиленном количестве. Но вот расширение основного капитала закончено—фабрики построены, железные дороги проведены. Спрос на все материалы, из которых строится основной капитал, сокращается. Распределение производства становится непропорциональным: машин, инструментов, железа, кирпичей, дерева требуется меньше прежнего вследствие того, что меньше возникает новых предприятий. Но так как производители средств производства не могут вынуть капитал из своих предприятий и к тому же самая громадность этого капитала, в виде построек, машин и др., требует продолжения производства (иначе предприниматели будут терять процент на праздно стоящем капитале), то перепроизводство средств производства делается неизбежным. В силу зависимости всех отраслей промышленности друг от друга частичное перепроизводство становится общим—цены всех товаров падают,—и наступает общий застой.

Таким образом, общее расстройство торговли следует непосредственно за усиленным оживлением ее, и промышленный цикл завершается застоєм. Во время застоя накапливается свободный денежный капитал; следует новая эпоха оживления промышленности, когда этот капитал расходует, затем кризис и т. д., и т. д.

Действие всего механизма можно сравнить с работой паровой машины. Роль пара в цилиндре играет накопление свободного денежного капитала; когда давление пара на поршень достигает известной предельной нормы, сопротивление поршня преодолевается, поршень движется, доходит до конца цилиндра, для пара открывается свободный выход, и поршень возвращается в прежнее место. Точно так же ско-

пляющийся свободный денежный капитал, достигнув известных размеров, проникает в промышленность, движет ее, расходует, и промышленность приходит опять в прежнее состояние. Естественно, что при таких условиях кризисы должны повторяться периодически. Капиталистическая промышленность должна постоянно проходить один и тот же круг развития.

Существование внешней торговли делает этот процесс еще более сложным. Для такой страны, как Англия, которая ввозит громадные количества товаров из-за границы, внешний рынок безусловно необходим. Свободный капитал в Англии накапливается очень быстро, но расширение производства в Англии невозможно без соответствующего увеличения спроса на английские товары за границей. Это препятствие, как было указано еще Сисмонди в *Nouveaux Principes d'Économie Politique*, обходится следующим образом. Когда накопление свободного английского капитала достигает известной степени напряжения, то капитал этот размещается следующим образом: часть его остается в стране и затрачивается в ней самой на расширение производства; другая же часть переливается за границу, в виде займов иностранным государствам, устройства в других странах на английские деньги промышленных предприятий, железных дорог и пр. Постоянным симптомом промышленного оживления в Англии является эта эмиграция капитала на внешний рынок. Но эмигрирующий капитал не пропадает даром для английской промышленности. Он создает за границей спрос на английские товары, и, таким образом, та часть национального капитала, которая осталась дома, находит себе производительное употребление. Затем, когда свободные капиталы в Англии истощаются и перестают отливать в страны, ввозящие английские товары, эти страны лишаются покупательных средств, рост английского экспорта приостанавливается,—и в Англии наступает промышленный кризис.

Внешняя торговля несколько замаскировывала истинные причины прежних английских кризисов. В первые десятилетия XIX века наиболее страдала от кризисов хлопчатобумажная промышленность,—индустрия, изготовляющая не средства производства, но предметы потребления. Тем не менее и прежде, как и теперь, причина промышленного подъема заключалась в создании нового основного капитала. Но так как Англия пользовалась промышленной монополией, а в то же время, благодаря громадности средств производства, вывоз их, при слабом развитии парового транспорта, встречал огромные затруднения (вывоз машин из Англии до 1842 г. был даже запрещен), то естественно, что увеличение товарного спроса за границей, создавшееся устройством в этих странах на английские же капиталы новых предприятий, отражалось на вывозе из Англии не средств производства, а английских фабрикатов в готовом виде—главным образом тканей. Так, подъем и кризис 1825 г. выразились огромным расширением, а затем падением вывоза английских хлопчатобумажных тканей в Центральную и Южную Америку. Почему же в Америке увеличился спрос на английские ткани? Потому, что прилив английских капиталов повел к образованию в этой стране множества новых предприятий, т. е. повел к созданию нового основного капитала, благодаря чему спрос на всякого рода товары, в том числе и на ткани, возрос. Теперь Англия лишилась промышленной монополии, а вывоз средств производства облегчился, и мы видели выше, что

главнейшие колебания замечаются в последнее время в вывозе из Англии именно средств производства.

Капиталистический мир подчинен своим особым законам, действующим со стихийной силой. Так называемый здравый смысл является плохим руководителем для понимания этих законов. С точки зрения здравого смысла производство есть средство для потребления. В действительности же в капиталистическом хозяйстве отношение производства и потребления как раз обратное. Не потребление управляет производством в капиталистическом обществе, а производство управляет потреблением. Периодическая смена приливов и отливов промышленности вызывается не законами потребления, а законами производства. Не потому производство расширяется в годы подъема, что в это время растет потребление; наоборот, потребление именно потому и возрастает в это время, что расширяется производство. Капиталистический мир есть развивающаяся и чрезвычайно сложная система, атомом которой является человеческая личность. Каждая отдельная личность руководствуется в своей хозяйственной деятельности своими личными интересами; для каждого участника производства потребление есть цель, а производство—средство. Но из совокупности индивидуальных и независимых друг от друга волей создается нечто качественно новое—стихийный комплекс капиталистического хозяйства, бессознательный, не руководимый ничьей волей, не проникнутый ничьей мыслью, но тем не менее стройный, устойчивый и закономерный.

Законы движения этого комплекса устанавливаются не волей образующих его отдельных человеческих индивидов,—наоборот, каждый отдельный индивид подчиняется этим законам. На почве противоречия живой человеческой личности с ее целями и стремлениями и капиталистического комплекса, повинующегося своим законам и не считающегося с интересами этой личности,—на этой почве и возникают противоречия капиталистического строя.

Причины перемены характера промышленных колебаний в Англии заключаются, главным образом, в том, что Англия утратила свою прежнюю промышленную гегемонию в капиталистическом мире; фазис промышленного подъема выражается в ней в настоящее время не так резко, как раньше, и потому последующее падение происходит более постепенно. Страны с быстро развивающейся промышленностью, как, напр., Соединенные Штаты и Германия, испытывают и теперь такие же острые промышленные кризисы, какие Англия переживала в прежнее время. Так, Германия перенесла очень тяжелый кризис в 1900 г., а Соединенные Штаты в 1907 г.

Разрешение проблемы кризисов долгое время не удавалось экономической науке потому, что экономисты искали причин кризисов в той или иной отдельной сфере общественного хозяйства—в области производства, обмена или распределения; на самом же деле кризисы возникают на основе всей совокупности явлений общественного хозяйства и потому не могут быть приурочены ни к одной отдельной сфере его. Круговорот общественного капитала, неизбежно приводящий к капиталистическому циклу и кризисам, включает в себя как производство, так и обмен и распределение. Капитал последовательно превращается из одной формы в другую, преодолевая при этом специфические трудности, свойственные именно данной системе хозяйства—капитализму. На почве преодоления этих трудностей возникают кризисы и капита-

листический цикл, благодаря процессам, природа которых только-что была разъяснена.

Каковы были внутренние причины последнего американского кризиса? По этому вопросу разногласия почти не существует. „Промышленный подъем (Америки),—читаем, напр., в „народнохозяйственной хронике“ руководящего немецкого экономического журнала,—был слишком быстр, чтобы образование капиталов могло идти таким же темпом. Другие факторы не могли вызвать такого могучего потрясения хозяйственного организма Северной Америки, как то, которое произошло осенью 1907 г. вследствие несоответствия между образованием и потреблением капитала“¹⁾. „Поворот, который начался до паники, был вызван тем,—говорит автор книги об американском кризисе Газенкампф,—что в последнее десятилетие хозяйственное развитие обогнало образование капитала. Слишком много оборотного капитала было превращено в основной... Далее, слишком значительные массы капитала были фактически уничтожены“²⁾. Вообще, почти во всех многочисленных статьях в специальной периодической прессе Англии, Америки, Германии и Франции, посвященных американскому кризису, указывается с удивительным единодушием, что наиболее глубокой причиной кризиса был недостаток свободного капитала.

Итак, не избыток капитала, не находящего себе помещения, а недостаток капитала—вот что вызвало последний мировой кризис (равно как и предшествовавшие кризисы). Отсюда видно, как несостоятельна теория избыточного продукта капиталистического производства. Даже Америка, которая привлекает к себе капиталы старых капиталистических стран, имеет капитала не слишком много, а слишком мало, чтобы питать свою промышленность в восходящем фазисе капиталистического цикла.

Однако, с точки зрения изложенной теории кризисов, представляется, повидимому, затруднительным объяснить отсутствие в Америке, в начале этого века промышленного кризиса и, вообще, тот факт, что в Америке фазисы промышленного подъема длятся обыкновенно дольше, чем в Европе. Ведь в Америке развитие промышленности идет гораздо более быстрым темпом, чем в Европе. Это должно было бы, повидимому, приводить и к более частым кризисам. Между тем, Америка справляется с кризисами с большей легкостью, чем Европа, и даже почти избежала обычного кризиса в начале этого века.

Однако, именно здесь изложенная теория и находит свое подтверждение. Кризисы вызываются тем, что в фазисе подъема потребление капитала идет быстрее, чем его образование; поэтому, чем меньшим капиталом для поддержания своей промышленности в фазисе подъема располагает страна, тем скорее должен закончиться подъем. Но страны старой капиталистической культуры помещают у себя дома только часть своих капиталов,—остальная же часть уходит за границу. Напротив, Соединенные Штаты работают не только своим, но и чужим капиталом,—капитал к ним притекает из других стран. В этом приливе иностранного капитала и заключается существенное преимущество в рассматриваемом отношении Америки перед Европой. Именно прилив евро-

¹⁾ Jahrbücher für Nationalökonomie. III. F. T. 35. 3 книга. Стр. 832—33.

²⁾ Hasenkampf. Die wirtschaftliche Krisis des Jahres 1907 in den Vereinigten Staaten von Amerika. 1908. Стр. 51—52.

пейского капитала, как указывает Лескюр, и помог Америке избежать в начале настоящего века кризиса¹⁾.

В известном смысле можно сказать, что основной причиной кризисов является народная бедность, низкий уровень потребления трудящихся классов. Действительно, образование избыточных капиталов и вообще капитализирование огромной части национального дохода непосредственно вызывается незначительностью доли рабочих масс в вырабатываемом ими продукте. Если бы не требовалось находить помещение для новых капиталов, если бы производство не получало усиленного развития благодаря капитализированию прибыли, то пропорциональное распределение производства не представляло бы никаких затруднений. В таком случае производство непосредственно регулировалось бы потреблением, как в хозяйстве мелких товаропроизводителей. Накопление капитала капиталистами предполагает присвоение прибавочного продукта лицами, не участвующими в производстве—лишение непосредственного производителя части создаваемого им продукта. Чем ниже доля рабочего, тем выше доля капиталиста—и тем быстрее накопление капитала, необходимо сопровождающееся потрясениями и кризисами.

Таким образом, бедность народных масс—бедность не в абсолютном, а в относительном смысле, в смысле незначительности доли рабочего в общем национальном продукте—есть необходимое условие промышленных кризисов. Но нужно ясно понимать связь бедности с кризисами. Совсем неверно распространенное мнение (которое разделял до некоторой степени и Маркс), что низкий уровень народного потребления и медленность повышения этого уровня делают невозможной реализацию продуктов все расширяющегося капиталистического производства. Мы видели, что производство само для себя создает рынок—потребление есть только один из моментов капиталистического производства. Если бы производство было организовано планомерно, если бы рынок обладал полным знанием спроса и властью пропорционального распределения производства, свободного передвижения труда и капитала из одной отрасли промышленности в другую, то, как бы ни было низко потребление, предложение товаров не могло бы превысить спрос. Но накопление капитала, при полной неорганизованности национального производства, при анархии, господствующей на товарном рынке, неминуемо приводит к кризисам.

¹⁾ Изложенная в тексте теория кризисов находится в органической связи с развитой в предыдущей главе теорией рынков.—обе теории стоят и падают вместе. Между тем, успех их в научных кругах был весьма различен. Теория рынка не встретила сочувствия и была принята очень немногими (среди них следует отметить проф. Шпитгоффа; см. его статью „Die Krisentheorien von Tugan-Baranowsky und Pohle“, Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung des Deutschen Reichs. 1903); напротив, теория кризисов очень быстро приобрела сторонников и легла в основание исследований Шпитгоффа, Поле, Эйленбурга и др., воспринявших ее целиком или в значительной части. Лескюр в своем обширном исследовании истории кризисов попытался объяснить, исходя из нее, промышленные кризисы в других странах, кроме Англии. И даже несогласный с ней Зомбарт в своем реферате о германском кризисе 1900 г., прочитанном на собрании „Союза социальной политики“ в 1903 г., признал ее „чрезвычайным шагом вперед и, без сомнения, высшей формой теорий кризисов“ (см. Schriften des Vereins für Socialpolitik. T. 113. Verhandlungen der Generalversammlung in Hamburg. 1904. Стр. 130). Между тем, как сказано, одна теория предполагает другую: если принимать изложенную теорию кризисов, то следует принять и ее логическую основу, теорию рынков, как ни кажется парадоксально при недостаточном проникновении в законы капиталистического хозяйства эта последняя теория.

Планомерная организация труда в капиталистической фабрике в колоссальных размерах повышает его производительность. Только капитализм поставил технологию на научную почву, сделал усовершенствования техники законом конкуренции производителей. Но технические силы современной промышленности не могут развернуться во всю ширь, благодаря социальным преградам, на которые они наталкиваются,—благодаря неорганизованности всего национального производства. Отсюда и вытекает необходимость кризисов.

ЧАСТЬ III.

Социальное значение кризисов.

ГЛАВА I.

Влияние промышленного цикла на народную жизнь.

I. Периодические колебания английской народной жизни во второй четверти XIX века.—Общая характеристика экономического положения массы английского населения за это время. Причины обеднения народной массы.—Ручные ткачи.—Периодические колебания народной жизни.—Влияние нового закона о бедных.—Непостоянство заработка.—Меры, проектированные комиссией 1830 г.—II. Колебания народной жизни в 50-е и 60-е годы.—Хлопковый голод.—Йоркширская стачка 1858 г.—Значение промышленных колебаний для предпринимателей и рабочих.—III. Колебания в последние десятилетия прошлого века.—Изменение характера этих колебаний. Постоянство заработной платы. Значение рабочих союзов—IV. Колебания в новейшее время.—Исчезновение связи между промышленным циклом и колебаниями народной жизни.

I.

Периодические колебания английской народной жизни во второй четверти XIX в.

Я уже отмечал выше, что вторая четверть XIX века замечательна совпадением быстрого развития промышленности и прогресса техники с поразительным обеднением массы английского населения.

В 30-х и 40-х годах вопрос о причинах бедности и нищеты и средствах борьбы с ними был одним из самых жгучих вопросов в Англии. Имущие классы придавали этому вопросу такое значение не вследствие опасения революции, хотя этот последний мотив очень часто выдвигается на первый план сторонниками реформы английского хозяйственного строя на фритредерском направлении, они имели более сильные побуждения заботиться о мерах к уменьшению нищеты. Именно, по старинному закону, изданному еще при Елизавете, приходы были обязаны содержать на свой счет всех бедных, живущих в приходе и неспособных самостоятельно поддерживать свое существование. Помощь оказывалась в двух видах: одни бедные содержались в общественных зданиях, другие получали пособие у себя на дому. Потребные для этого суммы получались посредством налогов, преимущественно с местной недвижимой собственности. Возрастание пауперизма сопровождалось для имущих классов очень неприятными последствиями в виде увеличения налогов на содержание бедных.

Средние ежегодные издержки на содержание бедных в Англии и Уэльсе ¹⁾.

(За годы, кончающиеся 25-м марта).

1821—25 г.г.	6.123 тыс. ф. с.
1826—30 "	6.366 " " "
1831—33 "	6.876 " " "

¹⁾ По Tables of the Revenue, Population, Commerce etc. of the United Kingdom.

Общая сумма налога возрастает не очень быстро, но так как каждый приход на свой счет содержал своих бедных, то тяжесть этого налога распределялась крайне неравномерно среди населения. В отчете, изданном в 1833 г., комиссия, назначенная парламентом для исследования этого вопроса, констатировала удивительные факты: в некоторых приходах налоги на бедных превышали половину земельной ренты, а в одном приходе графства Букингам в 1832 г. сбор налогов в пользу бедных должен был прекратиться вследствие невозможности продолжать его взимание, так как землевладельцы отказывались от арендной платы, фермеры от своих рент, а духовенство от следуемой ему десятины и других повинностей¹⁾.

В виду этого неудивительно, что среди достаточных классов Англии возникло сильное общественное движение, направленное к уничтожению законов о бедных. Уже Мальтус в своем знаменитом „Опыте о принципе народонаселения“ избрал главным предметом своих нападений английские законы о бедных. По его словам, эти законы представляют собою самое вопиющее нарушение правил политической экономии. Все практические планы Мальтуса для уменьшения пауперизма в Англии сводились к уничтожению законов о бедных.

В начале 30-х годов против законов о бедных энергичным образом восстал известный экономист Нассау Сэниор. Он утверждал, что „главная причина переживаемых бедствий заключается в расстройстве, произведенном законами о бедных в самых важных и обширных из всех политических отношений—в отношениях предпринимателей к рабочим“²⁾. „Законы о бедных стремятся соединить несоединимые преимущества свободы и рабства. Рабочий свободен, но с него снят риск, присущий свободной деятельности. От него ожидают прилежания и предусмотрительности, но ему нечего бояться нужды, так как его плата растет по мере увеличения его семьи“³⁾.

Агитация Сэниора в скором времени увенчалась успехом: в 1833 году парламент назначил для исследования дела комиссию, которая в представленном парламенту обстоятельном отчете пришла к тому заключению, что всякая помощь здоровым взрослым людям или их семействам должна быть признана незаконной и должна прекратиться чрез известный промежуток времени. Комиссия особенно настаивала на том, что уменьшение пауперизма возможно только тогда, когда пауперы будут поставлены в положение худшее, нежели рабочие⁴⁾.

Новый закон о бедных, получивший королевскую санкцию 14 августа 1834 г., был составлен в духе заключений комиссии. Его цель была кратко и выразительно определена его составителями: новый закон должен уничтожить пауперизм страхом рабочего дома⁵⁾.

Законом 1834 года организация помощи бедным была совершенно преобразована. Приходы перестали самостоятельно распоряжаться сбором и распределением сумм, предназначенных для содержания бедных; их заменили особые административные органы, назначаемые централь-

¹⁾ Sir George Nicholls. A History of the English Poor Law. London. 1854. Vol. II. стр. 253.

²⁾ Nassau Senior. Three Lectures on the Rate of Wages. Second edition, 1831, стр. 5.

³⁾ Ibidem, стр. IX.

⁴⁾ Nicholls, стр. 258.

⁵⁾ Eugène Buret. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Paris. 1840, I, стр. 155.

ной властью, которой принадлежал высший надзор и руководство в деле призрения бедных во всей стране. При этом было постановлено правилом отказывать в помощи всем взрослым и здоровым беднякам, не желавшим поселиться в рабочем доме, а в самом рабочем доме была введена строгая дисциплина, превращавшая его в тюрьму.

Принудительная работа, на которую были осуждены заключенные в рабочем доме, имела самый тяжелый характер. Обыкновенно это была работа на ручной мельнице. По этому поводу, Э. Бюре, выдающийся исследователь английской нищеты 40-х годов замечает: „Работа на ручных мельницах в Англии представляет собой самое ужасное проявление нищеты, которое мы знаем. Богатая нация, могущественная своим промышленным гением, применяющая к производству чудеса механики, возвращается, чтобы дать занятие своим неимущим, к грубым орудиям варварства и присуждает преступников и бедных к мучениям древних рабов—ad molam! Какой грустный предмет для размышления и удивления“¹⁾.

Благодаря всем этим энергичным мерам, расходы на содержание бедных немедленно значительно сократились. В 1834 году было издержано на этот предмет 6.317 т. ф., а в 1836 году—4.718 т. ф. Цель была таким образом достигнута, и комиссионеры, стоящие во главе дела, в своих ежегодных отчетах констатировали полный успех нового закона. Пауперизм, по мнению комиссии, уменьшился, так как уменьшились суммы, затрачиваемые на помощь бедным.

Реформа законов о бедных любопытна и поучительна в том отношении, что она представляет собою один из редких примеров, когда обе враждующие парламентские партии—консерваторы и либералы—действовали с редким единодушием. На ряду с либералами за новый закон голосовали герцог Веллингтон и Роберт Пиль²⁾. Единодушие это объяснялось тем, что проектированная реформа в одинаковой мере была выгодна тем классам, представителями которых были эти партии—и лендлорды, и фабриканты должны были уплачивать налоги на содержание бедных. Реформа была направлена против рабочих, но рабочие в парламенте представителей не имели.

Что касается до господствовавшей в то время политико-экономической школы, то она восторженно приветствовал а реформу, как крупный шаг вперед по направлению к великой цели—освобождению промышленности от вмешательства и опеки государства³⁾.

Тем не менее, реформа законов о бедных немедленно встретила сильную оппозицию, прежде всего со стороны рабочих, которые называли рабочие дома „Бастилиями“ и в нескольких случаях пытались взять их приступом и разрушить, и, во-вторых, со стороны партии сторонников фабричного законодательства. Противники закона 1834 г. (Остлер, Фильден, Буль и др.) называли его „самым позорным законом, который когда-либо издавался в христианской стране“. Остлер, одна из самых благородных и симпатичных личностей того времени, мужественный боец за интересы рабочего класса, ожидал от нового закона самых гибельных последствий; по его словам, этот закон предал рабо-

¹⁾ Buret, I, стр. 178.

²⁾ Alfred. The History of the Factory Movement from the year 1802 till the Enactment of the Ten Hours Bill in 1847. Lon. 1857. Vol. II, 68.

³⁾ См. напр., характеристику значения этой реформы у Porter'a „Progress of the Nation“, стр. 93.

чих в полную власть капиталистов. „Прежде рабочие могли отказываться от работы, если они находили заработную плату недостаточной. Теперь же им оставалось или умереть с голоду, или идти в тюрьму, каковой являлся преобразованный рабочий дом. Сокращение числа неимущих, содержимых на общественный счет, должно было повести к усилению предложения рабочих рук и увеличению избыточного населения, сбивающегося в настоящее время заработную плату во всех крупных промышленных центрах“¹⁾.

Последующие события вполне оправдали ожидания Остлера. Администрация призрения бедных предприняла массовые переселения рабочих из сельскохозяйственных округов в промышленные, с целью доставления фабрикантам дешевых рабочих рук. Фабриканты подавали просьбы в соответствующие округа о доставлении им рабочих, и администрация, угрозой заключения в рабочий дом, принуждала неимущих рабочих переселяться туда, где в них нуждались фабриканты. При помощи этого средства фабриканты получили возможность держать в своей власти местных рабочих и понижать заработную плату до последних пределов²⁾.

Изменение законов о бедных уменьшило число пауперов, содержимых на общественный счет, но увеличило нужду среди тех рабочих, которые прежде получали пособие от приходов. Особенно ухудшилось положение рабочих классов в Англии в конце 30-х и начале 40-х годов. В известной книге Энгельса „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“ сгруппированы свидетельства очевидцев об ужасных гигиенических условиях жизни английских рабочих в крупных промышленных центрах, в которых жилища рабочих были тесно скучены в грязных кварталах, среди невозможной грязи и зловония. Обстановка жилищ низших классов рабочего населения, их пища, одежда—все доказывало крайнюю степень нужды, которая тем более бросалась в глаза, что находилась бок-о-бок с роскошью и богатством высших классов. „За исключением коротких периодов наибольшего процветания,—говорит Фр. Энгельс,—английская промышленность всегда имеет резерв незанятых рабочих, которые во время промышленной горячки производят требуемые товары. Этот резерв более или менее многочислен, смотря по тому, больше или меньше занятия предоставляется рабочим положением рынка... Этот резерв, к которому во время кризисов принадлежат громадные толпы рабочих, а в нормальное время значительная часть рабочего класса, составляет избыточное население Англии, которое ведет скудное существования при помощи нищенства, кражи или каких-либо случайных мелких заработков“³⁾.

Можно было бы подумать, что Энгельс смотрит на вещи слишком мрачно. Но то же самое говорят и другие современные наблюдатели⁴⁾. Вот, например, что говорит защитник свободной конкуренции Д. Туккетт, который никоим образом не может быть причислен к социалистам: „следующее описание представляет собою беспристрастную и верную характеристику современного положения той части британского насе-

¹⁾ Alfred, 78.

²⁾ Buret, I, 172; Alfred, II, 69.

³⁾ Friedrich Engels. „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“. Leipzig. 1848, стр. 109.

⁴⁾ Подробное изложение английской литературы 30-х и 40-х годов о пауперизме находится в известной книге проф. Янжула „Свободная торговля Англии“.

ления, которая живет работой на мануфактурах. При нормальном положении торговли, около трети этого населения погружено в самую ужасную нищету и находится на краю голодной смерти. Другая треть, или, может быть, несколько больше, зарабатывает вряд ли больше, чем обыкновенные сельскохозяйственные рабочие, а остальная треть получает за свой труд высокую плату, вполне достаточную для доставления приличного положения и комфорта“¹⁾.

По словам Симмондса и Миллера, в 30-х и 40-х годах большая часть городского населения в Глазго не имела видимых средств к существованию, кроме воровства и проституции. Доктор Кэй говорит то же самое о Манчестере²⁾. Подобных свидетельств можно было бы привести сколько угодно, но это было бы излишне, так как все они в большей или меньшей степени повторяют одно и то же.

Если мы обратимся к статистическим данным относительно заработной платы в различных отраслях промышленности, то мы увидим, что среди рабочего класса в Англии были две резко обозначенные группы. Заработная плата фабричных рабочих не прогрессировала, но и не понижалась значительно. Если денежная заработная плата фабричных рабочих в общем понизилась сравнительно с началом прошлого столетия, то не надо забывать, что в эпоху войны с Наполеоном денежная единица в Англии была сильно децимирована; кроме того, во время войны цена большинства предметов потребления рабочего класса была очень высока, и в особенности высока была цена хлеба. Поэтому, одна заработная плата могла возрасти. Так оно действительно и было относительно заработной платы фабричных, а также и тех рабочих, профессия которых требует продолжительного обучения. Но этого нельзя сказать про заработную плату чернорабочих.

Особенно тяжело было положение ручных ткачей, число которых в Великобритании в середине 30-х годов достигало, как мы говорили выше, 1 миллиона. С каждым годом заработная плата их падала. Фабрикант Гримшо на основании записей своей мануфактуры сообщил парламентской комиссии 1833 г. следующие данные о зарплате ручных ткачей и их необходимых расходах на жизнь в местечке Баррофорд, в окрестностях Кольна (Colne).

Годовой доход и расход семьи ручных ткачей из 6 человек, из числа которых трое работают на ткацком станке³⁾.

ГОДОВОЙ ДОХОД.	Необходимые расходы на квартирную плату, освещение, отопление, починку станков и пищу.	Остаток на остальные расходы.
1820—60 ф. 13 ш. 4 п.	38 ф. 7 ш. —	22 ф. 6 ш. 4 п.
1821—73 ф. 12 ш. 3 п.	35 ф. 17 ш. 2 п.	37 ф. 15 ш. 1 п.
1822—59 ф. 9 ш. 6 п.	34 ф. 13 ш. 4 п.	24 ф. 16 ш. 2 п.
1823—54 ф. 2 ш. —	37 ф. 18 ш. 4 п.	16 ф. 13 ш. 8 п.
1824—49 ф. 14 ш. 6 п.	38 ф. 4 ш. 10 п.	11 ф. 9 ш. 8 п.
1825—49 ф. 14 ш. 6 п.	36 ф. 12 ш. 4 п.	13 ф. 2 ш. 2 п.

¹⁾ J. D. Tuckett. A History of the Past and Present State of the Labouring Population. 2 vol. London. 1846, I, 595.

²⁾ Tuckett, I, 443.

³⁾ Report from the Select Committee on Manufactures, Commerce and Shipping, 1833, Minutes of Evidence, сообщение James Grimshaw, стр. 602.

ГODOVOЙ ДОХОД.	Необходимые расходы на квартирную плату, освещение, отопление, починку станков и пищу.	Остаток на остальные расходы.
1826—30 ф. 14 ш. 3 п.	30 ф. 2 ш. 4 п.	— 11 ш. 11 п.
1827—38 ф. — 6 п.	34 ф. 19 ш. 10 п.	3 ф. — 8 п.
1828—38 ф. — 6 п.	32 ф. 10 ш. —	5 ф. 10 ш. 6 п.
1829—27 ф. 6 ш. —	27 ф. 3 ш. 10 п.	— 2 ш. 2 п.
1830—35 ф. 2 ш. —	34 ф. 13 ш. 4 п.	— 8 ш. 8 п.
1831—38 ф. 10 ш. 3 п.	34 ф. 6 ш. 10 п.	4 ф. 3 ш. 5 п.
1832—30 ф. 14 ш. 3 п.	30 ф. 6 ш. 8 п.	— 7 ш. 7 п.
1833—31 ф. 4 ш. —	31 ф. 4 ш. —	— — —

При вычислении годового заработка Гримшо принимает, что работа не прекращается в течение всего года. Между тем, в действительности, те годы, когда работа шла непрерывно, были редким исключением; обыкновенно, в течение нескольких недель, а то и месяцев, в году ручные ткачи должны были оставаться праздными по недостатку работы. Трудно себе представить, каким образом они могли поддерживать свое существование в такие моменты, ибо даже в то время, когда работа шла полным ходом, получаемая ими плата была еле достаточна для покрытия расходов на стол и квартиру. Мы говорили выше о сокращении внутреннего рынка для произведений английской промышленности. Вычисления Гримшо вполне объясняют этот факт: сотни тысяч английского населения не имели определенных средств для покупки себе одежды. Что же удивительного, что общая ценность хлопчатобумажных тканей, продаваемых в Соединенном Королевстве, не могла возрасти и даже падала из года в год?

В виду многочисленности ручных ткачей (их было больше, чем всех фабричных рабочих, вместе взятых), быстрое падение их заработка не могло не обратить на себя внимания общественного мнения и правительства. Парламент несколько раз назначал комиссии для исследования причин этого явления и средств к устранению его. Комиссии эти собрали обильный материал, вполне подтвердивший самые худшие опасения пессимистов. Парламентский отчет 1841 года дает прекрасную характеристику положения ручных ткачей в Соединенном Королевстве в конце 30-х годов.

По словам этого отчета, в конце 30-х годов среди ручных ткачей Великобритании почти не было самостоятельных предпринимателей. Они продолжали выделывать ткань у себя на дому, при помощи семьи, и по большей части имели свои собственные инструменты. В некоторых отношениях ручные ткачи 30-х и 40-х годов напоминают мелких иоркширских мастеров начала этого столетия. Как и иоркширские мастера, ручные ткачи часто жили по деревням и иногда занимались, одновременно с тканьем, земледельческими работами. Более состоятельные из них иногда имели даже нескольких рабочих, которые работали на ткацких станках, принадлежащих хозяину—такому же ткачу, как и они¹⁾. Но между прежним самостоятельным производителем Иоркшира и ручным ткачом рассматриваемой эпохи было одно громадное различие. Ручные ткачи были не самостоятельными производителями, а наемными рабочими крупных капиталистов, которые давали им пряжу для тканья и

¹⁾ Hand-loom Weavers. Report of the Commissioners. 1841, стр. 9.

которым принадлежала приготовленная ткань. Ручное ткачество было не ремеслом, а домашнею промышленностью.

Хуже всего было положение ткачей, изготовлявших хлопчатобумажные ткани¹⁾. В Ланкашире, центре хлопчатобумажной промышленности, где фабричные рабочие получали сравнительно высокую плату, превышавшую 1½ ф. в неделю, обычный недельный заработок семьи ткачей, занятых выделкой бумажных тканей, не превышал 6—9 ш.²⁾ Заработная плата шерстяных ткачей в Иоркшире была вдвое выше. Но в том же Иоркшире ткачи полотняных материй находились в такой же нищете, как и ланкаширские ткачи. Их положение фабрикант Р. Дюис рисует следующим образом: „Положение этих ткачей самое печальное. Они терпят много лишений. Часто здоровые взрослые мужчины, работающая день и ночь, не могут заработать себе дневного пропитания вследствие недостаточности заработной платы. Им много помогает частная благотворительность, но и ее не хватает для всех“³⁾...

Почти то же самое говорят и надзиратели домов призрения бедных, например, надзиратель Ледлер: „Я был надсмотрщиком 5 лет. Ткачи вообще терпят большую нужду. Они много раз обращались ко мне. Все это были случаи самой крайней нужды. По своему пятилетнему опыту я знаю, что они не ленивые люди; напротив, они вообще трудолюбивы и предприимчивы... У детей ткачей часто бывает так мало одежды, что им даже не в чем ходить в школу“⁴⁾.

Подобных свидетельств можно было бы привести из названного отчета гораздо больше, но и уже приведенные достаточно показывают, в каком ужасном материальном положении находились сотни тысяч ручных ткачей в Великобритании.

Разумеется, не все ткачи одинаково страдали от нищеты: в тех случаях, когда изготовление ткани требовало особенной ловкости или физической силы, заработок ткача повышался. Но громадное большинство ткачей, не обладавших никакими особыми преимуществами, было доведено до крайней степени нужды, образчики которой мы только-что видели. Нужда эта была тем более тяжела, что она последовала за периодом необыкновенного процветания ткацкой промышленности в конце XVIII века. Воспоминание о прежних счастливых днях, вместе с отвращением от фабричной работы, составляло одну из важных причин, заставлявших ткачей дорожить своим занятием. Они не могли понять, почему одно и то же занятие вознаграждалось так хорошо прежде и так плохо теперь, и надеялись на возвращение старого времени⁵⁾.

¹⁾ Вот, напр., как описываются членом комиссии Symons'ом их жилища: „Жилища ткачей бумажных тканей лучше всего доказывают действительность их лишений. В большинстве домов обстановка жалкая и скудная. Постели у них из соломы... иногда я встречал у них кое-какие остатки красной мебели, сохраняемые от прежних лучших дней с гордостью, которую бедность не могла заглушить и которая составляла печальный контраст с нищенским обедом и изнуренным видом хозяев“ (Report, стр. 6); показание члена комиссии Fletcher'a: „в окрестностях Белькингтона и Фольстилля семьи ткачей обыкновенно живут в величайшей грязи и нищете, спят без кроватей и постельного белья... пища их состоит, главным образом, из хлеба и масла, картофеля и немного чая; в редких случаях к этому прибавляется несколько кусочков свиного сала“ (Report, стр. 7).

²⁾ См. Report on the Hand-loom Weavers, таблицы на стр. 3.

³⁾ Report, стр. 9, показание R. Dewes.

⁴⁾ Report, показание Laidler'a, стр. 10.

⁵⁾ Report, показание д-ра Mitchell'a, 39.

Действительно, в конце XVIII века ручные ткачи стояли во главе рабочего класса Англии¹⁾. Важнейшие изобретения XVIII века — „Дженни“ Гаргривса и механическая прялка Кромптона—были сделаны простыми ткачами. Но ум и образование не помешали ручным ткачам перейти из положения первых среди рабочего класса в разряд самых последних. Очевидно, для этого должны были быть какие-либо причины, действие которых было так могущественно, что отдельные лица не могли с ними бороться.

Не менее тяжело было положение чулочных ткачей (framework knitters). Заработная плата в этой отрасли промышленности непрерывно падала в течение 1811—1842 г.г. и за все это время понизилась на 35%²⁾. Чулочные ткачи так же, как и ручные, работали у себя на дому, но собственных станков у них не было, и они нанимали их у предпринимателей. Ухудшение их положения тем более замечательно, что в этой отрасли промышленности не было сделано никаких выдающихся изобретений, которые могли бы уменьшить спрос на рабочие руки. Применение паровых машин к изготовлению чулок было вполне возможно, но ручной труд оплачивался так низко, что устройство чулочной фабрики не было выгодным предприятием, и производство попрежнему велось так же, как и в XVIII столетии. Несмотря на это, заработная плата чулочных ткачей понизилась до такой степени, что в начале сороковых годов средний еженедельный заработок их в Лейчестершире, центре чулочного производства, колебался между 4 и 8 шиллингами в неделю³⁾.

Заработная плата земледельческих рабочих сильно понизилась в первые годы по окончании войны с Наполеоном. В последние годы войны средняя заработная плата их достигала 15—16 шилл. в неделю, а в 1822 г. она равнялась только 9 ш. ⁴⁾. В 1830 г. деревенские рабочие на юге Англии, под влиянием бедности и нужды, дошли до открытого бунта; они напали на усадьбы своих хозяев и жгли хозяйственные постройки и земледельческие запасы. Эти беспорядки, по словам С. Лэнга, доказали, „что мрачное недовольство, готовое разразиться, так же сильно клокотало среди населения земледельческой Англии, как и промышленной“⁵⁾. В 1844 г. либеральные противники лорда Шефтсбери, одного из вождей партии 10-часового рабочего дня, произвели исследование экономического положения рабочих в его поместьях. Оказалось, что средняя недельная плата взрослому мужчине равнялась 7 или 8 шилл., а заработок всей семьи достигал всего 8 или 10 шилл. в неделю. Следовательно, в 40-х годах заработок земледельческих рабочих приближался к заработку ручных ткачей⁶⁾. Неудивительно, что Вэкфильд называет деревенских рабочих пауперами, а Садлер—белыми рабами⁷⁾.

От чего же зависело это обеднение массы рабочего населения в Англии? Отчет комиссии 1841 г. выставляет главной причиной низкого

¹⁾ Report, показание Kingon, 43.

²⁾ Cunningham. The Growth of English Industry in modern times, 618.

³⁾ J. Ward. Workmen and Wages. London, 1868, стр. 34.

⁴⁾ Cunningham, 651.

⁵⁾ Цитировано по Марксу, Das Kapital (3-е издание), 696. О положении сельских рабочих в Англии в тридцатых годах XIX столетия см. Н. Каблуков. Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. Москва. 1884. Стр. 125—140.

⁶⁾ Marx, 698.

⁷⁾ Янжул. Английская свободная торговля. Выпуск 2-й, стр. 55—57.

уровня заработной платы ручных ткачей—необыкновенную легкость обучения этому занятию. По словам отчета, женщины и дети, после нескольких месяцев обучения, становились такими же искусными ткачами, как и взрослые мужчины. Легкость обучения тканью на ручном станке увеличивала число конкурентов в этой отрасли труда, и заработная плата падала¹⁾. Такое объяснение кажется вполне правильным, но оно не объясняет самого главного: выставляемая им причина действовала постоянно как в XIX столетии, так и в XVIII-ом, а между тем, в XVIII столетии ручное ткачество было выгодным занятием, а в XIX в. оно не могло обеспечить самостоятельного существования. Очевидно, кроме легкости обучения, в первой половине XIX в. должны были действовать еще какие-нибудь особые причины, которые не действовали раньше и которые в этом столетии так сильно изменили экономическое положение не только ручных ткачей, но и всех других рабочих, относящихся к группе так-называемого „необученного труда“ (unskilled labour). Причины эти были очень сложны и разнообразны, но все они могут быть подведены под одно понятие—развитие капиталистического хозяйства.

Разложение старых хозяйственных форм и возникновение новых в конце XVIII и первой половине XIX столетия сопровождалось такими глубокими изменениями всего социального строя Англии, что после Тойнби сделалось обычным обозначать всю совокупность этих изменений термином „промышленная революция“. Действительно, это была своего рода революция, но революция медленная и продолжительная, растянувшаяся на целые поколения.

Характерными чертами прежнего хозяйственного строя было преобладание мелкой промышленности, господство обычая в отношениях между предпринимателями и рабочими и слабая степень общественного разделения труда. В то время, как мы говорили выше, всякий фермер занимался вместе с земледелием разными вспомогательными промыслами, а мелкий промышленник и рабочий занимался также и земледелием. Этот хозяйственный строй, составлявший еще наследие средних веков, не способствовал быстрому промышленному прогрессу и накоплению богатств, но он обеспечивал известный достаток всем участникам производства, как хозяевам, так и рабочим. Капиталистическое хозяйство повело к полному раз'единению земледельческой и обрабатывающей промышленности. Фермеры и деревенские рабочие лишились вспомогательных промыслов; ручная прялка, составлявшая во времена Радклиффа главную опору крестьянской семьи, не могла выдержать конкуренции с машиной и была заброшена, как ненужный хлам. Точно так же сделались невыгодными и все другие мелкие промыслы, и земледельцы были принуждены добывать себе средства к существованию только земледельческим трудом.

Уничтожение вспомогательных промыслов должно было значительно сократить источник заработка для деревенского населения и уменьшить его благосостояние. Тому же самому результату содействовали и другие обстоятельства. К числу таковых относится огораживание общинных полей, превращение мелких ферм в крупные и очистка поместий.

Огораживанием общинных полей (enclosure of commons) называлось разделение общинной земли в частную собственность, производившееся

¹⁾ Report on the Hand-loom Weavers 1842, стр. 39—44.

только по особым актам парламента. Как общее правило, разделение это было выгодно только крупным собственникам. При существовании общинных пастбищ деревенские рабочие могли иметь собственную корову и кое-какой мелкий скот. Переход общинных земель в частную собственность лишал рабочих этого права, и даже правительственные власти, заведывавшие операцией разделения общинных земель, неоднократно признавали ее разорительность для рабочих ¹⁾. В большинстве случаев все дело сводилось к отбиранию общинной земли в пользу крупных землевладельцев, и вся операция сопровождалась такими злоупотреблениями, что автор „Финансовой истории Англии“ Томас Дубльде, не обинуясь, называет огораживания общинных земель „открытым грабежом“ ²⁾.

Со времени королевы Анны до 1805 года было огорожено 4.187.056 акров общинных земель ³⁾, а за 30 лет 1801—1831—3.511.770 акров ⁴⁾.

Число акров вновь огороженной общинной земли в Соединенном Королевстве ⁵⁾.

1780—1789	450.180
1790—1799	858.270
1800—1809	1.550.010
1810—1819	1.560.990
1820—1829	375.150
1830—1839	248.880
1840—1844	120.780

Наибольшее количество огораживаний приходится на первое 20-тилетие XIX в. В это время цена земельной собственности сильно возросла и вместе с тем увеличилось естественное желание лендлордов округлить свои поместья.

Превращение мелких ферм в крупные находилось в непосредственной связи с разделением общинных земель. Увеличение размеров отдельных ферм обыкновенно сопровождалось сокращением площади запашки и уменьшением числа содержащихся рабочих ⁶⁾.

„Очистка имений“ заключалась в принудительном выселении мелких арендаторов собственниками земли, которое обыкновенно производилось с целью обращения пахотной земли в пастбище и сенокос. Сисмонди рассказывает историю знаменитой очистки поместий графини Соутерландской в 1810—1820 г.г., сопровождавшейся изгнанием 15.000 человек коренных обитателей страны и обращением громадного имения, занимавшего почти целое графство, в несколько десятков крупных ферм, предназначенных исключительно для разведения овец ⁷⁾. Такие очистки производились в особенно-больших размерах в Шотландии и Ирландии.

¹⁾ Cunningham, 487.

²⁾ Thomas Doubleday. „A Financial, Monetary and Statistical History of England“. London, 1859, стр. 166.

³⁾ Cunningham, 484.

⁴⁾ Marx, 753.

⁵⁾ Porter, Progress of the Nation, 154.

⁶⁾ Toynbee. The Industrial Revolution in England, 89.

⁷⁾ J. C. L. Simonde de Sismondi. Études sur l'économie politique. Bruxelles, 1837, I, 140—164.

Под влиянием всего этого не только понизилось благосостояние деревенского населения (выключая, разумеется, земельных собственников, рента которых, по расчетам Портера, по крайней мере, удвоилась со времени 1790 г.) ¹⁾, но даже и численность их стала уменьшаться.

Число семейств, занятых земледелием в Великобритании ²⁾.

1811 г.	895.998
1821 „	978.656
1831 „	961.134

Число взрослых мужчин, занятых земледелием.

1831 г.	1.243.057
1841 „	1.207.989 ³⁾ .

Данные 1841 г. относительно числа семейств, занятых земледелием, несравнимы с предыдущими, так как в этом году распределение населения по занятиям производилось на основании других признаков, но можно сравнить число взрослых мужчин, занятых земледелием в 1831 и 1841 г.г. Эти цифры показывают, что с 20-х годов прошлого столетия британское население стало покидать деревню, где оно не находило себе заработка, и эмигрировало в промышленные центры, в города. Но в городах положение низших слоев населения было не только не лучше, но даже хуже, чем в деревнях.

Подобно тому, как земледельцы лишились вспомогательных занятий в обрабатывающей промышленности, рабочие в обрабатывающей промышленности лишились вспомогательных занятий в земледелии. В начале прошлого столетия иоркширские суконные мастера, одновременно с выделкой сукна, занимались также и сельским хозяйством. В половине XIX в. ручные ткачи, жившие попрежнему в деревнях и работавшие у себя на дому, уже совсем забыли земледелие, а в немногих случаях, когда они продолжали наниматься на полевые работы, они оказывались очень плохими рабочими ⁴⁾. Прядение и ткачество, в качестве подсобного промысла, не могли конкурировать с крупной промышленностью так же, как и вспомогательное занятие земледелием не могло выдержать конкуренции с крупными фермами и их интенсивным хозяйством.

Таким образом, общественное разделение труда, произведенное развитием капиталистического хозяйства, было первое время одинаково невыгодно как для земледельческих рабочих, так и для тех рабочих обрабатывающей промышленности, которые еще не пользовались выгодами, связанными с производством в больших размерах. Ручные ткачи были заняты в самой худшей форме капиталистических предприятий. Домашняя промышленность может быть организована по типу крупных предприятий, но производство в ней всегда остается мелким. Поэтому замена ремесленного производства домашним не сопровождается увеличением производительности труда, которое составляет такое громадное преимущество крупного производства. Рабочие домашней промыш-

¹⁾ Porter, 151.

²⁾ Porter, 53.

³⁾ Porter, 61.

⁴⁾ Report on the Hand-loom Weavers, стр. 9.

ленности не обладают и другим преимуществом фабричных рабочих: они работают порознь, по одиночке, независимо друг от друга, и потому для них гораздо труднее всякие общие совместные действия, направленные к защите их интересов.

Сокращение заработка ручных ткачей явилось естественным следствием развития крупного производства. Но не нужно думать, что единственная причина падения их заработной платы заключалась в конкуренции ткацкой машины. Эта причина, без сомнения, имела свое значение, но она была не единственной и даже не самой главной причиной; это видно лучше всего из того, что заработная плата ручных ткачей начала понижаться уже тогда, когда механические ткацкие станки еще далеко не были распространены в Англии. Как мы говорили выше, механические ткацкие станки стали входить в общее употребление в Англии и Шотландии только после 1825 г., но заработная плата ручных ткачей падала с небольшими колебаниями с начала прошлого столетия. Кроме того, не менее сильное падение заработка чулочных ткачей, которым не приходилось бороться ни с какими машинами, доказывает, что, кроме конкуренции с фабриками, были и другие причины бедствий рабочих, занятых в домашней промышленности.

Как общее правило, в Англии в течение первой половины XIX столетия понижалась заработная плата всех рабочих, работа которых не требовала долгого предварительного обучения. Развитие капитализма вызвало образование избыточного населения, которого не имела Англия прежнего времени. Сельские рабочие, которые должны были бросить земледелие; мелкие производители, которые не могли выдержать конкуренции с крупным производством; рабочие, вытесненные машинами; представители всевозможных профессий, процветавших при прежнем порядке и не приспособившихся к новым хозяйственным условиям, — вся эта масса рабочего люда лишилась своих прежних заработков и должна была устремиться в те отрасли промышленности, которые были для всех доступны. Образование избыточного населения, выбитого из обычной колеи, составляет необходимое следствие всяких крупных промышленных переворотов. Уже одно географическое перемещение центров промышленности должно было лишить заработка и дохода тысячи населения. Английская промышленность, в зависимости от изменения технических условий производства, несколько раз меняла свое местоположение. Первоначально она была рассеяна по деревням; после изобретения машины Аркрайта, приводившейся в движение водою, бумагопрядильные фабрики начали группироваться по берегам рек; с распространением паровых двигателей фабрики переместились поближе к городам, в местности, богатые углем. Из восточных и южных графств Англии промышленность эмигрировала в северные графства — Ланкаширское, Чеширское и Йоркширское¹⁾. Процесс перемещения промышленности выражался в усиленном развитии ее в одних местностях и упадке в других. Население всегда имеет тяготение оставаться на привычных местах и в привычной обстановке; поэтому новое распределение населения, эмиграция его из падающих промышленных центров в развивающиеся совершается только тогда, когда нужда делается слишком сильна и выселение становится необходимым.

¹⁾ Cunningham, 468.

Нищета ручных ткачей в Англии составляла поразительный контраст с благосостоянием ткачей на европейском континенте. По собранным комиссией сведениям, во всех тех случаях, когда ткачество соединялось с земледелием, положение ткачей было вполне удовлетворительным. В Швейцарии и Австрии ткачество продолжало оставаться подсобным промыслом земледельцев, и хотя заработная плата их была невысока, они могли жить в известном довольстве. Только в Ирландии положение ручных ткачей было еще хуже, чем в Англии; но здесь ткачество точно так же было единственным занятием ручных ткачей¹⁾.

Сами ручные ткачи приписывали свои несчастья главным образом двум причинам: распространению механических ткацких станков и отсутствию среди них союзов. Не может быть никакого сомнения, что первая причина имела очень большое значение. Отчет 1841 г. следующим образом описывает преимущества машинного тканья перед ручным: „паровая машина, работая всегда с одинаковой силой, производит более однородную ткань и может изготовлять большое количество ткани в одно и то же время. Производство ее, вместе, и больше и лучше. Поэтому в производстве тканей, к изготовлению которых может быть приложен механический ткацкий станок, машина должна вытеснить ручного ткача, если только последний не будет отдавать свою работу за меньшую плату. Вследствие этого с каждым улучшением механического станка спрос на ручных ткачей уменьшается и, если бы их заработная плата оставалась прежней, должен был бы совсем прекратиться“²⁾.

Другой причиной своего бедственного положения ручные ткачи считали отсутствие среди них союзов. Отчет комиссии 1841 г. не только решительно отвергает, что рабочие союзы могут повышать заработную плату, но утверждает совершенно обратное — что рабочие союзы имеют тенденцию понижать заработную плату³⁾. Тем не менее рабочие были вполне правы, и в настоящее время никто уже не сомневается в том, что рабочие союзы могут повышать заработную плату. Рабочий Мак-Ниш (прядильщик на бумагопрядильной фабрике), дававший показание перед парламентской комиссией 1838 года, очень верно объяснил причину избытка предложения труда в ткацкой промышленности. Показание Мак-Ниша очень интересно, и мы приведем извлечение из него: „В. Думаете ли вы, что предприниматели могли бы давать ручным ткачам более высокую плату, чем они дают теперь? — О. Я думаю, что да. — В. Не думаете ли вы, что ручных ткачей слишком много сравнительно с количеством работы, которую они могут получить? — О. Нет, мое мнение, что их не слишком много. Если бы эти ткачи работали надлежащее число часов в день, напр., 10 или 12 часов, то ткачей было бы слишком мало сравнительно со спросом на них. — В. Другими словами, если бы их рабочее время сократилось? — О. Да. — В. Следовательно, вы приписываете низкую заработную плату ткачей отсутствию среди них союзов? — О. Совершенно верно, исключительно этой причине“⁴⁾. Объяснения Мак-Ниша подтверждаются показаниями предпринимателей Смита и Мильна перед комиссией 1833 г. Оба они

¹⁾ Cunningham, 642.

²⁾ Report on the Hand-loom Weavers, стр. 25.

³⁾ Ibidem, 81.

⁴⁾ Report from the Select Committee on Combinations of Workmen 1838, Minutes of Evidence, показание Mac-Nish, Qu. 1414—1420.

заявили, что работы хватает на всех ткачей¹⁾. Во всяком случае, неорганизованность ручных ткачей явилась обстоятельством, чрезвычайно облегчавшим понижение их заработной платы. С другой стороны, низкая заработная плата задерживала развитие крупного производства, так как не было выгоды заменять ручной труд машинным, когда рабочие руки стоили так дешево. Таким образом, неорганизованность рабочих создавала искусственную поддержку домашней промышленности, несмотря на техническую отсталость последней.

Какое же влияние оказывали промышленные кризисы на положение рабочего класса в Англии? Чтобы ответить на это точными цифрами, я прибегнул к следующему методу: я выбрал несколько земледельческих и промышленных графств и сравнил из года в год изменение числа браков, преступников, смертных случаев и расходов на содержание бедных в графствах того и другого рода. Так как кризисы обрушиваются всей своей тяжестью на промышленные и торговые классы общества, в то время как земледельческое население почти не затрагивается ими, то, если бы кризисы были действительно важным фактором народной жизни в Англии, различие это должно было бы выразиться в различии изменения соответствующих статистических данных для промышленных и земледельческих графств. Земледельческие графства выбраны мною следующие: Кембриджское, Эссекское, Норфолькское, Оксфордское, Линкольнское, Суффолкское и Вильтское. Во всех этих графствах земледельческое население превосходит по своей численности торгово-промышленное. Из промышленных графств я выбрал Ланкастерское и Честерское, в которых сосредоточена большая часть хлопчатобумажной промышленности и процент земледельческого населения ничтожен. Вот соответствующие данные:

Распределение населения по занятиям в 1841 г.²⁾

Земледельческие графства:	Процент населения, занимающегося земледелием.	Проц. населения, занимающей торговлей и обрабатывающей промышленностью.
Кембриджское	39,3	25,3
Эссекское	39,0	24,6
Линкольнское	40,0	24,4
Норфолькское	32,8	31,8
Оксфордское	34,9	29,2
Суффолкское	38,2	27,5
Вильтское	36,3	27,9
Промышленные графства:		
Ланкастерское	6,7	62,9
Честерское	15,1	52,9

Численность народонаселения в 1841 г.

7 земледельческих графств	2.021.490
2 промышленных графства	2.062.364

В прилагаемой таблице (стр. 273) я поместил для 1823—50 гг. относительные цифры брачности, смертности, преступности и пауперизма как для всей Англии, так и для обеих групп промышленных и земледельческих графств.

¹⁾ Report on Manufactures, Commerce and Shipping 1833, Minutes of Evidence показание Smith'a, стр. 567, и Milne'a, 658.

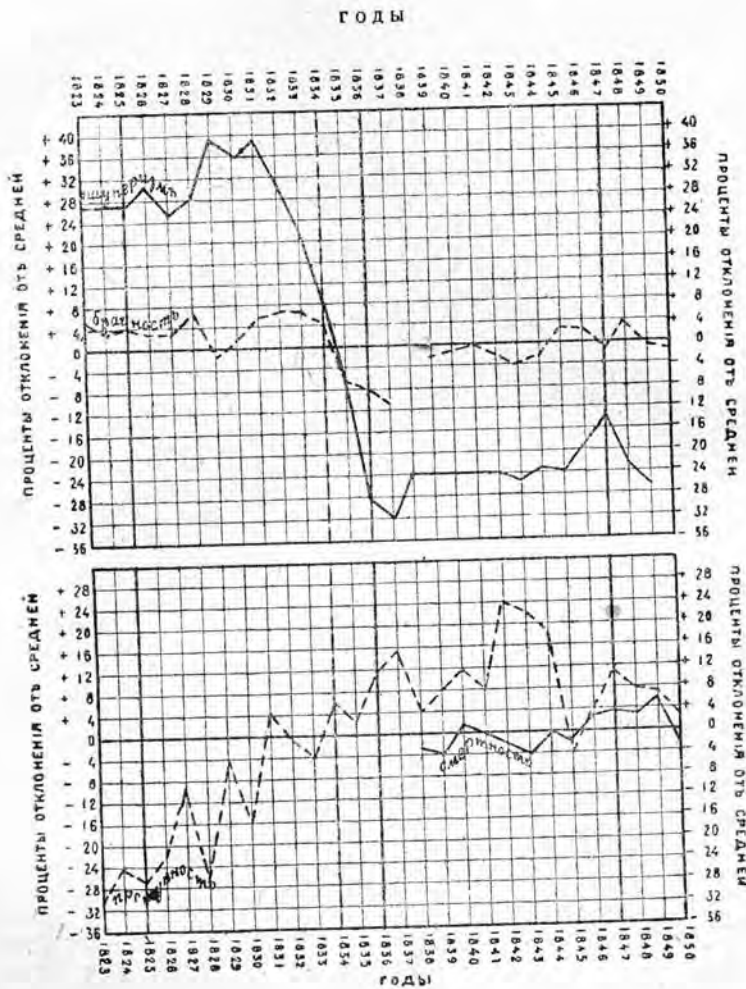
²⁾ Porter. The Progress of the Nation, 85.

Годы.	Земледельческие графства.				Промышленные графства.				Вся Англия.			
	Число лиц, сочетавшихся браком, на 10.000 д. населения.	Число умерших на 10.000 д. населения.	Число лиц, преданных суду присяжных на 100.000 д. населения.	Сумма издержек на содержание бедных на 1 д. нас. (в тысячах долл. фунта ст.).	Число лиц, сочетавшихся браком, на 10.000 д. населения.	Число умерших на 10.000 д. населения.	Число лиц, преданных суду присяжных, на 10.000 д. населения.	Сумма издержек на содержание бедных на 1 д. нас. (в тысячах долл. ф. ст.).	Число лиц, сочетавшихся браком, на 10.000 д. населения.	Число умерших на 10.000 д. населения.	Число лиц, преданных суду присяжных, на 100.000 д. населения.	Сумма издержек на содержание бедных на 1 д. нас. (в тысячах долл. ф. ст.).
1823	153	—	103	735	195	—	135	209	163	—	98	473
1824	149	—	110	735	192	—	159	210	165	—	108	469
1825	151	—	107	734	201	—	167	222	171	—	112	474
1826	149	—	113	752	174	—	187	307	161	—	124	508
1827	149	—	132	722	175	—	194	256	162	—	135	489
1828	154	—	108	746	193	—	159	230	165	—	123	484
1829	140	—	139	802	173	—	173	253	153	—	137	515
1830	146	—	125	785	177	—	157	243	156	—	131	505
1831	153	—	153	804	174	—	171	243	161	—	140	514
1832	154	—	146	764	184	—	187	218	165	—	147	488
1833	154	—	141	707	186	—	166	198	168	—	140	446
1834	152	—	156	634	189	—	194	170	168	—	155	385
1835	136	—	151	532	187	—	174	148	162	—	141	323
1836	133	—	164	418	192	—	152	135	162	—	140	271
1837	129	—	170	401	161	—	180	152	149	—	156	274
1838	—	203	155	442	—	261	167	149	154	224	151	289
1839	141	198	158	439	177	288	186	159	159	219	158	295
1840	143	210	165	439	171	300	224	168	156	228	173	303
1841	145	207	159	438	171	258	239	181	154	216	174	309
1842	141	202	183	442	157	257	265	216	147	217	194	324
1843	139	197	180	431	179	254	218	193	152	212	181	305
1844	142	205	174	448	193	243	168	172	160	215	160	305
1845	149	201	141	443	211	246	159	171	172	209	145	296
1846	148	208	151	467	200	308	169	187	172	230	148	314
1847	142	213	162	508	169	342	187	290	158	247	168	362
1848	149	212	159	454	177	271	205	249	159	237	175	335
1849	142	216	157	425	189	294	173	203	162	251	158	307
1850	141	201	151	—	206	241	173	—	172	208	151	—
Средняя	145	206	147	579	183	274	182	205	161	224	147	384

Относительные цифры этой таблицы вычислены на основании абсолютных цифр, помещенных в английских официальных статистических изданиях—Annual Reports of the Registrar General of Births, Deaths and Marriages in England and Wales и Tables of the Revenue, Population etc. of the United Kingdom. Население графств в годы, промежуточные между годами переписей, определялось вычислением при помощи сложных процентов.

На основании этой таблицы я построил три прилагаемых диаграммы. Первая диаграмма относится к земледельческим графствам, вторая—к промышленным, а третья—ко всей Англии. Сплошные вертикальные линии в диаграммах означают годы промышленных кризисов, а пунктирная вертикальная линия—год издания нового закона о бедных.

Диаграмма № 6.
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ГРАФСТВА.

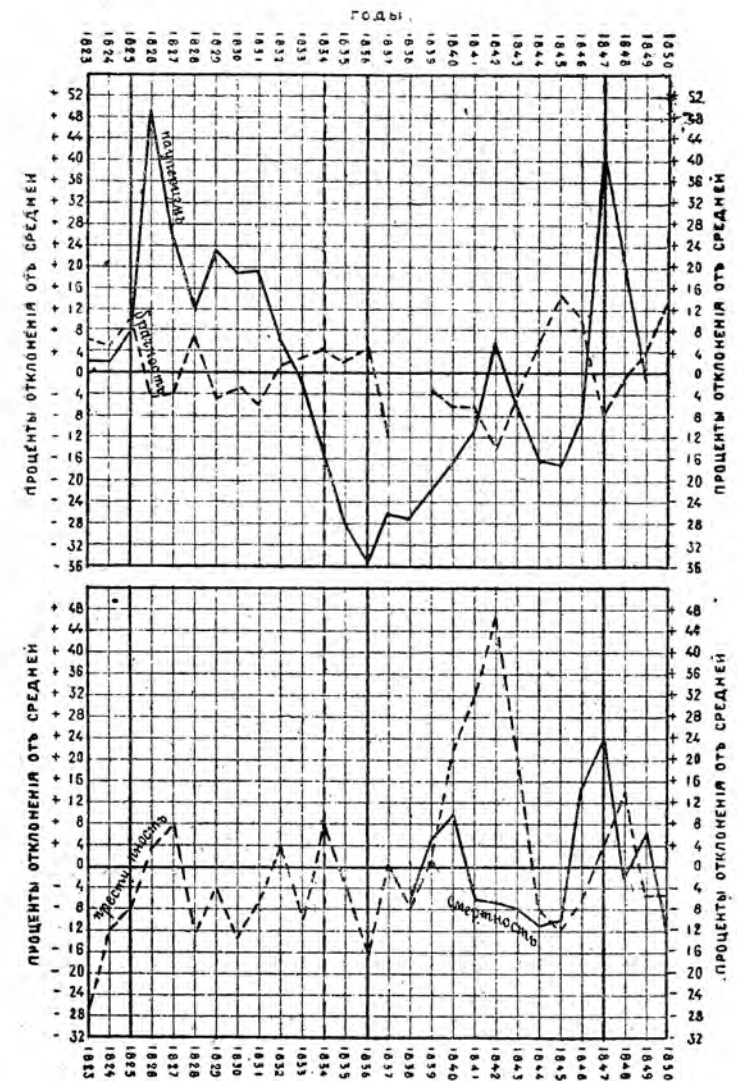

Приведенные диаграммы заслуживают того, чтобы на них остановиться подольше.

Уже при первом взгляде на диаграммы № 6 и № 7 бросается в глаза резкое различие между ними. Диаграмма № 6, характеризующая собою социальное состояние земледельческих графств, не обнаруживает значительных периодических колебаний. Кривая брачности стоит в течение первых 5-ти лет почти неподвижно; промышленный кризис 1825 года не производит в ней сколько-нибудь значительного изменения. 1829 и 1830 г. брачность падает под влиянием того, что в эти годы были сильные неурожаи. Последующие урожаи опять поднимают кривую брачности до прежней высоты.

Но в 1835 году, несмотря на прекрасный урожай, брачность внезапно падает и в течение всего последующего времени стоит значи-

Диаграмма № 7.
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРАФСТВА.

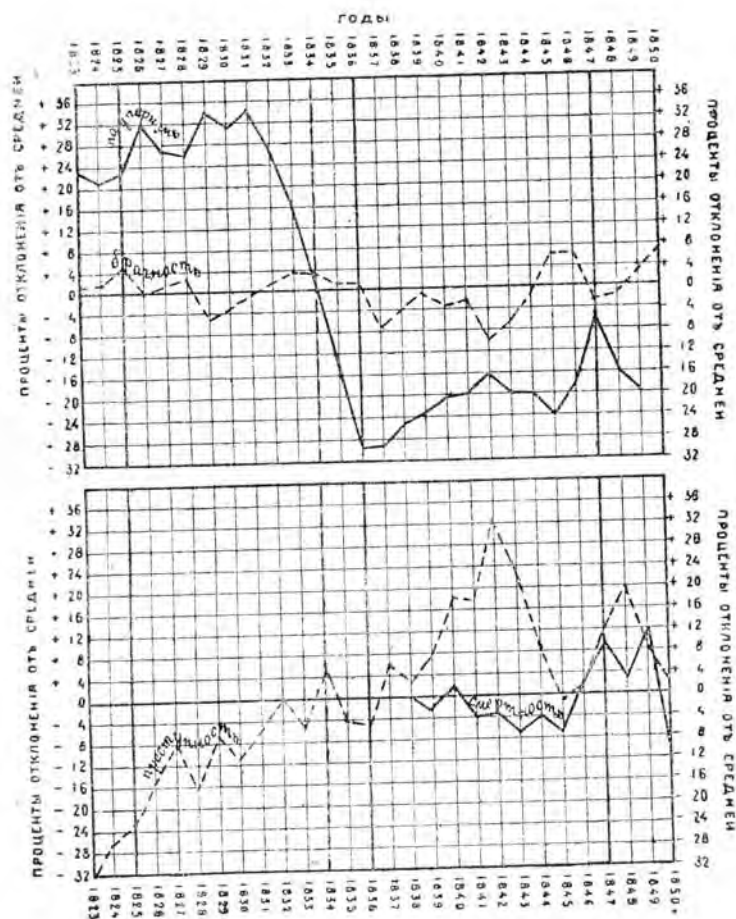

тельно ниже, чем в 20-х годах. Очевидно, в жизни земледельческого населения Англии произошло какое-то глубокое изменение, повлиявшее на брачность. И действительно, в 1834 году была проведена знаменитая реформа законов о бедных, которая, по мысли авторов этого закона, должна была уничтожить в Англии пауперизм.

Помощь семействам неимущих рабочих была сильно сокращена, и рабочие, не имевшие средств содержать свою семью, должны были вместе с ней поступать в рабочий дом. Вполне естественно, что эта крутая мера должна была уменьшить браки среди рабочего класса.

Диаграмма № 8.

АНГЛИЯ.

Последователи Мальтуса могли торжествовать: они создали тормоз для размножения населения, что, впрочем, нисколько не мешало дальнейшему падению благосостояния рабочего класса в Англии.

Действие нового закона, который в первые годы после своего введения применялся с особенной строгостью, было так сильно, что даже в неурожайные годы конца 30-х и начала 40-х годов число браков было больше, чем во время урожайных годов 1835—37. В половине 40-х годов кривая брачности опять поднимается под влиянием урожаев и затем падает в 1847 году, когда сильный неурожай хлебов соединился с гибелью всего картофеля от картофельной болезни, опустошавшей в течение нескольких лет поля Ирландии и Англии.

Кривая пауперизма повышается в конце 20-х годов под влиянием неурожая, затем сильно падает после издания нового закона о бедных. В 40-х годах колебания ее незначительны, и только в 1847 г. она заметно повышается.

Кривая смертности (которая начинается на нашей диаграмме только с 1838 г., так как только с этого года началась правильная регистрация брачности, смертности и рождаемости в Англии) обнаруживает так же мало колебаний, как и кривая брачности, и по большей части колеблется прямо противоположно кривой брачности; незначительность ее колебаний доказывает, что экономическое положение массы населения в земледельческих графствах Англии мало изменялось из года в год. Урожай и неурожай оказывают больше влияния на прибыль фермера, чем на заработную плату сельского рабочего, благодаря чему и влияние урожая на положение сельских рабочих сравнительно не велико.

Кривая преступности колеблется гораздо сильнее и в то же время заметно поднимается вверх. Причины колебаний не всегда ясны: кризис 1825 года не вызывает сколько-нибудь заметного увеличения преступности. Реформа законов о бедных вызывает значительный подъем кривой; закон 1834 года не только сократил число браков в земледельческих графствах, но в то же время и увеличил в них число преступлений. Очевидно, бедняк нередко предпочитал риск попасть в тюрьму неизбежности заключения в рабочем доме. Влияние кризиса 1836 г. отразилось возрастанием преступлений. Вообще же кривая преступности колеблется сходно с кривой смертности. В неурожайные годы преступность увеличивается, в урожайные падает.

Итак, подводя итог всему сказанному, мы приходим, на основании изучения диаграммы № 6, к следующим заключениям: в положении земледельческого населения Англии замечались колебания, в общем, довольно незначительные (кроме колебаний преступности, которые сравнительно велики); зависели они преимущественно от колебаний урожая. Промышленные кризисы, не сопровождаемые неурожаями, не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на положение земледельческих классов Англии; так, например, кризис 1825 г. едва ли не самый тяжелый в течение рассматриваемого периода, почти не уменьшил число браков в земледельческих графствах и почти не увеличил в них пауперизма. То же можно сказать про кризис 1836 г., в 1847 г. положение земледельческого населения ухудшается, но не под влиянием промышленного кризиса, а под влиянием неурожая предыдущего года. Зато преобразование законов о бедных очень сильно повлияло на положение сельского населения Англии и вызвало уменьшение числа браков и возрастание числа преступлений.

Перейдем теперь к изучению второй диаграммы, № 7, характеризующей собою жизнь промышленного населения Англии в течение второй четверти XIX века. Если мы будем сравнивать первую диаграмму со второй, то легко заметим, что жизнь промышленного класса в Англии подвержена большим колебаниям, чем жизнь земледельческого класса. В течение трехлетия от 1823 до 1825 г.г., когда английская торговля и промышленность находились в цветущем состоянии, кривая брачности в промышленных графствах стоит высоко и в 1825 г. достигает своего максимума. Промышленный кризис конца этого года немедленно опускает ее до такого уровня, который является минимумом для влияния на число браков в промышленных графствах. Фабричные рабочие привыкли обходиться без приходских пособий, и поэтому в про-

мысленных центрах сокращение этих пособий не имело такого влияния на положение населения, как в земледельческих округах.

Следующий благополучный период 1833—36 г.г. выражается сильным поднятием кривой брачности; в 1836 г. брачность опять достигает максимума для десятилетия. В 1837 г., под влиянием кризиса предшествовавшего года, брачность сильно падает, и число браков в этом году является наименьшим для десятилетия. В 1842 г. брачность сильно понижается вследствие продолжительного застоя торговли конца 30-х и начала 40-х годов. Новая эпоха процветания 1843—1845 г.г. вызывает немедленное возрастание числа браков, а промышленный кризис 1847 г. опять низводит число браков до минимума.

Кризис 1847 г. несколько отличался от кризисов 1825 и 1833 г.г.: ликвидация предшествующей эпохи промышленного оживления до известной степени предшествовала кризису этого года, и поэтому кривая брачности начала падать с 1846 г., и в 1847 г. падение ее было всего сильнее. С другой стороны, кризис 1847 г. был ликвидирован скорее, чем предшествующие кризисы, и потому в 1848 г. число браков несколько повысилось.

Еще яснее связь с колебаниями английской промышленности на кривой пауперизма в промышленных графствах. Эта кривая обнаруживает три резких поднятия: в 1826, 1842 и 1847 г.г., т. е. как раз в те годы, когда английская промышленность была в наибольшем застое. При сравнении колебаний этой кривой с колебаниями кривой брачности, ясно обнаруживается тесная зависимость между ними: каждый раз, когда первая кривая повышается, вторая кривая падает и обратно. Вместе они образуют почти совершенно симметричную фигуру.

Кривая смертности в промышленных графствах колеблется в обратном направлении сравнительно с кривою брачности. За трехлетие 1843—45 г.г. она сильно понижается, в 1846 г. следует повышение, и максимум достигается в 1847 г. В 1849 г. в Англии свирепствовала холера, тем не менее смертность в этом году в промышленных графствах Англии была гораздо ниже, чем в 1847 г.; другими словами, для промышленного населения Англии промышленный кризис был губительнее всякой эпидемической болезни. Вообще же колебания брачности и смертности в промышленных графствах гораздо сильнее, чем в земледельческих.

Кривая преступности обнаруживает такую же зависимость преступности населения от его экономического положения, какая замечается и относительно других элементов народной жизни. В годы благополучия преступность падает, в годы кризисов быстро возрастает. Промышленный застой начала 40-х годов вызывает особенно сильное увеличение числа преступлений; в это время к безработице присоединилась политическая агитация чартистов, и потому случаи нарушения закона возросли в громадной пропорции.

Если мы сравним колебания всех четырех кривых, то увидим, что кривая брачности колеблется в том же направлении, как и кривая экспорта Соединенного Королевства в диаграмме № 1, а три остальные кривые (кривые смертности, преступности и пауперизма) колеблются в направлении прямо противоположном. Каждый раз, когда английский вывоз падает, в промышленных графствах уменьшается число браков, и в то же время увеличивается число смертных случаев, преступников и нищих. Вообще колебания всех кривых рассматриваемой

диаграммы очевидно подчиняются одному закону: периодические колебания английской промышленности, выражающиеся в острой форме в промышленных кризисах, вызывали в течение рассматриваемого времени такие же периодические колебания в жизни промышленных классов Англии. Промышленные «приливы и отливы» влекут за собою такие же приливы и отливы брачности, смертности, преступности и пауперизма.

Тесная зависимость между колебаниями того и другого рода была так очевидна в Великобритании в 30-х и 40-х годах XIX столетия, что шериф Ланаркского графства Алисон заявил комиссии палаты лордов в 1848 г., что, когда Английский Банк повышал дисконтный процент, он сам имел обыкновение обращаться к местным властям с речью в таком роде: «Джентльмены, Английский Банк повышает дисконт, вам бы следовало немедленно принять меры для приготовления свободных мест в тюрьмах, госпиталях и рабочих домах¹⁾».

Что касается до изменения законов о бедных в 1834 г., то, как я уже сказал, в промышленных графствах оно произвело гораздо меньше действия, чем в земледельческих, и почти не отразилось на числе браков и преступлений.

Диаграмма № 8, относящаяся ко всей Англии, является как бы результатом сложения двух предшествующих диаграмм. Колебания кривых не так сильны, как в диаграмме № 7, но сильнее, чем в диаграмме № 6. Влияние промышленных кризисов выражено вполне ясно.

Диаграмма № 8 точно так же, как и две предшествующие диаграммы, доказывает полное отсутствие прогресса в экономическом положении массы английского населения в течение второй четверти XIX века. Это не значит, что положение английского населения все это время было неизменно. Напротив, оно изменялось очень сильно, но изменения эти имели не прогрессивный, а циклический характер. Все успехи, достигаемые рабочим классом во время эпохи процветания, разрушались последующим кризисом.

Непостоянство заработка было тяжелым бичом для английского рабочего. По словам отчета парламентской комиссии 1841 г., ручные ткачи в Англии и Шотландии не только жаловались на низкий уровень своей заработной платы, сколько на частое возвращение эпох промышленного застоя, когда заработок совсем прекращался. Вот, например, показание одного шелкового ткача Брессона: «Ткачи могли бы существовать порядочно, если бы могли рассчитывать на постоянный заработок из года в год; но каждые пять или шесть лет наступает период застоя, и проходит часто по два года, раньше чем торговля опять оживает. Прошлая зима (1836 г.) была одною из самых худших. Погода была очень суровая, а торговля почти прекратилась вследствие паники, охватившей американские фирмы. Торговцы шелками не могли продать товара ни по какой цене, и фабриканты совсем приостановили производство. Тысячи ткачей не могли найти занятий и сильно нуждались²⁾».

¹⁾ Report from the Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1848 Minutes of Evidence, показания Alison'a, стр. 416.

²⁾ Report on the Hand-loom Weavers 1841, показания Bresson'a стр. 19.

Относительно ткачей шерстяных тканей, составлявших наилучше оплачиваемый класс ткачей, один из свидетелей, Чапман, замечает: „Если бы их заработок был постоянен, то, как бы ни было желательно улучшение их положения, я сильно сомневаюсь, чтобы они стали жаловаться. К сожалению, ткачи весьма редко находят себе занятие“. То же говорит и д-р Симмондс о шотландских ткачах: „Ни одна отрасль ткацкой промышленности в Шотландии не дает постоянного занятия ткачам; все они сильно страдают от периодически повторяющегося застоя торговли, и только в немногих местностях Шотландии значительная часть ткачей не была лишена заработка прошлым летом; в действительности, это частое повторение торгового застоя составляет важную, хотя и не единственную, причину бедствий ручных ткачей“¹⁾.

Но промышленные кризисы не только вызывали колебания в заработной плате ручных ткачей; они оказывали на них вредное постоянное действие, понижая их уровень существования, приучая к более и более нищенскому образу жизни, соответствующему уменьшенной заработной плате. Не надо забывать, что среди ручных ткачей не было союзов и обществ для взаимной поддержки друг друга в случае нужды. Поэтому кризисы и безработица всю свою тяжесть обрушивались на разрозненных ткачей, которые с каждым новым кризисом становились все менее и менее способны защищать свои интересы; вполне естественно, что заработная плата их должна была понижаться. Сверх того, по словам вполне расположенного к рабочим доктора Митчеля, бездействие во время кризисов всегда вредно действует на самую рабочую силу и на привычки рабочих: „В такое время необходимость приучает рабочих существовать почти на ничто и чрезвычайно уменьшает их духовную и телесную энергию; привычка к лени, ничегонеделанию изо дня в день, становится господствующей склонностью. Можно привести убедительный пример этого в Брайтоне. Когда ткачи этого местечка, после вынужденного безделья в течение нескольких месяцев, получили работу в 1837 г., то хозяин мануфактуры убедился через несколько недель, что ткачи стали работать чрезвычайно мало, несмотря на то, что никакого другого занятия у них не было: они стали слишком беспечны, чтобы работать так, как прежде. Поэтому предприниматель был принужден поставить условием, чтобы известное количество работы было обязательно выполняемо еженедельно; тем не менее, несмотря на штрафы и риск совсем лишиться работы, ткачи продолжали работать гораздо меньше, чем могли“²⁾.

Кривая преступности и пауперизма представляет собою статистическую иллюстрацию учения Энгельса о промышленном резерве капитализма. Всякий промышленный кризис выбрасывает из среды рабочего класса тысячи рабочих, которые не могут больше существовать своим трудом и переходят в разряд нищих или преступников. Когда кризис проходит, торговля оживает и спрос на рабочие руки увеличивается, тогда тюрьмы и рабочие дома выпускают свое население на свободу. Современная промышленность попеременно то привлекает к себе массы рабочих, то отталкивает их от себя; создаваемое таким образом избыточное население, переходящее из рабочего дома и

тюрьмы в мастерские и фабрики и затем опять возвращающееся туда же, составляет своеобразное явление нового хозяйственного строя. Только благодаря избытку рабочих рук современная промышленность может так быстро расширяться, когда того требуют условия рынка. „Присутствие этого промышленного резерва, возвращение его частью или целиком к активной службе промышленности, затем его возобновление в более широких размерах, — все это составляет основание преисполненной случайностей жизни современной промышленности, с ее почти регулярным десятилетним циклом (кроме других нерегулярных потрясений), с ее периодами нормальной деятельности, усиленного производства, кризиса и застоя“¹⁾.

Периодичность всех важнейших проявлений народной жизни составляет своеобразную черту новейшего социального строя Англии. Действительно, в других государствах такой периодичности не замечалось в рассматриваемое время или, во всяком случае, она замечалась в более слабой форме. Вот, напр., цифры брачности во Франции, Пруссии и Швеции²⁾.

Число браков во Франции, Пруссии и Швеции в сотнях тысяч.

	Франция.	Пруссия.	Швеция.
1821 г.	444	212	45,8
1822 „	495	212	48,9
1823 „	524	204	48,0
1824 „	463	215	47,8
1825 „	487	224	47,3
1826 „	494	224	45,1
1827 „	511	213	40,7
1828 „	494	210	44,9
1829 „	498	217	45,2
1830 „	542	221	44,4
1831 „	493	197	40,0
1832 „	484	254	41,9
1833 „	528	261	46,1
1834 „	542	260	47,6
1835 „	550	248	45,1
1836 „	548	251	43,6
1837 „	533	556	42,3
1838 „	546	247	37,5
1839 „	534	257	41,9
1840 „	564	265	41,1

В этих цифрах трудно заметить последовательную смену эпох процветания, сопровождаемых возрастанием числа браков, и эпох упадка, сопровождаемых уменьшением брачности населения. По своему промышленному развитию более всего приближается к Англии Франция, но даже и в этой стране влияние кризисов было так незначительно, что они почти не отражаются на брачности населения.

Постоянная смена периодов процветания и застоя могла быть выгодна для многих предпринимателей и капиталистов, наживавших огромные барыши в благополучные эпохи, вознаграждавшие их за убытки, которые они несли во время кризисов. Но рабочие мало пользовались выгодами благополучных эпох: заработная плата лучше оплачиваемых

¹⁾ Там же. Показания Charpman'a и Simmonds'a, стр. 20.

²⁾ Там же, 21.

¹⁾ Marx. Le Capital, 279.
²⁾ Eighth Annual Report of Registrar General of Births, Deaths and Marriages in England.

и организованных фабричных рабочих иногда повышалась в такие периоды, но нередко оставалась без перемены, несмотря на возрастание прибыли хозяев. Зато во время кризисов заработок фабричных рабочих всегда сильно сокращался, вследствие уменьшения времени работы и числа занятых рабочих, так же как и вследствие падения заработной платы. После кризиса заработная плата нередко в течение целого ряда лет оставалась более низкой, чем она была, до кризиса.

Средняя еженедельная заработная плата рабочих на хлопчатобумажной мануфактуре в Гайде ¹⁾.

	Прядильщики I класса.	Ткачи.
1821 г.	35 ш. 6 п.	14 ш.
1826 "	35 " — "	13 "
1831 "	34 " 9 п.	12 "

Средняя еженедельная заработная плата рабочих на шерстяной мануфактуре Лейчестера ²⁾.

	Чесальщики.	Прядильщики I класса.
1821 г.	18 — 25 ш.	9—11 ш.
1825 "	21 — 27 "	9—11 "
1826 "	16 $\frac{1}{2}$ —24 "	9—11 "
1831 "	14 — 21 "	8—10 "

Средняя еженедельная заработная плата рабочих на хлопчатобумажной фабрике в Манчестере ³⁾.

	Чесальщики (мужчины).	Прядильщики.	Ткачи.
1845 г.	13 ш. 8 п.	12 ш. — п.	9 ш. 9 $\frac{1}{2}$ п.
1847 "	7 " 9 "	6 " 10 "	4 " 10 "
1849 "	12 " — "	12 " — "	9 " 5 "

В 1847 г. заработная плата ткачей на хлопчатобумажных фабриках Манчестера понизилась более чем вдвое; заработная плата прядильщиков упала почти так же сильно. Кризис 1825 г. понизил заработную плату фабричных рабочих сравнительно немного, но нужно иметь в виду, что заработок рабочего зависит не только от его номинальной заработной платы, но также и от продолжительности времени работы, которая всегда сильно сокращается во время кризисов. О колебаниях числа занятых рабочих из года в год можно судить по следующим примерам:

Пропорция незанятых членов рабочего союза железоплавильщиков (на каждые 100 членов союза) ⁴⁾.

1831 г.	5,8	1841 г.	18,5
1832 "	7,1	1842 "	11,0
1833 "	8,1	1843 "	7,4
1834 "	6,2	1844 "	5,1
1835 "	5,4	1845 "	3,9
1836 "	5,0	1846 "	19,3
1837 "	12,4	1847 "	15,7
1838 "	10,5	1848 "	33,4
1839 "	11,1	1849 "	22,3
1840 "	14,8	1850 "	13,8

¹⁾ Returns of Wages 1887, стр. 8.

²⁾ Ibidem, стр. 15.

³⁾ Ibidem, стр. 12.

⁴⁾ Statistical Tables and Reports on Trade Unions. Fourth Report 1891, стр. 523.

Суммы, выданные незанятым рабочим союзом ножевщиков ¹⁾.

1832 г.	2.572 ф. с.
1833 "	742 " "
1834 "	653 " "
1835 "	60 " "
1836 "	40 " "
1837 "	2.650 " "
1838 "	2.417 " "
1839 "	2.279 " "
1840 "	3.546 " "
1841 "	3.003 " "

Последовательная смена благополучных и неблагополучных эпох выражается этими цифрами очень рельефно. В конце 30-х годов, точно так же, как и в конце 40-х годов, число незанятых рабочих сильно увеличивается, а в период 1834—1836 и 1843—1845 годов оно сокращается в несколько раз.

В виду всего этого вполне понятно, что достижение возможно большего постоянства заработка было всегда предметом горячих желаний рабочего класса в Англии. Выше мы говорили, что рабочие суконной промышленности сделали все, что могли, для сохранения в силе законов Елизаветы об ученичестве; рабочие шелковой промышленности, которая не регулировалась этими законами, энергично отстаивали так-называемые Спитальфильдские акты, изданные в конце XVIII века и предоставлявшие установление заработной платы в шелковой промышленности мировым судьям ²⁾. Когда в 1814 г. все эти законы были окончательно отменены, рабочие стремились достигнуть своей цели путем организации союзов.

Главная задача рабочих союзов заключается в уменьшении колебаний заработной платы. Чтобы предотвратить ее понижение во время кризисов, рабочие союзы выдают еженедельные пособия всем тем своим членам, которые лишаются занятия не по своей вине ³⁾. Благодаря этому в периоды сокращения производства и торгового застоя рабочие получают возможность не соглашаться на слишком невыгодные условия, предлагаемые им хозяевами. Рабочие союзы уменьшают колебания заработной платы также и тем, что они препятствуют чрезмерному расширению производства в периоды промышленной горячки. Ограничение рабочего дня имеет естественную тенденцию делать производство более равномерным. Фабричное законодательство в Англии ограничило рабочий день только в тех производствах, в которых работают женщины и дети; во всех остальных производствах (например, в горном деле, машиностроительном и проч.), где работают взрослые мужчины, рабочий день не ограничен законом, и рабочие должны были вести упорную борьбу с предпринимателями из-за продолжительности рабочего дня.

Предприниматели старались пользоваться всяким оживлением спроса для того, чтобы немедленно расширить производство путем удлинения рабочего дня; следствием этого являлось перепроизводство товаров и кризис. Рабочие союзы стремились ограничить рабочий день

¹⁾ Report of the National Association for the Promotion of Social Science on Trades Societies 1860, стр. 539.

²⁾ О Спитальфильдских актах Brentano. Die Arbeiter Gilden der Gegenwart 120—122. Howell, The Conflicts of Capital and Labour, 96—97.

³⁾ Howell 134—140; Brentano, 216—218.

определенным количеством часов, больше которого работа не должна была продолжаться ни в каком случае. В большинстве производств рабочие достигли ограничения обычного рабочего дня, но они были бессильны предотвратить так-называемое „overtime“—работу, превышающую положенное число часов, во всех тех случаях, когда условия товарного рынка делали особенно выгодным расширение производства¹⁾.

Постоянные колебания заработка рабочих побудили английский парламент назначить в 1830 г. комиссию для исследования способов к устранению или ослаблению этого зла. Комиссия эта констатировала: „1) что в промышленных кругах Англии действительно наблюдаются значительные колебания в занятиях рабочего класса, что вызывает большую нужду среди рабочих; 2) что средний заработок рабочих за несколько лет во многих промышленных округах Англии, при равномерном распределении его из года в год, вполне достаточен для обеспечения рабочих в периоды застоя торговли“²⁾. Между тем, по словам комиссии, „значительно большая часть рабочих на мануфактурах и в механических заведениях во всем Королевстве в настоящее время не имеет средств для поддержания своего существования во время прекращения занятий; немногие из высшего класса рабочих имеют сбережения в сберегательных кассах, но подавляющее большинство рабочих никаких сбережений не имеет и, лишаясь заработка, должно вести худшую жизнь, исчерпывая свой кредит, закладывая одежду и мебель и, в конце концов, поступаая на содержание прихода“³⁾.

Помимо всего этого, по мнению комиссии, необеспеченность рабочих приводила к несоответствию между размерами производства и спросом на товары. Когда спрос на товары падает, то производство, естественно, должно быть сокращено; между тем, вследствие необеспеченности рабочих, производство именно в это время часто расширяется. Падение заработной платы побуждает рабочих работать большее число часов в течение суток и удваивает их усилия; поэтому общая сумма продуктов может возрасти в то время, когда, по условиям рынка, ей следовало бы сокращаться. Точно так же для каждого отдельного предпринимателя может быть выгодно расширение производства в моменты наибольшего падения заработной платы, хотя в сущности весь класс предпринимателей от этого страдает, потому что такой образ действия только усиливает кризис, который из временного и преходящего делается продолжительным и почти хроническим, вследствие постоянного переполнения рынка товарами.

Если бы рабочие были обеспечены во время кризисов, то заработная плата их падала бы не так сильно, и они не были бы принуждены ненормально увеличивать продолжительность рабочего дня. В таком случае производство могло бы сокращаться в периоды сокращения спроса, и промышленные кризисы сделались бы менее продолжительными и тяжелыми. Поэтому, в интересах как самих рабочих, так и предпринимателей, комиссия предложила образование среди рабочих особых обществ для оказания помощи безработным членам. Средства общества должны были составляться путем добровольных членских взносов, при чем каждый член приобретал право, в случае

¹⁾ Об overtime см. Howell, 284—291.

²⁾ Report from the Select Committee on Manufacturers Employment, 2 July 1830, стр. 1.

³⁾ Report, стр. 7.

потери заработка, получать определенное пособие в размере внесенной им суммы с соответствующим процентом.

Таким образом, предложение комиссии сводилось к образованию своего рода сберегательных касс с ограничением права вкладчиков требовать обратно свои вклады. Комиссия решительно отвергла принципы взаимного страхования в применении к данному случаю, „так как рабочие классы предпочтут то общество, в котором каждый отвечает за себя, всякому другому обществу, в котором один может отвечать за других и ничего не получать для себя лично“¹⁾.

Из сказанного выше ясно, что рабочие предпочли именно общества последнего типа. Рабочие союзы представляют собою общества взаимного страхования от тех случайностей, которым подвержен заработок рабочего. Только благодаря широкому применению принципа страхования они достигают в большей или меньшей степени своих целей и оказывают действительную помощь рабочим во время кризисов. В 30-х годах прошлого столетия заработная плата в Англии была так низка, что рабочие ни в каком случае не могли делать из нее значительных сбережений на черный день, и потому сберегательные кассы, проектированные комиссией, никогда не были осуществлены.

II.

Колебания народной жизни в 50-х и 60-х годах.

Я говорил выше, от каких причин зависело быстрое расширение английской торговли и громадное возрастание национального богатства Англии в 50—60-х годах. Само по себе увеличение национального богатства еще отнюдь не гарантирует улучшения положения рабочего класса, и лучшим доказательством этого является история английского народного хозяйства в течение первой половины прошлого столетия, когда одновременно с развитием промышленности и обогащением высших классов населения шло прогрессивное обеднение низших классов и падение заработной платы большинства рабочих. Но в рассматриваемый период положение рабочего рынка сильно изменилось в пользу рабочего. Промышленная революция, сопровождавшаяся столькими тяжелыми жертвами, в важнейших отраслях производства закончилась. Мелкое производство и домашняя промышленность не исчезли и продолжали существовать одновременно с крупным производством и фабрикой, но борьба между ними ограничивалась все более узкой сферой. Машина достигла полного господства в производстве важнейших продуктов обрабатывающей промышленности. Домашнее производство продолжало преобладать во многих второстепенных отраслях промышленности, в особенности в тех из них, которые не были рассчитаны на иностранный рынок. Но в бумаготкацкой промышленности, в которой в течение нескольких десятков лет шла упорная борьба между фабрикой и ручным трудом, фабрика решительно победила. Число ручных ткачей сократилось до такой степени, что, по словам Шульце-Гаверница, посетившего Манчестер в 80-х годах, в это время можно было только с большим трудом отыскать в этом городе ручных ткачей. Жалкие остатки когда-то многочисленного класса рабочих, ткачи эти (по большей части дряхлые старики и старухи) продолжали изгото-

¹⁾ Report on Manufacturers Employment, стр. 11.

влять некоторые сорта старомодных тканей, спрос на которые крайне ограничен, благодаря чему машинное производство их было невыгодно.

Итак, важнейшая причина понижения благосостояния рабочего класса в Англии во второй четверти XIX века—борьба фабрики с домашним производством и ремеслом—уже перестала оказывать прежнее угнетающее влияние на рабочий рынок.

Вместе с тем фабричное законодательство, а также рост трэдионионизма и кооперативных обществ чрезвычайно увеличили социальную могучество рабочего класса. Результатом этого явилось повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и вообще улучшение экономического положения английского рабочего.

Посмотрим же, как отражались фазисы промышленного цикла на народной жизни Англии за рассматриваемый период. Нижеприводимые таблица и диаграммы составлены так же, как и приведенные раньше.

Г О Д Ы.	Земледельческие графства.				Промышленные графства.				Вся Англия.			
	Число лиц, соединившихся браком, на 10.000 ж. насел.	Число умерших на 10.000 ж. населения.	Число лиц, привлеченных к суду приюжных, на 100.000 ж. насел.	Число пауперов на 10.000 ж. насел. 1 января каждого года.	Число лиц, соединившихся браком, на 10.000 ж. насел.	Число лиц, умерших на 10.000 насел.	Число лиц, привлеч. к суду приюжных, на 100.000 ж. нас.	Число пауперов на 10.000 ж. насел., 1 января каждого года.	Число лиц, соединившихся браком, на 10.000 ж. нас. (в Англии и Уэльсе).	Число лиц умерших на 10.000 ж. нас. (в Англии и Уэльсе).	Число лиц, привлеченных к суду приюжных, на 100.000 ж. нас. (в Англии).	Число пауперов на 10.000 ж. нас. (1 января каждого года) в Англии и Уэльсе.
1851	128	202	167	748	199	258	180	385	172	220	155	535
1852	140	200	157	726	205	280	176	367	174	223	151	513
1853	144	204	149	716	206	272	165	317	179	229	147	487
1854	141	211	157	730	198	263	173	326	172	235	158	488
1855	138	216	129	703	176	261	151	354	162	226	138	494
1856	147	185	82	696	184	240	141	378	167	205	102	503
1857	146	199	83	672	181	257	163	332	165	218	105	478
1858	146	216	74	632	172	265	141	484	160	231	92	501
1859	144	209	65	641	191	241	126	326	170	224	85	450
1860	141	197	67	654	200	252	113	291	171	212	80	436
1861	136	200	75	686	186	225	121	291	163	216	91	451
1862	134	189	83	681	166	251	134	360	161	214	98	473
1863	138	213	77	678	183	260	145	960	168	230	101	563
1864	142	211	76	666	184	266	122	573	172	237	93	491
1865	142	207	73	657	189	276	125	450	175	232	93	467
1866	140	192	66	635	197	295	110	327	175	234	88	438
1867	138	188	65	632	186	262	111	397	165	217	87	450
1868	138	186	73	652	183	266	112	356	161	218	92	480
1869	136	194	74	675	177	255	104	342	159	223	87	477
1870	135	205	68	666	180	260	121	363	161	229	78	488
Среднее.	140	201	93	677	187	261	137	399	168	224	106	483

1) Вычислено по данным в официальных статистических изданиях: Reports of Registrar-General of Births, Deaths and Marriages in England and Wales, Returns of Paupers Relieved and Judicial Statistics of England and Wales.

Диаграмма № 9.
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ГРАФСТВА.

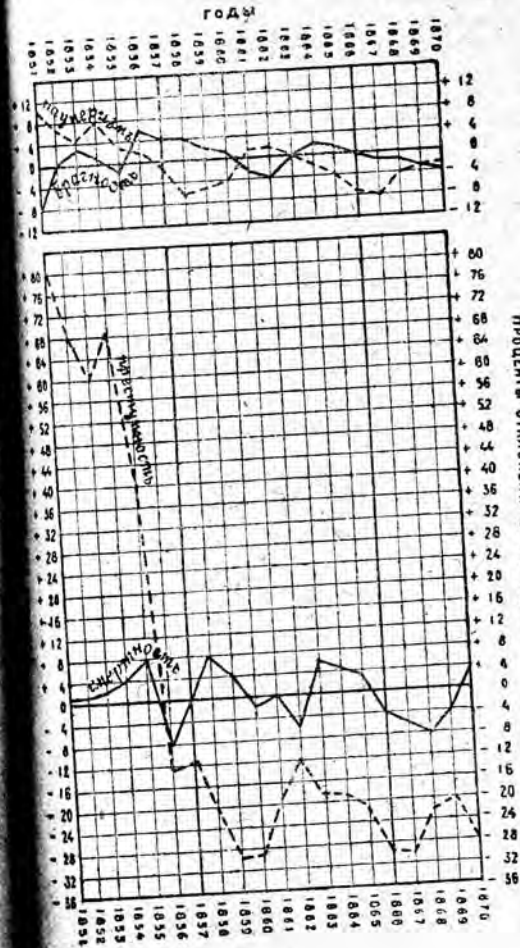
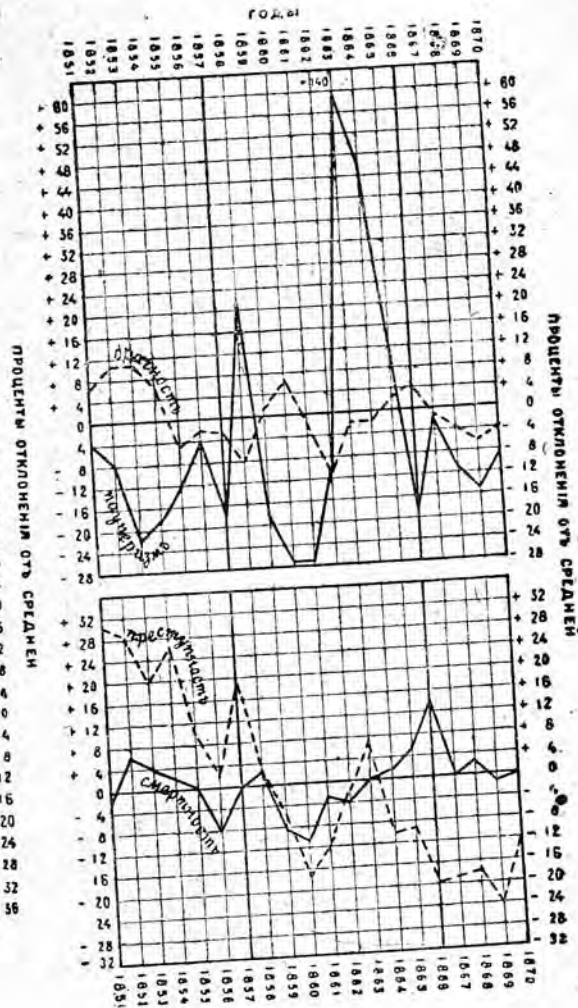

Диаграмма № 10.
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРАФСТВА.

При беглом взгляде на две первые диаграммы (№№ 9 и 10) бросается в глаза, что колебания брачности, смертности и пауперизма и преступности за время 1851—1870 гг. были гораздо неправильнее, чем за предшествующий период. Кривая брачности в земледельческих графствах сильно падает в 1854 и 1855 гг., 1860—61 гг. и 1867 г.; все это годы неурожайные. Между колебаниями кривой смертности и брачности в диаграмме № 9 замечается известная связь за время 1851—1857 гг., но в 60-х годах связи между колебаниями этих кривых почти не наблюдается, и кривая смертности движется скорее в том же, чем в обратном, направлении сравнительно с кривой брачности. Колебания пауперизма более соответствуют колебаниям брачности и имеют обратный характер. Кривая преступности сильно падает в 1855 г.; причина этого падения

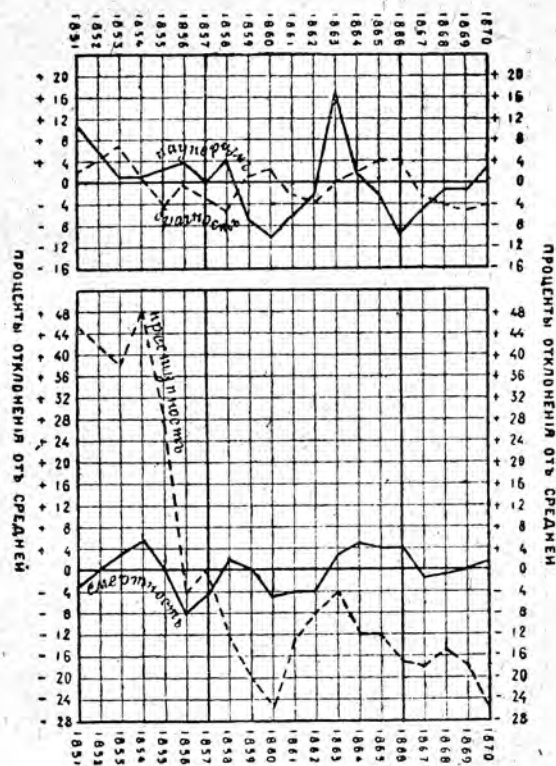
заклучалась в изменении в этом году уголовного судопроизводства в Англии, вследствие чего число лиц, предаваемых суду присяжных, в Англии уменьшилось.

В промышленных графствах (диаграмма № 10) попрежнему между колебаниями брачности и пауперизма замечается почти полное соответствие. Почти каждый раз, когда число бедных, содержащихся на обще-

Диаграмма № 11.

АНГЛИЯ.

годы

щем состоянии английской промышленности" в первой половине 60-х годов. За время, 1867—1869 г.: (период застоя торговли), как и следовало ожидать, число браков падает.

Колебания смертности не всегда соответствуют колебаниям пауперизма. В особенности сильное несоответствие обнаруживается в 1866 г.: одновременно с значительным увеличением числа браков и падением пауперизма возрастает число смертных случаев в промышленных графствах. Причина этого несоответствия заключалась в том, что в 1866 г. в Ланкашире была сильная эпидемия холеры, поднявшая число смертных случаев до наибольшей высоты за оба рассматриваемые десятилетия.

ственный счет, увеличивается, число браков падает, и обратно. Число браков сильно падает, а число пауперов возрастает в 1855, 1858, 1862 (пауперизм сильнее возрастает в 1863 г.) и 1867 гг. Падение браков в 1855 г. в промышленных графствах было вызвано сокращением английской торговли во время Крымской кампании. В 1858 г., несмотря на прекрасный урожай, число браков в промышленных графствах сократилось вследствие промышленного кризиса предыдущего года. Хлопковый голод оказал, как видно из диаграммы, громадное влияние на положение массы населения в центрах хлопчатобумажного производства. Число бедных, содержащихся на общественный счет увеличилось в несколько раз, а число браков достигло минимума за все рассматриваемое время. Интересно сопоставить с этим фактом цитированные выше слова "Экономиста" о "цветущем состоянии английской промышленности"

Кривая преступности падает с значительными колебаниями; максимумы преступности наблюдаются в 1854, 1857 и 1863 г. г.; два первые года—годы упадка торговли, а в 1863 г. на преступность повлиял хлопковый голод.

Диаграмма № 11, относящаяся ко всей Англии, попрежнему является как бы суммированием двух первых диаграмм и потому не представляет ничего нового. В общем следует признать, что периодичность колебаний народной жизни в Англии за два первые десятилетия свободной торговли была сильно затемнена влиянием разных случайных факторов и событий.

Я говорил выше, что промышленные кризисы всей своей тяжестью обрушиваются на рабочий класс, так как капиталистические классы имеют возможность покрывать убытки неблагоприятных лет прибылями благополучных. Периодические колебания промышленности и торговли и сопровождающие их колебания народной жизни вызываются стремлением класса предпринимателей расширять торгово-промышленные обороты при каждом удобном случае до последней возможности. Не только всякое увеличение спроса немедленно встречается увеличением предложения, но даже спрос искусственно создается продажей товара в кредит на таких льготных условиях, при которых от покупателя товара не требуется никакой затраты денежных средств. Продавать как можно больше—в этом заключается основание всей современной торгово-промышленной системы. Конкуренция принуждает каждого отдельного промышленника употреблять все усилия, чтобы перегнать своего соперника, отнять у него покупателя, отвоевать новый рынок, так как в противном случае он сам будет побит своим более счастливым соперником. Все предприниматели в совокупности могут сознавать невыгодность чрезмерного расширения предложения, но каждый из них в отдельности бессиле бороться с сознаваемым им самим злом и может рассчитывать на спасение только путем увеличения размера своих личных оборотов и вытеснения своих конкурентов, т. е. путем того самого образа действий, который и порождает то зло, с которым нужно бороться.

Впрочем, периодическое наступление торгового застоя может быть даже выгодно для более крупных предприятий, способных устоять во время таких бурь, которые губят мелкие предприятия. Так, тяжелый кризис хлопчатобумажной промышленности, произведенный "хлопковым голодом" 60-х годов, имел своим последствием сильное сокращение числа хлопчатобумажных фабрик, одновременно с увеличением числа веретен.

	Число хлопчатобум. фабрик в Соед. Королевстве ¹⁾ .	Число веретен на них ¹⁾ (в тысячах).
1862 г.	2.887	30.387
1867 "	2.549	32.000

Более $\frac{1}{3}$ хлопчатобумажных фабрик в 1862 г. принадлежали к числу мелких (движущая сила которых не превосходила 20 лошадей), и почти все они разорились вследствие вздорожания хлопка и приостановки производства; на счет их выросли крупные фабрики.

¹⁾ Report of Inspector of Factories Baker, 1869.

Совсем в другом положении по отношению к промышленным кризисам находятся рабочие. Они очень мало выигрывают во время промышленных приливов и должны выносить тяжелые страдания во время последующих отливов. Для рабочих периодические колебания торговли и промышленности составляют громадное зло, с которым они борются всеми силами. По сокращению браков и возрастанию числа смертных случаев и преступлений в 1862—63 г.г. в центрах хлопчатобумажной промышленности можно судить, как тяжело отзывалось на рабочем классе сокращение хлопчатобумажного производства. Расширение производства, которое так выгодно для предпринимателя, для рабочего означает увеличение времени работы, за которым не всегда следует возрастание заработной платы. Поэтому рабочие естественно стремятся к достижению возможно большего постоянства производства и заработной платы. Иллюстрацией этого может служить история стачки иоркширских рудокопов в 1858 г. ¹⁾

В начале 50-х годов цена угля в Йоркшире поднялась на 62⁰/₁₀₀. Вслед затем издельная заработная плата рудокопов в угольных копях возросла на 30⁰/₁₀₀. Разница между возрастанием заработной платы и поднятием цены угля составляла добавочную прибыль предпринимателей. Таким образом, увеличились доходы как рабочих, так и предпринимателей, но увеличение доходов побудило и тех и других к совершенно противоположному образу действий. Предприниматели стали немедленно расширять старые шахты и устраивать новые; все усилия их были направлены к тому, чтобы расширить производство и воспользоваться хорошими ценами на уголь. Напротив, рабочие воспользовались повышением издельной платы для сокращения времени труда. По словам самих предпринимателей, рабочие сумели до такой степени сократить свою ежедневную работу, что дневной заработок их остался таким, каким он был и до повышения цен на уголь. Благодаря такой тактике рабочих, предприниматели могли расширить производство только путем привлечения новых рабочих к работе на шахтах, что было очень неудобно и невыгодно для предпринимателей, так как новые рабочие, не привыкшие к подземной работе, плохо ее исполняли.

Тем не менее, расширение производства было достигнуто и привело к своему естественному следствию—к падению цен угля. Угледобытчики пытались удержать цены угля на ненормальной высоте и согласились друг с другом не продавать угля по ценам, низшим известной установленной нормы. Но конкуренция между отдельными предпринимателями в скором времени разрушила соглашение, и цены угля стали падать. Тогда угледобытчики затеяли другое соглашение, которое и выполнили с большим успехом: на конгрессе угледобытчиков в марте 1858 г. было принято единогласное решение понизить издельную заработную плату рабочих на 15⁰/₁₀₀. Чтобы придать более силы своему решению, угледобытчики постановили немедленно приостановить работы во всем округе, если рабочие не согласятся на такое понижение. Этой политикой угледобытчики думали достигнуть сразу двух целей: смирить рабочих и поднять цены на уголь сокращением производства. Сокращение производства в периоды упадка

¹⁾ Trades Societies and Strikes. Report of the Committee appointed by the National Association for the Promotion of Social Science 1860, статья West-Yorkshire Coal-Strike and Lock-out by J. M. Ludlow.

цен является, в глазах предпринимателей, естественным коррективом предшествовавшего расширения. По словам компетентных лиц, угледобытчики ничего так не желали в это время, как небольшой стачки рабочих, ибо выгоднее совсем не работать, чем работать в убыток, по ценам, не окупающим издержек производства. Таким образом, большая часть выгод от расширения производства доставалась предпринимателям, а всю тяжесть от его сокращения должны были нести рабочие.

Предложение хозяев повело к общей забастовке рабочих и к образованию среди них прочного рабочего союза (до этого времени союзы рудокопов Западного Йоркшира были плохо организованы и обыкновенно распадались по окончании стачек). Правилами этого союза запрещалось работать более 8 ч. в сутки и зарабатывать на шахтах более известной максимальной платы в день. Последнее правило было особенно неприятно хозяевам, так как оно было направлено к регулированию производства. По словам одного угледобытчика, главным предметом борьбы между хозяевами и рабочими было именно это правило союза рудокопов, стеснявшее образ действий хозяев и налагавшее узду на конкуренцию последних между собой.

Стачка продолжалась более двух месяцев и закончилась компромиссом между хозяевами и рабочими. Рабочий союз сохранился во всей своей силе, в его уставе были удержаны правила, так не нравившиеся хозяевам, но рабочие согласились на некоторое понижение заработной платы.

Я изложил так подробно историю этой стачки потому, что в ней рельефно отразилась противоположность интересов рабочих и хозяев и разница в их отношении к колебаниям промышленности. Рабочие стараются сделать производство возможно более равномерным и ради этого отказываются даже от лишнего заработка, а предприниматели стремятся к возможно большему расширению производства в благополучные эпохи, что вызывает сокращение его в эпохи упадка. Для предпринимателей, повторю еще раз, кризис есть естественный корректив предшествовавшего расширения торговли и промышленности, временное затруднение, вполне вознаграждаемое предшествовавшими выгодами, а для рабочих промышленный кризис означает тяжелые лишения, вынужденную праздность, весьма часто унижительную необходимость жить на счет общественной благотворительности и многое другое, что не может быть вознаграждено несколько большей заработной платой в периоды промышленного подъема.

III.

Колебания народной жизни в новейшее время.

Новейший фазис развития английского капитализма характеризуется поднятием заработной платы и вообще улучшением положения рабочего. Это объясняется дальнейшим увеличением социального могущества рабочего класса в Англии. Несмотря на неблагоприятное положение товарного рынка, рабочий класс сумел отвоевать себе большую сумму жизненных благ. Фабричное законодательство и могущественное развитие трэд-юнионизма и кооперативного движения среди рабочих масс

чрезвычайно усилило позицию рабочего, как продавца рабочей силы. Вследствие этого влияние приливов и отливов промышленности на английскую народную жизнь испытало существенные видоизменения, как это можно видеть из нижеследующей таблицы и диаграмм.

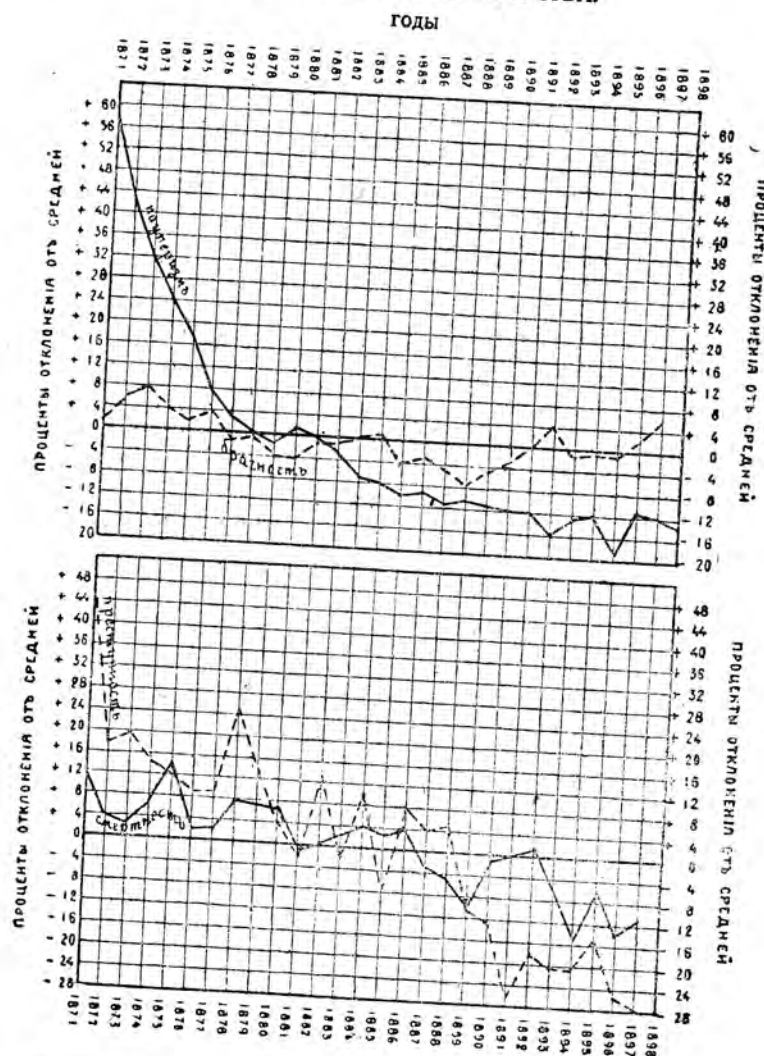
Г О Д Ы ¹⁾	Земледельческие графства.				Промышленные графства.				А н г л и я .			
	Число лиц, соединившихся браком, на 10.000 д. нас.	Число умерших на 10.000 д. нас.	Число лиц, привлеченных к суду присяжных, на 100.000 д. нас.	Число пауперов на 10.000 д. нас., 1 июля каждого года.	Число лиц, соединившихся браком, на 10.000 д. нас.	Число умерших на 10.000 д. нас.	Число лиц, привлеченных к суду присяжных, на 100.000 д. нас.	Число пауперов на 10.000 д. нас., 1 июля каждого года.	Число лиц, соединившихся браком, на 10.000 д. нас.	Число умерших на 10.000 д. нас.	Число лиц, привлеченных к суду присяжных, на 100.000 д. нас.	Число пауперов на 10.000 д. нас., 1 июля каждого года.
1871	138	199	58	616	189	267	87	269	167	226	71	427
1872	143	184	47	553	199	245	86	225	174	213	64	380
1873	144	183	48	513	194	244	85	208	176	210	64	351
1874	140	187	46	489	188	269	91	194	170	222	64	330
1875	135	204	45	458	188	257	84	178	167	227	61	310
1876	139	179	44	419	185	248	98	170	165	209	66	290
1877	131	181	44	402	176	233	97	173	157	203	64	287
1878	132	192	50	391	166	249	93	190	152	216	65	290
1879	129	190	45	388	152	234	97	234	144	207	65	304
1880	129	190	42	393	160	232	84	215	149	205	57	300
1881	133	173	39	389	163	211	80	206	151	189	57	297
1882	132	177	45	380	168	225	88	199	155	196	58	289
1883	134	179	39	366	164	222	79	199	155	196	55	283
1884	136	183	44	356	160	226	72	194	151	197	54	278
1885	128	180	37	350	154	214	67	196	145	192	50	275
1886	131	184	43	353	151	221	65	204	142	195	51	280
1887	127	172	42	348	152	224	58	201	144	191	48	277
1888	125	168	42	351	154	207	62	196	144	181	49	275
1889	129	159	36	346	157	217	55	190	150	182	43	266
1890	131	175	35	344	163	228	55	179	155	195	42	257
1891	135	177	30	345	164	232	49	173	156	202	40	250
1892	139	180	33	330	161	210	49	173	154	190	42	250
1893	131	169	32	340	151	220	44	179	147	192	41	254
1894	133	153	32	344	158	183	44	181	151	166	40	255
1895	132	168	34	316	156	218	38	187	150	187	38	260
1896	137	152	30	349	165	194	35	185	158	171	36	258
1897	141	158	29	343	163	201	38	185	160	174	36	255
1898	—	—	—	335	—	—	—	189	162	176	37	268
Средняя . .	134	177	40	390	167	228	70	195	155	197	52	287

Из диаграммы № 12 видно, что в земледельческих графствах колебания брачности и пауперизма были совершенно ничтожны. Кривая пауперизма сильно падает в течение 1871—1878 г.г., затем ее падение приостанавливается на несколько лет; с начала 80-х годов опять начи-

¹⁾ Таблица эта составлена на основании тех же официальных статистических изданий, как и таблица на стр. 286.

нается падение пауперизма, но менее быстрое. Со второй половины 80-х годов кривая пауперизма остается почти неподвижной. Как известно, заработная плата сельских рабочих в Англии, отчасти под влиянием организационного движения, во главе которого стоял

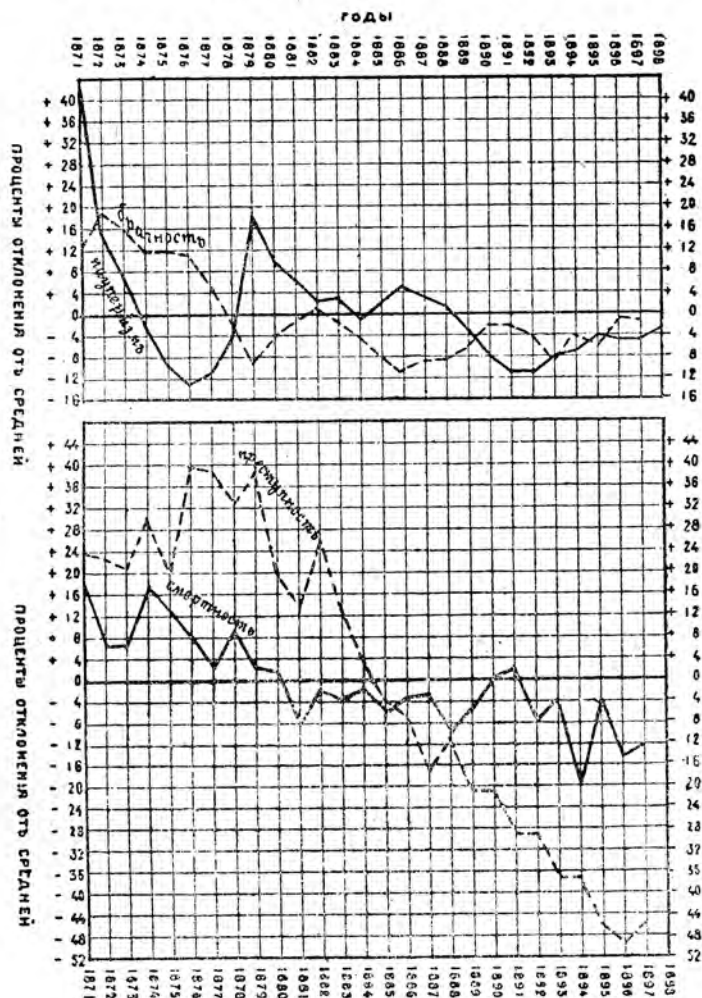
Диаграмма № 12.
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ГРАФСТВА.

Жозеф Арч, сильно повысилась в 70-х годах. Это и было, по всей вероятности, главной причиной падения пауперизма. Кривая смертности, в общем, падает, хотя и с значительными колебаниями; колебания кривой преступности (которая тоже падает) еще сильнее. Падение преступности в 1880 г. до известной степени было вызвано изданием нового закона уголовного судопроизводства в 1879 г.

Вообще изменение пауперизма, смертности и преступности в земледельческих графствах Англии указывает на улучшение экономического положения английского сельского рабочего. Правда, сокращение числа браков как будто говорит о противном; но нужно иметь в виду, что

Диаграмма № 13.
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРАФСТВА.

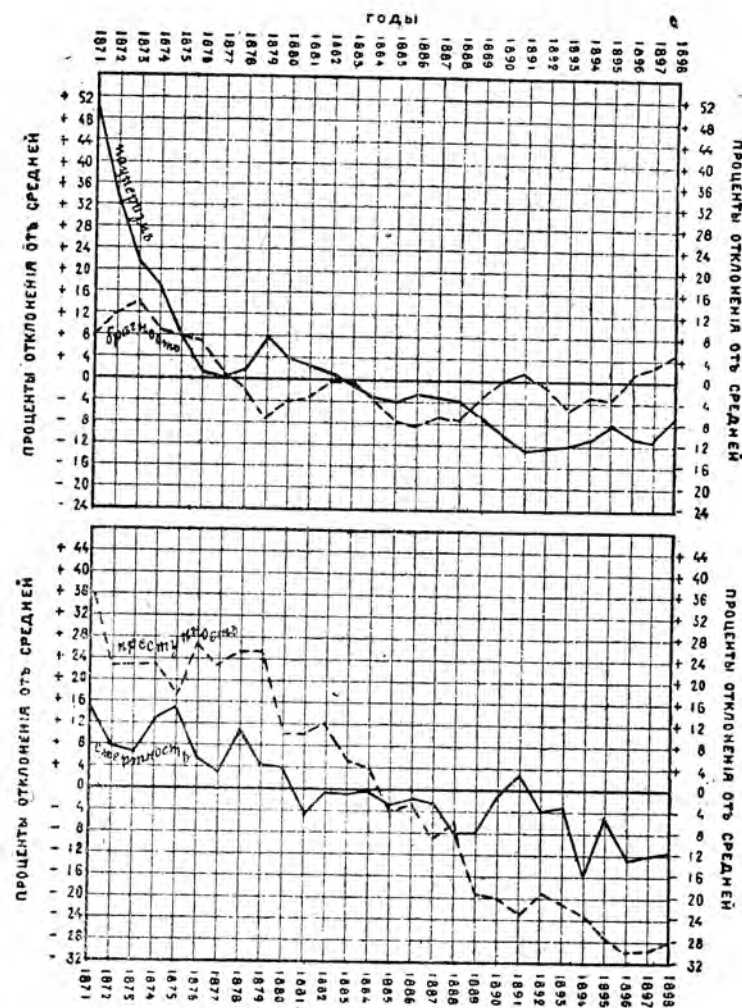

если годовые колебания числа браков, в общем, находятся в самой тесной связи с экономическим положением массы населения, то этого нельзя сказать про изменение средней брачности за более продолжительный срок времени. Вполне вероятно, что возрастающее благосостояние, вместе с распространением новых привычек и иного образа жизни, сопровождается уменьшением числа браков.

Диаграмма № 13 относится к промышленным графствам. Две первые кривые (брачности и пауперизма), как и следовало ожидать, ко-

леблются в обратном направлении и образуют обе вместе симметричную фигуру. Все то, что я говорил в первой части книги об изменении характера колебаний кривых в диаграмме № 3, характеризующей развитие английской промышленности в новейшее время, вполне применимо и

Диаграмма № 14.
АНГЛИЯ.

к этим двум кривым. Кривые брачности и пауперизма приняли вид волнистых линий, правильно повышающихся и понижающихся из года в год. Параллелизм колебаний кривой брачности и кривой британского экспорта очевиден.

Но в самые последние годы мы замечаем рост пауперизма одновременно с ростом экспорта. По всей вероятности, это объясняется изменениями в организации помощи бедным, произведенными в 1894 г.

Эти изменения могли повлиять на большую готовность администрации бедных оказывать помощь нуждающимся и вызвать увеличение числа пауперов.

Кривые преступности и смертности колеблются менее правильно. Сильное падение преступности в 1880 году вызвано вышеупомянутым изменением уголовного судопроизводства. Вообще же, если сравнить колебания всех кривых за два первые десятилетия, то легко заметить, что за первое десятилетие колебания резче выражены и более соответствуют колебаниям промышленности, чем за второе десятилетие. Так, напр., в начале 70-х г.г. (время особенного оживления английской промышленности) число браков повышается, а пауперизм, преступность и смертность понижаются. В конце 70-х годов (время застоя английской торговли) пауперизм и преступность значительно возрастают, а число браков падает, но в то же время смертность падает; это доказывает, что застой торговли не был так губителен, как прежде, когда промышленный кризис повышал смертность сильнее холерной эпидемии. В первой половине 80-х годов застой торговли едва заметно повышает пауперизм и не оказывает никакого действия на преступность и смертность.

В 90-х годах колебания пауперизма еще незначительнее. Кривая брачности испытывает легкие колебания в зависимости от состояния промышленности. Промышленный подъем конца 80-х годов выражается в подеме этой кривой, застой начала 90-х годов в падении. В 1896 г., с которого начинается новый решительный подъем промышленности, мы замечаем повышение брачности. Но колебания смертности никоим образом не могут быть приведены в связь с состоянием промышленности. Наименьшая смертность наблюдается в 1894 г.—во время промышленного застоя; очевидно, колебания промышленности перестали быть самым важным фактором смертности промышленного населения Англии. Губительное действие кризисов ослабело.

Кривая преступности понижается почти без колебаний. За последние 10 лет приливы и отливы промышленности совсем не отражались на этой кривой. Кривая возрастает только в 1888 и 1897 г.г.—во время промышленного оживления. Застой начала 90-х годов не помешал падению преступности.

Диаграмма № 14, относящаяся ко всей Англии, с полной наглядностью показывает огромную перемену в условиях жизни английского населения. Колебания брачности и пауперизма незначительны, но находятся в связи с промышленными колебаниями; эта связь совершенно исчезает по отношению к смертности и преступности населения.

Интересно сравнить диаграммы №№ 3, 12—14 с диаграммами №№ 1, 5—7. Эти последние диаграммы воспроизводят картину жизни английского населения во второй четверти XIX века. Мы видим резкие периодические колебания народной жизни в зависимости от колебаний промышленности. Особенно порывисты колебания жизни промышленного населения. Каждый промышленный кризис оказывает чрезвычайно губительное действие на рабочий класс, рабочие дома, так же как и тюрьмы, наполняются безработными, смертность возрастает в огромных размерах. В то же время торговля и промышленность, несмотря на жестокие кризисы, делают быстрые успехи. Чрезвычайный рост экспорта составляет резкий контраст с ухудшением условий жизни рабочего населения.

Диаграммы новейшего времени говорят совершенно иное. На место энергичного поднятия кривой экспорта с резкими падениями в годы кризисов мы замечаем правильные волнообразные колебания этой кривой на том же уровне. Промышленное развитие страны замедляется. И в то же время в народной жизни замечаются признаки несомненного улучшения. Кризисы не оказывают прежнего разрушительного действия на положение рабочих. Даже в промышленных центрах смертность и преступность в годы кризисов не возрастают.

Происшедшая перемена тем более замечательна, что, как мы увидим ниже, безработица отнюдь не исчезла в новейшем фазисе развития капитализма и даже нет основания думать, что она сократилась по своим размерам. Мне еще придется неоднократно возвращаться к этому вопросу. Но, во всяком случае, приведенные статистические данные убедительно говорят, что действие промышленного застоя и безработицы на условия жизни массы английского населения сильно смягчено в новейшее время какими-то причинами.

Важнейшими из этих причин следует признать общее поднятие экономического положения английского рабочего и рост трэд-юнионизма. Что касается до первой причины, то значение ее очевидно. Чем выше заработная плата, тем легче рабочий может переносить периоды безработицы. Трэд-юнионы же ослабляют бедствия промышленного застоя двояким образом: непосредственной помощью безработным своим членам и регулированием заработной платы. Правда, далеко не все рабочие союзы выдают пособия своим безработным членам. Большинство безработных не может получать пособия от союзов уже по одному тому, что трэд-юнионы даже в конце XIX века охватывали собой не более $\frac{1}{3}$ взрослых промышленных рабочих-мужчин Соединенного Королевства¹⁾. Но влияние трэд-юнионов на условия труда несравненно сильнее, чем можно было бы судить по этой цифре. Выгодами регулирования рабочими союзами условий труда пользуются не только организованные, но и неорганизованные рабочие. По словам супругов Вебб, „коллективные сделки охватывают значительно большую часть промышленности, чем трэд-юнионизм. Точной статистики по этому предмету не существует, но наше впечатление,—говорят С. и Б. Вебб,—таково, что во всех областях промышленности, которые занимают квалифицированных рабочих, работающих совместно в помещении предпринимателей, у 90% рабочих высота заработной платы и длина рабочего дня, часто и многие другие условия, предопределены коллективными сделками. Лично эти рабочие не принимали никакого участия в таких сделках, но их интересы защищены представителями их класса“²⁾.

Рабочие союзы борются всеми силами с понижением заработной платы в эпохи депрессии; а так как одна и та же плата господствует и среди членов союзов, и нечленов, то понятно, что значение рабочего союза, как средства защиты нормального заработка рабочего, далеко превышает те сравнительно незначительные цифры, которыми определяется доля организованных рабочих. В прежнее время промышленный кризис двояким образом обрушивался на рабочих: во-первых, он сокращал число занятых рабочих или число дней в неделе, в течение

¹⁾ Report by the Chief Labour Correspondent of the Board of Trade on Trade Unions 1898. Стр. 23.

²⁾ Сидней и Беатрисса Вебб. Теория и практика английского трэд-юнионизма Т. I, стр. 141.

которых рабочие заняты. Во-вторых, кризис вызывал падение заработной платы, что еще увеличивало бедствия промышленного застоя. В новейшее время безработица в периоды застоя столь же сильна, как и раньше. Но заработная плата стала, благодаря могущественной организации тред-юнионов, гораздо устойчивее. Иными словами, угнетающее действие кризиса концентрировалось теперь на безработных, в то время как раньше от кризиса страдала вся масса рабочего класса—не только безработные, но и сохранившие работу.

Я приводил выше примеры огромного падения заработной платы во время кризиса 1847 г. В следующей главе будут приведены другие примеры в том же роде, относящиеся к промышленному застою начала 40-х годов. В новейшее время ничего подобного падению заработной платы вдвое в периоды торгового застоя мы не наблюдаем. Вот, напр., цифры нормальной заработной платы и процента безработных в некоторых рабочих союзах за 1870—90 г.г. ¹⁾

Г О Д Ы.	Operative Bricklayers Society.		Amalgamated Society of Carpenters and Joiners.		Amalgamated Engineers.		Steam Engine Makers Society.		Glass Bottle Makers Society.	
	Заработная плата (лето).	Процент безработных.	Заработная плата.	Процент безработных.	Заработная плата.	Процент безработных.	Заработная плата.	Процент безработных.	Заработная плата.	Процент безработных.
1871	18—37 ш. 8 п.	3,5	20—37 ш. 8 п.	1,3	22—36 ш. 0,58	30 ш.	1,93			
1872	20—39 ш. 9 п.	1,3	20—37 ш. 2½ п.	0,9	24—36 ш. 0,53	33 ш.	0,73			
1873	то же.	1,0	20—40 ш.	1,1	24—36 ш. 0,65	36 ш.	0,49			
1874	24—39 ш. 4½ п.	0,87	21—42 ш. 4 п.	1,6	25—36 ш. 0,81	то же.	0,85			
1875	24—40 ш. 1½ п.	0,82	20—42 ш.	2,4	то же.	1,2	1,16			
1876	24—45 ш. 5 п.	0,81	20—42 ш. 4 п.	3,6	то же.	2,0	33 ш.	2,68		
1877	то же.	1,1	то же.	4,7	то же.	2,7	33 ш.	6,1		
1878	24—42 ш. 4½ п.	2,5	20—41 ш. 7 п.	6,5	24—36 ш. 10,1	27 ш.	13,4			
1879	то же.	7,6	то же.	13,3	24—36 ш. 10,1	27 ш.	13,4			
1880	то же.	6,3	то же.	5,9	то же.	3,5	11,4			
1881	то же.	4,9	20—42 ш. 4 п.	3,5	то же.	2,1	5,16			
1882	то же.	3,0	26—38 ш.	1,8	26—38 ш.	1,1	7,3			
1883	то же.	3,2	то же.	2,3	то же.	1,4	30 ш.	4,23		
1884	то же.	4,0	то же.	5,1	то же.	2,6	6,26			
1885	то же.	6,1	то же.	6,2	то же.	4,4	5,3			
1886	20—42 ш. 4½ п.	7,8	то же.	7,4	то же.	5,8	7,5			
1887	то же.	5,8	то же.	6,3	то же.	5,8	6,2			
1888	то же.	5,5	то же.	4,2	то же.	2,6	5,14			
1889	то же.	3,2	то же.	1,9	30—38 ш.	0,93	4,37			
1890	то же.	1,9	то же.	1,6	30—38 ш.	0,67	2,9			

Повышение заработной платы кирпичных работников в 1874—77 г.г. лучше всего показывает, как мало влиял застой торговли на заработную плату. Только в 1878 году кризис, от которого промышленность страдала уже несколько лет, начал оказывать действие на заработную плату. Точно так же действие торгового застоя 80-х годов на заработную плату кирпичников совсем незаметно.

¹⁾ По Fourth Report on Trade Unions. 1891.

Очень поучительно сравнить изменение заработной платы с колебанием безработных членов союза. Число безработных, как видно из приведенных цифр, колеблется весьма значительно, но почти не отражается на заработной плате. Так, в 1879—80 г.г. число безработных в союзе плотников сильно возросло, а заработная плата несколько не понизилась. Увеличение безработицы в 1886 г. не помешало даже поднятию заработной платы плотников. У механиков заработная плата понизилась только в 1879 г., во все же прочие года она оставалась неизменной или повышалась, хотя процент безработных нередко был весьма высок.

Для новейшего времени имеются более общие данные относительно изменения заработной платы обширных масс рабочих. Вот эти данные за пятилетие 1893—97 г.г. ¹⁾

Г О Д Ы.	Число рабочих, заработная плата которых изменилась.	Среднее изменение еженедельной заработной платы на 1 душу.			
		Повышение.		Понижение.	
		Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.
1893	549.977	—	5½	—	—
1894	670.386	—	—	1	4¼
1895	436.718	—	—	1	3½
1896	607.654	—	10½	—	—
1897	597.444	1	3¾	—	—

Несмотря на тяжелую безработицу 1893 г., заработная плата английских рабочих в этом году, по данным отчета, не понизилась. В течение двух последующих лет заработная плата понижалась, но понижение это было, сравнительно с понижением платы во время прежних кризисов, совершенно незначительным. Плата понизилась, в среднем, немного более, чем на 1 шиллинг в неделю, т. е., вероятно, в общем значительно менее, чем на 5%.

В этой устойчивости заработной платы, несмотря на безработицу, и заключается самое существенное отличие прежних безработиц от безработицы новейшего времени. Отличие это зависит, главным образом, от организованности рабочих. Хотя число неорганизованных рабочих далеко превосходит число организованных, но выгодами организации пользуется, в известном отношении, весь рабочий класс в совокупности. Английский рабочий рынок уже не представляет собой хаотического собрания ничем не связанных друг с другом, и конкурирующих друг с другом, в качестве продавцов своей рабочей силы, рабочих. Небольшая, сравнительно, кучка тред-юнионистов регулирует условия рабочего договора всей остальной массы искусного, а отчасти и не искусного труда, а фабричные законы ограничивают конкуренцию рабочих с другой стороны. Общества взаимного вспомо-

¹⁾ Report and Statistical Table relating to Changes in Rates of Wages and Hours of Labour in the United Kingdom in 1897. 1898.

моществования (Friendly societies) вместе с кооперативными потребительными обществами рабочих усиливают экономическую мощь английского рабочего. В том же направлении действует и общее повышение Standard of life рабочего. Поэтому кризисы новейшего времени обрушиваются всей своей тяжестью только на слабейших рабочих, но не оказывают прежнего угнетающего действия на весь рабочий класс в совокупности.

IV.

Уже на предшествующих диаграммах можно было заметить, что промышленный цикл перестал в прежней мере определять народную жизнь. Еще резче это выступает на нижеследующих таблицах и диаграммах, относящихся к последнему десятилетию (см. прилагаемую таблицу и диаграммы).

ГОДЫ.	Земледельческие графства.			Промышленные графства.			Англия.			
	Число браков на 10.000 жителей.	Число умерших на 10.000 жителей.	Число лиц, привлеченных к суду присяжных, на 100.000 жителей.	Число браков на 10.000 жителей.	Число умерших на 10.000 жителей.	Число лиц, привлеченных к суду присяжных, на 100.000 жителей.	Число браков на 10.000 жителей.	Число умерших на 10.000 жителей.	Число лиц, привлеченных к суду присяжных, на 100.000 жителей.	Число пауперов 1 января каждого года на 100.000 жителей.
1899	148	161	29	163	194	32	165	183	33	257
1900	143	164	24	158	195	30	160	182	29	243
1901	143	157	25	150	181	26	159	169	27	238
1902	145	149	24	157	169	28	159	162	29	241
1903	146	140	24	157	166	28	156	154	28	245
1904	141	148	31	149	177	28	152	162	29	246
1905	143	144	32	154	159	30	153	152	30	256
1906	144	132	28	159	189	28	154	154	28	257
1907	144	142	30	142	158	30	158	150	29	252
1908	142	138	30	151	158	35	149	147	35	252
1909	143	137	31	145	155	35	146	145	29	255
Средние . . .	144	146	28	153	173	30	156	160	29	249

Диаграммы эти поучительны преимущественно в том отношении, что они доказывают, как существенно изменились условия народной жизни в Англии. Промышленный цикл уже почти перестал отражаться на колебаниях брачности, смертности, преступности и пауперизма.

На кривой смертности почти невозможно заметить влияние промышленного цикла. В годы депрессии, 1901—1903, кривая эта падает как во всей Англии, так и в земледельческих и промышленных графствах. Тяжелая безработица этих лет совсем не увеличила числа смертей, даже в промышленных округах Англии. Правда, в 1904 г.

смертность повышается, но так как повышение смертности наблюдается в равной мере в промышленных и земледельческих округах, то нужно считать сомнительным, чтобы это увеличение смертности было вызвано промышленным застоєм.

Диаграмма № 15.
ЗЕМЛ. ГРАФСТВА.

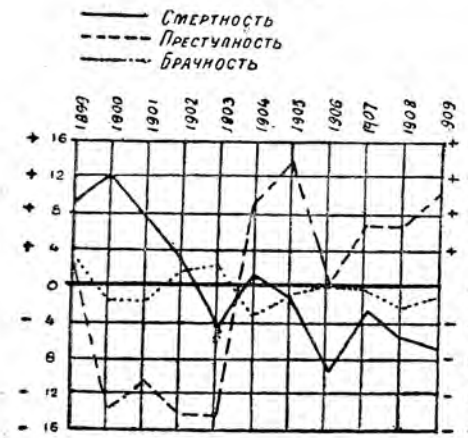
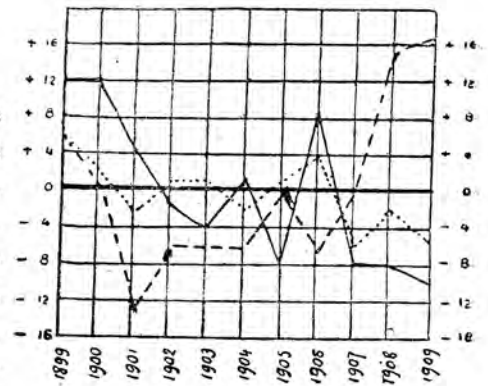

Диаграмма № 15а.
ПРОМЫШЛ. ГРАФСТВА.

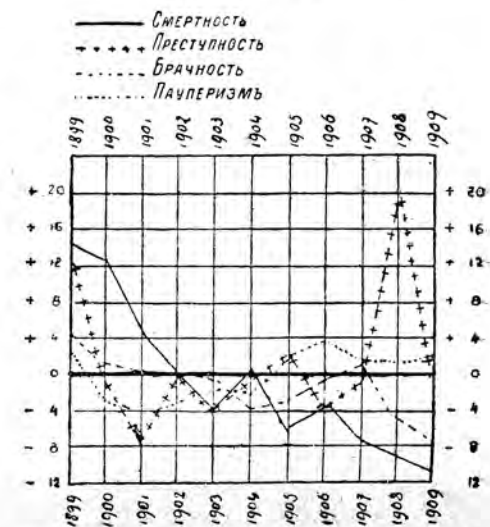

Вторая депрессия, 1908—1909 г.г., также не находит себе в кривой смертности ровно никакого выражения.

На кривой брачности также нельзя заметить определенного влияния промышленного цикла. В 1908 г.—при наступлении промышленной депрессии—брачность не падает, а напротив—возрастает и именно в промышленных графствах. Также и резкие колебания кривой преступности нельзя, повидимому, ставить в связь с фазами промышленного цикла, кроме резкого повышения этой кривой в 1908—1909 г.г., в промышленных округах, что, повидимому, было вызвано промышленным застоєм.

Но что удивительнее всего, даже на число пауперов промышленный цикл перестал оказывать определенное влияние. Число пауперов в Англии достигает минимума в 1901 г.—в год начала сильной депрессии. Максимум пауперизма достигается в 1906 г.—во время сильного промышленного подъема.

Диаграмма № 16.
ВСЯ АНГЛИЯ.

Очевидно, английский рабочий, в массе, перестал обращаться к помощи государства в случае безработицы и нужды. Колебания процента безработных почти так же сильны теперь, как и раньше; но безработные теперь, как общее правило, не попадают в ряды пауперов. И потому наряду с сильными колебаниями процента безработных членов рабочих союзов, колебаниями, всецело обусловленными фазисами промышленного цикла, мы наблюдаем исчезновение связи между периодической сменой фазисов промышленного под'ема и упадка и числом пауперов.

Фазисы промышленного цикла и в новейшее время оказывают известное действие на заработную плату, хотя и в гораздо меньшей степени, чем прежде. Вот соответствующие данные:

	Число рабочих, заработок которых изменился.	Чистый итог изменения (недельная плата в ф. с.).
1900 г.	1.132.386	+208.590
1901 "	928.926	— 76.580
1902 "	887.206	— 72.595
1903 "	896.598	— 38.327
1904 "	800.658	— 39.230
1905 "	688.889	— 2.169
1906 "	1.115.160	+ 57.897
1907 "	1.246.464	+200.912
1908 "	963.333	— 59.171
1909 "	1.154.796	— 68.922
1910 "	534.119	+ 14.891

Перемены в сторону повышения, в общем, значительнее, чем в сторону понижения. Но за последнее десятилетие число годов с понижением платы больше числа годов с повышением платы. Во всяком случае, колебания заработной платы, в связи с фазисами промышленного цикла, не велики.

ГЛАВА II.

Чартизм.

Движения безработных во время промышленного застоя 20-х годов.—Разрушение ткацких машин в 1826 г. в Блэкбурне и других городах.—Безработица 1829 г.—Чартизм.—Связь чартизма с безработицей.—Новый закон о бедных.—Агитация против этого закона.—Возникновение агитации в пользу „народной хартии“.—Внутреннее противоречие политической программы чартизма и его социальных причин.—Представители политического направления в чартизме.—Представители социального течения.—Отсутствие положительной программы социальных реформ.—Чартистские митинги.—Первая национальная петиция чартистов.—Безработица и нужда населения в начале 40-х годов.—Вторая национальная петиция.—Речь Дизраэли в парламенте.—Упадок чартизма при оживлении торговли.—„Аграрный план“ О'Коннора.—Чем вызывалось стремление „назад на землю“.—Романтически-утопический характер этого стремления.—Последняя вспышка чартизма во время безработицы 1848 г.

Вторая четверть XIX века сопровождалась тяжелыми промышленными кризисами, за которыми следовала продолжительная безработица. Безработица в острой форме не может не вызывать общественного недовольства и движений безработных. Моей задачей в настоящее время и является описание и характеристика этих движений, возникших на почве промышленного застоя.

Кризис 1825 г. вызвал безработицу, продолжавшуюся с некоторыми перерывами вплоть до 1830 г. Безработица была особенно тяжела среди рабочих текстильной промышленности—преимущественно хлопчатобумажных и шелковых ткачей.

Так, в Макклесфильде—центре шелкового ткачества Ланкашира—в конце января было 9—10.000 безработных. В Конглетоне (Чешир) в 1825 г. работа производилась на 5.325 ткацких шелковых станках; в феврале 1826 г.—только на 2.275. Число шелковых рабочих сократилось с 13.999 до 5.860. Общее число безработных достигало 11.893. О настроении безработных можно было судить по расклеенным по городу прокламациям в таком роде: „хлеба или крови!“, „нет работы—долгой и короля!“ В Спитальфильде число безработных шелковых ткачей достигало до 18 тысяч.

В целом ряде городов—Лондоне, Бадфорде, Манчестере, Макклесфильде, Лидсе, Блэкбурне и др.—были учреждены комитеты помощи нуждающимся рабочим.

В марте 1826 г. в Макклесфильде произошли волнения без от них. В течение нескольких дней ткачи собирались на улицах, ожидая решения парламента относительно отсрочки разрешения ввоза в Англию шелковых материй. (Шелковые ткачи, как и фабриканты, были горячими противниками либеральных таможенных реформ Гескиссона и ожидали гибели английского шелкового производства от допущения на английский рынок французских шелковых материй). Когда 1 марта стало известно, что правительство несогласно на отсрочку, толпа в ярости бросилась разбивать фонари и грабить честные лавки. На другой день беспорядки возобновились. Безработные ткачи разбивали окна и гра-

били булочные и с'естные лавки. Мятеж был усмирён только при-
бытием драгун.

Гораздо больше значения имели волнения безработных хлопчато-
бумажных ткачей в Блэкбурне. Волнения эти интересны и в том отно-
шении, что они являются одной из последних попыток английских
рабочих бороться с фабричной системой разрушением машин. Как
шелковые ткачи видели причину своих бедствий в либеральной тамо-
женной политике правительства, так ручные хлопчатобумажные ткачи
с большим основанием признавали своим главным и беспощадным
врагом ткацкие машины. 18 апреля толпа ручных ткачей бросилась на
бумаготкацкую фабрику в окрестностях Блэкбурна, на которой были
поставлены механические ткацкие станки, но успела только выбить
стекла из окон, когда подошли войска. 24 апреля беспорядки повто-
рились в большем размере. На 4 фабриках в окрестностях Блэкбурна
все механические ткацкие станки были разрушены. Затем та же толпа
в числе нескольких тысяч человек явилась в Блэкбурн. Около 500 че-
ловек было вооружено пиками, немногие имели ружья или пистолеты.
Толпа немедленно набросилась на одну фабрику и разрушила ткацкие
машины. То же повторилось и с другой фабрикой. Солдат было не-
много, и, несмотря на открытый ими огонь, причем несколько рабочих
было убито, они не могли сладить с толпой. Все паровые ткацкие станки
в Блэкбурне и окрестностях были уничтожены.

События в Блэкбурне дали толчок к подобным же сценам по всему
Ланкаширу. Ткачи нападали на фабрики и разрушали ткацкие машины.
В Манчестере одна фабрика была подожжена. Войска нередко стре-
ляли—и число убитых и раненых достигало значительных цифр. Цен-
трами волнений был Манчестер, Виган, Больтон и Блэкбурн. Волнения
продолжались более недели, причем 17 фабрик подверглось нападению
и около 1000 ткацких машин было разрушено. Под конец толпы на-
падавших стали достигать до 20 тысяч человек. Толпа не только раз-
рушала машины, но и грабила с'естные лавки и проходящих прилично
одетых людей.

Волновались почти исключительно безработные хлопчатобумажные
ручные ткачи, положение которых было отчаянным. В одном Блэкбурне
число безработных ткачей достигало с семьями 14 тысяч человек, т.-е.
больше половины населения, которого в Блэкбурне числилось 22 тысячи.
Безработные получали пособия с'естными припасами, но пособия эти
были так скудны, что „Times“ в передовой статье 18 апреля заявила
без обиняков: „коротко сказать, рабочие Блэкбурна умирают голодной
смертью“.

О настроении, вызвавшем эти волнения, можно судить по петиции,
поданной ткачами г. Больтона министру колоний лорду Бэтгорсту
(Bathurst). В этой петиции ткачи просили оказать им содействие для
эмиграции из Англии. „Желание эмигрировать из родной страны,—
заявлялось в петиции,—не есть минутное решение, вызванное край-
ностью переживаемого нами в данный момент, но основано на самом
зрелом размышлении. Некоторые из нас помнят время, когда они могли
заработать достаточно, чтобы поддержать себя в старости и содержать
семью. Причины, от нас не зависящие, превратили это благополучие
в состояние крайнего обнищания и крайней бедности... Мы стоим теперь
на самой низкой ступени, на которую спускались когда-либо челове-
ческие существа, и глубже погрузились в нищету, чем, как показывает

история, какая-либо группа промышленного населения в прежнее время...
Помощь, которая оказывается добровольными пожертвованиями, слиш-
ком незначительна, а получение ее, сверх того, несовместимо с есте-
ственным чувством независимости... Это ужасное состояние, когда сво-
бодный человек не может заработать своим трудом достаточно для
своего пропитания; но еще ужаснее, когда даже такого скудно опла-
чиваемого занятия нельзя найти и когда общественные отношения
таковы, что средств к существованию нельзя добыть никаким другим
способом“¹⁾.

Волнения в Ланкашире чрезвычайно встревожили английское
общество. В Лондоне немедленно был образован центральный комитет
помощи безработным, собравший за три года (1826—1829) крупную сумму
в 232 тысячи фунтов. Кроме того, в пользу безработных собирали бес-
численные местные комитеты.

Два следующих года принесли с собой некоторое улучшение, но
1829 год был почти таким же тяжелым, как и 1826 г. В Ланкашире
опять начались волнения безработных, сопровождавшиеся разрушением
машин и грабежом лавок. В начале мая безработица в Манчестере
достигла крайней степени. 3 мая толпа ткачей бросилась на фабрики,
захватила их, разрушила машины, а одну фабрику сожгла до основания
на глазах полиции. На другой день последовал грабеж булочных и
с'естных лавок.

Почти в то же время произошли волнения шерстяных ткачей
в Рочдэле, сопровождавшиеся также разрушением машин. Когда не-
сколько из нападавших рабочих было арестовано и заключено в тюрьму,
толпа атаковала тюрьму. Охранявший тюрьму военный отряд открыл
огонь—и только после нескольких залпов, положивших на месте 5 че-
ловек и ранивших 25, толпа рассеялась.

О размерах нужды осенью 1829 г. можно судить по следующим
примерам. В Бёрнли (Burnsley) в конце августа комитет ткачей произвел
расследование положения рабочих. Оказалось, что из 3.703 ткацких
станков только 170 заняты полное время, 1.689 заняты частично, а
1.844 стоят совсем без работы. В сентябре в этом городе произошли
волнения безработных, во время которых была подожжена одна фаб-
рика и несколько домов фабрикантов было разграблено.

В Макклесфильде, по сообщению комитета под председательством
мэра, 8.800 лиц (из которых 5.662 старше 7 лет) зарабатывало в сред-
нем в день 2¹/₈ пенса. 993 дома в этом городе пустовало и 34 фаб-
рики не работало.

В Гуддерсфильде, при населении в 29 тысяч, 660 рабочих зара-
батывало 1 шиллинг в день, 420—7 пенсов в день, 2.439—5¹/₂ пенсов
и 13.226—не более 2¹/₂ пенсов.

О размере падения заработной платы даже лучше оплачиваемых
фабричных рабочих под влиянием безработицы можно судить по
огромной стачке в Стокпорте и других соседних городах, вызванной
заявлением фабрикантов о дальнейшем понижении бумагопрядильным
рабочим заработной платы, уже понизившейся, сравнительно с 1828 г.,
на 30%. Новое понижение предлагалось в размере 5—25%. Стачка

¹⁾ The Times, 1826, 20 мая.

распространялась на все окрестные города, и от 30 до 40 тысяч рабочих прекратило работу¹⁾.

Безработица конца 30-х и начала 40-х годов сопровождалась самым крупным в новейшее время политическим движением английских рабочих. Чартизм, как я постараюсь показать, был в значительной степени порождением этой безработицы. В истории рабочего класса Англии не было такой тяжелой эпохи, как эти годы. Именно в это время совершилось вытеснение мелкого домашнего ткачества фабричным. Сотни тысяч рабочих, привыкших с незапамятных времен работать в своих коттеджах на ручном станке, были доведены до крайней степени обнищания.

К этому присоединился целый ряд других условий, еще более ухудшивших положение как домашних, так и фабричных рабочих. Впервые, необычайно продолжительный застой торговли. Только в 1838 году торговля была оживлена—все остальное пятилетие 1837—1842 г.г. она была в полном застое. Застой этот сопровождался и отчасти вызывался рядом неурожаев в Англии, последовавших за урожайными годами начала 30-х годов. Неурожай не только вызвал обеднение деревни, но косвенным образом влиял и на промышленных рабочих, удорожая хлеб и создавая усиленную эмиграцию сельского населения в города, что не могло не действовать угнетающим образом на плату городского рабочего.

Затем выдающуюся роль в увеличении тяжести этой безработицы играла реформа законов о бедных 1834 г., благодаря которой рабочий лишился привычной помощи от прихода на дому. Эта реформа была самой крупной социальной мерой преобразованного в 1832 году парламента. Задачи ее сводились к возможному сокращению помощи бедным; в этих видах было сделано все возможное для того, чтобы обставить получение помощи возможно более тягостными условиями для бедняков. При поступлении в рабочий дом (который был в полном смысле слова тюрьмой с тяжелой принудительной работой) муж разлучался с женой, родители с детьми. А так как для стариков-рабочих жизнь на содержании у прихода была почти неизбежным уделом (мы увидим впоследствии, что даже в настоящее время почти половина престарелых рабочих не избегает помощи от прихода), то легко представить себе, какое негодование должны были вызвать такие постановления у рабочих. В рабочем доме во время еды запрещался разговор; несчастные обитатели его не имели права покидать рабочий дом даже по воскресеньям для посещения церкви и т. д., и т. д.

Томас Атвуд, вождь радикалов в Бирмингеме, при обсуждении билля о новом законе о бедных в парламенте, назвал этот билль „самым бесстыдным грабежом бедных людей“. Знаменитый Коббетт выражался о билле еще резче. „Если бедные люди в нужде лишены своего законного права помощи,—сказал он в одном из заседаний парламента,—то какой естественный или человеческий закон может лишить их права взять то, что им нужно, чтобы не умереть с голоду? Грабеж и насилие станут необходимыми... он (Коббетт) убежден, что парламент не примет этого билля, и если какой-либо парламент впо-

¹⁾ Все вышеприведенные данные заимствованы из The Times: за 1826 г. январь 16, 27, 29, 30, февраль 4, 16, март 2, 14, 20, апрель 4, 18, 30; за 1829 г. мая 4, 18, сентябрь 29; 1830 г. февраль 27 и др.

следствии решится на это, то это будет боевым кличем против коттеджа, ответом на который, по воле Провидения, будет боевой клич против княжеского замка“. Палата общин, однако, не испугалась этих угроз, и билль прошел в третьем чтении большинством 187 голосов против 50¹⁾.

Интересную речь в защиту билля произнес в палате лордов лорд Брум—истинный автор реформы. При крайней непопулярности Мальтуса в широких кругах английского общества, требовалось известное мужество, чтобы открыто признать себя его последователем, как это сделал Брум. Он не находил слов, чтобы достаточно превознести Мальтуса; он называл его „самым умным, самым ученым и самым добродетельным человеком, украшением общества, среди которого он живет, предметом удивления людей науки, между которыми он является первым и самым блестящим светилом“. „Всякая благотворительность, за немногими исключениями,—заявил далее Брум,—противоречит принципам политической экономии. Даже старики не заслуживают помощи; так как старость наступает для каждого, то все предусмотрительные люди должны, пока они в силах, достаточно сберечь, чтобы поддерживать себя в старости. Поэтому убежища для стариков и для старух женщин, строго говоря, должны быть признаваемы вредными для общества; но все же дурное действие их смягчается их хорошими сторонами. Но другой вид благотворительности, к которой я перехожу,—продолжал Брум,—самым очевидным образом противоречит здравым принципам: это приюты для детей, устраиваются ли они государством или частными лицами—все равно. Такие приюты, за исключением предназначенных для сирот, сущее зло; и самое худшее—это воспитательные дома для подкидышей. Те, кто создал законы о бедных Елизаветы, не были опытны в общественной науке: они не знали истинного закона народонаселения, они не могли предвидеть, что явится Мальтус и просветит человеческий род относительно этой важной, но до сих пор плохо понятой отрасли знания; они не знали истинного принципа, на котором следует построить предупредительные препятствия для чрезмерного размножения народа“²⁾.

Цинизм этих заявлений равнялся только их наивности. Если бы и согласился с Брумом, что люди, не желающие работать и сберечь, не заслуживают помощи, оставался очень важный вопрос, которым почтенный лорд нисколько не интересовался, но который был самым важным для рабочего—как найти работу, если предприниматель не желает ее давать. Рабочий ничего другого не искал, кроме работы, —но именно работы он часто не мог нигде найти, кроме как в рабочем доме. Но в последнем случае это была не производительная работа, а рабочая попытка, преследовавшая чисто отрицательную цель—сделать пребывание в рабочем доме возможно более тягостным для его невольного обитателя.

„Один рецепт нужен для утоления всех страданий Англии,—писал по поводу нового закона о бедных Карлейль,—отказ в помощи на дому. Англия лежала в болезненном недовольстве, бессильно корчась в лихорадке на своем одре, мрачная, исполненная глубокого отчаяния, безрассудная и непредусмотрительная—и вот, как Гиперион заоблачных

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates, 1834. Vol. 24, стр. 1052.

²⁾ Hansard's Parliamentary Debates, 1834. Vol. 26, стр. 221, 224, 229.

стран Востока, является администрация законов о бедных и говорит: пусть будут рабочие дома, и хлеб и вода скорби в них! Это было простое открытие—как все истинно великие открытия. И смотрите, повсюду, где воздвигаются стены рабочего дома, нищета и горе исчезают из виду—совсем исчезают, как надеются иные, и превращаются в ничто; трудолюбие, трезвость, изобилие, повышение заработной платы, мир на земле и благополучие среди людей—в отчетах администрации законов о бедных—неизбежно, быстро или не так быстро, наступают к радости всех партий¹⁾.

При таком положении дел, неудивительно, что безработица, последовавшая за кризисом 1836 г. и растянувшаяся на целый ряд лет, сопровождалась почти полным обнищанием рабочего класса и вызвала крайнее недовольство и раздражение народа.

Промышленный кризис 1836 г. немедленно повел к целому ряду стачек. В начале ноября началась стачка рабочих на фабриках Стаффордшира, которая повела к закрытию большинства фабрик в округе. До 40 тыс. рабочих было выброшено на улицу. В Престоне стачка на нескольких хлопчатобумажных фабриках также повела к закрытию всех остальных фабрик, и 15 т. рабочих остались без заработка. Подобное же массовое прекращение производства последовало и во многих других городах. Ланкашира (Ольдгеме, Аштоне и др.). Хозяева, понимая выгоду своей позиции, так как приостановка производства была в их интересах, действовали солидарно, и стачка на одной фабрике влекла за собой закрытие остальных.

В 1837 году последовала историческая стачка прядильщиков в Глазго, во время которой один рабочий был убит на улице, как предполагали, членами рабочего союза. Хотя последнее отнюдь не было доказано, несколько рабочих было приговорено к каторжным работам на продолжительные сроки. Среди имущих классов возникло энергичное движение против рабочих союзов. Обширные стачки 1837 г. кончились неудачно для рабочих и в некоторых случаях повели к крушению рабочих союзов, которые их поддерживали. Конец 30-х годов вообще был временем попятного движения трэд-юнионизма. По словам С. и Б. Вебб, «число членов уцелевших рабочих союзов быстро сократилось. Союз английских прядильщиков, быть может, сильнейший из союзов того времени, дошел в 1841 г. до полного банкротства благодаря неудачной стачке. Шотландское общество каменщиков рухнуло около того же времени... союзы в Глазго были совершенно дезорганизованы бедствиями 1837 г. Ланкаширские союзы текстильных рабочих не подавали признака жизни, а такие благоразумные союзы, как союзы чугуноплавильщиков, строителей паровых машин и паровых котлов, совершенно изнемогли под бременем платежей в пользу своих безработных членов. Настроение рабочих классов соответствовало положению торговли. Раздражение и сдерживаемая злоба были характерными чертами этого времени²⁾».

Трэд-юнионизм уступил место чартизму. Трэд-юнионизм требует для своего успеха благоприятного положения рабочего рынка. Годы безработицы всегда отмечаются сокращением числа членов в рабочих союзах и ослаблением организационного движения. Напротив, полити-

¹⁾ Thomas Carlyle. Chartism, London, 1840, стр. 16.

²⁾ Sidney and Beatrice Webb. The History of Trade-Unionism. London. 1894, стр. 157.

ческие движения рабочего класса особенно развиваются в периоды промышленного зстоя. Самая тяжелая безработица XIX столетия сопровождалась наиболее революционным рабочим движением—чартизмом и в то же время полным упадком трэд-юнионизма.

Непосредственным поводом к чартистской агитации явилась борьба с новым законом о бедных¹⁾. Вряд ли какая реформа вызывала такую вражду населения, как этот закон. В течение 1837 г. во всей стране устраивались митинги протеста против нового закона и подавались петиции об его отмене. И это неудивительно, так как исполнители закона сделали все, чтобы заслужить эту ненависть. Помощь в рабочем доме обставлялась таким образом, чтобы только крайняя степень нужды могла побудить человека прибегнуть к этой помощи. Один из высших членов администрации законов о бедных, д-р Кай (Кайе), прямо заявил на публичном митинге: «наша цель сделать рабочие дома столь похожими на тюрьмы, сколько возможно, и сделать пребывание в них настолько неприятным, насколько возможно²⁾». И рабочие, и более сострадательные люди из достаточных классов одинаково сходились в негодовании против нового закона. Петиции, которые направлялись отовсюду и в палату общин (в палату общин поступило в течение одной сессии 1838 г. 333 петиции с 268 тыс. подписей в пользу полной или частичной отмены закона; напротив, в защиту закона поступило только 35 петиций с 952 подписями)³⁾, и в палату лордов, и к королю, одинаково проникнуты этим негодованием. Новый закон признается «недостойным христианской страны», «деспотическим», «жестоким», «тираническим». Рабочий дом назывался тюрьмой, «новой Бастилией», в которой с бедняками обращаются, как с преступниками, достойными самых суровых наказаний. «Результатом этой меры,—по словам одной петиции,—должна явиться вражда бедных к богатым и полное отчуждение бедных от правительства этой страны⁴⁾».

Администрация законов о бедных немедленно после своего возникновения стала практиковать в широких размерах транспортирование рабочих из сельских округов в промышленные, по приказам фабрикантов. В Манчестере была устроена особая контора, в которой фабрикант мог заказать нужное ему число рабочих, которые и доставлялись из сельских округов, как живой товар. Правда, эти переселения рабочих были «добровольны» —сельские рабочие соглашались на это. Но, в сущности, добровольное согласие на переселение было вполне фиктивно, так как администрация имела полную возможность принудить рабочего к переселению угрозой лишить его пособий от прихода и поместить в рабочем доме. Само собою разумеется, что для промыш-

¹⁾ «Хотя настоящее возбужденное состояние рабочих на Севере не может быть приписано какой-либо одной причине, тем не менее хорошо известно, что именно эта дерзкая и жестоко лицемерная мера (новый закон о бедных) положила конец терпению промышленных классов и вызвала их к смелой борьбе... На Севере этот чудовищный закон был признан созданием смертельных врагов народа—и в борьбе с ним наши северные братья восстали. Они поклялись в самой отчаянной вражде этому закону». The Poor Law and the Movement. The London Democrat, 1839 № 2. Журнал этот издавался Ю. Гэрри—одним из наиболее революционно настроенных чартистов. Любимым героем Гэрри был Марат.

²⁾ Речь Фильдена в парламенте. Hansards [Parliamentary Debates, 1837. Vol. 39, стр. 956.

³⁾ Parliamentary Debates, 1838. Vol. 41, стр. 1014.

⁴⁾ The Times, 24 March 1837.

ленных рабочих такие массовые выселения рабочих из сельских округов в города были равносильны ухудшению условий существования в городе, если и не до уровня деревни, то все же весьма значительному ухудшению.

Оппозиция новому закону в промышленных округах была гораздо сильнее, чем в земледельческих, хотя главной тяжестью закон обрушился именно на земледельческие округа. В палате общин Фильден заявил, что рабочие Ланкашира никогда не допустят применения в их местности закона 1834 г. и что, если такая попытка будет сделана в том округе, где он живет, он сам станет во главе тех, кто окажет открытое сопротивление закону. И действительно, новая администрация законов о бедных нередко наталкивалась в промышленных округах на самое упорное противление населения. В некоторых случаях представители этой администрации могли только бегством спастись от раздражения толпы. Оппозиция эта имела известные практические результаты—она побудила администрацию применять новый закон со значительными отступлениями от его буквального смысла. В некоторых промышленных округах новая администрация сохранила даже прежнюю систему помощи бедным. Помощь работоспособным людям вне рабочего дома не прекратилась. Уже обилие безработных в период 1837—1842 г.г. делало невозможным помещение всех в рабочие дома, которые были переполнены до последней степени.

Но, несмотря на все эти уступки, новая система помощи бедным продолжала вызывать негодование народа. В ноябре 1837 г. введение ее в Брадфорде (в Йоркшире) вызвало серьезное столкновение толпы с войсками, охранявшими представителей администрации. Акт о восстании был прочитан, и несколько эскадронов кавалерии атаковали толпу, которая защищалась камнями. В конце концов войска пустили в ход огнестрельное оружие.

Между тем безработица возрастала. Особенно ужасно было положение ручных хлопчатобумажных ткачей в Ланкашире и шелковых ткачей в Спитальфильде. В Бирмингеме, центре железодельной промышленности, безработица была также сильна. В марте фабриканты и торговцы этого города отправили депутацию к правительству с просьбой о принятии решительных мер для облегчения нужды. „Если меры помощи не будут немедленно приняты правительством,—заявлялось в петиции,—значительная часть нашего населения в скором времени совершенно лишится заработка“¹⁾.

Агитация 1837 г. направлялась, главным образом, против нового закона о бедных. Почти в каждом номере газеты Бронтерра О'Бриена, впоследствии одного из главных деятелей чартизма,—Bronterre's National Reformer, содержатся красноречивые обличения этого закона. В первом же номере 7-го января 1837 г. читаем: „наш рабочий класс, как земледельцы, так и промышленные рабочие, уже доведен жадностью хозяев до такого низкого состояния, какое только возможно без совершенной гибели его; но денежное чудовище (money monster) еще не насытилось. Как последний ресурс, это чудовище создало новый закон о бедных для того, чтобы опустить рабочих до самого низкого уровня жизни. Этот закон обращается с жертвами бедности так, как в других странах обращаются с осужденными преступниками; этот закон дает

¹⁾ Bronterre's National Reformer, 1837, № 11.

одежду преступника, содержание преступника и тюрьму преступника изнемогающему человеку, труд которого обогатил чудовище и вина которого заключается только в том, что он не задушил чудовище столетие тому назад... Таковы последние ресурсы промышленной Англии... Да, мои друзья, новый закон о бедных есть последняя кровавая попытка денежного чудовища поддержать разваливающееся строение этой каннибальской системы,—беспощадной системы, которая делает вас бедняками среди произведенного вами самими богатства“¹⁾.

Как известно, знаменитая „хартия“ чартистов имела вполне политический характер. Она состояла из 6 пунктов. Всеобщее мужское избирательное право, тайная подача голосов, уничтожение имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов и ежегодный парламент—вот в чем заключались эти пункты.

Происхождение их было таково. В 1836 г. возникло в Лондоне общество рабочих „The London Working Men's Association“, имевшее характер радикального политического клуба исключительно для рабочих. Именно это общество в союзе с несколькими парламентскими радикалами и выработало 6 пунктов, вошедших впоследствии в „народную хартию“. В феврале 1837 г. ассоциация на публичном митинге предложила обратиться к парламенту с петицией об удовлетворении этих требований. В течение 1837 г. требования эти, однако, не вызвали особого внимания народных масс и, во всяком случае, не были предметом энергичной агитации. В начале мая 1838 г. ассоциация обратилась с адресом к другим подобным же ассоциациям, рекомендуя 6 пунктов, как „народную хартию“. Характерно, что некоторое время „хартия“ эта совсем не была отмечена в Northern Star—органе главного вождя чартистов О'Коннора. Только с лета 1838 г. „народная хартия“ выступает на первый план, как главный предмет агитации.

Политические требования „хартии“ указывают на связь чартизма с политическим радикализмом, далеко не удовлетворенным парламентской реформой 1832 г., передавшей парламент в руки буржуазии. Рабочие, принимавшие деятельное участие в агитации, принудившей правительство и палату лордов согласиться на парламентскую реформу, были, как это бывало так часто, обмануты буржуазией. Чартизм был, с внешней стороны, продолжением политической агитации, создавшей реформу 1832 г.

Тем не менее, по своему внутреннему содержанию чартизм был не политическим, а всецело социальным движением. Знаменитые 6 пунктов хартии приобрели такую быструю популярность среди английских рабочих лишь благодаря тому, что законодательная деятельность преобразованного парламента вызвала в народных массах убеждение, что только путем участия в парламентских выборах народ может добиться смягчения нужды, которая достигла поистине ужасающих размеров.

Противники нового закона о бедных неоднократно указывали в парламенте на связь между этим законом и агитацией в пользу всеобщего избирательного права, и они были вполне правы. Именно закон 1834 г., совпавший, по времени введения его, с необыкновенно продолжительной и тяжелой безработицей, почти разрушившей трэд-

¹⁾ Bronterre's National Reformer, 1837, № 11.

юнионистскую организацию фабричных рабочих, вызвал такое раздражение в народе против парламента, которое обнаружилось в чартизме.

Чтобы убедиться в этом, достаточно пересмотреть руководящие газеты чартистов в начале чартистской агитации за 1837 и 1838 г.г. Закон о бедных играет в них преобладающую роль. The Northern Star, орган Фергуса О'Коннора, с именем которого, прежде всего, связывается чартизм, отводит критике этого закона еще большее место, чем цитированная выше газета О'Бриена. The Northern Liberator также ведет постоянную войну с законом о бедных. Митинги и петиции протеста против этого закона были предшественниками чартистских митингов и петиций. Даже по своей многолюдности некоторые из этих митингов выдерживали сравнение с самыми многолюдными митингами чартистов.

Идея национальных петиций и колоссальных процессий, как средства борьбы с парламентом, возникла именно на почве агитации против закона о бедных. По словам О'Бриена (To the Radical and Social Reformers of Great Britain and Ireland. National Reformer, 1837, № 5), О'Коннор в начале февраля 1837 г. подал ему мысль, вместо множества мелких петиций против закона 1834 г., подать одну петицию от имени всех бедных Англии и доставить эту петицию парламенту в сопровождении процессии в 200.000 человек.

Негодование против нового закона о бедных расшевелило рабочие массы, а безработица и нужда превратили это негодование в пламя, которое сразу охватило всю страну. Еще в начале 1837 г. О'Бриен упрекал рабочих в равнодушии к всеобщему избирательному праву: „Вы не делали,—писал он,—смелых усилий для достижения избирательного права; вы не устраивали крупных демонстраций для этого; правда, вы иногда подавали петиции в этом смысле, но этих петиций было так мало, и они были к тому же слабы и нерешительны в своих выражениях,—только немногие из них были смелы и повелительны,—но никогда они не подавались одновременно и в большом числе. Вы говорили в них, что вы платите налоги, что вы обязаны служить в милиции и много другого непоследовательного вздора, но вы никогда не выставляли решительно ваших требований, как люди, имеющие равное и даже высшее право, чем ваши притеснители... Вы довольствовались даже в ваши лучшие дни, предоставлением вашего дела в руки немногих демагогов, которые, как бы ни были они честны и смелы, ничего не могли достигнуть без великого национального движения с вашей стороны“¹⁾.

Прошло немного более года после того, как были написаны эти строки, и миллионы рабочих пришли в движение, колоссальные митинги и демонстрации стали устраиваться, сцены неопisanного энтузиазма стали повторяться из-за достижения народной хартии, которая сводилась к всеобщему избирательному праву. Что же переменялось? Почему английский рабочий сбросил свою апатию, какой новый дух в него вселился, почему его собрания стали напоминать собрания французских революционеров XVIII века? Не стал ли английский рабочий другим человеком?

Нет, он остался таким же, каким был и раньше. Чартизм внезапно вспыхнул ярким пламенем, которое угрожало поглотить весь истори-

чески сложившийся социальный строй Англии, и так же быстро потух. Причины чартизма были преходящего характера: тяжелая нужда и безработица—вот что исторгло у английского народа крик отчаяния, каковым и был чартизм.

Нужда была слишком невыносима, народная масса всколыхнулась и потребовала политических прав. Но нужда прошла, и волна промышленного оживления быстро унесла революционное настроение английского рабочего. Чартизм промелькнул в английской истории ярким метеором, не оставившим следа.

В мою задачу не входит описание истории чартизма,—хотя это была бы благодарная задача. Редкое историческое движение обнаруживало столько героизма и воодушевления, какие мы встречаем среди деятелей чартизма. Но все это не может скрыть от историка слабых сторон движения. Характерна уже самая программа чартизма—программа исключительно политическая, в то время как движение имело вполне социальный характер. Чем объясняется это противоречие?

Тем, что чартизм был движением чисто отрицательным, движением протеста—и ничего больше. Народным массам нужно было какое-нибудь знамя, вокруг которого они могли бы собраться. Таким знаменем явилась „народная хартия“. Но это было не более, как знамя, положительной программы движение никогда не имело. В глазах чартистов достижение всеобщего избирательного права было только средством для экономического преобразования страны, для спасения массы народа из-под власти нищеты. Но каким способом? Каковы должны быть экономические меры, которые надлежит принять парламенту, выбранному согласно требованиям „народной хартии“? Этому не знали сами чартисты. Будучи порождением чисто экономического недовольства, чартизм все же не мог выработать положительной экономической программы.

Вожди чартизма глубоко чувствовали страдания народных масс, они правильно определяли и причины этих страданий, но не знали средства исцеления их. Они ухватились за радикальную политическую программу, потому что она была всем понятна и давала простое решение на все вопросы. „Допустите только народ в парламент, дайте ему власть в свои руки—и он сам сумеет себе помочь“. Таков был ответ чартистов.

Но это был не ответ, а признание своей неспособности ответить. „Народ“ еще менее, чем его вожди, знал средства помощи.

Отсюда понятно, что успехи чартизма должны были быть эфемерны. Народные массы привлекались к чартизму экономической нуждой,—а им предлагали политические реформы. Пока нужда была сильна, массы готовы были сплотиться вокруг любого знамени, лишь бы оно было знаменем протеста. Но нужда в ее острой форме прошла—и народ оставил знамя.

Почему же, однако, чартизм не выработал положительной экономической программы? Потому что такая программа в 30-е годы была невозможна. Это было время энергичного развития еще юного и могучего капитализма, с одной стороны, и утопического социализма, с другой. Радикальные экономические реформы были немислимы и свелись бы к попыткам задержать развитие капитализма,—попыткам, не имевшим никаких шансов на успех и не способным облегчить страдания

¹⁾ Bronterre's National Reformer, 1837, № 1.

народных масс. Именно такой характер и имели, как мы увидим ниже, экономические мероприятия чартистов.

Таким образом, чартизм, несмотря на свои быстрые успехи, висел, так сказать, в воздухе. Он отнюдь не сливался с рабочим движением, которое в то время в Англии выражалось, главным образом, в трех формах: в трэд-юнионизме, в агитации в пользу 10-часового рабочего дня и в социализме Оуэна, который стал принимать форму кооперативного движения. Все эти движения имели глубокие корни в социальных условиях Англии и привели к результатам огромной важности. Чартизм не мог слиться ни с каким из этих движений, потому что он был выражением страстного протеста народной массы против невыносимых условий существования данного момента, а фабричное законодательство, кооперация и рабочие союзы обещали медленные и отдаленные результаты в будущем, между тем как помощь, и радикальная, требовалась сейчас.

Ближе всего стоял чартизм к движению в пользу 10-часового рабочего дня. Фильден, которому суждено было провести в парламенте эту великую реформу, заявлял на многих митингах о необходимости „народной хартии“. Остлер, энергичный, влиятельный и популярный руководитель вне парламентской агитации в пользу фабричных законов, не был чартистом, но был в близких отношениях с вождями чартизма, писал в чартистских газетах, говорил на чартистских митингах. Но все же движение в пользу ограничения рабочего дня уже тем радикально отличалось от чартизма, что оно не требовало политических реформ, считало (и с полным основанием) вполне возможным достигнуть своих целей при существующем парламенте. Остлер не только не был политическим радикалом, но признавал себя консерватором. Такими же консерваторами были и другие вожди этого движения—Садлер и лорд Эшли. Оно началось задолго до чартизма и достигло успеха, несмотря на крушение чартизма.

В чартистской прессе и на публичных собраниях требование ограничения рабочего дня фабричных рабочих играло небольшую роль—несравненно меньшую, чем борьба с новым законом о бедных.

Чартистское движение имело, так сказать, два корня. С одной стороны, небольшая группа радикалов среди достаточных классов и лучше оплачиваемых рабочих требовала политических реформ. Представителями чартистов этого типа являются: из буржуазии—Томас Аттвуд ¹⁾, из рабочих—Ловетт, секретарь лондонской „Working Men's Association“. Ловетт был типичным интеллигентным английским рабочим, всего менее революционером, благоразумным и рассудительным прежде всего, не питающим никакой вражды к капиталистическому классу и готовым идти с ним рука об руку, но умеющим в то же время энергично отстаивать свои интересы. Ловетт стоял близко к трэд-юнионистскому движению и был одним из главных организаторов защиты трэд-юнионистов во время агитации против трэд-юнионизма в 1837 г. В своей автобиографии Ловетт горько сожалеет о том, что благодаря О'Коннору, Стефенсу и Остлеру союз радикалов из рабочего класса и буржуазии распался. По его словам, пока в чартистском движении не

¹⁾ В новейшей книге о чартизме John Tildsley. Die Entstehung der Chartistenbewegung. Jena, 1898, совершенно правильно указывается на огромное значение Бирмингемского политического союза, во главе которого стоял Аттвуд, в деле организации чартизма, как политического движения.

приняли участие эти последние лица, средние классы не только не противились требованию всеобщего избирательного права, но, напротив, оказывали этому требованию поддержку. И действительно, знаменитые 9 пунктов возникли под непосредственным влиянием парламентских радикалов из средних классов (автором этих пунктов был Ловетт) ¹⁾.

Аттвуд и Ловетт выражали собою преимущественно политическое течение в чартизме. Чисто социальный элемент представлялся наиболее ярко Стефенсом. Стефенс не называл себя чартистом; он не только не был политическим радикалом, но даже считал себя тори. Тем не менее, именно этот тори более всего содействовал возникновению того чистого народного, массового движения, в которое быстро превратился чартизм. Несмотря на свой торизм, Стефенс вместе с Остлером (который был другом Стефенса; по своему духовному облику и по политическим воззрениям эти два человека были чрезвычайно близки друг к другу) более, чем кто-либо, повлиял на то, что чартизм принял революционный характер. Исходным пунктом агитации Стефенса была не „хартия“, к которой он был равнодушен, а борьба против притеснения рабочих на фабриках и в особенности борьба против нового закона о бедных. Это был социальный корень чартизма. Для Ловетта чартизм сводился к преобразованию парламента; для Стефенса—к хорошей плате за умеренный труд.

Стефенс первый из чартистов подвергся преследованию правительства за подстрекание народа к восстанию и был присужден к продолжительному тюремному заключению. Этот кроткий, религиозный человек, с детским и наивным, судя по портретам, лицом, считался одно время во всей стране вождем революционной партии чартистов, партии „физической силы“. Но вряд ли он был неискренен, отрицая на суде свою принадлежность к чартизму. Стефенс протестовал в самых горячих выражениях против притеснения народа, совершавшегося

¹⁾ Ловетт был одним из самых плодовитых писателей среди чартистов. Для характеристики умеренности его воззрений интересна небольшая книга, написанная им в сотрудничестве с другим чартистом в 1840 г., во время заключения в тюрьме—*Chartism; a new organisation of the People, by William Lovett, Cabinet-Maker, and John Collins, Tool Maker. London. 1840.* В этой книге Ловетт рекомендует чартистам устройство национальной ассоциации для самообразования. Эта ассоциация должна учреждать для рабочих подвижные библиотеки, лекции и публичные чтения, школы, элементарные и высшие, печатать книги и пр. Таким образом Ловетт рассчитывает создать в стране общественное мнение, благоприятное „хартии“, и достигнуть всеобщей подачи голосов без всякого нарушения мира. В предисловии к этой книге Ловетт старается убедить средние классы, что „хартия“ не представляет для них ничего опасного. „Предположение, что всеобщая подача голосов даст рабочим классам преобладание в палате общин, не оправдывается опытом других стран. Рабочие классы не пользуются таким могуществом даже в Америке, где богатство и общественное положение лица имеет гораздо меньшее значение, чем у нас. Огромные выгоды всеобщей подачи голосов для народа заключаются в том, что она даст народу лучшие средства к самообразованию, концентрирует человеческий разум в усилиях удалить несправедливость общественной жизни и побудит представителей народа удовлетворить народные нужды, улучшить законы и доставить средства для народного благополучия, в соответствии с просвещенными пожеланиями общественного мнения. Всего этого мы и ожидаем от осуществления народной „хартии“ (Introduction. 21). Но если хартия не даст преобладания рабочим, то почему рабочие должны ее добиваться? Ловетт не понимал социального характера чартистского движения. Вообще Ловетт постоянно пытался привлечь буржуазию на сторону хартии. Вскоре после своего выхода из тюрьмы, он обратился даже от имени ассоциации, во главе которой стоял, с манифестом к „средним классам“, где ратовал в пользу „сердечного союза средних классов с рабочими“ (Autobiography, 262).

на его глазах, протестовал против нового закона о бедных, потому что находил его не только жестоким и противоречащим английской конституции, не только попирающим старинное право английского народа получать помощь от прихода в случае нужды, но и не христианским, разрушающим семью, „разлучающим тех, кого соединил сам бог“. Он призывал народ к оружию в защиту религии и старинных прав английского народа.

О'Бриен и О'Коннор попытались соединить социальный протест рабочих классов против нужды и невыносимого экономического гнета с политическими требованиями радикалов. Но попытка эта была неудачна, главным образом, потому, что естественной связи между тем и другим не было. Прежний закон о бедных страдал столькими неустранимыми недостатками, что восстановлен быть, во всяком случае, не мог, а только эта законодательная мера и могла быть выставлена, как средство уменьшения нужды. Что касается до промышленного застоя и упадка старинных форм промышленности, то причины всего этого лежали слишком глубоко и не могли быть устранены никакими законодательными мерами. Несчастливым ручным ткачам, составлявшим весьма значительную часть ланкаширского населения, ничем нельзя было помочь, так как эти страдания вызывались ростом крупного производства. Столь же были недоступны врачеванию и другие социальные недуги того времени. Преобразование парламента, которое выставили на знамени народного движения О'Бриен и О'Коннор, не было действительным средством исцеления чувствуемого всеми зла. Потому чартизм и не имел успеха.

В начале 1838 г. чартистская агитация, как я сказал, была направлена, главным образом, против нового закона о бедных. В Ланкашире и других промышленных округах образовались особые ассоциации борьбы с этим законом—Anti Poor Law Associations. В Манчестере устраивались съезды делегатов. На одном из первых из этих съездов было представлено 49 петиций об отмене закона. Большинство петиций имело по несколько тысяч подписей.

Священник Стефенс сказал на митинге по случаю одного из таких съездов, что один рабочий показал ему нож, которым он решился убить сторожа рабочего дома, если только этот последний разлучит его с женой. „Сначала люди не верили,—сказал Стефенс,—чтобы такой закон мог быть задуман даже самым адским существом, которое когда-либо жило; они не думали, чтобы на это могло решиться правительство нашего времени, к тому же правительство реформы, которому они доверяли, в котором концентрировались надежды и ожидания половины страны; они не думали, чтобы правительство, давшее столько обещаний, так низко изменило своему слову. Но теперь они принуждены этому поверить, потому что графство за графством, город за городом, деревня за деревней и хижина за хижинкой видели, как приближается враг... И те самые люди, которые раньше не могли поверить в возможность такого закона, теперь убедились в его существовании; они его вполне понимают и ненавидят от всего сердца. Они поклялись, без всякой организации какого бы то ни было рода—каждый сам за себя, мужчины, женщины, дети,—они поклялись именем господина, именем своих жен и детей, отцов и матерей, братьев и сестер, они поклялись скорее, чем разлучиться, скорее, чем быть заключенными в тюрьму, скорее, чем лишиться свободы, скорее, чем голодать по приказанию правительства,

пойти на тысячу смертей... Разве может правительство, полиция, войска—все армии вражеских сил—разве могут все они противостоять силе народа, когда наши жены и наши дочери лежат у наших ног, умоляя о защите и мщении? Еще раз я клянусь перед небом и перед вами никогда, никаким образом, ни в какой форме не повиноваться этому закону!“¹⁾

Через несколько дней после этого митинга, 20 февраля, Фильден представил парламенту 142 петиции об отмене закона 1834 г. Но тори и виги были единодушны. Предложение Фильдена было отвергнуто 309 голосами против 17.

И тогда исполнилось то, что предсказывал в парламенте при обсуждении закона 1834 г. Коббет,—боевой клич пронесся по стране. Требование отмены одного жестокого закона уступает место более грозным требованиям. Народ должен сам управлять своими судьбами—долой тори и вигов, „кровавых“ вигов, как их называли в это время. Народная хартия—вот где лежит спасение народа! Для чего обращаться с петициями к парламенту, который состоит из богатых? Только бедные могут понять бедных—да здравствует всенародный парламент, ежегодно выбираемый всем населением страны!“²⁾

Народная масса сразу пришла в движение. 28 мая в Глазго был первый из тех колоссальных митингов чартистов, которые потом повторялись столько раз по всей стране. До 200 тысяч людей—преимущественно рабочих—присутствовало на митинге. Нужно, впрочем, оговориться, что все цифры лиц, участвовавших на чартистских митингах, исходят от самих чартистов и, без сомнения, значительно преувеличены. 40 оркестров музыки сопровождали процессии, сотни флагов развевались над толпой. Героем этого митинга был Томас Аттвуд, один из самых влиятельных людей в стране, руководитель народного движения в пользу парламентской реформы 1832 г. „Если 2 миллиона людей решат добиться всеобщей подачи голосов,—сказал он,—и устроят для этого общую стачку, то какое правительство устоит против такой демонстрации?“

Вскоре затем последовали митинги в Манчестере и других городах. В Манчестере Фильден заявил, что „одно из двух должно произойти—или новый закон о бедных будет отменен парламентом, или это исполнит революция. Он (Фильден) не сомневается, что не пройдет и двух лет, как они добьются ежегодного парламента, всеобщего избирательного права и тайной подачи голосов“. Стефенс при неопытном энтузиазме толпы заявил: „На протяжении трех миль от моего дома, в домах рабочих не менее 5.000 штук разного оружия. Я хочу только того, чтобы эти 5.000 увеличились в пятьдесят раз... Стране нужны энергичные и храбрые люди с оружием в руках, люди, которые могли бы воскликнуть: „мы прольем на поле битвы последнюю каплю крови скорее, чем подчинимся этому дьявольскому закону“³⁾.

С этого времени чартистское движение далеко перерастает агитацию против закона о бедных. „Народная хартия“, как средство исцеления всех бедствий народа, овладевает умами миллионов рабочих.

¹⁾ The Northern Star, 1838, № 13.

²⁾ Ловетт вполне признает, что народное движение в промышленных округах первоначально было всецело направлено против закона о бедных и только значительно позже обратилось к достижению „народной хартии“. Lovett's Autobiography, 172.

³⁾ The Northern Star, 1838, № 30.

Сами вожди движения были поражены быстротой его роста. Давно ли Бронтерр О'Бриен жаловался на политический индифферентизм английского рабочего, а уже в июне 1838 г., в день коронации королевы Виктории, произошла в Ньюкасте одна из самых решительных политических демонстраций рабочего класса, которые Англия когда-либо видела. Число собравшихся было меньше, чем в Глазго (около 80-ти тысяч), но общее настроение было гораздо определеннее и речи ораторов смелее. На знаменах были надписи в таком роде:

„Freedom*.
When once more her hosts assemble,
Let the tyrants only tremble;
Smile they at this idle threat:
Crimson tears may follow yet ¹⁾).

Митинг принял резолюцию: всеми средствами—не только законными,—как подчеркнул один из ораторов,—добиваться всеобщей подачи голосов. О'Коннор, призывая народ к завоеванию свободы, в то же время вызывал оглушительный хохот шутками в таком роде: „Гарри Брум сказал, что законы о бедных не нужны, потому что каждый молодой человек должен сберегать деньги на старость; но, говоря это, он в то же время попросил увеличить свою пенсию с 4 тыс. до 5 тыс. фунтов в год. Но, когда народ получит свои права, он перестанет платить эту пенсию. Гарри придет к казначею и постучит в дверь. Но Цербер не откроет двери и спросит: „кто там?“. И бедный Гарри ответит: „это бывший канцлер пришел за 1.250 фунтов своей пенсии за четверть года“; но Цербер скажет: „вас приходила утром уже целая дюжина,—для вас нет ничего“. Тогда Гарри заплачет: „о, что со мной будет! Что мне делать?“. А Цербер скажет: идите в Бастилию, которую вы выстроили для народа“. Но, когда лорд Гарри и лэди Гарри придут в Бастилию, сторож им скажет: „вот ваше место направо, а вот, миледи, ваше место налево; мы здесь, знаете, мальтузианцы и боимся, как бы у вас не было детей, и потому будем держать вас порознь друг от друга“. Когда это будет, то можно будет пожалеть лэди Брум, но лорд Гарри сожаления не возбудит ни в ком“ ²⁾).

Во время этого митинга отряды кавалерии и пехоты с одной пушкой дефилировали в виду у толпы, как бы вызывая ее на неблагоприятные действия, которые дали бы повод пустить в ход оружие. Но толпа этого повода не дала, и столкновения не произошло.

Затем последовал ряд чартистских митингов в разных городах Англии, из которых самый крупный был в Бирмингеме (присутствовало около 200 тыс. чел.). Митинг в Лондоне был одним из наименее удачных. Вообще в Лондоне чартизм был гораздо слабее, чем в провинции.

На митинге в Бирмингеме Аттвуд дал, между прочим, ответ на самый важный вопрос—что должен исполнить парламент после того, как „хартия“ получила свое осуществление. Ответ этот крайне характерен, как экономическая программа правого крыла чартистов (The

¹⁾ „Свобода“.
Когда собираются ее избранные,
Пусть тираны трепещут.
Их смешит эта пустая угроза?
Кровавыми слезами они заплатят.

²⁾ R. G. Gammage. History of the Chartist Movement. London. 1894, стр. 26

Birmingham Political Union, во главе которого стоял Аттвуд, был важнейшей радикальной организацией Англии). „Что должно быть нашей целью,—сказал Аттвуд,—когда парламент будет в наших руках? Прежде всего мы уничтожим хлебные законы (апплодисменты). Мы должны понизить цену хлеба до уровня труда... И, уничтожив законы о денежном обращении, мы приведем цену труда в соответствие с ценой пищи. Таким образом мы облагодетельствуем все классы населения. Затем мы обратимся к закону о бедных. Он не должен продержаться и одного месяца (апплодисменты). Плуг должен пройти по тому месту, где теперь стоят бастилии (рабочие дома) (громкие апплодисменты). Это наша великая цель. Затем мы должны пересмотреть фабричные законы“ ¹⁾).

Только и всего. Нельзя сказать, чтобы эта программа отличалась ясностью, в особенности в том месте, где говорится о цене хлеба, труда и денежном обращении. Аттвуд принадлежал к числу партизанов „дешевых денег“ и восстановление золотого обращения в Англии в 1819 г. считал корнем всех бедствий. Но, во всяком случае, программа Аттвуда не включает в себе ничего сколько-нибудь похожего на социализм. Иные требования Аттвуда очень скоро были удовлетворены парламентом. Для отмены хлебных законов не было нужды в великих политических реформах, выставленных на знамени чартистов.

Другие ораторы на этом митинге также говорили о спасении народа путем возвращения к бумажным деньгам. Нечего и прибавлять, что все это свидетельствовало о крайне невысоком уровне экономического понимания.

Положим, Аттвуд выражал взгляды только одной, буржуазной группы чартизма. Но прочие чартисты на митинге, приветствуя сближение с бирмингамскими радикалами, ни единым словом не обмолвились против их экономической программы.

Правда, среди чартистов было иное, социалистическое течение, представлявшееся, главным образом, Бронтерром О'Бриеном, но и это был весьма неясный, путанный и утопический социализм, преимущественно аграрного характера. О'Бриен был, быть может, самым сознательным представителем социалистического течения среди чартистов. Уже до начала этого движения он был редактором радикального рабочего органа с социалистической окраской—„The Poor Man's Guardian“. В 1836 г. О'Бриен перевел историю Буонаротти заговора Бабефа и высказал в предисловии, что он вполне разделяет взгляды Буонаротти. Он был сторонником национализации земли и в своих последующих работах развил целую программу преобразования экономического строя, основанием которой являлась, кроме национализации земли, новая система обмена и денежного обращения. Идея этой системы была заимствована О'Бриеном у Оуэна. О'Бриен имел свою утопию, которая, впрочем, во всех отношениях была, конечно, ниже утопии его великого современника—Оуэна. Но утопии такого рода никакой роли в чартистском движении не играли. Они не имели ничего общего с реальными задачами рабочего движения того времени. Это прекрасно понимал и сам О'Бриен, настаивая в самый разгар чартистской борьбы на том, что споры о будущем строе могут иметь в данный момент лишь

¹⁾ The Northern Star, 1838, № 39.

теоретический интерес, так как реальная задача заключается в достижении определенных политических реформ.

Для характеристики чартизма, как социального движения, очень интересны речи Стефенса и О'Коннора на колоссальном митинге в Манчестере 25 сентября 1838 г. О настроении нескольких сот тысяч народа, собравшегося на этот митинг, можно судить по изображениям и надписям на знаменах. На одном знамени, например, была рука с кинжалом, и надпись гласила: „О, тираны, принудите ли вы нас к этому?“ На другом было изображено избивание рабочих в Манчестере в 1819 г. с надписью: „Убийство требует отплаты“, и т. д., и т. д. И Стефенс, и О'Коннор старались объяснить народу, для чего нужно всеобщее избирательное право. Ответ Стефенса был таков: „вопрос всенародной подачи голосов, в конце концов, есть вопрос ножа и вилки... Если его спросят, что он понимает под всенародной подачей голосов, он скажет: право каждого человека в этой стране иметь хорошую одежду, удобный дом для себя и своей семьи, сытный обед за столом, не больше работы, чем допускает здоровье, и такую заработную плату, которая давала бы возможность удовлетворять всем разумным требованиям человека“ (громовые аплодисменты).

На другом митинге, в Ливерпуле, Стефенс кое-что прибавил к этому. „Есть принцип более важный и основной,—сказал он,—чем все формы правления. Это вопрос о равновесии между бедностью и собственностью, равновесии между плодами труда, принимающими форму капитала, и самим трудом, который создает богатство... При республике, как и при монархии, вопрос этот раньше или позже, должен привлечь к себе внимание филантропов и политиков... Никто не имеет права иметь больше другого, пока есть люди, нуждающиеся в необходимом... Рабочие требуют „справедливой платы за работу, разумной продолжительности“. Разве это требование неосновательно или чрезмерно?“¹⁾

Но опять-таки никаких указаний, как достигнуть этого, Стефенс не дает. Иными словами, „народная хартия“ нужна для удовлетворения экономических нужд рабочего класса. Но как их можно удовлетворить? Стефенс не говорит об этом в своей длинной речи ни единого слова.

О'Коннор ответил несколько иначе. „Если народ овладеет парламентом путем всеобщего избирательного права, что тогда делать? Тогда нужно позаботиться, чтобы налоги соответствовали потребностям государства. Люди очень щедры, когда им приходится облагать налогами других, но когда народ сам будет облагать себя налогами, то вместо того, чтобы иметь, как теперь, в мирное время огромную армию, поглощающую средства страны, каждый стал бы солдатом; вместо того, чтобы иметь государственную церковь... каждый поддерживал бы добровольными приношениями религиозные принципы, наиболее соответствующие его совести. Таковы некоторые из прав народа, которые осуществит всеобщая подача голосов“²⁾.

Затем О'Коннор вскользь указывает на то, что рабочие союзы не должны быть преследуемы, и этим его ответ ограничивается. Уменьшение налогов путем уничтожения постоянной армии и государственной церкви и, как само собою подразумеваемое, отмена закона о бедных 1834 г.,—вот что должна принести с собою „хартия“. Это очень немного.

Очевидно, ни Стефенс, ни О'Коннор не имели определенного представления, какими законодательными мерами можно помочь ужасающей народной нужде, которая и вызвала к жизни чартизм.

Столь же неопределенно выражены экономические требования чартистов и в их первой национальной петиции, составленной осенью 1838 г. Эта петиция начинается с указания на то, что, несмотря на благоприятные природные условия страны, население испытывает тяжелые страдания. „Мы изнемогаем под бременем налогов, которые все же признаются недостаточными нашими повелителями. Наши торговцы и промышленники находятся на краю разорения. Наши рабочие голодают. Капитал не дает прибыли, и труд не вознаграждается. Дом ремесленника опустел, а склад ростовщика наполнился. В рабочем доме нет места, а фабрика стоит без работы. Мы смотрели повсюду и внимательно искали причины нужды, столь тяжелой и столь продолжительной. Мы не можем найти этой причины ни в природе, ни в Провидении... Мы с полным почтением заявляем палате общин, что нельзя допустить продолжения такого порядка дел. Мы говорим палате, что капитал хозяина не должен быть лишен надлежащей прибыли, что труд рабочего не должен быть лишен надлежащего вознаграждения. Что законы, которые делают пищу дорогой, и законы, которые делают деньги редкими и удешевляют труд, должны быть уничтожены. Что налоги должны ложиться на собственность, а не на производительную деятельность... Как предварительное условие этих и других необходимых преобразований, как единственное средство, при помощи которого интересы народа могут получить свою защиту, мы требуем, чтобы охрана интересов народа была вверена ему самому“¹⁾.

Затем следует перечисление пунктов „хартии“. В этой петиции основная слабость чартизма выступает с полной наглядностью. Петиция начинается с указания на экономическую нужду. О причинах этой нужды не говорится ровно ничего. Меры борьбы с нуждой намечаются также неопределенно. Уменьшение налогов, отмена хлебных законов и преобразование денежной системы—только это и может предложить правительству петиция, но зато с полной решительностью выставляет требование радикального преобразования парламента.

Интересно в этой петиции также полное отсутствие чего-либо приближающего к социализму. И капитал, и труд признаются одинаково правомерными элементами хозяйственного строя, в равной мере заслуживающими „надлежащей“ оплаты. Пункт об отмене „законов, делающих деньги редкими“, взят целиком из бирмингемской программы Аттвуда.

В петиции этой бросается также в глаза умолчание о новом законе о бедных и фабричных законах—важнейших социальных требованиях, выставленных чартистами. Объясняется это, вероятно, тем, что петиция была составлена Бирмингемским политическим союзом—обществом буржуазных радикалов²⁾. Аттвуд, стоявший во главе этого союза, всячески старался привлечь на сторону чартистов средние классы, и потому в петицию были включены лишь такие требования, которые могли рассчитывать на сочувствие этих классов.

¹⁾ Gammage, 88.

²⁾ По словам Ловетта, петиция была написана Дугласом (Douglas), издателем Birmingham Journal. Autobiography, стр. 201.

¹⁾ The Northern Star, 1838, № 47.

²⁾ The Northern Star, 1838, № 46.

Интересно остановиться на отношении чартистов к хлебным законам. По этому очень важному вопросу среди чартистов отнюдь не было согласия. Правое крыло чартистов симпатизировало агитации против хлебных законов. Но О'Бриен и вслед затем О'Коннор относились к этой агитации крайне враждебно. О'Бриен утверждал, что отмена хлебных пошлин, при существующем парламенте, доставила бы все выгоды денежному классу, кредиторам, в ущерб рабочим и должникам. Понижение цены пищи сопровождалось бы понижением денежной заработной платы. Но так как покупательная сила денег должна была от удешевления пищи соответственно возрасти, то тяжесть всех фиксированных платежей и налогов должна была увеличиться. При таких условиях отмена хлебных пошлин равносильна экспроприации населения страны в пользу денежных капиталистов. Отмена хлебных пошлин должна была бы сопровождаться другими мерами, имеющими целью лишить денежных капиталистов возможности забрать себе все выгоды этой отмены, а так как только действительно народный парламент мог бы решиться на такие меры, то О'Бриен считал немедленное уничтожение хлебных законов вредным для народа.

В течение осени 1838 г. чартистские митинги были многочисленнее, чем когда-либо. Нередко они устраивались ночью, при свете факелов. Многие являлись вооруженными. На одном из таких ночных митингов Стефенс спросил, есть ли у присутствующих оружие. Раздалось несколько выстрелов. „И это все?“ спросил Стефенс. Ему отвечали целым залпом выстрелов. Когда он предложил, чтобы те, кто решился приобрести оружие, подняли руки,—руки всех присутствующих поднялись вверх, и опять последовало несколько залпов. Правительство быстро положило конец подобным сценам, запретив ночные митинги и арестовав Стефенса.

4-го февраля 1839 года собрался в Лондоне первый национальный конвент чартистов, в котором приняло участие 53 делегата—представители чартистских групп разных частей страны. Этот конвент, по мысли его организаторов, должен был бы быть как бы всенародным парламентом, наряду с официальным парламентом, выбранным ничтожной частью населения. Я не буду останавливаться на деятельности этого конвента; многие чартисты были недовольны тем, что их представители обнаруживали такую же чрезмерную словоохотливость, как и члены парламента в Вестминстерском доме. Отмечу только, что чартистские делегаты и особенно делегаты промышленных округов севера—главной твердыни чартизма—совершенно правильно указывали на безработицу и нужду рабочего класса, как на истинную причину чартизма. Так, делегат Бэсси (Bussey), представитель нескольких сот тысяч иоркширских рабочих, заявил, что „причина чартизма ужасная бедность. Пока эта причина не будет устранена, нельзя рассчитывать на возвращение мира“. Свою речь он закончил перефразированными словами Стефенса: „Если бы у нас были хорошая одежда, хорошее жилище и сытный обед, мы бы не заботились, как называется наш образ правления“¹⁾. Ньюкастльский делегат Лоури (Lowry) сказал на другом митинге, что „чартистская агитация возникла из нужды, из ужасной и всеобщей нужды, которая угнетает народ... Как представитель рабочих классов севера, он (Лоури) заявляет, что они не могут ждать и больше

¹⁾ The Northern Star, 1839, № 65.

не хотят ждать“¹⁾. По словам историка чартизма Гаммэджа, принимавшего деятельное участие в движении, сторонники „физической силы“ среди членов конвента „были побуждаемы к этому чрезвычайным недовольством, которое обнаруживали в это время рабочие классы, особенно в промышленных округах,—недовольством, вызванным самой острой нуждой, не смягчаемой никакими надеждами на улучшение. Народная нужда была частым предметом обсуждения в конвенте“²⁾. И действительно, один из самых горячих сторонников „физической силы“, Марсден, испытал тяжесть совершенно нищенского заработка, нередко прерываемого совершенной безработицей. По его словам, ему приходилось с семьей голодать в буквальном смысле, не имея ни кусочка пищи в течение целого дня. Другие ораторы указывали на подобные же случаи крайней нищеты и в других отраслях труда³⁾.

Национальная петиция с 1.280.000 подписей была представлена палате общин Аттвудом 14 июня. В июле, в Бирмингеме, произошли крупные волнения. Толпа оказывала ожесточенное сопротивление войскам, разрушила несколько лавок и сожгла несколько домов. Лорд Веллингтон сказал по этому поводу в палате лордов, что он видал много городов, взятых штурмом, но ни один не пострадал так жестоко, как Бирмингам. Но, разумеется, заявление это было крайне преувеличено. За этими волнениями последовали аресты вождей чартизма.

Несколькими днями раньше, 12 июня, Аттвуд внес в палату общин предложение рассмотреть национальную петицию чартистов в особом комитете. Речь Аттвуда и последовавшие дебаты очень характерны и много выясняют в истории чартизма.

Аттвуд доказывал, что не только рабочие испытывают нужду, но что вообще все промышленные классы страны страдают от расстройства торговли. Это расстройство он приводил в связь с восстановлением валюты в 1819 году: интересы как рабочих, так и хозяев совершенно сходятся в этом отношении. „Он убежден, что благополучие и удовлетворение рабочих классов могут быть достигнуты без малейшего вреда или несправедливости кому бы то ни было на земле. Страна не может переносить постоянных колебаний торговли... 1.200.000 подписавшихся под петицией заявляют, что они имеют право жить честным трудом, но что им отказывают в этом праве, что промышленные колебания приводят к коротким периодам сомнительного благополучия и продолжительным периодам реальной нужды“. По мнению Аттвуда, петиция выражала взгляды не только рабочих, но и большинства лиц, принадлежащих к средним классам,—промышленников и торговцев. Для хозяев застой торговли еще тяжелее, чем для рабочих.

Фильден, поддерживая предложение Аттвуда, также говорил о застою торговли, от которого особенно сильно страдает Ланкашир, как и вообще промышленные округа. „А чем вызван кризис в мануфактурных округах? Дурными законами или, во всяком случае, нежеланием парламента издать хорошие законы“.

Итак Аттвуд указывал одно средство помощи—бумажные деньги, а Фильден не сказал ничего, кроме указания на промышленный застой. Позиция, занятая Аттвудом, была так слаба, что правительству, в лице

¹⁾ Там же, № 66.

²⁾ Gammage, 108.

³⁾ The Northern Star, 1839, № 68.

лорда Росселя, ничего не стоило его разбить. Речь лорда Росселя была совершенно уничтожающей для Аттвуда. „Почтенный джентльмен,—заявляет Россель,—обсуждал петицию преимущественно с точки зрения экономической и социального положения народа. Что касается до политической стороны вопроса, то почтенный джентльмен мало останавливается на этом пункте... Многие думают, что всеобщее избирательное право сделает страну счастливою. Но я думаю,—продолжал Россель,—что в этом мнении скрывается фундаментальная ошибка. Почтенный джентльмен говорит: „я хочу всеобщего избирательного права, потому что если мы его не будем иметь, то парламент может сегодня доставить нам благополучие, а завтра повергнуть в нужду“. Но я не могу представить себе формы правления... которая гарантировала бы всей стране постоянное и непрерывное благополучие, навсегда предупредила бы в промышленной и торговой стране то состояние низкого уровня заработной платы и вытекающей отсюда нужды, которая тяжелее всего ложится на низшие классы населения, или те чередующиеся колебания от благополучия к нужде, которые происходят во всех странах такого рода. Посмотрите на Соединенные Штаты Америки. У них есть всеобщее избирательное право. Но кто скажет, что Соединенные Штаты свободны от этих колебаний или от нужды?.. Ни всеобщее избирательное право, ни какая-либо другая форма избирательного права, никакая форма представительства вообще не может создать законы, которые гарантировали бы народу постоянное благополучие“.

Затем Россель перешел к разбору специфического средства исцеления нужды, рекомендуемого Аттвудом. Если бы даже это средство было действительно,—можно ли думать, что реформа парламента поведет к принятию его? Россель сослался на заявления самых влиятельных вождей чартизма—Фергуса О'Коннора, Ловетта, Коллинза, Фроста и др., против бумажных денег. В одном чартистском манифесте заявлялось, между прочим, рабочим: „между различными мерами, при помощи которых вас поработают, нет ни одной более притеснительной, чем бумажные деньги“. Поэтому Аттвуд с своей верой в бумажные деньги не имеет никакого основания рекомендовать всеобщее избирательное право.

Самую интересную и умную речь во время этих дебатов произнес Дизраэли. Он указывал, что чартистское движение отнюдь не было вызвано стремлением рабочих к политическим правам. „Политические права имеют такой абстрактный характер, их последствия так отдаленно отражаются на народной массе, что, по его мнению, они никогда не могут повести к возникновению великого народного движения“. Вместе с тем, Дизраэли не считает возможным приписать чартизм и чисто экономическим причинам. „Есть нечто стоящее между экономическими и политическими причинами,—заявил он,—что и могло вызвать это великое движение... Истинная причина последнего есть убеждение части населения, что ее социальные права нарушены. За последние годы несомненно наблюдалось нарушение социальных прав английского народа. Он не из числа тех, кто думает, что народная партия возникла из нового закона о бедных. Но в то же время он полагает, что между тем и другим существует тесная связь... Старая конституция представляла небольшой части нации политические права. Но политические права были доверены небольшому классу лиц лишь на известных условиях—чтобы они охраняли гражданские права огромного большинства.

Это не только было делом их чести; общественное устройство было таково, что на лица, пользующиеся политическими правами, ложились определенные обязанности, которые они должны были выполнить. Теперь значительная часть политической власти передана новому классу лиц, на который не ложатся эти великие общественные обязанности. Только великие обязанности могли создать великое социальное влияние, но новый класс, получивший политические права, не был связан с народной массой исполнением социальных обязанностей... К чему это повело? Те, кто приобрели политическое могущество, не осуществив его необходимых условий и обязанностей, естественно постарались, по возможности, избавить себя от всяких расходов и забот. Достигши такого положения, ради которого другие готовы были нести расходы и не бояться забот, они постарались пользоваться выгодами положения без всякого ущерба для своего кошелька и без всякого расходования своего времени. Первое вызвало стремление к сокращению государственных расходов, второе—к постоянному вмешательству правительства. Но он (Дизраэли) утверждает, что нельзя иметь дешевое и централизованное правительство и сохранить в то же время гражданские права английского народа. Он думает, что в этом и заключается истинная причина чартизма... Значительная часть населения признала, что ее гражданские права нарушены. Новый закон о бедных был нарушением этих гражданских прав. Нельзя отрицать, что новый закон о бедных основывался на принципе, который отрицал все социальные обязанности государства. Закон этот предписывал нуждающимся обращаться за помощью не к своим ближайшим соседям, но к отдаленной правительственной власти. Закон этот говорил несчастному рабочему, что он не имеет законного права на пособие, что пособие, которое он получает, есть дело благотворительности. И он (Дизраэли) думает, что недовольство, вызванное этими переменами, было силой инерции, которой воспользовалась партия восстания. Таким образом и возникло чартистское движение... Он признает, что национальная петиция исходит из великого заблуждения, будто социальные несчастья могут быть излечены политическими правами; но это заблуждение разделяют не одни бедные чартисты¹⁾.

Дизраэли обнаружил гораздо более понимания причин чартизма, чем кто-либо другой из государственных людей того времени. Очень тонко и верно его замечание относительно равнодушия народной массы к политическим правам и важности гражданских прав. Именно в этом различии политических и гражданских прав лежит ключ к пониманию всей новейшей политической истории Англии. Английский рабочий всегда обнаруживал непонятный, на первый взгляд, индифферентизм к своим политическим правам. Только в эпоху чартизма политические права были выставлены как знамя народного движения. Но Дизраэли был глубоко прав, говоря, что это только внешность, что не в политическом недовольстве народа сила чартизма.

Нигде в мире рабочий класс не обнаруживал столько мужества и настойчивости в защите своих интересов, как в Англии. Нигде в мире рабочие не выработали такой могущественной и прочной классовой организации, как в Англии. И нигде рабочие не пользовались таким влиянием, как в Англии. И однако английский рабочий только очень

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates. 1839. Vol. 49.

недавно получил политические права—даже и теперь не получил их полностью, так как всеобщего избирательного права Англия все еще не знает. Почему же английский рабочий, в противоположность своим континентальным собратьям, не направил свою энергию на завоевание политических прав? Конечно, если бы на политическую борьбу английский рабочий затратил хотя бы небольшую долю той энергии и настойчивости, с которой он постоянно ведет экономическую борьбу, всеобщее избирательное право в Англии было бы уже давно совершившимся фактом.

Объяснение лежит в следующем: у английского рабочего нет тех побудительных мотивов, которые толкают континентального рабочего на политическую борьбу. Континентальный рабочий совершал революции для того, чтобы расширить свою гражданскую свободу. В Англии гражданская свобода в своих главных основаниях давно достигнута, и никакое расширение избирательных прав не могло прибавить что-либо существенное к этой свободе. Поэтому политические реформы не могли затрагивать массу английского населения за живое: при аристократическом парламенте англичанин чувствовал себя таким же свободным человеком, как и при демократическом.

Чартизм был грандиозной попыткой связать требование политических прав для народа с реальными народными нуждами. Однако, так как эти нужды были экономического характера, а никаких серьезных законодательных мер для удовлетворения этих нужд общественная мысль того времени выставить не могла, то попытка эта должна была кончиться неудачей¹⁾. Пока безработица была в полной силе, народная масса держалась за „хартию“, как за самое грозное знамя недовольства и протеста. Но достаточно было наступить оживлению торговли, чтобы чартизм рассеялся, как дым.

Беспомощное положение Аттвуда в парламенте ярко характеризует внутреннее противоречие, от которого страдал чартизм,—противоречие политической программы движения и его социальных корней. Предложение Аттвуда о рассмотрении чартистской петиции в комитете парламента было отклонено большинством 235 голосов против 46.

4 ноября 1839 г. последовала самая серьезная попытка открытого восстания со стороны чартистов. Рано утром несколько тысяч горцев в Уэльсе вступили в город Ньюпорт с целью захватить открытой силой городскую тюрьму и освободить заключенных в ней чартистских вождей. Многие были вооружены ружьями, пиками, вилами. Собравшаяся толпа, во главе которой был бывший судья Фрост, имела, повидимому, в виду овладеть городом и этим дать сигнал к общему восстанию, которое должно было произойти одновременно и в Йоркшире. Толпа

¹⁾ Отмена нового закона о бедных была единственной законодательной мерой, которая действительно могла быть осуществлена лишь после радикального преобразования парламента, так как обе партии, и тори и виги, крепко держались за новый закон. Но, во-первых, ожесточенная оппозиция этому закону в промышленных округах в значительной мере достигла цели: закон применялся в промышленных округах так осторожно, что разница с прежним положением вещей, до 1834 г., была невелика. Во-вторых, закон этот все же касался лишь части рабочего класса. Большинство рабочих в промышленных графствах и при старом законе не пользовалось пособиями от прихода, считая это для себя позором. В особенности это следует сказать о рабочей аристократии—представителях искусного труда. Поэтому, как ни важен был закон, но все же он не был достаточным поводом для разрушения всего английского государственного строя и перестройки парламента на демократических началах.

напала на отряд войск, который стоял в городе. Последовала перестрелка, во время которой 10 чартистов было убито на месте и около 50 ранено. Остальные, после тщетных попыток сопротивления, бежали.

О настроении, которое вызвало эту отчаянную и безнадежную попытку, можно судить по следующему письму одного из убитых чартистов, юноши 18 лет. Вот что писал этот неизвестный рабочий.

„Понтипуль, воскресенье, ночью, ноября 4, 1839.

Дорогие родители, надеюсь, что вы в добром здравьи, как и я в настоящее время. Эту ночь я иду на славную битву за свободу, и если господа будет угодно сохранить мою жизнь, я вас скоро увижу. Но если нет, не жалейте меня,—я погибну за благородное дело. До свиданья. Весь ваш Джордж Шелль (Shell)¹⁾.

Организаторы ньюпортской инсurreкции — Фрост, Вилльямс и Джонс были приговорены к повешению, но правительство заменило этот приговор пожизненной ссылкой на каторжные работы. В 1840 г. почти все вожди чартистов сидели в тюрьме, и движение затихло.

Правительство торжествовало полную победу; многие думали, что чартизм умер. Но более глубокие наблюдатели народной жизни понимали, что чартизм еще не сошел со сцены.

„Мы знаем,—писал Карлейль,—что чартизм, как уверяют газеты, угас; что правительство реформы „уничтожило химеру чартизма самым благополучным и действительным образом“. Так говорят газеты, но, увы, большинство газетных читателей знают, что только „химера“ чартизма, но не его действительность, уничтожена. Бессвязное и неуклюжее воплощение чартизма, в котором он появился перед глазами мира за последнее время,—вот что было уничтожено, или, вернее, развалилось само собою, от собственной тяжести, следуя законам природы. Но жизненная суть чартизма не погибла. Чартизм означает горькое недовольство, ставшее яростным и безумным, ненормальное положение или ненормальное настроение рабочих классов Англии. Это новое название для положения вещей, которое имело много названий и еще будет иметь много. Сущность чартизма глубоко заложена и широко распространена; началась она не вчера и кончится отнюдь не сегодня или завтра²⁾.

Безработица и нужда возрастали вплоть до конца 1842 г. Об обнищании рабочего класса за это время можно судить по тому, что в 1841 г. Бирмингемский благотворительный комитет помощи безработным оказывал пособие более 40.000 человек,—но пособие в самых ничтожных размерах—по 1½ пенса на душу в неделю. Семейные рабочие в Бирмингеме зарабатывали благодаря падению цен и сокращению времени работы 6—11 шиллингов в неделю³⁾.

Во многих городах для безработных собирались деньги по подписке и устраивались комитеты помощи.

Положение рабочих в Стокпорте в сентябре 1841 г. рисуется одним корреспондентом Northern Star в таких красках: „Город представляет собой одну картину бедности, нищеты и отчаяния. Сотни рабочих ходят по улицам, не имея пищи и не зная, где получить ее

¹⁾ Gammage, 163.

²⁾ Chartism Стр. 2.

³⁾ Hansards Parliamentary Debates, 1841, vol. 58, стр. 1519, 1546.

Тысячи семейств заложили все свое имущество и продали все свои принадлежности одежды, чтобы купить хлеба, а другие все распродали и уехали в Америку. Никто не запомнит такой голодовки и нищеты. Одна большая фабрика, имевшая до тысячи рабочих, совершенно закрылась, и нет надежды, чтобы она возобновила работу. Ткачи на другой фабрике забастовали в субботу, но безработные так стремятся найти занятия, что уже ко вторнику фабрика работала с полным комплектом новых рабочих¹⁾. Общее число безработных достигло 5—7 тысяч.

В Лидсе, осенью 1841 г., был образован комитет для определения числа безработных. Комитет предпринял при посредстве особых счетчиков перепись безработных. Оказалось, что хотя не все население Лидса было подвергнуто переписи, безработных вместе с их семьями было зарегистрировано 16.156 чел. В своем отчете комитет сообщает, между прочим, что „счетчики во многих случаях были принуждены заполнять свои таблицы, положивши их на колени, в виду полного отсутствия в квартире какой бы то ни было мебели, на которую можно было бы положить таблицы; и в очень, очень многих случаях нужда была так велика, что помещение состояло только из четырех сырых стен“²⁾.

В небольшом городе Мансфильде (Mansfield) нужда была особенно сильна среди чулочных ткачей. Число безработных росло в течение всей осени и к концу ноября достигло таких размеров, что около тысячи ткачей (включая их семьи) очутились без всяких средств к существованию.

Безработные устраивали процессии по улицам города и посылали депутации к богатым жителям города, не прося, а требуя помощи. Корреспондент, сообщающий эти факты, замечает: „чартизм распространяется с той же быстротой, как и нужда, банкротство и разорение“.

Из Блэкбурна в местной газете *Blackburn Gazette* (не чартистской) сообщалось: „Положение бедных в этом городе и окрестностях в настоящее время поистине прискорбно. Даже когда работы довольно, положение ручных ткачей таково, что может вызвать сострадание; но в настоящее время, когда заработная плата необыкновенно низка, а работу найти очень трудно или даже невозможно, и погода к тому же очень сурова, страдания их достигли крайнего предела. Богатые жители города были вынуждены устроить комитет помощи“ (*Northern Star*, № 212).

В Шотландии железодельная промышленность была в полном застое. Хозяева решили потушить четверть доменных печей. По словам *Glasgow Chronicle*, не менее половины рабочих на ситцепечатных фабриках Шотландии было без работы. „Что касается до ткачей, — замечает газета, — то они уже так давно находятся в состоянии нищеты, и нам уже приходилось так часто указывать на это, что на этом пункте останавливаться мы не будем. Нужда теперь принимает всеобщий характер“ (*Northern Star*, № 212).

В Ноттингеме безработные устраивали митинги и процессии по улицам. Число безработных превышало 5 тыс. человек. В Шеффилде также четверть доменных печей была потушена. По словам *Weekly Dis-*

¹⁾ *Northern Star*. 1841, № 201.

²⁾ Там же, № 206.

patch, „на протяжении 20 миль вокруг Манчестера царили нужда и голод“. В Манчестере под председательством мэра возник комитет помощи безработным. Подобные же комитеты были организованы в Лондоне, Дэрби, Ноттингеме, Лейчестере, Пэзли и во многих городах Англии и Шотландии.

В Спитальфильде более трети ткацких станков стояло без работы. В Престоне было до 2 тысяч безработных. В Вигане комитет безработных переписал 795 рабочих семейств; оказалось, что приблизительно $\frac{1}{3}$ имеет полную работу, $\frac{1}{3}$ неполную и $\frac{1}{3}$ совсем лишена работы. Об условиях жизни безработных или работавших неполное время дают понятия следующие цифры: из числа таковых 1.104 лиц спало по 3 в кровати, 712 по четыре, 200 по пять, 156 по шесть, 66 по семь и по восемь в одной кровати. „Но очень многие из этих бедняков не имели совсем ни кроватей, ни простынь и спали прямо на голом полу. $\frac{10}{20}$ так называемых кроватей вряд ли имели и право на такое название; они состояли в огромном большинстве из куч старой соломы, сена и т. п. в грубом холщевом мешке... без всяких простынь или одеял какого бы то ни было рода... Одни продали, другие заложили даже свое постельное белье, чтобы купить пищу для себя и для своих голодающих детей. В некоторых домах, — сообщают авторы отчетов, — дети во время нашего посещения горько плакали, и когда мы спрашивали, почему дети плачут, то нам отвечали: от голода — они не ели сегодня ни кусочка хлеба“ (*Northern Star*, № 215).

В Ли из 7.000 шелковых ткацких станков не работало около 3 тысяч. Из хлопчатобумажных ткачей работала только половина. В Гайде 4.000 рабочих на хлопчатобумажных фабриках имели полное или частичное занятие, а 1.700 совсем были без занятий (*Northern Star*, № 215).

Безработица начала 40-х годов сопровождалась чрезвычайным понижением заработной платы.

Так, в Гайде заработная плата на хлопчатобумажных фабриках за 1839—41 г. г. понизилась на 12%, в Моссли плата в начале 40-х годов сравнительно с началом 30-х стояла для хлопчатобумажных фабричных рабочих на 25%, для шерстяных даже на 45% ниже. В Ли плата ручных хлопчатобумажных ткачей упала с 1836 г. на 20—25%, в Вигане ручные хлопчатобумажные ткачи получали в 1835 г. — 7 ш., а в 1841 г. — 5 ш. в неделю. Плата мюльщиков и механических ткачей упала на 20%. Плата прядильщиков (хлопчатобумажных) в Престоне упала на 10%, ткачей — на 25%. В Глоссопе за 1836—41 г. г. плата понизилась — прядильщиков на 25%, ткачей — на 14% (механических) (*Northern Star*, № 215).

Приведенные данные заимствованы не из показаний рабочих. Они извлечены из отчетов, прочитанных на огромном митинге в Манчестере, устроенном в конце декабря 1841 г. „Лигой против хлебных законов“. В этом митинге принимали участие все важнейшие фабриканты Манчестера и парламентские представители различных округов хлопчатобумажного района.

20 сентября представитель от Рочдэля Кроуфорд заявил в палате, что в Рочдэле „нищета достигает таких размеров, которые могут всякого привести в ужас“. По его словам, в этом городе было 136 лиц, живущих на 6 пенсов (30 к.) в неделю, 290 — живущих на 10 пенс., 508 — на 1 шил., 855 — на 1 ш. 6 п., и 1500 — на 1 ш. 10 пенс.

Нужда была так велика и так очевидна, что вопрос о помощи нуждающимся неоднократно возникал в парламенте, хотя без всякого

практического результата. Еще 24 сентября, т.-е. когда положение не успело обостриться, в парламент была представлена депутатом Стюартом петиция жителей Нэзли, в которой заявлялось, что в этом небольшом городе 605 семей рабочих лишилось занятий благодаря банкротству и закрытию нескольких хлопчатобумажных фабрик. В другом городе, Джонстоне, из 16 фабрик в городе только 4 продолжали работу. На машиностроительных заводах работала только $\frac{1}{4}$ прежнего числа рабочих. Приблизительно в такой же пропорции уменьшилось число рабочих и в каменноугольных шахтах. Петиция начиналась словами: „Так как зима приближается, петиционеры полагают, что они не исполнят своего общественного долга, если не обратят внимания парламента на это положение дел для того, чтобы парламент сообразовал самым серьезным образом принять в соображение нужду в этом и других промышленных округах королевства. Потому не благоугодно ли палате принять в серьезное соображение настоящее угнетенное положение страны и принять быстрые меры помощи, которые палата сочтет нужными“.

Во время последовавших дебатов некоторые члены заявили, что в других местностях нужда еще больше. Так, в Манчестере около 8 тысяч лиц должно было жить на нищенское содержание — 15 пенсов на душу в неделю.

1842 год оказался для рабочих еще тяжелее предыдущего. Известия о крайнем обнищании рабочего класса приходили из всех мануфактурных центров. Иногда даже отмечались случаи смерти от голода. В Карлейле комитет помощи безработным в начале января представил отчет, согласно которому в городе было 309 семей, состоявших из 1.146 лиц, не имевших никакого определенного дохода, 334 семьи (1.465 лиц), получавших менее 1 шиллинга на семью в неделю; 411 семей (1.623 чел.), получавших менее одного шиллинга на душу в неделю; 157 семей (692 чел.), получавших менее 2 шилл., и 140 (635 чел.), получавших менее 3 шилл. на душу в неделю¹⁾.

В хлопчатобумажных округах безработица была особенно велика. В Стокпорте возник комитет помощи безработным под председательством мэра. По сообщению комитета, около $\frac{1}{3}$ паровых машин в городе и окрестностях в январе 1842 г. стояло без работы. Общее число безработных достигало 9 тыс. человек (без семей). „Последствием этой безработицы явились страдания всех классов населения, связанных с промышленностью, и беспримерная нужда и лишения рабочих классов, достигшие теперь таких размеров, о которых нельзя составить себе представления по голым статистическим цифрам... Честные люди, готовые работать, принуждены со всеми своими семьями делаться уличными нищими или же жить, со дня на день, помощью соседей... Многие, буквально, умирают голодной смертью“. Из 8.218 лиц, способных к труду, зарегистрированных комитетом, только 1.204 имели полное занятие, 2.866 имели частичное занятие, а 4.148 было без занятий. Средний еженедельный заработок на душу 15.823 лиц (обоого пола и всех возрастов) равнялся только 1 ш. $4\frac{3}{4}$ пенса на душу в неделю. Заработок имевших полное занятие достигал только 7 ш. $6\frac{1}{2}$ п. в неделю, а имевших частичное занятие — 4 ш. $7\frac{1}{2}$ пенсов²⁾.

¹⁾ Northern Star, 1842, № 217.

²⁾ Там же.

В январе 1842 г. в Пэзли 17.500 душ получали пособие от благотворительного комитета¹⁾. В Больтоне также был учрежден подобный комитет, который выдавал пособия в январе 6.167 лицам, еженедельный заработок которых был $11\frac{3}{4}$ пенса; 828 лиц, просивших о помощи, не получило пособия, потому что их еженедельный доход достигал 1 ш. $9\frac{1}{4}$ пенса на душу. Из 50 фабрик только 20 работало полное время. Комитет осмотрел помещения 1.003 семейств (5.035 чел.); из них 950 имело кровати. Всех кроватей у этих счастливых было 1.553 — т. е. менее, чем по две кровати на семью. Большинство кроватей не имело матрацев, их заменяли связки соломы; эти 5.035 человек имели только 2.876 скамеек, 1.380 столов, 642 стула, 425 человек спало на полу. По словам д-ра Боуринга, сообщавшего эти факты парламенту, „на многих улицах Больтона не было ни одного жителя (дома пустовали), и сотни семейств спали прямо на земле, тысячи не имели достаточно хлеба для существования“. В Манчестере было 5.492 пустующих домов, 681 незакрытых лавок и 116 фабрик, прекративших работу²⁾.

Все это повело к восстановлению чартизма. По словам Гаммэджа, „центральная организация чартистов — национальная ассоциация хартии (National Charter Association) — никогда не была в таком цветущем состоянии, как в 1842 г.³⁾. Новая петиция чартистов, представленная в палату общин 2 мая 1842 г., собрала 3.315.752 подписи. Правда, далеко не все подписи принадлежали взрослым мужчинам, много было женских подписей. По словам Дэнкомба, представившего петицию в парламент, под ней подписалось более миллиона семейств. Так как под первой петицией подписывались почти исключительно взрослые мужчины, то вторая петиция, вероятно, выражала собой требование такой же части населения, как и первая.

Палата отвергла 287 голосами против 49 предложение Дэнкомба допустить подателей петиции объяснить устно свои жалобы парламенту.

Вторая петиция чартистов дышит уже совершенно иным духом, чем первая. Радикальное течение взяло верх; боязни раздражить имущие классы нет и следа. Петиция указывает на беспримерную нужду населения... „Тысячи народа умирают от нужды... Податели петиции, зная, что бедность вызывает преступления, смотрят с изумлением и тревогой на то, как плохо поставлена помощь бедным, престарелым и больным; с чувством негодования они видят, что парламент желает сохранить в действии новый закон о бедных, несмотря на многочисленные свидетельства относительно неконституционности этого закона, его нехристианского характера и губительного и убийственного влияния на заработную плату и на жизнь поданных этой страны“. Петиция указывает на гнет налогов и на несправедливость огромного содержания, получаемого членами королевской фамилии и церковными сановниками, в то время как множество рабочих должны довольствоваться несколькими пенсами на душу в день. Частое запрещение публичных митингов признается неконституционным, так же как и усиление полицейского контингента. „Бастилии для бедных, так же как и полицейские посты, возникли из одной причины — стремления безответственного меньшинства притеснить и довести до голодания большинство“.

¹⁾ Hansard's Parl. Debates, 1842. Vol. 60, стр. 178.

²⁾ Там же. Стр. 701.

³⁾ Gammage, 213.

Содержание огромной армии ложится тяжелым гнетом на народ, против которого направлена эта армия. „Податели петиции сожалеют, что рабочие часы, особенно на фабриках, продолжительны свыше меры человеческой выносливости, и заработная плата за труд, совершаемый в нездоровой обстановке фабрики, недостаточна для поддержания здоровья и доставления того удобства рабочего, которое так необходимо после усиленного расходования физической энергии. Податели петиции обращают внимание парламента на нищенскую заработную плату земледельческого рабочего и испытывают чувство негодования и ужаса при виде ничтожного заработка тех, труд которых изготавляет пищу для всего населения. Податели петиции глубоко сожалеют о существовании монополий всякого рода в этой стране, и, категорически осуждая налоги на предметы необходимости, потребляемые, главным образом, рабочим классом, они думают в то же время, что уничтожение одной монополии не подымет труд из его нищенского положения, пока народ не приобретет власть, при которой все монополии и формы притеснения должны исчезнуть; податели петиции указывают на существующие монополии избирательного права, бумажных денег, владения машинами, земель, монополии прессы, религиозных привилегий, средств сообщения и множество других, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить; все эти монополии создаются классовым законодательством“.

Затем, петиция указывает на желательность уничтожения государственной церкви и расторжения законодательной унии Ирландии с Великобританией. Условием же осуществления всех этих мер петиция, естественно, признает преобразование парламента согласно 6 пунктам народной хартии¹⁾.

Петиция эта вызвала раскол среди чартистов, а именно, большинство шотландских чартистов отказалось подписаться под ней. Возражения шотландских чартистов касались трех пунктов: расторжения законодательной унии с Шотландией, нового закона о бедных и умолчания об обмене хлебных пошлин. Общественное мнение в Шотландии не одобряло английской агитации против нового закона о бедных (касавшегося только Англии) и даже стояло на стороне этого закона, как средства сокращения легализованного нищенства.

Нельзя не признать огромной ошибкой чартистов их отношение к хлебным законам. Они боролись с движением в пользу отмены этих законов, хотя уничтожение пошлин на хлеб было непосредственно выгодно для промышленных рабочих. Правда, руководители лиги против хлебных законов имели в виду интересы фабрикантов, но в данном случае интересы и фабрикантов и рабочих были вполне солидарны. Вражда к фабрикантам ослепляла чартистских вождей.

Вообще общее настроение чартистов в 1842 г. значительно изменилось в сторону большего приближения к социализму. Противоположение голодающей рабочей массы богатым фабрикантам является обычной темой речей чартистских ораторов. Горячая ненависть к фабричной системе, указание на губительное влияние машин, на ошибочность торговой политики, стремящейся расширить внешнюю торговлю, вместо того, чтобы укреплять и развивать внутренний рынок,— всем этим полны столбцы главного органа чартистов—Northern Star.

¹⁾ The Northern Star, 1841, № 205.

Для характеристики настроения чартистов можно привести речь О'Коннора на одном митинге в июле 1842 г.

„Мы не хотим разрушать собственности,—заявил О'Коннор,—и кого-нибудь лишать жизни, но получить для себя и для своих семей должную часть того, что щедрое провидение создало для блага всех. Пусть каждый взглянет на богатство и бедность, которые нас окружают,—и разве он не найдет, что на этом окруженном океаном острове никогда не было столько денег и столько нужды, столько богатства и столько нищеты? Если спросить, кому принадлежит это огромное богатство,—ответ будет: владельцам избирательного права, коммерческим и промышленным классам. Но ясно, что никто своим личным трудом не может приобретать миллионов; он может получить эти миллионы лишь от труда других... Есть вопрос огромной важности, на который следует обратить внимание: это—распространение машин, которое и вызвало, в значительной мере, нужду, от которой теперь страдает страна... Он (О'Коннор) вспоминает один случай, происшедший на митинге в Манчестере, на котором присутствовал м-р Кобден. Один ручной ткач, по имени Беттерворт, осуждал введение механических ткацких станков, которые лишили занятия многих из его братьев. „Как,—сказал Кобден,—вы хотели бы уничтожить машины?“—Нет,—отвечал Беттерворт:—вы можете есть машинами, пить машинами, ложиться спать при помощи машин, одеваться машинами, лишь бы ваши машины не снимали с меня сюртука“¹⁾.

Northern Star вела в 1842 г. в целом ряде статей борьбу против „extension of commerce party“—партии расширения торговли—и доказывала, что внешняя торговля далеко не имеет такого значения, которое ей приписывают, и что внутренний рынок важнее внешнего, что именно развитие внешней торговли и вызвало нищету.

Крайняя нужда повела к массовой стачке и крупным волнениям в Ланкашире в августе 1842 г. В начале августа несколько фабрикантов Ланкашира понизило плату рабочим. Это вызвало прекращение работы на целом ряде фабрик. Рабочие заявили, что они не начнут работы, пока „народная хартия“ не станет законом страны. Фабриканты не только не противодействовали распространению стачки, но, напротив, поощряли ее. По распространенному мнению, стачка была вызвана лигой против хлебных законов, желавшей таким образом воздействовать на правительство и побудить его к отмене хлебных пошлин. Как бы то ни было, но движение с поразительной быстротой распространилось по Ланкаширу. 9 августа тысячи рабочих направились из окрестных городков к Манчестеру, рассеялись по городу и силой принудили все фабрики города прекратить работу. От лавочников толпа требовала денег и хлеба,—и испуганные лавочники были принуждены подавать эту невольную милостыню. В течение 3 дней в Манчестере все промышленные и торговые заведения были закрыты.

Чартисты были захвачены этим движением совершенно врасплох. Не подлежит ни малейшему сомнению, что оно было вызвано не ими. Но, в виду быстрого распространения стачки, чартистские делегаты решили воспользоваться ею и поддержать стачечников.

Между тем, стачка распространилась по всем окрестным городам. Толпы рабочих насильно останавливали работу, разбивали окна фабрик,

¹⁾ Northern Star, 1842, № 245.

в некоторых случаях даже наносили удары управляющим и фабрикантам и требовали от лавочников денег или хлеба. Вскоре последовали столкновения с войсками. В Стэльбридже солдаты стреляли, некоторых убили и многих ранили. В других городах войскам удавалось разгонять толпу без помощи оружия.

В то же время в Стаффордшире тысячи рабочих на каменно-угольных копях прекратили работы также вследствие понижения заработной платы. И в Стаффордшире стачечники не долго сохраняли порядок. Один частный дом был разграблен и сожжен. Богатые классы были в крайнем ужасе. Огромные толпы народа ходили по улицам; вся окрестная страна находилась в чрезвычайном возбуждении" (Gamsage, 227).

Тем не менее, стачка далеко не была всеобщей, как этого хотели чартисты, и ограничилась Ланкаширом, Йоркширом и Стаффордширом. Она быстро закончилась без всякого успеха. Затем последовали аресты чартистских вождей, хотя на них менее всего падала ответственность за эти волнения. Northern Star с самого начала приписывала стачку лиге против хлебных законов и доказывала безрассудность стачки. Вероятнее всего, что стачка была чисто стихийным движением, вызванным отчаянным положением рабочих—движением совершенно безрассудным и даже бессмысленным. Вряд ли можно допустить, чтобы лига против хлебных законов и фабриканты могли сознательно подготовить такое движение, которое грозило опасностью, прежде всего, им самим.

После этой стачки чартистское движение на время затихло. С осени 1842 г. положение промышленности начинает улучшаться. Острый период безработицы закончился, и чартизм с поразительной быстротой сошел со сцены.

Период промышленного оживления 1843—1846 г.г. был временем полного упадка чартизма. Чартистские вожди продолжали свою борьбу с агитацией „лиги“, но без всякого успеха. О'Коннор на одном митинге 1844 г. вступил в личное состязание с Кобденом и Брайтом и, как признает историк чартизма и один из его вождей, Гаммэдж, потерпел полное поражение. Действительно, трудно было возражать против того, что в промышленной стране, как Англия, удешевление хлеба должно было не только оживить промышленность, но и улучшить положение рабочего. Против убедительного доказательства, что рабочему лучше платить дешево, чем дорого за хлеб, были бессильны все, нередко весьма красноречивые, воззвания О'Коннора к завоеванию, прежде всего, политической свободы. Без сомнения, ни О'Коннору, ни кому другому из чартистских вождей не удалось доказать, что отмена хлебных пошлин, до осуществления принципов хартии, невыгодна для рабочего класса.

Полная приостановка чартистского движения среди народных масс дала свободу для вождей чартизма обдумать и выработать планы социальной реформы. И, действительно, мы видим, что оба наиболее выдающиеся вождя—О'Коннор и О'Бриен—выдумали каждый свою собственную утопию.

Утопия О'Бриена не была рассчитана на осуществление в ближайшем будущем и практического значения не имела. Поэтому на ней я останавливаться не буду. Главным содержанием ее было требование национализации земли,—и это нельзя не признать весьма характерным.

Чартизм, как социальное движение, имел чисто отрицательное значение и выражал собой вполне понятную в период промышленной революции и вытеснения мелкого производства крупным вражду рабочего класса к фабричной системе. Стремление вернуться к земле весьма рельефно подчеркивает утопические и романтические элементы чартизма.

Такой же романтически-утопический характер, хотя в другом роде, имел и „аграрный план“ О'Коннора. Этот план быстро приобрел широкую популярность и был принят на конференции чартистских делегатов в Бирмингеме в 1843 г.; под знаменем этого плана чартизм вел борьбу вплоть до своего окончательного крушения. „Аграрный план“ О'Коннора заслуживает поэтому внимательного рассмотрения, как выражение экономического desiderata самого могучего народного движения, какое только знала Англия в новейшее время.

Общие взгляды О'Коннора относительно аграрного вопроса изложены им в обширной статье издававшегося им журнала The Labourer—A Treatise on the Small Proprietary System (Labourer, 1847, 1.) О'Коннор заявляет, что он решительный противник коммунизма, но друг кооперации. Он враг мелких ферм, сдаваемых в аренду, но сторонник мелкой земельной собственности. О'Коннор думает, что мелкая собственность должна чрезвычайно увеличить производительность земли, и ссылается на пример бельгийских крестьян. „Я противник общественных кухонь, общественных булочных и общественных прачешен,—говорит он, намекая, очевидно, на Фурье.— Я стою за принцип meum et tuum—мое и твое“ (стр. 157).

План О'Коннора необыкновенно прост: рабочие должны образовывать общество для покупки земли. Но откуда взять деньги для приобретения земли? Осуществление своего знаменитого „аграрного плана“ О'Коннор не считал нужным откладывать, как отмену хлебных пошлин, до победы „народной хартии“. Наделение рабочих землей можно начать немедленно: достаточно собрать 2 тысячи фунтов, и общество открывает свои операции.

Эти две тысячи собираются по подписке: желающий получить участок в 2 акра платит 2 ф. 12 ш. 4 пенса, 3 акра—3 ф. 18 ш. 6 пенсов, и 4 акра—5 ф. 4 ш. 8 пенсов. Жребий решает, кому из акционеров достанутся участки. За эти участки так же, как и за капитал, получаемый одновременно с участками, получившие землю лица платят обществу определенную ренту—5% со всего затраченного общественного капитала. Купленное имение закладывается и на вырученные деньги приобретает новое, на котором отводятся участки по жребию новым лицам, и т. д. ¹⁾

Если вспомнить, что этот план предлагался фабричным рабочим, то можно оценить его практичность. Но чрезвычайно характерно, что столь наивный план имел некоторое время крупный успех. За три года, к началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать с рабочих по грошам крупную сумму в 94.184 ф. ст., причем число подписавших было около 100 тыс. чел. Несколько имений были действительно куплены и разбиты на мелкие участки.

О'Коннор заявлял твердое убеждение, что фабричная промышленность Англии достигла своего высшего предела и обречена на постепенный упадок вследствие невозможности расширения внешнего рынка.

¹⁾ The Labourer, vol. III, стр. 56, и vol. IV, стр. 26.

Нужно поискать средства замены фабрик, как источника заработка. Мелкое крестьянское хозяйство и должно явиться таким источником. С земледелием должна соединяться и обрабатывающая промышленность— мелкий земледелец должен сам изготавливать для себя не только пищу, но и предметы одежды. „Жилище каждого поселенца, во время длинных зимних вечеров, должно сделаться местом оживленной домашней промышленности. Портной или сапожник не утратят своего искусства от того, что они научились обращаться с лопатой. Они будут работать изделия для продажи в свободное от полевых занятий время¹⁾. „Земледелие,—заявлялось в Northern Star,—должно составлять основание экономического строя и давать занятие большей части населения. Промышленность же должна занимать второстепенное место“.

Популярность „аграрного плана“ О'Коннора вскрывает нам глубочайшие причины чартизма. Чартизм был реакцией английского рабочего класса против промышленной революции и фабричной системы. „Back to the land“—„назад на землю!“—было боевым кличем О'Коннора. И этот клич встретил огромное сочувствие среди рабочего класса, устремившегося за обманчивым призраком воскрешения исчезнувшего в Англии крестьянского хозяйства. Отсюда видно принципиальное различие чартизма от современного рабочего движения. На знамени чартизма стояло „назад“, а не „вперед“; чартизм искал идеала не в будущем, а в прошлом...

Строго говоря, чартизм лишился всякой силы уже в половине сороковых годов. Временное воскрешение чартизма в 1848 г., непосредственно вызванное промышленным кризисом и новой тяжелой безработицей, было только последней вспышкой догоравшего пламени²⁾.

С осени 1847 г. английские фабрики начали прекращать работу: во многих городах Ланкашира последовали стачки вследствие понижения рабочей платы. Стачки сопровождались бурными сценами. Так, в начале октября в Блэкбурне произошло столкновение рабочих с полицией, благодаря тому, что рабочие не позволяли работать тем, кто не желал пристать к стачечникам. Только прибытие войск умирало волнение.

19 октября, по официальным сведениям, на фабриках Манчестера работало³⁾:

полное время	неполное	было без работы
18.516	12.198	10.341

В других городах Ланкашира положение было еще хуже. Так, например, в Вигане из 20 фабрик только одна работала полное время. В Аштоне вследствие общей стачки все фабрики были закрыты. Во многих городах стали повторяться митинги и процессии безработных, как и в 1842 г. Процессии безработных требовали у лавочников хлеба и денег. Повсюду возникали комитеты помощи безработным.

В Глазго положение было особенно тягостным. В начале декабря только 4 бумаготкацкие фабрики работали полное время, 36 неполное и 16 были совершенно закрыты. В Тодмордене „улицы были полны безработными. Их истощенный вид был ужасен. Все фабрики, за исклю-

чением одной, или стояли без работы, или работали неполное время“¹⁾. В Пэзли в половине декабря 3—4 тыс. человек жило на счет частных пособий. В Спитальфильде в конце 1847 г. около $\frac{2}{3}$ ткачей не имело занятий²⁾.

Вскоре последовали волнения безработных, принявшие особенно бурный характер в Глазго. По улицам города ходила огромная толпа безработных с кликами: „хлеба или революция!“ Несколько лавок было разграблено. Особенно пострадали булочные и оружейные лавки. Полиция была бессильна справиться с толпой. Только ружейные выстрелы призванных в город войск прекратили волнение. Подобные же сцены повторились и в других фабричных городах. Февральская революция во Франции подлила масла в огонь. Чартизм опять словно воскрес. О причинах, вызвавших к жизни движение, которое всеми считалось прекратившимся, можно судить по речам чартистских делегатов, собравшихся в свой обычный конвент 4 апреля 1848 г. Большинство докладов членов конвента посвящено описанию нужды и безработицы в крупных промышленных центрах.

Так, напр., делегат Стевенсон заявил от имени северного Ланкашира, что „нельзя проповедывать терпение людям, умирающим с голода. Он хотел бы внушить убеждение правительству, что народ в Ланкашире не согласится покорно умирать тысячами в стране, неисполненной богатствами. Сцены, свидетелем которых ему приходится быть, поистине ужасны. Истощенные, похожие на привидения существа, которые осаждали его дом с просьбами о милостыне, могут тронуть даже каменное сердце“. Делегат Гитчин заявил, что „нигде народ не испытывал таких лишений, какие выпали на долю Вигана... Почти все фабрики стоят... Народ в Вигане думает, что довольно страданий и что необходимо начать работу, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к физической силе; это лучше, чем выносить такое положение“. Об Ольдгэме делегат Кидд сказал, что в этом городе „господствует общее недовольство. Нужда так тяжела и так продолжительна, что народ совершенно обезумел. Они думают, что постоянные голодания хуже смерти“. Делегат Донован „нарисовал грустную картину страданий рабочих классов в Манчестере, около 10.000 из числа которых совершенно не имеют работы. Ради хартии они готовы на что угодно“. По словам Эдмунда Джонса, в Ливерпуле „10.000 не имеют занятия в течение уже 20 недель. Ливерпуль видит с одной стороны банкротство, с другой—революцию“. Другой делегат от Ливерпуля, Смит, подтвердил это и заявил, что „если петиция о хартии не будет уважена, они должны добиться ее хотя бы штыками“. Делегат Астон сказал, „что Нортгэмптон находится в угнетенном состоянии, и что они пришли к заключению, что только народная хартия восстановит нормальное положение вещей... рабочие решили во что бы то ни стало добиться хартии“. Делегат Тоттерсал заявил, что „положение народа в Бэри самое ужасное—заработок так ничтожен, что едва можно не умереть с голода, и это делает людей способными на все. Хартия объединяет всех, и он может смело утверждать, что никогда раньше она не вызвала такого энтузиазма, как теперь“. По словам делегата Джона Веста, „рабочие должны теперь жить на половинный заработок или

¹⁾ The Labourer, 1848, vol. IV, стр. 140.

²⁾ По словам Сиднея Вебба, „в течение всего периода 1837—1848 г.г. чартистское движение усиливалось и ослабевало в почти полном соответствии с экономической нуждой населения“. Sidney Webb. Labour in the longest Reign. London, 1899. Стр. 9.

³⁾ The Manchester Examiner, 1847, 20 October.

¹⁾ The Northern Star, 1747, № 528.

²⁾ Там же, 1847, № 533.

скорее голодать на этот заработок... Население Стокпорта решило, что больше петиций оно подавать не будет". Ричард Марсден сказал, что "10 лет тому назад положение было плохо; теперь оно в десять раз хуже... Он нарисовал ужасную картину страданий народа в северном Ланкашире... и привел несколько случаев голодной смерти". Делегат Бевингтон заявил: "бедность и нужда достигают устрашающих размеров, и он никогда не видел такого тревожного настроения народной массы — народ решил, что бы ни случилось, добиться своих прав"¹⁾.

В подобном же тоне говорили и другие делегаты конвента. Настроение конвента было таково, что О'Бриен, бывший одним из делегатов, сложил свои полномочия и следующим образом объяснил это своим избирателям: "Увидев, что конвент был образован главным образом из представителей округов, население которых было в самом ужасном положении, — многие буквально голодали, — слыша от одного делегата, что среди населения, которое послало его, многие имели не более пенни в день, что в других местах люди с большими семьями могли заработать не больше 4 или 5 шиллингов в неделю, — я пришел к заключению, что конвент, выбранный при таком положении населения, не может сохранить должного благоразумия и должен повести к столкновению населения с правительством"²⁾.

Но можно заподозрить правильность этих сообщений, так как они исходили от лиц, естественно склонных представлять вещи в самом мрачном свете. Но вот описание нужды, заимствованное из такого консервативного органа, как Times.

Священник одного из приходов Ноттингема заявил в этой газете: "Я думаю, что значительная часть населения города находится в состоянии почти голодания... Один из моих кюратов, который был в Ирландии во время голода последнего года, говорит, что он не видал в Ирландии большей нужды, чем он видит теперь в Ноттингеме... Значительная часть мебели и вещей рабочих заложена или продана, и когда я спросил, отчего многих детей в школе не хватает, то оказалось, что у них нет одежды, чтобы ходить в школу". Другой священник писал в Times: "Я думаю, что в течение последних 18 месяцев даже у половины рабочих не было больше заработка, чем сколько требуется для того, чтобы не голодать в буквальном смысле слова... Без всякого колебания я заявляю, что такое положение вещей предрасполагает рабочих присоединиться ко всякому движению, которое обещает улучшение их положения". Третий священник писал: "Я говорю без колебания, что, поскольку я знаю, нужда среди низших классов населения более всеобща и более тяжела, чем когда-либо раньше... Нет слов, чтобы выразить лишения и нищету в настоящий момент. Множество буквально голодает".

Приводя эти показания, Times замечает в передовой статье: "Во всех наших городах промышленность находится в крайнем застое... Ничего не может быть более прискорбного, нежели отчеты о положении вещей в северных и средних городах. В них наблюдается массовая нужда, превосходящая все местные средства помощи"³⁾.

¹⁾ Все эти показания взяты из отчетов конвента, печатавшихся в Northern Star, 1848, № 546.

²⁾ The Northern Star, № 547.

³⁾ The Times, 1848, 29 April.

По поводу подобных же фактов в другой передовой статье Times содержится тонкое замечание, освещающее всю историю чартизма: "Можно считать аксиомой английской политики, что всякое значительное политическое движение среди народа есть доказательство недостатка занятий. Английский народ, имея полное занятие, оставляет политику до более свободного времени. Рабочие думают о политике только тогда, когда у них нет хорошей платы за умеренный труд"¹⁾.

10 апреля была вручена парламенту О'Коннором третья национальная петиция чартистов. Предполагалось, что представление петиции будет сопровождаться колоссальной процессией чартистов в несколько тысяч человек. Так как дело происходило в революционный 1848 год, то правительство и имущие классы Англии опасались повторения в Лондоне парижских событий. Были приняты крайние меры предосторожности. Тоуэр был забаррикадирован и занят войсками, несколько батарей было доставлено из Вульвича и размещено в разных частях города, войска держались наготове, и более 150 тысяч человек предложили правительству свои услуги в качестве добровольной полицейской стражи для восставления, в случае надобности, порядка.

Во всех этих чрезвычайных мерах надобности не оказалось. В процессии чартистов участвовало несколько десятков тысяч человек, ведших себя вполне мирно и не давших никакого повода к употреблению в дело вооруженной силы. Национальная петиция о 6 пунктах народной хартии была представлена в парламент О'Коннором, заявившим, что под этой петицией имеется 5.700.000 подписей. Огромная цифра подписей невольно внушала уважение даже врагам движения. Но обаяние этой цифры держалось недолго. Петиция была передана в особый комитет, который пересчитал подписи и заявил, что их было под петицией только 1.975.496, причем многие подписи были очевидно фиктивные. Так, под петицией были подписи королевы Виктории, герцога Веллингтона и много других, имевших явно вымышленный характер. Последовала тяжелая сцена в парламенте, во время которой О'Коннора упрекали во лжи, осыпали оскорблениями и, что еще хуже, сделали смешным в глазах всей страны. Среди общего смеха закончилась последняя вспышка чартизма.

После 10 апреля чартизм сходит со сцены. Чартистские митинги продолжались, пока продолжалась безработица; но все понимали, что чартизм лишился политического значения. Движение быстро замирало и теряло сторонников, и наконец угасло среди ссор и борьбы из-за первенства своих вождей.

Сороковые года далеко не прошли бесследно в социальной истории Англии. Важнейшие реформы, определившие новейший социальный строй Англии, были осуществлены именно в это время. Достаточно указать на установление в 1847 г. десятичасового рабочего дня для женщин и несовершеннолетних на фабриках, отмену хлебных пошлин в 1846 г., введение подоходного налога в 1842 г., банковую реформу 1844 г. и многое другое. Но непосредственная цель чартизма — радикальная реформа в крайне-демократическом духе английского государственного строя — до сих пор далеко не достигнута. Даже и теперь Англия не имеет всеобщего избирательного права. Причина неудачи чартизма заключалась в том, что, как указано выше, движение это за-

¹⁾ The Times, 1848, 24 April.

ключало в себе внутреннее противоречие: будучи социальным по своему происхождению и по своей конечной цели, оно не могло создать никакой положительной социально-экономической программы. Попытки создания такой программы („аграрный план“ О'Коннора) имели не только утопический, но и романтически-реакционный характер. А за отсутствием положительной программы социальных реформ, чартизм не мог добиться осуществления и своей политической программы.

Г Л А В А III.

Хлопковый голод.

Влияние хлопкового голода на фабрикантов и рабочих.—Безработица.—Борьба рабочих с обязательным трудом.—Парламентские дебаты.—Позиция Брайта.—Равнодушие фабрикантов к страданиям рабочих.—Защита Кобленом интересов фабрикантов.—Меры принятые правительством и имущими классами для облегчения нужды.—Речь Гладстона.—Волнения рабочих в Стэльбридже и других городах.—Движение в пользу эмиграции.—Упорное сопротивление фабрикантов этому движению.—Общественные работы.—Результаты хлопкового голода.

Хлопковый голод 60-х годов не вызвал, как я уже указывал в первой части этой книги, общего расстройтва английской промышленности. Я отмечал также, что хлопчатобумажные фабриканты и торговцы, на кого, казалось бы, бедствие должно было прежде всего обрушиться, не только от него не пострадали, но даже выиграли. Правда, мелкие фабриканты пострадали от кризиса очень сильно. Большинство их не выдержало кризиса,—и их фабрики уже больше не открывались. Но зато для крупных фабрикантов хлопковый голод явился источником обогащения. В половине 1861 г. в Англии скопились огромные запасы непроданного хлопка и хлопчатобумажных товаров. Прекращение подвоза американского хлопка повело к чрезвычайному повышению цены этих запасов. По некоторым расчетам, английские фабриканты и торговцы хлопком должны были нажать на хлопке (благодаря повышению его цены) более 19 мил. ф. ст., а на бумажных изделиях—более 16 мил. ф. ст., всего более 35 мил. ф. ст. Этот колоссальный барыш ланкаширские капиталисты реализовали в течение двух первых лет хлопкового голода. Арнольд, историк хлопкового голода, отнюдь не настроенный враждебно к фабрикантам, замечает по этому поводу: „36 миллионов барыша! Даже если предположить, что производство последних двух лет (написано в 1864 г.) не давало никакой выгоды,—а предположить это было бы прямо комично,—здесь есть чем утешить промышленников за уменьшение производства, которым было создано это неожиданное благополучие“¹⁾.

Итак, многие ланкаширские капиталисты не только не пострадали от хлопкового голода, но даже чрезвычайно нажились на нем. На кого же обрушился этот голод?—На рабочих. Ланкаширские рабочие в 60-х годах, как и теперь, стояли во главе рабочего класса Англии. Они получали самую высокую плату, были наиболее интеллигентны и лучше всего организованы. Уже в это время они достигли того, что договоры найма, о заработной плате, рабочих часах и пр. устанавливались коллектив-

¹⁾ R. Arnold. The History of the Cotton Famine, London. 1864. Стр. 83. Факт чрезвычайного обогащения ланкаширских капиталистов благодаря хлопковому голоду подтверждается многими. По словам В. Торренса, „так же верно, как любое арифметическое положение, что для обширного класса ланкаширских капиталистов внезапное закрытие американских портов оказалось чрезвычайным выигрышем, удвоив цену огромных запасов товаров в их руках“. W. T. Torrens. Lancashires Lesson. London. 1864.

ным соглашением их с предпринимателем. Многие из них имели сбережения в ссудосберегательных кассах, иные имели собственные коттеджи. Процент пауперов в Ланкашире был значительно ниже, чем в остальной стране. Независимость и гордость ланкаширского рабочего заставляли его гнушаться помощью от государства, и многие из них предпочитали нужду позорной помощи от прихода.

И вот этому-то классу людей и было суждено лишиться на несколько лет всяких средств к существованию. Начиная с осени 1861 г., число безработных в хлопчатобумажных округах возрастает. Первое время единственным источником помощи была администрация помощи бедным. 11 ноября президент администрации помощи бедным Вилльерс обратился с циркуляром к местным попечительствам помощи бедным с указанием на необходимость принять чрезвычайные меры помощи. В конце года стали возникать и частные комитеты помощи.

В январе 1862 г. безработица стала принимать угрожающие размеры, в особенности в небольших ланкаширских городках, население которых жило исключительно работой на хлопчатобумажных фабриках. Почти в каждом из этих городков возникли местные комитеты помощи, оказывавшие пособия деньгами или чеками на местные лавки, откуда рабочие могли получать товары по своему выбору.

К весне 1862 г. сокращение производства достигло таких размеров, что напр., в апреле в Манчестере из 47.504 рабочих, занятых на фабриках города, работало полное время только 23.722; 15.393 работало неполное время, а 8.369 было совсем без занятий. В Блэкбурне и окрестностях из 154 фабрик только 16 работало полное время, а 23 совсем прекратили работу: из 40.000 рабочих 8.459 совсем лишились занятия, а огромное большинство остальных работало от 2 до 4 дней в неделю¹⁾.

Местных средств помощи не хватало. Некоторые лондонские газеты и особенно The Times начали агитацию в пользу национальной организации помощи бедствующим рабочим Ланкашира. Начиная с весны 1862 г., в Times был помещен целый ряд писем, подписанных псевдонимом „A Lancashire lad“ (Ланкаширский парень). Автор этих писем, некий Уайттэкер, в живых и бесискусственных выражениях рисовал нужду в Ланкашире. Письма его производили сильное впечатление на публику, и пожертвования стали быстро прибывать. Под непосредственным влиянием этих писем в конце апреля в Лондоне образовался под председательством лорд-мэра центральный комитет помощи нуждающимся рабочим (The Lancashire and Cheshire Operatives Relief Fund). Вот как описывал Уайттэкер в письме к лорд-мэру нужду в Ланкашире: „Видеть дома людей, которых знаешь и уважаешь, хотя они простые рабочие, лишенными всякого признака обстановки и мебели; видеть любимые книги и картины продаваемыми одна за другой в ближайшую лавку для того, чтобы купить пищу дурного качества и недостаточную для пропитания,—видеть все это очень тяжело. Но это еще не самое тяжелое. Во многих коттеджах уже ничего не осталось для продажи—наши матери и сестры должны обращаться к нищенству; а иногда им приходится стучаться в дверь, за которой скрывается такая же нужда, как и у себя дома. А отцы и братья считают себя счастливыми, если им удастся заработать шиллинг или два в день подметаньем улиц или

¹⁾ The Manchester Guardian, 9 April 1862.

разбиваньем камней... Я не в силах описать того, что вижу, так красноречиво, как бы хотел. То, что я вижу и слышу, не поддается описанию. Это нищета, крайняя нищета, которой должно во что бы то ни стало помочь²⁾.

Комитет под председательством лорд-мэра явился центральным местом сбора пожертвований со всей страны. Через несколько дней образовался подобный же комитет и в Манчестере под председательством мэра (Manchester Central Relief Committee).

Около этого же времени среди рабочих начинается энергичная агитация против образа действий попечительств о бедных. Фабричные рабочие по своим привычкам, образу жизни не имели ничего общего с обычными клиентами рабочих домов, образующими собой подонки английского населения. Привыкнувши работать на машинах, работать не столько мускулами, сколько напряженным вниманием, ланкаширские рабочие оказывались совершенно не в силах исполнять грубые и тяжелые работы (в роде, напр., разбивания тяжелыми молотами камней), которые предписывались им властями. Неудивительно поэтому, что рабочие начали упорную борьбу с администрацией помощи бедным. В конце апреля безработные Манчестера устроили многолюдный митинг, на котором собралось от 2 до 3 тысяч рабочих с целью протеста против labour test—предписываемого попечительствами обязательного труда²⁾. Подобные же митинги устраивались и в других городах Ланкашира. Так, в Стэльбридже (Stalebridge) более 3.000 рабочих, присутствовавших на митинге, единодушно постановили обратиться с петицией к правительству об отмене обязательности труда. Под влиянием этой агитации депутация из парламентских представителей Ланкашира обратилась к Вилльерсу с просьбой об облегчении условий помощи бедным. Вилльерс отвечал уклончиво и ничего определенного не обещал.

В мае вопрос о помощи рабочим Ланкашира был перенесен на парламентскую почву. В заседании 9 мая Эджертон, член от южного Ланкашира, обратил внимание парламента на нужду в Ланкашире. По его словам, число безработных в Ланкашире достигло 58 тыс. и значительно большее число работает неполное время. Недовольство рабочих тяжелыми условиями, которыми обставлена помощь со стороны попечительств, все возрастает. В виду этого он считал нужным запросить президента администрации законов о бедных Вилльерса, не считает ли правительство нужным облегчить условия получения помощи. Член от сев. Ланкашира Поттер утверждал, что число безработных гораздо значительнее и достигает 100 тыс. От приостановки фабричного производства страдают не только рабочие, но и многие другие классы населения. Так, большинству мелких лавочников грозит полное разорение. Вилльерс заявил от имени правительства, что местные попечительства имеют полную возможность облегчить условия помощи, что никаких изменений в практике администрации помощи бедным не требуется, и что правительство вполне одобряет деятельность местных попечительств.

Интересна для характеристики английского буржуазного радикализма позиция, занятая по этому вопросу знаменитым Брайтом. Брайт

¹⁾ Там же, 28 April 1862.

²⁾ Manchester Guardian, 28 April 1862.

прежде всего постарался ослабить впечатление относительно размеров нужды. По его мнению, в пору господства хлебных законов, в начале 40-х годов, нужда в Ланкашире была гораздо сильнее. Брайт энергично защищал местные попечительства, которые пользовались, по его словам, доверием своих избирателей—плательщиков и были наиболее компетентны в распоряжении суммами, собираемыми с местного населения. По мнению Брайта, „правительство поступило бы с истинной мудростью и согласно с требованиями гуманности, если бы вмешивалось возможно менее в распоряжения попечительств по расходованию введенных им сумм“.

Национальная организация помощи рабочим отнюдь не встретила сочувствия со стороны Брайта. „Я противлюсь,—заявил он,—всяким крупным мерам помощи в виде комитета в Лондоне или вмешательства правительства, что только увеличило бы пауперизм в Ланкашире и оказалось бы крайне губительным; но если есть кто-либо в королевстве, желающий помочь нуждающимся, пусть спокойно, без всякого шума, посылает на место нужды деньги, какие может, без образования огромных фондов“.

Гибберт, только-что избранный депутат от Ольдгама, энергично высказался в пользу отмены labour test. Точно так же член от Манчестера Бэзли-признавал, что ослабление обычных суровых требований закона о бедных в данном случае необходимо.

Как и всегда, гори—представители землевладельческих интересов—обнаружили гораздо больше внимания к жалобам рабочих, чем либеральные фабриканты. Через несколько дней (12 мая) этот же вопрос—о мерах помощи нуждающимся рабочим Ланкашира—был поднят в палате лордов, и главное требование рабочих—отмена обязательного труда—нашло горячих защитников среди высокородных членов этой палаты. Граф Шэфтсбэри заявил, что „он не против того, чтобы обязательный труд требовался от тех, кто не имеет занятия вследствие лености и нежелания работать. Но нужно помнить, что рабочие находятся в состоянии крайней нужды не вследствие своей вины. Они желают работать,—и при настоящем состоянии торговли, когда для них не находится занятия и они поэтому принуждены просить помощи, требование обязательного труда крайне жестоко и несправедливо. В особенности это верно относительно лиц, занятых в хлопчатобумажной промышленности, где требуется тонкая работа, которая не может быть выполнена руками, загрубевшими в чернорабочем труде. Заставлять таких людей разбивать камни значит не только подвергать их излишним страданиям, как условию получения помощи, но во многих случаях равносильно лишению их заработка, когда торговля опять оживится. Точно так же заставлять работать под открытым небом, иногда под дождем, человека, привыкшего к высокой температуре фабрики, значит подвергать риску его здоровье“.

От имени правительства отвечал лорд Грэнвилль, указавший, что местные попечительства имеют право, по своему усмотрению, оказывать помощь без требования обязательного труда, и что правительство желает предоставить полную свободу действий местным людям¹⁾.

Под влиянием этих дебатов правительство командировало для обследования деятельности попечительств помощи бедным одного из

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 166.

высших членов администрации бедных, Фарналля, и снабдило его очень широкими полномочиями. Недовольство со стороны рабочих образом действий попечительств было очень велико. В Блэкбурне около 1000 рабочих, занятых в рабочем доме разбиванием камней, решительно отказалось продолжать работу и возобновило ее только тогда, когда власти сделали требуемые уступки¹⁾. Митинги протеста против обязательного труда продолжались во всех важнейших городах Ланкашира. Задача Фарналля заключалась в том, чтобы избегая нарушения закона о бедных, побудить местные попечительства улучшить условия помощи нуждающимся. Эта миссия была исполнена им довольно успешно,—и многие поводы к неудовольствию рабочих были устранены.

В течение лета нужда продолжала усиливаться. В июле из 355 тысяч рабочих на текстильных фабриках в Ланкашире и Чeshire 8 тысяч было совсем без работы, а большинство остальных работало неполное время. Но так как пожертвования быстро притекали со всех концов страны, то голода в буквальном смысле слова не было. Вообще следует заметить, что „хлопковый голод“ отнюдь не походил хотя бы на наши русские голодовки. Масса рабочего населения внезапно лишилась обычного комфорта и спустилась до положения пауперов, но недостатка в пище она все же не испытывала. Этим объясняется тот на первый взгляд поразительный факт, что „хлопковый голод“ очень мало повлиял на смертность населения. Ланкаширские рабочие были люди не такого сорта, чтобы спокойно умирать с голоду. Правительство и общественное мнение страны чрезвычайно опасались какого-либо движения среди рабочих. И, когда обнаружилось, что рабочие держат себя спокойно, правительство направило все усилия к тому, чтобы устранить поводы к нарушению этого спокойствия. Во многих городах Ланкашира попечительства стали выдавать пособия без всякого требования обязательного труда. В льстивых похвалах „мужественному спокойствию“ рабочих, которыми наперерыв осыпали ланкаширских рабочих в буржуазной прессе, в общественных собраниях и в парламенте, чувствовался страх перед рабочими и сознание того, что это спокойствие должно быть куплено ценой облегчения их участи.

Весьма характерно, что менее всего готовности к жертвованиям на пользу рабочих обнаружили фабриканты. Консервативные газеты были полны жалобами на равнодушие „хлопковых королей“ к страданиям тех самых людей, которые создали их богатства. И действительно, ланкаширские фабриканты с поразительным индифферентизмом относились к агитации в пользу помощи нуждающимся рабочим, охватившей всю Англию и даже многие английские колонии. По словам Арнольда, „фабриканты не обнаружили готовности к подпискам в пользу нуждающихся. Половина газет страны... убеждала их обратить внимание на страдание их ближних и указывала им их долг. Но и убеждения и насмешки не производили значительного эффекта. Можно сказать, что недостаток сырья облагодетельствовал капиталистов и вызвал нужду среди рабочих. И, как всегда в подобных случаях, те, кто выиграл от этого положения дел, обнаружили мало симпатии к тем, кто пострадал“. Отсюда Арнольд делает вывод, что „коммерческий дух не благоприятствует великодушию“²⁾. Но дело, разумеется, не

¹⁾ The Manchester Weekly Times, 7 June 1862.

²⁾ Arnold, 263—64.

в коммерческом духе — благородные лорды, чуждые коммерции, при всяком удобном случае обнаруживали совершенно такое же равнодушие к своим фермерам и рабочим, как и фабриканты к своим. И фабриканты, и землевладельцы стояли друг друга.

Как бы то ни было, но факт безучастного отношения ланкаширских фабрикантов к своим рабочим не подлежит сомнению. Торийские газеты пользовались случаем выразить негодование на жестокосердие представителей промышленного и торгового капитала. Так, например, в Times мы читаем следующие, действительно, красноречивые строки: „Хлопок не приходит, работы нет, рабочие умирают с голоду — и если есть кто-либо на свете равнодушный ко всему, не говорящий ни слова и не подающий признака жизни, то это фабрикант... Фабриканты так же бездеятельны, как и их машины, так же холодны, как их котлы, или же находятся в отсутствии, неизвестно где. Во всяком случае, помощи от них нет... Хлопковые лорды исчезли со своим хлопком“¹⁾.

Возрастание нужды побудило правительство отказаться от своей политики отрицания необходимости каких бы то ни было законодательных мероприятий для помощи безработным. 22 июля Вилльерс внес билль, предоставлявший отдельным приходам и округам, пострадавшим от хлопкового голода, право распределять расходы по содержанию бедных, при известных условиях, между всеми приходами, принадлежащими к тому же округу (Union), или же между всеми округами графства. Таким образом, тяжесть расходов по содержанию бедных распределялась более равномерно между отдельными приходами и округами.

Интересно, как отнеслись к этому биллю ланкаширские фабриканты и их друзья в парламенте. Кобден подверг билль самой резкой критике на том основании, что билль несколько не облегчает положения плательщиков налогов в Ланкашире. По мнению Кобдена, фабриканты не могли выносить тяжести все растущих расходов на содержание бедных, так как фабрики их закрыты. Из речи Кобдена вышло, что истинными страдальцами были не кто иные, как фабриканты. „Большая часть хлопчатобумажных фабрик, — заявил он, — принадлежит лицам, имеющим сравнительно мало оборотного капитала. Имена крупных фабрикантов могут быть легко перечислены, но те, кто упорно борется, кто бережливостью и изобретательностью, введением новых машин и увеличением производительности своих фабрик создал могущество и величие этой страны, считаются тысячами... И я повторяю, что вы в своих законодательных мерах должны сделать все возможное, чтобы предотвратить разорение этих людей, потому что возможность восстановления благополучия этой страны зависит от способности их давать занятия рабочим. И какая мера более рассчитана на уничтожение этого класса лиц, как не та, которую предлагает правительство?“

В виду этого Кобден предложил пополнять суммы на содержание бедных путем долгосрочных займов. Это очень облегчило бы фабрикантам лежащее на них бремя помощи безработным. В таком же смысле высказались и другие представители Ланкашира. Некоторые из них даже настаивали на национальной помощи ланкаширским рабочим. Очевидно, страх перед перспективой из собственных средств содержать безработных очень быстро вытеснил в сердцах либеральных сторонников

¹⁾ Цитировано по Arnold'y, 200.

самопомощи и свободной торговли их обычную антипатию к государственной опеке.

Истинный смысл всех этих предложений был вполне верно характеризован лордом Пальмерстоном при третьем чтении билля 30 июля. „В действительности, — заявил он противникам билля, — вы хотите изъять богатых и обрушить всю тяжесть на бедных... В этих графствах (Ланкашире и Чeshire) есть колоссальные капиталисты, и некоторых из них, — я с грустью должен это признать, — в то время, когда население голодало у их ворот и когда можно было ожидать еще худшего бедствия в будущем, продавали и высылали из страны тот самый сырой материал, который должен поддерживать в действии фабрики и давать занятия рабочим. Разве всех этих лиц следует изъять от расходов на содержание бедных? Почему они не должны быть привлечены к облегчению бедствия, которое перед их глазами, когда они имеют все средства для этого? Не только эти фабриканты составили себе огромные состояния, но и все местные землевладельцы очень выиграли от процветания хлопчатобумажной промышленности в графстве, — и вполне справедливо, чтобы все графство, в его целом, было призвано к содержанию своих безработных... Я думаю, что вполне справедливо, чтобы текущие расходы графства покрывались текущими сборами, вместо того, чтобы вводить в законы о бедных новый принцип займа денег на текущие расходы“.

Тем не менее оппозиция ланкаширских фабрикантов была так сильна, что правительство должно было уступить, — и билль прошел только с существенными поправками, а именно — округам было предоставлено право покрывать расходы по содержанию бедных, если эти расходы превзойдут определенную сумму, путем займа. Фабриканты победили.

Палата лордов отнеслась очень несочувственно к уступчивости правительства. Граф Мальмесбери произнес длинную речь против поправок к биллю. „Если рабочие обнаружили столько мужества и терпения под давлением тяжелого бедствия, то и плательщики налогов этих богатых графств должны были бы обнаружить сколько-нибудь сходную твердость духа. Разве достойно этим плательщикам налогов обращаться к парламенту с просьбами о помощи?“ По мнению благородного лорда, лучшее средство выхода из затруднительного положения, в котором находился Ланкашир, было бы привлечение к платежу налогов на бедных не только недвижимой, но и движимой собственности, торгового и денежного капитала. Фабриканты жалуются на чрезмерную тяжесть расходов по содержанию бедных, но во многих земледельческих округах обычные налоги на бедных гораздо тяжелее.

Еще энергичнее была речь лорда Кингсдоуна. „Фабрика за фабрикой устраивалась, — с пафосом заявил он, — и многочисленное население было собрано для создания колоссальных состояний, которые приобрели владельцы этих фабрик. Достойно ли тех, кто собрал это население, кто давал этому населению занятие и получал от него барыши — что в первый же момент, когда от них потребовались некоторые жертвы для помощи рабочим, они простирают руки с мольбой о помощи и хотят сбросить на будущие поколения тяжесть, которую должны были бы вынести сами?... Ему стыдно слышать эти просьбы. Что сказали бы фабриканты Ланкашира, если бы вследствие нужды в земледельческих округах... было сделано предложение распределить тяжесть налогов на

соседние промышленные округа? Когда отменяли хлебные законы, многие указывали, что земледельческие округа испытают тяжелую нужду. Что же отвечали на подобные указания? Что земледельческое население найдет себе другое занятие... и что каждый должен отвечать сам за себя¹⁾.

Тем не менее, несмотря на горячую оппозицию многих лордов, билль прошел без дальнейших изменений и получил силу закона.

Между тем в Манчестере продолжалась упорная борьба рабочих с местным попечительством по поводу обязательного труда. В других городах Ланкашира попечительства давно уступили, но в Манчестере попечительство не желало изменять своих обычных приемов оказания помощи. В августе было несколько весьма многолюдных публичных митингов рабочих, на которых были сделаны предложения (впоследствии принятые многими попечительствами, в том числе и манчестерским) заменить обязательную работу обучением рабочих в школах для взрослых. Рабочие, занятые на фермах и в рабочих домах манчестерского попечительства, устраивали публичные демонстрации протеста, ходили процессией по городу, но с полным соблюдением порядка. Особая депутация рабочих была снаряжена для подачи петиции правительству об облегчении условий помощи. Депутация была принята очень любезно первым министром и другими членами правительства, но никаких определенных результатов не достигла.

Митинги протеста против обязательного труда продолжались в течение всей осени 1862 г. Постепенно они стали принимать угрожающий характер. На митинге 10 октября в Манчестере, на котором присутствовало несколько тысяч рабочих, была принята резолюция, требовавшая полной и немедленной отмены обязательного труда и выдачи пособий деньгами, а не наполовину деньгами, наполовину провизией, как это практиковалось попечительством. Один из ораторов, Эванс, заявил, что „если хотят, чтобы собственность уважалась, то следует немедленно уничтожить этот дьявольский и несправедливый обязательный труд... Пусть рабочие ходят в школы и в библиотеки вместо того, чтобы отправляться на фермы и в рабочие дома трепать пеньку... Работа без всякого вознаграждения противоречит законам политической экономии... Мы уже заявляли свое мнение неоднократно, а история говорит, что пренебрежение общественным мнением ведет к общественным бедствиям. В Рочдэле не требуют обязательного труда, и к чему это приводит? К уменьшению смертности. Что же удивительного, если в Манчестере смертность на 60—70% выше с начала кризиса, чем в других местах!“²⁾.

Другие ораторы говорили в том же тоне, указывая на необходимость заменить чернорабочий труд обучением рабочих. „Если этот митинг не достигнет цели,—заявил один из ораторов,—мы должны постучать в дверь посильнее и с десятками тысяч народа пройти с музыкой по улицам Манчестера“.

В конце концов агитация достигла цели. Один из важных поводов к недовольству рабочих—выдача пособия от попечительства наполовину деньгами и наполовину провизией—был устранен распоряжением центральной администрации законов о бедных, разрешившей выдавать пособия только деньгами. С ноября попечительство Манчестера стало,

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 162.

²⁾ The Manchester Weekly Times, 11 October 1862.

согласно требованию рабочих, заменять обязательную работу занятиями рабочих в специально устроенных школах. В этих школах рабочие обучались чтению, письму и арифметике. Эванс, оратор на митинге 10 октября, был приглашен попечительством для участия в организации таких школ¹⁾.

Работниц обучали шитью,—устройство школы шитья было несомненно очень удачной мыслью. Эти школы оказали огромную пользу населению и быстро распространились по всему Ланкаширу. Любопытно и характерно для условий жизни английского рабочего, что значительная часть работниц (по словам фабричного инспектора Редгрэва, около трети) совсем не умела шить. Они в первый раз в жизни брали иглу в руки и сначала совершенно не знали, как с ней обращаться—продевали иглу в ткань, нажимая ее на стол. Матери многих детей никогда не обращались раньше к помощи иглы. За короткое время они научились шить,—и, конечно, это несложное искусство должно было оказаться им очень полезным в домашнем обиходе.

Вплоть до конца 1862 г. безработица возрастала, и соответственно росло число получающих пособие из тех или других источников—от попечительств или частных благотворительных комитетов. Несмотря на безработицу и несмотря на то, что все сбережения рабочего класса к этому времени были совершенно истощены, все нуждающиеся получали пособие, хотя и скудное, но все же достаточное, чтобы не голодать. Сравнительно незначительное влияние хлопкового голода на процент смертности в Ланкашире является лучшим доказательством, что о голоде, в буквальном смысле слова, не могло быть и речи. Интересно, что прежние периоды промышленного застоя—1842, 1847 и 1857 г. г.—гораздо сильнее отразились на смертности населения, хотя безработица 1862 г. была беспримерна по своим размерам. Но именно огромные размеры безработицы вызвали экстраординарные меры помощи. Принятие этих мер, как видно из вышесказанного, было вынуждено вполне определенно выраженной решимостью ланкаширских рабочих сохранить спокойствие и „уважение к собственности“ лишь в том случае, если имущие классы сделают возможное для поддержания их на время безработицы.

Историк хлопкового голода Арнольд иронизирует по поводу того, что ланкаширские рабочие признавали себя как бы получающими национальную пенсию от страны на время хлопкового голода²⁾. Несомненно, что рабочие рассматривали получение пособия не как милостыню, а как свое право, которое они готовы были защищать. Они отнюдь не считали себя пауперами и успешно противились тому, чтобы с ними обращались, как с пауперами. Только благодаря такому отношению рабочих они избегали действительного голодания за это время. Их спокойствие, за которое считали себя обязанными восхвалить их все общественные деятели того времени, как только заходила речь о нужде в Ланкашире, менее всего знаменовало собой апатию или безнадежную покорность

¹⁾ Характерно для английских отношений, что попечительство Манчестера отнеслось с большим уважением к деятельности Эванса. В собрании попечительства 1 января 1863 г. председатель попечительства заявил: „м-р Эванс один из постоянных участников депутатий безработных в течение всего прошлого года—человек очень способный и самый решительный в нежелании пользоваться помощью от прихода, первый подавший мысль устроить классы для получающих пособие—ведь назначен попечительством помогать устройству классов и с большим тактом и благородием исполняет свои новые обязанности“.

The Manchester Examiner and Times, 2 Jan. 1863.

²⁾ Arnold, 197.

судьбе, готовность все претерпеть. Нет, под этим спокойствием чувствовалась твердая решимость отстаивать свое право на человеческое существование, отстаивать свою свободу, независимость, свое достоинство, если кто-либо на них посягнет.

В декабре 1862 г. безработица достигла своего максимума за весь рассматриваемый период. 6 декабря в Ланкашире и Чeshire 279.183 лиц обоого пола получало пособие от прихода и 236.310 лиц ¹⁾ пользовались помощью от частных благотворительных комитетов, которые были раскинуты по всей нуждающейся местности (всего действовало около 170 комитетов). В течение 1862 г. процент пауперов возрос с 2,9 до 13,7 всего населения промышленных округов графств. Но в отдельных округах процент пауперов был гораздо выше. Так, в конце ноября пауперы составляли по отношению к населению: в Эшtone—25%, Престоне—20%, Манчестере—20%, Блэкбурне—19% и т. д. Из числа почти 300 тысяч получавших пособия от прихода только 12.527 работало в рабочих домах попечительства ²⁾.

По расчетам Фарналля, в округах, пострадавших от хлопкового голода, было 1.984.955 населения; из этого населения 532.959 работало на хлопчатобумажных фабриках или на фабриках, связанных так или иначе с хлопчатобумажной промышленностью. В конце января из числа этих рабочих 247.230 были совсем без работы, 165.600 работали неполное время и только 121.129 имели полную работу ³⁾.

Массовая безработица дала возможность фабрикантам понизить заработную плату на 10—12 процентов. В речи на одном митинге в Честере Гладстон нарисовал рабочим приятную перспективу дальнейшего понижения заработной платы. Воздавши обычную хвалу спокойствию рабочих, Гладстон указал на то, что „им предстоит новые испытания. Они перешли из положения хорошо оплачиваемых рабочих в положение получающих пособие от прихода,—при этом уважение к ним не только не уменьшилось, но даже, скорей, возросло. Он надеется, что они скоро опять перейдут от положения получающих пособие к положению хорошо оплачиваемых рабочих. Но это произойдет не сразу. Теперь наступает такое положение вещей, при котором предприниматели, вернее, те из предпринимателей, которых не сломила налетевшая буря, будут вынуждены давать только низкую заработную плату. Удовольствоваться этой низкой платой, начать опять работу при пониженном уровне жизни—будет новым испытанием для рабочих. Пусть же они примут это испытание как неизбежное, пусть не подчиняются голосу гордости,—и пусть это испытание будет последним“ ⁴⁾. (Аплодисменты).

Итак, рабочим предстояло одно испытание за другим, и в результате предвиделось общее понижение заработной платы на продолжительное время. Фабриканты должны были еще раз нажиться на хлопковом голоде: в начале голода они заработали крупные барыши на вздорожании хлопка, а при конце голода они должны были выиграть от понижения заработной платы. И рабочие должны были, по мнению Гладстона, сохранить при всем этом „мужественное спокойствие“ и

¹⁾ Report on Agencies and Methods for Dealing with the Unemployed. London. 1893, 390.

²⁾ Arnold, 298.

³⁾ Farnall's Report 21 January 1863, 55—56.

⁴⁾ The Manchester Weekly Times, 3 Jan. 1863.

не увеличивать неумеренными требованиями и без того тяжелого положения своих хозяев.

Однако сами рабочие были другого мнения. Вопреки ожиданию Гладстона, их обуял „демон гордости“. Уже с начала 1862 г. среди рабочих начинается движение, не на шутку испугавшее и рассердившее фабрикантов. Рабочие задумали, ни больше, ни меньше, как—уйти! Да, уйти, покинуть негостеприимное отечество и избавиться таким образом от всех „испытаний“, конца которым не предвиделось. С большой тревогой ланкаширские фабриканты узнали из официальных отчетов, что за 1862 г. число эмигрантов, отправляющихся из Ливерпуля, значительно возросло. Эмигрировали, притом, лучшие рабочие, надсмотрщики, прядильщики, получавшие раньше высокую плату и обладавшие высоким уровнем технического искусства. Фабриканты увидели пред собой страшную перспективу,—а ну, вдруг, действительно, начнется массовая эмиграция ланкаширских рабочих! Кто тогда будет работать на фабриках? Работа на хлопчатобумажной фабрике, вопреки обычному мнению, требует большой подготовки и искусства. Ланкаширские рабочие выработали в длинном ряде поколений это искусство. Они были специалисты, виртуозы своего дела. Без них прядильные и ткацкие машины были бы такими же беспомощными грудями стали и железа, как паровые котлы без угля.

Между тем, эмиграционное движение получило неожиданную поддержку. Австралийские колонии обнаружили чрезвычайную готовность приютить у себя ланкаширских рабочих, которым на родине приходилось так плохо. В январе провинция Кэнтербери в Новой Зеландии ассигновала сумму в 10 тыс. ф. с. для содействия эмиграции нуждающихся рабочих из Англии в эту колонию. Эта ассигновка дала толчок ко всеобщему движению ланкаширских рабочих в пользу эмиграции. На целом ряде митингов рабочие единогласно вотировали резолюции в пользу массовой эмиграции. Особенно многолюдный митинг был устроен в Блэкбурне 27 января, под председательством местного альдермана Кеннингама. По словам одного оратора, „правительство заслужило порицания за то, что совсем не поддержало усилий, делаемых аристократией и землевладельцами во всей стране, улучшить положение пострадавших от хлопкового кризиса. Правительство ничего не сделало, чтобы помочь тысячам рабочих, живущих частной благотворительностью. Долг правительства заботиться о своих подданных в периоды народного бедствия, подобные наступающему, даже если это может быть достигнуто лишь выселением всех излишних рабочих в колонии, где рабочие найдут себе занятия“.

Следующая резолюция была принята единогласно: „Отдавая должное благородным усилиям всех тех, кто содействовал поддержанию безработных, мы в то же время чувствуем себя обязанными, благодаря неудовлетворительному состоянию главной местной промышленности, изыскивать всевозможные средства для удаления значительного числа излишних рабочих из нашего округа и видим в этом самое действительное средство улучшения положения рабочих, уменьшения тяжести налогов и расходов благотворительных комитетов помощи“ ¹⁾.

Вместе с тем митинг обратился с петицией к лондонскому комитету о том, чтобы вместо денежной помощи нуждающимся ланкашир-

¹⁾ The Manchester Examiner and Times. 28 Jan. 1863.

ским рабочим комитетом организован эмиграция в Соединенные Штаты. По мнению митинга, в течение полугода могла быть организована эмиграция 10.000 рабочих семейств из Ланкашира.

Но для эмиграции требовались прежде всего средства, которыми совершенно обнищавшие рабочие Ланкашира не располагали. Для того, чтобы эмиграционное движение приняло широкие размеры, необходима была прямая денежная поддержка этого движения со стороны. Казалось бы, при огромных суммах, которые собирались в пользу Ланкашира (за все время голода было собрано значительно больше 2 милл. ф. ст. частных пожертвований), было не трудно образовать фонд для эмиграции. Так как правительства колоний охотно брали на себя большую часть расходов по эмиграции ланкаширских рабочих, то достаточно было суммы в несколько фунтов на человека для того, чтобы дать ему возможность эмигрировать. Содержание безработных в течение многих месяцев на общественный счет обходилось гораздо дороже. И не подлежит сомнению, что, если бы попечительства и благотворительные комитеты руководствовались в данном вопросе соображениями чисто финансового свойства, они охотно воспользовались бы этим способом избавиться от бремени содержания безработных.

Что касается до рабочих, то они также ничего лучшего не желали. И так, казалось бы, организация эмиграции в широких размерах должна была бы совершиться с большой легкостью. Однако ничего подобного не произошло. Несмотря на все возраставшую агитацию рабочих в пользу эмиграции, и правительство, и частные благотворительные комитеты оставались совершенно глухи к этой агитации. Дело было в том, что, если эмиграция была наилучшим выходом из совершенно невыносимого положения для рабочих, она была самым худшим, чего только могли опасаться капиталисты. Настоящим рабочим фабриканты противопоставили твердую решимость сделать все возможное, лишь бы воспрепятствовать эмиграции.

В письме в редакцию *The Manchester Daily Examiner* (6 февр. 1863 г.) секретарь *Cotton Supply Association* Гейвуд приводит расчет, согласно которому эмиграция 50 тыс. хлопчатобумажных рабочих равносильна ежегодной потере для „промышленности“ и для всей страны 4 милл. ф. ст. „Два года тому назад,—продолжал Гейвуд,—в рабочих руках на фабриках чувствовался недостаток. Как только американская война кончится, каждое веретено и каждый станок придут в движение; и даже частичная эмиграция поведет к тому, что рабочих рук не хватит для производства“. Гораздо выгоднее было бы для нации в течение 3 лет содержать всех рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, на общественный счет, чем дать им возможность эмигрировать. „Поощрять эмиграцию рабочих значило бы следовать в высшей степени самоубийственной политике,—и в особенности это следует сказать об эмиграции прядильщиков. Эмиграция одного прядильщика ведет к оставлению без работы 10 вспомогательных рабочих рук; гораздо труднее обучить рабочего работать на прядильной машине, чем какой-либо другой фабричной работе“.

Мы видели, что предшествующее поведение ланкаширских фабрикантов за время хлопкового голода было вполне последовательно и согласно с „здоровыми принципами политической экономии“, как тогда говорили. Фабриканты отстаивали свои интересы,—вот и все. Хлопковый голод принес им огромные барыши и пауперизировал рабочих

тем не менее, когда рабочие обратились к ним за помощью, фабриканты весьма неохотно развязали кошельки. Каждый сам за себя, а бог за всех—таков был их девиз. Но вот рабочие тоже захотели подумать о себе и покинуть негостеприимное отечество. Тут фабриканты начинают испускать вопли и ссылаться на интересы „страны“. Оказывается, что рабочие не имеют права покидать страну, так как без них фабрики станут. Оказывается, что поощрять эмиграцию—значит следовать „самоубийственной политике“. Но куда же девались „здоровые принципы политической экономии“? Разве *free trade* не является самым основным из этих принципов? Разве рабочие, выражая желание эмигрировать, не следовали правилу „продавать свой товар на самом выгодном рынке“? Почему рабочие должны заботиться об интересах фабрикантов, опасаясь повышения заработной платы? Почему благотворительные комитеты должны руководствоваться в выборе формы помощи не здравым коммерческим расчетом—оказывать наибольшую сумму помощи с наименьшей затратой средств,—а соображением о „постоянных интересах страны“—иначе говоря, фабрикантов?

Увы! Когда дело доходит до кошелька, пасует всякая теория. Фабриканты почуяли серьезную опасность, угрожавшую им от эмиграции рабочих,—и доводы „политической экономии“ потеряли для них свою обычную силу.

Историк хлопкового голода Арнольд приходит в негодование от непонятности рабочих, искавших сочувствия эмиграции у местных благотворительных комитетов (т. е. тех же фабрикантов). „Ожидать, чтобы фабрикант, для которого рабочие являются принадлежностью капитала, помещенного в его ланкаширских фабриках, оказал содействие удалению рабочих из страны,—это верх абсурда. Как фараон, фабрикант скорее согласился бы перенести многое, чем отпустить свой народ; он собрал бы для этого народа всю сумму, потребную для содержания безработных, уплатил бы в три и четыре раза больше налога на содержание бедных, кушил бы хлопок по какой угодно цене для доставления занятия рабочим на фабриках“¹⁾.

Прибегать к таким крайним мерам, какие указывает Арнольд, не было, впрочем, никакой надобности. Массовая эмиграция была невозможна без денежной помощи извне, — а кошелёк был в руках фабрикантов. Оставалось только держать этот кошелёк закрытым, — и дело было в шляпе.

Все попытки рабочих получить из местных комитетов деньги для эмиграции оказывались тщетными. Частные комитеты наотрез отказались в какой бы то ни было форме содействовать эмиграции. Так же мало готовности помочь рабочим обнаружили и попечительства помощи бедным, несмотря на то, что пособия для эмиграции пауперов были разрешены законом в размере 10 ф. ст. на душу.

Однако агитация в пользу эмиграции разрасталась. Рабочие устраивали митинги и подавали в этом смысле петиции парламенту. Некоторую денежную поддержку эмиграционное движение продолжало находить со стороны колоний. К Новой Зеландии присоединились Виктория и Квинслэнд, каждая из которых ассигновала по 5 тыс. ф. ст. для этой цели. Колониальные агенты неоднократно пробовали побудить манчестерский *Central Executive Committee* ассигновать часть своих

¹⁾ Arnold, 343—44.

сумм на эмиграцию. Комитет упорно отказывался от этого, зная, как замечает Арнольд, „что если бы он согласился, то поступил бы в прямом противоречии с желаниями почти всех местных жертвователей“¹⁾.

Между тем рабочие стали вести себя несколько хуже. Их уже слишком захвалили за благоразумие и спокойствие. В конце марта 1863 г. в целом ряде мелких фабричных городов Ланкашира произошли серьезные беспорядки. Волнение началось в городе Стэльбридже и было вызвано понижением пособия от местного благотворительного комитета с 3 ш. 4 пенс. на душу в неделю до 3 шил., вместе с заменой денежной выдачи выдачей частью провизией и частью деньгами. Получавшие пособие наотрез отказались принимать помощь в сокращенном размере, вышли на улицу, прогнали камнями полицию и разграбили магазины комитета. Дома, где жили члены комитета, подверглись настоящему бомбардированию камнями. Толпа совершенно овладела городом и разграбила множество лавок, преимущественно с провизией. К вечеру в город были вызваны войска, но не в достаточном количестве. Беспорядки возобновились в течение следующих дней, выражаясь, главным образом, в разграблении лавок. Только после того, как прибыло подкрепление, войскам удалось после нескольких кавалерийских атак очистить улицы города и восстановить порядок.

Волнение быстро охватило соседние города. Толпа грабила лавки, швыряла камни в полицию, но быстро рассеивалась при приближении войск. Беспорядки не имели никакой организации и не преследовали определенной цели (только в Стэльбридже беспорядки имели характер протеста против действий благотворительного комитета), они явились показателем возбужденного состояния массы безработных, терпение которых видимо истощалось.

Эти события не могли не встревожить общественное мнение страны,—и вопрос об эмиграции стал обсуждаться и в прессе, и в комитетах с большей страстностью, чем когда-либо. Рабочие продолжали подавать петиции в парламент и в благотворительные комитеты о содействии эмиграции. Несколько сот рабочих Блэкбурна обратилось с такой же просьбой к центральному комитету в Лондоне, выражая готовность эмигрировать. Лондонский комитет вообще был гораздо независимее от влияния фабрикантов, чем манчестерские комитеты. Многие из членов его настаивали на немедленном ассигновании 5 тыс. ф. ст. для помощи эмигрирующим рабочим. Другие члены комитета были против этого, указывая, что „значительная эмиграция людей, искусных в самом важном производстве Ланкашира и Чешира, по необходимости принесет серьезный и постоянный вред населению этой части страны“²⁾. К окончательному решению комитет не пришел.

Немедленно после беспорядков в Стэльбридже в „Times“ появилось интересное письмо известного христианского социалиста Кингсли. „Что должно было свершиться,—писал Кингсли,—свершилось. Ланкаширские рабочие стали рассматривать пособие, как свое право,—и возникли беспорядки. Каковы же факты? Американская война не кончилась и не близится к концу; хлопок не подвозится в страну; рабочий рынок в Ланкашире должен на несколько лет оставаться переполненным. Фабриканты склонны воспользоваться этим переполнением для

¹⁾ Arnold, 389.

²⁾ Manchester Weekly Times, 28 March 1863.

понижения рабочей платы, когда работа возобновится, и потому противятся эмиграции рабочих. Они в праве, разумеется, пользоваться переполнением рабочего рынка в своих интересах и держать рабочих в Англии, но только за свой собственный счет. Они не в праве делать это за чужой счет. Я прошу английское общество дать понять комитетам помощи, раз навсегда, что такого поведения оно не допустит; что оно не допустит, чтобы пожертвования обращались против тех, в пользу которых они были даны; что оно сделает все возможное, чтобы облегчить положение рабочего рынка в Ланкашире, предоставив возможность рабочим эмигрировать в колонии... Если же фабриканты нуждаются в рабочих руках, они могут достать их в Ирландии, как они уже неоднократно это делали, с большой выгодой для себя“¹⁾.

Волнения безработных продолжались. В конце апреля в Престоне повторились в меньших размерах те же сцены, что и в Стэльбридже. На этот раз движение было направлено не против частного комитета, а против местного попечительства. Рабочие отказались исполнять работу, которую им предписывали власти, отправились процессией в несколько тысяч человек по городу, разграбили несколько лавок и бомбардировали камнями дома, где жили неприятные им члены администрации. Были вызваны войска, но до столкновения с ними дело не дошло.

В Стокпорте и Вигане также были попытки со стороны рабочих вызвать беспорядки, но все окончилось протестующими процессиями по улицам города и несколькими разбитыми окнами. Как бы то ни было, настроение рабочих, очевидно, принимало все более угрожающий характер, и парламент не мог не обратить на это внимания.

Защиту своих интересов в парламенте рабочие поручили депутату Ферранду—тори, принимавшему деятельное участие в проведении 10-часового фабричного билля. 27 делегатов рабочих Ланкашира и Чешира отправились к Ферранду с предложением возбудить в парламенте вопрос о мерах помощи рабочим.

Ферранд обещал поддерживать рабочих и честно исполнил свое обещание. Его речь в заседании 27 апреля в защиту рабочих была настоящим обвинительным актом против фабрикантов. Ферранд указывал на то, что рабочие не имеют своих представителей в парламенте,—поэтому парламент обязан относиться с тем большим вниманием к их нуждам.

Ферранд напомнил парламенту много характерных фактов из прошлой истории фабричного труда в Англии. Ланкаширские фабриканты отнюдь не в первый раз обнаруживают наклонность относиться к рабочим, как к своим рабам. В начале 30-х годов хлопчатобумажные фабрики так расширили свое производство, что не хватило рабочих рук. Как же поступили фабриканты? Они обратились к администрации законов о бедных с предложением, чтобы приходы переселили „излишнее население“ земледельческих округов в Ланкашир для работы на фабриках. С согласия администрации были назначены для этого особые агенты. В Манчестере была устроена контора, в которой сообщались списки безработных в земледельческих округах. Фабриканты обращались в эту контору и выбирали рабочих, каких хотели. Рабочих пересылали в Манчестер, как скот. Это имело вид настоящей торговли.

¹⁾ Manchester Weekly Times, 4 April 1863.

„Парламент с трудом поверит этому,—заявил Ферранд,—но я заверяю, что эта торговля человеческим мясом процветала: рабочие так же регулярно продавались фабрикантам, как рабы продаются плантаторам в Соединенных Штатах, с той только разницей, что они не продавались с аукциона“. Не далее, как в 1861 г., накануне хлопкового голода, в Лондон прибыла депутация фабрикантов и обратилась к Вилльерсу с просьбой разрешить пользоваться детьми пауперов для ланкаширских фабрик. Вилльерс ответил, что он вполне разделяет взгляды депутации и не сомневается, что предложение ее в высшей степени благотельно и для бедных детей и для попечительств.

„Я не буду хвалить ланкаширских рабочих,—продолжал Ферра — свыше их заслуг. Я скажу вам, что они такие же люди, что и в 1841, 42 и 48 г.г. Когда восстание начинается, никто не может им управлять, и вы знаете, что мы рискуем восстанием... Без сомнения, вы найдете многих, кто охотно возьмется за работу за достаточную плату; но рабочие не хотят быть в положении пауперов; они не хотят работать 4—6 часов в день за нищенское содержание. Обращайтесь с ними, как с англичанами!.. Вы не можете ожидать, чтобы фабричные надсмотрщики и искусные рабочие, получавшие раньше высокую плату, принялись за чистку улиц, каналов и водопроводов. Они просят, чтобы им помогли эмигрировать,—и я надеюсь, что благородный лорд (Пальмерстон—первый министр) отнесется благосклонно к их просьбам... Я советую хлопчатобумажным фабрикантам Ланкашира согласиться на билль о 8-часовом рабочем дне. Если они согласятся на это, то без сомнения, можно будет открыть многие фабрики, которые теперь закрыты... Они говорят, что страна не имеет права требовать от них ни одной частицы их капитала, их машин, их фабрик. Но они должны вспомнить, что сами они требовали от правительства в течение последних двадцати лет, чтобы много отраслей промышленности было принесено им в жертву. И это было исполнено: им была принесена в жертву шелковая и ленточная промышленность и много ручных промыслов... Почтенный член от Рочдэля (Кобден) неоднократно заверял в этом месте, во время обсуждения хлебных законов, что он отстаивает право рабочего распоряжаться своим трудом по своему усмотрению. Он говорил: „вы не имеете права связывать рабочего. Он так же имеет право на свободную торговлю своим трудом, как мы имеем право свободной торговли нашими хлопчатобумажными товарами“. Прекрасно, они требуют теперь свободной торговли для своего труда. Они требуют, чтобы им позволили уйти. Но вы знаете, что они слишком бедны, чтобы уйти без посторонней помощи. Они не имеют средств уйти, если парламент не примет участия в этом деле и не пожалеет их“¹⁾.

Все эти доводы очень мало повлияли на правительство. Оно решительно отклонило какую бы то ни было помощь эмиграции, но выразило готовность немедленно содействовать организации в широких размерах общественных работ, которые могли бы доставить занятия за хорошую плату безработным взрослым мужчинам в хлопчатобумажных округах. Вилльерс заявил, что правительство немедленно командует в пострадавшие местности особо уполномоченное лицо (инженера Раулинсона) для обследования на месте, какого рода работы могут быть предприняты; по получении отчета Раулинсона, правительство обе-

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 170.

шалось тотчас же внести в парламент билль об общественных работах.

И, действительно, уже в июне правительство внесло билль о разрешении открыть кредит в размере 1.200.000 ф. ст. (впоследствии эта сумма была увеличена до 1.850.000) на займы из средств государственного казначейства муниципалитетам хлопчатобумажных округов для выполнения общественных работ. Билль прошел без большой оппозиции. Кобден защищал билль и возражал против эмиграции, ссылаясь на то, что эмиграция сопровождалась бы тяжелыми лишениями для самих рабочих. (Но ведь рабочие были люди взрослые, вполне отвечали за свои поступки и могли сами решить, следует ли им эмигрировать или нет!). Ферранд настаивал на недостаточности общественных работ и требовал организации эмиграции 100.000 населения—около 1/4 безработных. „Со стороны самих рабочих,—заявил он в заседании 26 июня, при втором чтении билля,—теперь наблюдается такое стремление к эмиграции, что если бы было достаточно судов для эмиграции, все фабричное население бежало бы за море. Кто решится отрицать очевидный факт, что рабочие желают эмигрировать? Кто противодействует этим желаниям? М-р Вилльерс и Кобден—люди, которые были раньше вождями лиги против хлебных законов; люди, которые теперь защищают интересы фабрикантов, заключивших между собою прочный союз, чтобы помешать эмиграции!! Рабочие устали от этого голода и бедности, и они просят для эмиграции хотя бы один миллион из тех многих миллионов, которые, как недавно хвалился министр финансов (Гладстон), прибавлены за последние годы их трудом к богатству страны“.

Другие консервативные депутаты также воспользовались этим случаем, чтобы вспомнить свои старые битвы по поводу хлебных законов. Бентинк в длинной речи доказывал, что обещания фритредеров не оправдались и что свободная торговля потерпела жесточайшее фиаско, так как парламент должен обсуждать теперь вопрос о помощи фабричному населению, испытывающему беспримерную нужду. „Крупные фабриканты Ланкашира,—сказал Бентинк,—против этой эмиграции потому, что, по их мнению, она вызовет, в случае оживления хлопчатобумажной промышленности, недостаток рабочих рук. С другой стороны, лица, лучше знакомые с делом, утверждают, что эмиграция—единственное средство спасения“¹⁾.

В пользу эмиграции высказался также Эддерле (Adderley), но эта оппозиция не помешала принятию правительственного проекта. Но, пока в парламенте обсуждали вопрос о помощи ланкаширским рабочим, нужда начала без помощи кого бы то ни было уменьшаться: хотя блокада продолжалась, хотя американский хлопок попрежнему был почти недоступен для английского фабриканта, многие хлопчатобумажные фабрики возобновили работу, заменивши американский хлопок индийским, египетским и др. сортами, подвоз которых увеличился в несколько раз. Самое тяжелое время прошло. Летом 1863 г. уже около половины хлопчатобумажных рабочих опять получили работу на фабриках. Общественные работы, начавшиеся осенью, не могли иметь большого значения в смысле уменьшения безработицы, так как они дали работу всего нескольким тысячам человек. Тем не менее, число лиц, живущих при помощи общественных пособий,

¹⁾ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 170.

падало в течение всего 1863 г., как это видно из нижеследующих цифр.

		Число лиц, получавших регулярные пособия.
6 декабря	1862 г.	508.295
10 января	1863	480.617
28 февраля	"	441.670
28 марта	"	425.957
25 апреля	"	370.063
30 мая	"	298.390
27 июня	"	263.362
декабрь	"	190.885

„Хлопковый голод“ приближался к концу. Интересно, что расходы по содержанию безработных были покрыты, главным образом, частными пожертвованиями. К 30 июня 1863 г. было всего собрано частных пожертвований 1.974.203 ф. ст., а добавочный расход на содержание бедных в хлопчатобумажных округах достиг за то же время приблизительно 625 тысяч фунтов стерлингов. Значительно большая часть частных пожертвований была собрана вне хлопчатобумажных округов, собравших путем подписки всего 626.433 ф. ст. ¹⁾

Общественные работы были начаты в то время, когда острая потребность в них значительно ослабела. Работы состояли, главным образом, в прокладке новых улиц, мощении их, проведении каналов и водопроводов, устройстве парков и т. п. Особенное внимание было обращено на то, чтобы, доставляя занятия безработным, в то же время ничего не предпринимать бесполезного для данной местности. И, по-видимому, эта задача была разрешена вполне успешно. По общему мнению, общественные работы в Ланкашире, закончившиеся только в 1866 г., оказались безусловно полезными для страны. Деньги, выданные для этих работ государством, были исправно возвращены муниципалитетами, получившими их в ссуду. Всего воспользовались этими работами 8.324 рабочих, представлявших со своими семьями население в 30—40 тысяч человек.

По словам заведывающего работами Раулинсона, они „доставили полезное занятие нескольким тысячам трезвых и энергичных людей. Многие из них обучились новым работам и, работая под открытым небом, сделались здоровее и сильнее. Иные вернулись к прежним занятиям, многие переселились в иные местности и находят себе занятия работой вне фабричного помещения, а другие продолжают свою новую работу здесь же, не желая возвращаться на фабрику ²⁾“.

Хотя острый период хлопкового голода в 1863 г. закончился, тем не менее безработица продолжалась еще многие месяцы. К лету 1864 г. все еще более 100 т. человек получало пособие из общественных средств.

Не подлежит сомнению, что если бы с лета 1863 г. безработица не стала сокращаться под влиянием возобновления фабричных работ, ланкаширские рабочие настояли бы на организации в широких размерах эмиграции. Общественное мнение страны склонялось в пользу

¹⁾ Arnold, 493—98.

²⁾ Report of Robert Fawlinson 12 June 1866.

эмиграции, как единственного средства избежать опасных волнений в Ланкашире. Лондонский комитет под председательством лорд-мэра в конце концов согласился вотировать 5 тысяч фунтов стерлингов, которые должны были послужить началом особого эмиграционного фонда. Несколько тысяч фабричных рабочих при помощи колониальных агентов было отправлено из Ланкашира в различные австралийские колонии. Но широкого размера эмиграционное движение из Ланкашира не приняло потому, что ланкаширские фабрики открыли наконец свои двери, машины пришли в движение, и „рабочие руки“ опять получили доступ к работе, в которой им столько времени отказывали. Фабриканты избавились от страшного кошмара, который угнетал их много месяцев,—кошмара массового „исхода“ фабричных рабочих, и все мало-по-малу стало возвращаться в прежнюю колею. Количество эмигрантов из Соед. Королевства возросло в 1864 г., сравнительно с предшествующим годом, очень сильно (в 1863 г. общее число эмигрантов британских подданных из Соед. Королевства было 97.763, а в 1864 г.—192.864), но эта усилившаяся эмиграция только в незначительной степени зависела от увеличения эмиграции ланкаширского фабричного населения. А именно, по расчетам манчестерского комитета помощи, рабочее население, занятое в Ланкашире хлопчатобумажной промышленностью, сократилось за 1863 г. на 33.969, причем 18.244 эмигрировали или переселились в другие местности страны, а 15.725 нашли себе другое занятие на месте. Огромное возрастание эмиграции в 1863 году объясняется, главным образом, чрезвычайным ростом ирландской эмиграции, как видно из национальности эмигрантов, выехавших из Ливерпуля ¹⁾.

	1862 г.	1863 г.
Англичане	13.185	28.548
Шотландцы	830	3.176
Ирландцы	22.418	61.312
	36.433	93.036

Но и та незначительная эмиграция хлопчатобумажных рабочих которая имела место, оказала известное действие на состояние рабочего рынка в хлопчатобумажных округах. Уже в 1865 г. из многих мест стали слышаться жалобы фабрикантов на недостаток рабочих рук и на необходимость повысить заработную плату. Так, помощник фабричного инспектора Джонс (Jones) сообщает в этом году, что в Больтоне „главная причина недостатка рабочих рук заключается в эмиграции из Больтона в начале паники... заработная плата повсеместно повысилась без большого сопротивления хозяев“. В Стокпорте чувствовался недостаток рабочих—и хозяева должны были повысить плату. Из Бернли (Burnley) также сообщали о повышении платы и т. д. ²⁾

Рабочие, таким образом, избежали нового „испытания“, которое им предсказывал их добрый друг Гладстон, и беспримерная в истории Англии безработица, вызванная хлопковым голодом, не повела к продолжительному понижению уровня жизни ланкаширского рабочего.

¹⁾ Report of Inspectors of Factories 31 Oct. 1863. Стр. 93.

²⁾ Report of Inspectors of Factories 30 Apr. 1865. Стр. 19—20.

Г Л А В А IV.

Новейшие движения безработных.

Безработица 70-х годов. — Стачки хлопчатобумажных рабочих в 1878 г. — Упадок трэд-юнионизма. — Изменение воззрений английских рабочих в 80-е годы. — Безработица 80-х годов — Агитация „Социал-демократической Федерации“. — Беспорядки 8 февраля 1886 г. — Чрезвычайное усиление влияния „Федерации“. — Митинги безработных на Трафальгарской площади. — „Кровавое воскресенье“. — Новое направление английского рабочего движения. — Безработица 90-х годов. — Митинги безработных. — Общественные работы. — Стачки. — Перепись безработных в Вест-Гаме.

Безработица 70-х годов, достигнув своего апогея в 1878—79 г.г., не вызвала значительных движений безработных. Тем не менее, стачки в Ланкашире в 1878 г. имели более бурный характер, чем в обычное время, и указывали на значительное возбуждение народных масс под влиянием продолжительной нужды. Так, в Блэкбурне в начале мая этого года произошли серьезные волнения рабочих на хлопчатобумажных фабриках под влиянием неудачной стачки, вызванной предложением хозяев понизить заработную плату. Когда выяснилось, что хозяева соглашались принять предложенные рабочими условия, толпа рабочих в несколько тысяч человек бросилась разбивать окна фабрик. Дом одного фабриканта, председателя местной ассоциации хозяев, был подожжен и сгорел до основания. Полиция не могла справиться со стачечниками, и потребовалось вмешательство войск. В другом Ланкаширском городе — Бёрнли — также была сожжена лавка, в местечке Освальдтвистле рабочие атаковали дом одного фабриканта, и полиция пустила в од огнестрельное оружие, при чем 5 человек было ранено.

Огромная стачка хлопчатобумажных рабочих в 1878 г. замечательна также тем, что в ней с необыкновенной резкостью обнаружилась противоположность отношения рабочих и хозяев к кризисам. А именно, рабочие соглашались на понижение заработной платы, но лишь при одном условии — чтобы работа на фабриках была сокращена до 4 дней в неделю. Сокращение производства, по мнению рабочих, было необходимо для того, чтобы избавить рынок от переполнения его непроданными товарами. Напротив, фабриканты настаивали на понижении заработной платы без всякого сокращения производства, так как при сокращении производства они несут убытки на празно стоящем капитале. Рабочие выпустили в июне 1878 г. манифест, где, между прочим, заявляли следующее: „хозяева предлагают нам понижение заработной платы на 10%... Мы же утверждаем, что понижение платы не снимет с рынка излишние товары и не устранил затруднений, вытекающих из недостаточного подвоза сырья. Такова однако теория хозяев, мы же делаем им во время различных фазисов этой бедственной борьбы следующие предложения: 1) понизить заработную плату на 10%, при четырех днях работы в неделю, или на 5%, при работе 5 дней в неделю, пока не будет устранено переполнение рынка товарами¹⁾...“

¹⁾ Sidney und Beatrice Webb. Die Geschichte des Britischen Trade-Unionismus. Deutsch von E. Bernstein. Стр. 291.

Безработица была так сильна, что в декабре 1878 г. в одном Манчестере около 40 тысяч человек получали пособия от частного комитета помощи. Подобные же комитеты были устроены в Ливерпуле, Бристоле, Экзетере, Вольвергэмптоне, Соутгэмптоне, Биркенгэде, Аштонне и др. городах. В Кэдле и Конглетоне по крайней мере половина рабочих была без занятий, а большинство остальных работало неполное время. В южном Стаффордшире и восточном Ворчестершире только 40 доменных печей из 160 работало и 130 железоделательных заводов стояло¹⁾. По словам супругов Вебб, „годы 1878—80 были отмечены почти во всех отраслях промышленности значительным увеличением стачек, из которых большинство кончилось полным поражением рабочих. Решительное понижение заработной платы последовало во всех отраслях труда“²⁾. Понижение платы нередко сопутствовало удлинению рабочего дня. Несколько сот рабочих союзов прекратило существование вследствие невозможности давать пособия безработным членам. „1879 год так же резко выражал собой глубочайший упадок трэд-юнионизма, как годы 1873—74 были отмечены высшим преуспеянием рабочих союзов. Экономические потрясения, вынесенные трэд-юнионизмом в 1879 г., могут быть сравнены только с таковыми же 1839—42 г.“³⁾.

Но, как ни тяжелы были бедствия, перенесенные английскими рабочими в конце семидесятых годов, они не вызвали никакого политического движения среди английских рабочих. 70-е годы были, по словам Веббов, временем полного господства либерализма в умах английских рабочих. Английский рабочий, в лице своей аристократии — трэд-юнионистов, был проникнут верой в непогрешимость принципа *laissez faire* как в политической, так и в социальной области. Промышленный застой 80-х годов покончил с этой верой. Со времени этого зстоя начинается новая эпоха в истории английского рабочего движения.

„Десять лет тому назад,—писали супруги Вебб в 1894 г.,—все наблюдатели были согласны, что рабочие союзы Великобритании представляют собой неодолимый оплот против идей коллективизма. Теперь мы видим, что весь мир трэд-юнионизма проникнут этими идеями, и как заявляет Times, на конгрессах рабочих союзов коллективистическое течение достигло полного господства. Это коренное изменение идей рабочего класса является важнейшим событием истории трэд-юнионизма в новейшее время“⁴⁾.

Изменение это произошло в эпоху промышленного зстоя 80-х годов. Из области чисто идейных влияний супруги Вебб придают особое значение книге Джорджа „Прогресс и Бедность“. Влияние книги еще было усилено личной агитацией Джорджа во время его посещения Англии в 1884—1885 г.г.

17 января 1885 г. на площади перед лондонской биржей собралось около 2-х тысяч народа слушать Генри Джорджа, обещавшего указать средство борьбы с безработицей и нуждой. Речь Генри Джорджа была так же красноречива, как и все, что он говорил и писал. „Было указано,—говорил он,—что около седьмой части земного шара подвластно британскому флагу. Это так, но все же я скажу, как Тиверий Гракх говорил римлянам две тысячи лет тому назад: „Мужи

¹⁾ Annual Register. 1878.

²⁾ Die Geschichte des Britischen Trade-Unionismus. Стр. 293.

³⁾ Там же, 295.

⁴⁾ Там же, стр. 318.

Рима, вас называют владыками всего мира, но нет ни одного дюйма земли, которую вы могли бы назвать своею собственностью". Какие права вы имеете в Англии? (голос из толпы: „никаких!“). Да, никаких, кроме права—продавать себя день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Этот митинг собрался, чтобы раз'яснить вопрос о застое торговли. Настало время, когда люди на улицах и в мастерских должны обратить внимание на этот вопрос и рассмотреть его. Не нужно оставлять его королевским комиссиям... не нужно оставлять его ученым профессорам... Можно ли сомневаться, каковы причины промышленного застоя? Люди того класса, о котором я упомянул, указывают на перепроизводство, как на причину застоя. Но перепроизводство—вздор. Продуктов не слишком много. В этом собрании нет ни одного, кто бы не хотел больше богатства, чем он имеет. Почему же товары скопляются в магазинах? Просто потому, что люди, нуждающиеся в них, не могут их купить. Им нечем заплатить потому, что они не имеют занятий. А почему они не имеют занятий? Потому, что естественные средства производства—земля—для них недоступны".

Митинг принял резолюцию, гласившую, что бедствия безработицы „являются результатом лишения людей равного права на средства занятия, созданные господом“, и что „присутствующие обязуются всеми способами требовать всему народу его природного права на землю“¹⁾.

Этот митинг был только началом ряда митингов безработных более бурного характера.

16 февраля безработные в числе 3—4 тысяч отправились процессией вдоль берегов Темзы к парламенту со знаменами, на которых были написаны изречения в роде: „Свобода, равенство и братство“, „Vox populi — vox Dei“ и проч.

Полиция не хотела пускать толпу к зданию министерства местного управления, но толпа прорвалась и настояла на том, что ее депутация была принята Росселем—парламентским секретарем министерства. Депутация просила правительство, чтобы оно побудило местных властей организовать общественные работы и сократило рабочие часы во всех правительственных мастерских. Во время переговоров с Росселем толпа издавала клики в честь социальной революции и старалась проникнуть внутрь здания, но безуспешно.

Только с большим трудом полиции удалось очистить улицу перед зданием министерства. Когда депутация возвратилась и сообщила, что Россель отказался дать какие бы то ни было обещания, митинг принял следующую резолюцию, предложенную Джоном Бёрнсом: „Митинг безработных, услышав ответ, данный его депутации министерством местного управления, признает отказ правительства организовать общественные работы смертным приговором тысячам безработных и считает Росселя и членов правительства индивидуально и коллективно виновными в убийстве тех, кто может умереть в течение ближайших недель и чья жизнь могла бы быть спасена, если бы правительство поступило согласно предложению депутации“²⁾.

16 марта в Лондоне под председательством лорд-мэра был образован комитет для исследования причин безработицы и средств по-

¹⁾ The Times 19 Jan. 1885.

²⁾ The Times 17 Febr. 1885.

мощи безработным. В комитет вошли членами кардинал Маннинг, Гаррисон, Гоуэлль и многие другие. Комитет представил через год отчет о лондонской безработице, но никаких практических шагов не предпринял.

С начала 1886 г. безработица в Англии приняла характер настоящего народного бедствия. Осторожный и умеренный вожь ланкаширских бумагопрядильщиков Джемс Маудсли следующим образом обрисовывал на международном конгрессе рабочих союзов в 1886 г. положение английских рабочих: „Зарботная плата понизилась и множество рабочих без занятий... Ежедневно закрываются льнопрядильни... Все строительные промыслы находятся в дурном положении... Чугуно-плавильные заводы испытывают затруднения и треть кораблестроителей не имеет работы... Производство паровых машин в угнетенном состоянии... В виду такого значительного роста безработицы, естественно возникает вопрос: есть ли надежда на улучшение? Ему кажется, что при современном общественном строе надежды на улучшение нет“¹⁾.

Вес 1886 год полон демонстрациями безработных. В самом начале февраля депутация многих рабочих союзов отправилась к лорд-мэру с просьбой открыть подписку в пользу безработных. Лорд-мэр согласился исполнить желание депутации, и подписка немедленно была открыта.

И действительно, что-нибудь предпринять в пользу безработных было необходимо, как это показали события ближайших дней. 8 февраля некоторые рабочие организации, находившиеся в сношениях с тори и примыкавшие к лиге в пользу отмены свободной торговли, устроили митинг на Трафальгарской площади. Но митинг принял совсем не тот характер, какой ожидали его устроители. Вокруг колонны Нельсона собралась огромная толпа в несколько десятков тысяч человек, а остальная часть площади заполнилась зрителями. Большинство собравшихся отнюдь не было склонно поддерживать протекционистские резолюции учредителей митинга; платформы, с которых говорили ораторы, были опрокинуты, и митингом овладели друзья Бёрнса и Гайндмана. По окончании митинга толпа отправилась сначала в довольно миролюбивом настроении. Бёрнса с красным флагом в руке несло несколько человек на плечах. Но, когда толпа очутилась перед окнами великолепных клубов столицы, в окна клубов полетели камни, и через короткое время во всех клубах, без различия партий, по пути шествия толпы были выбиты окна; затем начался грабёж лавок. Несколько магазинов было разграблено. Полиция не была подготовлена к таким небывалым сценам на улицах Лондона и оказалась совершенно бессильною справиться с толпой, которая прошла разрушительным потоком по самым богатым улицам Лондона и наконец рассеялась, не встретив на своем пути никакого серьезного сопротивления. По словам передовой статьи Times, это были „самые угрожающие и разрушительные беспорядки за много лет,—быть может, даже самые разрушительные, какие только можно запомнить“. Главным виновником их Times признавала Гайндмана и Бёрнса, в особенности последнего, повторившего толпе в несколько измененном виде знаменитую фразу восставших французских рабочих: „лучше умереть сражаясь, чем умереть от голодной смерти“. Если беспорядки, подобные вчерашним,—писала

¹⁾ S. u. B. Webb. Die Geschichte des Britischen Trade-Unionismus. Сrp. 322.

Times, — не вызовут законного преследования, они повторятся при первом удобном случае и в увеличенных размерах. Если г.г. Гайндман и Бернс еще не арестованы, они должны быть арестованы сегодня же¹⁾.

Все это вызвало чрезвычайное возбуждение в Лондоне. Торговцы Вест-Энда опасались повторения грабежа и чуть ли не народного восстания. Многие из них не решались открывать магазины на улицах, подвергшихся нападению толпы; другие устраивали целые сооружения для защиты в случае нападения. Несколько митингов негодования было организовано немедленно; на этих митингах требовалось предание суду Гайндмана и Бернса.

Через несколько дней Лондон был охвачен паникой, и в центре города почти все лавки были закрыты: прошел слух, что предстоит повторение, в больших размерах, грабежа 8 февраля и что 10 тысяч безработных двигаются к центру города. И действительно, на улицах Лондона в разных местах собирались огромные толпы безработных и всякого рода подонков лондонского населения с весьма угрожающими намерениями. Но полиция была наготове, и до разрушения лавок дело не дошло. Подобные же скопления народа на улицах Лондона вокруг Трафальгарской площади повторялись в течение нескольких дней к восторженному ужасу respectable населения Вест-Энда. Паника дошла до такой степени, что хозяева крупных магазинов в Сити вооружали своих служащих, и один полк волонтеров предложил лорд-мэру свои услуги в случае надобности.

Беспорядки 8 февраля отнюдь не были результатом дьявольского решения социалистов предать разграблению богатейший город в мире, как полагали испуганные лондонские лавочники. Ни Бернс, ни Гайндман не подстрекали и не могли подстрекать толпу к грабежу. Грабеж явился результатом раздражения голодных людей, убедившихся в своей силе и возможности выместить свои накопившиеся обиды первым подвернувшимся способом.

Как только весть о лондонской демонстрации распространилась по стране, повсюду стали устраиваться митинги безработных. В Бирмингеме митинг едва не привел к беспорядкам, подобным лондонским, но власти мобилизовали заблаговременно целый отряд конной полиции. Процессии безработных были строго воспрещены и немедленно разгонялись полицией. Магазины не пострадали, но владельцы их благоразумно предпочитали закрывать лавки при приближении толпы. Мэр Бирмингама, упорно отказывавшийся незадолго перед тем открыть подписку в пользу безработных, немедленно уступил, и подписка была открыта. В Ярмуте митинг безработных прошел очень бурно, и полиция несколько пострадала от манифестантов. В Шеффилде также состоялся огромный митинг безработных. В Лейчестере произошло столкновение с полицией стачечников.

События 8 февраля глубоко поразили не только англичан, но и всю Европу. Вот, например, что писал по этому поводу орган умеренных республиканцев во Франции Temps: „Социалистические волнения в Лондоне, вызвавшие такую панику в этом городе, произвели не меньшее впечатление и на континенте. Они поразили нас, как совершенная неожиданность. Это — нечто совершенно новое в политической жизни Англии... Истина та, что все цивилизованные народы по-

¹⁾ Times 9 Febr. 1886.

степенно приближаются к великому кризису, и дурные примеры, социалистические принципы и вредные идеи распространяются от одного конца Европы и Америки до другого¹⁾.

Kölnische Zeitung злорадно отмечала, что теперь и Англия узнала на своем опыте опасность социалистических доктрин.

Neue Freie Presse совершенно верно указывала на связь этих волнений с застоем торговли и выражала мнение, что только возвращение промышленного оживления остановит рост радикализма в Англии. Вообще же все газеты континента придавали огромное значение лондонским событиям, как выражению глубокого недовольства и раздражения английской рабочей массы.

Непосредственным результатом лондонских беспорядков явился огромный приток пожертвований в пользу безработных. За неделю до демонстрации подписка в их пользу, открытая лорд-мэром, дала только 3 тысячи ф. ст. Следующая неделя дала 30 тысяч фунтов. К концу марта фонд в распоряжении лорд-мэра достиг 76 тыс. ф.

Правительство также не отнеслось к волнениям пассивно: оно уволило инспектора лондонской полиции Гендерсона за нераспорядительность и предало суду четырех вождей демонстрации 8 февраля — Бернса, Гайндмана, Чэмпiona и Вилльямса. Присяжные, однако, оправдали всех четырех обвиняемых.

21 февраля „Социал-демократическая Федерация“ опять устроила колоссальный митинг безработных в Гайд-Парке. На этом митинге присутствовало, по словам газет, 50—75 тысяч народа (Justice—organ С.-Д. Ф.—насчитывала 100—120 тысяч). Митинг прошел более миролюбиво, хотя несколько окон пострадало и была небольшая схватка с конной полицией, которая, по словам Daily Chronicle (27 Febr. 1886), „атаковала толпу с яростью баши-бузуков и разгоняла ее с очевидной жаждой мести“.

Этот новый митинг безработных поставил на очередь вопрос о публичных митингах вообще. В палате лордов лорд Лэмингтон (Lemington), горячо поддержанный другими наследственными законодателями, предложил запретить воскресные митинги в парках и на площадях. Правительство отвечало уклончиво, и вопрос был отложен. 12 марта вопрос о помощи безработным был поставлен в палате общин. Член от Лидса Даусон (Dawson) внес следующее предложение: „В виду существующего застоя торговли и значительного количества безработных, парламент полагает, что время пришло для правительства предпринять необходимые общественные работы, а именно, главным образом, устройство гаваней для небольших судов на случай бури (harbours of refuge) на различных пунктах побережья“. Предложение это было поддержано несколькими членами, но встретило горячую оппозицию со стороны Чамберлена, Бальфура, Брэдли и др., и автор его взял его обратно. Тем не менее, правительство должно было обратиться серьезное внимание на безработицу и в начале марта обратилось с циркулярным предложением местным властям организовать общественные работы для неимеющих занятия. Такие работы были устроены во многих пунктах Англии.

В течение всей весны во многих городах устраивались огромные митинги безработных, из которых особенно многолюдные были в Манчестере и Глазго.

¹⁾ Le Temps 10 февр. 1886 г.

Движение безработных в 1886 г. приковало общее внимание к новой общественной силе в Англии. Во главе агитации в пользу безработных стояла „Социал-демократическая федерация“. Организация эта, возникшая незадолго до этого, сначала не играла ровной роли в общественной жизни Англии. Имена Гайндмана и Бернса (последний вскоре разошелся с „Федерацией“) были совершенно неизвестны большой публике до демонстрации 8 февраля. После этой демонстрации Гайндман и Бернс сделали известными всему миру, и общественное влияние „Федерации“, хотя и на короткое время, чрезвычайно возросло.

Митинг 29 августа 1886 г. на Трафальгарской площади наглядно показал, какого значения достигла „Федерация“. Этот митинг был устроен по вопросу, непосредственно касавшемуся только „Федерации“, а именно—для выражения протеста против присуждения к тюремному заключению одного из членов „Федерации“, Вильямса. Тем не менее, на Трафальгарской площади опять собралась огромная толпа—от 40 до 60 тысяч. Гайндмана толпа приветствовала особенно горячо: в течение нескольких минут он не мог говорить от рукоплесканий и приветственных кликов толпы.

Наступление осени возобновило агитацию „Федерации“ среди безработных. „Федерация“ решила устроить колоссальную процессию безработных 9 ноября, в день вступления в должность лорд-мэра, когда весь Лондон собирается смотреть на шествие лорд-мэра и его кортежа. При таком скоплении массы людей естественно было ожидать, что процессия безработных приведет к серьезным беспорядкам и столкновению с полицией. Вся пресса Лондона с большой тревогой ожидала этого дня. Напротив, Justice ожидала 9 ноября, как знаменательного момента, когда сила „Федерации“ в Лондоне обнаружится в полном своем блеске.

„Весь рабочий класс Лондона,—пишет Justice в передовой статье 30 окт. 1886 г.,—требует от „Федерации“, чтобы она выразила его негодование и организовала его недовольство. Это мы и хотим исполнить, это и придает такое огромное значение великой демонстрации 9 ноября; она будет не только обнаружением нищеты, и страданий безработных, но и началом великой классовой войны конца XIX века. Лондон от севера до юга и от востока до запада пришел в такое возбуждение, как никогда в течение этого поколения. Пусть же Лондон станет во главе славного движения к окончательному освобождению рабочих всего мира“.

Ничего подобного, однако, 9 ноября не произошло. Полиция запретила митинг безработных и приняла всевозможные меры против осуществления процессии.

Сити принял характер осажденного города. Магазины были закрыты, отряды полиции и войск были размещены повсюду. Тем не менее „Федерации“ удалось устроить митинг на Трафальгарской площади.

Небольшая кучка людей с красными флагами прорвалась к колонне Нельсона и приняла резолюцию, приглашавшую правительство облегчить условия помощи получающим пособие от прихода вне рабочего дома, побудить местные власти организовать как можно скорее общественные работы, уменьшить рабочие часы в правительственных предприятиях и войти в сношение с правительствами других госу-

дарств о повсеместном сокращении рабочего дня. В общем, однако, демонстрация решительно не удалась.

Тем не менее, влияние „Федерации“ на безработных не ослабело. Митинг безработных 21 ноября на Трафальгарской площади был самым многочисленным из всех. Justice утверждала, что это была самая крупная рабочая демонстрация, какую только видел Лондон. Ораторы говорили с пяти платформ, митинг прошел вполне мирно и принял обычные резолюции, приглашавшие правительство принять энергичные меры борьбы с безработицей.

Этот митинг имел, между прочим, своим следствием усиление агитации среди достаточного лондонского населения в пользу прекращения публичных собраний на Трафальгарской площади. В парламент поступила петиция в этом смысле, где, между прочим, заявлялось, „что в последнее время различные группы, с противоположными воззрениями, имели в одно и то же время митинги на площади, что приводило к большим беспорядкам и волнениям... В виду этого многие из подписавшихся под петицией были неоднократно принуждены баррикадировать свои магазины и дома и совершенно приостанавливать торговлю“. Times, в передовой статье 25 декабря, не только поддержала эту петицию, но даже нашла, что следует домогаться, в виду угрожающего поведения безработных, большего—запрещения публичных митингов вообще в центральных частях больших городов.

Таким образом, Англии грозило весьма существенное ограничение гражданской свободы, которая до такой степени вошла в обычаи английской общественной жизни. Отношение к этому вопросу самой влиятельной английской газеты показывало, что демонстрации безработных производили очень сильное впечатление на общественное мнение и вызывали серьезную тревогу в имущих классах.

Агитация среди безработных продолжалась. 1 января во многих пунктах столицы были организованы процессии безработных к рабочим домам с требованием помощи. Эта демонстрация, однако, большого успеха не имела, и в большинстве случаев процессии не имели сколько-нибудь внушительного вида.

С февраля 1887 г. безработица стала несколько уменьшаться. Тем не менее, даже в марте безработица была крайне тяжела, как видно из официального статистического обследования безработицы, произведенного в марте 1887 г. Это обследование касалось нескольких кварталов Лондона с населением в 125.313 чел. Обследование было произведено путем личного опроса всех жителей этих кварталов. Оказалось, что из 29.451 рабочих мужского пола 27% было без работы. В некоторых родах труда процент безработных был прямо поражающий: так, среди доковых рабочих 55% не имели занятий, среди судостроительных рабочих—44%, среди плотников и каменщиков—37%, среди маляров—33%. Из механиков—20% было безработных, кузнецов—26%, мебельщиков—20%, рабочих на табачных фабриках—27%. В лучшем положении находились сапожники (17% безработных), переплетчики (12%), часовщики (13%), железнодорожные носильщики (6%) и другие. Из числа 29 тысяч рабочих не менее 53% было более или менее продолжительное время без работы в течение периода от октября 1886 г. до марта 1887 г.¹⁾

¹⁾ Tabulation of the Statements made by Men living in certain Selected Districts of London in March 1887. London. 1887.

Даже в конце 1887 г. нужда была весьма тяжела. Несколько лет промышленного застоя истощили все незначительные сбережения рабочего. Мало-помалу среди безработных вошло в обычай проводить ночи на Трафальгарской площади. Сначала там ночевали единицы, затем десятки и наконец даже сотни... В центре Лондона, в богатейшем квартале, среди великолепных домов столицы мрачная и бесприютная нищета расположилась, как в своем привычном обиталище. О настроении этой безработной и бесприютной толпы может дать представление следующая сцена.

12-го октября в здании суда на Баустрите к судье сэру Джемсу Ингэму явилась депутация из пяти человек от имени многочисленной толпы безработных, стоявших на улице, и на вопрос, что ей нужно, один из депутатов заявил от имени своих товарищей, «что им нужна работа, что они всячески искали работы, но не могли ее найти, и что многие из них находят, что лучше, чем переносить все это, попросить судью заключить их в тюрьму на три месяца. Они предпочитают тюрьму блужданию по улицам и ночам на Трафальгарской площади». Между судьей и депутацией завязывается следующий диалог:

Сэр Джемс Ингэм.—Кто вы?

— Я портной и без работы четыре недели.

Сэр Джемс.—Вы обращались за помощью к приходу?

— Нет. Я прошу вас посадить, вместо этого, меня в тюрьму: в тюрьме лучше обращаются с людьми, чем в рабочем доме.

Сэр Джемс.—Каждый из вас прекрасно знает, что суд совершенно не может исполнить вашей просьбы. Суд не может посадить никого в тюрьму, если он не заслуживает того нарушением закона... Мой ответ таков: я не имею права посадить вас в тюрьму.

— Имею я право предложить вашей милости еще один вопрос?

Сэр Джемс.—Пожалуйста.

— Безработные такого же мнения, как и ваша милость, что их не посадят в тюрьму, если они не сделали какого-либо преступления, в роде разграбления булочной. Они хотят знать: если человек в синей куртке с светлыми пуговицами (полицейский) подтвердит, что они разбивали окна и грабили булочные и мясные лавки, вы исполните их просьбу?

Сэр Джемс.—С вашей стороны крайне дерзко предлагать такие вопросы. Потрудитесь удалиться.

Депутация приходит в возбуждение. Раздаются восклицания: «Мы не хотим умирать голодной смертью! Мы хотим работы! Посадите нас в тюрьму!»

Сэр Джемс.—Вы не заслуживаете сожаления. Удалитесь из здания суда.

Депутация уходит и возвращается к толпе, ожидавшей ее на улице; толпа удаляется процессией с флагом впереди, на котором красуется надпись: «Мы хотим работы или хлеба»¹⁾.

В октябре митинги безработных на Трафальгарской площади стали повторяться почти ежедневно. Толпы безработных собирались с флагами, окружали колонну, на вершине которой стоит старый Нельсон, и слушали речи ораторов. Черный флаг, символ нищеты и

¹⁾ The Times 13 Octob. 1887.

отчаяния, почти вытеснил красный флаг. По окончании митинга толпа отправлялась процессией по улицам города.

Полиция, во главе которой стоял теперь сэр Чарльз Варрен, держала себя с манифестантами очень вызывающе и грубо. 17 октября полиция очистила Трафальгарскую площадь после рукопашной схватки, во время которой многие пострадали как из толпы, так и из полицейских. 18 октября последовала новая свалка с полицией, в еще больших размерах, в Гайд-Парке.

Характерное отличие движения безработных в 1887 г., сравнительно с 1886 г., заключалось в том, что в 1887 г. оно было почти стихийным, без всякого участия „Федерации“. Огромные толпы безработных, которые ежедневно стекались к Трафальгарской площади, не были никем организованы и были объединены только одним желанием—заявить возможно громче и сильнее о своей нужде. Ораторами, говорившими на этих митингах, в большинстве случаев были совершенно неизвестные рабочие, имена которых внезапно попадали на столбцы газет, чтобы потом опять бесследно исчезнуть с них. Министрство тори и новый начальник лондонской полиции сэр Чарльз Варрен обнаружили гораздо больше решительности в действиях с безработными, чем правительство Гладстона во время демонстрации 8 февраля 1886 г. 21 октября полиция явилась в полночь на Трафальгарскую площадь и удалила оттуда несколько сот мужчин и женщин, которые, не имея приюта, привыкли спать в холодные осенние ночи на каменных балюстрадах и скамьях площади. Трафальгарская площадь ни днем, ни ночью не должна была быть местом сборища бедняков.

Тем не менее, на Трафальгарской площади и в других местах Лондона митинги безработных продолжали происходить почти ежедневно, в большинстве случаев без всякой предварительной организации. Толпы безработных, которые скучали от вынужденной праздности и страдали от нужды, привыкли собираться в Лондоне повсюду, где только представлялась возможность собраться. Лондон принял совсем необычный вид—города, находящегося накануне социальной катастрофы. Каждый номер любой лондонской газеты этого времени переполнен описаниями столкновений полиции с толпой. „Riots in London“ (Волнения в Лондоне), „Police and mob“ (Полиция и толпа)—статьи под такими заглавиями пестрят столбцы Times. Со времени 1848 г., когда чартизм, сделав последнее колоссальное усилие, рухнул окончательно, Лондон не переживал такого состояния крайнего напряжения и тревоги. Тучи сгушались, пахло грозой. Острый кризис был неизбежен.

Министерство Сольсбери отнюдь не было расположено терпеть подобное положение дел. В лице Варрена оно имело „железную руку“. Достаточные классы Лондона требовали энергичных мер для прекращения сборищ безработных. Уже год тому назад, в ноябре 1886 г., более 5.000 самых влиятельных и богатых торговцев и жителей Вест-Энда обратились с петицией в парламент о запрещении публичных собраний на Трафальгарской площади. Целый ряд митингов достаточных людей принимал резолюции в том же смысле. 3 ноября 1887 г. очень влиятельный митинг, под председательством одного из членов парламента, потребовал прекращения митингов на Трафальгарской площади.

„Постоянное повторение демонстраций на Трафальгарской площади и в Вест-Энде,—заявил один из ораторов Уокер,—приняло

теперь такой серьезный характер, что жители (Вест-Энда), которые выносили эти демонстрации в течение почти двух лет, не имеют другого выхода, как потребовать, чтобы были приняты действительные меры для прекращения демонстраций¹⁾. Все консервативные газеты высказывались в том же смысле. Правительство решило удовлетворить этим желаниям, и распоряжением 8 ноября сэра Чарльза Варрена митинги на Трафальгарской площади были запрещены.

Это распоряжение повело к кровавому столкновению толпы с войсками на улицах Лондона 13 ноября, Нарушение правительством одного из основных прав английского гражданина—права публичных собраний—было существенным ограничением политической свободы, к которой привыкли в Англии. Распоряжение 8 ноября объединило все либеральные и радикальные элементы Лондона. Чтобы протестовать против него, радикальные ассоциации Лондона решили в первое же воскресенье 13 ноября устроить на Трафальгарской площади митинг негодования по поводу заключения в тюрьму ирландского политического деятеля О'Бриена.

Этот митинг был настоящим сражением, данным многотысячной лондонской толпой полиции и войскам. Уже с раннего утра Трафальгарская площадь была занята полицией. Сплошная цепь констеблей (их было более 2-х тысяч) непрерывной темной линией окружала площадь. В соседних улицах двигались отряды конной полиции. Поблизости было помещено наготове несколько эскадронов конной гвардии и несколько рот пешей. Все это не испугало, однако, демонстрантов. После полудня улицы, прилегавшие к площади, стали наполняться народом. Из предместий Лондона прибывали все новые и новые процессии с знаменами, и к трем часам густая толпа заполнила все окрестные улицы. Началась ожесточенная схватка с полицией.

Толпа нападала на полицейских с палками, железными перекладинами, камнями, даже ножами. Полицейские защищались палками (оружия пешие констебли в Англии не носят). Конных полицейских стаскивали с лошадей. Несколько сот демонстрантов с Бёрнсом и Кеннингамом Грэггом во главе сделали отчаянную попытку прорваться к колонне Нельсона, но безуспешно. Во всех прилегающих улицах шла рукопашная свалка, во время которой пострадали многие полицейские, а еще более демонстранты. Полиция повсюду одержала верх, и Трафальгарская площадь продолжала оставаться недоступным пустынным островом среди бушующего моря человеческой толпы.

Так дело продолжалось до 4-х часов. Толпа не могла пробиться к колонне Нельсона, но все росла, не расходилась и продолжала бесшумные атаки на полицию. Приближался вечер—положение становилось серьезнее, так как с наступлением темноты охранять площадь стало бы труднее. Требовались подкрепления. Королевская гвардия, конная и пешая, выступила из казарм и стала очищать улицы. Пешие солдаты двигались с примкнутыми штыками и ружьями на-перевес. Войска сопровождали гражданские власти с тем, чтобы в случае нужды прочитать акт о восстании и пустить в ход огнестрельное оружие. До этого, однако, дело не дошло. Войскам и полиции удалось очистить улицы, и Трафальгарская площадь осталась в руках полиции.

¹⁾ Times 4 ноября 1887 г.

На другой день консервативные газеты поздравляли правительство и Варрена с одержанной победой. „Благодаря принятым сэром Чарльзом Варреном образцовым мерам,—писала Times в передовой статье,— а также искусству и энергии, с какими эти меры были приведены в исполнение его подчиненными, решительное покушение предать столу власти толпы негодяев было совершенно разбито... Кто видел вчерашнюю борьбу, может лучше всего оценить услугу, оказанную сэром Чарльзом Варреном... и огромность бедствия в случае другого исхода этой борьбы. Эти дикие толпы воодушевлял не энтузиазм к праву свободной речи, не убеждение в невинности О'Бриена, не какое-либо серьезное убеждение или честное намерение вообще. Это была просто жажда беспорядка, надежда на грабеж и восстание грубой животной силы против господства закона... Разрушение заранее подготовленного плана уничтожить необходимейшие основы порядка и терроризовать Лондон предоставлением его улиц в руки преступных классов—вот что достигнуто вчера сэром Чарльзом Варреном“¹⁾.

„Кровавое воскресенье“, как его назвала Justice, было решительной победой правительства. Попытки устройства сборищ на Трафальгарской площади повторялись и в следующие дни, но настолько слабые, что полиция без всякого труда их подавляла. Красные и черные флаги перестали наводить ужас на лондонских жителей.

Об отношении достаточных классов к событиям 13 ноября можно судить по тому, что в течение следующих нескольких дней более 3.500 добровольцев предложило исполнять в случае нужды обязанности констеблей и принесло в этом присягу. По словам Times, эти констебли-добровольцы принадлежали преимущественно к среднему и высшему классу. Даже лорды считали долгом предложить свои услуги в качестве добровольных полицейских. Надобности в этих услугах однако не оказалось.

В течение всей зимы 1887—88 г.г. безработица в Лондоне была очень сильна. Но агитация в пользу безработных заметно притихла — генеральное сражение было проиграно на Трафальгарской площади.

Лондонские безработные продолжали устраивать в разных местах митинги, но уже далеко не такие грандиозные, как в октябре и ноябре. Общественное мнение мало интересовалось этими митингами, после того, как 13 ноября была вполне доказана возможность справиться со всяким движением безработных. Наступление промышленного оживления с весны 1888 года сняло с очереди вопрос о безработных, принявший на некоторое время такой тревожный характер для Англии.

Безработица 80-х годов имела огромное значение в развитии английских общественных отношений. Целый ряд парламентских комиссий предпринял изучение столь ярко обнаружившейся народной нужды. Особенное значение среди этих комиссий имела комиссия палаты лордов по вопросу о распространении так называемой свитинг-системы (sweating system—буквально: система вышибания пота)—крайней эксплуатации труда во многих отраслях промышленности, где работа производится на дому. Комиссия эта обнаружила поразительные и прямо невероятные факты угнетения рабочего—совершенно нищенской заработной платы и крайней продолжительности рабочего дня. Частные исследователи также обратились к вопросу народной нужды. Наиболь-

¹⁾ The Times 14 Nov. 1887.

шее значение среди этих исследований имела, как справедливо замечают С. и Б. Вебб, беспримерная в летописях науки работа богатого лондонского купца Чарльза Бутса по описанию условий жизни лондонского населения,—работа, о которой мне еще придется говорить ниже.

„Все эти исследования дали огромный толчок к социальным реформам. В большинстве случаев они были предприняты в ожидании, что серьезное и научное изучение обнаружит исключительный характер грустных явлений, на которые указывали филантропы и о которых кричали агитаторы. Но, к истинному изумлению как экономистов, так и вождей трэд-юнионистов, оказалось, что ужасные картины авторов сенсационных книг в общем вполне подтвердились статистическим изучением. Случаи незащищенной нищеты оказались не исключениями среди общего умеренного довольства, но типичными образчиками среднего уровня существования больших масс населения“¹⁾. Оптимистический либерализм, царивший в 60-х и 70-х годах не только в английском обществе, но и среди вождей рабочих, уступил место совершенно иному социальному мировоззрению. Бернс, Том Мэнн, Тиллетт—самые яркие фигуры рабочих вождей, выдвинувшихся в это время, были проникнуты новым духом и направили английское рабочее движение по новому пути. Так называемый новый трэд-юнионизм явился выражением этого нового пути, а резолюции конгрессов рабочих союзов в пользу 8-часового рабочего дня, обобществления средств производства и пр. были выражением этого нового духа.

Возобновление безработицы в 1892 г. повело к возобновлению движений безработных, хотя, несомненно, в более слабых размерах. С осени 1892 г. митинги безработных в Тоуэр-Гилле (Tower-Hill—одна из лондонских площадей) происходили почти ежедневно. На митингах этих собирались сотни, иногда тысячи народа; по окончании митингов толпа устраивала процессии с красными флагами впереди. Процессии эти нередко приводили к столкновениям с полицией.

13 ноября 1892 г., в пятую годовщину „Кровавого воскресенья“, рабочие организации Лондона устроили на Трафальгарской площади колоссальный митинг безработных, собравший несколько десятков тысяч человек. Правительство Гладстона не препятствовало этому митингу. Митинг принял две резолюции: первая приветствовала завоевание лондонскими гражданами „права публичных митингов на их историческом форуме“; вторая гласила, что в „виду того, что число безработных в Лондоне и Соединенном Королевстве ежедневно увеличивается и грозит стать беспримерным в течение этой зимы, в виду того, далее, что повсюду требуются общественные работы, митинг обращается с предложением к правительству и общественным учреждениям устроить такие работы и таким образом доставить занятие тем, кто не имеет занятий не по своей вине, а как неизбежный результат несправедливого законодательства и существующей капиталистической системы“²⁾.

Под непосредственным влиянием этой агитации правительство разослало 14 ноября циркулярное предложение органам местного управления следующего содержания: „Из сведений, полученных министерством местного управления, явствует, что в настоящее время в раз-

¹⁾ S. u. B. Webb. Die Geschichte des Britischen Trade-Unionismus. Стр. 324.

²⁾ The Times 14 Nov. 1892.

личных местностях страны замечается значительная нужда вследствие недостаточности занятий, и представляется вероятным, что в течение предстоящей зимы это положение дел делается более общим и более тяжелым... Министерство убеждено, что в рядах тех, кто обыкновенно не ищет помощи прихода, есть лица, испытывающие тяжелые лишения, и, если застой торговли будет продолжаться, есть полное основание опасаться, что весьма многие лица, обыкновенно имеющие постоянные занятия, будут доведены до крайнего положения. Чувство независимости, которое побуждает столько рабочих идти на всевозможные жертвы, скорее, чем подвергнуться позору пауперизма, заслуживает величайшей симпатии и уважения, и в интересах всего общества—поддерживать это чувство всеми возможными средствами“.

В виду этого министерство предложило органам местного управления организовать для помощи нуждающимся общественные работы в роде мощения и прокладки новых улиц, устройство водопроводов и пр.

Циркуляр 14 ноября повел к тому, что в 96 местах муниципальные власти устроили общественные работы. В наиболее обширных размерах работы были организованы в Лондоне,—но и здесь они доставили занятия не более, чем нескольким тысячам рабочих. Всего же было занято этими работами в 77 важнейших пунктах Англии 26.875 рабочих¹⁾.

В общем, муниципальные общественные работы 1892—93 г. г. отнюдь не оказались удачным экспериментом. По словам авторов „Report on Agencies and Methods for Dealing with the Unemployed“ (1893 г.), „заклучения, которые можно вывести из экспериментов многих местных властей в течение прошлой зимы, вполне отрицательного характера“.

„Специфическая опасность, грозящая успеху временных муниципальных работ, заключается в том, что к этим работам не удастся привлечь тот класс безработных, безработица которого имеет лишь временный характер, и в то же время работы эти вряд ли могут быть организованы так, чтобы доставить постоянную работу хронически не имеющим занятия“²⁾.

Митинги безработных продолжались в течение всей зимы 1892—93 и 1893—1894 г. г. В палате общин один из немногих рабочих представителей парламента—Кэр-Гарди—неоднократно возбуждал вопрос о помощи безработным, но без всякого практического результата. Как средство борьбы с безработицей, Гарди указывал на введение 8-часового рабочего дня и расширение всякого рода общественных работ.

Зима 1893—94 г. г. была ознаменована на европейском континенте настоящей эпидемией анархических покушений. Эпидемия эта находилась в непосредственной связи с безработицей. В Англии агитация анархистов также значительно усилилась; митинги безработных нередко заканчивались свалками с анархистами. Обычная фразеология ораторов на этих митингах была такого свойства, что иногда вызывала запросы в парламенте со стороны консервативных депутатов, удивлявшихся, как допускает правительство, чтобы ораторы публично призывали толпу к грабежу, поджогам или даже убийству богатых людей; но, разумеется, все это серьезного значения не имело и указывало лишь на возбужденное настроение рабочей массы. Безработица не может не вы-

¹⁾ Third Report on Distress from Want of Employment, покар. Llewellyn Smith on the Unemployed. Q. 4723.

²⁾ Report on the Unemployed. Стр. 236—37.

зывать такого настроения, и Бернард Шоу, конечно, имел основание заявить в своем очерке деятельности фабианского общества: „инсургционизм с такой же несомненностью вновь появится при ближайшем промышленном застое, как солнце взойдет завтра утром“¹⁾.

Гораздо важнее всего этого были колоссальные стачки 1892—93 г.г., среди которых стачка углекопов центральных графств была беспримерной по числу лиц, прекративших работу. Более 300 тысяч углекопов забастовало, не желая согласиться на понижение заработной платы, предлагавшееся хозяевами. Так как каменный уголь—необходимый материал для целого ряда других производств, то рассчитывали, что забастовка углекопов вызвала прекращение работы, в общем, почти миллиона рабочих. Стачка эта имеет историческое значение не только по своим размерам. Во время ее впервые был выставлен общирными массами рабочих новый принцип—принцип living wages—заработной платы, необходимой для жизни. Хозяева настаивали на понижении заработной платы в виду понижения цены угля. Рабочие не отрицали последнего, но утверждали, что, как бы ни была низка цена продукта и как бы ни были ничтожны барыши хозяев, заработная плата должна быть не ниже того, что требуется для существования, достойного человека. Стачка кончилась компромиссом.

Угнетенное состояние торговли продолжалось вплоть до 1895 г. Начало 1895 г. было даже отмечено внезапным усилением безработицы под влиянием совершенно особой причины—жестоких морозов, наступивших в Англии в конце января. Морозы эти почти повсеместно прекратили все работы, совершавшиеся под открытым небом, и лишили занятий множество рабочих.

Около этого времени совет рабочих союзов в Лондоне произвел с помощью „Независимой рабочей партии“ (возникшей в период безработицы 90-х годов—в 1893 г.) очень интересную перепись безработных в Вест-Гаме (одном из лондонских кварталов). Перепись была закончена к 20 января 1895 г. Оказалось, что в Вест-Гаме, при населении приблизительно около 250 тыс., безработных было 10.140 чел., в том числе около 1.000 женщины. Рабочих-мужчин, имеющих постоянные занятия, в Вест-Гаме значилось 28.383, имеющих временное, случайное занятие—6.176. Таким образом безработные составляли более 20% мужского рабочего населения. Из числа 9.000 незанятых рабочих около 2 тысяч было искусных рабочих—механиков, котельщиков, кораблестроителей, матросов и пр.²⁾

В течение зимы 1894—95 г.г. в важнейших городах Англии были организованы общественные работы для неимеющих заработка. Частные комитеты помощи также действовали во многих пунктах и помогали безработным в большинстве случаев путем раздачи пищи, предметов одежды, топлива и т. п. Нужно иметь в виду, что хотя в 1894—95 г.г. безработица была далеко не так значительна, как зимой 1892—93 г.г., но это была уже третья зима со времени начала безработицы. Средства рабочих истощились, и потому нужда стала сильнее, хотя состояние рабочего рынка было более благоприятно.

¹⁾ Bernard Shaw. The Fabian Society: What it has done. London. 1892. Стр. 10.

²⁾ First Report from the Select Committel on Distress from Want of Employment. 1895. Показ. Percy Alden и Keir Hardy.

В начале 1895 г. в Ливерпуле, по показанию секретаря местного союза доковых рабочих, было около 18 тысяч безработных, в Лидсе—около 8 тысяч, в Глазго тоже около 8 тысяч, в Бирмингеме депутация безработных насчитывала 15 тысяч безработных. Кэр Гарди утверждал, что во всем Соединенном Королевстве было около 1.750.000 безработных, кроме пауперов; но, разумеется, подобные утверждения, основанные только на общем впечатлении, не могут претендовать на хотя бы отдаленную степень точности¹⁾.

В Ливерпуле митинги безработных были так же часты, как и в Лондоне, и точно так же имели бурный характер. Ораторы на этих митингах нередко держали речи в таком тоне, который не мог не приводить в нервное состояние ливерпульскую полицию. Дело доходило до рукопашных схваток, и ливерпульская полиция, подобно лондонской в 1887 г., запретила устраивать митинги на площади рядом с зданием биржи.

13 февраля Гарди удалось настоять на том, чтобы парламент назначил комиссию для исследования причин нужды от недостатка занятий и средств борьбы с безработицей. Но парламент отказался назначить короткий срок для представления отчета комиссии, как этого требовал Гарди. Как и следовало ожидать, комиссия представила свои отчеты только тогда, когда нужда уже кончилась. Последний отчет был представлен другой комиссией, выбранной новым парламентом в 1896 г., когда английская промышленность уже решительно вступила в фазис оживления.

Тяжелая безработица, охватившая четыре первые года (1901—04) нового столетия, вызвала необходимость в обычных мерах помощи безработным из общественных средств. В конце 1904 г. Labour Department произвел анкету о степени нужды вследствие безработицы в важнейших британских городах. Оказалось, что в большей части округов Лондона нужда вследствие безработицы имела исключительный характер, так же, как и в большинстве подвергнутых обследованию провинциальных городов. В этих городах были организованы особые общественные работы по помощи безработным. Такие же работы были организованы в широких размерах и в Лондоне. Лорд-мэр Лондона открыл подписку в пользу безработных.

В декабре 1904 г. в Лондоне был образован Central Committee of the London Unemployed Fund. Комитет этот организовал помощь значительному числу безработных при поддержке Армии Спасения (Salvation Army). Всего получило помощь от комитета 3.496 рабочих, из которых большая часть (1.908) были чернорабочими, а 647 принадлежали к числу строительных рабочих.

В различных городах были произведены переписи безработных, при чем процент безработных в конце 1904 г. оказался во многих случаях чрезвычайно высоким, доходя до $\frac{1}{5}$ и выше местных рабочих.

Безработица 1904 г., в связи с вызванным ею недовольством рабочих масс, повела к изданию очень важного закона 1905 г. о помощи безработным. Закон этот разрешил министерству местного управления учреждение в Лондоне и провинциальных городах особых Distress Committees с очень широкими полномочиями для помощи безработным.

¹⁾ См. показание Keir Hardy и также Appendix № 5 в First Report on Distress from Want of Employment.

Средства этих комитетов должны были пополняться частью из общих средств органов местного управления, частью из добровольных пожертвований.

Комитеты эти оказались весьма жизнеспособными и деятельными учреждениями. Следующая безработица 1908—09 г.г. вызвала со стороны безработных усиленные обращения к этим комитетам. За 1908—09 г.г. (кончая 31 марта) к комитетам было 196.757 обращений о помощи, что составляло 1,17% населения тех округов, где имелись комитеты. Число взрослых мужчин, обращавшихся к этим комитетам, достигло 4,1% мужского рабочего населения. Сравнительно с предшествовавшим годом число обращений возросло вдвое.

В числе обращавшихся за помощью 32% было чернорабочих, 30% строительных рабочих, 15% занято в транспортной промышленности, 7%—в машиностроительной, судостроительной и обработке металлов, 3%—в обработке дерева.

Работы были предложены 101.801 лицам, причем взяло работу 88.190 лиц. Общая их сумма заработка, полученного от комитетов, достигла в данном году 327.633 ф. с.

Кроме того, 1.139 лиц получили возможность при помощи комитетов эмигрировать из Англии.

Безработица 1908—09 г.г. принесла Англии важный закон о рабочих биржах (Labour Exchanges Act), разрешивший Board of Trade устройство и содержание таких бирж; в несомненной связи с этой безработицей было и издание целого ряда других социальных законов, поставивших Англию по смелости и широте своего социального законодательства во главе всего современного человечества (закон о регулировании заработной платы в домашней промышленности, страхование от болезней, несчастных случаев и безработицы). Завершением этого законодательства, но возникшим на другой основе, в период промышленного под'ема, явился великий закон 1912 г. о минимальной плате для углекопов, который знаменует собой новую эпоху в истории человечества и далеко оставляет за собой по своему историческому значению знаменитый билль 1847 г. о 10-часовом рабочем дне, в котором Маркс в свое время видел победу нового принципа.

ГЛАВА V.

Заключение.

Безработица, как необходимый спутник капитализма.—Колебания процента безработных членов рабочих союзов в разных отраслях труда.—Безработица в производствах по обработке металлов.—Сезонные и циклические колебания.—Почему циклические колебания всего сильнее в производстве средств производства.—Исчезает ли безработица по мере развития капитализма?—Рабочий резерв капитализма по исследованиям Бутса.—Безработица стариков.—Неспособность капитализма использовать все производительные силы общества.

Все это исследование имело своей целью доказать, что периодические кризисы являются неизбежным спутником капиталистического развития. Но кризисы—это своего рода *semper parati* капитализма. В кризисах,—говорит Энгельс,—„экономическая коллизия достигает своей высшей точки: способ производства вступает в столкновение со способами обмена, производительные силы вступают в столкновение со способом производства, который они переросли“¹⁾.

Застой промышленности выражается на рабочем рынке безработицей. Что же говорят факты относительно безработицы в Англии? Исчезает ли безработица по мере развития капитализма или нет?

Безработица—явление в такой степени сложное, что оно решительно не поддается статистическому учету. Тем не менее, английские статистики нашли один довольно точный признак для определения не абсолютных размеров безработицы в стране, но изменения ее во времени. Этим признаком является процент безработных членов рабочих союзов, получающих пособие от союзов. Значение этого признака ослабляется тем, что далеко не все рабочие союзы выдают такие пособия и доставляют соответствующие сведения английскому департаменту труда. Сверх того, этот признак не дает никаких указаний относительно безработицы среди обширной массы неорганизованного труда.

Таблица и две диаграммы, помещенные на стр. 378—380, показывают для периодов 1887—1900 и 1900—1910 г.г. колебания английского экспорта и процента безработных членов рабочих союзов в некоторых отраслях промышленности, по данным департамента труда.

Правильные колебания выступают в этих диаграммах с полной очевидностью. Колебания процента безработных совершаются в обратном направлении сравнительно с колебаниями экспорта. Очевидно, эти колебания суть не что иное, как одно из проявлений промышленного цикла.

Остановимся на каждой из кривых безработицы. Кривые безработицы в тех отраслях промышленности, которые изготовляют средства производства, испытывают более значительные и более правильные колебания. Именно в колебаниях соответствующей кривой фазисы промышленного цикла выступают с наибольшей правильностью и резкостью. В двух других кривых колебания менее значительны.

¹⁾ Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 3. Aufl., стр. 297.

В период, следовавший за 1890 г., процент безработных в производстве машин, судов и обработке железа достигал 11. Во втором периоде процент этот достигал еще большей высоты.

Г О Д Ы.	Процент безработных членов рабочих союзов.			Вывоз Соединен. Королевства (млн. ф. с.).
	Машиностроение, судостроение и обработка железа.	Типографское дело и переплетное.	Строительная промышленность.	
1887	9,4	2,9	5,9	222
1888	6,0	2,4	5,5	235
1889	2,3	2,5	3,3	249
1890	2,2	2,2	2,2	264
1891	4,1	4,0	2,5	247
1892	7,7	4,3	3,0	227
1893	11,4	4,1	3,8	218
1894	11,2	5,6	4,1	216
1895	8,2	4,9	3,8	226
1896	4,2	4,3	1,8	240
1897	4,8	3,9	1,6	234
1898	4,0	3,7	1,3	233
1899	2,4	3,9	1,5	255
1900	2,6	4,2	2,6	291
1901	3,8	4,5	3,9	280
1902	5,5	4,6	4,0	283
1903	6,6	4,4	4,4	290
1904	8,4	4,7	7,3	300
1905	6,6	5,1	8,0	329
1906	4,1	4,5	6,9	375
1907	4,9	4,3	7,3	426
1908	12,5	5,5	11,6	377
1909	13,0	5,6	11,7	378
1910	6,8	4,9	8,3	430

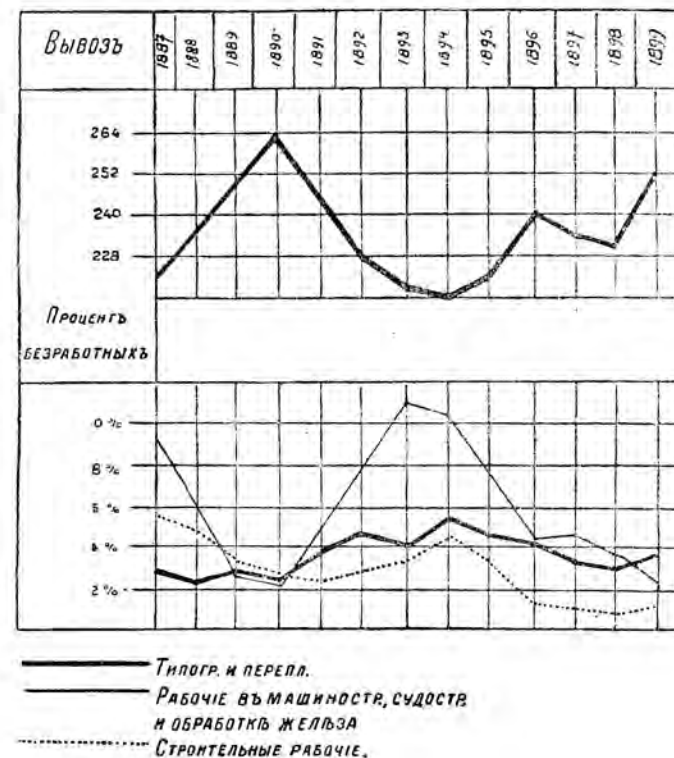
Если сравнивать изменение процента безработных за первое и второе десятилетие, то нельзя заметить никакого улучшения. Судя по проценту безработных, застой 1893—94 г.г. был даже значительнее, чем в 1887 г. Самая недавняя безработица—1908—1909 г.г. была еще сильнее. Достаточно сравнить диаграммы на стр. 379 и 380, чтобы убедиться, что об уменьшении безработицы в последнее время не может быть и речи.

Но, как я сказал, процент членов рабочих союзов, получающих пособие в качестве безработных, отнюдь не выражает собой действительного числа безработных в стране. Во-первых, далеко не все безработные члены рабочих союзов, выдающих такие пособия, имеют право на получение пособия. Так, согласно Report on the Unemployed, только 50% членов союза кораблестроителей имели право на получение этого пособия; из числа чугуноплавильщиков пользовались этим правом 88%; существуют и другие причины, почему действительное число безработных членов рабочих союзов значительно превышает число получающих пособие. Но главное в том, что к рабочим союзам принадлежит только незначительное меньшинство рабочих, а именно, по последним данным, к рабочим союзам принадлежит 21% рабочих-мужчин Соединенного

Королевства и 12% женщин. Если исключить земледельческих рабочих, то число рабочих-мужчин, принадлежащих к рабочим союзам, возрастет до 25%. Среди рудокопов около 36% рабочих принадлежат к союзам, среди рабочих текстильной промышленности—27%, и т. д.

Приведенные проценты безработных ничего не говорят о безработице среди огромной массы неорганизованного труда. Правда, машиностроение подвержено значительно более сильным колебаниям, чем другие отрасли труда, и если в машиностроительной промышленности

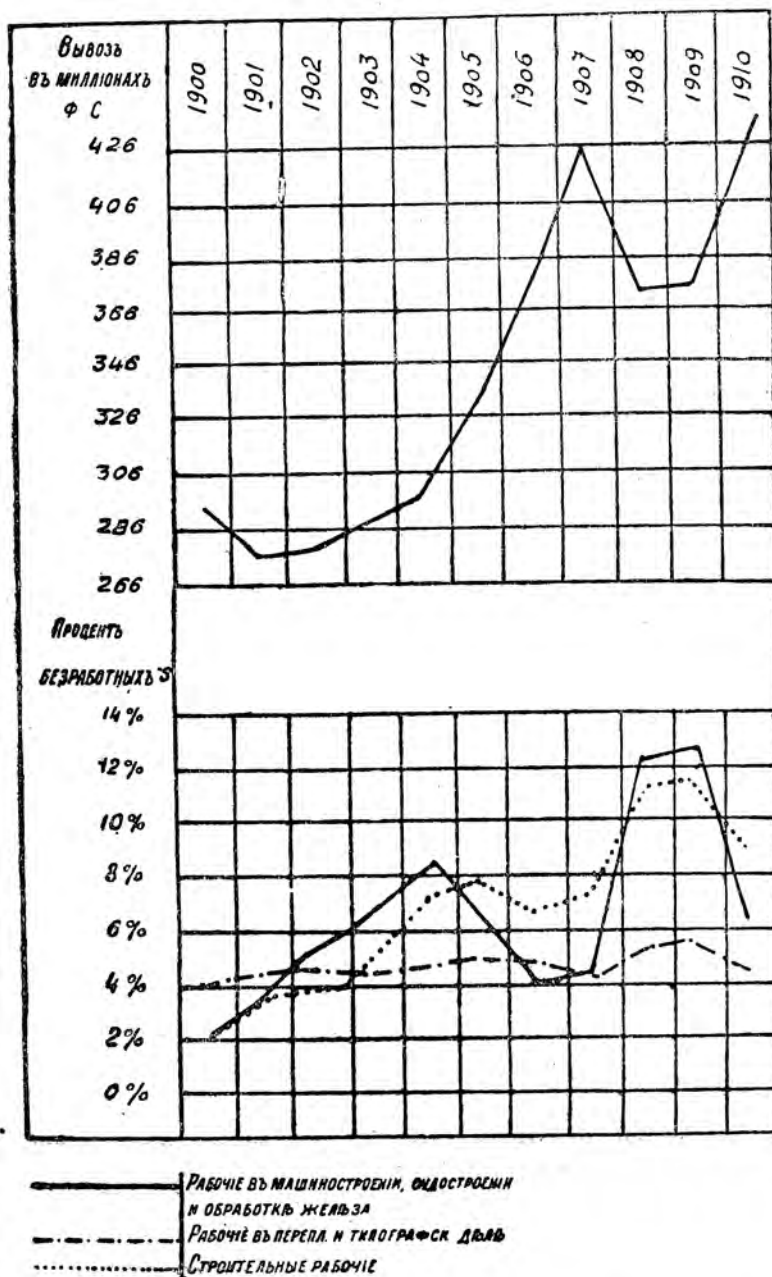
Диаграмма № 17.

процент безработных достигал в 1909 г. 13, то это еще не дает права заключить, что и в других отраслях труда процент безработных был столь же велик. Но, с другой стороны, не может быть сомнения, что среди неорганизованных рабочих безработица должна быть гораздо сильнее, чем среди организованных. В рабочих союзах участвуют лучшие рабочие, а безработица должна тяжелее всего обрушиваться на слабейших. Когда спрос на труд сокращается, то естественно, что раньше всего теряют занятие те, чей труд всего менее производителен. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что среди неорганизованных рабочих безработица должна быть гораздо сильнее, чем среди организованных, но насколько сильнее—для этого нет даже приблизительных данных.

Некоторым основанием для представления об истинных размерах безработицы могут служить приведенные в предыдущей главе данные

Диаграмма № 18.

переписей безработных в некоторых кварталах Лондона в 1887 и в 1894 г.г. Напомню, что по данным первой переписи 27% рабочих-мужчин было без работы, по данным второй переписи безработных было более 20%.

Судя по этим переписям, можно думать, что процент безработных среди промышленного населения в годы застоя достигает громадных размеров и далеко оставляет за собой те не очень высокие цифры, которые значатся в отчетах рабочих союзов.

Циклические колебания капиталистической промышленности, смена периодов промышленного подъема и упадка, имеют своей главной сферой отрасли промышленности, создающие средства производства, и прежде всего железодельное производство, равно как и различные отрасли промышленности по обработке железа и дерева. Затем идет каменно-угольное производство и вообще горнозаводское дело, строительная промышленность. Периодические колебания капиталистической промышленности охватывают собой преимущественно эти отрасли производства потому, что причины этих колебаний коренятся в области создания основного капитала страны.

Это разграничение производств, подверженных и не подверженных периодическим колебаниям, настолько важно, что оно положено в основу недавно ставшего в Англии законом билля Ллойда Джорджа относительно страхования от безработицы. Согласно этому закону, обязательному страхованию от безработицы подвергаются рабочие в следующих отраслях труда: строительной промышленности, железодельной, по производству разного рода общественных сооружений (железные дороги, каналы и т. п.), постройке судов, механической и машиностроительной промышленности и изготовлении средств передвижения. Причины, почему именно эти роды труда были выделены биллем среди всех остальных, были следующим образом объяснены правительством при обсуждении билля в парламенте: „В этих отраслях труда,—сказал Бекстон, министр торговли, поддерживавший билль от имени правительства,—колебания спроса на труд являются наиболее сильными, и в то же время эти отрасли труда наиболее чувствительно отражают смену промышленного подъема и упадка“.

Эти данные являются, на мой взгляд, убедительным статистическим доказательством правильности той теории кризисов, которая изложена в этой книге. Если припомнит читатель, согласно этой теории периодические кризисы вызывается периодической сменой расширения и сокращения производства основного капитала капиталистического хозяйства. Если эта теория верна, то наибольшие циклические колебания должны были бы наблюдаться в том, что Бэдждот называл *instrumental trades* (производство машин и орудий труда), а также в добыче каменного угля, являющегося топливом для машин. Именно это мы и наблюдаем в действительности.

Если изложенные в этой книге соображения о причинах кризисов в капиталистическом хозяйстве справедливы, то ничего не может быть ошибочнее мнения, выразившегося некоторыми писателями (напр., Бернштейном), что новейшее развитие капитализма устранило опасность периодического наступления кризисов. Правда, кризисы прежнего типа, по указанным мною выше причинам, в Англии прекратились. Прежние кризисы уподоблялись урагану, быстро пронесившемуся по стране, уничтожавшему все на своем пути, но так же быстро и исчезающему. Теперь кризис есть не острый припадок болезни, а болезнь упорная, продолжительная и затяжная; так, например, мировой кризис 1857 г. был настоящей экономической катастрофой, в короткое время расстроившей и почти приостановившей торговую деятельность всего капиталистического мира. Все, казалось, рухнуло и превратилось в развалины.

Но уже через год следы кризиса почти совершенно изгладились, и промышленность была оживленнее, чем прежде. Поэтому неудивительно, что старые теоретики кризисов (правда, из числа апологетов капиталистического строя, в роде Ж. Б. Сэ) сравнивали кризисы со спасительной грозой, которая ломает деревья, но очищает атмосферу и оживляет поля. Но к современным кризисам даже самый закоренелый оптимист всегда готовый ликовать и слагать гимны существующему, конечно, не применить подобной характеристики. В Англии не было никакой катастрофы в начале 80-х годов, и, однако, в течение, по крайней мере, четырех лет промышленность была в самом тяжелом застое. Точно так же в 1890 г. крах Бэринга не вызвал всеобщего потрясения английского кредита, — и тем не менее промышленный застой растянулся также на 3—4 года. Биржевая паника и банкротства обрушиваются на предпринимателей и имущие классы; от промышленного застоя тяжелее всего страдают рабочие. Поэтому можно сказать, что различие между современными и кризисами 50-х и 60-х годов не в пользу кризисов нового типа.

Многие думают, что кризисы могут быть прекращены дальнейшим ростом разного рода предпринимательских союзов — картелей, синдикатов, трестов, стремящихся прямо или косвенно регулировать национальное производство. Я отнюдь не склонен умалять значение такого рода союзов; распространение их является, в моих глазах, самым характерным показателем банкротства в современной хозяйственной жизни принципа свободной конкуренции и необходимости планомерной организации национального производства. Картели представляют собой огромный шаг вперед капиталистического хозяйства по пути концентрации производства. Но все же я считаю совершенно невероятным, чтобы картели устранили периодические приливы и отливы капиталистической промышленности. Картель может ввести планомерную организацию в отдельную отрасль промышленности, но взаимные отношения таких организованных производств остаются такими же неорганизованными и непланомерными, как и раньше. Картели отнюдь не мешают тому, что железнодорожная сеть и теперь, как и раньше, расширяется толчками, что новый основной капитал создается не постепенно из года в год, а периодически. Весь механизм периодической смены оживления и застоя капиталистической промышленности, как я его понимаю и как я его обрисовал в этой книге, почти не затрагивается картелями. Единственное, на что могут влиять картели, это — на резкость переходов от оживления к застою. Картели могут бороться с падением товарных цен путем планомерного сокращения производства, но ведь сокращение производства равносильно потере заработка рабочими. Сокращение производства и есть то зло, с которым нужно бороться; против этого зла картели бессильны. Значение картелей для предпринимателей в том именно и заключается, что они перекладывают тяжесть промышленного застоя с предпринимателей на рабочую массу, удачно охраняя интересы предпринимателей регулированием цены продуктов, от которой зависит барыш капиталиста. Только в том случае картели могли бы устроить колебания капиталистического развития, если бы они организовывали не только отдельные отрасли промышленности, но и накопление всего общественного капитала и планомерное размещение его по разным отраслям производства, и притом не в отдельных странах, а во всем мировом капиталистическом хозяйстве в совокупности. Но подобная задача, конечно, не под силу картелям.

Уменьшается ли безработица в новейшем фазисе развития английского хозяйства? Статистическим путем ответить на это нельзя, но многое заставляет предполагать противное.

Некоторые тщательные исследователи английской хозяйственной жизни склоняются именно к последнему мнению. Так, Гобсон прямо заявлял: „общее состояние рабочего рынка в Англии характеризуется увеличением колебаний, и непроизводительная растрата рабочей силы в настоящее время больше, чем 50 лет тому назад“¹⁾. Чарльз Бутс заявил перед парламентской комиссией, исследовавшей безработицу в 1895 г., что, по его мнению, „улучшенная организация промышленности бесспорно стремится к большей регулярности заработка... Но этим путем она будет, я думаю, действовать непосредственно против безработных. Она создает большее число безработных, она благоприятствует лучшим рабочим... Чем большая часть работы выполняется регулярно, тем меньшая остается на долю тех, кто работает нерегулярно. Это-то и должно ухудшить положение чисто случайных рабочих... До стачки докеров управление доков считало весьма выгодным, чтобы на доковую работу было значительное число соискателей. Со времени стачки это изменилось, и председатель соединенного комитета доков м-р Гюббард употребляет все старания уменьшить число случайных рабочих. Он постоянно старается увеличить работу, достоящуюся на долю регулярных рабочих. Результатом этого является, очевидно, то, что работы, остающейся для нерегулярных рабочих, становится все меньше и меньше, и я думаю, что это обстоятельство есть одна из причин нужды, господствующей в восточном Лондоне“²⁾.

В подобном же смысле высказался и начальник департамента труда в Англии Ллевеллин Смит, один из лучших знатоков социальных отношений Англии. „Я уверен, — сказал он, — что в общем большинство шагов по направлению к более стройной организации промышленности стремится более точно отделить занятых от безработных, т. е. концентрировать безработицу, если позволительно так выразиться, на меньшем числе лиц, которые, однако, не имеют работы в течение более продолжительного периода“. Из дальнейших показаний Смита выяснилось, что тенденция новейшего времени, по его мнению, заключается в том, что вся тяжесть безработицы в возрастающей степени ложится на менее искусных рабочих. Происходит своего рода естественный подбор. „Более стройная организация, — говорит Смит, — имеет тенденцию делать работу более полной для людей сильных и ухудшать положение людей, ниже стоящих“³⁾.

По мере роста конкуренции, жизнь становится все труднее и труднее; все раньше и раньше человеческая рабочая сила снашивается и перестает приниматься рабочим рынком. По словам Гобсона, „во многих отраслях труда, например, в горном промысле, среди матросов, мюльщиков, рабочих по обработке металлов, машиностроению, для человека в 45 или 50 лет практически невозможно найти обеспеченную работу. Несмотря на все усилия сохранить внешний вид нестарого человека, такой рабочий чувствует, что работа ускользает из его рук: его ловкость и опытность не могут спасти его от соперничества молодого поколения, обгоняющего его в быстроте работы и мускульной энергии. Нередко принимается, что 20 или 25 лет — период наибольшего развития сил мужчины и женщины — составляют вполне доста-

¹⁾ Hobson. The Problem of the Unemployed, стр. 35.

²⁾ Third Report on Distress from Want of Employment. Док. Charles Booth.

³⁾ Там же, показ. Llewellyn Smith.

точное время для приложения рабочей силы человека на пользу общества. При нынешних условиях раннее принудительное удаление от работы не для почтенного и полного комфорта отдохновения, но для нищенской и унижительной борьбы из-за ничтожных и случайных средств существования, которое становится все менее обеспеченным по мере того, как увеличивается старость,—это раннее удаление от работы является одной из самых потрясающих форм проблемы безработицы¹⁾.

И эта безработица не только не сокращается, но усиливается в новейшее время. Вот что говорит по этому вопросу, без сомнения, наиболее компетентный человек, Чарльз Бутс: „В крупных промышленных центрах старые люди теперь, несомненно, находятся в худшем положении, чем 20 лет тому назад... Старые люди страдают от возрастающей трудности найти занятие. Те же условия, которые улучшили положение молодых, действуют против старых. Дети во многих случаях имеют большую возможность помогать родителям, но часто, как можно опасаться, обнаруживают к этому меньше охоты“. Интересно, что, по словам Бутса, „в деле занятия людей старого возраста деревня поставлена лучше, чем город, и женщины лучше, чем мужчины... В деревне старики сохраняют свою силу дольше и, даже будучи слабыми и хилыми, все-таки могут исполнять кое-какие земледельческие работы. В городе они не только раньше стареют, но еще раньше признаются неспособными к работе... Рабочий период в деревне на 10 лет длиннее, чем в городе“²⁾.

Итак, безработица в разнообразных формах—временная и случайная безработица в зависимости от состояния рабочего рынка, более продолжительная безработица, тянущаяся целые годы, в зависимости от фазисов промышленного цикла, безработица людей, перешедших зрелый возраст, и стариков,—все эти формы безработицы представляют собой специфическую черту капиталистического строя, присущую ему, как определенному историческому типу хозяйства. Существуют ли средства борьбы с безработицей? Может ли капитализм, оставаясь самим собой, т.-е. способом производства, основанным на руководительстве хозяйственным процессом индивидуальными предпринимателями, работающими при помощи наемных рабочих, избавиться от промышленного цикла—периодической смены приливов и отливов промышленности, от хронического резерва безработных, от безработицы стареющих работников и пр.? И теория и опыт говорят обратное. Опыт указывает, что безработица отнюдь не сокращается по мере развития капитализма и даже принимает, в некоторых отношениях, более тягостные формы.

Правда, существуют средства борьбы не с безработицей, но с нуждой, создаваемой безработицей. Достаточно указать на закон Ллойда Джорджа относительно страхования от безработицы. Но как ограничена сфера действия этих средств! Государственное страхование от безработицы, во-первых, бессильно сделать что-либо против главной причины зла—самой безработицы, во-вторых, не может доставить широкой помощи безработным без огромного увеличения налогов. В своей основе безработица, с ее периодическими колебаниями в зависимости от фазисов промышленного цикла, оказывается, таким образом, такой же неизбежной особенностью капиталистической системы хозяйства, как и свойственный ей промышленный цикл.

¹⁾ The Unemployed, 16. На это раньше Гобсона указывал Бутс и многие другие. См. Geoffrey Drage. The problem of the Aged Poor. Стр. 43—44.

²⁾ The Aged Poor. Стр. 331, 332, 321.